

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2017 № 5

ЛФ
литературный
факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2017. No. 5

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2017. № 5

16+

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Анна Викторовна Журбина (ответственный секретарь)
Армен Варужанович Геворкян (редактор)
Елена Валерьевна Глухова (редактор)
Александр Дмитриевич Ивинский (редактор)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лоцилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Прокурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна
и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Москов-
ская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Са' Фоскари (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Рурский университет (Бохум, Германия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, 2017. – No 5. – 440 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Anna Zhurbina (Executive Editor)
Armen Gevorkyan (Editor)
Elena Glukhova (Editor)
Alexander Ivinsky (Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Arzamas Philiation of Lobachevsky University of Nizhny
Novgorod (Arzamas / Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies at the University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, Publishing House "The New Literary Observer" (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, A.N. Kosygin Russian State University of Design
and Technology (Moscow / Tver', Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social
and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander F. Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schrubka, Ruhr University (Bochum, Germany)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н.А. Богомолов. Неизданные стихи из архива Анатолия Фиолетова 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

А.Л. Соболев. Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы (продолжение) 34

БИОГРАФИКА

А.Ю. Балакин. Иван Гончаров — учитель цесаревича Николая Александровича (По новым материалам) 95

А.В. Бакунцев. Студенческие годы А. Ветлугина (1914–1918) 108

А.В. Валюженич. Вокруг Маяковского. Инженерица Муся Натансон и другие 125

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

К.Ю. Лаппо-Данилевский. «Анакреонтические песни» Г.Р. Державина и традиция русской анакреонтической оды XVIII века 155

К.Ю. Зубков, А.С. Перникова. Неизвестный отзыв П.В. Анненкова о комедии А.А. Потехина «Отрезанный ломоть» 186

Ю.А. Рыкунина. Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» 207

А.М. Конечный. Какую арлекинаду видел Александр Бенуа в площадном балаганном театре? 225

И.З. Белобровцева. Об одном некрологе Александру Блоку 236

С.Н. Морозов. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) 248

Л.Ф. Кацис. Заметки об источниках и составных частях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 266

ИЗ ИСТОРИИ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

А.Ю. Галушкин, *М.А. Фролов.* Слишком «Новое о Маяковском» 288
Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР
24 февраля 1959 г.

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В.Э. Молодяков. Как издавался «Петербург» А. Белого (По документам из архива Л.К. Долгополова) 373

ФОРУМ

И.А. Виноградов. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») 416

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

В.А. Воропаев. Новое о Гоголе: источниковедческий обзор 427

Contents

FROM THE LITERARY HERITAGE

Nikolay Bogomolov. Unpublished Poems from Anatoly Fioletov's Heritage 8

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Alexander Sobolev. From the Memories by S. Kara-Murza. [2] 34

BIOGRAFICA

Alexey Balakin. Ivan Goncharov as a Teacher of Nikolay Aleksandrovich, the Crown Prince of Russian Empire. (New materials) 95

Anton Bakuntsev. Student Years of A. Vetluguin, 1914–1918 108

Anatoly Valiuzhenich. On Mayakovsky's Circle: "Engineeress" Musia Natanson and Others 125

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Konstantin Lappo-Danilevsky. "Anacreontic Songs" by G.R. Derzhavin and the Eighteenth Century Russian Anacreontic Ode 155

Kirill Zubkov, Anastasia Pernikova. P.V. Annenkov's Unknown Criticism of the Comedy "Otrezanny Lomot' (Self-Sufficient Person)" by A.A. Potekhin 186

Yulia Rykunina. Vladimir Gippius on Acmeists: "Masters and Disciples" 207

Albin Konechny. What Was the Harlequinade Alexander Benoit Watched in a Slapstick Comedy? 225

Irina Belobrov'tseva. About one obituary on the death of Aleksandr Blok 236

Sergey Morozov. The history of the preparation of the collected works of I.A. Bunin in the publishing house "Petropolis" (Based on correspondence) 248

Leonid Katsis. Notes on sources and components the novel M.A. Bulgakov "Master and Margarita" 266

ON THE HISTORY OF "LITERATURNOE NASLEDSTVO"

Alexander Galushkin, *Maxim Frolov*. It's All Too Much "New on Mayakovsky" 288
Transcript of the Meeting of the Bureau of the Literature and Language Department of the Soviet Academy of Sciences. February 24, 1959

ON THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

Vasili Molodiakov. The edition history of the Andrei Bely's "Petersburg" (Based on documents from the archive of Leonid Dolgopopolov)..... 373

FORUM

Igor' Vinogradov. The Most Patriotic Book of Our Literature: "Selected Passages from Correspondence with Friends" by Nikolay Gogol' 416

REVIEWS

Vladimir Voropayev. New about Gogol: A Source Study 427

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-8-33

УДК 821.161.1

Неизданные стихи из архива Анатолия Фиолетова

Н.А. Богомолов

Аннотация: Публикация посвящена творчеству одесского поэта Анатолия Васильевича Фиолетова, погибшего в юном возрасте и ставшего одной из легенд «южно-русской школы» отечественной литературы. В статье прослеживается история публикации наследия А.В. Фиолетова, судьба его архива. В приложении впервые публикуются стихи из архива А.В. Фиолетова, сохранившиеся в частном собрании.

Ключевые слова: А.В. Фиолетов, «южно-русская школа», Одесса, поэзия 1910-х, архивы.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Имя Анатолия Васильевича Фиолетова (Натана Беняминовича Шора, 1897–1918) вошло в легенды «южно-русской школы». Выходец из богатой семьи, он первым из всей этой группы сумел издать сборник, включавший 25 стихотворений. В год выхода книги ему исполнилось 17 лет. После этого он стал участником всех знаменитых одесских авангардистских поэтических альманахов, кроме первого («Шелковые фонари»)¹, немного публиковался в других изданиях. В 1917–1918 годах он был сотрудником одесского уголовного розыска и его застрелили бандиты. Несколько стихотворений было опубликовано посмертно, прошли вечера его памяти, но после того, как большинство авторов южно-русской школы разъехались по разным городам, печатно Фиолетова вспоминали все реже, хотя помнили многие. Прежде всего, конечно, родные: брат, который почти официально считается прототипом Остапа Бендера², и

¹ Подробнее о них см.: *Луцик С.З.* Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций. Одесса, 2004. Вып. 3. Ч. 1. С. 166–236.

² См.: *Лебедев Вадим.* Секретное досье Остапа // Совершенно секретно. 1998. № 9. С. 26–27. Вырезанная из газеты статья сохранилась в архиве, о котором далее пойдет речь. Осип (Остап) Шор (1899–1978) также был сотрудни-

единоутробная сестра Эльза Давидовна Рапопорт (1913–1998)³. Но хорошо помнили его и другие. Тон задавал В. Катаев, в романе которого «Алмазный мой венец» Фиолетов описан⁴. Вершиной второй волны воспоминаний стал выход в Одессе тиражом в 100 экземпляров сборника стихов Фиолетова⁵.

2017 год можно считать мощным началом третьей волны. Издательство «Salamandra P.V.V.», размещающее книги исключительно в интернете, пополнило свою серию «Библиотека авангарда» сборником стихов Анатолия Фиолетова «Деревянные фаготы», где вступительную статью и послесловие написала А.Л. Яворская, а составителем и автором комментариев выступил С. Шаргородский. В него вошли: сборник стихов «Зеленые Агаты», стихотворения из одесских альманахов (и харьковского сборника «Сад поэтов»), а также стихи, в эти издания не попавшие и опубликованные посмертно, то есть все, введенные до сих пор в оборот (см.: <https://salamandrapvv.wordpress.com/2017/09/01/a-фиолетов-деревянные-фаготы/>). Казалось бы, с выходом этого сборника работа над собиранием текстов Фиолетова и их распространение может считаться хотя бы относительно завершенной. Однако по ряду совпадений оказалось, что все не так. Довольно много произведений, не попавших в сборник «Деревянные фаготы», находится в моем распоряжении.

ком уголовного розыска, а затем вел довольно авантюрную жизнь, о которой и повествуется в статье.

³ Родственница Э.Д. Рапопорт (а следовательно, и А. Фиолетова) рассказывала: «13 октября 1997 года открылась ее персональная выставка в Музее кино. За шестьдесят лет работы художником по костюмам она участвовала в создании множества фильмов, среди которых такие известные, как “Два бойца”, “Дом, в котором я живу”, “Герой нашего времени”, “Доживем до понедельника”, “А зори здесь тихие”, но никогда она не думала о персональной выставке, статьях в газетах, просьбах об интервью. [...] Когда я с дочерью пришла к ней в конце 97 года, она с юмором рассказывала, что наибольший интерес в молодом поколении вызывает ее родство с Остапом и хранящийся у нее архив Анатолия Фиолетова. Во время этой встречи она больше говорила о “Толечке”, чем об Остапе» (*Камышиникова-Первухина Наталья. Остап // Слово/Word. 2009. № 64. См.: <http://magazines.russ.ru/slovo/2009/64/ka8.html>*). Кстати, эти же воспоминания ставят вечный вопрос о женском возрасте. Мемуаристка пишет, что Э.Д. покончила с собой «за несколько месяцев до девяностолетия» вскоре после закрытия выставки, т.е. в 1998 году, и значит — родилась в 1908 г., а не в 1913, как единодушно указывают все источники в интернете

⁴ Подробнее см.: *Котова М., Лекманов О., при участии Л. Видгофа. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004. С. 201–203.*

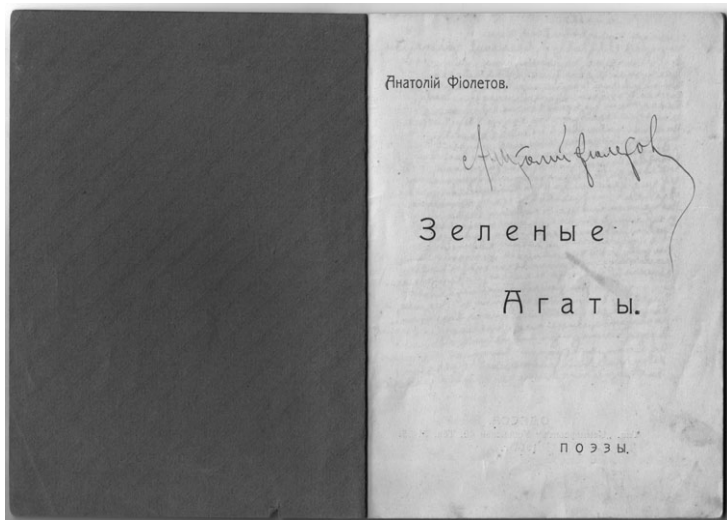
⁵ *Фиолетов А. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. Одесса: Друк, 2000.*

Натан Шор — гимназист. Фотостудия П.Б. Розвала, Одесса. На обороте надпись: На память от Натана тете Минне

Уже довольно давно работавшая некоторое время у нас на кафедре Генриетта Николаевна Гамалея, известный специалист в области телевидения, спросила, говорит ли мне что-нибудь имя Анатолия Фиолетова. Поскольку говорило, она предложила передать мне архив поэта. Я не являюсь коллекционером и потому решил не сразу, но она уверила меня, что ждет публикации тех материалов, которые того достойны. Через некоторое время у меня в руках оказалась небольшая красная папка для бумаг, с золоченой каемкой и оклеенная изнутри бумагой типа «павлиний хвост», которая в XVIII и начале XIX века часто использовалась для форзацев книг.

Генриетта Николаевна рассказала, что ей этот остаток архива незадолго до смерти передала Э.Д. Рапопорт. Больше всего в папке было современных материалов: вырванная из журнала «Новый мир» повесть В. Катаева «Алмазный мой венец», номер журнала «Даугава» с публикацией «Окайных дней», где Бунин упоминает Фиолетова, большая статья о брате Фиолетова О. Шоре, а также буклет Музея кино, выпущенный к выставке самой Э.Д. Рапопорт в октябре 1997 года, где вступительную статью написала Г.Н. Гамалея, а центральное место (помимо фотографий и рисунков) занимают воспоминания художницы. Но важнее всего, что архив сохранил документы 1914–1918 годов. Центральное место среди них занимает сборник Фиолетова «Зеленые Агаты: Поэзы» (Одесса: Издатель-

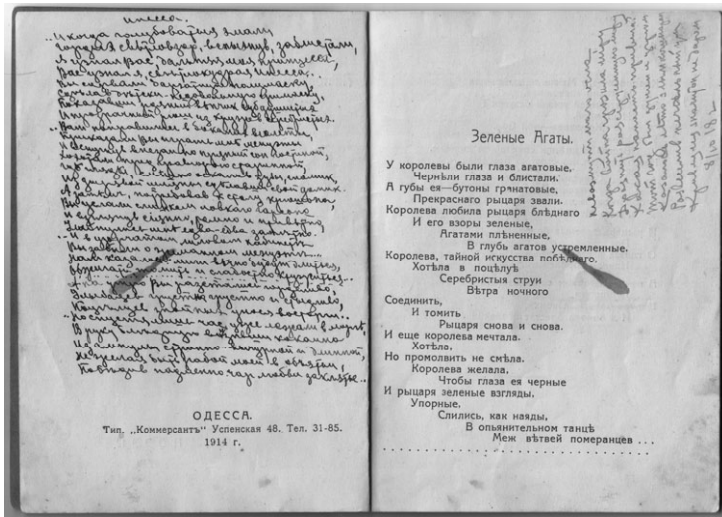

Титульный лист сборника «Зеленые Агаты» с подписью автора

ство С. Силвер, 1914)⁶ с владельческой подписью на титульном листе, правкой в тексте некоторых стихотворений и семью вписанными от руки стихотворениями, а также 20 разнокалиберных листов с его стихами, как известными, так и неизвестными. В дополнение к этому в папке находилось «Свидетельство» без какого бы то ни было текста, но с фотографией Фиолетова (точнее, Натана Шора), удостоверенной двумя печатями: «Народная милиция г. Одессы. Комиссар судебной милиции», фотографии (в основном переснятые) братьев Шор, а также вырезки из одесских газет и журналов с сообщениями о смерти поэта, хроникальной заметкой о вечере, где он принимал участие, и статьями его памяти⁷.

⁶ В лучшем на сегодняшний день библиографическом указателе русских поэтических книг издательство названо неточно и не указана цена: 30 копеек (см.: Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. С. 557).

⁷ В книге «Деревянные фаготы», о которой пойдет речь, почти все эти материалы републикованы А.Л. Яворской (иногда с сокращениями). Текст хроникальной заметки «Вечер поэтов» (Маленькие одесские новости. 1914. 17 июня) она использовала в статье, объявления о смерти Фиолетова от имени его жены З. Шишовой, одесских литературных организаций и родных полностью воспроизведены, как и заметка в хронике «Одесских новостей», статьи Ал. Соколовского «Памяти поэта Анатолия Фиолетова», автора, скрывшегося за криптонимом «С.», «О мальчике, который любил Андерсена» и «Памяти Анатолия Фиолетова» Б. Бобовича, отчет Стани (С. Радзинского) «Венок поэтов». Ссылка на недавнюю перепечатку статьи Ал. Иновина (К.Б. Бархина) дана в

Оборот титульного листа и первая страница «Зеленых Агатов»
со вписанными стихами

Было понятно, что эти материалы необходимо публиковать. Однако я не считал (и не считаю) себя специалистом по истории Одессы, ее литературной жизни первых лет советской власти и ее периодике. Последнее было наиболее убедительным аргументом: на просмотр всех одесских газет и журналов по крайней мере 1914–1919 гг. (то есть с момента выхода в свет «Зеленых Агатов» и до утихания волн интереса к его памяти) должно было уйти много времени, которого катастрофически не хватало. Потом я узнал, что в Одессе вышел сборник стихов Фиолетова, и это несколько охладило энтузиазм. В 2009 году — сперва по переписке, а затем, в 2011, и лично — я познакомился с Аленой Леонидовной Яворской, заместителем директора Одесского литературного музея по науке, автором и составителем многих отличных книг, посвященных одесской литературной жизни. Тогда возник план издания более полного сборника Фиолетова, где большую биографическую статью о нем должен был написать американский коллега, А.Л. Яворская — собрать материалы из одесской периодики, а я — текстологически приготовить стихи. Увы, в силу разных причин такое издание не состоялось, а потом грянули события 2014 года, и я убрал бумаги Фиолетова в укромное место.

Узнал о готовящемся издании «Саламандры» я поздно, и пока раздумывал, стоит ли публиковать материалы в книге, существу-

тексте. Сразу же скажем, что А.Л. Яворской отысканы и другие газетно-журнальные материалы памяти Фиолетова за 1918–1919 годы.

Служебное удостоверение одесской милиции с фотографией Н. Шора

шей не на бумаге, оно уже вышло как двадцать первый выпуск «Библиотеки авангарда».

Поскольку теперь фундаментальное издание стихов Анатолия Фиолетова существует и доступно, появилась возможность совместить его с материалами архива, что сейчас и происходит.

Наша подборка состоит из следующих разделов:

1. Стихотворения, вписанные рукой Фиолетова в экземпляр сборника «Зеленые агаты»⁸.

2. Цикл «Заметки и материалы». Беловые автографы на листах, вырванных из тетради в линейку с нумерацией страниц от 7 до 16⁹.

⁸ Помимо публикуемых здесь впервые, там также записано 2 стихотворения: «Электрические сумерки», без заглавия, и «Иньеса» под заглавием «Инеса» и с разночтениями в ст. 2: «Гордых светловзор, вспыхнув, заблестали», ст. 9–10: «Приказали вы играть мне менуэты / И, вспугнув внезапно пряный сон гостиной», после ст. 22 следует строка точек, ст. 4–3 с конца: «В руку бледную вонзивши кокаина / Из ампулы странно-вычурной и длинной».

⁹ Помимо публикуемых здесь впервые, там также находятся автографы стихотворений «Опять пришел надменный вечер...» (с пунктуационными разночтениями и с датой VII.1915), «Обои» (под заглавием «Перед рассветом», с датой VII.1915 и с членением на двуступишия), «Как холодно розовым грушам...» (под заглавием «В фруктовой лавке», с датой X.1915; первоначальный вариант ст. 10: «Надев его, стало б теплее»), «Отчего ты не хочешь мне сказать, что любишь, злая...» (под заглавием «Любовь пастуха», без эпиграфа, с датой 20.X.1915 и с мелкими разночтениями), «Щелкунчик и мышинный князь» (с незначительными разночтениями; дата 17–XI–15), «Художник и лошадь»

А. Фиолетов, Э. Багрицкий, О. Шор

3. Отдельные стихотворения, написанные на несшитых листах и не систематизированные.

4. Варианты стихотворений, вошедших в «Деревянные фаготы». Мы учитывали только наиболее значительные из них.

Примечания текстологического порядка (иных задач мы перед собой не ставили) к стихотворениям следуют в конце подборки.

Для будущего критического издания «Зеленых агатов» перечислим исправления автора в стихотворениях:

Зеленые Агаты. Последняя строка: «И в топи зеленой блестят огонечки...»

«Мечта моя нежная...». Ст. 13: «И вся ты небесная»

Городской сутолок. Ст. 1 и 3: «Проволки траммов протяжно поют [...] Щупальцы тянет невидимый спрут».

Стихотворения, вписанные в сборник «Зеленые Агаты»

1.

Невозмутимого осла,
 Когда война грозила миру,
 Дразнить рассерженную лиру
 Какая наглость [?] привела?
 Тот год был душен и угрюм,

(основные разночтения и дата приведены в сб. «Деревянные фаготы»), «Осень на даче» (дата 10/ХП 15; см. также раздел «Варианты и разночтения»), «У тебя коронка бледная...» (с датой 26–ХП–15 г. и с мелкими разночтениями).

Казалось лето злым кошмаром,
Развеселив печальный ум,
Кривлялся, значит, он недаром.
8/10 [19]18 г.

2.

В осеннем вечере есть нежность увяданья,
Осенним вечером грустит душа цветов,
И томный запах блеклых розовых кустов,
Как нити, тянется, и в нем слышны рыданья.

Осенним вечером восходит месяц новый,
Краснея, поднимаясь из-за гор,
И меж больных цветов рисует свой узор
И бледно смотрит, тусклый и багровый.

В осеннем вечере божественно молчанье,
Покой мечтательный над осенью царит,
Звезда усталости над осенью горит...
...В чертогах осени поет очарованье...

3. Триолет

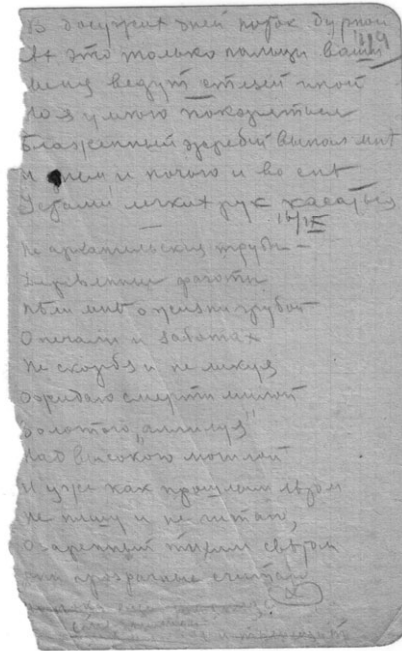
Ф.Т.

Овальных глаз лиловые кристаллы
Лучат фиоль в лукавой полумгле.
В душе любви лазоревой фиалы
Зажгло овальные лиловые кристаллы
Иплыли миги — медленны и алы —
Вуаля блеск на лунном корабле.
Овальных глаз лиловые кристаллы
Лучат фиоль в лукавой полумгле...

4. Люблю...

Люблю, люблю тебя! Гляди — люблю тебя!
Ты словно дальняя... Бледна, мечтательна...
С улыбкой палевой! Взгляни, на миг, любя,
Лучами лунных глаз блесни ласкательно.

...Ты... светло-лилия. Как солнце, благодатна,
В пыланье полных губ всю нежность ласк тая...
Овальность белых плеч пленяет сладостно...
Люблю, люблю тебя... Люблю, любовь моя!

Лист из записной книжки А. Фиолетова с автографами стихов

5.

Ваши улыбки — словно кораллы,
 Ваши улыбки — маков бутоны
 Гордые губы, губы-шакалы,
 Взгляды лазурнее моря Ментоны.
 И отчего-то напоминают
 Ваши улыбки запах сирени.
 Ваши улыбки благоухают
 Светлою ночью, ночью весенней.

Заметки и материалы

6. Городская Лилит

В лесу загадочном фабричных темных труб
 Цветет изменчиво коварный город в днях,
 В нем много празности [так!] и много красных губ,
 И красной радости, мигающей в огнях.
 Но дымы черные, зловещий яд впитав,
 Там вязнет бледная, овальная луна.

О, сколько в городе изысканных отрав,
Какая странная и томная Весна!
И в пестрых улицах холодная Лилит,
Колдунья лунная на склоне рдяных дней,
Пришла блистательно в асфальт проспектных плит,
Глядя загадочнее сфинкса и темней.
Но ресторанов муть и синий дым сигар
Хмельной отравой отуманили Лилит,
Она — не лунная. Погасло пламя чар.
Лишь бледность прежняя в ней ранит и пьянит.
Объятья улицы в позорный час ночной
Лилит опутали в продажные шелка,
И в новой прелести — усталой и больной —
Надменно бросили в грядущие века...

Осень 1914

7.

Шелка лиловые блестели,
Спадая вкрадчивой волной
И груди взвились зло и смело,
Слепя точеной белизной.
Ты не шептала слов укромных,
Но пурпур губ, впиваясь, жег
И сердце ранил томно, томно
Невидный очерк стройных ног.
Холодноватые сафиры
Полузакрытых длинных глаз
Казалось, пахли, словно ирис...
Ах, этой ночью много раз
Я сумасшедшими словами
Тебя пугал, моя любовь,
А ты, как давняя Суламит,
Была покорна вновь и вновь.
Давно ушла, укрылась далью
Ночь знойно-радостных утех.
Забыл я рот упруго-алый
И незвениящий странный смех.
Но отчего-то каждым утром
Печаль томит меня слегка

И помнится в чулке ажурном
Твоя китайская нога!

1.VI.1915

8.

Сукно зеленое стола
Рыдать не может.

Тоска опять ко мне пришла
И сердце гложет.

Сквозь окна август засинел,
Даль солнцу рада —

Я знаю: скорбь лишь мой удел.
Так, видно, надо.

VIII.1915

9.

Мне рок велел покорным быть
В любви неразделенной

И сердце ядом злым поить
Любви неразделенной.

По вечерам в глухой тоске,
Незримой и безгласной,

Себя медлительно учить
Любви неразделенной.

Пленяться, нежно и светло,
Изломом хрупких пальцев,

Но не забыть, готовым быть
К любви неразделенной.

И узнавать, и узнавать,
Какая боль тупая,

Коль сердце жалом занозить
Любви неразделенной.

Но вечера, но дни плывут
Мучительно и слепо

И так не хочется любить
В любви неразделенной,

И сердце темное больно
Усталостью смертельной...

Чего же мне покорным быть
В любви неразделенной?..

Лето. 1915

10. Евгений Онегин

За тягучею и сладкой увертюрой
Я глядел на подозрительных старушек
С сохранившейся до странности фигурой,
С модной обувью совсем не старых ножек.
Ленский ревностно хранил «en face» печальный,
А Онегин явно бил на благородство,
Но в течение семи картин фатально
Все ж не выказал над миром превосходства.
Скрипки плакали в отчаяньи прелестном
Пред дуэлью, даже искренней поэта,
Но тончайший фон разрушил неуместно
Слишком розовый, безвкусный блеск рассвета.
В третьем действии Онегин в томной позе
Афишировал, на бис, любовь к Татьяне,
Но не верилось, что может он серьезно
Баритоном петь о страсти и страданьи.
Так коверкали «Онегина» актеры
И за Пушкина мне стало вдруг обидно,
Захотелось закричать с блестящим взором:
«Молодые люди, стыдно, очень стыдно!
Изуродован непонятый и жалкий
Академик А.С. Пушкин неповинно,
Ведь известно, что Татьяна не русалка,
Ну, а Ольга уж отнюдь не балерина!»

30.X.15

11. Триолет

Ваши тонкие пальчики
С ноготками румяными
Любят бледные мальчики.
Пьют за хрупкие пальчики,
Подымая бокальчики,
Но и пьяными, пьяными
Помнят ломкие пальчики
С ноготками румяными.

Лето 1915

12.

В сердце ты вошла по тонкой лесенке,
Словно фея в старой детской песенке.
Помню мокрый вечер, жалко плачущий,
Помню разговор с тобой незначущий.
Мы прощались, кажется, безрадостно,
А любовь запела — ах, как сладостно!

Может быть, я мальчик очень глупенький,
Думая, что в блузке ты голубенькой

И без шляпки, встряхивая волосом,
В сердце распевашь нежным голосом.

Может быть... Но я хочу мучительно,
Хоть во сне, на пять минут, но длительно

Сам войти к тебе по тонкой лесенке,
Уж не так, как в старой детской песенке...

4/1 16 г.

13.

Месяц очерчен отлично
В небе, как будто кисейном.
Месяц с улыбкой приличной
В обществе чисто-семейном
Нескольких звезд, — видно, теток —
Прелесть, как вежлив и кроток
Тетушки — строгие дамы,
Знает племянник наверно.
Страшно ночными часами
Быть непослушным и скверным!..
В небе кисейном и нежном
Месяц уныл безнадежно.

13-1-16

14.

Бутоны губ порочно-рдяных
Краснеют ярко сквозь вуаль,
Синее синяя эмаль
Сапфирных глаз, любовью пьяных.
Тебя я знаю — стан твой гибок
И бедра стройные тонки,
Объятая сладостно-легки
И голос звонче первых скрипок.
Пусть темный яд часов любовных
Единый раз я сладко пил:
Навеки сердце осветил
Лиловый отблеск глаз греховных.

16/1 16 г.

15.

Когда на небе темный вечер
Наденет траурный наряд,
Когда заплаканные свечи
Мигнув, безрадостно сгорят, —

Я вспомню смутно дальний профиль,
В вечерний мир тоски войду
И в кровь вонзивши душный морфий,
Я сердце закружу в бреду.
Я снова стану сумасшедшим,
И ты придешь из давних дней,
И снова в миги сонной встречи
Прижмешь меня к груди тесней.
Твои духи запахнут странно,
Зардеет нежно пухлый рот
И в сердце радостном и пьяном
Любовь истомно зацветет...
Моя случайная подруга,
Я в днях смертельно одинок!
Уходят ночи друг за другом,
Уходит встреч бесплотных срок.
Но нет во мне ни слез, ни жалоб, —
Ведь я меж дней, я в их гурьбе
Могу беспомощно и жалко
Слагать молитвы о тебе!

18–I–16 г.

16. Бельгии

Вы устали, бедная маленькая Бельгия,
Вы устали?
Над могилою братскою Ваших храбрых мальчиков
Вы рыдали?
Нужно выбрать бережно самые нежнейшие
Утешения,
Но слова не высушат, никогда не высушат
Крови, тления.
Вы Вдова библейская... Матерь неутешная.
В сердце — рана.
Скорбь такую светлую успокоить ласково
Слишком рано!

5/II 16 г.

Отдельные стихотворения

17. Оливер Твист

Хороший мальчик Оливер!
Я думаю о нем теперь,
Когда уж Диккенса прочел,
И снова вспомнил грязный холл,
Где средь воров и злых громил
Бедняжка очень долго жил.
Конечно, пестрые платки,

Какие любят старики,
Нетрудно научиться красть,
Но и легко под суд попасть,
А в Англии суров закон:
Кто в мелкой краже уличен,
Тот иль повешен должен быть,
Или в тюрьме ньюгетской гнить...
Но Оливеру десять лет
И кто ему подаст совет?
Вернуться, может быть, в приют,
Где бедным мальчикам дают
Шесть унций каши просяной,
Без масла, пресной и сухой.
И в день прикажут раз по пять
Молитвы длинные читать.
Иль попросить гробовщика,
В смущеньи покраснев слегка:
“О сэр, прошу Вас очень взять
Меня в ученики опять.
В цилиндре, с крепом на руке
И в длиннополом сюртуке
За гробом, забывая лень,
Ходить я буду каждый день”.
Но, видно, милосердный Бог
От бедствий сироту берег.
И, если вам угодно знать,
Прошу роман перелистать.
Ведь мальчик через сто страниц
В кругу весьма достойных лиц.
Покинул он вертеп воров,
Нашел гостеприимный кров
И в жизни мирной и простой
Вкусил уж наконец покой...
Так иногда капризный Рок
Нелегкий задает урок,
Людским неопытным сердцам,
И джентельменам [так!], и юнцам,
Но среди сомнений и тревог
Всегда поможет добрый Бог.

[1916]

18.

Ах, эти маленькие свечки —
Не догорают и коптят.
Ты знаешь, куклы и овечки
Уже в своих кроватках спят.
Чего же ты не спишь, мой мальчик,
Неровен час, узнает волк —

Придет к нам в дом, зубами щелк
И вмиг тебе откусит пальчик.

3/Х

19.

Спи, детка, спи, сердечко,
Вот милая овечка
Споткнулась так неловко,
Что кружится головка
И, захромав немножко,
Кричит: “Сломалась ножка!”
Спи, детка, спи, сердечко.

7/Х

20.

Когда взойдет зеленая звезда
И желтый диск бесчувственной луны
Мне чудится блестящая вода
Широких рек тропической страны.
Которой не увижу никогда,
Как не увижу будущей весны.
О Господи, какие города
Меня зовут к себе из вышины!

21. На память сестричке

Эльза, милая сестра!
Я просил тебя вчера
Не шалить и не грубить,
Вежливою только быть.
Если согласишься ты,
Подарю тебе цветы,
Шоколад и мармелад,
Много всяческих наград,
Ну, а если ты груба,
Непослушна и глупа
Ничего тебе не дам
И конфеты съем я сам.

1917 года декабря.....

22.

Comme on voit sur la branche au mois de Mai la rose
Pierre de Ronsard

Как роза стройная, раскрывшись в майский день,
Прелестной юностью, окраскою живой

В цветеньи девственном небес пленяет сень,
Когда заря ее кропит своей слезой,

Любовь блаженную покоит листьев тень
И запах сладостный плывет в сады волной,
Но в зной полуденный склоняет розу лень
И гибнет, томная, роняя венчик свой.

Вот так, девической сияя красотой,
Когда вселенная склонялась пред тобой
Убита Паркою и, пепел, дремлешь ты.

В день погребения, роняя токи слез,
В корзине свежие несу тебе цветы,
Чтоб тело мертвое дышало негой роз.

9/II 17 г.

23.

Когда я буду в Петрограде
Ну, через год иль два примерно,
Пойду на Зверинскую к дяде,
Которого люблю безмерно.

Мне дверь откроет тот же самый
Лакей во фраке и в перчатках,
Расспросит о здоровье мамы
И весело ль у нас на святках.

А через час звонок небрежный
И, не снимая влажной шубы,
Войдет мой дядя, стройный, нежный
И сладко поцелует в губы.

24.

Решетка, сделанная грубо,
Над нею светит цифра «пяť».
Ах, на прощанье только губы
Позвольте мне поцеловать.

На небе — добрая старушка —
Куда-то спряталась луна,
А мне смешная ваша мушка
Над верхнею губой видна.

Нет, я не буду лицемерить,
Но лучшей мушки в мире нет,
И если вам угодно верить —
Единственный для всех ответ, —

Подставив ласковые губы,
Позволить их поцеловать.

Глядите, над решеткой грубой
Подмигивает цифра «пять».

25.

Не верю в зеленый праздник,
Не верю в первое мая,
А вы не видите разве,
Какая весна дурная?

На улицах грязных скучно
И слякоть, дожди и слякоть.
Унылые эти тучи
Меня заставляют плакать.

О Господи, добрый Боже,
Не нужно туманов скверных —
Ведь если ты не поможешь,
Я к лету умру, наверно.

Отрывки и наброски

26.

Мне очень грустно. Вот пришла уж осень,
А лето я провел так безобразно,
На нашу дачу не являлся вовсе,
А на море был только два-три раза...

20/IX 16 г.

27.

Нам газеты осень обещали,
И теперь, я знаю, им неловко,
Словно в июле снова замелькали
Под ногами божии коровки.
Но уж скоро, очень скоро осень,
А провел я лето слишком праздно:
В теплом море не купался вовсе,
За городом был всего два раза.

24/IX 16 г.

28.

Никитина [?], у Вас глаза газели,
Глубокие и нежные необычайно...
Вы помните, мы встретились совсем случайно,
Мне кажется, — на Масляной неделе.
В тот вечер я читал в литературке
О маленьком Щелкунчике, который

Нещадно поражал мышонков юрких,
И в первый раз увидел Ваши взоры.

29.

Ну вот пришла уж тихая зима
С пушистыми высокими снегами,
[И] окна украшает жемчугами,
[И с]казочные строит терема.
[Пр]оходят дни ~~бесшумными~~ неслышными шагами

30. Декоративный вечер

Был вечер будто бы совсем декоративный,
Он походил на действие из Тоски
На небе ситцевом из синевы наивной
Поднялся месяц, вылощенный воском.
И на деревьях, сделанных ~~некусно~~ умело,
Быть может, из обрубков настоящих,
Струили звезды свет молочно-белый,
~~Быть может,~~ Как будто из рефлекторов блестящих.
Конечно, ~~вы тогда~~ вечером и вы недаром были
В старинном платье и мантилье синей:
Совсем похожая на или
Сомнений..... графиню..
Заговорили вы сопрано очень нежным

31.

Румяный шар висел над горизонтом,
В сиреневые тучи погружен,
Монетою или огромным зонтом
Из полыми показывался он.
Вечерняя заря, изнемогая,
Последними розанами цвела

Варианты

32. Осень на даче

Двадцатого августа грустный рояль простудился
И хмуρο жужжали продрогшие хриплые струны,
А август неожиданно слезами глухими залился
И долго не мог успокоиться ночью безлунной.
Прозрачная осень приплыла, я знаю, я знаю.
Нежарким бледнеющим солнцем душа не согрета.

Я блеклому небу последний привет посылаю
И с летнею синью прощаюсь до нового лета.

26.VIII.15

Ранний рукописный вариант стихотворения под тем же заглавием (помета красными чернилами: «Исправлено»), вошедшего в «Деревянные фаготы» с датой 10/XII 15.

33.

Не архангельские трубы —
Деревянные фаготы
Пели мне о жизни грубой,
О печали и заботах.
Не скорбя и не ликуя,
Ожидаю смерти милой,
Золотого “аллилуя” [так!]
Над высокою могилой.
И уже, как прошлым летом,
Не пишу и не читаю,
Озаренный тихим светом,
Дни прозрачные считаю.
Мне не больно. Неужели
Я метнусь в благой дремоте?
Все забыл. Над всем пропели
Деревянные фаготы.

34.

З.К. Шишовой

Такие руки только снятся
В блаженном и безгрешном сне.
Их легкой ласке покоряться
Сладчайший жребий выпал мне.
И я любил свои досуги
За шумной чашей проводить,
Для легкомысленной подруги
Неделю милым другом быть,
Иль моде английской покорный,
Покинув жаркую кровать,
Приехать ночью в дом игорный
И до рассвета банк метать.
Такая жизнь не очень странной
Казалась в девятнадцать лет,
И это вы, мой друг желанный,
Блеснули, как небесный свет,
Очаровательным виденьем,
Необычайною звездой,
И сердце ранили томленьем,

Такой пленительной бедой.
 И бросил я хмельные чаши
 В досужих дней поток дурной,
 Ах, это только пальцы ваши
 Меня ведут стезей иной!
 Но я умею покоряться,
 Блаженный жребий выпал мне, —
 И днем, и ночью, и во сне
 Устами легких рук касаться.

Текстологические примечания

1. Карандашом на с. 3 «Зеленых Агатов» (далее сокращенно — ЗА), перпендикулярно к тексту.

2. Красными чернилами на с. 11 ЗА. Первоначальный вар. ст. 3–4 (правка внесена черными чернилами):

И томный запах розы блекнувшей кустов,
 Как кудри, трепетя, и в нем слышны рыдания.

3. Черными чернилами на с. 13 ЗА.

4. ЗА. С. 20. Вписано красными чернилами с обширной правкой черными. Первоначальные варианты. Ст. 3: «Любовь, любовь моя! Взгляни лишь раз, любя»; ст. 5–7:

Ты светло-лилия... Как солнце, радостна,
 Молочно-белая, мелькает [?] грудь твоя.
 Овал округлых плеч румянит [?] сладостно...

5. ЗА. С. 30. Вписано красными чернилами с правкой черными в первой строке. Первоначальный вариант: «Ваши улыбки — это кораллы [так!]».

10. Опубликовано: Южный музыкальный вестник. 1916, январь. № 1–2, с разделением на четверостишия. Перепеч.: Дерibasовская-Ришельевская. Одесса, 2008. Вып. 34. С. 213 (с предисловием А.Л. Яворской). Причины, почему стихотворение не попало в «Деревянные фаготы», для нас неясны. В рукописи первоначальный вариант ст. 13: «В пятом действии Онегин в томной позе», незачеркнутый вариант предпоследней строки: «Ведь у Тани мало общего с русалкой». В печатном тексте ст. 9: «Скрипка плакала в отчаяньи прелестном», ст. 11: «Но тончайший срок разрушил неуместно» (видимо, опечатка), ст. 18: «И за Пушкина мне стало так обидно».

12. Первоначальные варианты ст. 3: «Помню я тот вечер...» и ст. 5: «Кажется, прощались мы безжалостно». Второй беловой автограф — чернильным карандашом на листке из записной книжки до ст. 10.

14. Первоначальный вар. ст. 4: «Сапфирных глаз, как будто пьяных», ст. 11: «Навек мне сердце осветил».

16. Первонач. вар. ст. 8: «Крови рдения [?]»; ст. 11: «Скорбь такая светлую успокоить, вылечить».

17. Печ. по автографу с подписью и с правкой (отчасти красными чернилами). Ими же вписано заглавие: «Оливер Твист». Варианты ст. 17 (вероятно, на выбор редактору — вычеркнуты красным карандашом):

Ну что же, вновь прийти в приют?
Ну что ж, вернуться вновь в приют?

Ст. 32 первоначально: «И если вы хотите знать»; ст. 34–35: «В романе через сто страниц / Уж мальчик среди достойных лиц»; ст. 40: «Нашел уж, наконец, покой», «Вкусил заслуженный покой».

Помимо этого — еще два автографа. Первый, с подписью и датой «1916» и с пометами красными чернилами написан на тетрадном листке, сложенном по вертикали. Автограф практически белой и читается:

Нетрудно научиться красть,
Но и легко под суд попасть,
А в Англии суров закон:
Кто в мелкой краже уличен,
Тот иль повешен должен быть
Или в тюрьме ньюгетской гнить.
Ну как не умилиться нам!
Ведь мальчик догадался сам
И уж забыть никак не мог,
Что воровство — большой порок.
И хоть его молочный брат
Был, кажется, не очень рад,
Но Оливер, умен и смел,
Счастливо избежать сумел
Опасной участи воров,
Нашел гостеприимный кров
И, полюбив своих друзей,
Счастливо прожил много дней...
Так иногда капризный Рок
Нелегкий задает урок,
Людским неопытным сердцам,
И джентельменам, и юнцам,
Но среди сомнений и тревог
Всегда поможет добрый Бог.

Под автографом помета: «Оливер Твист — 23 р. В сердце ты вошла — 7 р.».

Второй автограф (с очень обтрепанными краями, что привело к утратам части текста) представляет собою черновик ст. 16–34 с вар. ст. 16–17:

Ну как, скажите, поступить?
Легко ли сироте решить —

18. Автограф чернильным карандашом на листке из записной книжки. Год неизвестен.

19. Автограф чернильным (первые 2 строки) и простым карандашом на листке из записной книжки вместе с «Не архангельские трубы» и последними семью строками.

20. Беловой автограф карандашом. На том же листе — черновой автограф чернилами, перечеркнут карандашом. Вар. ст. 2: «И желтый диск бесчувственной луны», ст. 7: «О Господи, чужие города».

21. Беловой автограф с подписью. Число находилось на утраченном фрагменте листка.

22. Автограф с подписью. Помета красными чернилами: «Перевод из Ронсара. Сонет». Незачеркнутый вар. ст. 9: «Вот так, девической сияя красотой». Отметим, что эпитафия из Ронсара стоит эпитафией к статье-некрологу Ал. Соколовского «Памяти Анатолия Фиолетова». Эпитафия — из стихотворения, начинающегося этой строкой (1574).

23. Беловой автограф карандашом с незначительной правкой. Черновой автограф первых 7 стихов с оборотной стороны листа чернилами.

24–25. Оба стихотворения — машинопись на двух листах с заглавием: «Анатолий Фиолетов. Два стихотворения».

26–27. Совершенно очевидно — это варианты одного стихотворения, написанные сперва пятистопным ямбом, потом пятистопным хореем.

28. Неоконченное стихотворение, на обороте набросков 26–27. После окончания чернильного текста приписана строка карандашом, но относится ли она к тому же стихотворению, — понять невозможно: «Я по зиме серебряной скучаю». В ст. 7 слово «мышонков» подчеркнуто — видимо, заметив ненормативный характер склонения, Фиолетов планировал его переменить.

29. Черновой автограф на обороте черновика «Оливера Твиста» с теми же обтрепанными краями. Первоначальный вар. ст. 5: [За]ря, бледнея, светит над домами.

30. Черновой автограф карандашом. Сверху стоит: № 8. После первой строфы дата: 1/VIII, после стр. 3 — 12/VIII. Второй черновой автограф первых 7 строк (далее листок оторван), зачеркнутых карандашом. В нем ст. 3: Он походил на первый акт из «Тоски»; ст. 3: «На небе бархатном...», ст. 5–7:

Баретки пухлые уплыли торопливо,
 Мелькали только хвостики из ваты,
 И вот на скатерть с отливом

31. Автограф чернильным карандашом на листке из записной книжки.

33. Беловой автограф — на листе из записной книжки, чернильным карандашом, с датой: 18/IX.

Перебеленный автограф на отдельном листе с подписью. Другой рукой проставлено «№ 24». Ст. 3 первоначально: «Запоют о жизни грубой». Ст. 12 первоначально: «Дни докучные считаю». Ст. 14 первоначально: «Я метнусь в своей дремоте». Синим карандашом зачеркнуты 4 строки между ст. 12–13:

Но пока еще ресницы
 Не сомкнулись и трепещут,
 Мне сырая Осень снится
 И крылом в тумане плещет.

На том же листе (предшествуя перебеленному) черновой автограф:

Не архангельские трубы —
 Деревянные фаготы
~~Запоют~~ Пели мне о жизни грубой,
 О печали и заботах.
~~Зажигает вечер бледный~~
~~Бледный вечер зажигает~~
~~Две звезды в унылой тверди.~~
~~Скоро осень. Всякий знает —~~
~~Близок час веселой смерти~~
 Не скорбя и не печалясь ликуя,
 Смерти ожидаю милой,
 Золотого “аллилуя” [так!]
 Над высокою могилой.
 И уже, как прошлым летом,
 Не пишу и не читаю,
 Озаренный ~~нежным~~ тихим светом,
 Дни ~~докучные~~ прозрачные считаю.
 [Вечер ~~бедный бледный~~ сонно зажигает
 Две звезды на тверди низкой.
 Скоро Осень Всякий знает —]
 Но пока еще ресницы
 Не сомкнулись и трепещут,
 Мне сырая Осень снится
 И крылом в тумане плещет.
 Не хочу я. Мне не надо

34. В архиве сохранились два автографа: беловой последних семи стихов чернильным карандашом на листе из записной книжки, предшествуя «Не архангельские трубы...»:

.....
 В досужих дней поток дурной.
 Ах, это только пальцы ваши
 Меня ведут стезей иной.

Но я умею покоряться,
 Блаженный жребий выпал мне —
 И днем, и ночью, и во сне
 Устами легких рук касаться.

16/IX

Черновой автограф без начала на листке из блокнота, чернильным карандашом с датой 15–16/X:

Очаровательным виденьем,
 Необычайною звездой
 И сердце ранили до мленья
 Такой целительной [?] бедой
 И бросил я хмельные чаши
 В досужих дней поток дурной.
 Ах, это только пальцы ваши
 Меня ведут стезей иной.
 Но я умею покоряться,
 Блаженный жребий выпал мне —
 И днем, и ночью, и во сне
 Устами легких рук касаться.

15–16 16/IX

Литература

- Лебедев В.* Секретное досье Остапа // Совершенно секретно. 1998. № 9. С. 26–27.
Луцик С.З. Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций. Одесса, 2004. Вып. 3. Ч. 1. С. 166–236.
Камышишникова-Первухина Наталья. Остап // Слово/Word. 2009. № 64.
Котова М., Лекманов О., при участии Л. Видгофа. В лабиринтах романа-загадки: Комментарий к роману В. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. С. 201–203.
Фиолетов Анатолий. Деревянные фаготы: Собрание стихотворений. Сост. и комм. С. Шаргородского. Вступ. статья А. Яворской. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. — 130 с., илл. — (Библиотека авангарда, вып. XXI). <https://salamandrapvv.wordpress.com/2017/09/>
Фиолетов А. Зеленые Агаты: Поэзы. Одесса: Издательство С. Силвер, 1914.
Фиолетов А. О лошадях простого звания / Сост. Е. Голубовский. Одесса: Друк, 2000.
 Русские поэты XX века: Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М.: Знак, 2007. С. 557.

References

- Fiolotov A. *O loshadiakh prostogo zvaniia* [About horses of simple rank], comp. by E. Golubovskii. Odessa, Druk Publ., 2000. (In Russ.)
 Fiolotov A. *Zelenye Agaty: Poezy* [Green Agates: Poetry]. Odessa, S. Silver Publ., 1914. (In Russ.)

Lebedev Vadim. "Sekretnoe dos'e Ostapa" [Ostap's secret file]. *Sovershenno sekretno* [Top secret]. 1998, № 9, pp. 26–27. (In Russ.)

Lushchik S.Z. "Chudo v pustyne: Odesskie al'manakhi 1914–1917 godov" [A miracle in the desert: Odessa almanacs of 1914–1917]. In: *Dom kniazia Gagarina: Sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [Prince Gagarin's House: Collection of scientific articles and publications]. Odessa, 2004, issue. 3, ch. 1, pp. 166–236. (In Russ.)

Kamyshnikova-Pervukhina Natal'ia. "Ostap". *Slovo/Word*, 2009, № 64. (In Russ.)

Kotova M., Lekmanov O., Vidgof L. *V labirintakh romana-zagadki: kommentarii k romanu V. Kataeva "Almaznyi moi venets"* [In the labyrinths of the novel-riddle: Commentary on the novel by V. Kataev "Diamond is my crown"]. Moscow, Agraf Publ., 2004, pp. 201–203. (In Russ.)

Russkie poety XX veka: Materialy dlia bibliografii [Russian poets of the twentieth century: Materials for bibliography], comp. L.M. Turchinskii. Moscow, Znak Publ., 2007, p. 557. (In Russ.)

Unpublished Poems from Anatoly Fioletov's Heritage

Nikolay Bogomolov

Abstract: The publication is devoted to Anatoly Fioletov's legacy. Fioletov, the poet from Odessa, died young and became a legend of the "South-Russian school" in Russian literature. The article traces the history of Fioletov's publications and of his archive. The article is accompanied by a the first publication of Fioletov's poems from a private collection.

Keywords: Anatoly V. Fioletov, "South Russian School", Odessa, poetry of the 1910s, archives.

Information about author: Nikolay A. Bogomolov, PhD, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-34-94

УДК 821.161.1

Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. [2]

А.Л. Соболев

Аннотация: Продолжение мемуаров Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878–1956), начатых печатанием в прошлом номере «Литературного факта». Эти очерки и портреты автор готовил для своей так и не состоявшейся книги «Литературные воспоминания». Две главы, помещаемые в этом номере журнала, содержат воспоминания о литературном кружке Варвары Алексеевны Морозовой (1848–1917) и о писателе Леониде Николаевиче Андрееве (1871–1919).

Ключевые слова: биографические документы, русская литература начала XX века, С.Г. Кара-Мурза, В.А. Морозова, литературные кружки и салоны, Л.Н. Андреев.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Литературный салон В.А. Морозовой¹

Существует старая, забытая, но чрезвычайно интересная книга известного некогда петербургского фельетониста 90-х годов Владимира Михневича «Наши знакомые»². Она была отпечатана фирмой Эдуарда Гоппе³ и ныне уже стала библиографической редкостью.

¹ Печатается по машинописи с авторской правкой: РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15. К воспоминаниям о салоне В.А. Морозовой Кара-Мурза обращался как минимум трижды — см. его печатные мемуары: *Саддукей*. Литературные салоны // Московская газета. 1913. № 235. 3 февраля. С. 5; *Кара-Мурза С.Г.* Московская m-me Жофрен // Понедельник власти народа. 1918. № 2. 11 марта (26 февраля). С. 3. Настоящий вариант многократно расширен по сравнению с ними.

² Владимир Осипович Михневич (1841–1899) — журналист и прозаик. Названная книга (с подзаголовком «Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр.») напечатана в 1884 г. Вышел только первый выпуск. Следующая далее цитата взята (с небольшими погрешностями) со с. 151–152.

³ Гоппе Эдуард Дмитриевич (1840–?) — содержатель типографии, издатель.

В ней дана необыкновенно меткая, порой несколько шаржированная, но в большинстве случаев остроумная и яркая характеристика более чем тысячи лиц знаменитых, известных и популярных людей того времени. Некоторые из очерков и портретов Михневича не потеряли своего интереса и свежести даже для нашего времени. Книга снабжена 60 портретами, карикатурами, исполненными даровитым рисовальщиком прошлого века Александром Игнатьевичем Лебедевым⁴.

Вот что мы читаем на стр. 151 этой книги: «Морозовы — весьма громкая фамилия в области российской мануфактуры и торговли. Морозова В.А. — отпрыск вышеописанной именитой фамилии, богатая вдова, олицетворяющая в себе Марфу-Посадницу новейшей культурной формации. Величественно-прекрасная жена, бойкая купчиха-фабрикантша и в то же время элегантная, просвещенная хозяйка одного из интеллигентнейших салонов в Москве; утром щелкает в конторе костяшками на счетах, вечером извлекает теми же перстами волшебные шопеновские мелодии, беседует о теории Карла Маркса и зачитывается новейшими философами и публицистами. Свое сочувствие просвещению г-жа Морозова выразила и на деле, вызвавшись поддержать своим капиталом женские врачебные курсы и пожертвовав крупную сумму денег на учреждение школы имени Тургенева».

Нет необходимости, конечно, говорить о том, что сравнение В.А. Морозовой с Марфой-Посадницей — обыкновенная фельетонная гипербола, смелая литературно-газетная вольность. Главой политического движения В.А. никогда не была, ссылать ее, как Марфу-Посадницу, в отдаленный монастырь правительству не было надобности, и умерла она не в Соловках, а в собственном особняке. Она скончалась осенью 1917 года, в разгар самых ожесточенных политических распрей и партийных бурь.

Однако крупница правды в рискованном сравнении Михневича все-таки есть. Как Василий Темный, сидя в XV столетии на Москве, знал, что где-то в Новгороде, в доме жены посадника, Марфы Борецкой, зреет недовольство, а, может быть, и бунт против его правления, так и в нашу эпоху в конце прошлого столетия правительства Толстого, Делянова, Боголепова⁵ знали, что в Москве есть дом, где постоянно и неугасимо горит огонь подавленного общественного протеста против господствующего государственного курса.

В те годы самой мрачной политической реакции, общественного безвременья и уныния в доме В.А. Морозовой неизменно проис-

⁴ Александр Игнатьевич Лебедев (1830–1898) — карикатурист, литограф.

⁵ Последовательно перечислены министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), министр народного просвещения Иван Давыдович Делянов (1818–1897) и министр народного просвещения Николай Павлович Боголепов (1846–1901).

ходили встречи писателей и общественных деятелей, устраивались литературные беседы и обсуждались все волновавшие общество вопросы. Эти вечера посещались: Н.К. Михайловским, Вл. Короленко, Гл. Успенским, П.Д. Боборыкиным, А. Чеховым, В.А. Гольцевым, Вас. Мих. Соболевским, Гр. Мачтетом и др.⁶

В голодный 1892-ой год В.А. Морозова лично поехала в Самарскую степь и организовала там столовую для голодающих не только на собственные средства, но и своими трудами, чуть что не собственными руками; разве это не должно было показаться правительству Горемыкина и Победоносцева⁷ вызовом, брошенным власти какой-то фрондирующей московской купчихой?

Тем не менее, не воспоминание о Марфе-Посаднице, а совершенно другой образ из иной эпохи и другого быта вызывает в мыслях жизнь и деятельность В.А. Морозовой. История Франции XVIII века сохранила нам яркую фигуру Марии-Терезии Жофрен, хозяйки знаменитого литературного салона, куда в продолжении целых 25 лет сходилась все, что было образованного и талантливого в Париже. В 1748 году м-м Жофрен открыла свой салон, где стали появляться Монтескье, Фонтенель, Мариво и др. По словам Сент-Бева, салон Жофрен был своего рода учреждением прекрасно организованным и отлично управляемым. У Жофрен были особые приемы для литераторов и ученых, отдельные дни для художников и интимные вечера для светских знакомых. Громкой известностью пользовались ее литературные обеды, где рядом с Даламбером, Дидро и другими можно было встретить знатных и образованных иностранцев. Общество, собиравшееся на этих обедах, по средам, состояло из самых известных лиц. Разговор за обедом касался всевозможных предметов: литературные и политические новости, события общественной важности, вновь написанные стихи, все это давало повод к живому обмену мыслей. Жофрен принимала горячее участие в издании трудов энциклопедистов, на что ежегодно жертвовала значительную сумму денег⁸.

⁶ Перечисленные лица вряд ли нуждаются в комментарии за исключением, может быть, журналиста Виктора Александровича Гольцева (1850–1906), Василия Михайловича Соболевского (1846–1913) — публициста, издателя газеты «Русские ведомости», гражданского мужа В.А. Морозовой; прозаика Григория Александровича Мачтета (1852–1901).

⁷ Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917) — министр внутренних дел, председатель совета министров. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — обер-прокурор Святейшего Синода.

⁸ В этом абзаце Кара-Мурза близко к тексту цитирует статью из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона (СПб., 1894. Т. XII. С. 36–37). Указанная цитата из Сент-Бева взята из его очерка «Madame Geoffrin» (*Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi*. Т. 2. Seconde edition. Paris, 1852. P. 241).

Вот такой российской Марией-Терезией Жоффрен, деятельницей широкого почина и высокого строя души, как и покровительница французских энциклопедистов, была, как мне представляется, В.А. Морозова, в чьем литературном салоне я бывал в течение 4 лет с 1899 по 1903 год.

В.А. жила на Воздвиженке в собственном особняке (в котором сейчас находится Государственный Аграрный Институт)⁹. Его не следует смешивать с другим особняком, стоящим рядом (в котором ныне помещается Пролеткульт), грубым и аляповатым, чисто купеческим, антихудожественным зданием, принадлежавшим сыну В.А., Арсению Абрамовичу Морозову¹⁰.

У В.А., урожденной Хлудовой, от первого ее мужа, Морозова, было три сына, и Арсений из них был наименее удачный. Два других, Михаил Абрамович и Иван Абрамович, были люди весьма культурные и оставили некоторый след в литературно-художественной жизни Москвы. Михаил Абрамович, отлично зарисованный в пьесе А.И. Сумбатова «Джентльмен»¹¹, был литератор, конечно, дилетантского типа: он писал под псевдонимом Мих. Юрьев. Под этим именем он издал две книги: одно историческое исследование о Карле V и другую книгу своих заграничных впечатлений о путешествии по Италии¹². Оба эти сочинения, правда, особым литературным дарованием не блещут, но обнаруживают в авторе некоторую пытливість ума. Карл V между прочим был отмечен Н.К. Михайловским в рецензии «Русского Богатства»¹³. Особняк Михаила Абрамовича на Смоленском бульваре¹⁴ был местом встреч молодого поколения московского купечества новейшей формации, вступающего на путь европеизации. Облик Михаила Абрамовича известен по портретам работы Серова и Цорна¹⁵; Михаил Абрамович умер молодым, около 30 лет¹⁶.

⁹ Дом сохранился (современный адрес: Воздвиженка, д. 14).

¹⁰ В настоящий момент — Дом приемов правительства; Воздвиженка, д. 16.

¹¹ Вопреки единодушному мнению на этот счет, сам Александр Иванович Сумбатов (1857–1927) категорически опровергал прототипический статус Морозова; см.: Кн. А.И. Сумбатов о «Джентльмене» (письмо в редакцию) // Русское слово. 1914. № 37. 14 февраля. С. 6.

¹² *Юрьев М.* [Морозов М.А.] Карл Пятый и его время. Этюд. Ч. 1. М., 1894; *Юрьев М.* [Морозов М.А.] Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895. Этими книгами библиография М.А. Морозова не исчерпывается.

¹³ Русское богатство. 1893. № 11. Отд. II. С. 87–90.

¹⁴ Дом сохранился: Смоленский бульвар, д. 26/9, стр. 1.

¹⁵ Портрет М.А. Морозова работы В.А. Серова (ГТГ) общеизвестен; напротив, его портрета кисти Цорна мы не знаем (ср., впрочем, смутное указание на существование цорновского портрета С. (!) Морозова, хранящегося в ГМИИ: Волдемар Матвей (Владимир Марков) (1877–1914). Статьи. Каталог произведений. Письма. [М.,] 2002. С. 21).

¹⁶ М.А. Морозов умер 12 октября 1903 г., прожив 33 года.

Другой сын Варвары Алексеевны, Иван Абрамович, собрал большую коллекцию картин французской живописи, принадлежащих кисти выдающихся художников (ныне 2-ой музей новейшего западного искусства). Что касается Арсения Абрамовича, то кроме упомянутого особняка, он, кажется, ничем не был примечателен.

По Москве в свое время рассказывали, что, когда он решил выстроить себе дом, он пригласил архитектора Мазырина и велел ему соорудить такое здание, которое удивило бы всю Европу. Когда архитектор спросил, в каком стиле должно быть выстроено будущее здание, Арсений Абрамович ответил: «Нешто у нас денег не хватит, чтоб строить в одном стиле, валяй во всех». Так, кажется, Мазырин и поступил, — дом выстроен во всех стилях. Тем не менее, какие-то намеки на стиль в доме все-таки имеются. Арсений Абрамович, путешествуя по Пиренейскому полуострову, был пленен каким-то замком в Португалии и специально возил Мазырина куда-то на берег Атлантического океана, где московский архитектор ознакомился с замком¹⁷. Там он скопировал некоторые детали: витые колонны, плетёный парапет, раковины и виноградные гроздья, украшающие теперь фасад нашего Пролеткульта. Мазыриным, между прочим, выстроен в Москве еще один оригинальный дом: это особняк Игумновых на Якиманке¹⁸. Смерть Арсения Абрамовича последовала от результатов хронического алкоголизма, а архитектор Мазырин впоследствии сошел с ума и умер в доме умалишенных¹⁹.

Итак: особняк Варвары Алексеевны был небольшой, одноэтажный, серый; он скрыт за густыми деревьями небольшого сада, теряется рядом с атлантическим замком московского португальца и не привлекает взоров любопытных. Но внутри дома все убранство его, отличаясь скромной простотой, обличало высокий вкус хозяйки. Когда я впервые вошел в этот дом, после казенных стен закрытого учебного заведения, знакомый с богатством и роскошью только по книгам, я подумал: таковы, вероятно, отели в Сен-Жерменском предместье Парижа, описываемые в романах Додэ.

Меня ввел в дом Варвары Алексеевны товарищ, студент-медик 2-го курса. Он мало интересовался медициной и отдавал все свое время литературе. Чувствуя в себе призвание беллетриста, он уже

¹⁷ Имеется в виду Дворец Пена, летняя резиденция португальских королей. Подробно история совместного путешествия заказчика и архитектора изложена в: *Савинова Е. Виктор Мазырин. Портрет зодчего на фоне времени.* М., 2013. С. 95–104.

¹⁸ Кара-Мурза ошибается: дом Игумновых (Большая Якиманка, д. 43) был построен Н.И. Поздеевым.

¹⁹ Согласно общепринятой версии, Мазырин умер в Москве в 1919 г. от брюшного тифа (*Савинова Е. Виктор Мазырин. Портрет зодчего на фоне времени.* С. 244). См. также: *Нацокина М.В. Архитекторы московского модерна. Творческие портреты.* М., 1998. С. 186–187.

поместил в московской газете «Курьер», где литературным отделом в то время заведовал Леонид Андреев, два рассказа, «На тот берег» и еще другой, названия которого не помню. Я мало придавал значения его беллетристическим опытам и полагал, что из него выйдет скорее литературный критик, чем беллетрист. Будущее показало, однако, что я ошибся, так как этим студентом был Георгий Иванович Чулков. Вскорости разразились известные студенческие волнения 1900-го года. Чулков был арестован и выслан в Якутскую область. Там он пленился тайгой и на долгие годы сделал ее источником своих литературных вдохновений. Первая же его книжка о тайге «Весной на север» привлекла к нему симпатии критики. Злые языки шутили, что Чулков взял монопольный патент на тайгу и этим приобрел себе место в литературе. Правда, мотивы тайги и тундры очень мало были у нас разработаны в литературе, а Чулков сумел придать им известный поэтический колорит и сделать их объектом не лишенных нежности лирических раздумий.

В этот период, когда я впервые вошел в салон Морозовой, организатором тамошних литературных собеседований был популярный москвич — Цезарь Павлович Балталон. Это был оригинальный и любопытный человек. Достаточно указать на то, что он вмещал в себе самые неожиданные свойства и интересы. Он был француз по национальности, католик по религии, говорил с заметным романским акцентом; по образованию был юрист, по своим научным симпатиям — философ; писал он почти исключительно об эстетике Белинского. На эту тему он оставил несколько книг. А быть ему пришлось преподавателем русской словесности в кадетских корпусах, и в свободное время исполнять обязанности, так сказать, церемониймейстера по литературным делам в салоне московской купчихи. Это ли не разнообразие профессий. Свое назначение у Варвары Алексеевны он выполнял прекрасно. Приискивал докладчиков, намечал темы, руководил прениями и вообще всячески оживлял беседу. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь в книгах московских мемуаристов много страниц будет отведено Цезарю Балталону²⁰. Для курьеза сообщу, что у него был сын Юлий — Юлий Цезарь Балталон, который, быть может, когда-нибудь по примеру своего знаменитого тезки напишет новые «*Commentarii de bello civili*»²¹.

²⁰ Вопреки ожиданиям автора, фигура Цезаря Павловича Балталона (1855–1913) осталась не слишком известной. См. о нем: *Станюкович В.К.* Воспоминания о Брюсове // *Литературное наследство*. М., 1976. Т. 85. С. 725, 728–729; *Российская педагогическая энциклопедия*. Т. 1. А–М. М., 1993. С. 69–70; *Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова*. СПб., 2001. Т. 1. А–Л. С. 106; *Максимова С.Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005. С. 204.

²¹ О Юлии Цезаревиче Балталоне см. в воспоминаниях его друга детства: *Алексеев Н.Н.* В бурные годы. На первых ступенях нашей alma mater // *Новый*

После Цезаря Балталона заведующие организацией литературных бесед неоднократно менялись: некоторое время был таковым Владимир Евграфович Ермилов²². Затем Петр Константинович Иванов и, наконец, Евгений Иванович Вишняков.

Стоит остановиться на несколько минут на фигуре Владимира Евграфовича Ермилова. Это тоже был очень популярный москвич. Кто не знал этого милейшего, вечно суетсящегося, беспокойно оживленного московского литератора. Он постоянно что-нибудь устраивал, организовывал, хлопотал и бескорыстно рекламировал безразлично что: новый журнал, любительский спектакль, литературный вечер, вкусные домашние обеды, дешевые меблированные комнаты. У него было несколько прозвищ: «Ермишка» — пренебрежительно звали его газетные репортеры. А официанты в кафе, где постоянно сиживал Ермилов, не называли его иначе, как «собачий пистолет»²³. Что это обозначало, я никак не мог понять, но было очень смешно и почему-то похоже. Леонид Андреев, умевший давать людям необыкновенно меткие прозвища, прозвал его «святой прохвост». Это было и зло, и остроумно. Как известно, большим мастером на такие определения, построенные на взаимно друг друга исключающих понятиях, был Д.В. Григорович. Достаточно вспомнить его классическую характеристику Стасова: «бешеный голубь»²⁴, в которой сказалась и неестественная экзальтация, и глубокая кротость громокипящего критика. К этой же категории определений относится и выдумка Л. Андреева. В прошлом Ермилов был педагог из либералов и, кажется, пострадал за свои убеждения. Одно время он сотрудничал в «Русских ведомостях» и писал статьи на педагогические темы, в которых боролся со школьной рутинной. Эти фельетоны собраны и изданы им отдельной книгой под названием «В борьбе с рутинной». Помню одну его статью «Муки памя-

журнал. 1958. Кн. 53. С. 181. В 1910-е годы занимался практическим рыболовством (в частности, написав книгу «Рыба и ее свойства при холодном хранении» (М., 1915)), позже преподавал в Московском высшем техническом училище рыбного хозяйства.

²² Ермилов Владимир Евграфович (1861—1918) — журналист и педагог.

²³ Об этом же прозвище (не называя прямо его носителя) вспоминает в мемуарах К.А. Коровин: «На третьей телеге едем мы — я, архитектор В.С. Кузнецов и литератор, прозванный Собачий Пистолет. [...] Третий — литератор. Что он писал, не знаю, интеллигент. Почему Собачий Пистолет — неизвестно. Но когда он узнал свое прозвище впервые, то сказал: “В России нет культуры”» (Коровин К. «То было давно... там... в России...». Воспоминания, рассказы, письма. М., 2010. Кн. 2. С. 688; см. также его краткий мемуар «Собачий пистолет», посвященный, вероятно, тому же Ермилову: Там же. С. 96–99).

²⁴ В литературе зафиксировано это определение Григоровича, относящееся не к Стасову, а к И.С. Тургеневу: *Островский А.Г.* Тургенев в записях современников. Л., 1929. С. 315.

ти». В ней Владимир Евграфович доказывал, что гимназистам в память западает лишь одно смешное и забавное. Так, напр., они хорошо помнят Герцога Бульонского, потому что он напоминает им бульон²⁵. «Вскипел бульон, течет во храм»²⁶. Ермилов перебивал на первых курсах всех факультетов Московского Университета, но ни одного не прошел до конца. В нем несомненно были заложены задатки немалых и разнообразных дарований, но он их растратил зря в мелкой и повседневной газетной работе. Он был прекрасным рассказчиком; его монологи и рассказы на любительских вечерах имели большой успех; особенно рассказы из педагогического быта: «урок закона божия», «инспектор женской гимназии», «экзамен», «шах персидский» и др. Они были не лучше и не хуже рассказов Вейнберга, Мальского, Сладкопепцева, Лебедева²⁷ и если бы были изданы отдельной книгой, дали бы хороший материал для эстрадного чтения. Успех в качестве рассказчика вскружил голову Владимиру Евграфовичу, он пожелал испытать свои силы на сцене и добился закрытого дебюта в Малом театре. В одном из великопостных спектаклей ему предоставили роль Городничего. Маленький и щупленький Ермилов напаялил на себя громадную толщину и, чтоб казаться грозным, рычал на весь театр. Он наполнил сильным криком всю сцену, но из этого ничего путного не вышло. Дебютант жестоко провалился. Ермилов пользовался особым расположением Варвары Алексеевны, которая его чисто по-русски жалела. Задумав издавать общедоступный для народа журнал, он выпросил у Морозовой деньги на его издание. Варвара Алексеевна ему охотно отпустила 10 000 рублей, на которые стал издаваться журнал «Народное благо». Издание успеха не имело, и в течение какого-нибудь одного года Ермилов израсходовал эти 10 000 рублей²⁸. Попроси он

²⁵ См.: *Ермилов В.* В борьбе с рутинной. М., 1898. С. 25.

²⁶ Пародийная строка, безосновательно приписываемая молвой переводу «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, выполненному С.Е. Раичем (или А.Ф. Мерзляковым; вар.: «Вскипел Бульон и в стан потек»).

²⁷ Последовательно перечисляются знаменитые исполнители рассказов из народного быта: Вейнберг Павел Исаевич (1806–1904) — прозаик и драматург; Мальский Николай Петрович (наст. фам. Нечаев; 1874–1908) — актер; Сладкопепцев Владимир Владимирович (1876–1957) — актер, чтец, театральный педагог; Лебедев Владимир Федорович (1871–1952) — актер.

²⁸ Об этом же вспоминает Н.Д. Телешов: «Издавал недолго Ермилов малоудачный еженедельный журнал, стараясь придать ему демократический оттенок. Назывался этот журнал “Народное благо”, но в писательской среде, по шуточному определению Гольцева, слыл под названием “Ермишина блажь” — журнал “не-дельный”» (*Телешов Н.* Записки писателя. М., 1966. С. 18). В действительности журнал «Народное благо» издавался в Москве с 1898 по 1905 г. (с разной периодичностью); Ермилов имел отношение к его изданию в 1902–1903 гг. Сходную версию финансовых взаимоотношений Ермилова и Морозо-

у Варвары Алексеевны еще денег, она несомненно не отказала бы ему, но Ермилов был совестлив. Будучи почти всю жизнь холостяком, Владимир Евграфович уже в пожилых годах неожиданно для всех женился на немке, бонне детей своего приятеля, маленького беллетриста, Ломакина²⁹.

Николай Павлович Ломакин тоже был любопытный тип. Он оставил книгу рассказов, отмеченных признаками большой наблюдательности и несомненного беллетристического дарования. Некогда богатый купец, старообрядец, он жил в Таганке, в собственном доме. Писать начал поздно, уже в зрелом возрасте и поэтому не успел развернуть своего дарования. Впоследствии он впал в долги, разорился и умер от прогрессивного паралича. Характер был у него очень тяжелый. Рассказывали, что Ермилов женился на его бонне, желая спасти ее от тягостных условий службы в доме Ломакиных. Женившись, Ермилов продолжал вести жизнь, весьма мало отличающуюся от холостого существования: селился в номерах, меняя одни меблированные комнаты на другие, Гренаду на Бристоль, Бристоль на Альгамбру³⁰, питался в столовых; писать, как истинная богема, он мог только в кафе, зимой у Филиппова³¹, летом у Грека на Тверском бульваре³². Бывало, займет с утра столик, начнет фельетон, и пока его закончит, посидит за десятком столиков; все посетители кафе — его приятели, с которыми поочередно он обсудит все злобы дня. Таков был этот организатор литературных бесед у Варвары Алексеевны Морозовой, фельетонист и рассказчик, педагог и актер, мечтатель и рекламист, идеалист и «блуждающий заемщик» в одно и то же время. Он умер в 1918 году от истощения, вскорости после закрытия всех беспартийных газет.

Третьим устроителем бесед при мне был Петр Константинович Иванов, автор двух книг: «Студенты в Москве» и «Врагам Леонида Андреева»³³. Им написана еще третья книга, но еще не издана. Это

вой приводит С.П. Мельгунов: *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 146.

²⁹ Николай Павлович Ломакин — участник революционного кружка, недочившийся студент Петровской сельскохозяйственной академии, владелец доходного дома в Москве; автор четырех книг рассказов.

³⁰ Популярны московские меблированные комнаты — «Гренада» (Брюсовский, д. 2), «Бристоль» (Тверская, д. 39), «Альгамбра» (Б. Гнездииковский, д. 7).

³¹ Булочная и кафе Д.И. Филиппова (Тверская, д. 10).

³² Открытое лишь в теплое время года кафе на Тверском бульваре, излюбленное место встреч московских писателей. См. о нем: *Лобанов В.М.* Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968. С. 80–82.

³³ О Петре Константиновиче Иванове (1876–1956) см. словарную справку: *Российское зарубежье во Франции. 1919–2000.* Биографический словарь. М., 2008. Т. 1. С. 610–611.

большой, очень большой роман, охватывающий почти всю нашу эпоху, первую четверть XX века. Роман был начат писанием тотчас же после первой революции 1905 года и писался 15 лет, так что в нем нашли свое отражение все наслоения русской жизни между первой и второй революцией: реакция, война и пр. Лица, слышавшие отрывки из романа в чтении самого автора, отзываются о нем очень благоприятно³⁴. Впоследствии в доме самого П.К. Иванова был свой очень интересный литературный салон, о котором когда-нибудь стоит вспомнить особо.

И, наконец, четвертый устроитель бесед — Евгений Иванович Вишняков — был педагог³⁵.

Переходя к рассказу о самих вечерах, я должен указать, что так же, как и у м-м Жофрен, у Варвары Алексеевны Морозовой бывали вечера двоякого рода: для писателей и деятелей старших поколений и для молодежи. На первых я никогда не присутствовал, а на вторых из старых писателей встречал только П.Д. Боборыкина, который отлично зарисовал Варвару Алексеевну в своем романе «Китай-Город» в лице купчихи новой культурной формации³⁶. И еще видал редактора «Русских ведомостей» Василия Михайловича Соболевского, который был вторым мужем Варвары Алексеевны и отцом двух ее последних детей.

Помню, однажды П.Д. Боборыкин со свойственной ему изысканностью говорил Морозовой: «Вы, Варвара Алексеевна, любите дегустировать людей, выискивать в них интересные черты, так же, как винодел пробует и смакует ценные вина». И, действительно, Боборыкин был прав; если припомнить и пересмотреть хотя бы часть лиц, посещавших салон Морозовой, получится очень интересная галерея людей, раскрывавших на ее вечерах частицу своих дарований.

Мы собирались и заседали в большой столовой Варвары Алексеевны. Комната освещалась двумя громадными столовыми лампами из литого серебра, под оранжевыми абажурами. Во время чтения доклада отлично дисциплинированная прислуга бесшумно, благодаря мягким коврам, разносила чай. После реферата и окончания прений неизменно подавался холодный ужин с вином, не обиль-

³⁴ Этот роман, по всей вероятности, утрачен. В своем кратком этюде о П.К. Иванове В.Н. Муромцева-Бунина упоминает в качестве вышедшей его книгу «Дама в синем», в действительности не существовавшую (*Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 264–265*) — может быть, речь идет об этом пропавшем романе?

³⁵ Е.И. Вишняков преподавал историю в реальном училище К.К. Мазинга и женской гимназии М.Г. Брюхоненко; см. также лаконичные упоминания о нем в: *Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М., 2002. С. 169.*

³⁶ В.А. Морозова послужила прототипом для героини романа «Китай-Город» Анны Серафимовны Станицыной.

ный, но тонкий. Вина были только столовые, белые и красные и в ограниченном количестве. Крепких вин не бывало, чтобы не разгорячать атмосферы. Все было обдуманно и предусмотрено. Собирались раза два в месяц.

После октябрьского переворота в особняке Варвары Алексеевны расположилась канцелярия одной из красноармейских частей, и писатель Лидин, который занимал в этой канцелярии пост младшего письмоводителя, ломая при подшивке бумаг иголки, сообщает (в № 8 «Новой русской книги»³⁷), что он нашел в печке пачку писем: Глеба Успенского, Льва Толстого, Мечникова, Короленко, — оказалось, что печку растапливали архивом редактора «Русских ведомостей» Соболевского. Комиссар помог собрать остатки писем и передать их, куда следует³⁸.

Если мы постараемся восстановить в памяти сейчас ту умственную атмосферу, в которой пребывало русское общество в конце прошлого и в начале нынешнего века, то нетрудно будет установить три идеологических течения, охватывавших тогда внимание русского юношества; эти три течения были следующие: в социологии и экономике — доктрина марксизма, в философии — учение Ницше, в области искусства — зачатки индивидуалистического направления, известного под именем декадентства и модернизма. Пожалуй, еще одно явление занимало в те годы умы молодежи специально в сфере сценического искусства. Это — Художественный театр, в 1898 году сказавший действительно новое по тому времени эстетическое слово, поднявший знамя художественного коллективизма и нового реализма на сцене. Вспоминая теперь темы бесед у Варвары Алексеевны, я нахожу, что все эти четыре направления мысли и творчества находили яркий отклик в ее салоне.

³⁷ Рассказ Лидина помещен в рубрике «Писатели — о себе» (Новая русская книга. 1922. № 8. С. 38).

³⁸ Ср. также в воспоминаниях М. Осоргина: «В восемнадцатом или девятнадцатом году ко мне однажды в Москве пришел красноармеец, молодой писатель, сейчас очень видный в советской литературе, и принес обгорелые странички, писанные моей рукой. Эти странички, узнав почерк, он успел вытащить из горевшего камина в доме Морозовой на Воздвиженке. В доме этом был размещен какой-то наряд красноармейцев, а так как была зима, то солдаты, не имея дров, топили печи и каминны найденными в шкапах бумагами.

Это было мое письмо к Соболевскому, и печи топили его архивом. Сообразив это, мы попытались принять срочные меры, уведолив наркомпроса А. Луначарского о гибели, грозящей одному из замечательнейших архивов. Время было такое, что я даже не знаю, имело ли наше предупреждение какие-нибудь последствия и спасена ли хоть часть архива Соболевского» (*Осоргин М. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М., 2007. С. 512*). Небольшой архив В.М. Соболевского есть в РГАЛИ (Ф. 452), но восходит ли он к бумагам, спасенным от красноармейской печки, мы не знаем.

Из ряда очень ценных и содержательных рефератов по вопросам философии вспоминается доклад тогда еще студента, а ныне известного историка литературы Вл. Фед. Саводника о Ницше и Максе Штирнере. И сама философия Ницше с его призывом к сверхчеловеку в те годы едва только начинала проникать к нам из Германии. Не было еще хороших, добросовестных переводов; бедный русский читатель вынужден был довольствоваться самым вульгарным изложением афоризмов Заратустры; что же касается ультра-эгоистического учения Штирнера и книги «Единственный и его достояние», то они вовсе еще не были известны русскому обществу. И Вл. Фед. Саводник заговорил об них в России едва ли не впервые. Этой теме было посвящено два вечера.

Помню, в прениях живейшее участие принял приват-доцент Иван Иванович Иванов, автор известных исследований о русской критике и книг о Тургеневе, о Сен-Симоне, о роли театра в истории французской революции³⁹. Варвара Алексеевна очень ценила выступления Иванова, она называла его «Златоустом», и, действительно, в те годы Ив. Ив. Иванов пленял своих собеседников изяществом и благородством своего тихого и скромного, но подлинно литературного красноречия. Молодежь в те годы зачитывалась его критическими и театральными фельетонами в «Русских ведомостях». Ив. Ив. Иванов был приват-доцентом Московского Университета, но вскорости получил назначение в Нежин, в лицей Безбородко, где, оторванный от столичных центров, погрузился в мелочи лицейской жизни, отстал от науки и утратил все очарование своего несомненного таланта.

Между прочим, в Москве сохраняется один любопытный памятник увлечения ницшеанством, столь характерным для той эпохи. Это дом Метрополь, ныне второй дом Советов, выстроенный академиком Шехтелем и украшенный майоликовой мозаикой по рисункам Врубеля. Мало кто знает, что по всему фасаду дома, выходящему на Неглинный проезд и на Театральную площадь к фонтану, тянулся фриз, представляющий собой цитату из Ницше. Всмотревшись как следует в этот фриз, вы могли прочесть выписанную славянской вязью следующую фразу: «Опять старая история; только когда выстроишь себе дом, узнаешь, что научился кое-чему. Фридрих Ницше»⁴⁰. Теперь на месте этого афоризма другая над-

³⁹ Иванов Иван Иванович (1862–1929) — историк литературы и критик.

⁴⁰ Апофегма взята из книги «По ту сторону добра и зла» (см.: *Ницше Ф.* Собр. соч. Т. II. По ту сторону добра и зла. М., [1900]. С. 292; в классическом русском переводе: «Довольно плохо! Опять старая история! Когда выстроишь себе дом, тогда замечаешь, что научился кое-чему, что *должен* был знать прежде, чем начинать постройку. Вечное, жалкое “слишком поздно”! — меланхолия всего *готового!*»); очевидно, использованный для оформления «Метрополя» перевод был выполнен специально для этого монументального случая.

пись. «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала. В.И. Ленин».

Из рефератов на философскую тему вспоминается еще доклад о философской поэзии Вл. Соловьева. Его читал высокого роста черный, с монгольскими скулами, с гортанной речью студент-филолог четвертого курса. Когда я спросил своего соседа по столу, прив[ат-]доц[ента] Викторова, как фамилия докладчика; он ответил: «его зовут Валерий Брюсов⁴¹. Это поэт, автор стихотворения, состоящего из одной лишь строчки: “О, закрой свои бледные ноги”». И я помню дословно, что Викторов сказал дальше: «Отец Брюсова московский купец, чудака, собирающий коллекцию... пробок»⁴². Я думаю, что это именно чудачество отца, перенесенное на интеллектуальную почву сына, породило поэта-декадента. Брюсов читал свой очень интересный доклад в первом же осеннем собрании после смерти Соловьева⁴³. Лица, присутствовавшие при его смерти, передавали свои впечатления от его удивительной кончины. Рассказывали, что он перед смертью молился о судьбе еврейского народа. А в бреду он говорил о французском аэронавте Андре, который в то лето полетел в зростате открывать северный полюс⁴⁴. «Какой там еще северный полюс, — бредил Соловьев, — в мире есть только два полюса, мужской и женский, да и те нужно не открывать, а закрывать». Запомнилось еще, что кто-то высказал

⁴¹ Викторов Давид Викторович (1874–1918) — философ, знакомый и корреспондент Брюсова.

⁴² Дед Брюсова, Кузьма Андреевич Брюсов (1808–1891) владел единственной в Москве 1860–1870-х годов пробочной торговлей; сведения о его коллекции, скорее всего, имеют анекдотический характер.

⁴³ У нас на удивление мало сведений об этом докладе: еще единожды его упоминает тот же Кара-Мурза в другом варианте воспоминаний о салоне Морозовой («Помню, В.Я. Брюсов, тоже еще студент, последнего курса филологического факультета, читал доклад о философии и поэзии Владимира Соловьева». См.: *Кара-Мурза С.* Московская madame Жофрен // Понедельник власти народа. 1918. 11 марта. № 2. С. 4), и почти вскользь о нем говорится в книге К. Мочульского: «В 1901 году московские символисты собирались в салоне просвещенной меценатки В.А. Морозовой. Читались и обсуждались доклады. Студент-филолог Саводник читал о Ницше и Максе Штирнере, Брюсов — о Вл. Соловьеве [...]» (*Мочульский К.* Валерий Брюсов. Париж, 1962. С. 69). Более того, сам Брюсов, фиксируя в дневнике события осени 1900 г., упоминает лишь о своих впечатлениях от доклада о Соловьеве, прочитанного в салоне Морозовой В.Ф. Саводником (см.: *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 109–110). Возможно, Кара-Мурза смешал воспоминания о докладе Саводника с впечатлением от статьи Брюсова о Соловьеве (Поэзия Владимира Соловьева // Русский архив. 1900. № 8. С. 546–554).

⁴⁴ Шведский (а не французский) естествоиспытатель Саломон Август Андре (1854–1897) предпринял свою роковую экспедицию на север в 1897 году, т.е. за три года до смерти Соловьева.

уверенность в том, что Соловьев всю жизнь оставался целомудренным и умер девственником.

Валерий Брюсов возглавлял собой особую группу посетителей бесед, так называемых «Скорпионовцев». Тогда только что образовалось книгоиздательство «Скорпион», колыбель русского декадентства. Идейным вдохновителем его был Валерий Брюсов, а финансировал его Сергей Александрович Поляков, известный переводчик Гамсуна. Непременным членом этой группы был Юргис Балтрушайтис, поэт и переводчик, а ныне литовский посол в Москве.

Некоторое время к Скорпионовцам примыкал впоследствии отколовшийся от них Модест Александрович Дурнов, очень талантливый человек, обладавший разнообразными дарованиями: поэт, художник и архитектор, человек, как сказано о нем Бальмонтом, «создавший поэму из своей жизни»⁴⁵. Это был один из первых поэтов-декадентов, участник самых ранних сборников «Русские символисты»⁴⁶. Творчеству Модеста Дурнова принадлежит довольно популярная в то время гравюра, продававшаяся во всех эстампных магазинах: «XIX век», на ней изображена Эйфелева башня, у подножия которой стоят все мировые известности прошлого столетия: Бисмарк, Гете, Ницше, Толстой, Гладстон и др. Им написано несколько отличных детских портретов и портрет Собинова. В ту пору Модест Дурнов выстроил для московского антрепренера-увеселителя Шарля Омона новый театр на Садовой-Триумфальной, нынешний театр имени Мейерхольда. Первоначальный проект фасада был совсем не таков, каким он воплотился в действительности. Между прочим, главный вход в театр должен был изображать собой раскрытую пасть чудовища-дракона, поглощающую потоки людей. Однако московский губернатор Голицын не разрешил такого фасада и последний был переделан, вследствие чего лишился всякой примечательности. Тем не менее москвичи долгое время считали этот театр декадентским зданием. М. Дурнов умер в 1928 г.

Скорпионовцы вызывали к себе в обществе большой интерес. Помимо своих встреч в редакции, которая помещалась в уютной квартире в Метрополе, они собирались еженедельно по вторникам в ресторане Большой Московской Гостиницы⁴⁷. Пшибышевский, Номо Sapiens, Фальк и его коньяк⁴⁸, все это было тогда в большой

⁴⁵ Неточная цитата (в оригинале: «художнику, создавшему поэму из своей личности») из дедикации к сборнику К.Д. Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903). М.А. Дурнову Кара-Мурза посвятил отдельный мемуарный очерк, который рассчитываем напечатать в одном из следующих номеров «Литературного факта».

⁴⁶ В «Русских символистах» М. Дурнов (по крайней мере, под своей фамилией или опознаваемым псевдонимом) участия не принимал.

⁴⁷ Воскресенская площадь, д. 1.

⁴⁸ Фальк — охочий до коньяка герой романа С. Пшибышевского «Номо sapiens», изданного «Скорпионом» (М., 1904).

моде и было окружено неким манящим ореолом, и поэтому находились такие любители, которые специально ездили в Большую Московскую Гостиницу смотреть, как выглядят первые русские декаденты. Однажды Скорпионовцы захотели заполучить себе в свой лагерь начинавшего входить в славу Ивана Алексеевича Бунина. Встреча была назначена у Варвары Алексеевны Морозовой. Спервоначально им как будто бы удалось привлечь Бунина. Он дал им книжку своих стихотворений «Листопад», и «Скорпион» ее издал⁴⁹. Но тем дело и ограничилось; дороги их не сошлись. Бунин остался парнасцем, а Скорпионовцы пошли по пути символизма. То же самое произошло и с Чеховым, которого Брюсов и Балтрушайтис звали к себе; он им дал в «Северные Цветы» один рассказ «В пути», очень мало характерный для Чехова; но настоящий союз так и не состоялся⁵⁰.

Балтрушайтис, начавший свою самостоятельную жизнь литовским пастушком в Ковенской губ., был студентом математического факультета и пользовался огромной популярностью в университете⁵¹. Не только студенты, но и профессора отзывались о нем как о гениальном юноше. Он обнаруживал необыкновенные способности к лингвистике и знал все европейские языки. Теперь мы знаем, что он не оправдал возлагаемых на него надежд. Ничего бессмертного он не создал и в истории литературы остается только как хороший переводчик и посредственный поэт. Вместе с Поляковым он перевел драму Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся» и единолично перевел множество произведений Д'Аннунцио, Ибсена, Гамсуна, Гауптмана, Уайльда, Стриндберга и других. Он был неизменным посетителем вечеров Варвары Алексеевны и однажды прочел реферат о трагедиях Д'Аннунцио.

С анализом пьесы Ибсена «Доктор Штокман» выступил экспансивный студент-кавказец, впоследствии профессор, Александр Семенович Яценко⁵². Это был чрезвычайно бодрый и энергичный юноша. Не зная ни одного иностранного языка, он решил остаться при кафедре международного права и добился своего: изучил французский и немецкий языки и стал профессором. И был момент, по-

⁴⁹ Встреча Бунина с В.Я. Брюсовым и С.А. Поляковым, в результате которой была достигнута договоренность об издании и передана рукопись сборника «Листопад», произошла в последних числах августа 1900 г., но о посещении ими салона В.А. Морозовой сведений нет (см.: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. Сост. С.Н. Морозов. М., 2011. С. 362, 363).

⁵⁰ Кара-Мурза ошибается — в альманахе был напечатан рассказ Чехова «Ночью» (Северные цветы на 1901 год. М., 1901. С. 37–41).

⁵¹ Ю.К. Балтрушайтису Кара-Мурза посвятил отдельный очерк (см.: *Литературный факт*. 2017. № 4), выдержанный в значительно более комплиментарном тоне, нежели это скупое упоминание.

⁵² Александр Семенович Яценко (1877–1934) — юрист, философ, издатель, библиограф.

сле смерти профессора Мартенса, члена Гаагского международного трибунала от России⁵³, когда Яценко прочили кандидатом на его место. Во время студенческих беспорядков 1900 г. Яценко также был арестован и сослан вместе с Чулковым в тайгу. По возвращении из ссылки он с восторгом рассказывал о Сибири и говорил, что нужно было насильственное вмешательство рока для того, чтобы получить возможность совершить такое интересное путешествие. Вообще, это был чрезвычайно восторженный юноша. Однажды ночью, выходя от Варвары Алексеевны, мы встретили пожарную команду, мчавшуюся с горящими факелами по Воздвиженке. Яценко, — его звали по-грузински Сандро, — пришел в необыкновенный восторг от этой картины и стал развивать целую теорию о том, что пожарные — это гладиаторы современной Европы. В настоящее время он живет в Берлине; несколько лет он редактировал преемственный журнал «Новая русская книга».

Г.И. Чулков читал доклад о поэзии Брюсова, который и сам присутствовал на вечере. Эта беседа ознаменовалась памятной для всех присутствовавших полемической схваткой между Ив. Ив. Ивановым и Брюсовым⁵⁴. Все были вовлечены в необыкновенно страстный, запальчивый и пламенный словесный турнир старовера Иванова и новатора Брюсова. Последний тогда только что вернулся из-за границы и забросал своего оппонента свежими литературными лозунгами, последними эстетическими формулами, новейшими, неизвестными еще в России, именами писателей, художников и критиков. Иванов тихими, спокойными, но язвительными стрелами, путем ссылок на Пушкина, Баратынского, Языкова и др. старомодных поэтов метко парировал удары молодого вождя новейшей русской поэзии. Не знаю, на чьей стороне было сочувствие большинства аудитории, но Варвара Алексеевна всецело отдавала свои симпатии в этом споре стороннику старых литературных традиций Иванову. Признавая всю привлекательность новых художественных исканий, Варвара Алексеевна, тем не менее, не очень жаловала декадентов и модернистов.

⁵³ Федор Федорович Мартенс (1845–1909) — юрист, историк, дипломат.

⁵⁴ Обстоятельства этого вечера (15 января 1901 г.) подробно описаны Брюсовым в дневнике (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 118*; ср. ретроспективные возражения Чулкова: *Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 110*). Не смешивает ли Кара-Мурза вечер чулковского доклада с другим, состоявшимся в декабре 1900 г., про который Брюсов писал в дневнике: «Четверг у Морозовой, где я читал о “новом искусстве”. Был там Ив. Ив. Иванов; его избрали председателем, и он напал на меня жестоко. Мне почему-то лень было защищаться (стоит ли с ним спорить, да и устал я в Петербурге). А напрасно, он после везде разглашал, что разбил меня на всех пунктах и что жена моя чуть не плакала с отчаяния...» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 117*).

Тот же спор возник и при чтении П.К. Ивановым доклада о творчестве Мопассана. Французский новеллист тогда уже впал в безумие, когда Лев Толстой выпустил свой восторженный и, как всегда, несколько неожиданный и парадоксальный отзыв о нем⁵⁵. В это же время появилась книга воспоминаний камердинера Мопассана о своем барине⁵⁶, и находились любители, которые не шутя сопоставляли эти две характеристики, данные лакеем и Толстым. Вечер, посвященный Мопассану, также был одним из любопытных диспутов на тему о натурализме и романтизме в области воспроизведенной любви.

В те годы в Москве жил малоизвестный литературный критик Евгений Жураковский. Им издана книга критических статей о новейших течениях русской литературы. В писаниях своих Жураковский был пресноват, но говорил он недурно. Он принимал постоянное участие в прениях после докладов, а однажды прочел свой реферат о пьесе Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся». Некоторое время он профессорствовал в Московской филармонии по кафедре литературы, а впоследствии как-то незаметно и бесследно исчез из Москвы, и какова его дальнейшая судьба — мне неизвестно⁵⁷.

Очень памятно мне первое выступление юного студента-первокурсника только что окончившего Феодосийскую гимназию, Кириенко, впоследствии известного поэта и литературного критика, Макса Волошина. Это был очень примечательный студент во многих отношениях и человек воистину не от мира сего. Он совершенно не видел окружающей его реальной жизни и витал в сфере грез и фантазий. Увлекался финансовым правом и поэзией. Днем читал Янжула и других финансистов, а ночи напролет просиживал над поэтами и сам писал стихи. Он всей своей фигурой был создан для того, чтобы стать персонажем литературных произведений. И, действительно, он изображен в известной, некогда нашумевшей пьесе Косоротова «Весенний поток» в виде альпиниста, декламирующего стихи о кентавре⁵⁸. И кроме того, весьма прозрачно, со всеми под-

⁵⁵ Имеется в виду предисловие Толстого к сочинениям Г. де Мопассана, впервые напечатанное в 1894 г.; Мопассан к этому времени был уже мертв.

⁵⁶ Речь идет о книге воспоминаний Ф. Тассара (1856?–1949): Tassart F. Souvenirs sur Guy de Maupassant. P., 1911. Ее хронологическое сближение со статьями Толстого явно ошибочно.

⁵⁷ Жураковский Евгений Дмитриевич (1871–1922) — педагог, историк литературы. О нем см.: *Кеда А.А. Жураковский Е.Д. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 292–293.

⁵⁸ Косоротов Александр Иванович (1869–1912) — драматург и театральный критик. Волошин послужил прототипом для персонажа его драмы «Весенний поток» (1904; отд. изд.: СПб., 1905) художника Бориса Николаевича Плахова; ср. его авторскую характеристику: «Красив, свеж, кудряв. На носу золотое пенсне на черной широкой ленте, которое он часто поправляет. Лицо

робностями его обихода он зарисован в романе Алексея Толстого «Хромой барин»⁵⁹. Он был с длинными волосами, толст и мало грациозен. Все, что он ни делал, было немножечко смешно и наивно, но всегда искренно и прямодушно. В Петербурге он не то дрался, не то должен был драться на дуэли с покойным Гумилевым из-за поэтессы с весьма экзотической фамилией — Черубина-де-Габриак. Дуэль, конечно, никаких последствий не имела, окончилась к общему благополучию, за исключением того, что Макс потерял в снегу одну свою калошу. И это было единственное вещественное доказательство, обнаруженное прибывшей на место поединка полицией. У себя на даче близ Феодосии, в местности Коктебель, приобретенной благодаря Волошину довольно широкую в литературных кругах популярность, он устроил писательский уголок, где почти постоянно летом жила Григорий Петров, Поликсена Соловьева, Ходасевич, Алексей Толстой и др. Здесь Волошин создал себе культ солнца, поклонялся огненному светилу, причем ходил в костюме не то Адама, не то Касьяна Голейзовского⁶⁰, украшенный одним лишь лавровым венком.

В те годы венок вообще был одним из существенных атрибутов обихода поэтов. Андрей Белый в своих воспоминаниях о Блоке, касавшихся той же эпохи, пишет: «Мы искали нот гармонии, в воображении возникали прекрасные формы общения: все мы сидим за столом; мы — в венках; посредине плодов — чаша, крест; мы любим, мы вникаем безмолвию»⁶¹.

Волошин сумел увлечь природой своей местности художника Богаевского, который в своих так называемых киммерийских пейзажах всячески эксплуатирует коктебельский ландшафт. Некоторая склонность к эксцентричности и чудачеству, очевидно, была наследственной в поэте, ибо его мать, милейшая и умнейшая Елена Оттобальдовна, ходила в мужском костюме и встречные крестьяне

открытое, смелое. Движения нервные, быстрые; походка чуть-чуть подпрыгивающая, упругая, будто он весь на пружинах. На нем широкий костюм парижской богемы: куртка темно-оливкового бархата, с отложным воротником, очень поношенная; широкие панталоны такой же материи, сходящие книзу на нет; сапоги грубые, с заплатами; темно-красный огромный галстук бабочкой» (*Косоротов А.И.* Весенний поток. СПб., 1905. С. 12–13). Стихотворение Волошина «Письмо» («Я соблюдаю обещанье...»), где упоминаются кентавры, цитируется и обсуждается на с. 20–22 той же пьесы.

⁵⁹ Кара-Мурза путает два произведения А.Н. Толстого: Волошин запечатлен не в «Хромом барине», а в «Егоре Абозове», где он выведен под именем Ивана Поливанского.

⁶⁰ Касьян Ярославич Голейзовский (1892–1970) — танцовщик и балетмейстер. Здесь подразумевается его стремление к исключительной лаконичности актерских костюмов.

⁶¹ Не вполне точная цитата; см.: *Белый А.* Собр. соч. М., 1995. [Т. 4]. С. 48.

не раз ее с недоумением спрашивали: кто ты — баба или мужик? И так, этот самый Волошин, столь много начудивший впоследствии, но тогда еще никому неизвестный, выступил с рефератом о «Потонувшем колоколе», причем крайне страстно и беспощадно обрушился на дефекты перевода Бальмонта, с которым впоследствии вступил в нежнейшую дружбу⁶². Волошин установил, что в переводе Бальмонта больше отсебятины, чем подлинного немецкого текста и при этом привел ряд примеров в сопоставлении с гауптмановским контекстом, производящих уничтожающее впечатление. Между прочим, Волошин был прекрасным хиромантом. Бывало, он все держит в своих руках чью-нибудь ладонь и по ее линиям, морщинам, складкам и бугорочкам определяет характер и предугадывает судьбу. Учение знаменитого хироманта 17-го века Преториуса⁶³ он изучил в совершенстве. Он был недурным рисовальщиком; его рисунки, печатаемые в «Весах», несколько напоминали манеру Валлотона⁶⁴. Вообще он знал много интересных и экзотических вещей. В эпоху реакции, эротики и порнографии, которая, как вы помните, последовала после первой революции 1905 года, он читал в одном большом обществе доклад о чуть ли не 77 способах сплетений любви⁶⁵. Вскорости он женился на художнице Сабашниковой и переехал в Париж. В этот вечер, в день своего доклада, Волошин явился к Варваре Алексеевне со своим другом, тоже студентом-первокурсником, тоже поэтом Свободным, который был содокладчиком Волошина и в прениях горячо отстаивал все положения своего друга. На этой фигуре тоже стоит остановиться несколько поподробнее⁶⁶.

Про Свободина почему-то говорили: это брат «Русской мысли». Я долго не понимал значения этого прозвища, пока не узнал его происхождения, имевшего, как оказалось, целую историю. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах у богатого елецкого купца, миллионера-хлеботорговца Лаврова⁶⁷ завязалось знакомство,

⁶² Это выступление состоялось весной 1900 г., см.: *Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 72.

⁶³ Иоанн Преториус (Johannes Praetorius; 1630–1680) — автор классического сочинения «*Ludicrum chiromanticum*» (Jenae, 1661).

⁶⁴ Волошин был одним из присяжных иллюстраторов «Весов» в первый год издания журнала; его рисунки были помещены в №№ 1, 2, 3, 8 и 9 за 1904 год.

⁶⁵ Речь идет о лекции Волошина «Пути Эроса», прочитанной в Литературно-художественном кружке 27 февраля 1907 г. и имевшей скандальный успех.

⁶⁶ Другой вариант воспоминаний о М.П. Свободине см.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 83–84; там же комментируется ряд обстоятельств, упоминаемых далее.

⁶⁷ Вукол Михайлович Лавров (1852–1912) — журналист, издатель.

а потом и крепкая русская дружба с веселым провинциальным актером, впоследствии превосходным артистом Александринского театра Павлом Матвеевичем Свободиным. Вероятно, где-нибудь в Курске или в Тамбове, после спектакля за клубным ужином. Дружба Лаврова со Свободиным росла и крепла и ничуть не ослабла даже после того, как Лавров переехал из Ельца в Москву, а Свободин прочно обосновался в Петербурге. В 1879 году в жизни обоих друзей произошло два события: Лавров стал издавать «Русскую мысль», а у Свободина и его жены, петербургской балерины Ольги Михайловны Струковой⁶⁸, родился сын. И так как оба этих радостных события произошли почти одновременно, то счастливые родители и порешили, чтобы новорожденный Мишель Свободин считался братом новоявленного в свет лавровского журнала. Вот откуда и пошло название «брат Русской мысли». М. Свободин широко пользовался этим своим званием и занимал в редакции привилегированное положение. В качестве брата журнала он, еще будучи учеником седьмой Московской гимназии, что у Страстного, напечатал в «Русской мысли» отличный очерк о здании этой гимназии⁶⁹, прекрасном, старинном особняке, в котором по преданию происходили события, составляющие действие «Горя от ума», а сейчас помещается КУТВА⁷⁰. Помню, особенно картинно был описан Свободиным вестибюль и лестница гимназии, из-за которой в комедии Грибоедова показывается Чацкий при появлении Репетилова. Поступивши в университет, Свободин сделался постоянным сотрудником «Русской мысли»: писал очень тонкие библиографические заметки, обличающие в юном рецензенте благородный литературный вкус и здоровое критическое чутье; там же он печатал свои прекрасные лирические стихотворения, столь ценимые Гольцевым, Лавровым, Чеховым, Потапенкой и впоследствии так полюбившиеся Горькому⁷¹. Свободин был необыкновенно одаренным юношей, с проблес-

⁶⁸ Ольга Михайловна Струкова (?–1908) — актриса, вторая жена П.М. Свободина, эпизодическая гостя биографии Волошина, знакомая его матери, содержательница меблированных комнат.

⁶⁹ Об этом же очерке почти в тех же выражениях вспоминает студенческий приятель Свободина Ф.К. Арнольд в мемуарах, напечатанных лишь в новейшее время (*Арнольд Ф. Свое и чужое // Воспоминания о Максимилиане Волошине*. М., 1990. С. 83–84). Имеется в виду статья «Грибоедовский музей в Москве», подписанная инициалами «М.С.» (Русская мысль. 1900. № 11. Отд. II. С. 225–231).

⁷⁰ Особняк на Страстной площади, разрушенный в 1970-е годы. КУТВА — Коммунистический Университет трудящихся Востока.

⁷¹ Свободин напечатал в «Русской мысли» всего три стихотворения: «На смерть А.П. Чехова» (1904. № 7. Отд. I. С. 192), «Голубые колокольчики звенят...» (1904. № 8. Отд. I. С. 74), «Осенние песни» (1904. № 12. Отд. I. С. 172). Отношение Горького документировано: в его архиве сохранилась рукопись

ками крупного поэтического таланта. «Вундеркинд» — называла его покойная Мария Гавриловна Савина, которой поэт посвятил свой очаровательный перевод в стихах «Покрывала Беатриче» Шницлера⁷². Кроме этой пьесы Свободиним переведен еще «Зеленый Попугай» Шницлера, изданный «Скорпионом»⁷³; нежно привязался к поэту в последние годы его жизни и Ф.И. Шалапин. Окончив университет, Свободин вступил в сословие адвокатов, приписавшись в качестве помощника к присяжному поверенному... В.А. Гольцеву, редактору «Русской мысли»⁷⁴. Два юридических «нонсенса», говорили об этой паре адвокатов; патрон и помощник, никогда не пледирующие⁷⁵ в судах. Трагический отблеск пал на судьбу обоих Свободиных: отец, артист, как известно, скоропостижно умер во время спектакля на сцене Александринского театра, играя в «Шутниках» Островского. Плохо кончил и бедный романтик Мишель: он застрелился в ноябре 1906 года в Москве, в безнадежных поисках взаимности, на пороге квартиры известной оперной певицы З.В. Петровской⁷⁶. Значительный свет на самоубийство М. Свободина бросает одно его стихотворение, написанное за две недели до смерти и поднимающее завесу над его внутренней жизнью.

Меня предчувствие тревожит
 Мне жутко, холодно, темно...
 И боль мою унять не может
 Ни смех, ни песни, ни вино!
 Как молний гибельное пламя
 Мне очи грозный блеск слепит!
 Идет тяжелыми шагами
 Все ближе, ближе — смерть спешит!
 Иди, последнее страданье,
 Привет последнему врагу!
 Спеши! быть может, не смогу
 Я вынести муку ожиданья,
 Быть может, я на дальний зов
 Молчаньем кротким не отвечу,
 И сам пойду к тебе навстречу
 Под звон разорванных оков...

стихотворного сборника Свободина «Песни солнышку», испещренная приятными маргиналиями (см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1999. Т. 5. С. 359).

⁷² В печатном издании перевода это посвящение снято (*Шницлер А.* Полн. собр. соч. М., 1904. Т. III. С. 129–328).

⁷³ См. об этом: Литературный факт. 2017. № 4. С. 84.

⁷⁴ Гольцев Виктор Александрович (1850–1906).

⁷⁵ От фр. *plaider* — выступать в суде публично.

⁷⁶ См.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 84.

Какой-то рок преследовал Свободина и после его трагической безвременной смерти. Вскоре после его самоубийства друзья поэта, к которым принадлежал и я, решили собрать все его произведения и лучшие из них издать отдельной книгой, которая, несомненно, явилась бы отличным сборником стихотворений, проникнутых нежнейшим чувством самого чистого, интимного лиризма. Но когда комиссия из нескольких лиц, избранная для этой цели, приступила к собиранию рукописей, оставшихся после умершего, оказалось, что все литературное наследие поэта куда-то исчезло. Свободин, взыскательный к чужим стихам, был особенно строг к своим собственным произведениям и отдавал в печать очень немногое из того, что творил. Друзья предполагали найти большое количество рукописей, так как знали, что покойный писал очень много, но, к сожалению, ничего не нашли. Путем долгих поисков и расспросов удалось установить лишь то обстоятельство, что незадолго до своей смерти Свободин вручил весь свой литературный архив московскому композитору, Юрию Сергеевичу Сахновскому, который по просьбе Максима Горького, большого поклонника поэзии Свободина, отвез рукописи к нему на остров Капри⁷⁷. Попытки друзей поэта путем переписки с Горьким получить стихи обратно в Москву ни к чему не привели, и какова их дальнейшая судьба, никому из нас неизвестно. А между тем, после поэта остался сын⁷⁸, который, несомненно, и морально, и материально заинтересован в том, чтобы произведения его отца были изданы и его литературное имя, вполне заслуживающее того, чтобы память о нем сохранилась в потомстве, — не было забыто.

Смерть Свободина вызывает воспоминание еще об одном самоубийстве: тоже постоянного гостя салона Варвары Алексеевны — Выставкина. Это был молодой московский присяжный поверенный⁷⁹. Он читал доклад о «Воскресенье» Толстого, причем взглянул на произведение с точки зрения юридической или, вернее, судебной. В прениях по этому докладу принимали участие многие видные московские адвокаты: Сахаров, Маклаков⁸⁰ и др. Несколько лет тому назад, поздней осенью, Выставкин неожиданно исчез из дому и больше не явился. Труп его нашли под Москвой, в Краскове, в реке Пехорке. Судя по остановившимся в воде часам, следст-

⁷⁷ Юрий Сергеевич Сахновский (1866–1930) — композитор, музыкальный критик, был у Горького на Капри в 1907 г. (см.: Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 300).

⁷⁸ Сведений о сыне М.П. Свободина у нас нет.

⁷⁹ Василий Васильевич Выставкин, автор брошюр «К вопросу о правах города на земли, находящиеся в его черте» (М., 1912) и «Закон 23 июня 1912 года о праве застройки» (М., 1913; совм. с М. Минниным).

⁸⁰ Иван Николаевич Сахаров (1860–1918); Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957).

вие установило, что он утопился ровно в 12 часов, вероятно, ночью. Что побудило его покончить с собой, осталось неразгаданным. Жена Выставкина, Екатерина Владимировна, очень талантливая ораторша, принимала в Москве деятельное участие почти во всех литературных диспутах. Она пишет под псевдонимом Бровцына и выпустила в свет роман «Амазонка», первоначально напечатанный в «Русском богатстве»⁸¹.

Чтобы покончить с докладами на литературные темы, я должен сказать, что пишущий эти строки также прочел два реферата: один о чеховской «Чайке», другой о всей драматургии Чехова.

Особую группу гостей В.А. представляли финансисты и экономисты: проф. Озеров⁸² и его ученики, которые назывались «озерианцами». Среди заметных «озерианцев» помню студентов Фридмана и Кобылинского. Сам Озеров заслуживал бы того, чтобы на его фигуре остановиться подольше. Но еще не пришло время дать полную оценку его жизни и деятельности. Во всяком случае, этот сын стрелочника, Иван Христофорович Озеров, ставший доктором финансового права и членом Государственного Совета, когда-нибудь будет привлекать к себе пристальное внимание, и немало страниц будущих московских мемуаристов будут ему посвящены. За последние годы перед войной [он] заседал в десятках торгово-промышленных предприятий. Кажется, не было в Петербурге такого банка, акционерного общества или паевого товарищества, где Иван Христофорович не числился бы членом правления или совета. Разносторонность его амплуа была поразительна. Он был не только ученый, профессор, финансовый и государственный деятель, фельетонист «Русского слова», но и поэт. Под псевдонимом Ихоров, он издал книгу своих стихотворений в прозе⁸³. Он был большим поклонником поэзии Бодлера и любил декламировать его знаменитое стихотворение «Опьяняйтесь». Сейчас он работает в Наркомфине в качестве консультанта.

Его ближайшим учеником был Михаил Исидорович Фридман, очаровательный юноша, чистый, мечтательный, пронизанный идеализмом. Впоследствии он стал профессором финансового права в Петербургском политехникуме, писал в газете «Речь» за подписью «Скептик». В революцию 17-го года он был товарищем министра

⁸¹ Выставкина (урожд. Бровцына; по второму мужу Галлоп) Екатерина Владимировна (1877–1957) — прозаик, переводчица. Роман «Амазонка» первоначально печатался в «Русском богатстве» (по цензурным причинам некоторое время именовавшемся «Русскими записками»; 1916. №№ 4–9); первое отд. изд. — М., 1917; 2-е — Берлин, 1923.

⁸² Иван Христофорович Озеров (1869–1942).

⁸³ Под псевдонимом «З. Ихоров» Озеров выпустил книги «Исповедь человека на рубеже XX века» (М., 1904), «Записки самоубийцы» (М., 1911) и «Песни бездомного» (М., 1912); имеется в виду последняя из них.

финансов в кабинете Керенского. Он умер в Москве в 1921 году от базедовой болезни⁸⁴.

Другим верным учеником Озерова был П.П. Гензель, недавно занимавший крупный пост в Наркомфине, а ныне прославившийся своими антисоветскими выступлениями в Англии⁸⁵.

Более кривую параболу карьеры сделал третий ближайший ученик Озерова, убежденный «озерианец», Лев Львович Кобылинский, впоследствии известный в литературе под именем Эллис. Он писал стихи, публицистические статьи, переводил французских и бельгийских поэтов; в своих писаниях он был мало оригинален и ничем не примечателен, но как личность, совершившая чрезвычайно интересную эволюцию духа, он необыкновенно богат внутренним содержанием и запомнится историей русской культуры, быть может, как Печерин 20-го века. В своих воспоминаниях о Блоке Андрей Белый говорит об Эллисе следующее: «под несносной, назойливой личиной Эллиса таилась душа глубочайшей загадочности и оригинальности: оригинален хотя бы тот путь, который он прошел с 1898 года, от учения марксизма через антропософию к католицизму самого иезуитского пошиба»⁸⁶. В девятисотом году Эллис был марксистом, и под влиянием Озерова писал диссертацию о Канкрине⁸⁷. В 1904 году — символист, поклонник Бодлера и Данте, в 1907 году фанатический ученик, апологет и оруженосец Брюсова, в 1912 году — штейнерианец, собственными руками воздвигающий в Швейцарии, близ Дорнаха, храм, посвященный религии Рудольфа Штейнера и, наконец, в настоящее время почитатель Игнатия Лойолы, пишущий своим друзьям послания, в которых слова «святой костер инквизиции» склоняются во всех падежах. Ныне Эллис принял католичество и стал монахом иезуитского ордена⁸⁸. Эллис был

⁸⁴ Михаил Исидорович Фридман (1875–1921) был, как и Кара-Мурза, сотрудником газеты «Курьер».

⁸⁵ Павел Петрович Гензель (1878–1949) — в 1927 г., будучи профессором Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, выехал в командировку за границу и в СССР не вернулся.

⁸⁶ Вольная цитата из ранней редакции воспоминаний Белого, см.: *Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Записки мечтателей.* 1922. № 6. С. 63. Следующие фразы Кара-Мурзы также представляют собой пересказ этого источника.

⁸⁷ Следов диссертации Эллиса о министре финансов Егоре Федоровиче Канкрине (1774–1845) обнаружить не удалось, хотя она почти наверняка существовала (см., напр.: *Валентинов Н.* Два года с символистами. М., 2000. С. 242).

⁸⁸ Этот получивший широкое распространение слух опровергался самим Эллисом: «Я знаю, что по моему адресу циркулируют разные необоснованные слухи. Я лично бессилен противодействовать им. Я знаю, что в некоторых кругах существует убеждение, что я замаскированный штейнерист, в кругах теософов я рассматриваюсь, как тайный сочлен ордена иезуитов *et cetera*. Конеч-

человек совершенно неистовый, человек крайностей, почти полярностей. Он сжигал все, чему поклонялся, поклонялся всему, что сжигал. Одно время он был крайне враждебно настроен к Брюсову, бранил его на всех перекрестках. А затем как-то мгновенно стал его фанатическим приверженцем, учеником, агитатором и пропагандистом его поэзии. Для многих это было совершенно непонятно. Андрей Белый высказывает предположение, что Брюсов загипнотизировал его, так как Брюсов занимался гипнотизмом и будто бы прибегал к его средствам для достижения некоторых эффектов. Но, по моему, Эллис сам, без всякого внушения совершил эту очередную эволюцию. Как будто бы без всякой внутренней необходимости и логической убедительности он выхватывал какого-нибудь поэта и начинал его пропагандировать. Так было с Бодлером, с Данте. Благо еще это были первоклассные имена. А то вдруг начнет поклоняться какому-нибудь Роденбаху или Стекетти⁸⁹, болонскому поэту, родоначальнику так называемого итальянского «веризма», то есть попросту реализма. В эту пору он часто посещал меня, и я имел возможность оценить как многогранность его ума, так и его душевную неуравновешенность. Бывало, мы сидим, беседуем, а он вдруг сядет верхом на стуле, начнет скакать по комнате и говорит, что это фессалийский конь Буцефал. Таков был этот незаурядный финансист и поэт, ныне монах-иезуит.

Таковы были московские «озеряницы» девятисотых годов. Они приезжали к В.А. всегда вместе и держались особняком. Я не помню, чтобы кто-нибудь из них выступал с рефератом, но они принимали живейшее участие в прениях по докладам и обсуждали за ужином злобы дня: финансовую политику правительства, подготовляемую министерством Витте девальвацию рубля, успехи легального марксизма, речи Струве, статьи Туган-Барановского и пр.

Мне остается сказать несколько слов об отношении Морозовского кружка к Художественному театру. Все мы в эти годы были немножечко отравлены и околдованы этим театром, и ничего другого в театре не хотели смотреть. Каждая новая постановка Станиславского и Немировича становилась предметом самого разностороннего обсуждения на вечерах Варвары Алексеевны. На этих ве-

но, все это сущий вздор, ибо с оккультизмом я безусловно порвал “во всяких планах” еще в 1912 году, в католичество я не переходил, ни в какие монашеские ордена не вступал, особенно же в орден иезуитов [...]». — Письмо к Н.А. Бердяеву от 17 июня 1939 г. — Цит. по: *Нечаев В.П.* В поисках прошлого // *In memoriam.* Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 47.

⁸⁹ Эллис действительно переводил поэта Лоренца Стекетти (наст. имя: Олиндо Гуэррини; 1845–1916); семь его стихотворений включены в книгу: *Эллис.* Импортели. Вып. 2. М., 1904.

черах всегда присутствовали артисты Художественного театра М.Ф. Андреева, О.Л. Книппер, Роксанова, Мейерхольд и др. Иногда после ужина устраивались импровизированные чтения, — музыки никогда не бывало. Мейерхольд декламировал, Ермилов рассказывал сценки, Брюсов читал стихи, Саводник шуточные пародии и т.д. Варв. Алекс. с живейшим интересом слушала все доклады, прения, декламации, вставляла ряд весьма интересных и существенных замечаний в отдельные реплики спорящих.

Жажда яркого, красивого и свободного слова была в В.А. Морозовой неугасима. Стремление к вольному мышлению, к исканию новых общественных отношений и неистребимая любовь к литературе и просвещению сопутствовали трудам и дням В.А. в течение всей ее долгой жизни.

Леонид Андреев⁹⁰

Ровно через год минет 25 лет со дня смерти Л.Н. Андреева.

И в критической литературе и среди читателей давно установилось мнение, ставшее уже трюизмом: что в писателе Л. Андрееве мирно уживались два разных автора, с совершенно отличными друг от друга мироощущениями, и творческими устремлениями, не имеющими между собой ничего общего. Один — художник-реалист, автор таких произведений как «Жили-были», «Большой шлем», «Дни нашей жизни», «Гаудеамус», «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын» и пр., другой — демонический писатель, мистик и фантаст, создавший «Анатэму», «Жизнь человека», «Черные маски», «Призраки», «Красный смех», «Царь Голод», «Савва», «Тот кто получает пощечины» и др.

Объяснить, как под одним обликом писателя успешно сосуществовали эти две полярно-противоположные личины автора — дело критиков и литературоведов. Моя задача — мемуариста: обрисовать жизненное лицо писателя, определить характер взаимоотношений его с окружающими людьми, понять его моральный и интеллектуальный мир.

Мне кажется, что в Л. Андрееве таилось не два облика, а десятки личин. Каждая житейская конъюнктура вызывала в нем особый облик, всякая новая бытовая ситуация меняла его психологию и диктовала новый, соответствующий моменту жест. При разных слу-

⁹⁰ Печатается по авторской рукописи: РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 2. Текст сопровождается примечанием: «Читано в заседании Мемуарной Секции Союза Советских Писателей в Москве. 27 августа 1943 г. В прениях приняли участие: С.С. Анисимов, Г.Г. Рязжский, П.П. Лучинин, [В.Е.?] Беклемишева, [Н.Я.] Серпинская, П.Д. Эттингер».

чаях и иных обстоятельствах он был всегда разный и иной. Казалось, что он всегда играл; все окружающее, все большие и малые факты жизни, все значительные и маловажные события были для него «театром для себя»⁹¹, в котором он был и зрителем и актером одновременно. И все эти многообразные личины, порожденные в едином лице писателя, объединялись одной счастливой, в высокой мере присущей Л. Андрееву чертой — способностью к широким творческим перевоплощениям.

Он и писал таким образом: в каждом отдельном произведении всякий раз по-иному творчески перевоплощаясь, так же, как перевоплощается на сцене гениальный актер. В «Василии Фивейском» он воплощался в верующего, в «Савве» перевоплощался в анархиста, в «Красном смехе» — в протестанта-пацифиста, в «Жизни человека» — в философа-пессимиста, в «Проклятии зверя» — в подверженного городским кошмарам урбаниста, в «Докторе Керженцове» — в мыслителя, в «Сашке Жегулеве» — террориста, в «Днях нашей жизни» — рыцаря и т.д. Как визионер, Андреев строил себе иллюзии, и в процессе творчества ставил себя на место своего героя, усваивая себе его стиль, модус его жизни, его психологию.

Поэтому-то такими многообразными эпитетами награждали Андреева высказывающиеся о нем, вырывая из общего круга его сочинений одно какое-нибудь произведение. «Рыдающее отчаяние», — сказал о нем А. Блок⁹²; «Эмиссар смерти и гробокопатель; самый могильный могильщик», — писал А.В. Луначарский⁹³. А дальше следует: «Бесприютный и одинокий всегда и во всем, Андреев без корней, как ковыль-трава носится в безбрежности»⁹⁴ или: «Человек в чумном плаще, с чумным крюком среди кавалеров и дам ордена чумы»⁹⁵; «Андреев хочет нахлобучить черный абажур на самое солнце жизни»⁹⁶, «Странная игра природы»⁹⁷ и т.д.

⁹¹ Термин Н.Н. Евреинова, объясняемый им в одноименном исследовании (Вып. 1–3. Пг., 1915–1917).

⁹² Имеется в виду статья А.А. Блока «О реалистах» (*Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 7. Проза. (1903–1907). С. 48*), где автор цитирует содержащую эту формулировку рецензию А. Белого на первую книгу альманаха «Шиповник» (Перевал. 1907. № 5. С. 61). Позже эта же цитата использована в воспоминаниях Блока об Андрееве (Книга о Леониде Андрееве. Берлин; Пб.; М., 1922. С. 101).

⁹³ Из статьи А.В. Луначарского «Тьма» (Литературный распад. [Кн. 1]. СПб., 1908. С. 154).

⁹⁴ Из рецензии Н.И. Петровской на «Книгу о Леониде Андрееве» (*Петровская Н. Разбитое зеркало / Сост. М.В. Михайловой. М., 2014. С. 627*).

⁹⁵ Из указанной статьи Луначарского (Литературный распад. [Кн. 1]. СПб., 1908. С. 156).

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Источник цитаты не установлен.

Все эти определения, в той или другой мере верные, более или менее красивые, никак не охватывают всего творчества Андреева, характеризуя только одну какую-нибудь сторону его личности. Немало, конечно, было и положительных эпитетов. Напр.: «Ключ, забивший из недр русской жизни» или «Кусок золота с конскую голову, несуразный по величине, упавший на землю словно аэролит»⁹⁸ и т.д. Если бы нужно было собрать все эпитеты и определения, данные Л. Андрееву за время его короткой 20-летней литературной деятельности, понадобился бы целый том литературной энциклопедии.

Вся атмосфера вокруг Л. Андреева была насыщена драматизмом, полным попыток самоубийства и покушений на убийство. Однако этот драматизм никогда не разрешался трагически: ни разу не завершившись катастрофой, он или рассеивался, как тают и исчезают, не разразившись ливнем, черные тучи бури, или разрешался более или менее благополучно, в мирном бытовом плане.

Это были, так сказать, «драмы без катарсиса». В жизни Л. Андреева были три попытки самоубийства, но ни одна из них не имела смертного исхода. Трижды было покушение на его жизнь, и всякий раз без трагического конца. Таким образом, шесть раз, когда жизнь писателя висела на волоске, судьба хранила его и, помимо его воли, превращала подлинную драму в театр для себя.

Шел 1899 год; год столетия со дня рождения Пушкина. Написав выпускное сочинение на пушкинскую тему, я получил аттестат зрелости и, окончив курс одной из московских гимназий, поступил на юридический факультет Московского Университета. В университете я познакомился и быстро сошелся с одним студентом по фамилии Чулков, который впоследствии приобрел довольно большую известность как Георгий Иванович Чулков, поэт, беллетрист и литературовед, автор ценных биографических и критических исследований о Тютчеве.

Как известно, темной страницей литературной деятельности этого прекрасного милого человека и одаренного писателя явилось создание некоего межеумочного, религиозно-философского течения под названием «мистический анархизм» и издательства, во всех отношениях неудачного органа этого учения, — альманахов «Факель», от которых сам же Георгий Иванович впоследствии отказывался.

Но в тот период, когда я с ним дружил, он был очень далек и от мистики и от анархизма. Это был совершенно реалистически настроенный студент-позитивист, сначала медик, затем юрист, вскоре административно высланный из Москвы за участие в студенческих волнениях в якутскую тайгу.

⁹⁸ Источники обеих цитат неизвестны.

Нас сближали с Чулковым общие литературные интересы и газетная работа. Он писал небольшие фельетоны, очерки и рассказы в газете «Курьер», я сотрудничал в газете «Новости дня», в которой давал отчеты о судебных процессах и заседаниях научных обществ. «Новости дня» были бойкой городской злободневной газетой довольно легкомысленного типа, а «Курьер» считался серьезным органом либеральной прессы. Среди его сотрудников была довольно крепко сплоченная группа марксистской молодежи, которая всеми силами боролась с бульварным газетным тоном и старалась равняться по лучшей газете тех лет — «Русским ведомостям». Благодаря этому, газета стала иметь несомненный успех у левой интеллигенции и особенно среди студенчества.

Из сотрудников «Курьера» ныне здравствуют наш нарком по просвещению Вл. Петр. Потемкин, Алекс. Сераф. Серафимович, Викентий Викентьев. Вересаев, Ник. Дм. Телешов, Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, тогда, 45 лет назад, бывшие совсем еще молодыми людьми. Сам я ни в какой мере не был патриотом своей газеты: я сотрудничал в «Новостях дня» и каждое утро с жадностью набрасывался на «Русские ведомости» и на «Курьер».

«Новости дня» издавал Абрам Яковлевич Липскеров, отец нашего сочлена⁹⁹, талантливого поэта и драматурга Константина Абрамовича Липскерова. Он происходил из литературных пролетариев, некогда был репортером и одним из первых в России стенографистов. Но каким-то образом ему удалось получить разрешение на издание городской ежедневной газеты, в которой он обрел золотую жилу и быстро разбогател: приобрел роскошный особняк на Садовой, дачу в Петровском парке, завел собственный выезд, занял скаковую конюшню и т.д. Он был необычайно хлебосолен: в дни приемов и званых вечеров к нему можно было прийти, поужинать, выпить и уйти незамеченным, не будучи знакомым с хозяином дома, не зная даже: кто у него в гостях. В конце концов такой образ жизни привел издателя газеты к полному разорению, и в то время как крепкий кряжистый делец Ив. Дм. Сытин, издатель «Русского слова», стал миллионером, Абр. Як. Липскеров впал в нищету. Сейчас бывший его особняк у Красных ворот рядом с небоскребами НКПС, Наркомзема и Госиздата кажется маленьким шоколадным тортом. Из работников «Новостей дня», кажется, сейчас никого не осталось в живых¹⁰⁰.

В «Новостях дня» судебный отдел вели двое: я давал отчеты о заседаниях мировых судей, а о процессах в Окружном Суде и в Су-

⁹⁹ Здесь и далее мемуарист подразумевает членство в Союзе Советских Писателей, в заседании мемуарной секции которого был прочитан этот текст.

¹⁰⁰ Подробности, касающиеся А.Я. Липскерова, прокомментированы: Литературный факт. 2017. № 4. С. 86.

дебной Палате писал Владимир Александрович Ашкинази, впоследствии приобретший довольно большую популярность, как фельетонист Владимир Азов и в особенности как лучший переводчик рассказов О'Генри¹⁰¹.

Кроме судебных отчетов он вел в «Новостях дня» еще и ежедневный злободневный фельетон под шекспировским псевдонимом «Пэк» из «Сна в летнюю ночь».

В «Русских ведомостях» судебный отдел вел очень солидно и основательно почтенный старец, московский присяжный поверенный Николай Васильевич Юнгфер. В те годы, в эпоху отсутствия живой общественной жизни и крупных политических интересов судебному отделу, как отражающему житейский быт, придавали в газете большое значение.

Больше всего мне нравилось, однако, как ведется судебный отдел в газете «Курьер». Его статьи не были похожи на наши репортерские отчеты и не были хроникальными сообщениями обычного типа. Содержание обвинительного акта передавалось не по протокольному, а в виде рассказа, собранные судебным следствием улики почти не излагались, в то время как в наших отчетах эти материалы занимали главное место. Зато в «Курьере» много внимания уделялось моральной характеристике подсудимого, социальной среде, в которой преступник вращался и, главным образом, психологии совершенного им уголовно наказуемого акта.

Это были не газетные отчеты, а наброски талантливого художника, маленькие литературные шедевры.

Я спросил как-то Чулкова: кто это пишет такие интересные судебные отчеты в «Курьере»? «А это очень одаренный молодой писатель, — ответил Георгий Иванович, — подающий очень большие надежды. Его зовут Леонид Николаевич Андреев. Он уже написал один прекрасный рассказ, замеченный М. Горьким¹⁰², и ведет кроме того в «Курьере» постоянный фельетон под общим заглавием «Мелочи жизни», в которых живо откликается на мимолетную злобу дня. Эти фельетоны подписывает псевдонимом «Джемс Линч»¹⁰³. Хотите, я вас с ним познакомлю?» — закончил свой ответ Г. Ив. Я, конечно, с радостью согласился, т.к. был очень заинтересован рассказом Чулкова.

¹⁰¹ О Владимире Александровиче Ашкинази (1873–1948) см.: Белодубровский Е.В. Ашкинази Владимир Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 133.

¹⁰² Имеется в виду рассказ «Баргамот и Гараська» (Курьер. 1898. № 94. 5 апреля. С. 1).

¹⁰³ Цикл «Мелочи жизни», объединенный подписями «Джон Линч» и «James Lynch», публиковался в «Курьере» с весны 1900 г. (см.: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Вып. 1. Сочинения и письма / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1995. С. 91 и далее).

И вот, в одну из суббот, в день, когда в редакциях выдавали еженедельный гонорар, мобилизовав некоторую сумму денег, мы отправились знакомиться с заинтриговавшим меня загадочным судебным хроникером. Оказалось, что Пэк давно уже знаком с Андреевым по окружному суду, поэтому и он охотно пошел с нами провести вечер. Свидание было назначено в одном из тогдашних интеллигентских клубов, в так называемом «Литературно-Художественном Кружке», помещавшемся на углу Кисловки и Воздвиженки в доме гр. Игнатьева, где сейчас высится здание Центрального Универмага «Военторга».

Когда мы встретились с Андреевым в гостинной Кружка, я прежде всего был очарован его внешностью: передо мной был молодой красавец лет 28, среднего роста, с безупречно правильными чертами и строгим овалом лица, с небольшими усиками и бородкой, с волнистой прядью густых, черных волос и, главное, с меланхолическим взглядом глубоких темных глаз.

Волосы его красиво ниспадали на виски, и он то и дело характерным движением откидывал их назад. Что-то цыганское было в его смуглом лице и печальных глазах.

Однако это прекрасное впечатление первой минуты тотчас же сменилось разочарованием, как только я услышал его голос, совершенно не соответствовавший пленительной наружности писателя. Голос у Андреева был глухой, какой-то матовый, тусклый, казалось идущий из навсегда простуженного, кашляющего горла. Таким голосом оставался у него всю жизнь.

По уставу клубов студенты доступа туда не имели, поэтому нам с Чулковым нельзя было проникнуть в Кружок в студенческих тужурках и нам пришлось занять у знакомых штатские костюмы и перерядиться. После нескольких приветственных слов знакомства Андреев повел нас в одну из отдаленных комнат столовой — в которой стоял странный полумрак.

Комната была художественно оформлена в виде Гетевского погребка Ауэрбаха¹⁰⁴; посередине комнаты стояла колоссальная бочка пива, на которой были нарисованы ведьмы с вилами. В столовой среди прочих посетителей мы увидели за отдельным столиком группу художников, с которыми Андреев и Пэк были знакомы, а мы с Чулковым их только впервые узнали; это были Исаак Ильич Левитан, Константин Коровин и Василий Васильевич Переплетчиков. Оказалось, что именно эти три художника расписывали живопись в погребке Ауэрбаха в стиле пролога к Фаусту. Это дало повод Андрееву живо и подробно рассказать нам о Вальпургиевой ночи, о том как в Германии устраиваются пирушки в ночь на 1-ое

¹⁰⁴ «Погреб Ауэрбаха», средневековый лейпцигский ресторан — место действия одной из сцен первой части «Фауста».

мая, под праздник св. Вальпургии, когда по народному поверью на горе Брокене происходят собрания колдунов и ведьм. В этом немецком фольклоре Андреев проявил довольно значительную эрудицию и мы слушали его с большим интересом. А помимо того он был великолепный рассказчик, а затем за ужином оказался еще и замечательным собеседником, благодушным и веселым, необычайно остроумным и находчивым, неистощимым на всякого рода шутки и проказы.

В столовой к нашей компании присоединился наш общий знакомый, популярный московский литератор, милейший Владимир Евграфович Ермилов, отец нашего сочлена Владим. Владим. Ермилова¹⁰⁵. Ужином распорядился Андреев. Меню было строго выдержано в восточном вкусе, выбранном, вероятно, ради меня.

Мне рассказывал Чулков, что когда Андреев впервые услышал мою фамилию, ему мгновенно представилась живописная фигура какого-нибудь абиссинского принца или афганского князька. Как-то же было его разочарование, когда он увидел перед собой прозаического армянского юношу в мешковатом пиджаке с чужого плеча.

Перед тем как заказать ужин, Андреев вызвал к себе метрдотеля и что-то таинственно шепнул ему на ухо. Тот одобрительно кивнул головой и удалился. «Вероятно, готовить какой-нибудь неожиданный эффект» — сказал мне Чулков. И действительно, примерно через час, когда уже было много выпито и съедено закуски, у нашего столика появился кавказский повар в черкеске, держа в руках огромный вертел с шашлыком. Через всю столовую он торжественно нес этот вертел, в конце которого был надет шишак из горячей ваты. И этот шашлычный факел в полумраке ауэрбаховского погребка с картинами из Вальпургиевой ночи вызвал необычайную сенсацию у всех присутствующих. Особенно оживил и рассмешил он Левитана и Коровина. Где познакомился Андреев с таким маневром подачи шашлыка — не знаю, но картина была потрясающая.

В этот вечер Андреев играл Амфитриона.

Он мало ел и очень много пил. И чем больше пил, тем больше говорил, становился многоречивее. Он острил, шутил, рассказывал, пародировал. Пэк тоже не отставал от него в остроумии и эта перекличка двух молодых, беззаботных, веселых фельетонистов сверкала как словесный фейерверк. А я только слушал и диву давался, впервые видя перед собой, запросто, живых литераторов.

Андреев сам был остроумен и умел ценить чужое остроумие, по-детски заливаясь смехом по поводу каждой удачной шутки. Помню, в конце ужина, когда мы уже съели мороженое и пили холодный нарзан, Пэк с невозмутимо серьезным выражением лица

¹⁰⁵ Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) — критик, литературовед.

спросил Андреева: «А из горячего больше ничего не будет?» чем вызвал неистовый хохот Леонида Николаевича.

К концу ночи Андреев совершенно обессилел; один он не сумел бы добраться до дому, и нам с Ермиловым пришлось доставлять его на квартиру и сдать матери из рук в руки. Так началось наше знакомство.

Л. Н-ч жил где-то у Тверской заставы в одном из Тишинских переулков. Этот пролетарский район был неизменным и постоянным местом жительства Л. Андреева: Большие и Малые Грузины, Пресня, Тишинские переулки.

Лето тоже Андреев проводил в дешевых дачных местностях под Москвой: в Царицыне, Бутове близ Подольска. В Москве Андреев снимал довольно большую квартиру, и мать сдавала комнаты внаем с мебелью и с подачей самовара два раза в день: этим и существовали. Жили бедно и убого, чувствовалась нужда.

Газетная работа кормила очень скудно. Главным источником заработка служило рисование портретов. Л.Н., с детства хорошо владевший карандашом, занимался увеличением фотографических карточек, за что получал от 3 до 5 рублей, а когда набил в этом деле руку и стал рисовать почти как профессиональный портретист, начал брать по 10–12 руб. за портрет.

Л.Н. был старшим сыном в семье. Отец его — полуинтеллигент, орловский землемер — умер очень рано и скоропостижно: 42 лет от кровоизлияния в мозг, наградив сына тяжелою формой наследственного алкоголизма. И Л. Н-чу пришлось с юных лет взять на себя заботу о содержании семьи, в которой было 7 человек: мать, 4 сына и 2 дочери.

Совершенно исключительны были по нежности и любви взаимоотношения между Л.Н. и матерью Настасьей Николаевной. Мать обожала сына как своего первенца, а Андреев отвечал ей чувством безграничной любви. Я никогда в жизни не наблюдал такой нежнейшей сыновней заботливости и внимания.

Уже будучи знаменитым писателем, Андреев писал матери (надпись на томе его сочинений, подаренном Настасье Николаевне): «Матери моей с глубочайшим уважением и любовью, с величайшей благодарностью! Если я хорошо в этих книгах пишу о всех матерях, то это посвящается тебе, мамочка. И если я — автор, то ты, меня много раз родившая, снова и снова дававшая мне жизнь, есть автор автора. И вся честь тебе. Твой с неизменной любовью Леонид Андреев. 27 января 1914 г.»¹⁰⁶. В это время Л.Н. было 43 года.

¹⁰⁶ Сейчас экземпляр находится в библиотеке Пушкинского Дома; см.: Лики творчества. Вып. 1. Книги с автографами из фондов библиотеки Пушкинского Дома. Л., 1990. С. 8–9.

Окончив орловскую гимназию, Л.Н. поступил в Петербургский университет. Туда, а не в Москву потянуло Андреева за любимой девушкой: Зинаидой Николаевной Сибилевой, слушавшей лекции на Высших женских курсах в Петербурге¹⁰⁷. Но когда иллюзии Л.Н. были разбиты и Сибилева вышла замуж за другого, Андреев не мог оставаться в Петербурге, перевелся в Московский Университет, выписал из Орла мать с семьей и зажил типичной московской полуголодной жизнью.

По окончании юридического факультета Л.Н. приписался к словию присяжных поверенных. Таким образом, у него было три специальности: адвокатура, увеличение портретов и газетная работа, но все эти три профессии кормили очень скудно семью, состоящую из 7 человек.

Адвокатская карьера Андреева не задалась. Я помню одно уголовное дело, в котором Л.Н. выступал как защитник. Извозчик Комляшкин обвинялся в похищении у седока Михайлова бумажника с деньгами. Андреев построил свою защитительную речь на том, что потерпевший Михайлов, путешествуя в течение нескольких часов по целому ряду трактиров и портерных, мог лишиться ясного сознания окружающего и потерять бумажник. На этом основании Андреев ходатайствовал об оправдании извозчика. Но суд признал Комляшкина виновным в открытом похищении и приговорил его к исправительным арестантским отделениям на 2 с половиной года¹⁰⁸. После этого процесса Андреев навсегда утратил вкус к уголовным защитам.

Вообще, в области юриспруденции Л.Н. был крайне слаб и примитивен. В этом мне пришлось убедиться лично много лет спустя, уже в период первой империалистической войны. В 1915 г. я был юрисконсультосом московской кинематографической фирмы Александра Осиповича Дранкова¹⁰⁹, и в качестве такового заключал договор с Андреевым на инсценировку для экрана двух его произведений: «Тот, кто получает пощечины» и «Каинова печать»¹¹⁰.

Л.Н., как юрист по образованию и адвокат по профессии, считал, конечно, зазорным приглашать поверенного для защиты своих интересов при заключении договора. Но вскоре я убедился, что он

¹⁰⁷ О Зинаиде Николаевне Сибилевой (в замуж. Паутовой) см.: *Козьменко М.В.* Дневник-роман Леонида Андреева // Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. М., 2009. С. 16–18.

¹⁰⁸ Отчет об этом деле: Московский окружной суд. Грабеж // *Новости дня*. 1897. № 5191. 14 ноября 1897. С. 3.

¹⁰⁹ Дранков Александр Осипович (1880–1949) — фотограф, оператор, режиссер, продюсер. О нем см. справку Р. Янгирова: *Великий Киному*. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М., 2002. С. 505–508.

¹¹⁰ Оба фильма были сняты на фабрике «А.О. Дранков и К^о», но до наших дней не дошли.

совершенно беспомощен в отстаивании своих законных прав и зачастую предлагает условия, идущие явно в ущерб его выгодам. Я сказал об этом Л.Н., и дело кончилось тем, что он всецело положился на меня и доверил защиту его интересов, и мне таким образом пришлось не столько быть юрисконсультутом Дранкова, сколько поверенным Андреева.

Уже в Орле, в гимназии, Андреев начал пить и нажил себе невроз сердца. В Москве тяга к вину усилилась и порой проявлялась в очень тяжелых формах, как наследственная болезнь, осложненная острыми припадками благоприобретенной тоски. На него нападала непреодолимая хандра. Про Андреева говорили, что в эти периоды он пьет и закусывает аршинами: аршин рюмок и аршин колбасы¹¹¹.

Несколько упорядочилась жизнь Андреева после женитьбы. В 1901 г. Л.Н. женился на Александре Михайловне Велигорской¹¹². Это была чудесная женщина: худенькая и хрупкая, нежная и кроткая, с тихой грустью в милых и ясных глазах. Она вся жила интересами Андреева; как добрый гений своего мужа Алекс. Михайловна целиком ушла в тревоги и заботы об его благополучии. Посаженным отцом на свадьбе Андреева был Ник. Дм. Телешов¹¹³, а шафером — друг Андреева, многообразно разносторонний человек, врач, живописец, художественный критик, театральные рецензент и журналист Серг. Серг. Голоушев, писавший под псевдонимом Сергей Глаголь¹¹⁴.

После брака Л.Н. по-семейному чаще стал принимать гостей: у него стали бывать журналисты, писатели, художники, приезжал Ф.И. Шаляпин. Но ничто не спасало Андреева от чувства одиночества и тоски: ни женитьба, ни друзья не могли излечить его душевной оторванности от почвы, развеять его отчуждение от мира, от драматического восприятия жизни. Неудовлетворенность бытом и искание смысла жизни сопутствовали всем его дням и трудам.

Андреев вел образ жизни очень патриархальный, скорее провинциальный, чем столичный. Обедал в 3 часа, после обеда ложился спать и спал часов до 9. Писал только ночью: садился работать в 12 ч. и засиживался до 5–6 часов утра, причем выпивал невероятное количество крепкого чаю, поглощая по 2 самовара в ночь.

Также много и постоянно Андреев курил. Обдумывая какую-нибудь мысль и оттачивая очередную фразу, он шагал по комнате,

¹¹¹ Этот слух приводит также Н.Д. Телешов (Книга о Леониде Андрееве. С. 158).

¹¹² Об Александре Михайловне Велигорской (1881–1906) см.: Павлова Г.Н. Леонид Андреев и семья Велигорских // Русская литература. 2000. № 3. С. 169–177.

¹¹³ Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) оставил подробные воспоминания об этой свадьбе: Книга о Леониде Андрееве. С. 156–157.

¹¹⁴ Голоушев Сергей Сергеевич (1855–1920) — врач, художественный критик и публицист.

неизменно дымя папироской. Одним словом, Л.Н. делал как раз все то, против чего так энергично ополчился Лев Толстой в своей известной статье: «Для чего люди одурманиваются».

Впивая, Л. Н-ч любил петь, причем пел только приблизительно к подлинной мелодии, т.к. был абсолютно лишен музыкального вкуса и не обладал никаким голосом. Пел он больше фольклорные песни: студенческие, казачьи, разбойничьи.

Большим утешением для Андреева была домашняя собачка. Маленький невзрачный песик, у которого была очень длинная кличка, его звали: «действительный статский советник Кондачков»¹¹⁵.

В 1899 г. в Париже слушался нашумевший на весь мир судебный процесс по обвинению французского офицера Альфреда Дрейфуса в выдаче немецкому правительству секретных документов, касающихся состояния французской армии. Как известно, военный суд признал Дрейфуса виновным в шпионаже и предательстве и приговорил его к пожизненному заключению в Кайенне на Чертовом Острове.

Затем в печати появились сведения, что следствие велось небрежно, что защите не были предъявлены важнейшие документы и пр. В обществе стало крепнуть убеждение, что Дрейфус пал жертвой несправедливого приговора или судебной ошибки. В дело вмешался Эмиль Золя, поставивший своей целью добиться пересмотра дела и оправдания Дрейфуса. И он действительно добился нового разбирательства дела, причем Дрейфус был признан невиновным, восстановлен во всех правах и награжден. Вскоре сам Дрейфус совершенно отошел на задний план, и внимание европейского общества было привлечено теперь делом Золя, выступившего со своим знаменитым письмом «Я обвиняю» на борьбу с правительством.

Эти два процесса — Дрейфуса и Золя — произвели на Л. Андреева, как на судебного хроникера, огромное впечатление. Почти одновременно с парижским процессом Дрейфуса читающую публику в России волновало одно судебное дело: процесс братьев Скитских, обвиняемых в убийстве секретаря Полтавской консистории Комарова¹¹⁶. Дело это ввиду своей загадочности и шаткости обвинения слушалось три раза. В первый раз оно слушалось в Полтаве и окончилось оправданием подсудимых. Но по протесту прокурора сенат кассировал приговор. Вторично дело разбиралось в Харькове и на этот раз завершилось обвинительным приговором: Скитские были осуждены на каторжные работы на 12 лет. По жало-

¹¹⁵ По другой версии, мопса Андреева звали Мосей Мосеевич Кондачков (см.: *Андреев Л.Н.* Дневник. 1897–1901 гг. С. 279 (комм. М.В. Козьменко)).

¹¹⁶ Чрезвычайно шумное судебное дело, по которому Степан Леонтьевич и Петр Леонтьевич Скитские обвинялись в убийстве своего бывшего начальника, секретаря местной консистории Андрея Яковлевича Комарова, произошедшем 15 июля 1897 г. (см.: Дело об убийстве Комарова. Полтава, 1899).

бе защитника приговор опять был кассирован сенатом и дело было назначено к рассмотрению опять в Полтаве в третий раз.

Памятуя роль знаменитого писателя в истории дел Дрейфуса, Л. Андреев решил сыграть в деле Скитских роль Золя и добиться их оправдания. Он затеял на столбцах «Курьера» целую кампанию в пользу братьев Скитских, написал ряд блестящих статей, направленных к их реабилитации, дважды ездил в Полтаву на слушание дела и присылал оттуда в «Курьер» страстные, полные пламенного негодования корреспонденции¹¹⁷.

Интерес к процессу был огромный как у местных жителей, так и по всей России. Корреспонденции Л. Андреева перепечатывались из «Курьера» многими газетами. Вся Полтава разделилась на две партии: за Скитских и против них. Достаточно сказать, что два таких приятеля как Л. Андреев и Пэк, которые оба присутствовали на процессе, вынесли разные впечатления и были разных мнений: Пэк был убежден в виновности Скитских, Л.Н. их горячо защищал. В конце концов в 1900 г. бр. Скитские были полностью оправданы и освобождены из тюрьмы, пробыв в ней почти три года. Андреев, как Эмиль Золя, торжествовал победу. И действительно: если в истории русских судебных ошибок и сохранится память о деле бр. Скитских, сейчас уже преданном полному забвению, то только благодаря горячим защитительным статьям Л. Н-ча, которые перепечатаны в полном собрании его сочинений, в шестом томе¹¹⁸.

Однако не легко далась Л. Н-чу эта, как говорил Андреев, «полтавская победа»: постоянно мучившие его мигрени значительно усилились после этого процесса: головные боли окончательно расстроили и без того утомленную и повышенную нервную чувствительность и Андреева пришлось серьезно лечить. Редакция «Курьера» положила его в нервную лечебницу доктора Савей-Могилевича на Девичьем поле¹¹⁹. По поводу этой фамилии Л.Н., конечно, не мог удержаться от мрачной шутки: «хороши друзья, — говорил он, — нечего сказать; во всей Москве не могли найти другого места, чтобы положить меня, кроме как к Могилевичу». Над изголовьем Андреева торжественно был водружен жестяной ярлык, на котором латинскими буквами было напечатано «Neurasthenia». Когда Л. Н-ча спрашивали, к чему это? неужели доктор боится забыть название вашей болезни? Нет, — отвечал Л.Н., — это сделано для того, чтобы мне постоянно напоминать о моем недуге.

В лечебнице Савей-Могилевича Андреев пробыл месяца два и вышел оттуда значительно поправившимся, с окрепшими нервами.

¹¹⁷ Свод выступлений Андреева, связанных с процессом, см.: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Вып. 1. Сочинения и письма. С. 76, 84–85.

¹¹⁸ Андреев Л. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 6. С. 347–362.

¹¹⁹ Савей-Могилевич Федор Андреевич (1841–1907) — психиатр, владелец частной лечебницы для душевнобольных.

Он вынес из общения с другими больными много разнообразных впечатлений, между прочим, тему и материал для своего прекрасного рассказа «Жили-были».

В это время Л. Андреев уже был автором рассказов: «Баргамот и Гараська», «Большой шлем», «Ангелочек», «Ложь», «Набат», «Стена» и др. Интересны обстоятельства, при которых А.М. Горький обратил внимание на рассказ Л. Н-ча «Баргамот и Гараська». «Мне в этом случае повезло, — говорил Л. Н-ч. — Рассказ был напечатан в пасхальном номере “Курьера” за 1898 г. Как раз в это время, весной 1898 г. газета “Нижегородский Листок”, в которой сотрудничал М. Горький, была закрыта административным порядком на три месяца. Редактор его Ещин¹²⁰ приехал в Москву, чтобы приискать какую-либо газету, которая могла бы высылаться подписчикам закрытого “Нижегородского Листка” в виде компенсации и остановил свой выбор на “Курьере”. Тут-то и заметил М. Горький “Баргамота и Тараську” и запросил редакцию “Курьера”: кто скрывается под псевдонимом Леонид Андреев. Ему ответили, что это не псевдоним, а настоящая фамилия постоянного сотрудника газеты, судебного хроникера Леонида Николаевича Андреева. Этого запроса популярного писателя М. Горького было достаточно для того, чтобы мои фонды в редакции сильно поднялись; на первой же редакционной вечеринке был провозглашен тост за процветание нового молодого дарования и подняты бокалы за успехи Леонида Андреева».

В 1901 г. появился в «Курьере» рассказ «Бездна», а затем, несколько поздней, рассказ «В тумане». Многие, вероятно, еще помнят историю, связанную с этими произведениями. Жена Л.Н. Толстого, Софья Андреевна Толстая, выступила в печати с письмом, в котором протестовала против подобного рода беллетристики, вредной и безнравственной по ее мнению, и обвиняла Л. Н-ча в эротизме и порнографии¹²¹. Печать подхватила протест Софьи Андреевны и во всей прессе началась газетная шумиха, больше того, какая-то фельдетонная свистопляска вокруг имени Леонида Андреева.

Результатом этой кампании явилось то, что когда Л. Андреев баллотировался в действительные члены Общества Любителей Российской Словесности, — он прошел едва-едва, большинством лишь одного голоса, в то время как, скажем, такой писатель как Аркадий Иоахимович Лященко был избран единогласно¹²².

¹²⁰ Ещин Евсей Маркович (1875 — после 1936) — журналист, адвокат.

¹²¹ Толстая С.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1903. № 9673. 7 февраля. С. 4. Письмо это было перепечатано в нескольких десятках газет (см. предварительный перечень: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Выпуск 2. Литература (1900–1919) / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1998. С. 34–35).

¹²² Андреев был принят в действительные члены Общества 31 января 1903 г. (см.: Словарь членов Общества любителей Российской Словесности при Мос-

В конце концов эта история с «Бездной» так надоела писателю, что когда в 1901 г. вышла первая книжка его рассказов¹²³, то, даря ее своим друзьям, Л.Н. на подносных экземплярах писал: «Будьте любезны, не читайте Бездны»¹²⁴. Эта книжка сразу обратила на себя внимание и критики и читателей. Делавший в те годы литературную погоду и создававший писательские репутации критик и публицист Ник. Конст. Михайловский написал о сборнике рассказов Андреева сочувственную статью¹²⁵, и в одно прекрасное утро Л. Н-ч, как Байрон, проснулся знаменитостью.

После этого, выйдя на линию популярного писателя, Андреев оставил судебную хронику, которая перешла в руки маленького беллетриста Гущина¹²⁶, не чувствовавшего вкуса к этому делу. Видимо, душа его не лежала к судебному репортажу, и он недолго оставался в редакции. После Гущина ведение судебного отдела, по рекомендации Л. Н-ча, было поручено мне.

И вот я уже не сотрудник легкомысленных «Новостей дня», а работник серьезного «Курьера». Я вспоминаю состав нашей редакции. Редактором у нас был нынешний нарком по просвещению Владимир Петрович Потемкин¹²⁷. Он был педагог и литератор в то же время: преподавал русский язык в средних учебных заведениях и редактировал «Курьер».

«Московский златоуст», — говорили о нем знакомые, и действительно, Владимир Петрович — блестящий, первоклассный оратор. Выступая с речами на различных диспутах и литературных вечерах, он имел огромный успех.

Издателем газеты был некто Фейгин Яков Александрович, очень колоритная фигура¹²⁸. По основной своей профессии он был стра-

ковском Университете. [М., 1911]. С. 11–12) — действительно, в один день с инспектором Петровского Коммерческого училища, редактором «Литературного вестника» Аркадием Иоакимовичем Лященко (1871–1931). Об обстоятельствах голосования см.: *Фатов Н.Н.* Молодые годы Л. Андреева. М., 1924. С. 184–185.

¹²³ Андреев Л. Рассказы. СПб., 1901.

¹²⁴ В других контекстах это двусмысленно приводят Горький (Книга о Леониде Андрееве. С. 45) и Н. Телешов (Там же. С. 156).

¹²⁵ Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Рассказы Л. Андреева. Страх смерти и страх жизни // Русское богатство. 1901. № 11. Отд. II. С. 58–74.

¹²⁶ Имеется в виду Александр Маркович Гутмакер (псевдоним Гушин, 1876–1921), оставшийся в истории литературы благодаря переписке с Чеховым (свод наличных сведений о нем см.: Из архива А.П. Чехова. Публикации. М., 1960. С. 188–191); см. также: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова. СПб., 2001. Т. 1. А–Л. С. 349.

¹²⁷ Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) — критик, публицист, позже — дипломат, посол СССР во Франции.

¹²⁸ Фейгин Яков Александрович (1859–1915) — переводчик, театральный

ховой агент, но очень большого, международного масштаба. Он страховал только крупные объекты: каменноугольные копи, рыбные ватаги, девственные леса, посевные площади, фабрично-заводские предприятия и т.д. Он был хром: одна нога у него была деревянная, и ходил он по комнатам с характерным стуком протеза. Это не мешало ему быть необычайно подвижным и легким на подъем. Он то и дело ездил за границу страховать и перестраховывать: то в Берлин или Гамбург, в Брюссель или Антверпен, в Гаагу или Копенгаген. Причем ездил на самые короткие сроки: на день, на два. Был очень хлебосолом; после удачной страховой сделки любил угощать мелких сотрудников, и особенно подкармливать репортеров завтраками в ресторане «Эрмитаж» или ужинами в саду «Аквариум».

Вы спросите: какое же отношение он имел к литературе? Дело в том, что у Фейгина была одна маленькая слабость: он считал себя специалистом по Ибсену и большим знатоком его драматургии¹²⁹. Поэтому, передоверив редактирование всей газеты Владимиру Петровичу Потемкину, он оставил себе только Ибсена: писал о нем статьи, рецензии на постановки его пьес и пр. и очень сердился, когда Владим. Петрович пропускал фельетоны Леонида Андреева на те же темы: о Норе, о «Дикой Утке», о «Когда мы мертвые пробуждаемся» и др.¹³⁰

Юрисконсультom газеты и автором статей по правовым вопросам был Коновицер Ефим Зиновьевич, большой практик, под конец жизни ударившийся в откровенное и размашистое делячество и скомпрометировавший себя своей близостью к Распутину, через которого добивался крупных и выгодных концессий¹³¹.

Секретарем редакции работал Новик Исаак Данилович, своим зорким глазом первый заметивший литературное дарование Л. Андреева, и напечатавший его пасхальный рассказ «Баргамот и Гараська»¹³². В отделе иностранной литературы печатались хорошо

критик. В архиве Кара-Мурзы сохранилась подборка заметок, посвященных его памяти (РГБ. Ф. 561. Карт. 51. Ед. хр. 24).

¹²⁹ Статьи Фейгина об Ибсене собраны в книге: *Ф-н Я.А.* Генрик Ибсен. Критические этюды. М., 1901.

¹³⁰ Андреев писал о «Докторе Штокмане» (Курьер. 1900. № 300. 29 октября. С. 2 (подп.: James Lynch)); о «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (Курьер. 1900. № 335. 3 декабря. С. 2 (подп.: James Lynch)) и о «Дикой утке» (Курьер. 1901. № 270. 30 сентября. С. 2 (подп.: Джемс Линч)). Статей о Норе (то есть о пьесе «Кукольный дом») в библиографии Андреева не значится.

¹³¹ Коновицер Ефим Зиновьевич (1863–1916) — адвокат, совладелец «Курьера».

¹³² Журналист Исаак Данилович Новик (1861–1924) — среди прочего, автор воспоминаний «Л.Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности» (Вестник литературы. 1919. № 12. С. 4–6).

известные нам Владимир Максимович Фриче и Петр Семенович Коган¹³³, проводившие, насколько это было возможно в легальной подцензурной газете, марксистскую концепцию.

Статьи по русской литературе писал Владимир Михайлович Шулятиков, не лишенный критических способностей, но типичный вульгарный социолог, все явления литературы рассматривающий с точки зрения успехов техники и машинного производства¹³⁴.

Один редакционный шутник даже сочинил стишок по поводу этой группы, который распевался сотрудниками на мотив из «Гейши».

Фейгин с гордостью нес свою ногу,
Выходя на большую дорогу;
Ковыляла за ним:
Коновицер Ефим,
Фриче, Новик, Шулятиков, Коган.

Из других сотрудников вспоминаю: Виктора Александровича Гольцева, отца нашего сочлена Виктора Викторовича Гольцева, Павла Никитича Сакулина, Матвея Никаноровича Розанова, Виктора Петровича Острогорского, Анатолия Васильевича Луначарского, Александра Серафимовича Серафимовича, Николая Дмитриевича Телешова, Владимира Алексеевича Гиляровского, Татьяну Львовну Щепкину-Куперник¹³⁵ и др.

Однако вернемся к Л. Андрееву и его обликам. С раннего детства Л. Н-ч был самоуверен и тщеславен. Он однажды сделал нам такое признание: «Еще 14 лет я сказал себе, что буду знаменит или не стоит жить». Но ему почему-то казалось, что он прославится как художник-живописец; о писательской славе он не помышлял. Случилось, однако, обратное. К рисованию он проявлял довольно большие способности, но все же они не выходили за пределы дилетантизма. Он любил рисовать трагические карикатуры во вкусе Франсиско Гойя, которые хвалил даже Валентин Александрович Серов. Из Полтавы, с процесса Скитских, Л.Н. присылал судебные отчеты, иллюстрированные собственными рисунка-

¹³³ Владимир Максимович Фриче (1870–1929) — публицист и литературовед, с 1928 г. — академик; Петр Семенович Коган (1872–1932) — публицист, титулованный советский историк литературы.

¹³⁴ Владимир Михайлович Шулятиков (1872–1912) — переводчик, критик.

¹³⁵ Последовательно перечислены В.А. Гольцев (о котором см. выше) и его сын критик Виктор Викторович Гольцев (1901–1955), филологи Павел Никитич Сакулин (1868–1930), Матвей Никанорович Розанов (1858–1936) и Виктор Петрович Острогорский (1840–1902), высокопоставленный публицист Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933), писатели Александр Серафимович Серафимович (1863–1949), Н.Д. Телешов (упоминавшийся ранее), Владимир Алексеевич Гиляровский (1855–1935), Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952).

ми, портретными зарисовками с подсудимых, свидетелей, состава суда, защитников и пр.

В качестве исторического документа, свидетельствующего об Андрееве-живописце, остался портрет покойного поэта Ивана Алексеевича Белоусова, ныне находящийся в Московском Литературном Музее. Андреев писал Белоусова дважды: один раз он закончил лицо и оставил его без изменения, а в другой раз уже совсем было готовый портрет переделал в картину: «Иуда Искариот»¹³⁶.

С раннего же детства Л.Н. до самозабвения увлекался чтением. Семи лет он был записан уже в библиотеку и вполне независимо отыскивал по каталогу нужные ему книги. «Самые интенсивные переживания мои в детстве», — рассказывал Л.Н., — «связаны были с книгой. Какая значительность была за каждым ее словом! Помню, например, слово “Бова” — что особенного, кажется, а ведь тогда трепетал перед его громадными печатными буквами!»¹³⁷

Следующим «кругом чтения» Андреева является уже экзотика: романы Фенимора Купера, Майн-Рида, Жюль Верна, причем для чтения каждого автора создается особая обстановка. Майн-Рида, например, он читал на чердаке отцовского дома. Запасшись куском черного хлеба, он забирался туда с книгой на весь день и до самозабвения упивался каким-нибудь «Всадником без головы».

Фенимора Купера он любил читать лежа: раздевался для этой цели догола, вымазывался дочерна в сажу, развешивал по стульям одеяла и вздыбленные подушки, и с копьём в руке, с пером в волосах, разваливался с книгой на полу «вигвама» и в таком виде поглощал «Последнего из могикан» или «Открывателя следов» или «Охотники за ланями».

Здесь, в этой манере чтения уже несомненно можно усмотреть ранние зачатки игры, первые признаки «театра для себя».

Не меньшее чем книга впечатление производил на будущего писателя театр. Однажды на орловской сцене он увидел мелодраму «Жак — Бразильская обезьяна»¹³⁸, которая почти на неделю сделала его невменяемым. Артист, игравший заглавную роль, как и полагается быть обезьяне, за весь спектакль не проронил ни одного слова, и это поразило Андреева в высшей степени: уже по

¹³⁶ Это свидетельство подтверждается; см. описание портрета, поступившего в хранилище в 1927 г. от оригинала: Poeta pingens. Писатель рисующий. Живопись и графика писателей в собрании Государственного Литературного музея. Альбом-каталог. М., 2004. С. 71. См. также обзор наследия Андреева-художника по материалам ГЛМ: Петрова Н.И. Рисунки и живопись русских писателей (из фондов Гослитмузея) // Новое и забытое. Вып. 1. М., 1966. С. 31–36.

¹³⁷ Имеется в виду одно из лубочных изданий, посвященных «богатырю Бове-королевичу».

¹³⁸ Правильно — «Жоко, или Бразильская обезьяна»; пьеса К.Л.М. де Рошфора и Ж.Ж. де Л. Габриеля.

дороге из театра домой он стал обнаруживать признаки «помешательства». Он замолчал. Просто замолчал — перестал говорить. Никто из домашних не мог понять, в чем дело, а все расспросы оказывались безрезультатными: объяснить, что обезьяны не говорят, впечатлительный театрал не мог — это было бы вопиющим нарушением правды...

Отдавая подобным образом посильную дань литературе и искусству, Андреев с таким же крайним увлечением относился к явлениям реальной жизни, к детским играм. С серьезным лицом рассказывал нам Л. Н-ч об одном моменте самого беспросветного детского горя, самого полного отчаяния. «Я был миллионером, — рассказывал он, — на руках у меня было наличными около 300–400 пар лодыжек (бабок)¹³⁹. И вот, где-то на чужих задворках, среди враждебной мне бедноты, — безлодыжников, я в течение получаса проигрываю в карты все свои богатства! Последняя ставка, и все кончено, я нищий! И тогда мной овладевает такая бездна отчаяния, что я, недолго думая, запускаю картами кому-то в лицо, даю пинка одному, другому и, пользуясь наступившей сумятицей, подхватываю в подол все, что могу, и убегаю». «Я даже ростовщицеством занимался, — сказал Л. Н-ч., — лодыжки в рост отдавал».

В бытность уже московским студентом однажды Андреевым овладела бредовая идея: совершить без гроша денег путешествие вокруг света. И он уговорил двух своих приятелей тронуться в путь. После одной сильной попойки они, не имея в кармане ни копейки, сели в поезд и уехали в Петербург. Там они продержались без денег около недели и, конечно, вынуждены были вернуться обратно в Москву¹⁴⁰.

Об истории увлечений Л. Н-ча можно было бы написать целую книгу. До изнеможения катался Андреев на коньках. В воспоминаниях А.М. Горького сказано, что «ладонь одной руки у Андреева была пробита пулей, пальцы скрючены. Он пробовал убить себя»¹⁴¹. Это неверно. Левая рука у Л. Н-ча действительно была скрючена. Катаясь на коньках, он упал на разбитую бутылку и повредил себе ее, перерезав жилу. Следы от пореза и остались навсегда.

После коньков наступает увлечение велосипедом, затем грамофоном; далее идет почти маниакальное фотографирование аппаратом «Кодак», с годами делающее Андреева энтузиастом и пропа-

¹³⁹ Округлая кость (чаще — коровы, овцы или козы), давшая название популярной народной игре и служащая в ней одновременно инвентарем и частью призового фонда.

¹⁴⁰ Об этом же эпизоде вспоминает Б. Зайцев: Книга о Леониде Андрееве. С. 132.

¹⁴¹ См.: Книга о Леониде Андрееве. С. 10.

гандистом цветной фотографии. Впоследствии, живя в Финляндии, Л. Н-ч без устали ходит на лыжах и, ставши адептом морского спорта, заводит собственную яхту и целыми сутками пропадает в шхерах. Для этой цели он заказывает себе специальный костюм шкипера, сбривает усы, оставляя волосы лишь вокруг подбородка, чтобы походить на финляндца — старого морского волка.

До смешного серьезна была любовь Андреева к шашкам. К шашечной игре он относился с благоговейным уважением: изучал все приемы игры, рассчитывал все ходы, решал специальные задачи и всех приходящих заставлял играть в эту ничтожную игру. Можно смело сказать, что во всех своих увлечениях он доходил до экстремы, до *plus ultra*, почти до абсурда. Он жег свою жизнь как свечу с обоих концов. «Не копить в себе, а расточать себя приходит человек на землю, — говорил Л. Н-ч, — расточать в достижении далекого и невозможного».

Я уже говорил, что Андреева всегда преследовала мысль о самоубийстве. Он трижды покушался убить себя. В первый раз будучи гимназистом, когда ему было всего 16 лет.

Однажды теплой летней ночью возвращался он в компании товарищей и гимназисток домой вдоль полотна железной дороги. «И вдруг, — рассказывал Л.Н., — мне безумно захотелось броситься под поезд и испытать свою судьбу. Я знал, что по Орлово-Витебской железной дороге ходят паровозы двух типов: с высокой топкой и с низкой. Если с высокой, — то я буду спасен, если с низкой — то погибну, значит так нужно, так угодно судьбе». Оторвавшись от группы товарищей, Андреев на глазах у всех бросился под товарный поезд, вдоль рельс. Паровоз оказался с высокой топкой и поезд промчался над ним, только оглушив его. Зашибло грудь и голову, расцарапало лицо, сорвало куртку, разодрало в клочья, но Л. Н-ч остался невредим. На всех присутствующих товарищей этот безрассудный поступок Андреева произвел ошеломляющее впечатление.

Во второй раз Л. Н-ч. покушался на себя в 1894 г. студентом, когда ему было 23 года. Он стрелял в себя из револьвера системы Лафоше. Спас его присутствующий при этом товарищ — студент Блохин¹⁴²; пуля скользнула по пуговице и причинила контузию в области левого соска. Результатом этого неудачного покушения было церковное покаяние, наложенное на Андреева, и болезнь сердца, не опасная, но упрямая.

¹⁴² Блохин Сергей Сергеевич (1872–1929) — одноклассник и друг юности Андреева; см. о нем: Воспоминания Михаила О-на [Ольгина] о Леониде Андрееве (Девяностые годы прошл[ого] столетия части московского студенчества). Вступ. ст., подг. текста и комм. Л.В. Ивановой // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М., 2000. С. 159–160.

В третий раз Л. Н-ч пытался убить себя финским ножом. И тут его спас товарищ, студент Кречетников¹⁴³.

Все свои самоубийственные эмоции и переживания Л. Андреев воплотил в своем замечательном «Рассказе о Сергее Петровиче», хотя этот рассказ и написан с натуры с одного студента, покончившего жизнь самоубийством и действительно погибшего¹⁴⁴.

Вообще, большинство своих произведений Л. Н-ч писал с натуры. Реальной действительностью навеян, например, сюжет пьесы «Дни нашей жизни». В квартире с Андреевым снимала комнату одна женщина, которая промышляла своей дочерью-институткой. Узнав об этом, Л. Н-ч пришел в страшное негодование и однажды, когда у девицы был в гостях офицер, Андреев ворвался к ним в комнату и устроил скандал, требуя удаления гостя. Офицер выхватил пашку и ударил Андреева по голове, но не ранил его¹⁴⁵. Любопытно отметить, что в пьесе «Дни нашей жизни» цензура требовала заменить этого офицера почтово-телеграфным чиновником. За всем тем, при всех подобных конфликтах и драматических эпизодах, Андреев необычайно любил жизнь, любил все радости бытия, все утехи физического, морального и умственного существования. Любил людей, друзей, мысль, литературу, музыку, искусство, природу, свой народ, свое отечество, свою историю, свой родной Орел. Однажды, когда я уезжал по судебному делу в Орел, Л. Н-ч просил меня обязательно зайти на 2-ую Пушкарскую улицу, в которой прошло его детство, навестить дом, в котором он вырос, гимназию, в которой учился. И я действительно навестил все эти Андреевские места: видел Пушкарскую улицу, которая находится в самом конце города, видел речку Орлик, в которой фашистские злодеи потопили столько невинных русских людей, видел крутой глинистый обрыв, весь утопающий в садах и среди них знаменитый тургеневский сад «Дворянского гнезда», где в старом доме, по преданию, жила девушка, послужившая прототипом для Лизы Калитиной¹⁴⁶.

¹⁴³ Сведения об этом эпизоде, вероятно, восходят к книге: *Фатов Н.Н.* Молодые годы Л. Андреева. С. 239, где история приводится со ссылкой на воспоминания В.А. Еловского, товарища Андреева по гимназии, слышавшего ее от самого Кречетникова (другими данными о котором мы не располагаем).

¹⁴⁴ В основу рассказа положена история соученика Андреева по орловской гимназии и университету Григория Петровича Третьякова (1872–1896), покончившего с собой (см.: *Андреев Л.* Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 600 (комм. В.Н. Чувакова)).

¹⁴⁵ Об этом же вспоминал А.Е. Кауфман со слов своей родственницы С.Д. Пановой (см.: *Кауфман А.* Андреев в жизни и в своих произведениях // *Вестник литературы.* 1920. № 9. С. 3). Не исключено, конечно, что Кара-Мурза сам использует эту публикацию как источник.

¹⁴⁶ Согласно одной из версий, прототипом героини Тургенева была орловская жительница Евдокия Семеновна Коротнева (см. исключительный по пол-

Недавно Валентин Катаев в своей корреспонденции из Орла, описывая места действия боев в Орловском районе, назвал их тургеневскими и лесковскими местами¹⁴⁷; с полным правом и основанием он мог бы назвать их также андреевскими местами, ибо во многих своих произведениях Л. Андреев зарисовал и увековечил ландшафты и пейзажи орловской области, ее богатую природу, ее густые соловьиные сады, ее тучные пашни и бескрайние поля, цветущие берега полноводной Оки и речки Орлика.

Воображаю, как бы радовался сейчас Л. Н-ч, узнав, что его родной Орел освобожден от немецких извергов¹⁴⁸.

Едва ли какой-нибудь другой писатель совершил такую большую кривую восхождения к славе как Андреев. Он начал свою литературную деятельность с таких низов, с каких никто еще не начинал. В газете «Русское слово» он вел справочный отдел, т.е. буквально писал следующее: «Картинная галерея братьев Третьяковых, Лаврушинский пер., открыта по вторникам, четвергам и субботам. Вход бесплатный. Политехнический музей, Новая площадь, открыт по таким-то дням. Палата бояр Романовых, открыта в такие-то часы», и т.д. За эту работу Л. Н-ч получал по 30 коп. в день.

Следующим этапом его литературного пути была работа в газете «Московский вестник» в качестве судебного репортера, где Л. Н-ч получал по 2 копейки за строчку, и, наконец, «Курьер», где ему платили по рублю и по два рубля за отчет.

И кончил свой творческий путь Андреев такими произведениями, как «Мысль», «Анатема», «Океан», «Самсон в оковах», «Дневник Сатаны», «Реквием», доставившими ему мировую известность.

Работая в мелкой прессе, Андреев не переставал читать и по-жирать [?] книги. Любимым его чтением была английская и американская литература. Он любил Киплинга, Уэллса, Джером-Джерома, Джека Лондона, Эдгара По и др. Но наиболее ценным им писателем был Диккенс, которого Л. Н-ч. перечитывал по многу раз.

Андреев очень любил удачные шутки и острые слова, даже если они были направлены против него самого. Одно время Андреева сближали с Эдгаром По. И Леонид Николаевич от души смеялся, когда Буренин в «Новом времени» каламбурил и писал: «Это не столько Эдгар По, сколько Глу-По»¹⁴⁹. Сам Андреев умел давать

ноте обзор литературы вопроса: *Емельянов В.Г.* Лиза Калитина и орловские реалии (к вопросу о прототипе) // *Филологические науки.* 1985. № 1. С. 72–77).

¹⁴⁷ См.: *Катаев В.* На орловской земле // *Правда.* 1943. № 191. 1 августа. С. 3 («[...]как красива, богата, могущественна эта орловская земля, воспетая Тургеневым, Лесковым [...]» etc).

¹⁴⁸ Орел был освобожден 5 августа 1943 г.

¹⁴⁹ Шутка венчает статью: *Буренин В.* Критические очерки // *Новое время.* 1902. 27 сентября. № 9542. С. 2. Эта же острота много лет спустя припомни-

удивительно тонкие и изысканные определения вещам. Помню, однажды мы проходили по одному из тихих переулков Арбата, не то Кречетниковскому, не то по Сивцеву Вражку. И Л. Н-ч задумчиво сказал: «Какой чудесный переулок, как будто он целиком поставлен Станиславским».

Были в писаниях Л. Андреева и ляпсусы, и ошибки. В одном месте у него сказано: «Комета Биела, открытая Галлеем». А между тем известно, что Галлеем была открыта одна комета, а комета Биела открыта Биелом¹⁵⁰. В другом месте у Андреева сказано об одной библиографической редкости: это было маленькое «in quarto», в то время как «in quarto» как раз большой формат книги¹⁵¹.

1905-й год принес Л. Н-чу несколько огорчений. Незадолго до декабрьского восстания в Москве, в Колонном Зале Благородного Собрания, ныне ДOME Союзов, был устроен большой литературный вечер. Официальным организатором вечера был Л. Андреев.

В то время практиковался такой порядок: разрешение на устройство вечеров давалось какому-нибудь определенному лицу, более или менее известному, бравшему на себя всю материальную и политическую ответственность вечера. Подписка об ответственности за этот концерт была дана Л. Андреевым, но на грех на этом вечере популярный тогда поэт Скиталец, друг Л. Андреева и М. Горького, Степан Гаврилович Петров, прочел неразрешенное цензурой стихотворение «Гуслляр», пророчествующее революцию. Наблюдавшие за ходом вечера полицейские чины концерт прекратили, погасили электрический свет, всю публику из зала удалили, а Л. Н-ча как ответственное лицо отдали под суд, из которого, впрочем, Андреев ушел без ущерба для себя¹⁵².

В другой раз Л. Н-ч отдал свою квартиру под конспиративное собрание Ц.К. Социал-демократической партии, фракции больше-

лась П.М. Пильскому: «Как же это Эдгар По, когда это просто Глу-По?» (*Пильский П.* В Эстонии. Публ. А. Меймре // Балтийский архив. Т. VII. Вильнюс, 2002. С. 42).

¹⁵⁰ Из пьесы «К звездам» (*Андреев Л.* Собр. соч. М., 1990. Т. 2. С. 342).

¹⁵¹ Из первой редакции пьесы «Царь Голод» (*Андреев Л.* Царь Голод. Представление в 5-ти картинах с прологом. СПб., 1908. С. 107). Позже было исправлено на «in octavo» (*Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2013. Т. 6. С. 239) — возможно, под влиянием подобных замечаний. С точки зрения сегодняшней книговедческой практики вполне допустимо различать малый и большой «in quarto», подразумевая отклонения от умополагаемой нормы формата.

¹⁵² Этот же эпизод приводит Н. Телешов (Книга о Леониде Андрееве. С. 150). В действительности вечер состоялся 12 декабря 1902 г. в пользу Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве и переселенцев Челябинского пункта. Скиталец добавил к разрешенному тексту «Гуслыра» еще строфы и на «бис» прочитал стихотворение «Нет, я не с вами...». Подробности см.: Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 169.

виков, которое было накрыто полицией. Собравшихся арестовали, в том числе Л. Н-ча, и посадили в Таганскую тюрьму¹⁵³. В засаду попал и Скиталец, возвращавшийся с узелком в руках из бани и завернувший к Андрееву на огонек, попить чайку.

В Таганской тюрьме Л. Н-ч просидел месяца полтора. По выходе из тюрьмы его ждала новая неприятность. Он получил предупреждение о том, что на его жизнь готовится покушение со стороны пресненских черносотенцев за его якобы революционную деятельность. Тревожное тогда время было в городе, всякое могло случиться. А Л. Андреев в те годы был чрезвычайно популярен в Москве. Ходил в поддевке, в высоких сапогах, зимой в бекеше и обращал на себя всеобщее внимание. К счастью, расправиться с Андреевым черносотенцам не удалось: его братья и их товарищи организовали защиту писателя и опасность миновала.

Но все же Л. Н-ч был вызван в охранное отделение, где ему дали понять, что ему необходимо на некоторое время, по крайней мере года на два, покинуть Москву и уехать за границу. И, несмотря на беременность жены, Л. Н-ч быстро собрался и уехал в Берлин. Это был отъезд, похожий на высылку, полувынужденный, полудобровольный. Он переехал в Германию с женой, с детьми, с матерью, с которой не расставался.

В Берлине Андреева ожидало новое тягчайшее испытание. В ноябре 1906 г. умерла его жена Александра Михайловна от послеродовой горячки¹⁵⁴. Это был ужасный удар для писателя, безгранично любившего жену. Вспомните, какое посвящение написал Л. Н-ч на «Жизни Человека»: «Светлой памяти моего друга, моей жены отдаю эту вещь, последнюю, над которой мы работали вместе».

Тело Александры Михайловны было привезено в Москву и, помню, мы хоронили ее в морозный декабрьский день на кладбище Новодевичьего монастыря. А сам Л. Н-ч, не имевший возможность приехать в Москву, уехал из Берлина с матерью и с детьми в Италию, на Капри к Ал. Макс. Горькому.

Он ни минуты не хотел оставаться в Берлине. Он ненавидел этот город, с его казарменной архитектурой, с безвкусной аллеей побед, с наглюю, самодовольной военщиной. Здесь им написано «Проклятие зверя». Город, проклинаемый зверем, конечно, Берлин.

Любопытно, что из всего путешествия в Италию Л. Н-ч вынес только одно сильное впечатление. Его не пленили ни Венеция, ни Флоренция, ни Рим, ни гондолы, ни баркаролы, ни серенады, ни Рафаэль. Его всецело захватил своим могучим творчеством только один Микель Анджело.

¹⁵³ Андреев был арестован 9 февраля 1905 г., выпущен под залог 25 февраля 1905 г. См.: *Андреев Л.* Письма из Таганской тюрьмы / Вступ. статья и коммент. Л.Н. Афолина // Звезда. 1971. № 8. С. 168–183.

¹⁵⁴ А.М. Велигорская умерла 28 ноября 1906 г.

В 1907 г. Л. Андреев вернулся в Россию и переехал на жительство в Петербург, конечно, вместе с матерью. С этого момента я упускаю Л. Н-ча из поля своего зрения и встречаюсь с ним гораздо реже. В Москве оставалась его сестра Римма Николаевна¹⁵⁵, бывшая замужем за секретарем газеты «Уро России» Аркадием Павловичем Алексеевским¹⁵⁶: впоследствии она с ним разошлась и вторично вышла замуж за архитектора Андрея Андреевича Оль¹⁵⁷. В Москве же жил брат Л. Н-ча Всеволод Николаевич Андреев, судебный исполнитель и по-прежнему судебный пристав Московского окружного Суда, с которым я, в связи с делами моей адвокатской профессии, нередко встречался¹⁵⁸. И всякий раз при встрече мы неизменно беседовали с ним о жизни Л. Н-ча в Петербурге. Кроме того, Л.Н. довольно часто приезжал в Москву ставить свои пьесы в Малом и в Художественном Театре. Как правило, он все свои новые пьесы читал небольшому кружку московских критиков и театроведов в редакции журнала «Рампа», где я всегда присутствовал на этих чтениях и встречался с Л. Н-чем.

Недавно пересматривая свой архив, я набрел на одно письмо Л. Андреева, в котором он дает очень интересное высказывание о поэзии Некрасова. «Я вообще не люблю стихов, — пишет Л. Н-ч, — мне трудно их читать и оттого все свои суждения о поэтах я должен высказывать с большой осторожностью и недоверием к себе. О Некрасове я могу судить только по впечатлениям юности, так как в последние годы я его не перечитывал, а впечатления юности часто только мешают правильной критической оценке. Некрасов не был моей первою любовью и захватывал меня меньше, чем другие поэты, и менее всего захватывали меня его гражданские стихотворения. Очень часто они казались мне неискренними, быть может под давлением тех смутных и особенно сильных в своей неопределенности о личности поэта слухов, которые циркулировали тогда в обществе. Впоследствии я узнал цену этим слухам и понял, какую жестокою несправедливостью оказалось русское общество Некрасову, но избавиться от тяжелого и смутного недоверия к его гражданственной искренности я не мог, о чем всегда сожалел и сожалею. Другие стихотворения Некрасова, не гражданские, нравились мне значительно больше: трогали меня глубоко своей искренней и тихой поэзией и нередко заучивались наизусть. В настоящее время, как мне кажется, Некрасов уважаем более чем когда-нибудь, — и

¹⁵⁵ Римма Николаевна Андреева (1881—1941) — сестра Л. Андреева и автор воспоминаний о нем.

¹⁵⁶ Аркадий Павлович Алексеевский (1871—1944) — журналист, приятель и корреспондент Андреева.

¹⁵⁷ Оль Андрей Андреевич (1883—1958) — архитектор.

¹⁵⁸ Всеволод Николаевич Андреев (1877—1916) — младший брат писателя, юрист.

менее чем когда-нибудь читаем»¹⁵⁹. Письмо это датировано 26 декабря 1902 г.

Любопытно сопоставить это высказывание Л. Андреева с нашим теперешним отношением к Некрасову через 40 лет. Сейчас Некрасов читаем более чем когда-либо, причем даже молодежь читает и ценит его гражданские, патриотические стихотворения преимущественно перед лирическими.

В Петербурге Л. Н-ч повел широкий образ жизни; снял фешенебельную квартиру на шикарном Каменноостровском проспекте, завел много прислуги. Здесь он вторично женился на своей секретарше, дочери одесского журналиста Денисевича¹⁶⁰. Ее звали Матильда Ильинична. Но Андрееву не нравилось это имя, и он переименовал ее в Анну, и звал Анной Ильиничной¹⁶¹.

Нужно сказать, что Л. Н-ч был необычайно чадолюбивым и домовитым семьянином. Он считал, что не только не следует, а просто даже неприлично мужчине быть холостым и как ни любил он свою первую жену, как ни оплакивал безвременную смерть Александры Михайловны, он очень скоро после ее кончины вступил во второй брак.

В Петербурге известность Л. Андреева еще более возросла. Здесь им написаны: «Царь Голод», «Иуда», «Жизнь человека», «Рассказ о семи повешенных» и все его известные пьесы. Вместе со славой пришел и достаток. Л. Н-ч первый из русских писателей взвинтил размер авторского гонорара до тысячи рублей за лист. Кроме того, он получал огромную поспектакльную плату со своих пьес, шедших почти во всех театрах страны.

От первой и второй жены у Л. Н-ча было три сына; звали их всех также не совсем обычно: Вадим, Даниил и Савва¹⁶². Хотя все эти имена и имеются в святцах, и их носят многие русские люди, но при их соединении в одной семье все-таки в них есть что-то необычное, своеобразное, тенденциозное; есть какая-то игра; это не обычные Иван, Петр, Сергей, Василий, Степан, а Вадим, Даниил и Савва.

¹⁵⁹ Кара-Мурза цитирует ответ Андреева на анкету «Отжил ли Некрасов?», проводившуюся газетой «Новости дня». Реплика Андреева напечатана: *Новости дня*. 1902. № 7 023. 27 декабря. С. 3.

¹⁶⁰ Денисевич Илья Николаевич (1861–1919) — присяжный поверенный, секретарь одесской городской управы, позже — уполномоченный Городского общественного управления Москвы. См. о нем: *Панасенко Н.* Чуковский и Денисевичи // *Дерибасовская — Ришельевская*. Одесса, 2010. Вып. 42. С. 64–71.

¹⁶¹ Андреева (урожд. Денисевич; в 1-м браке Карницкая) Анна Ильинична (1885–1948).

¹⁶² Биографии первых двух общеизвестны. Савва Леонидович Андреев (1909–1970) — художник, балетный танцор. См. о нем: «Верная, неизменная, единственная...» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь — май 1914 г.) / Вступ. ст., публ. и комм. Л.Н. Кен и А.С. Вагина // *Леонид Андреев. Материалы и исследования*. М., 2000. С. 127–128.

Перед первой империалистической войной Л. Н-ч продал право на издание полного собрания сочинений Марксу, издателю журнала «Нива», за сто тысяч рублей. На полученный задаток Л. Н-ч выстроил себе загородный дом в Финляндии, в урочище Ваммельсу¹⁶³ при впадении Черной Речки в Финский залив, в 7 километрах от ст. Райвола Финляндской жел. дор.

Дом был очень оригинальной северной архитектуры, в норвежском стиле. Строил его шурин Л. Н-ча, архитектор Оль, второй муж Риммы Николаевны Андреевой, причем сам Л. Н-ч принимал большое участие в его проектировании и сам рисовал и чертил многие детали дома.

Огромную комнату во втором этаже Л. Н-ч украсил рядом панно своей работы: картинами во вкусе Франсиско Гойя. В этом большом неуютном кабинете самому хозяину было жутковато, и когда он по ночам писал свои страшные вещи, Л. Н-ч сам боялся оставаться один, и жена просиживала с ним целые ночи без сна, кутаясь в теплый платок.

Сначала Андреев в шутку называл свою дачу «Аванс», т.к. она была выстроена на деньги, полученные от Маркса авансом. А затем дал ей наименование «Белая ночь».

Писатель был очень популярен во всей округе. Он ежегодно устраивал празднества: собирал окрестную финскую детвору и зажигал для нее елку, щедро одаривая детей гостинцами.

Его яхта, в которой он совершал довольно дальние плавания, была известна всему местному населению. Уже во время войны, перед самой революцией, Л. Н-ч собирался купить целый остров в финляндских водах и построить себе новый пароход для сообщения с островом. Уже был изготовлен, по чертежам Л. Н-ча, проект корабля, в котором предусматривалось устройство нескольких комнат для постоянного жилья. Осуществлению этих грандиозных планов помешала революция.

На даче у Андреева было 13 человек прислуги, совершенно ему не нужной. Слуги жили во флигеле в полном довольстве на положении пенсионеров. Словно Л. Н-ч вознаграждал себя сейчас за свою былую нужду и недостаток, кому-то мстил за свою нищенскую молодость.

Здесь он играл магната, полноправного хозяина своих собственных доменов. Недаром еще в гимназии Л. Н-ч был известен под ученической кличкой «Герцог», а Илья Ефимович Репин называл его «Лоренцо Великолепным»¹⁶⁴.

¹⁶³ Ныне — пос. Серово в составе Санкт-Петербурга. Дом не сохранился.

¹⁶⁴ Об этом прозвище вспоминает К. Чуковский (Книга о Леониде Андрееве. С. 81).

И вот однажды один из слуг, озверев от праздности и тунеядства, от безделья и острой зависти к великодушному хозяину, пытался застрелить Андреева из револьвера. Известие об этом покушении на популярного писателя чрезвычайно быстро облетело весь мир. Уже на второй и на третий день со всех сторон, и даже из Нью-Йорка, стали приходить сочувственные телеграммы и письма, показывающие, что у Андреева есть немало искренно любящих его читателей-друзей.

Эта загадочная история рисуется в следующем виде: весной 1911 г. на дачу писателя явился неизвестный, назвавшийся Абрамом Григорьевичем Ковбасенко с просьбой дать ему работу¹⁶⁵. Хотя работы для него не оказалось, но он был, в виду его бедственного положения, оставлен. Впоследствии Л. Н-ч придумал для него работу: уход за лошадьёю и заведывание водокачкой.

Ковбасенко оказался человеком резко нетерпимого и не совсем уравновешенного характера. Но к Андрееву он с первых же дней стал относиться с каким-то неестественным, грубоватым и тяжелым обожанием, и принял на себя странную роль его охранителя. Браня и упрекая всех тех, кто будто бы причиняет Л. Н-чу беспокойство, сам он больше всех нарушал его покой и стал под конец чем-то вроде кошмара для писателя.

На правах обожателя, друга и охранителя Андреева он стал пользоваться всеми его вещами, распоряжаться ими как своею собственностью, носить его платье и пр. В конце концов Л. Н-ч вынужден был вывесить на дверях своего кабинета объявление следующего содержания:

«Прошу с моего стола ручек, перьев, карандашей, ножей и пр. ни в каком случае не брать. Вещей, находящихся в моем кабинете и библиотеке, книг, альбомов, фотографий и пр. прошу без моего разрешения не брать. Моих носильных вещей, без которых я сам не могу выйти из дому, а также моих лыж, велосипеда и коньков прошу без моего разрешения не брать и пользоваться для своих надобностей запасными лыжами, коньками и велосипедом». Заканчивалось объявление словами: «Только при том условии, если каждый домашний возьмет на себя свою долю забот об общем порядке и будет внимательно относиться к интересам другого, возможно создание совместной мало-мальски сносной жизни».

Само по себе это безобидное объявление, свидетельствующее об исключительном долготерпении писателя и о своеобразных от-

¹⁶⁵ Излагаемая далее история А.Г. Ковбасенко (наст. имя — М.Х. Румянцев) широко обсуждалась в прессе; см. свод откликов: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Выпуск 2. Литература (1900–1919). М., 1998 (ук.). Обзор см.: *Андреев Л.* Далекое. Близкие. Сборник. М., 2011. С. 158–159 (комм. В.Н. Чувакова).

ношениях хозяина к работникам, породило целую бурю возмущения среди прислуги, особенно сильную реакцию вызвав у Ковбасенко.

В 11 часов вечера 29-го декабря Л. Н-ч сидел у себя в кабинете, разбирая бумаги. Внизу в столовой ужинали. С большою кипой книг в столовую вошел Ковбасенко и стал подниматься вверх к Андрееву. В приемной у двери в кабинет его догнала жена Л. Н-ча и, загородив дверь, сказала, что в кабинет войти нельзя, т.к. Л. Н-ч сел работать. — Пусти, — крикнул Ковбасенко. — Я вас не пущу, — настаивала Анна Ильинична. С шумом бросив книги на пол, Ковбасенко непозволительно грубо изругал хозяйку дома. На шум и на испуганный крик жены выбежал в приемную Л. Н-ч. — Что вы позыгаете себе делать, — крикнул Л. Н-ч. — Вы меня оскорбили, — отвечает Ковбасенко. — Чем оскорбил? — Вы меня оскорбили. — Чем? Приведите хоть одно мое резкое слово. — Вы меня оскорбили. Вот тебе, — крикнул Ковбасенко и выстрелил в Андреева. К счастью, он промахнулся, и пуля застряла в стене на расстоянии одного-двух вершков от того места, где стоял Л.Н. И в третий раз покушение на жизнь писателя окончилось благополучно.

Наутро Ковбасенко скрылся из Ваммельсу и через несколько дней был арестован в Петербурге. Замечательно, что когда финляндские судебные власти допрашивали Андреева об обстоятельствах происшедшего, Л.Н. рыцарски выгораживал Ковбасенко и определенно заявил, что он выстрелил нечаянно. Как видно из письма Андреева одному из друзей, его больше всего интересовала психологическая сторона этого инцидента.

Вот что он писал: «Я думаю, что Ковбасенко, по крайней мере в тот момент, когда он стрелял в меня, был психически ненормален. С ним произошло то, что я назвал бы “разложением личности”». Пока Ковбасенко находился в сфере обычных житейских отношений, грубости, принуждения, кулака, голода и безработицы, все сложные и запутанные элементы его психики объединялись единым стремлением к сохранению жизни. Когда же он попал в среду совершенно необычных для него отношений мягкости и предупредительности, он почти сразу сбросил с себя железные путы принуждения, и то, что в хаотическом беспорядке таилось на дне его души, всплыло наружу. Душа же Ковбасенко — это то дикое, печальное и несуразное, чем так богата русская действительность последних дней. С одной стороны почти дикарь, с другой стороны почти интеллигент, он безнадежно запутался в тех ужасных противоречиях жизни, в которых часто погибают и сильнейшие, чем он, люди. Добро и зло, буржуа, писатель, Толстой и Ницше превратились в сплошную кашу. Для меня несомненно, что вообще стремления его идеальны, но кто его друг, кто его враг в этом сплошном маскараде, каким является жизнь, и в котором люди теряют даже свое собст-

венное лицо, он понять не может. Недобрый и от природы, в школе российской жизни он стал злым, минутами до зверства, но на кого должна быть обращена злоба, опять-таки понять не мог. Со слезами говоря о рабочих, о задавленных жизнью, он в жизни немилосердно преследовал тех же рабочих, горничных, кухарок, мужика-дворника. Какие-то гордые слова о человеке, о личности как заостренные колья застряли в его мозгу, и куда бы он ни поворачивал голову, он с болью натыкался на острие своей собственной мысли. И чем лучше к нему относились, тем становился он несчастнее — временами было жалко смотреть на его ядовитую, внутрь души обращенную злость. Худой, костлявый, с белесыми странными глазами, всегда обращенными в сторону, он был печальной тенью даже в солнечный день. Мне всегда хотелось хоть чем-нибудь его обрадовать, но никогда я не мог угадать тех реакций, какими безумие его несчастной души ответит на ласку. Стеля в меня, он стрелял в какую-то страшную маску, пригрезившуюся ему, в одном из тех печальных снов, какими грезит измученный, отравленный русский человек»¹⁶⁶.

Эту блестящую характеристику человека, могущего его убить наповал, я считаю одним из небольших литературных шедевров Андреева, оброненных мимоходом в дружеском письме. Вообще, Л. Н-ч был большим мастером эпистолярного искусства и письма его представляют первоклассный стилистический интерес.

Совсем накануне революции в декабре 1916 г. министр внутренних дел презренный Протопопов¹⁶⁷ затеял в Петербурге издание большой ежедневной политической газеты «Русская воля». Газета была поставлена на широкую ногу, многополосная, с большим отделом публикаций, с огромным количеством телеграмм от собственных корреспондентов, американского типа, с крупными ежемесячными окладами и высоким построчным гонораром.

У Протопопова, чувявшего неотвратимую поступь революции и через несколько месяцев поставившего на крышах петербургских домов пулеметы, чтобы заливать оттуда свинцом безоружный народ, были какие-то свои диверсионные планы, которые он хотел осуществить посредством своей газеты, направив внимание русского общества в сторону от интересов революции в иное русло.

Крупнейшие банкиры и финансовые дельцы пошли навстречу своему министру и предоставили ему средства. Пост заведующего литературным отделом в «Русской воле» был предложен Л. Андрееву. Протопопов полагал, что Андреев сумеет, благодаря исключительной популярности своего имени, собрать вокруг себя лучшие

¹⁶⁶ Письмо это нам неизвестно.

¹⁶⁷ Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1917).

писательские силы и вся русская литература будет у Протопопова в кармане.

Андрееву, конечно, следовало отказаться от предложенной чести. Но он принял пост редактора литературного отдела газеты и с этого момента погубил свою безупречную дотеле литературную репутацию. Ни один уважающий себя русский писатель работать к нему в «Русскую волю» не пошел, и Л. Н-ч оказался изолированным¹⁶⁸.

У Л. Андреева было одно горе: он страдал политической слепотой: ничего не понимал в конъюнктуре дня, совершенно не разбирался во взаимоотношениях различных партий и был примитивно беспомощен, почти неграмотен в вопросах общественной тактики и политической стратегии. Это была не вина его, а беда его. Этим объясняется, что он не понял контрреволюционной сущности протопоповской затеи и пошел к нему на удочку высокой заработной платы.

Но несомненно, что Л. Андреев был патриот, любил Россию, обожал родину. Когда нужно было, он находил пламенные слова для любви к отечеству. Когда русская армия в первой империалистической войне на минуту дрогнула, Л. Андреев обратился к русскому солдату со следующим призывом. «Ты был храбр на поле битв, русский солдат! Долгая история народа русского хранит многие следы твоих подвигов, твоей дивной стойкости в огне и страданиях. Кто слышал стоны и жалобы русского солдата? Стиснув зубы от невыносимых страданий, часто обманутый, нередко преданный дурными вождями, часто брошенный и забытый, ты одиноко умирал в снегах Шипки, и на знойных маньчжурских полях, единому Богу отдавая свою честную солдатскую душу. Ты был мучеником, но никогда ты не был изменником и трусом, солдат! И за эту кровь твою любил тебя втайне русский народ. Ты, солдат, наша единая защита! Тебе доверено все: вся жизнь и все достояние России. Тебе доверены поля наши и леса, наши города и села, наши тихие реки, наши церкви и молящиеся в них. За твою спиной колосилась рожь, святое достояние Руси, — теперь ее пожнут германцы. Ты солдат, которого мы любили и любим. Восстань же, солдат! Поднимись из праха, открой нам и Богу человеческое лицо. Взгляни на высокое небо. Взгляни на родную землю, которая молит тебя о спасении. Были дни, когда тебя осенил дух Божий, призови его снова, стань героем, каким ты был когда-то. Очнись! Родина зовет тебя. Встань, милый солдат»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ В частности, эпизод с отказом от участия описывает в своих воспоминаниях Блок (Книга о Леониде Андрееве. С. 102–103). Ср. несколько (по велеанию времени) тенденциозное, но подробное изложение роли Андреева в «Русской воле»: Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 456–457.

¹⁶⁹ *Андреев Л.* К тебе, солдат! // Русская воля. 1917. № 166. 14 июля. С. 2.

С нашей, сегодняшней точки зрения, этот категорический призыв несколько наивен и мелодраматичен, но кто может отказать ему в патриотизме?

Великая Октябрьская революция застала Л. Андреева в Финляндии, и в Россию он больше не вернулся. Но все два года, что он еще прожил на свете вдали от родины, на чужбине, он мечтал и собирался вернуться в Россию, как мечтали и мечтают все лучшие русские люди, застрявшие по тем или другим причинам за границей: Репин, Куприн, Рахманинов, Гречанинов, Кусевицкий и др.

Однажды в сентябре 1919 г. Л. Н-ч был вызван в Гельсингфорс для переговоров. Думая, что речь идет об условиях его возвращения в Россию, Андреев поехал. Каково же было его изумление, когда вместо переговоров о переезде в Советскую Россию ему был предложен... пост министра пропаганды в белом антисоветском правительстве генерала Юденича¹⁷⁰.

Но как ни был слеп и беспомощен в политических вопросах Л. Андреев, он понял всю гнусность сделанного ему предложения идти против родины и с негодованием отверг его. События последних трех лет его кое-чему научили. Если в 1916 г. он не разобрался в контрреволюционной сущности предложения, сделанного ему Протопоповым, то здесь он хорошо понял, куда гнет приглашение Маннергейма¹⁷¹. Переговоры в Гельсингфорсе подействовали на впечатлительного писателя ошеломляющим образом, и он был до такой степени потрясен, что тяжело заболел. Чувствуя, что он не доедет до дому в Ваммельсу, Л. Н-ч заехал на дачу к своему знакомому, драматургу Фальковскому¹⁷² в Мустомяки и здесь у него в гостях, 12 сентября 1919 г. внезапно умер от удара.

Л. Н-ч не раз высказывал желание быть похороненным в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря, поэтому родные его долго и бесплодно хлопотали о перевозе его в Москву. А тем временем тело Андреева, запаянное в цинковый гроб, находилось в усыпальнице владельцев дачи. Перевезти Андреева в Россию так и не удалось, и его похоронили в чужом парке, при чужой даче.

Мать Андреева крайне тяжело переживала потерю любимого сына. В первое время она даже как будто стала проявлять признаки

¹⁷⁰ Слова Кара-Мурзы значительно расходятся с хором источников, единогласно утверждающих, что Андреев, напротив, прилагал значительные усилия, чтобы возглавить антибольшевистскую пропаганду в эмиграции, с чем и был связан его приезд в Гельсингфорс, см.: Два неизвестных письма Леонида Андреева к П.Н. Милюкову (1919) / Публ. Р. Дэвиса // Минувшее. Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 4. С. 341–343.

¹⁷¹ Никаких свидетельств об участии в переговорах Карла Густава Эмиля Маннергейма (1867–1951) мы не знаем.

¹⁷² Федор Николаевич Фальковский (1874–1942) — драматург; сосед и приятель Андреева.

психического расстройства, не хотела мириться с тем, что он умер, и считала его живым: целые дни проводила у гроба, беседовала с ним, читала ему газеты. Затем обстоятельства заставили ее уехать в Ваммельсу, где, не будучи в состоянии перебороть свою тоску, она покушалась на самоубийство, но ее вовремя вытащили из петли. Через несколько дней, однако, ее нашли лежащей на полу, мертвой¹⁷³.

Вскоре после смерти Л. Н-ча в Финляндию прибыл профессор Калифорнийского Университета в Сан-Франциско Стенбок, собирать материалы для своей монографии о жизни и творчестве Л. Андреева¹⁷⁴.

Тело Л. Н-ча похоронено в Мустомяках, а не в Новодевичьем монастыре, как он хотел, но мы имеем у себя два замечательных портрета Андреева, написанных нашими лучшими художниками-портретистами: Репиным и Серовым. На портрете Репина Л. Н-ч изображен молодым, сильным, здоровым и жизнерадостным, каким я его знал в Москве. С полотна Серова на нас смотрит страдальческий лик писателя с лихорадочно блестящими глазами в глубоких, тяжелых орбитах.

Советская власть простила Л. Андрееву все его вольные и невольные прегрешения. Сочинения его переиздавались и издаются; пьесы его шли и идут в наших театрах; Алекс. Макс. Горький опубликовал свои воспоминания об Андрееве, как о своем лучшем друге. В Пушкинском Доме в Ленинграде имеется отдельная комната, посвященная памяти Леонида Андреева, в которой собрано большое количество материалов в виде автографов, фотографий, сочинений и литературы о нем. Академия Наук обратилась ко вдове Андреева Анне Ильиничне с просьбой о передаче Пушкинскому Дому тех предметов, реликвий, корреспонденций и картин работы Андреева, которые находились за границей¹⁷⁵.

Л. Андреев не забыт. Не далее как несколько дней тому назад, в № 34 газеты «Литература и искусство» в статье «Бессмертие Щепкина» упоминается одно из произведений Л. Андреева. Автор статьи Нароков говорит, что будь Щепкин жив, он напитался бы полной родительской усладой «Талантами и Поклонниками», пролил бы обильные слезы на «Дяде Ване» и «Чайке», предельно уми-

¹⁷³ Анастасия Николаевна Андреева умерла 2 декабря 1920 г. (см.: *Андреев Л. Дневник 1891–1892 гг.* / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 137).

¹⁷⁴ Кара-Мурза ошибается — визитером был Александр Самюэль Каун (1889–1944), американский историк литературы русского происхождения, автор книги: *Каун А. Leonid Andreyev. A critical study.* N-Y., 1924.

¹⁷⁵ Архив Андреева в настоящий момент разбединен в основном между четырьмя хранилищами — РГАЛИ, ИРЛИ, Русским архивом Лидса и архивом Гугеровского института.

лился бы «Синей Птицей» и пришел бы в восхищение от «Жизни человека»¹⁷⁶. Таким образом автор статьи сегодня поминает Л. Андреева рядом с Островским, Чеховым и Метерлинком.

Несколько раз мне пришлось слышать от Л. Н-ча странное выражение: «Мы, орловцы — проломленные головы», и я никогда не понимал смысла и значения этой фразы. Я вспомнил об этих словах писателя недавно, когда услышал по радио о том, с каким доблестным героизмом, с какой жертвенной патриотичностью сумели орловцы сбросить с себя ужасный гнет гитлеровского бандитизма и выгнать фашистских мерзавцев со священных полей своей земли. И необычайная хранимость Андреева мне представилась символом сохранности его родного города, Орла. Трижды бывший объектом покушения на свою жизнь Андреев оставался цел и невредим. Также и Орел, разгромленный, сожженный, разрушенный и обескровленный, он возродился как феникс из огня, разбив наголову немецких оккупантов и обессмертив свою борьбу за независимость, за честь и за культуру.

А три замечательные орловские стрелковые дивизии, показавшие на Тургеневских, Лесковских, Андреевских местах столько блестящих примеров храбрости и выдержки русского бойца, — покрыли себя неувядаемой славой, которая никогда не померкнет в памяти людей, защищающих свою родину во имя гуманизма, прогресса и свободы, и которая утвердила вечную незыблемость Орла.

Литература

Андреев Леонид. Дневник 1891–1892 гг. / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб.: Академический проект, 1994. С. 81–141.

Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. / Сост. М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 298 с.

Андреев Л. Письма из Таганской тюрьмы / Вступ. статья и коммент. Л.Н. Афонина // Звезда. 1971. № 8. С. 168–183.

Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост. Е.В. Иванова. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 415 с.

Великий Кино. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 568 с.

«Верная, неизменная, единственная...» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь–май 1914 г.) / Вступ. ст., публ. и комм. Л.Н. Кен и А.С. Вагина // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 92–142.

Волдемар Матвей (Владимир Марков) (1877–1914): Статьи. Каталог произведений. Письма. Хроника деятельности «Союза молодежи» / Государственный художественный музей (г. Рига); Сост. и коммент. Ирена Бужинска. [М.]: Neputns, 2002. 152 с.

¹⁷⁶ *Нароков Н.* Бессмертие Щепкина // Литература и искусство. 1943. № 34. 21 августа. С. 3.

Два неизвестных письма Леонида Андреева к П.Н. Милокову (1919) / Публ. Р. Дэвиса // Минувшее. Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 4. С. 338–366.

Емельянов В.Г. Лиза Калитина и орловские реалии (к вопросу о прототипе) // Филологические науки. 1985. № 1. С. 72–77.

Из архива А.П. Чехова. Публикации / Отдел рукописей ГБЛ. М., 1960. 260 с.

Книга о Леониде Андрееве. Берлин; Петербург; М.: Изд-во З. Гржебина, 1922. 215 с.

Коровин К. «То было давно... там... в России...». Воспоминания, рассказы, письма. М.: Русский путь, 2010. Кн. 2. 870 с.

Купченко Владимир. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002. 494 с.

Леонид Андреев. Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. 415 с.

Леонид Николаевич Андреев. Библиография / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Наследие, 1995–1998. Вып. 1–2.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ, 2011. Т. 1. 1870–1909. 944 с.

Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Незданная переписка. 630 с.

Лобанов В.М. Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М.: Советский художник, 1968. 296 с.

Максимова С.Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М.: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 304 с.

Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.

Нацоккина М.В. Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. М.: Жираф, 1998. 315 с.

Нечаев В.П. В поисках прошлого // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Atheneum, 2000. С. 13–49.

Осоргин М. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М.: Интелвак, 2007. 800 с.

Островский А.Г. Тургенев в записях современников. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 447 с.

Павлова Г.Н. Леонид Андреев и семья Велигорских // Русская литература. 2000. № 3. С. 169–177.

Панасенко Н. Чуковский и Денисевичи // Дерibasовская — Ришельевская. Одесса, 2010. Вып. 42. С. 64–71.

Петровская Н. Разбитое зеркало / Сост. М.В. Михайловой. М.: Б.С. Г.-Пресс, 2014. 960 с.

Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. А–Л. 640 с.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5.

Савинова Е.Н. Виктор Мазырин: Портрет зодчего на фоне времени. М.: А.Ю. Забозлаев, 2013. 256 с.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–123.

Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 694 с.

Станюкович В.К. Воспоминания о Брюсове / Публ. Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85. С. 713–758.

Телешов Н. Записки писателя. М.: Московский рабочий, 1966. 384 с.

Чулков Г. Годы странствий / Под ред. М.В. Михайловой. М.: Эллис Лак, 1999. 864 с.

References

- Andreev L. Pis'ma iz Taganskoi tiur'my. Vstup. stat'ia i komment. L.N. Afonina. *Zvezda*. 1971. № 8, pp. 168–183. (In Russ.)
- Andreev L.N. *Dnevnik. 1897–1901 gg.*, ed. M.V. Koz'menko. Moscow: IMLI RAN publ., 2009. 298 p. (In Russ.)
- Andreev, Leonid. *Dnevnik 1891–1892 gg.*, publ. by N.P. Generalova. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 g.* St.-Petersburg: Akademicheskii proekt publ., 1994, pp. 81–141. (In Russ.)
- Briusov V. *Dnevnik. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma*, ed. E.V. Ivanova. Moscow, OLMA-Press Publ., 2002. 415 p. (In Russ.)
- Chulkov G. *Gody stranstvii*, ed. M.V. Mikhailova. Moscow, Ellis Lak publ., 1999. 864 p. (In Russ.)
- “Dva neizvestnykh pis'ma Leonida Andreeva k P. N. Miliukovu (1919)”, publ. by R. Deviss. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*. Paris: Atheneum, 1987. Issue 4, pp. 338–366. (In Russ.)
- Emel'ianov V.G. “Liza Kalitina i orlovskie realii (k voprosu o prototipe)”. *Filologicheskie nauki*. 1985. № 1, pp. 72–77. (In Russ.)
- Iz arkhiva A.P. Chekhova. Publikatsii*. Publ. by Otdel rukopisei GBL. Moscow, 1960. 260 p. (In Russ.)
- Kniga o Leonide Andreeve*. Berlin; Peterburg; Moscow: Izd-vo Z. Grzhebinina publ., 1922. 215 p. (In Russ.)
- Korovin K. *‘To bylo davno... tam... v Rossii...’*. *Vospominaniia, rasskazy, pis'ma*. Moscow, Russkii put' publ., 2010. Kn. 2. 870 p. (In Russ.)
- Kupchenko Vladimir. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina. Letopis' zhizni i tvorchestva. 1877–1916*. St.-Petersburg. Aleteiia publ., 2002. 494 p. (In Russ.)
- Leonid Andreev. *Materialy i issledovaniia*. Moscow, Nasledie publ., 2000. 415 p. (In Russ.)
- Leonid Nikolaevich Andreev. *Bibliografiia*, comp. V.N. Chuvakov. Moscow, Nasledie publ., 1995–1998. Issue. 1–2. (In Russ.)
- Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina*, comp. S.N. Morozov. Moscow, IMLI publ., 2011. Vol. 1. 1870–1909. 944 p. (In Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka publ., 1965. Vol. 72: “Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaiia perepiska”. 630 p. (In Russ.)
- Lobanov V.M. *Kanuny. Iz khudozhestvennoi zhizni Moskvy v predrevoliutsionnye gody*. Moscow, Sovetskii khudozhnik publ., 1968. 296 p. (In Russ.)
- Maksimova S.N. *Prepodavanie drevnikh iazykov v russkoi klassicheskoi gimnazii XIX — nachala KhKh veka*. Moscow, Greko-lat. Kabinet Iu.A. Shichalina publ., 2005. 304 p. (In Russ.)
- Mel'gunov S.P. *Vospominaniia i dnevniki*. Moscow, Indrik publ., 2003. 528 p. (In Russ.)
- Muromtseva-Bunina V N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu*. Moscow, Sovetskii pisatel', 1989. 512 p. (In Russ.)
- Nashchokina M.V. *Arkhitektory moskovskogo moderna. Tvorcheskie portrety*. Moscow, Zhiraf publ., 1998. 315 p. (In Russ.)
- Nechaev V.P. “V poiskakh proshlogo”. *In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiatii A.I. Dobkina*. St.-Petersburg; Parizh, Atheneum publ., 2000, pp. 13–49. (In Russ.)
- Osorgin M. *Zametki starogo knigoeda. Vospominaniia*. Moscow, Intelvak publ., 2007. 800 p. (In Russ.)
- Ostrovskii A.G. *Turgenev v zapisiakh sovremennikov*. Leningrad, Izd-vl pisatelei v Leningrade publ., 1929. 447 p. (In Russ.)
- Panasenko N. “Chukovskii i Denisevichi”. *Deribasovskaia — Rishel'evskaia*. Odessa, 2010. Issue 42, pp. 64–71. (In Russ.)

- Pavlova G.N. "Leonid Andreev i sem'ia Veligorskikh". *Russkaia literatura*. 2000, № 3, pp. 169–177. (In Russ.)
- Petrovskaia N. *Razbitoe zerkalo*, comp. M.V. Mikhailovoa. Moscow, B.S.G.-Press, 2014. 960 p.
- Russkaia intelligentsiia. Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova*. St-Petersburg, Nauka publ., 2001. Vol. 1. A–L. 640 p. (In Russ.)
- Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow, 1989–2007. Vol. 1–5. (In Russ.)
- Savinova E.N. *Viktor Mazyrin: Portret zodchego na fone vremeni*. Moscow, IP Zabolzaev A.Iu. publ., 2013. 256 p. (In Russ.)
- Sobolev A.L. "Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy". *Literaturnyi fakt*. 2017, № 4, pp. 68–123. (In Russ.)
- Sovremenniki A.M. Gor'kogo. Fotodokumenty. Opisanie*. Moscow, IMLI RAN publ., 2002. 694 p. (In Russ.)
- Staniukovich V.K. "Vospominaniia o Briusove", publ. by N.S. Ashukina i R.L. Shcherbakova. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka publ., 1976. Vol. 85, pp. 713–758. (In Russ.)
- Teleshov N. *Zapiski pisatelia*. Moscow, Moskovskii rabochii publ., 1966. 384 p. (In Russ.)
- Velikii Kinemo. Katalog sokhranivshikhsia igrovykh fil'mov Rossii. 1908–1919*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 568 p. (In Russ.)
- "'Vernaia, neizmennaiia, edinstvennaia...'. Pis'ma Leonida Andreeva k materi Anastasii Nikolaevne iz Italii (ianvar'-mai 1914 g.)", introd., ed., comm. L.N. Ken i A.S. Vagin. *Leonid Andreev. Materialy i issledovaniia*. Moscow, Nasledie publ., 2000, pp. 92–142. (In Russ.)
- Voldemar Matvei (Vladimir Markov) (1877–1914): Stat'i. Katalog proizvedenii. Pis'ma. Khronika deiatel'nosti "Soiuz molodezhi"*, publ. by Gosudarstvennyi khudozhestvennyi muzei (g. Riga); comp., comm. Irena Buzhinska. [Moscow], Neputns publ., 2002. 152 p. (In Russ.)

From the Memories by S. Kara-Murza. [2]

Alexander L. Sobolev

Abstract: *Literaturny Fakt* continues to publish the memorial sketches by Sergei G. Kara-Murza (1878–1956) — a journalist, theatre critic, bibliophile, that were to become a part of his unfinished book *Literary Recollections*. The chapters published herewith are devoted to Varvara Alekseevna Morozova's literary circle (1848–1917) and the writer Leonid Andreev

Keywords: biographical documents, Russian literature of the early XXth century, S.G. Kara-Murza, V.A. Morozova, literary circles and salons, L.N. Andreev.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

БИОГРАФИКА

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-95-107

УДК 821.161.1

Иван Гончаров — учитель цесаревича Николая Александровича (новые материалы)

А.Ю. Балакин

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот документы, рассказы-вающие о том, как в 1857–1858 гг. И.А. Гончаров преподавал русский язык и словесность наследнику престола, вел. кн. Николаю Александровичу. Это мемуарная записка учителя цесаревича Я.К. Грота, дневники его жены Н.П. Грот, а также журнал занятий Николая Александровича за время преподавания Гончарова.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, вел. кн. Николай Александрович, Я.К. Грот, Н.П. Грот, В.П. Титов, В.И. Классовский, императорский дом, преподавание.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин, к.ф.н., ст. научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; ст. преподаватель Филологического факультета СПбГУ. E-mail: balakin@inbox.ru

Выпускник Словесного отделения Московского университета Иван Гончаров никогда официально не служил учителем, хотя некоторые его сокурсники выбрали педагогическую карьеру¹. Тем не менее, подобно многим необеспеченным столичным чиновникам, ему приходилось подрабатывать уроками, преподавая русский язык и словесность частным порядком. Известно, что в середине 1830-х гг. учениками Гончарова были сыновья живописца Н.А. Майкова, которых он готовил к поступлению в университет; о других его учениках можно только догадываться².

¹ Прежде всего стоит назвать его брата, Николая (см.: *Трофимов Ж.А.* Брат романиста Николай Гончаров: Биогр. очерк. Ульяновск, 2008. С. 12–13) и ближайшего университетского товарища Е.Е. Барышева (ему в 1881 г. Гончаров посвятил некролог, см.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 219–222).

² А.Н. Майков писал в автобиографии, что «Гончаров [...] кончив курс в Московском университете, приехал на службу в Петербург и давал уроки русской литературы и истории в знатных домах» (РНБ. Ф. 453. Ед. хр. 1. Л. 2 об.;

В неоконченном романе «Эпизоды из жизни Райского» (при завершении получившем название «Обрыв») присутствует второстепенный персонаж, учитель Ельнин, в историю которого несомненно вплетены автобиографические мотивы. Ученица Ельнина Софья Николаевна Беловодова так рассказывала своему кузену Борису Райскому о его уроках: «Ельнин... учитель... прочел мне “Горе от ума”, Лермонтова, Пушкина — всё почти... хотел читать какого-то нового автора, но татап узнала и запретила... [...] Ельнин продолжал читать со мной, хотел заставить и меня сочинять, но я понять не могла, как это делается, спросила рара, он прочел мне стихи Ламартина и сказал, что так надо сочинять или никак... даже татап улыбнулась, и когда Ельнин пришел вечером, они шутили с ним и смеялись над сочинениями. С тех пор он не давал мне самой сочинять, а только всё читал мне, много читал, но я скоро забывала...»³. Думается, этот фрагмент может дать представление о том, как проходили уроки самого Гончарова. О важности для воспитания молодых людей именно уроков словесности он позднее писал одной из своих корреспонденток: «...в преподавание теории и истории языка и отечественной литературы входит до значительной степени преподавание, можно сказать, самой жизни. При разборе произведений литературы приходится касаться всех вопросов, интересов, понятий, страстей, словом, всего, чем живет общество»⁴. Подобные высказывания можно найти как в других письмах Гончарова, так и в мемуарах о нем. Впрочем, обобщающих работ о его педагогических взглядах не существует.

Биографам И.А. Гончарова давно известен факт, что в 1857 и 1858 годах, уже достигнув значительного продвижения по служебной лестнице и будучи вполне обеспеченным человеком, он давал уроки русского языка и словесности наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу. Еще в 1914 г. в приложениях к своей книге «Un maître du roman russe Ivan Gontcharov» французский славист Андре Мазон опубликовал два документа, рассказывающих об этом. Первой шла выписка из двух дел архива Министерства императорского двора — о назначении Гончарова преподавателем русского языка к цесаревичу Николаю Александровичу и плате ему за полгода занятий в виде подарка (бриллиантовый перстень с рубином), ценой эквивалентного по 8-ми рублей серебром за урок. За ней был помещен документ объемом полторы стра-

с изменениями опубликовано: Русский художественный листок. 1858. № 7. Без pag.).

³ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2008. Т. 8, кн. 1. С. 37, 38 (впервые: Современник. 1860. № 2). В окончательном тексте романа «Обрыв» этот фрагмент снят.

⁴ Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 433; письмо от 26 ноября 1877 г. неустановленному лицу (Марии Михайловне).

ницы, озаглавленный Мазоном «Extrait des archives de la famille Grote communiqué par K. Iak. Grote, directeur des Archives du Ministère de la Cour» («Экстракт из семейного архива Гротов, сообщенный К.Я. Гротом, директором архива Министерства императорского двора») и представляющий собой записку об истории преподавания Гончаровым русского языка цесаревичу⁵. Впоследствии было опубликовано несколько писем Гончарова и мемуаров о нем с упоминанием о факте преподавания⁶; этой же темы сам писатель коснулся в «Необыкновенной истории», отвечая на упреки в «искательстве» благосклонности двора⁷. Однако опубликованный Мазоном «экстракт» до сих пор оставался по сути единственным развернутым свидетельством об этом эпизоде биографии автора «Обломова». Несмотря на то, что он бесчисленное количество раз цитировался и пересказывался, статус и происхождение этого важнейшего документа не были понятны.

Обращение к архиву Я.К. Грота позволило прояснить, откуда его сын почерпнул сведения для «экстракта». Напомним, что филолог, будущий академик Яков Карлович Грот осенью 1852 г. стал учителем великих князей, среди которых был будущий цесаревич Николай Александрович. По его просьбе с этого времени его жена, Наталья Петровна, стала вести подробный дневник, куда записывала рассказы мужа о процессе обучения цесаревича⁸. Закончив свою деятельность при дворе в конце 1859 г., Грот на основе этого дневника написал большую мемуарную записку, по объему — целую книгу, дополненную некоторыми деталями, отсутствующими в дневнике⁹. По сути, присланный Мазону текст представляет собой краткий пересказ некоторых фрагментов этих документов.

⁵ См.: *Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P. 339–341.*

⁶ Обзор свидетельств см. в преамбуле и примечаниях С.В. Друговейко к публикации писем Гончарова к А.Н. Майкову (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 339–340, 354–358).

⁷ «Искать я ничего не искал: напротив, все прятался, со страхом и трепетом принял приятное и лестное приглашение В.П. Титова заняться с покойным цесаревичем литературой (в ожидании, пока найдут другого учителя, вместо заблестшего) и потом испугался, оробел своей несостоятельности, по части знаний и педагогических способностей, а более дрожал за свою ответственность в этом важном деле — и с большой печалью удалился» (*Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 388*).

⁸ Записки, касающиеся службы мужа моего Я. К. Г. при Дворе и воспитания Августейших детей Государя: Наследника Цесаревича и В.К. Николая Александровича и В. К[няз]ей Александра Александровича, Владимира и Алексея Александровичей. Продолжение, часть III-я. С декабря 1857 года по конец 1858 года // СПБФ АРАН. Ф. 137 (Я. К. Грот). Оп. 2. Ед. хр. 127; То же. С начала 1859 года. Писано со слов самого Грота // Там же. Ед. хр. 128.

⁹ СПБФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 132 (черновик и авторизованная копия записки, датированной 5 апреля 1860 г.).

В конце XIX — начале XX веков дневник Н.П. Грот был доступен историкам. Так, во многом на основании этого дневника Б.Б. Глинский написал очерк педагогической деятельности Я.К. Грота при дворе¹⁰. С.С. Татищев неоднократно ссылается на него¹¹ в своей книге о юности императора Александра III, опубликованной лишь в наши дни¹². В 1906 г. К.Я. Грот привел две выдержки из материнского дневника в публикации материалов об отношении вел. кн. Александра Александровича к своему отцу¹³. С тех пор к этому важнейшему документу, по-видимому, никто не обращался.

¹⁰ «...Мне удалось ознакомиться с некоторыми рукописными документами из богатейшего архива покойного академика. Документы эти, не подлежащие в ближайшем будущем опубликованию, заключаются преимущественно в воспоминаниях самого Якова Карловича или в записках его супруги, тщательно ведшей длинную летопись жизни своего мужа» (*Глинский Б.Б.* Наставник царских детей // Исторический вестник. 1896. № 1. С. 232).

¹¹ В архиве Татищева сохранились выписки и из других документов, касающихся обучения наследника. К примеру, историком отмечено, что 21 декабря 1857 г. воспитателем царских детей Н.В. Зиновьевым был сделан доклад императору с информацией, что преподавателем русского языка к наследнику назначен Гончаров с платой по 8 рублей за урок (РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 28, со ссылкой на общий архив Министерства императорского двора, связка 3605, дело 40; к этому же делу позднее обращался Андре Мазон, см.: *Mazon A.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. P. 339–340; в части архива Министерства императорского двора, хранящейся в РГИА, этого документа обнаружить не удалось). Им был также скопирован «Журнал учебных занятий цесаревича Николая Александровича. 1858–1862» (Там же. Л. 71–85; начинается с сентября 1858 г.) и «Краткая записка о занятиях наследника по русскому языку и русской истории», составленная Я. К. Гротом для нового воспитателя царских детей С.Г. Строганова (Там же. Ед. хр. 17; датирована 4 ноября 1859 г.).

¹² См.: *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. статья Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 78 pass. Подлинники выписок хранятся: РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 23. Приведенные в работе Татищевы выписки из дневников Н.П. Грот были процитированы (с неверным указанием на источник цитирования) в кн.: *Вербицкая Т.* Несостоявшийся император: Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М., 2010. На основе цитат из работ Мазона и Татищева несколько популярных статей написал В.И. Мельник; см.: *Мельник В.И.* 1) И.А. Гончаров как преподаватель цесаревича Николая Александровича Романова // Социальное служение: традиционные и новые формы. XII Свято-Елизаветинские чтения. М., 2011. С. 55–62; 2) И.А. Гончаров и царская семья (цесаревич Николай Александрович) // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XV научно-богословской конференции (16 мая 2012 г.). Йошкар-Ола, 2012. С. 135–146; 3) О преподавательской деятельности И.А. Гончарова при императорском дворе // Воспитание школьников. 2013. № 9. С. 65–69; 4) И.А. Гончаров как преподаватель цесаревича // Роман-журнал XXI век. 2016. № 4. С. 10–12.

¹³ См.: Император Александр III в отношениях своих к наставнику своей

Назначение Гончарова произошло в то время, когда росло недовольство императора учебным наставником цесаревича В.П. Титовым и когда разгорался конфликт между ним и воспитателем царских детей генералом Н.В. Зиновьевым. Кроме того, в помощники Титову в марте 1858 г. был назначен А.Ф. Grimm¹⁴, несмотря на то, что их педагогические взгляды резко расходились. Все это привело к тому, что в мае 1858 г. Титов был вынужден уйти с должности, которую и занял Grimm, вытребовавший себе дополнительные полномочия и большую независимость от Зиновьева¹⁵. Эти и другие конфликты отразились в подробном дневнике Н.П. Грот, где восстанавливается исторический контекст и рассказывается о тех придворных интригах и конфликтах, свидетелем и отчасти участником которых невольно становился автор «Обломова». Особо обращает на себя внимание низкая оценка профессиональных и человеческих качеств В.И. Классовского¹⁶, о котором его гимназические ученики отзывались восторженно¹⁷. Кроме того, из дневника видно, что отсутствие опыта у Гончарова не позволило ему продолжать вести занятия и что его мнение о себе как о педагоге (см. цитированный выше фрагмент автобиографии) совпало с мнениями Грота и Титова.

Приведем фрагменты дневника, дающие несколько дополнительных штрихов к тем сведениям, что сообщил Мазону сын Грота, а также дополняющие Летопись жизни и творчества Гончарова.

17 декабря. [1857]¹⁸

По переезде Двора в С. Петербург (24 ноября) муж мой был особенно много занят все это время. Болезнь Титова продолжалась недели две, что заставляло мужа ездить каждый день иногда даже после обеда. Классовский же, русский учитель, уехал за границу с детьми В[еликой] Книги-

юности: (Несколько документов и современных свидетельств) / Сообщил К.Я. Грот // Старина и новизна. СПб., 1906. Кн. 11. С. 1–2.

¹⁴ Н.П. Грот свидетельствует, что Grimm стал присутствовать при уроках вел. кн. Николая Александровича начиная с 12 марта (СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 128. Л. 28 об.).

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Вербницкая Т.* Несостоявшийся император. С. 61–63; *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2016. С. 213–229.

¹⁶ Владимир Игнатьевич Классовский (1815–1877), филолог, педагог, издатель ряда учебных пособий и комментированных изданий классиков; много лет преподавал при дворе. Список произведений, прочитанных Классовским с цесаревичем, см.: *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 331–332.

¹⁷ См., к примеру, воспоминания Ф.И. Буслаева (*Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. С. 22–27) и П.А. Кропоткина (*Кропоткин П.А.* Записки революционера. СПб., 1906. Т. 1. С. 78–79).

¹⁸ Здесь и далее: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 127; с указанием в скобках номера листа.

ни Марии Николаевны¹⁹ и Вел[икие] Князя остались без русского учителя. Муж должен бы был взять на себя на это время занятия русским языком со всеми тремя В[еликими] Князьями; но видя, как это обременительно, нарочно не вызывался заниматься даже с Николаем Алекс[андровичем], так что Титов стал искать учителя и просил в этом содействия мужа и Плетнева. Но, верный своей мысли во всем отделять В[еликого] Князя Николая А[лександровича], он ищет вместе с тем младшим братьям его другого, особого преподавателя. Плетнев предложил сначала для Наследника Майкова, который был прежде у мужа моего, и в разговоре с ним откровенно сознался, что не может взять на себя преподавания, потому что это для него область совершенно незнакомая. Муж передал это Титову, который пожелал все-таки познакомиться с Майковым, и он провел у него вечер с мужем и Плетневым, и я также была звана в этот день. Майков рекомендовал своего бывшего преподавателя Гончарова, — человека, который, по его мнению, был энтузиаст своего дела и внушил ему большую любовь к литературе. Тут было прочитано письмо Гончарова, с которым Майков уже объяснялся, и первый с скромностью и нерешительностью боялся взять за дело. Его ответ, в котором он говорил, что он будучи энтузиастом мог передавать свои сведения юношам, которым он желал сообщить свои увлечения, опасается взяться за дело там, где в воспитании должна быть соблюдена мера и такт, чтоб все было в гармонии и ничто не выдавалось и не преобладало на счет другого²⁰. Титов доказывал, что это забота излишняя и что, напротив, каждый преподаватель должен стараться внушить любовь и страсть к своему предмету, и что стремления одного заставить преобладать свой предмет должны коралироваться стремлениями других к тому же. Кроме Гончарова у Титова был еще и Галахов²¹, и Титов хотел по знакомству с обоими решить свой выбор²². После Гончаров провел вечер у него, и муж с Плетневым, опять были приглашены. Гончаров очень понравился Титову и вследствие того был взят. [...]

Муж мой присутствовал на первых двух уроках Гончарова. Первый был хорош, потому что был, конечно, тщательно приготовлен и составлял

¹⁹ Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская (1819–1876), сестра Александра II.

²⁰ Это письмо неизвестно.

²¹ Алексей Дмитриевич Галахов (1907–1892), историк литературы, педагог, составитель ряда широко известных хрестоматий.

²² Очевидно, этот вечер состоялся 30 ноября; сохранилось письмо Гончарова к А.Н. Майкову с отказом ехать к Титову: «А мне ехать с Вами сегодня к [Тито]ву ни в каком случае было нельзя, если б я даже и решился принять предложение: что это за смотр и к чему он повел бы его? В полчаса он узнал бы, что ли, что я могу преподавать словесность? Ведь нет: он увидал бы только, что я прилично одет и прилично веду себя в комнате, да это он уже знает, потому что видел меня в двух весьма порядочных домах, куда неприличных людей не пускают. Во всяком случае ему нужно бы было еще справляться обо мне везде» (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 357). После этого состоялся еще обмен письмами; в итоге, как видим, Майков уговорил Гончарова.

род вступительной лекции. Второй не совсем ему понравился, потому что Гончарову явно недостает ясности и основательных положительных и отчетливых сведений. Его объяснения часто не совсем удовлетворительны. После урока Титов пустился с ним в длинные прения о преподавании его предмета, не спросив у мужа ни одного совета, ни одного мнения. Мужа часто поражает самонадеянность этого человека, имеющего так же мало глубины и основательности в знаниях, как и твердости в убеждениях. Между тем Зиновьев все брал мужа в сторону и говорил, что странно как взят для преподавания человек, который не имеет никакой ученой степени, никакого диплома. Ответ мужа, что он известен своими литературными трудами и что это часто соответствует даже в глазах Университетов и ученых сословий диплому, не удовлетворил его. Он все повторял: «Да, это все хорошо, но перед законом оно, как хотите, ничего не значит». (Л. 2–3об.)

1 апреля. [1858]

[...] Сегодня муж, рассматривая занятия по приготовлению к Гончарову Наследника, увидел, что он переводит какой-то психологический непереводимый по своим утонченностям отрывок из Лабрюера о женщине — а в тетради его есть объяснения и определения, напр[имер], разных родов истории, задачи истории и проч. до того неясные, неточные и даже вовсе неверные, [что] и наконец довольно грубые орфографические ошибки. В разговоре об этом с Титовым муж откровенно сказал, что, по его мнению, во всяком деле необходима практика и опытность, и что как он ни уважает Гончарова как литератора и человека, но не может смотреть на него как на хорошего преподавателя. Титов не только согласился с этим, но сам стал рассказывать разные случаи, показывающие, что Гончаров для преподавания языка не годится, и что он уже сам в этом убедился и говорил ему, что он не сможет остаться. (Л. 35 об.)

[Запись от 19 мая 1858]

Гончаров [...], чувствуя недостаточность своих теоретических знаний в языке, отказывается от преподавания рус. языка наследнику, говоря, что может остаться если угодно для чтений и просил мужа сказать о том Титову. Но муж не желал мешать Титова в дела до него уже не касающиеся, а сказал это Гримму, который отвечал: «Так значит нам надо думать о новом русском преподавателе». (Л. 60–60 об.)

12 июня. [1858]

[...] На днях муж узнал от Гримма, что Классовского опять берут для русского языка. [...] Муж был возмущен этим выбором для наследника, — тем более, что Классовский теперь заменит Гончарова, человека такого талантливого, хотя и имеющего мало ученых сведений. Но тут к сожалению уже решительно ничего нет: кроме того, что Классовский имеет не весьма обширные и основательные познания, что он даже во многом дает объяснения неверные и произвольные, — он, главное, не имеет нравственных свойств порядочного человека: низкопоклонен до лести и унижения, угодлив с В[еликими] Князьями и потворствует им: одним словом, принадлежит к числу таких людей, которых надо бы удалять от них, а не приближать к ним. Когда муж выразил свое удивление этому выбо-

ру, Grimm старался оправдать себя тем, что этот человек был уже тут прежде, что его рекомендуют императрице, и генералы²³ желают его и проч. (Л. 69 об.)

4 февраля. [1859]²⁴

Сегодня Grimm сказал Якову Карловичу, что он решается по совету его взять для русской литературы Гончарова. Он будто бы разделяет мнение мужа, что наследнику надо проходить русскую литературу практически, в чтениях и наглядном знакомстве с писателями, начиная от Ломоносова. Муж давно повторял, что сухие литературные и теоретические объяснения надо делать именно при самых чтениях.

Незадолго до того Grimm говорил мужу, что он опять приостановил было искать русского учителя, потому что Классовский писал, что он надеется быть на днях опять у В[еликого] Князя на уроке. Но Обломьевский²⁵, который лечит его, сказал, что надежда плоха. (Л. 16 об. — 17)

7-го февраля [1859].

Сегодня Grimm объявил Якову Карловичу, что Гончаров отказывается от преподавания наследнику и решительно объявил, что за другими своими цензурными и литературными занятиями не может принять его предложения, не имея достаточно времени. Между тем еще недавно у Плетнева Гончаров говорил мужу, что он вполне согласен был бы *читать* с наследником, если б Яков Карлович согласился преподавать теорию языка и словесности, прибавляя, что от Якова Карловича зависит устроить, чтоб он имел дело только с ним, а не с Grimmом, и тогда он согласен будет опять вступить. На это муж отвечал ему, что если б что-нибудь тут от него зависело, то многое конечно шло бы иначе, и что он немало противодействовал назначению Классовского, поступив в этом случае даже против своих правил, ибо никогда не любит и не любил вредить другим, и говорить что-либо касающееся чужой личности. Но тут интерес к занятиям и ходу образования наследника заставил его сказать откровенное мнение о Классовском как преподавателе. Но это не помогло, и Grimm все-таки сделал по-своему. Очевидно, что если б теперь Grimm повел переговоры с Гончаровым через Якова Карловича, тот бы наверное согласился. Но Grimm сунулся сам, а ему непременно всякий порядочный человек русский откажет, так все у нас восстановлены против этого выбора иностранца — искателя приключений.

Чем же кончилась опять-таки история преподавания русского языка? Grimm смиренно обратился к мужу, прося его взять на себя русский язык, пока Классовский болен. (Л. 18–18 об.)

Другой упомянутый выше документ, записка Грота о преподавании наследнику, насколько нам известно, еще не был введен в на-

²³ Воспитатели великих князей Н.В. Зиновьев и Г.Ф. Гогель.

²⁴ Здесь и далее: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 128; с указанием в скобках номера листа.

²⁵ Дмитрий Федорович Обломиевский (1804–1865), придворный медик, лейб-хирург.

учный оборот, и историки царской семьи к нему не обращались. Хотя здесь Грот и следует за дневником жены, но дополняет свой текст некоторыми новыми деталями. «Шесть лет и 7 месяцев, т. е. от 3 февраля 1853 до 8-го сентября 1859 г., — начинаю свою записку Грот, — участвовал я в воспитании сыновей императора Александра II-го. Все это время жена моя по моим рассказам терпеливо вела подробные записки о службе моей при Дворе. Теперь же, недавно оставив эту службу, я намерен написать более сжатый очерк того, что видел и испытал в этой сфере своей деятельности. Постараюсь быть вполне беспристрастным и правдивым. Рассказ мой будет, надеюсь, назидателен для многих»²⁶. Выпишем из этого текста фрагмент о преподавании русского языка и словесности наследнику в 1857–1858 гг.:

Судьба устроила, как бы нарочно назло человеческим распоряжениям, что преподавание русской словесности несколько раз возвращалось в мои руки. Еще перед удалением Титова романист Гончаров, пригласенный им для занятий с наследником, чувствовал, что при всем своем таланте он не приготовлен для передачи положительных сведений, и стал отказываться от продолжения уроков. Вскоре после поступления Гримма он вышел, получив за свои труды весьма скудное вознаграждение: его разочли рублей по 7-и за час, тогда как он справедливо ожидал гораздо более значительной валовой суммы. Перед своим удалением он именно просил меня устроить, чтоб ему заплатили не подарком, а деньгами. Я передал это воспитателем, но конечно не мог указать им размера вознаграждения²⁷. После удаления Гончарова преподавание русс[кой] литературы надолго остановилось. По возможности я пользовался свободными часами для чтения с наследником извлечений из книг и журналов, но никто меня не просил о том, и я делал это совершенно добровольно. Наконец стали носиться слухи, что для русских уроков опять поступает Классовский, который летом 1858 возвратился из-за границы [...]. Итак, человек, который при Титове оказался не годным для преподавания, при Гримме опять делался годным. Гримм оправдывался тем, что сам он Классовского не знает, но что и императрица и генералы желают его поступления; другими словами, он сознавался, что он не судья в этом деле. Осенью Классовский действительно поступил. Опять начались для наследника новые теоретические толкования о языке и словесности, которые приносились ему в записках, склеенных из разных заимствований [sic!]. Тут не было ничего своего, живого, самостоятельно прочувствованного или даже настоящим образом переваренного. Вместе с тем задавались упражнения и делались чтения из старинной литературы. Я часто присутствовал на этих уроках, и Классовский обращался ко мне за советами, просил моих указаний; но не получив ни от кого ни малейшего полномочия на это, я не мог деятельно руководить его уроками, тем более, что и Гримм, для

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 132. Л. 141.

²⁷ 19 июля 1858 г. управляющий Петербургским учебным округом П.А. Плетнев вручил Гончарову высочайше пожалованный перстень (см.: *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 84).

вида, являлся на них. Занятия Классовского вскоре прерваны были болезнью его, которая продолжалась более полугода и едва не свела его в могилу. Когда она приняла опасный характер, стали думать о приискании другого преподавателя. Grimm писал к Гончарову и пригласил его к себе для переговоров, но принял его так неучтиво, растянувшись на диване (таков был обычай этого грубияна с учителями), что Гончаров решился отказать и попросил времени на размышление; воротясь же домой, написал Grimmу, что по обязанностям цензора не имеет возможности взять на себя предлагаемую должность. Тогда Grimm стал думать о других преподавателях, всё тайно от меня, и только на мой вопрос по этому делу открыл мне, что собирается ехать в какой-то частный дом слушать лекцию Галахова (издателя хрестоматий). Это открытие чрезвычайно позабавило меня, потому что я из разных случаев мог заметить, что Grimm очень плохо понимал по-русски: так иногда, находясь при каком-нибудь разговоре на этом языке, он очевидно не знал, какую мину взять — смеяться или остаться серьезным. После он рассказывал мне, что лекция Галахова, по своему теоретическому характеру, ему не понравилась! Прошло еще несколько времени. Наконец я услышал от него, что императрица, шадя Классовского и боясь нанести ему смертельный удар известием о поступлении на его место другого преподавателя, решилась дожидаться его выздоровления. Около того же времени Grimm обратился ко мне с просьбой, чтоб я начал регулярно читать с Ник[олаем] Алекс[андровичем] русских писателей от Ломоносова в хронологическом порядке. Так как я и без того продолжал, по возможности, свои русские чтения с наследником, то я не имел причины не согласиться на это. Вся разница была в том, что теперь я мог приступить к методическому чтению, тогда как до сих пор я читал то, что представлялось мне наиболее занимательным и нужным: так я прочел ему в Царском селе почти всего Евгения Онегина и многое из Державина. И то и другое находило в нем живое сочувствие и, смею надеяться, принесло ему некоторую пользу, сообщив ему кое-какие положительные сведения, что я ко всему прилагал объяснения, и сверх того подвинул его в развитии эстетического чувства. Державин приводил его в изумление красотою, которых он вовсе не предполагал в ком-нибудь из старинных наших поэтов. Теперь познакомил я его с Кантемиром, Ломоносовым и Сумароковым, разнообразя чтение биографическими о них рассказами и критическими замечаниями. Наконец весною 1859 года, уже в Царском селе, возвратился опять Классовский и стал продолжать чтение писателей по той же идее. Предоставляю судить каждому, в какой степени эти беспрестанные перемены лиц в преподавании одного из важнейших предметов учения могли быть благотворны для царственного питомца²⁸.

Учебные тетради цесаревича по словесности до нас не дошли²⁹, но в его бумагах хранится книга, озаглавленная «Аттестации по

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 132. Л. 224 об.–226.

²⁹ В отличие от тетрадей другого высочайшего ученика Гончарова, вел. кн. Константина Константиновича (о них см.: *Балакин А.Ю.* И.А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича: (Новые материалы) // Русская литература. 2017. № 4).

урокам и экзаменам цесаревича Николая Александровича», которая велась с 1856 по 1859 г.³⁰ К сожалению, за интересующий нас период времени записи в ней велись не слишком подробно: не указывалось, в какой день какие занятия проводились, а записывалось только их наличие или отсутствие, и фиксировалась оценка по 12-балльной шкале; иногда оценка сопровождалась краткими комментариями.

Согласно этой книге, первый урок Гончарова состоялся между 7 и 14 декабря 1857 г., здесь же стоит помета: «Отметок еще не было». Затем занятия продолжаются каждую неделю до 31 января 1858 г., оценки колеблются от 8 («удовлетворительно») до 10 («хорошо»). За первую неделю февраля, с 1 по 9 число, ведомости нет (вероятно, это были своеобразные каникулы), далее уроки продолжаются с 10 февраля по 15 марта еженедельно; на неделе с 16 по 20 марта урока не было; с 29 марта по 19 апреля, затем следует перерыв до 26 апреля, и с этого дня по 14 июня уроки продолжают еженедельно. Затем, очевидно, занятия прерываются на каникулы и снова начинаются в августе, но имени Гончарова в ведомостях уже не встречается.

Как видим из оценок, Николай Александрович не был прилежным учеником, во всяком случае, особого интереса к российской словесности он не проявлял. Об этом отчасти свидетельствуют и примечания. Так, на неделе между 4 и 11 января стоит оценка 10 и примечание: «Неделя, за немногими исключениями, принадлежит к наилучшим. Кроме Русской Истории были Уроки по 12 бал[лов]: в Законе Божиим и Русской словесности»³¹; на неделе между 20 и 29 марта — оценка 8 и примечание: «Перевод хорош, повторение не удачно»³²; на неделе между 17 и 24 мая: «Оценка 8 для русского языка относится не к прилежанию во время урока, но указывает, что домашние задания не приготовлены должным образом»³³; и наконец, на неделе между 31 мая и 7 июня — оценка 8 с примечанием: «Оценка относится исключительно к заинтересованности, которую его высочество проявляет во время уроков. Выполнение домашних заданий оставляет желать много лучшего»³⁴.

Возможно, дальнейшие разыскания в архиве цесаревича Николая Александровича позволят обнаружить и другие документы о том, как автор «Обломова» преподавал ему русский язык и литературу.

³⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. № 2486, ч. 1.

³¹ Там же. Л. 131.

³² Там же. Л. 151.

³³ Там же. Л. 165; подлинник по-французски.

³⁴ Там же. Л. 165; подлинник по-французски.

Литература

Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 367 с.

Балакин А.Ю. И.А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича: (Новые материалы) // Русская литература. 2017. № 4. С. 162–165.

Вербицкая Т. Несостоявшийся император: Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М.: Центрполиграф, 2010. 352 с.

Литературное наследство. Т. 102: И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 735 с.

Мельник В.И. И. А. Гончаров как преподаватель цесаревича Николая Александровича Романова // Социальное служение: традиционные и новые формы. XII Свято-Елизаветинские чтения. М., 2011. С. 55–62.

Мельник В.И. И.А. Гончаров и царская семья (цесаревич Николай Александрович) // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XV научно-богословской конференции (16 мая 2012 г.). Йошкар-Ола, 2012. С. 135–146.

Мельник В.И. О преподавательской деятельности И.А. Гончарова при императорском дворе // Воспитание школьников. 2013. № 9. С. 65–69.

Мельник В.И. И.А. Гончаров как преподаватель цесаревича // Роман-журнал XXI век. 2016. № 4. С. 10–12.

Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2016.

Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. статья Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М.: ТРИТЭ; РГИА, 2002. 720 с. (серия «Рос. архив»)

Трофимов Ж.А. Брат романиста Николай Гончаров: Биогр. очерк. Ульяновск, 2008. 78 с.

Mazon A. *Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891*. Paris: Champion, 1914. X + 473 p.

References

Alekseev A.D. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Goncharova* [Chronicle of life and creativity I.A. Goncharov's]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1960. 367 p.

Balakin A.Yu. "I.A. Goncharov — uchitel' velikogo kniazia Konstantina Konstantinovicha: (Novye materialy)" [I.A. Goncharov — teacher of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich: (New Materials)]. *Russkaia literatura*. 2017. № 4. P. 162–165.

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 102: "I.A. Goncharov: Novye materialy i issledovaniia" [I.A. Goncharov: New materials and research]. Moscow, IMLI RAN — Nasledie Publ., 2000. 735 p. (In Russ.)

Mazon A. *Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891*. Paris, Champion, 1914. X + 473 p.

Mel'nik V.I. "I.A. Goncharov kak prepodavatel' tsesarevicha Nikolai Aleksandrovich Romanova" [I.A. Goncharov as a teacher of the Tsesarevich Nikolai Aleksandrovich Romanov]. In: *Sotsial'noe sluzhenie: traditsionnye i novye formy. XII Sviato-Elizavetinskie chteniia* [Social service: traditional and new forms. XII Holy Elizabethan Readings]. Moscow, 2011, pp. 55–62. (In Russ.)

Mel'nik V.I. "I.A. Goncharov i tsarskaia sem'ia (tsesarevich Nikolai Aleksandrovich)" [I.A. Goncharov and the Tsar's Family (Tsarevich Nikolai Aleksandrovich)]. In: *Khristianskoe prosveshchenie i russkaia kul'tura: Doklady i soobshcheniia XV nauchno-bogoslovskoi konfe-*

rentsii (16 maia 2012 g.) [Christian Enlightenment and Russian Culture: Reports and Reports of the XV Scientific and Theological Conference (May 16, 2012)]. Ioshkar-Ola, 2012, pp. 135–146. (In Russ.)

Me'nik V.I. "O prepodavatel'skoi deiatel'nosti I.A. Goncharova pri imperatorskom dvore" [On the teaching activity of I.A. Goncharov at the imperial court]. *Vospitanie shkol'nikov*. 2013, no. 9, pp. 65–69. (In Russ.)

Me'nik V.I. "I.A. Goncharov kak prepodavatel' tsesarevicha" [I.A. Goncharov as a teacher of the Tsesarevich]. *Roman-zhurnal XX vek*. 2016, № 4, pp. 10–12. (In Russ.)

Sidorova A.N. *Vospitanie velikikh kniazei v sem'iakh imperatorov Nikolaia I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoi deiatel'nosti): Diss. na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk*. [Education of the Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II (preparation for state activity): Dissertation]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Tatishchev S.S. "Detstvo i iunost' velikogo kniazia Aleksandra Aleksandrovicha" [Childhood and youth of the grand duke Alexander Aleksandrovich], ed. S.S. Atapin, V.M. Lupanova; introd. N.A. Malevanov. *Velikii kniaz' Aleksandr Aleksandrovich: Sbornik dokumentov* [Grand duke Alexander Aleksandrovich: Collection of documents]. Moscow: TRITE; RGIA publ., 2002. 720 p. (In Russ.)

Trofimov Zh.A. *Brat romanista Nikolai Goncharov: Biogr. ocherk* [Brother of the novelist Nikolay Goncharov: Biogr. Sketch]. Ul'ianovsk, 2008. 78 p. (In Russ.)

Verbitskaia T. *Nesostoivshiisia imperator: Velikii kniaz' Nikolai Aleksandrovich (1843–1865)* [Unsuccessful Emperor: Grand Duke Nikolai Alexandrovich (1843–1865)]. M.: Tsentrpoligraf Publ., 2010. 352 p. (In Russ.)

Ivan Goncharov as a Teacher of Nikolay Aleksandrovich, the Crown Prince of Russian Empire (New materials)

Alexey Balakin

Abstract: The article introduces into scientific discourse new documents that describe how I.A. Goncharov was teaching Nikolay Aleksandrovich, the crown prince and the heir to the throne, Russian and literature (1857–1858). The documents are: a memoir by Ya.K. Grot, a the crown prince's teacher, and Nikolay Aleksandrovich's class register book for the period when Goncharov was teaching him.

Keywords: I.A. Goncharov, crown prince Nikolay Aleksandrovich, Ya.K. Grot, V.P. Titov, V.I. Klassovsky, Imperial Household, teaching.

Information about the author: Alexey Yu. Balakin, senior research fellow, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Assistant Professor at Saint-Petersburg State University. E-mail: balakin@inbox.ru

Студенческие годы А. Ветлугина (1914–1918)

А.В. Бакунцев

Аннотация: В 2017 г. исполняется 120 лет со дня рождения одного из самых ярких представителей русской эмиграции первой волны, оказавшего, как считают исследователи, значительное влияние на общественное мнение русского зарубежья в 1920-х гг. В историю эмигрантской журналистики и литературы он вошел под именем А. Ветлугин, в действительности же его звали В.И. Рындзюн (1897–1953). Ему посвящен уже целый ряд биографо-литературоведческих работ. Однако годы, проведенные им в стенах Московского университета, по-прежнему остаются одним из малоизученных периодов его жизни. Цель данной статьи — хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Ключевые слова: А. Ветлугин, В.И. Рындзюн, Императорский Московский университет, Первая мировая война, Февральская революция, Октябрьский переворот, русское зарубежье.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, к.ф.н., доцент, факультет журналистики Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: auctor@list.ru

В одной из передач цикла «Исторические путешествия Ивана Толстого», вышедшей в эфир на канале «Культура» летом 2016 г., этот человек был охарактеризован как «самая загадочная фигура русской эмиграции»¹. Но своим современникам, судя по их переписке и мемуарам, он таковым вовсе не казался. Независимо от политических убеждений и моральных устоев, словно сговорившись, они видели в нем лишь «авантюриста Гражданской войны», «enfant terrible», «веселого молодого человека»², «хлесткого, циничного

¹ Исторические путешествия Ивана Толстого. Берлинский перекресток: Ледяные глаза. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60677/episode_id/1308733/ (дата обращения: 16.02.17). Впрочем, не исключено, что эту характеристику автор и ведущий «Исторических путешествий» позаимствовал у Е.Д. Толстой (см.: *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. С. 503; *Толстая Е.А.* Ветлугин // Русское еврейство в зарубежье / науч. рук. М. Пархомовский; ред.-сост. Э.А. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб.: Академический проект; ДНК, 2007. Т. 15: Русские евреи в Америке: В 2 кн. Кн. 2. С. 76).

² *Толстой А.Н.* О Париже // Петроград. 1923. № 4. С. 16.

литератора»³, обладавшего умением обо всем писать «бойко, безответственно и талантливо»⁴. Сам он любил бравировать своей беспринципностью и даже как будто гордился тем, что «получил от И.А. Бунина прозвище: “ледяные глаза”»⁵.

К этому обладателю «ледяных глаз» исследователи всерьез начали присматриваться с 2000-х гг., хотя и прежде, в том числе в советское время, его имя — А. Ветлугин — изредка упоминалось в работах биографов М.А. Булгакова, С.А. Есенина и А.Н. Толстого. Но, разумеется, в ту пору никому в голову не приходило ни писать его собственную биографию, ни переиздавать его сочинения. Сегодня этот «пробел» отчасти восполнен. О Ветлугине пишут⁶, а его

³ *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / предисл. О. Коростелева. М.: Б.С. Г.-ПРЕСС, 2001. Т. 1: Россия в Германии. С. 114.

⁴ *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути / предисл., примеч. В. Коровина. М.: Вагриус, 2006. С. 268.

⁵ Писатели — о себе // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 41. Имеется в виду рецензия И.А. Бунина на книги А. Ветлугина «Авантюристы Гражданской войны» (Париж, 1921) и Дон-Аминадо (А.П. Шполянского) «Дым без отечества» (Париж, 1921). В этой рецензии И.А. Бунин не давал автору «Авантюристов» никаких прозвищ, а только сетовал на то, что Ветлугину как писателю и человеку недостает милосердия, и он «всем говорит с ледяными глазами: — Все вы черт знает что и все идите к черту» (*Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступит. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 111).

⁶ См.: *Бакунцев А.В.* Журналист А. Ветлугин и его «путаная биография» // История отечественных СМИ. 2017. № 1. С. 106–126; *Белобровцева И.* Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа) // Toronto Slavic Quaterly. 2002. № 2. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml> (дата обращения: 15.02.17); *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / сост. Я. Левченко. СПб.: Свое изд-во, 2011. С. 205–231; *Белобровцева И.* М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 149–163; *Николаев Д.Д.* Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. С. 5–38; *Николаев Д.Д.* Ветлугин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 4. С. 269–308; *Толстая Е.* Толстой и Ветлугин // Toronto Slavic Quaterly. 2004. № 7. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml> (дата обращения: 16.02.17); *Толстая Е.* Постскрипtum к теме «Ветлугин и Алексей Толстой» // Toronto Slavic Quaterly. 2006. № 18. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (дата обращения: 16.02.17); *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»... С. 503–554; *Толстая Е.* А. Ветлугин. С. 76–95; Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) / предисл., публ. и ком-

наиболее известные произведения: «Авантюристы Гражданской войны» (1921), «Третья Россия» (1922), «Записки мерзавца» (1922) — несколько лет назад были выпущены в составе «изборника»⁷.

Можно спорить о глубине и качестве того следа, который А. Ветлугин, он же Владимир Ильич Рындыон (1897–1953), оставил в истории русской литературы и журналистики XX в., как и о его месте на эмигрантском газетно-журнальном «Олимпе». Вопреки мнению его биографов, мы считаем, что Ветлугин как литератор и журналист (а за свою не слишком долгую жизнь он сменил множество личин, попробовал себя на разных поприщах — от мелкого спекулянта до голливудского кинопродюсера) стоял далеко не в первых рядах русской эмиграции⁸. Тем не менее его «путаная биография» (выражение Дон-Аминадо), несомненно, представляет научный интерес — в том числе потому, что в ней, несмотря на усилия исследователей, до сих пор остается немало «темных мест» и «белых пятен». Одним из таких малоизученных периодов в жизни Ветлугина являются его студенческие годы.

Уже будучи в эмиграции, Ветлугин утверждал: «Был на медицинском и историко-филологическом. Окончил юридический. Собирался “оставаться” на “истории философии права”...»⁹. Но, как будет показано ниже, эти сведения, воспроизведенные и в некото-

мент. С. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaem; Феникс, 2001. Вып. 1. С. 655–660; Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaem; Феникс, 2004. Вып. 4. С. 542–551).

⁷ См.: Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., соств., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. 464 с.

⁸ Стремление задним числом произвести Ветлугина в эмигрантские медийные «генералы» наиболее отчетливо прослеживается в работах Е.Д. Толстой. Исследовательница называет Ветлугина «самым ярким журналистом русского Парижа и Берлина ранних 20-х годов» (Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503), искренне восхищается его «фантастической информированностью, необычайным знанием материала, великолепным языком, жестким динамичным стилем», которые, по ее мнению, не только выдвинули Ветлугина «на первое место в парижской русской журналистике» (Там же. С. 508), но и вообще были чем-то вроде его профессиональной «визитной карточки». Нам подобная оценка личности, авторской манеры и печатного наследия Ветлугина представляется завышенной. Среди парижских и берлинских «коллег» и одновременно «конкурентов» Ветлугина были Ф.И. Благоев, И.А. Бунин, В.Л. Бурцев, И.В. Гессен, З.Н. Гиппиус, Дионео (И.В. Шкловский), А.И. Каминка, А.И. Куприн, Г.А. Ландау, Д.С. Мережковский, П.Н. Милоков, В.Д. Набоков, Д.С. Пасманик, А. Седых (Я.М. Цвибак), И.М. Троицкий, А.А. Яблоновский (Снадзский), С.В. Яблоновский (Потресов) и др. Все они с точки зрения мастерства и профессионализма для Ветлугина (с его нарочито небрежной и в то же время навязчиво-тягучей манерой письма) были недостижимы.

⁹ Писатели — о себе. С. 41.

рых исследовательских работах¹⁰, соответствуют действительности только отчасти. Более точное представление о характере образования, полученного Ветлугиным/Рындзюном, дают материалы его личного дела, которое хранится ныне в фонде Канцелярии по студенческим делам Императорского Московского университета в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ)¹¹. Эти материалы и легли в основу нашей статьи.

* * *

Владимир Рындзюн родился 24 февраля (8 марта) 1897 г. в Ростове-на-Дону, в довольно зажиточной еврейской семье. Его отцом был врач, титулярный советник, основатель первой в России водолечебницы (1895), автор двух учебников по гидротерапии Илья Галилеевич Рындзюн (1854–?)¹². Мать — Матильда Борисовна Рындзюн, в девичестве Райвич (1867–?). У В. Рындзюна было три сестры: Глафира (?–?), Людмила (?–?) и Нина (известна как художник и скульптор Н.И. Нисс-Гольдман, 1892–1990).

Несмотря на то, что родители будущего «белоэмигранта» не обладали никаким «родовым и благоприобретенным именем»¹³, им, очевидно, хватало денег и на аренду нескольких зданий, в которых располагались «Водолечебница и санаторий доктора Рындзюна в Ростове-на-Дону», и на обучение детей. Так, В. Рындзюн в 1906–1914 гг. учился в ростовской частной мужской гимназии, учрежденной статским советником Н.П. Степановым, который был также ее первым и, скорее всего, единственным директором. Если верить Г. Пилипенко — автору исторического очерка об этой гимназии, плата за обучение (по крайней мере, в первом классе) составляла 130 рублей в год¹⁴.

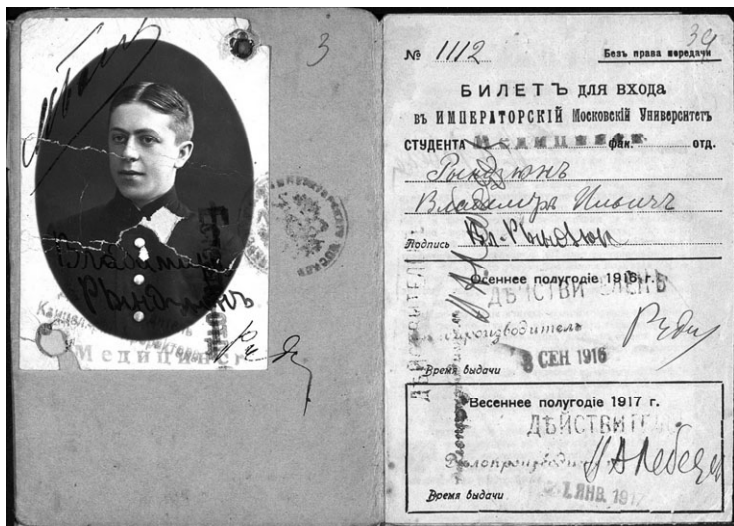
¹⁰ См.: Николаев Д.Д. Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина. С. 5; Николаев Д.Д. Ветлугин. С. 269; Толстая Е. Толстой и Ветлугин; Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503; Толстая Е. А. Ветлугин. С. 76. То же самое см. в Википедии: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/А. Ветлугин](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/А._Ветлугин).

¹¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 1–17.

¹² Согласно копии формулярного списка И.Г. Рындзюна (хранится в личном деле В.И. Рындзюна), в 1878–1885 гг. он служил земским лекарем в Нижнедевицком, Новохоперском и Бобровском уездах Воронежской губернии, затем, выйдя в отставку, переехал с семьей в Ростов-на-Дону и занялся частной практикой. В своей статье «Сменовеховцы», напечатанной в декабре 1926 г. в газете «Возрождение» (Париж), А.А. Яблоновский, ерничая насчет Ветлугина, то ли нарочно, то ли по ошибке называет его «сыном ростовского зубного врача» и перевирает его подлинную фамилию: «Рыдзюк» (*Яблоновский А. Сменовеховцы // Возрождение (Париж). 1926. 26 дек. № 572. С. 2.*)

¹³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 12 об.

¹⁴ См.: Пилипенко Г. Сто лет ростовской гимназии № 36. URL: <http://www.rostovnews.net/2011/08/31/100-let-rostovskoj-gimnazii-n-36> (дата обращения:

Студенческий билет В. Рындзюна

Гимназию В. Рындзюн окончил 9 (22) июня 1914 г. с золотой медалью, причем в его аттестате зрелости, собственноручную копию которого он представил при поступлении в Московский университет, были особо отмечены его «отличные успехи в науках, в особенности же в гуманитарных»¹⁵.

Высшее учебное заведение для Рындзюна, несомненно, выбирал его отец — человек, по словам Е.Д. Толстой, «жесткий, скептический»¹⁶. Только не совсем понятно, почему Рындзюн-старший решил отправить сына на учебу именно в Москву, а не в какой-нибудь другой, территориально более близкий к Ростову университетский город: Киев, Харьков или Одессу. Тем более что так называемая процентная норма для евреев, желавших получить высшее образование, в этих городах была выше, чем в первопрестольной: в Киеве и Одессе она составляла 10%, в Харькове — 5%, тогда как в Москве — лишь 3%¹⁷. Сам И.Г. Рындзюн, согласно его формулярному списку (который также вручную был скопирован В. Рындзюном) окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию (1878).

28.02.17). Верить Г. Пилипенко надо с оглядкой, так как в ее очерке утверждается, что гимназия Н.П. Степанова была четырехклассной и что в нее принимали с 14–15 лет, а это, как мы видим, противоречит фактам.

¹⁵ ЦИАМ.Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 2.

¹⁶ Толстая Е.А. Ветлугин. С. 76.

¹⁷ См.: Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13338> (дата обращения: 14.03.17).

Возможно, выбор Рындзюна-старшего пал на Москву потому, что медицинское образование, которое в то время давал Московский университет, очень высоко котировалось. Студенты-медики обладали широкими возможностями для того, чтобы на практике применять полученные в аудиториях знания и постоянно повышать свою квалификацию: при университете имелось 3 лаборатории, 14 клиник, общая клиническая амбулатория, поликлиника, больница¹⁸. Однако, как мы увидим далее, Рындзюн-младший поначалу вовсе не собирался учиться на медицинском факультете.

Решение крестить Владимира тоже, по всей вероятности, принял его отец¹⁹. И эта инициатива, скорее всего, была обусловлена не религиозными, а чисто прагматическими соображениями²⁰. До 1917 г. еврею православному было проще поступить в Императорский Московский университет, чем еврею правоверному: ведь, переходя в христианство, выкрест не просто «менял» веру — он еще и демонстрировал свои патриотические и верноподданнические чувства. А в данном конкретном случае это могло казаться И.Г. Рындзюну тем более важным, что ректором Московского университета в ту пору был профессор, ученый-историк Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936), который имел репутацию убежденного монархиста, консерватора и притом был выходцем из духовного сословия. В общем, как нам представляется, Рындзюн-отец почел за благо перестраховаться, полагая, что запись в консисторской книге станет дополнительной гарантией того, что Рындзюн-сын в Московский университет будет принят.

Таинство крещения совершилось 7 (20) июля 1914 г. во Владимирской церкви при ростовском Доме трудолюбия. Крестили Рындзюна-младшего священник Андрей Сокальский и диакон Дмитрий Ювченко, его восприемниками были «сын потомственного дворянина Борис Константинов Лабенский и жена его Мария Васильевна Лабенская»²¹. Новокрещеному было оставлено его преж-

¹⁸ См.: *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / под ред. А.Я. Дегтярева и А.В. Сидорова. М.: Парад, 2005. С. 160.

¹⁹ С рождения Рындзюн-младший был, разумеется, «еврейского закона», хотя, как сказано в его метрике, и «не обрезан по болезни» (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 11).

²⁰ У нас вообще имеются сомнения в религиозности обоих Рындзюнов. Во всяком случае, Рындзюн-младший, судя по его образу жизни, мыслей и действий, определенно был равнодушен к религии. И хотя в одной из своих ранних статей, напечатанной в 1917 г. в московской оппозиционной большевикам газете «Луч правды», он писал: «Мы таим внутри светлый лик Марии» (цит. по: *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»... С. 504), — эти слова, на наш взгляд, следует расценивать лишь как риторическую фигуру.

²¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 7.

нее, данное при рождении имя, только теперь считалось, что он наречен Владимиром «в честь св. равноапостольного князя Владимира, празднуемого церковью 15 июля»²².

Поступление В.И. Рындзюна в Московский университет происходило на фоне событий, которые изменили ход мировой и русской истории: 15 (28) июня 1914 г. в Сараево был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд; 17 (30) июля Николай II отдал приказ о всеобщей мобилизации. А студенческие годы будущего *enfant terrible* русской эмиграции пришлось на один из самых сложных и трагических периодов в жизни России.

* * *

В прошении абитуриента В. Рындзюна на имя ректора, датированном 21 июля (3 августа) 1914 г., говорится: «Прилагая при сем: А. следующие подлинные документы вместе с собственноручными копиями с них — 1) аттестат об окончании гимназии, 2) метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, 3) формулярный список отца о звании²³, 4) свидетельство о приписке к призывному участку; В. 4 фотографические карточки (1 засвидетельствованная); С. квитанция об отправке 25 р<ублей> платы за 1-е полугодие в пользу Университета, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство зачислить меня в число действительных слушателей естественного отделения физико-математического факультета. При сем считаю нужным присовокупить, что вследствие всеобщей мобилизации и связанного с ней нарушения почтового сообщения между Ростовом и Екатеринославом, я не получил из Екатеринославской консистории консисторского свидетельства, о выдаче которого я ходатайствую еще с 7 июля, и, следовательно, в настоящее время не могу его доставить в Университет. Но через неделю, когда сообщение возобновится, я достану консисторское <свидетельство> и вышлю его на имя Канцелярии в добавление к настоящим бумагам»²⁴.

Однако в итоге выписку из консисторской книги Рындзюн выслал только после того, как узнал о своем зачислении, которое состоялось 18 (31) августа 1914 г.

В соответствии с абитуриентским прошением Рындзюна, он был принят на естественное отделение физико-математического

²² Там же.

²³ В личном деле В. Рындзюна все эти документы представлены только в виде собственноручных копий, воспроизводящих оригиналы «фотографически» точно, вплоть до гербовых печатей. Трудно сказать, чем была обусловлена подобная педантичность — официальными требованиями к абитуриентам или собственной инициативой Владимира.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 8–8 об.

факультета. Однако в том же году (по-видимому, в самом начале семестра) Рындзюн оказался на медицинском факультете. В его личном деле почему-то отсутствуют документы о переводе, поэтому можно только догадываться, чем этот перевод был вызван. Скорее всего, на нем настоял Рындзюн-старший, который вполне мог желать, чтобы его сын унаследовал «Водолечебницу и санаторий доктора Рындзюна в Ростове-на-Дону» и продолжил начатое им дело.

Однако у самого Рындзюна-младшего явно не было предрасположенности (а, возможно, и способностей) к медицине²⁵. Гораздо больше его интересовала литература: он писал стихи и печатался «в студенческих журнальчиках»²⁶. Вероятно, именно поэтому в мае 1915 г. он подал прошение о переводе на историко-филологический факультет. Свое желание сменить специальность Рындзюн мотивировал невозможностью «вследствие болезни продолжать занятия на медицинском фак<ультете>»²⁷.

Впрочем, не исключено, что у него был и другой, менее уважительный мотив. Дело в том, что в годы Первой мировой войны ректор М.К. Любавский переориентировал образовательную и научную работу университета на нужды фронта. Была создана «специальная “военная комиссия”, в задачи которой входило содействие Московскому военно-промышленному комитету в изготовлении предметов военного снаряжения и боеприпасов»²⁸. В ее работе участвовали все естественнонаучные кафедры и большинство лабораторий. Кроме того, по инициативе М.К. Любавского университетские клиники, больница, амбулатория и ряд иных помещений были превращены в военные госпитали, где сотрудники и студенты медицинского факультета ухаживали за ранеными. В соответствии с требованиями военного времени были скорректированы и учебные планы. Например, медицинский факультет поставил себе целью готовить кадры для полевых лазаретов и госпиталей, при этом, по ре-

²⁵ По крайней мере, во всех известных нам источниках биографических сведений о Ветлугине/Рындзюне (включая его автобиографию) ни слова не говорится о том, что он когда-либо занимался врачеванием. В этом смысле представляется несколько искусственной та образовательно-профессиональная «параллель», которую между М.А. Булгаковым и Ветлугиным/Рындзюном проводят М.О. Чудакова и И.З. Белобровцева (см.: *Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 214–216; Белобровцева И. М. Булгаков и А. Ветлугин. С. 151*): ведь Булгаков, в отличие от Ветлугина, не просто учился на медицинском — он был настоящим врачом.

²⁶ *Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503; Толстая Е. А. Ветлугин. С. 76.* Очевидно, недаром в 1914 г. гимназическое начальство особенно отметило его «отличные успехи» в гуманитарных науках.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 5.

²⁸ *Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский. С. 176.*

шению Совета Московского университета, срок обучения будущих врачей и младшего медицинского персонала был сокращен «с пяти до трех-четырёх лет»²⁹.

Что же касается Рындзюна, то, судя по его поведению в годы Гражданской войны, от участия в которой он всячески уклонялся, дав «Аннибалову клятву»³⁰ никогда не служить ни в какой Армии»³¹, он меньше всего хотел оказаться в зоне боевых действий, даже в качестве лекаря. Недаром в 1919 г., счастливо избежав мобилизаций, которые (разумеется, независимо друг от друга) проводили атаман Великого Войска Донского генерал П.Н. Краснов (в Ростове), гетман Украины генерал П.П. Скоропадский (в Киеве), полковник армии Украинской Народной Республики П.Ф. Болбочан³² (в Харькове) и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал А.И. Деникин (снова в Ростове)³³, Рындзюн составил очень характерную для него «пятичленную молитву»: «Господи, избави меня от эвакуации, мобилизации, ареста, доноса и реквизиции, а со спекуляцией я справлюсь сам...»³⁴.

Как бы то ни было, ректор удовлетворил ходатайство студента Рындзюна о переводе на историко-филологический факультет. Но уже 21 сентября 1915 г. Рындзюн попросил восстановить его на медицинском: узнав об «отступничестве» Владимира, родители наотрез отказались его содержать³⁵, и Рындзюн-младший почел за благо воздержаться от отстаивания своего права на выбор профессии.

Тогдашний декан медицинского факультета профессор Николай Афанасьевич Митропольский (1847–1918) не возражал против возвращения «перебежчика». Тем более что из-за бюрократических

²⁹ Там же. С. 178.

³⁰ «Твердая решимость быть непримиримым в отношении кого-либо или чего-либо, бороться с кем-либо или с чем-либо до конца» (Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Воинова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; Астрель, 2001. С. 186).

³¹ Цит. по: *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»... С. 215.

³² В своей книге «Авантюристы Гражданской войны» и в автобиографической заметке для «Новой русской книги» Ветлугин/Рындзюн пишет его фамилию через «а»: Балбачан — и ошибочно называет его атаманом.

³³ От деникинской мобилизации Рындзюн «спасся», сделавшись сотрудником ростовского отделения Отдела пропаганды (Освага) и возглавив добровольческую газету «Жизнь» (1919).

³⁴ Цит. по: *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»... С. 216.

³⁵ «Содержание» это, по всей видимости, было значительным: достаточно сказать, что Рындзюн не только учился платно, но и снимал отдельную квартиру неподалеку от университета — на Малой Никитской (его тогдашний адрес указан в процитированном выше прошении на имя ректора).

проволочек приказ о переводе Рындзюна на историко-филологический факультет поступил в канцелярию медицинского факультета с трехмесячным опозданием — в первой половине сентября, и благодаря этому Рындзюн, «обладая необходимым *minimum*'ом», не только продолжал числиться в списках студентов-медиков, но даже был переведен на 2-й курс. Однако Н.А. Митропольский соглашался восстановить Рындзюна на своем факультете только при условии, что ректор разрешит считать его перевод на историко-филологический «не состоявшимся». Об этом и ходатайствовал перед М.К. Любавским 21 сентября 1915 г. студент Рындзюн, добавляя, что он, «не обладая самостоятельными средствами, лишен в случае отказа возможности продолжать высшее образование» и что он в то же время «вполне в силах приступить к занятиям»³⁶.

Ректор и на этот раз пошел ему навстречу, и с того же дня Рындзюн снова официально стал числиться «по медицинскому факультету»³⁷.

Об учебных успехах студента Рындзюна нет никаких данных. Но, с учетом его несомненных способностей и столь же несомненного страха перед отцом³⁸, можно предположить, что учился он, по крайней мере, сносно. Хотя все равно душой по-прежнему тяготел к литературе, а в какой-то момент увлекся и философией: судя по автобиографической заметке Ветлугина/Рындзюна, напечатанной в «Новой русской книге», его тогдашний «круг чтения» составляли М. Монтень, Э. Гуссерль, Ф. Ницше, Б. Паскаль.

* * *

О «трудах и днях» Рындзюна в первые месяцы «великой русской революции» мы знаем только то, что он сам захотел рассказать в нескольких протоколно-скупых строках автобиографической заметки: «В июне 1917 года уехал в Сочи, искать мудрости у моря. Осенью вернулся в Москву, шесть октябрьских дней просидел в подвале, думал-думал и занялся спекуляцией. Опять же жрать надо. Ездил в Гельсингфорс и Петербург. <...> В ноябре 1917 года в Гельсингфорсе, в “Сосайити-отеле” впервые курил опиум»³⁹.

Тогда же, в ноябре — декабре 1917 г. Рындзюн дебютировал как журналист, начав печататься в московской «оппозиционной газете “Луч правды”»⁴⁰. Его статьи против большевиков были за-

³⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 5.

³⁷ Там же.

³⁸ Этот страх отразился также в единственном (и, как считает Е.Д. Толстая, «во многом автобиографическом») романе Ветлугина/Рындзюна «Записки мерзавца» (1922).

³⁹ Писатели — о себе. С. 40.

⁴⁰ Толстая Е.А. Ветлугин. С. 76.

пальчивы и в вместе с тем не лишены проницательности⁴¹. Однако напрасно Е.Д. Толстая называет Рындзюна «бесстрашным автором»⁴²: осенью 1917 г., для того чтобы сражаться с большевиками на газетных столбцах, большого мужества не требовалось — красный террор как таковой тогда еще не начался. И тем более не говорят о «бесстрашии» Рындзюна его усилия — в пору работы в ростовской добровольческой газете «Жизнь» (1919) — скрыть свое участие в московской одноименной газете (1918), которую издавал Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934), а редактировали анархисты Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) и Яков Исаевич Новомирский (настоящая фамилия — Кирилловский, 1882 — после 1936). Отчасти с этой целью (или, как он сам утверждал, чтобы его не «подозревали в большевизме»⁴³), Рындзюн и придумал себе псевдонимы А. Ветлугин, Д. Денисов, Дельта, Новый⁴⁴.

Согласно автобиографической заметке Ветлугина/Рындзюна, до апреля 1918 г. он в Москву из Финляндии не возвращался: «В апреле 1918 г. в Выборге едва не попал в Маннергеймовскую резню...»⁴⁵. Но у нас имеются причины сомневаться в правдивости этого свидетельства.

В личном деле студента Рындзюна сохранились два документа, удостоверяющие его отчисление из Московского университета: во-первых, соответствующая справка, оттиснутая на обороте копии аттестата о среднем образовании; во-вторых, копия уведомления в Московское городское по воинской повинности присутствие. Оба документа датированы 6 (19) марта 1918 г. В уведомлении сказано, что В.И. Рындзюн «выбыл из числа студентов Московского университета, не кончив курса»⁴⁶. А в справке значится, что он был

⁴¹ Выдержки из одной такой статьи Е.Д. Толстая приводит в своих работах (см.: Толстая Е. Толстой и Ветлугин; Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 503–504).

⁴² Толстая Е.Д. «Деготь или мед»... С. 505.

⁴³ Писатели — о себе. С. 41.

⁴⁴ См.: Николаев Д.Д. Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина. С. 14–15; Николаев Д.Д. Ветлугин. С. 279; Белобровцева И.М. Булгаков и А. Ветлугин. С. 149.

⁴⁵ Писатели — о себе. С. 40. Рындзюн имел в виду массовые расстрелы финских коммунистов и мирного русского населения, устроенные в Выборге 29 апреля 1918 г. финскими войсками под командованием генерала К.-Г. Маннергейма и вошедшие в историю под названием «Выборгской резни». В результате этой карательной акции было уничтожено от 3 до 5 тыс. человек, в том числе около 400 русских.

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 4. Очевидно, этот документ был известен С.В. Шумихину, который в своей публикации воспроизвел его формулировку почти дословно (см.: Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж... С. 655).

отчислен (или, как тогда говорили, «уволен») «по прошению»⁴⁷. Самого прошения в деле нет — оно либо было утеряно, либо отложено в архиве университетской Канцелярии.

Таким образом, если принять на веру процитированные выше слова Рындзюна, то получится, что он одновременно был в двух совершенно разных местах. Впрочем, вполне можно допустить, что Рындзюн, ради того чтобы отчислиться, нарочно приезжал в Москву — или же прислал свое прошение по почте или телеграфу из Гельсингфорса.

В любом случае, его слова о том, что он «окончил юридический» и «собирался “оставаться” на “истории философии права”»⁴⁸, являются мистификацией: согласно *документам*, студент Московского университета В.И. Рындзюн *никогда* не учился на юридическом факультете. И тем более не мог его окончить, так как в феврале или марте 1918 г. юридический факультет был закрыт⁴⁹. Впрочем, разумеется, ничто не мешало Рындзюну посещать лекции по юриспруденции до Октябрьского переворота.

Не исключено также, что интерес к этой области знаний (если он действительно был) у Рындзюна мог возникнуть благодаря знакомству с А.А. Боровым — соредктором анархистской газеты «Жизнь», где Рындзюн печатался с апреля по июль 1918 г. Круг интересов анархиста А.А. Борового был весьма широк: философия, экономика, политика, музыка, театр, литература, — но по основному образованию (полученному, кстати, также в Московском университете) он был юрист. Работу в газете А.А. Боровой совмещал с преподаванием в разных учебных заведениях Москвы. Дон-Аминадо в книге «Поезд на третьем пути» воспроизводит свой разговор с ним накануне открытия «Жизни», и в ходе этого разговора А.А. Боровой, рекомендуя Рындзюна в качестве потенциального сотрудника для отдела судебной хроники, называет его одним из своих слушателей⁵⁰.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 328. Д. 1962. Л. 2 об.

⁴⁸ Писатели — о себе. С. 41.

⁴⁹ Пойти на это университетскую администрацию принудило Постановление Наркомата просвещения РСФСР от 12 (25) февраля 1918 г., где говорилось о «совершенной устарелости учебных планов» юридических факультетов и «полном несоответствии этих планов требованиям научной методологии» (цит. по: Летопись Московского университета: Люди, события, факты. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (дата обращения: 09.03.17)). Вплоть до апреля 1919 г., когда на базе юридического и историко-филологического факультетов был создан так называемый «факультет общественных наук», кафедры политической экономики, статистики, финансового права, международного права, русского государственного права «относились к историко-филологическому факультету. Профессора считались выбывшими из состава юридического факультета» (Там же).

⁵⁰ Был ли он таковым в действительности, неизвестно. Сам Рындзюн/Ветлугин об этом эпизоде в своей биографии предпочел умолчать. Тем не менее

Самого Рындзюна редактор «Жизни», если верить Дон-Аминадо, считал «исключительно талантливым, умным, можно даже сказать, блестящим человеком», но в то же время, наряду с явными достоинствами, отмечал и малопривлекательные свойства его натуры: «Все понимает, много знает и за внешней робостью и сдержанностью таит большую внутреннюю разнузданность и то, что принято называть греческим огнем⁵¹. / Я ему часто говорю: сердца, Рындзюн, у вас нет, вместо сердца у вас какая-то субстанция холода, но холодом этим вы обжигаете. И, откровенно говоря, есть в нем что-то интеллектуально-преступное, какой-то душевный вывих, провал, цинизм, доходящий до грации»⁵².

В любом случае, ни университетские лекции по праву, ни аналогичные лекции А.А. Борового, ни присутствие на судебных про-

в его очерке «Анархисть», напечатанном в книге «Авантюристы Гражданской войны», имеется косвенное свидетельство того, что он и впрямь слушал лекции А.А. Борового: «Боровой прочел бесчисленное количество раз лекцию “Класс и партия”, где проводил свои взгляды о преимуществах l' action directe <прямых действий (фр.)> пред борьбой в законодательных учреждениях, о силе классового сознания и вредном бессилии партийной спайки» (*Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 75*).

⁵¹ «Греческий огонь» — так в Средние века называлась зажигательная смесь из селитры, серы, смолы и горючих масел — был изобретен византийцами, широко использовался в ходе морских сражений и при осаде крепостей.

⁵² *Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. С. 220.* Впрочем, Д.Д. Николаев и И.З. Белобровцева сомневаются в достоверности свидетельства Дон-Аминадо о Рындзюне/Ветлугине. В частности, И.З. Белобровцева справедливо указывает на откровенную предвзятость Дон-Аминадо по отношению к В. Рындзюну (см.: *Белобровцева И. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»... С. 207–213*). Именно этой предвзятостью была обусловлена та правка, которую поэт-сатирик внес в адресованные ему и воспроизведенные в «Поезде на третьем пути» ветлугинские письма. В своей преамбуле к подборке *аутентичных* писем А. Ветлугина к Дон-Аминадо И.З. Белобровцева большое внимание уделяет анализу причин и характера этой «редактуры», однако далеко не все выводы исследовательницы представляются убедительными. Например, И.З. Белобровцева пишет: «Смысл правки первого, константинопольского письма раскрывается просто, цель здесь просматривается явно: не допустить искажения светлого облика добровольческой армии: так, из ветлугинского перечисления того, что ему приходилось делать вместе с добровольческой армией, — очищать Кубань, брать Царицын и т.д., Дон-Аминадо в своей книге изымает фразу — “с Добрармией снимали с поездов и расстреливали”» (Там же. С. 210). Сомнительно, чтобы о «светлом облике» Добровольческой армии, притом спустя немалый срок после ее разгрома, стал пещься человек, 20 лет проработавший в газете «Последние новости», которая в начале 1920-х гг. восставила против себя гигантскую часть военной эмиграции именно тем, что планомерно дискредитировала Белое движение и вооруженную борьбу с советской властью. К тому же Дон-Аминадо был этническим евреем, а Добрармия, в лице многих своих солдат и офицеров, не гнушалась еврейскими погромами, и этого ей не забывали не только в Советской России, но и в эмиграции.

цессах в качестве репортера-референта не могли дать Рындзюну полноценного юридического образования. Еще менее вероятно, что он получил его во время Гражданской войны или в первые годы эмиграции: в пору своих пореволюционных скитаний по югу и юго-западу бывшей Российской империи Рындзюн совсем ненадолго задерживался в университетских городах — Киеве и Харькове, а очутившись в Париже, был слишком загружен своей литературной и журналистской работой⁵³.

* * *

О том, что с В.И. Рындзюном происходило после его окончательного отъезда (или бегства?) из Москвы (1918) и как он превратился в А. Ветлугина, довольно подробно рассказано в мемуарной и исследовательской литературе. Напомним только (чтобы «поставить точку» в нашем повествовании), что умер он (под именем Voldemar Vetlugin) 15 мая 1953 г. в Нью-Йорке. От роду ему было всего 56 лет.

* * *

За неоценимую помощь, оказанную при подготовке данной статьи, ее автор благодарит сотрудников ЦИАМ, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично А.В. Василисину, Н.А. Мартынову и Т.В. Марченко.

Литература

Бакунцев А.В. Журналист А. Ветлугин и его «путаная биография» // История отечественных СМИ. 2017. № 1. С. 106–126.

Белобровцева И. Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа) // Toronto Slavic Quaterly. 2002. № 2. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml> (дата обращения: 15.02.17).

Белобровцева И. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон-Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашита Янгирова / сост. Я. Левченко. СПб.: Свое изд-во, 2011. С. 205–231.

Белобровцева И. М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 149–163.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступит. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.

⁵³ С октября 1920 по январь 1922 г. Рындзюн/Ветлугин опубликовал множество статей в газетах «Свободные мысли» и «Общее дело», в журнале «Зеленая палочка», а также выпустил две книги — «Авантюристы Гражданской войны» и «Третья Россия».

Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. 464 с.

Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / предисл. О. Коростелева. М.: Б.С. Г.-ПРЕСС, 2001. Т. 1: Россия в Германии. 560 с.

Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / предисл., примеч. В. Коровина. М.: Вагриус, 2006. 384 с.

Ермолаев Ю.Н. Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет / под ред. А.Я. Дегтярева и А.В. Сидорова. М.: Парад, 2005. С. 120–222.

Исторические путешествия Ивана Толстого. Берлинский перекресток: Ледяные глаза. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60677/episode_id/1308733/ (дата обращения: 16.02.17).

Летопись Московского университета: Люди, события, факты. URL: <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (дата обращения: 09.03.17).

Николаев Д.Д. Ибикус, или Жизнь и смерть А. Ветлугина // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / вступит. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Д.Д. Николаева. М.: Лаком, 2000. С. 5–38.

Николаев Д.Д. Ветлугин // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 4. С. 269–308.

Пилипенко Г. Сто лет ростовской гимназии № 36. URL: <http://www.rostovnews.net/2011/08/31/100-let-rostovskoj-gimnazii-n-36> (дата обращения: 28.02.17).

Писатели — о себе // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 40–41.

Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж. Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) / предисл., публ. и коммент. С. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaum; Феникс, 2001. Вып. 1. С. 645–714.

Толстая Е. Толстой и Ветлугин // Toronto Slavic Quaterly. 2004. № 7. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml> (дата обращения: 16.02.17).

Толстая Е. Постскрипtum к теме «Ветлугин и Алексей Толстой» // Toronto Slavic Quaterly. 2006. № 18. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (дата обращения: 16.02.17).

Толстая Е.Д. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 685 с.

Толстая Е. А. Ветлугин // Русское еврейство в зарубежье / науч. рук. М. Пархомовский; ред.-сост. Э.А. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб.: Академический проект; ДНК, 2007. Т. 15: Русские евреи в Америке: В 2 кн. Кн. 2. С. 76–95.

Толстой А.Н. О Париже // Петроград. 1923. № 4. С. 13–16.

Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Воинова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; Астрель, 2001. 512 с.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 672 с.

Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13338> (дата обращения: 14.03.17).

Яблоновский А. Сменовеховцы // Возрождение (Париж). 1926. 26 дек. № 572. С. 2.

Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaum; Феникс, 2004. Вып. 4. С. 525–590.

References

Bakuntsev A.V. “Zhurnalist A. Vetlugin i ego ‘putanaja biografija’”. *Istoria otechestvennyh SMI*, 2017, no 1, pp. 106–126. (In Russ.)

Belobrovtsseva I. M. "Bulgakov i A. Vetlugin". *Psevdonimy russkogo zarubezh'ja: Materialy i issledovania*, eds. M. Shrubu, O. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 149–163. (In Russ.)

Belobrovtsseva I. Litso ne v fokuse (k probleme odnogo prototipa). *Toronto Slavic Quarterly*, 2002, no 2. Online at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovtsseva.shtml> (In Russ.)

Belobrovtsseva I. "Vami zabytyi i Vas ljubyashhii A. Vetlugin": Pis'ma A. Vetlugina Don-Aminado". *Rabota i sluzhba: Sbornik pamjati Rashita Jangirova*, comp. Yan Levchenko. Saint-Petersbourg: Svoe izd-vo publ., 2011, pp. 205–231. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publicistika 1918–1953 godov*, ed., introd. O.N. Mihailova, comm. S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, IMLI RAN; Nasledie publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova*. 2nd enl. ed. Moscow, Kniga, 1988. 672 p. (In Russ.)

Don-Aminado. *Poezd na tret'em puti*, ed., comm. V. Korovin. Moscow, Vagrius, 2006. 384 p. (In Russ.)

Elektronnaja evreiskaja entsiklopedia. Online at <http://www.eleven.co.il/article/13338> (In Russ.)

Ermolaev Yu.N. "Rektor Moskovskogo universiteta M.K. Liubavsky". *Akademik M.K. Liubavsky i Moskovskiy universitet*, eds. A.Ya. Degtiarev, A.V. Sidorov. Moscow, Parad, 2005, pp. 120–222. (In Russ.)

Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka, eds. L.A. Voinov et al., introd. A.I. Molotkov. 6th rev. enl. ed. Moscow, AST; Astrel' publ., 2001. 512 p. (In Russ.)

Gul' R.B. *Ja unes Rossiju: Apologija jemigracii*: in 3 vols, introd. O. Korostelev. Moscow, B.S.G.-PRESS, 2001, vol. 1: *Rossia v Germanii*. 560 p. (In Russ.)

Istoricheskie putesheshtvia Ivana Tolstogo. Berlinskij perekrestok: Ledianye glaza. Online at http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60677/episode_id/1308733/ (In Russ.)

Letopis' Moskovskogo universiteta: Liudi, sobytia, fakty. Online at <http://letopis.msu.ru/letopis/1918> (In Russ.)

Nikolaev D.D. "Ibikus, ili Zhizn' i smert' A. Vetlugina". *Vetlugin A. Sochinenia: Zapiski merzavtsa*, introd., comp., ed. D.D. Nikolaev. Moscow, Lakom, 2000, pp. 5–38. (In Russ.)

Nikolaev D.D. "Vetlugin". *Literatura russkogo zarubezh'ja, 1920–1940*, ed. O.N. Mihailova, Yu.A. Azarov. Moscow, IMLI RAN publ., 2008. Issue 4, pp. 269–308. (In Russ.)

Pilipenko G. *Sto let rostovskoj gimnazii № 36*. Online at <http://www.rostovnews.net/2011/08/31/100-let-rostovskoj-gimnazii-n-36> (In Russ.)

"Pisateli — o sebe". *Novaja russkaja kniga*. Berlin, 1922, no 3, pp. 40–41. (In Russ.)

"Russkaja Praga, Russkaja Nicca, Russkij Parizh. Iz dnevnika Borisa Lazarevskogo (33 pis'ma Mihaila Artsybasheva, Ivana Bunina, Aleksandra Kuprina, Il'i Surgucheva i dr.)", introd., ed., comm. S. Shumikhin. *Diaspora: Novye materialy*. Parizh; Saint-Petersbourg, Atheneum; Feniks publ., 2001. Issue 1, pp. 645–714. (In Russ.)

Tolstaya E. Tolstoy i Vetlugin. *Toronto Slavic Quarterly*, 2004, no 7. Online at <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml> (In Russ.)

Tolstaya E.D. "Degot' ili med": *Aleksey N. Tolstoy kak neizvestnyi pisatel' (1917–1923)*. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t publ., 2006. 685 p. (In Russ.)

Tolstaya E. "Postsriptum k teme 'Vetlugin i Aleksey Tolstoy'". *Toronto Slavic Quarterly*, 2006, no 18. Online at <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/tolstaya18.shtml> (In Russ.)

Tolstaya E. "A. Vetlugin". *Russkoe evreistvo v zarubezh'e*, eds. M. Parhomovsky, Ye.A. Zal'zberg. Ierusalim; Toronto; Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt; DNK, 2007. Vol. 15: "Russkie evrei v Amerike", vol. 2, book 2, pp. 76–95. (In Russ.)

Tolstoy A.N. O Parizhe. *Petrograd*, 1923, no 4, pp. 13–16. (In Russ.)

Vetlugin A. *Sochinenija: Zapiski merzavtsa*, introd., comp., ed., comm. D.D. Nikolaev. Moscow, Lakom, 2000. 464 p. (In Russ.)

Yablonovsky A. Smenovehovtsy. *Vozrozhdenie*, Paris, 1926, December 26, no 572, p. 2. (In Russ.)

Yangirov R. "Iz istorii russkoi zarubezhnoi pečati i knigoizdatel'stva 1920-h godov" (Po novym materialam). *Diaspora: Novye materialy*. Paris, Saint-Petersburg, Athenaeum, Feniks, 2004. Issue 4, pp. 525–590. (In Russ.)

A. Vetlugin's Student Years, 1914–1918

Anton V. Bakuntsev

Abstract: In 2017 is the year of the 120th anniversary of A. Vetlugin, who is among the brightest representatives of the first wave Russian emigres who exerted a great influence on the public opinion of the Russian emigration in the 1920s. In history of the Russian émigré literature and journalism he is known by his pen name A. Vetlugin; his real name is V.I. Ryndziun (1897–1953). Although there exist several studies dedicated to his biography and heritage, his student years at Moscow University remain poorly studied. The present article intends to fill the gap.

Keywords: A. Vetlugin, V.I. Ryndziun, Moscow Imperial University, World War I, February Revolution, October Revolution, Russian emigration.

Information about author: Anton V. Bakuntsev, PhD, Associate Professor, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: auctor@list.ru

Вокруг Маяковского «Инженерица» Муся Натансон и другие

А.В. Валюженич

Аннотация: По архивным документам и с привлечением неучтенных мемуарных и биографических материалов восстанавливается биография знакомой В.В. Маяковского М.Я. Натансон, а также приводятся данные о близких к ней советских деятелях Ю.А. Абдрахманове и В.В. Примакове, тоже входивших в «околомаяковскую орбиту». Уточняются эпизоды литературной жизни конца 1910–1920-х годов.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, М.Я. Натансон, «комфуты», историко-биографические документы, литературная жизнь СССР 1910–1920-х годов.

Информация об авторе: Анатолий Васильевич Валюженич, автор исследований о В.В. Маяковском и его окружении, книг об О.М. и Л.Ю. Брик. Астана, Казахстан. E-mail: litfact@gmail.com

В 1927 г. в журнале «Новый ЛЕФ» была опубликована статья В.В. Маяковского «Только не воспоминания». Поэт пишет: «С первых дней семнадцатилетняя коммунистка Выборгского района Муся Натансон стала водить нас через пустыри, мосты и груды железного лома по клубам, заводам Выборгского и Василеостровского районов.

Я читал всё, что у меня было; главным образом — “Поэтохронику”, “Левый”, “Войну и мир” и сатириконские вещи»¹.

Он вспоминает М. Натансон однажды в письме Л.Ю. Брик от 6 ноября 1921 г.: «...Новостей у меня никаких. Живу тихо, люблю тебя и жду. Жил всё время с Оськой, а последние несколько дней у себя, так как приехала Муха, и ей пришлось дать переночевать, чтоб не выгонять из комнаты Лёву. Теперь Муха уехала, и я переселюсь обратно»².

¹ Новый ЛЕФ. 1927. № 8–9. С. 33. См. также: *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 12. С. 152.

² Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: АН СССР, 1958. С. 117. В издававшееся одновременно Полное собрание сочинений Маяковского письмо включено не было.

Однако исследователи знали о ней немного и ограничивались самыми краткими комментариями: «*Натансон* Муся (Мария Яковлевна), секретарь “Комфута”»³; «*Муха* — Мария Яковлевна Натансон, знакомая Маяковского. О ней см. в очерке Маяковского “Только не воспоминания” (“Новый Леф”, 1927, № 8–9, стр. 33)»⁴.

Между тем появились данные, которые позволяют реконструировать биографию Натансон. Во-первых, в 1991 г. были опубликованы дневники государственного и политического деятеля Киргизии, бывшего председателя Совета Народных Комиссаров Киргизской АССР, члена Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦИК Союза ССР Ю.А. Абдрахманова (28.12.1901–5.11.1938), которые содержат его записи о событиях 1928–1932 гг. Многие из них связаны с Мусей Натансон, которую автор дневника «полюбил с первого взгляда» по приезду в Киргизию. В комментариях к этому изданию в биографию нашей героини включены материалы общества «Мемориал».

Во-вторых, в биографии Натансон сыграл большую роль красный командир В.М. Примаков (30.12.1897–11.06.1937), который после смерти Маяковского стал мужем Брик: с ним она прожила с конца 1930 г. до его ареста (1936), осуждения и расстрела по делу «Заговор военных»⁵. Готова к изданию книгу «Пятнадцать лет после Маяковского», первый том которой составила опубликованная ранее работа «*Лиля Брик — жена командира. 1930–1937*», мы учли новые материалы о Примакове, Натансон и Абдрахманове и использовали их при написании главы «Предыстория. (Дополнение к тому 1)»⁶. Параллельно, по просьбе потомков Абдрахманова и «абдрахмановедов», этот новый материал был подготовлен мной для киргизского издания и опубликован в ежеквартальном научном журнале «Диалог цивилизаций»⁷. Данные издания были хорошо иллюстрированы, но бросалось в глаза отсутствие фотографии нашей главной героини — Натансон.

В-третьих, новые материалы о Натансон нам удалось обнаружить в архиве Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ) им. В.И. Ульянова (Ленина)⁸, ко-

³ *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 512.

⁴ Литературное наследство. Т. 65. С. 117.

⁵ *Валюженич А.* *Лиля Брик — жена командира. 1930–1937.* Астана: Проксима, 2006; 2-е изд.: М.: Русская деревня, 2008.

⁶ *Валюженич А.* Пятнадцать лет после Маяковского: В 2 т. Т. 1: *Лиля Брик — жена командира. 1930–1937.* М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.

⁷ *Валюженич А.* Они были расстреляны... // *Диалог цивилизаций* (Кыргыско-российский славянский университет. Институт мировой культуры). Бишкек. 2015. № 1 (19). С. 206–220.

⁸ Благодарю за получение этих материалов ректора Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ) В.М. Кутузова,

М.Я. Натансон. Фото из личного дела. 1923

торый она когда-то окончила. Мы нашли личное дело студентки с ее фотографией и биографическими данными за 1923–1930 гг.

Теперь мы можем по-новому представить биографию Натансон.

При Маяковском

Мария Яковлевна Натансон родилась 24 декабря 1900 г. (по старому стилю)⁹ в Курляндии, в еврейской семье. Отец имел частную практику и состоял врачом фабричной амбулатории в Белостоке. С развитием военных действий в Первую мировую войну семья переехала в Москву, где отец продолжал заниматься частной практикой и состоял врачом при фабрике Хитина.

Весной 1917 г. Натансон окончила 8-й класс Московской женской гимназии. Вихрь революции закружил ее. В том же 1917 г. она вступила в РСДРП. О первых послереволюционных годах она писала в автобиографии:

С 1917 г. по 1921 г. работала в партийных, профсоюзных и хозяйственных организациях в Москве и Петрограде.

А в анкете уточняла:

начальника управления по работе с персоналом Д.П. Шугаева, заведующую архивом И.Ж. Любименкову. Далее ссылки на этот архив не даются.

⁹ По новому стилю, введенному в феврале 1918 г., она родилась 6 января 1901 г., что и объясняет встречающиеся разночтения года рождения: 1900 и 1901.

До октября 1917 г. — в парторганизации Рогожского р. г. Москвы; с августа 1917 г. — секретарем Штаба Красной Гвардии.

В 1918 г. ее отец переехал в д. Ликино Московской губернии, где был назначен заведующим фабричной больницы Ликинской мануфактуры, а она перебралась в Петроград, где занималась «по преимуществу партийной работой: в Выборгском РК — член РК, на Арматурном заводе — секретарь, а затем председатель завкома».

С 7 декабря 1918 г. в Петрограде начинает выходить новая еженедельная газета «Искусство коммуны». Издатель — Отдел изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения. В состав редколлегии входили Б. Кушнер, О. Брик, Н. Пунин, Д. Штеренберг. Редактором был В. Маяковский, который часто публиковал в ней свои стихи. Газета активно пропагандирует новые задачи и формы искусства. Вскоре редакция газеты приходит к мысли о необходимости срастить коммунизм и футуризм не только идеологически, но и организационно. В № 8 «Искусства коммуны» от 26 января 1919 г. под лозунгом Маяковского «Довольно шагать, футуристы! В будущее — прыжок!» помещена информация «Коммунисты-футуристы»:

При Выборгском Районе Р.К.П. (большевиков) организованся Коллектив Коммунистов-футуристов — «Ком-Фут».

На первых двух организационных собраниях 13-го и 19-го с. м. были выработаны и приняты программная декларация, устав и организационная схема.

Были установлены ближайшие практические задания и исполнение их распределено между членами Коллектива.

Дальше публикуются «Программная декларация» и «Устав». Первое положение декларации:

Коммунистический строй требует коммунистического сознания. Все формы быта, морали, философии и искусства должны быть пересозданы на коммунистических началах. Без этого невозможно дальнейшее развитие коммунистической революции.

И в заключение:

Председателем Коллектива и ответственным организатором его избран т. Кушнер¹⁰, секретарем т. Натансон.

Организация и руководство школы культурной коммунистической идеологии поручены т. Брик.

Постановка культурно-издательской деятельности Коллектива возложена на т. Кушнера.

Делом распространения литературы будет весть т. Красавин.

¹⁰ Кушнер Борис Анисимович (1888–1937), литератор, футурист. Член РКП(б) с 1917 г. Сотрудник газет «Искусство коммуны», «Правда», журналов «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ».

Т. Натансон ведет организационную работу устной агитации и пропаганды.

Учреждение Бюро Коллектива поручено т. Муштакову.

Коллегия товарищей, которые ведают ту или иную отрасль работ Коллектива, составляют Исполнительную Комиссию последнего.

Маяковский здесь нигде не упомянут, так как он, будучи беспартийным, согласно уставу, не имел права входить в организацию «Ком-Футов». Тем не менее он активно выступал в коллективах с лекциями о новом искусстве и чтением своих стихов, о чем позже писал в статье «Только не воспоминания...». В статье «Коммунисты-Футуристы» в № 9 «Искусства коммуны» за 2 февраля 1919 г. Б. Кушнер пишет:

28-го января Выборгский Районный Комитет Р.К.П. рассматривал вопрос о зарегистрировании Организации Коммунистов-Футуристов как партийного коллектива.

Несмотря на указания докладчика, что задания и работа Ком-Фут'а носят чисто политический, отнюдь не просветительный характер, что устав и программа его вполне соответствуют духу и постановлениям Партии и что поэтому Организация должна быть зарегистрирована как партийная, Районный Комитет в зарегистрировании Коллектива Ком-Фут отказал. Мотивирован отказ тем, что «уставом нашей Партии не предусмотрены подобного рода коллективы» и тем, что «утверждением подобного коллектива мы можем создать нежелательный прецедент в будущем».

На этом петроградская история Ком-Фута заканчивается, а с выпуском № 19 от 13 апреля 1919 г. прекращается выпуск газеты «Искусство коммуны», и основной состав редколлегии вместе с отделом изобразительных искусств (ИЗО) Наркомпроса переезжает в Москву. В Москве делается еще одна попытка реанимировать Ком-Фут. 14 и 23 января 1921 г. для рассмотрения организационных вопросов состоялись заседания Бюро Ком-Фута (уже без Натансон и других питерцев). В апреле 1921 г. Маяковский с соратниками передали В.И. Ленину только что вышедшую из печати отдельную книжечку с поэмой «150.000.000» (без указания автора, с дарственной надписью: «Товарищу Владимиру Ильичу с комфутским приветом Владимир Маяковский, Л. Брик, О.М. Брик, Борис Кушнер, Б. Малкин, Д. Штеренберг, Нат. Альтман»). Ленину поэма очень не понравилась, и он отозвался о ней в записке А.В. Луначарскому от 6 мая 1921: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность»¹¹. Вопрос о партийном признании ком-футов больше не поднимался.

¹¹ См.: Валюженич А. О.М. Брик. Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993. С. 217–224 (очерк «С комфутским приветом...»).

Натансон осталась в Петрограде. Кроме партийной работы в Выборгском РКП(б), она «с 1919 г — в Электротресте: секретарь Рабочего Совета, член Правления арматурной секции, зав. Отделом научной пропаганды».

В декабре 1920 г. по докладу В.И. Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов был принят Государственный план электрификации России. Решение этой грандиозной задачи требовало технически грамотных специалистов. Натансон, горячо поддерживавшая постановления партии, решает поступить на учебу в вуз. Выбор пал на наиболее авторитетное учебное заведение с более чем вековой историей, называвшееся с 1918 г. 1-м Петроградским политехническим институтом (1 ППИ, с 1922 г. «имени тов. М.И. Калинина», до этого «имени императора Петра Великого»). Натансон в 1921 г. «освобождена Губкомом РКП от партийной работы и откомандирована на учебу в 1 ППИ». Так она с 1 сентября 1921 г. становится студенткой электромеханического факультета.

В начале ноября 1921 г. она зачем-то приезжает в Москву. Об этом 6 ноября упоминает Маяковский в письме Брик, находящейся в Риге.

Безмятежная студенческая жизнь Натансон продолжается недолго. В 1922 г. у нее родился сын, которого она назвала Лёвущкой в честь своего кумира, одного из вождей революции Л.Д. Троцкого. Ей пришлось оставить занятия в институте. Как мог, ей помогал переехавший в Петроград ее отец, устроившийся в августе 1922 г. заведующим здравотделом Выборгского района.

В домашних хлопотах проходит год, пора подумать о продолжении учебы в вузе. Дело осложняется тем, что ее институт находится на окраине города, куда трудно добираться, оставив в городе малыша. И она решает перевестись в более удобный ей по расположению и не менее престижный Петроградский (с переименованием города — Ленинградский) электротехнический институт имени (с 1918) В.И. Ульянова (Ленина).

Она подает туда свое заявление:

В Приемную к-ссию Электротехн. И-та
студ. I П. П. И. имени тов. Калинина
эл.-мех. фак.
приема 1921 г.
М.Я. Натансон

Заявление

Прошу приемную комиссию перевести меня в электро-техн. институт г. к. вследствие семейных обстоятельств (ребенок) я лишена возможности посещать Политехнический институт.

В Приемную К-ссии Электротехн. Ин-та

отпуд. Г.П.П.И. имени р.б.Калина
 Эл.-мех. фак.
 письмо 1921 г.
 М.С. Натансон

Заявление.

Прошу приемную Комиссию перевести меня в Электротехн. Институт г.К. Валерьевне сиейхих обстоятельств (решая) я лишена возможности посещать Политехнический Институт. По тем-же причинам я фактически потеряла прошлый учебный год - потому этот год моей абых меня в невозможность продолжать занятия, для к-рых я в 21 г. Губкомом Р.К.П. была освобождена от партийной работы и на к-рые была Губкомом откомандирована.

В виду этого прошу меня принять в число студ. Электротехн. отд. Вашего Института в старшей к.п.к. Возражения против моего перевода хотя бы и сверх нормы не встречается.

М. Натансон

Мой адрес: Каменноостр. пр. 26/28 кв. 12.
 временно: Морская 1, кв. 11.

6/IX 23. При сем прилагаю: 1) Удостовер. о зачетах от декана эл.-мех. фак. Г.П.П.И.
 2) Анкету, заверенную Коллективом Р.К.П. Г.П.П.И.

Заявление М. Натансон о переходе в Электротехнический институт. 1923

По тем же причинам я фактически потеряла прошлый учебный год. Потеря этого года поставит меня в невозможность продолжать занятия, для к-рых я в 21 г. Губкомом Р. К. П. была освобождена от партийной работы и на к-рые была Губкомом откомандирована.

В виду этого прошу принять меня в число студ. электро-техн. отд. Вашего института.

Со стороны Ц. П. К. возражения против моего перевода хотя бы и сверх нормы не встречается.

М. Натансон

Мой адрес: Каменноостр[овский] пр. 26/28, кв. 12.

временно: Морская 1, кв. 11.

При сем прилагаю: 1) Удостовер. о зачетах от декана эл.-мех. фак. Г.П.П.И.

2) Анкету, заверенную Коллективом Р.К.П. Г.П.П.И.

6/IX 23

Натансон, которую Губком РКП откомандировал на учебу в вузе, разумеется, зачисляют в студенты ЛЭТИ. На нее заводят личное дело, куда помещают «Опросный лист» и вклеивают ее фотографию (ответы из опросного листа использованы выше). И она снова студентка. Лекции, лабораторные занятия, зачеты, экзамены, практика.

В 1924 г. умирает Ленин, начинается внутривнутрипартийная борьба за власть между Сталиным и Троцким. Их приверженцы разделяются на членов «правой линии партии» и «оппозиционеров». Разумеется, Натансон в «оппозиции», причем в числе активистов, среди студенческой молодежи и творческой интеллигенции. Она сближается с литераторами, собиравшимися в «салоне» писательской четы Л. Сейфуллиной¹² и В. Правдухина¹³: это И. Бабель¹⁴, Вс. Иванов¹⁵, Л. Леонов¹⁶, А. Воронский¹⁷, К. Радек¹⁸.

В это время могла произойти встреча Натансон, издавна сотрудничавшей с отделом научной пропаганды Электротреста, с Троцким. Вот что он писал:

В мае 1925 г. я был назначен председателем концессионного комитета, начальником электротехнического управления и председателем научно-технического управления промышленности... Выбор их [...] определялся специфическими соображениями: изолировать тем не менее добросовестную попытку сработаться на новых основах. Приступив к работе в трех незнакомых мне учреждениях, я ушел в нее с головой... Я усердно посещал многочисленные лаборатории, с огромным интересом присутствовал на опытах, выслушивал объяснения лучших ученых, штудировал учебники химии и гидродинамики и чувствовал себя наполовину администратором, наполовину студентом. Недаром же в юные годы я собирался поступить на физико-математический факультет¹⁹.

И, по-видимому, тогда же она встречается с Примаковым, прославленным героем Гражданской войны, организатором и командиром Червоного казачества. Его деятельность в годы Гражданской

¹² Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954), писательница, прозаик.

¹³ Правдухин Валериан Павлович (1892–1939), журналист, писатель, критик.

¹⁴ Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940), писатель, прозаик.

¹⁵ Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963), писатель, прозаик.

¹⁶ Леонов Леонид Максимович (1899–1994), писатель, прозаик, драматург.

¹⁷ Воронский Александр Константинович (1884–1937), критик, журналист, писатель.

¹⁸ Радек Карл Бернгардович (наст. фамилия Собельсон, 1885–1939), партийный деятель, журналист. XV съездом ВКП(б) исключен из партии и сослан. В мае 1929 г. освобожден. В 1936 г. вновь исключен из ВКП(б), арестован и осужден. В 1939 г. погиб в тюрьме.

¹⁹ *Троцкий Л.* Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. С. 505.

войны находилась под особым контролем наркомвоенмора Троцкого, который был расположен к нему. «Есть предположение, что возглавляемая им [М. Тухачевским] 5-я армия, признанная лучшей армией Республики, должна была стать опорой Троцкого в войсках. Потом он сделал ставку на 1-ю конную бригаду Червоного казачества, которой командовал Примаков. По образному выражению... “Примаков — это как бы Буденный Троцкого, а Тухачевский — его Ворошилов”»²⁰.

В 1923 г. Примаков встретил в Москве Марию Ароновну Довжик (1898–1990), которая оканчивала Первый медицинский институт, и женился на ней. В 1927 г. у них родился сын Юрий, очень болезненный мальчик, поэтому мать жила с ним в Новгороде и не сопровождала Примакова в его поездках.

С апреля 1925 по май 1926 г. Примаков находился в длительной зарубежной командировке в Китае, где поочередно занимал должности военного советника, руководителя Калганской группы, помощника инспектора пехоты и непосредственно формировал кавалерийские части в 1-й национальной армии Китая. По возвращении из Китая Примаков издал под псевдонимом «лейтенант Аллен» книгу «Записки волонтера. Гражданская война в Китае» (Л.: Прибой, 1926). Работая над книгой, Примаков познакомился с группой литераторов, часто бывавших у Сейфуллиной и Правдухина. Возможно, там он встретился и сблизился с Натансон. Они полюбили друг друга. Вероятно, она и познакомила Примакова с Маяковским и его ближайшим окружением.

По сообщенным мне Ю.В. Примаковым сведениям, брат его матери Георгий Довжик был женат на некоей Раисе Натансон, которая могла быть в родстве с М.Я. Натансон. В июле 1927 г. Примакова снова привлекают на военно-политическую работу и отправляют военным атташе в Афганистан. Он уезжает в Кабул, но не теряет связи с Мусей.

Ни учеба в ЛЭТИ, ни сложные обстоятельства личной жизни не отвлекают Натансон от активной политической жизни, которая и поставила ее в ряды наиболее видных оппозиционеров страны. Ее имя появляется в газетных отчетах о проходившем в Москве со 2 по 19 декабря 1927 г. Пятнадцатом съезде ВКП(б). На съезде была принята резолюция «Об оппозиции», в ней, в частности, говорилось:

XV съезд считает, что ЦК и ЦКК поступили правильно, исключив Троцкого и Зиновьева 14 ноября 1927 г. из рядов ВКП(б), а других оппозиционных членов ЦК и ЦКК — из состава этих последних и поставив вопрос об оппозиции в целом на обсуждение съезда...

²⁰ *Колтакиди А.И., Прудникова Е.А.* Двойной заговор: Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М.: ОЛМА-Пресс, 2000. С. 255.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание двукратное нарушение оппозицией ее торжественных обещаний об отказе от фракционности, съезд постановляет:

Исключить из партии следующих активных деятелей троцкистской оппозиции: [...]

43. Натансона М.Я.²¹

И хотя она названа здесь в мужском роде, речь идет именно о Марии Яковлевне Натансон, которая в составе 75 виднейших деятелей троцкистской оппозиции была наказана исключением из партии одновременно с лидером оппозиции Троцким. Она не подписала «Заявление съезду 23-х» с просьбой «вернуть нас в партию». Получив от XV съезда мандат на расправу с левой оппозицией, сталинский аппарат сразу же после съезда начал осуществлять против нее санкции, далеко выходящие за пределы, предоставленные этим мандатом. Большая часть исключенных из партии была направлена в административную ссылку в дальние районы страны. Поскольку ссыльным предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах. Они обязаны были регулярно являться для регистрации в местные органы КПУ. Им назначалось месячное пособие в 30 руб., которое в 1929 г. было вдвое уменьшено. Обеспечение ссыльных работой возлагалось на партийные органы в местах ссылки.

В конце февраля 1928 г. отправляется по месту ссылки и Натансон, из института ее отчисляют. Лидия Сейфуллина в телеграмме от 11 февраля 1928 г. из Ленинграда в Тобольск Радеку среди других новостей сообщает: «Муся едет службу Пишпек...» (неверно, с 1926 г. — город Фрунзе). А письмом тому же адресату от 21 февраля 1928 г. уточняет: «Проводили Мусю. Это очень для меня большая утрата, я ее люблю»²². Обращает внимание, что Сейфуллина подробно информирует Радека о Натансон, понимая, по-видимому, что тот проявляет к ней особый интерес.

Однако Муся выехала не во Фрунзе, а в Ташкент. Впрочем, можно было добираться до места назначения и таким маршрутом, не вызывая недоумения (подозрения) окружающих. Но она выбрала этот путь потому, что договорилась (по телефону или почтой), что в Ташкент приедет из Кабула Виталий Примаков, и они там встретятся. И действительно, эта встреча состоялась в ташкентской гостинице «Регина». Судьба уготовила еще один сюрприз: в этой же гостинице остановился и находящийся в командировке в Ташкенте 26-летний предсовнаркома Киргизской АССР Ю. Абдрахманов.

²¹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 1319.

²² *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. С. 135, 137.

Они встретились, познакомились. Юсуп без памяти влюбился в Мусю, она отвечала ему взаимностью, не порывая, однако, своих отношений с Примаковым. Образовался классический любовный треугольник. Мы можем только догадываться о том, как развивались любовные отношения между молодой женщиной и любящими ее двумя мужчинами. Известно только, что по окончании этой встречи Виталий Примаков вернулся в Кабул, а Натансон и Абдрахманов отправились во Фрунзе, куда, собственно, Муся и держала свой путь.

Натансон полгода прожила во Фрунзе под опекой Абдрахманова. С 3 марта по 26 сентября она работала экономистом промышленной секции Госплана Киргизской АССР, так как было принято во внимание то, что она училась в Ленинградском электротехническом институте, а следовательно, имела «незаконченное высшее образование». Какие-то подробности этого периода их жизни не сохранились. В своем дневнике, который он начал вести позже, Абдрахманов называет этот период счастливейшим в своей жизни. Отношения крупного местного руководителя и миниатюрной золотавласой «ссылной» не превратились в заурядную пошлую интрижку, а стали началом большой любви (по крайней мере, с его стороны).

Юсуп вел дневник с 18 августа 1928 г. до ноября 1932 г. Записи можно разделить на деловые и лирические. Первые из них хорошо известны исследователям. Вторая часть содержит откровенные записи автора о его чувствах к Натансон, об отношениях с ней, но время их полной публикации еще не пришло.

К концу лета Натансон, как и другие «оппозиционеры», отправляет просьбу разрешить ей вернуться в Ленинград «для продолжения учебы в ВУЗе». Такое разрешение пришло, и она отправляется в Россию. По пути в Москву она заезжает на пару дней в Пензу, где воспитывается ее сын Лёвушка. Туда же приезжает Абдрахманов, находившийся в командировке в Москве.

О возвращении Натансон из Киргизии в Ленинград Сейфуллина пишет Радеку 6 ноября 1928 г.:

Очень хотелось бы повидаться с Вами, побеседовать, получить порцию Вашей брани и разъяснений. В письмах это сделать трудно. И хоть нет у меня никакого тайного рассуждения, которого я не могла бы вести где угодно, неприятно все-таки, что письма читают. Содержание моего письма к Муське Натансон о делах глубоко личных, о наших с Валей (муж Сейфуллиной Правдухин. — А.В.) временных тяжелых переживаниях мне сообщили со стороны. Но это — ерунда. В конце концов революция обязывает к неудобствам житейским. По необходимости, можно поспать и в открытой спальне, претерпеть и разглашение моих личных злключений.

Муська была в Ленинграде во время моего отсутствия, теперь ее отправили куда-то на курорт, и она еще не вернулась оттуда [...] По приез-

де домой я нашла на столе письмо от Примакова. Он писал из Ташкента, что скоро будет в Москве, оттуда думает приехать повидаться. Он лечился от бешенства, его укусила лошадь. Письмо какое-то вялое и грустное, может быть от нездоровья²³.

Теперь Натансон и Абдрахманов живут порознь, их разделяют несколько тысяч километров. Правда, Юсуп «по служебным делам» часто, возможно, излишне часто приезжает в Москву. Но кроме решения «служебных дел» он часто посещает театры и музеи, заводит знакомства в среде деятелей искусства. Иногда на встречу с ним из Ленинграда приезжает Муся. Она познакомила Абдрахманова с литераторами и в первую очередь с Маяковским, Бриками. К глубокому сожалению, эта часть дневника не сохранилась, и нам приходится пользоваться сторонними источниками.

Так проходит зима 1928–1929 гг., а она до сих пор не учится, надо «восстанавливаться», и она пишет заявление:

В Правление ЭТИ
студ. М.Я. Натансон,
ЭТФ, приема 1923 г.

Заявление

В феврале прошлого 28 г. я была послана ЦК ВКП(б) на работу в Киргизскую АССР.

Вернулась я оттуда в конце ноября, а окончательно вопрос о моем оставлении в Ленинграде с учетом продолжения учебы был разрешен лишь в конце января 1929 года.

Таким образом у меня пропал для занятий целый год.

Прошу Правление института считать один учебный год академически потерянным по уважительной причине.

М. Натансон

2 апр. 29 г.

Заметим, как она формулирует причину своей поездки на «работу в Киргизскую АССР»: «была послана ЦК ВКП(б)». Не политическая ссылка, а служебная командировка. «Правление ЭТИ» идет ей навстречу и восстанавливает ее.

В конце сентября — начале октября 1928 г. Маяковский был в Ленинграде и несколько раз выступал перед студенческими аудиториями: в Политехническом институте, Военно-политической академии, Институте народного хозяйства и др.²⁴ С большой долей вероятности можно предположить, что он встретился с Натансон, только что вернувшейся из Фрунзе в Ленинград.

²³ Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. С. 143, 145.

²⁴ Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд. М.: Советский писатель, 1985. С. 444.

Ю.А. Абдрахманов

А 16 июля 1929 г. Маяковский отправляет письмо в Париж своей возлюбленной Татьяне Яковлевой, в котором, в частности, пишет:

Таник! Ты способнейшая девушка. Стань инженером. Ты право можешь. Не траться целиком на шляпья.

Прости за несвойственную мне педагогику.

Но так бы этого хотелось!

Танька-инженерица где-нибудь на Алтае!

Давай, а!?.²⁵

Возникает соблазн предположить, что это пожелание Маяковского было навеяно воспоминанием о недавней встрече с Натансон, которая готовится стать *инженерицей*.

Летом 1929 г. между Юсупом Абдрахмановым и Лилей Брик вспыхнул скоротечный роман, а скорее эротическая повестушка. Он в очередной московской командировке. На несколько дней они съездили в Ленинград, где Лиля показала ему достопримечательности северной столицы. С Натансон, которая выезжала на практику, они там не встретились. И в конце декабря 1929 г. Абдрахманов снова в Москве. Как «друг дома» он попадает 30 декабря 1929 г. на дружеский вечер на квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке, посвященный открывающейся выставке «20 лет работы»

²⁵ Тата (Татьяна Яковлева) / Сост. А. Аксенкин. М.: ГММ, 2003. С. 76. Яковлева Татьяна Алексеевна (дню Плесси Либерман, 1906–1991), парижская знающая Маяковского.

Маяковского. На него пришли ближайшие друзья поэта²⁶. Вот фрагмент из воспоминаний Г.Д. Катанян:

Она (Л. Брик. — А.В.) сидит на банкеточке рядом с человеком, который всем чужой в этой толпе друзей. Это Юсуп — казах с красивым, но неприятным лицом, какой-то крупный партийный работник из Казахстана. Он курит маленькую трубочку, и Лиля изредка вынимает трубочку у него изо рта, обтерев черенок платочком, делает несколько затяжек. Юсуп принес в подарок Володе деревянную игрушку — овцу, на шею которой висит записочка с просьбой писать об овцах, на которых зиждется благополучие его республики. Маяковский берет ее не глядя и кладет отдельно от кучи подарков, которыми завален маленький стол в углу комнаты²⁷.

Позднее В.В. Катанян (сын Г.Д. и В.В. Катанянов) в книге воспоминаний о Лиле Брик так описал этот эпизод:

Кончался 1929 год. Лиля решила отметить выставку Маяковского, двадцатилетний творческий юбилей поэта, дома в Гендриковом. Было приглашено много гостей, вечер этот неоднократно описан во многих мемуарах — не буду повторяться. Юбиляра весело чествовали, гости танцевали и переодевались в костюмы, которые привезли Мейерхольд и его жена актриса Зинаида Райх, но виновник торжества был мрачен, и причин для этого было множество.

Незадолго до того ЛЮ увлеклась красивым киргизом с экзотической внешностью Юсупом Абдрахмановым. Это был выдающийся политический и государственный деятель Киргизии, приехавший в командировку в Москву. Он имел какие-то дела с левовцем Борисом Кушнером, который и привел его в Гендриков. Ни у кого, кроме Лили Юрьевны, он интереса не вызвал.

Не снимая расшитой бисером тюбетейки, он ездил с нею в Ленинград, они ходили в музеи, гуляли в Павловске.... Он дарил ей сюзане, которые она очень любила.

Она и пригласила его на юбилей в Гендриков, и он был там единственным чужим среди своих. Он подарил Маяковскому деревянного барашка — символ процветания республики и попросил поэта не забыть о

²⁶ Перечень участников вечера: Л. Брик, О. Брик, Н.А. Брюханенко, В.А. Катанян, Г.Д. Катанян, Н. Асеев, О.М. Асеева, С. Кирсанов, К.К. Кирсанова, В.Э. Мейерхольд, З.Н. Райх, Д.П. Штеренберг, Н.Д. Штеренберг, Л.А. Гринкруг, П.В. Незнамов, Е.Г. Жемчужная, В.Л. Жемчужный, В.Ф. Степанова, А.М. Родченко, В.В. Полонская, М.М. Яншин, З. Свешникова, Б. Свешников, В.В. Каменский, С.М. Третьяков, О.В. Третьякова-Гомолицкая, Н. Хикмет, Л.А. Кассиль, Л.А. Краснощекова, Л.В. Кулешов, А.С. Хохлова, В.М. Горожанин, Я.С. Агранов, В.А. Агранова, Н.Ф. Денисовский, А.Е. Крученых, П.И. Лавут, Б.Ф. Малкин, Б.Л. Пастернак, В.Б. Шкловский.

²⁷ Катанян Г.Д. Воспоминания «Азорские острова» (фрагменты) // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1990. Вып. 7. С. 336–339. Катанян Галина Дмитриевна (урожд. Клепацкая, 1904–1981), журналистка, эстрадная певица. Первая жена В.А. Катаняна.

нем в стихах. Владимир Владимирович мрачно взял подарок и засунул его куда-то подальше.

Юсуп же не сводил восхищенных глаз с Лили, которая была в том самом полуголом платье, которое поэт привез ей из Парижа по ее списку. Маяковский явно ревновал, хотя среди гостей была Нора Полонская, в которую он был теперь влюблен. Она смущалась, что была в ярко-красном шелковом платье с причудливыми воланами, в котором она приехала с какого-то торжества. «Так и должно быть, — сказала Лиля, — сегодня Володин праздник, и вам полагается быть очень красивой». Лиля вела себя так, как будто всё нормально, Маяковский старался не видеть, что Лиля сидела с Юсупом на банкетке и, взяв его трубку, тщательно вытерла черенок и затынулась...²⁸

В недавно опубликованных дневниках Брик описание этого вечера, как и поездки с Юсупом в Ленинград, отсутствует и лишь мимоходом упоминается Примаков, за которым она была замужем в 1930–1937 гг.²⁹ Говорят, что она неоднократно чистила свои дневники, вымарывая из них тех, кто со временем был признан «врагом народа»: она не хотела оставлять документальные свидетельства своих близких отношений с ними. Отсутствует и та часть дневника Абдрахманова, в которой мог бы быть описан этот дружеский вечер в доме Маяковского.

В семье Юсупа до сих пор вспоминают подарки, сделанные ему Маяковским: мраморный настольный письменный набор и привезенный из поездки в США бритвенный набор фирмы «Gillette», невиданная по тем временам роскошь. Журналисты со слов потомков Юсупа пишут, что «сам Маяковский однажды презентовал для его Гульбахрам шикарные золотые женские часы. При аресте и обыске в 1937-м подарок поэта чекисты изъяли. Куда дели, неизвестно. Явно присвоил кто-нибудь, дело житейское...»³⁰

А уже через три с половиной месяца Маяковский ушел из жизни. В дни похорон Маяковского в очередной служебной командировке в Москве снова оказывается Абдрахманов. Естественно, 17-го с утра он в писательском клубе на прощании с поэтом. Здесь же он встречается с Лилей Брик. Фотографии и кадры кинохроники, сохранившейся до наших дней, запечатлевают их на этой церемонии прощания³¹.

²⁸ Катанян В.В. Лиля Брик. Маяковский и другие мужчины. М.: Захаров, 1998. С. 91–92.

²⁹ Брик Лиля. Пристрастные рассказы / Сост. Я.И. Гройсман, И.Ю. Генс. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. 2-е изд.: 2011.

³⁰ Тузов А. Одиноким голос первого премьера // Вечерний Бишкек. 2013. 1 февраля. № 12.

³¹ Ср.: «Правнук Юсупа Абдрахмановича — бишкекчанин Астемир Абдрахманов и алматинский внук Ю.А. Канат Глеулиев недавно сделали открытие, достойное энциклопедий и учебников литературы. На нескольких фото-

Натансон не присутствует вместе с Абдрахмановым на праздничном вечере в доме Маяковского и на его похоронах. У нее последний год учебы в институте, и она вся в учебных делах.

После смерти Маяковского

В апреле–мае 1929 г. В. Примаков командовал советско-афганским отрядом специального назначения в борьбе с мятежными войсками Бачаи-Сокао в Афганистане. По легенде, он действовал под именами Витмара и Рагиб-бея. В зарубежной литературе его окрестили «красным Лоуренсом»³². Когда Аманулла-хан прекратил вооруженную борьбу и бежал в Индию, Сталин отозвал советские войска из Афганистана. Примаков вернулся на родину и получил третий орден Красного Знамени «за разгром басмаческих банд в Средней Азии». Вскоре вышла его книга «Афганистан в огне» (Л.: Красная газета, 1929).

В мае 1929 г. Примаков был назначен военным атташе в Японии, но через год руководство отзывает его оттуда. Легендарный герой гражданской войны, о котором в народе слагались песни, не просто «кавалерист-рубака», а образованный военный-дипломат, литератор-публицист, молодой (ему всего 33), физически крепкий и красивый — таким он появился в Москве в конце лета 1930 г. Именно такого «героя» хотела бы привести в свой дом Лиля Брик.

Кандидатура Примакова на роль нового мужа (при Осипе Максимовиче, разумеется!) подходила как нельзя лучше. А то, что он был женат и у него рос сын, не имело для Лилии Юрьевны большого значения. И уж, конечно, для нее не имели значения отношения между Примаковым и Натансон, о которых она хорошо знала. Как говорится, она ему встретилась, а он ей попался. Образуется новая «треугольная семья», и Виталий Маркович принимает условия совместной жизни. Может быть, ему, известному военачальнику, но малоизвестному литератору, импонирует, что он занял в семье место самого Маяковского. Во всяком случае, Лиля Юрьевна не скрывает от него свое нежное отношение к Осипу Максимовичу, регулярную переписку с ним, и часто на ее письмах Примаков дописывает ему свои приветы.

Итак, Примаков в конце лета — начале осени 1930 г. поселился в квартире в Гендриковом в комнате, которую еще недавно зани-

графиях в числе тех, кто нес гроб с телом Маяковского 17 апреля 1930 года, идентифицирован Юсуп Абдрахманов» (*Тузов А.* Абдрахманов хоронил Маяковского // *Вечерний Бишкек.* 2016. 29 января. № 11).

³² Лоуренс Томас Эдвард (1888–1935), британский офицер и путешественник, сыгравший большую роль в арабском восстании 1916–1918 гг.

В.М. Примаков

мал Маяковский (через полгода после его смерти). Как позднее вспоминала Лилия Юрьевна, «Примаков был красив — ясные серые глаза, белозубая улыбка. Сильный, спортивный, великолепный кавалерист, отличный конькобежец. Он хорошо владел английским, был блестящим оратором, добр и отзывчив. Как-то в поезде за окном я увидела крытые соломой хаты и сказала: “Не хотела бы я так жить”. Он же ответил: “А я не хочу, чтобы они так жили”».

В августе 1930 г. Примаков назначен командиром и комиссаром 13-го стрелкового корпуса, расквартированного в Свердловске, и они вместе с Лилей Юрьевной начинают готовиться к отъезду на Урал.

* * *

Летом 1930 г. Натансон заканчивает учебу в ЛЭТИ. Сданы последние зачеты и экзамены, защищены учебные проекты. По установленному в вузе порядку выпускник пишет заключительную «краткую автобиографию», отражающую этапы учебы. И она пишет ее:

Дочь врача, родилась 24 дек. 1900 г. (ст. стиля) в Курляндии.

Весной 17-го года окончила 8-ой класс жен. гимназии в Москве.

С 1917 по 1921 г. работала в партийных, проф. и хоз. органах в Москве и Ленинграде.

В 21 г. поступила на Электро-мех. фак. I Л.П.И.

В 23 г. перевелась в ЭТИ.

С этого времени и до 1 авг. 1930 г. занималась в ЛЭТИ с двумя длительными перерывами.

В перерывы работала в Киргизии экономистом Кир. Госплана (зав. Промсекции) 7 месяцев и техником на Свирьстрое (отчасти совмещая с учебой) около года.

М. Натансон

Практика по специальности:⁷⁷

1. с VII 27 по II 28-го года техником в ЭМО Свирьстроя
с X 28 по VI 29 16 месяцев

2. Непрерывная практи[ика] в 1929/30 уч. году

а) на Металлич. з-де 2 мес.

б) на Волховстрое 2 мес.

31 июля 1930 г.

Пост. адрес в Л-де: Ул. Красных Зорь 26/28 кв. 3.

тел. 1-42-30.

Натансон упоминает гидроэлектростанции в Ленинградской области, где она проходила производственную практику: Волховская на р. Волхов (сооружена в 1921–1927 по плану ГОЭЛРО; первые три гидроагрегата запущены 19 декабря 1926; мощность 58 МВт) и Нижнесвирская на р. Свирь (с 1929 им. И. Сталина — к его 50-летию; сооружена по плану ГОЭЛРО с 1927, запущена в декабре 1933; мощность 96 МВт). Кроме того, назван Ленинградский металлургический завод, который с 1924 г. выпускал гидротурбины для гидроэлектростанций, сооружаемых по плану ГОЭЛРО.

И вот наконец долгожданное свидетельство (№ 1670) об окончании ЛЭТИ и присвоении квалификации инженера-электрика получено:

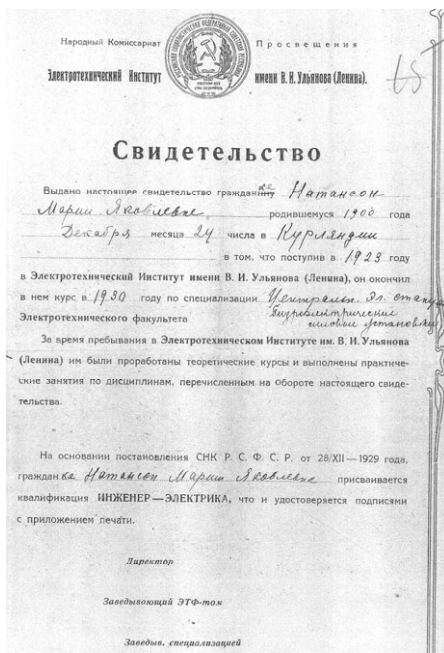
Выдано настоящее свидетельство гражданке Натансон Марии Яковлевне, родившемуся 1900 года Декабря месяца 24 числа в Курляндии в том, что, поступив в 1923 году в Электротехнический Институт имени В.И. Ульянова (Ленина), он окончил в нем курс в 1930 году по специальности Центральн[ая] эл. станции, гидроэлектрические силовые установки Электротехнического факультета.

За время пребывания в Электротехническом Институте им. В.И. Ульянова (Ленина) им были проработаны теоретические курсы и выполнены практические занятия по дисциплинам, перечисленным на обороте настоящего свидетельства.

На основании постановления СНК Р.С.Ф.С.Р. от 28/XII — 1929 года, гражданке Натансон Марии Яковлевне присваивается квалификация ИНЖЕНЕР-ЭЛЕКТРИКА, что и удостоверяется подписями с приложением печати.

Директор
Заведывающий ЭТФ-том
Заведыв. Специализацией
2 августа 1930 года.

Получив документы, Натансон отправляется в Москву, где в очередной командировке находится Юсуп Абдрахманов. Они вместе

Свидетельство об окончании М. Натансон Электротехнического института. 1930

отправляются в Гендриков переулок к Брик, которая вместе с Примаковым собирается к отъезду в Свердловск. Вот как описывает эту встречу Юсуп в своем дневнике:

25.XI.1930

Поезд опоздал. Приехал в Москву 25-го вместо нормального 24-го.

Вечером был у Кушнеров, и там же была моя родная. Мне безумно хорошо в обществе друзей. Это, очевидно, потому, что она умеет выбирать друзей, достойных ее.

Между прочим, позвонил Лилечке. Она была поражена тем, что я в Москве и, очевидно, не совсем довольна моим отношением с родненкой в том его виде, как ей я сказал: «статус кво». М. б., и не так. Во всяком случае, в ее голосе прозвучал тон огорчения, когда я ей сказал, что я с М. в больших друзьях и более ничего.

Сегодня начался процесс контр-революц. вредителей из «Промпартии». Шагаем вперед, несмотря ни на что, — к намеченной цели, к социалистическому обществу. Какое счастье жить в такое время, бороться за дело социализма и любить лучшего из лучших солдат Революции.

26.XI.30

...Вечером был с М. у Лили. Там же встретил В.П. Странное впечатление произвел на меня В. В нем не чувствуется облика партийца, бойца, каковым я его знал два года назад. Родненка считает, что Л. и В. замечательная пара, а я боюсь, что их связь может привести к тому, что Вит

застрянет в болоте обывательского благополучия и будет потерян для партии и Революции.

Приятно сознавать, что мы (т. е. М. и я) совсем не похожи на эту пару, мы — солдаты Революции и ими останемся до конца нашей жизни.

Разве есть еще большее счастье, чем быть солдатом Революции?

Нет. Разве не самое большое счастье то, что ты любишь лучшего солдата революции, у которого крепкая рука, рука, которая всегда придет тебе на помощь? Да, это самое большое счастье. Русский язык богат, многогранен, художествен, совершенен, но совершенно недостаточен, когда хочется словами передать М., как я ее люблю.

Она знает, что я ее люблю, но никогда не будет знать, как я ее люблю. Чтоб знать это, нужно было бы ей хоть на одну секунду превратиться в Юсупа.

27.XI.1930

С Краснощековым³³ договорился о созыве совещания по «Чуй-строю» на 29-ое.

Был у Наумчика³⁴. Хороший парень, но, по-моему, он не растет. Мещанка с партбилетом может его погубить.

Роденькая спит у меня. Как невыразимо хорошо чувствовать близость родной, любимой.

28.XI.1930

...После обеда проспал свидание с М. и знакомство с сестрой Лили³⁵. Обидно. Поехал к Брикам. Лили рассказала мне, что Виталий очень ревнив и особенно ко мне. Чудак. Ревность к прошлому глупо, а в настоящем между мной и Л. нет ничего, кроме светской дружбы. Л. — неплохой человек и достаточно умна, но комкор, водящий собачонку Л. во двор, производит гнетущее впечатление. Незавидная роль. Не останется ли навсегда в этой роли? Жаль бойца и неплохого.

Любовь и ревность — вещи довольно несовместимые. Ревность недоверие. Любить и не доверять любимому человеку — глупо. Однако многие из нас находятся во власти этой глупости. Я — не исключение. И Мусинька права, когда меня кроет за это, называя «азиатский деспот, сволочь и т. д.». Любовь вовсе не предполагает того, что любящие по временам не должны принадлежать самим себе. Наоборот, любовь требует

³³ Краснощеков Александр Михайлович (1888–1937), большевик, экономист и юрист. В годы Гражданской войны председатель Дальсовнаркома и правительства Дальневосточной республики. С 1922 — председатель Промбанка и заместитель наркомфина. Был близко знаком с Маяковским и Бриками. Арестован в октябре 1923 г., осужден, но при содействии Л. Брик освобожден в ноябре 1924 г. Выполнял рядовую хозяйственную работу. В 1937 г. вторично репрессирован и расстрелян.

³⁴ Наум, родственник Натансон, жил вместе с ее сыном Лёвой в Пензе.

³⁵ Осенью 1930 г. в СССР приезжали сестра Л. Брик Эльза Триоле с мужем Луи Арагоном для участия в Харькове во Второй международной конференции пролетарских писателей. Это была первая встреча Лили и Эльзы после смерти Маяковского, Арагон же впервые был в СССР. Они познакомились с Примаковым, он им понравился. В Харьков Арагоны отправились вместе с О. Бриком.

свободы. И только такая любовь долговечна, которая не ограничивает свободы действия любящих.

Между прочим, я от Л. скрыл сегодня факт физиологического сближения с родненькой. (Откуда это я научился врать?) Она хотела узнать — не было ли попытки со стороны М. к физическому сближению и каково мое отношение к ней. На первую часть вопроса ответил: что-то не заметно, — а о своем отношении к М. сказал, примерно, следующее: Ты знаешь мое отношение к ней. Я ее любил и сейчас, пожалуй, люблю крепче прежнего как друга, товарища, который мне нужен и в котором я нуждался всегда.

И, это, пожалуй, действительно так.

29.XI.30

...Начал писать свои тезисы о животноводческом хозяйстве. Конспект тезиса был составлен два дня назад, и мне очень хотелось согласовать его с родненькой и потом начать писать тезисы, но ее два дня я не вижу, а сегодня она отдала предпочтение разговору с какой-то О., чем помочь составить ответственный документ, определяющий линию работы целой организации на продолжительный период времени.

Писание тезисов продвигается медленно. Очевидно, я разучился писать или это от того, что недостаточно, видимо, изучен предмет.

Сказывается, видимо, еще усталость. В 10 час. вечера поехал к Брикам. Повидал Аграновых, познакомился с Златой. У нее много общего с Лилей.

Вит, как и вчера, ухаживает за собачкой Л. — отвратительно. Лилия убеждена, что Вит ее очень глубоко любит, и она тоже его любит, но не очень, не так, как Вит. Более того, она считает возможным без боли для себя разрыв с Витом, если он не перестанет ревновать ее к прошлому и не поймет ее отношение к Оське. В общем, отзывается о Вите сдержанно лестно, но не совсем похвально. Л. почему-то не хочет, чтоб я об этих вещах рассказывал родненькой. Она, видимо, не знает, что у меня нет и не будет никакого секрета от Мусеньки.

4.XII.1930

Закончил одну главу тезиса о животноводстве. М. просмотрела тезисы и внесла несколько поправок. Обедали у Брик.

Мусинька уехала в Л-д. Проводил. Она была нервна³⁶.

В ночь с 13 на 14 декабря 1930 г. Примаков с Лилей Брик выехали из Москвы в Свердловск. Осип Брик остается в Москве, но ведет с Лилей постоянную переписку, которая дает полную информацию о жизни Примакова и Лили³⁷. Они переезжают из Свердловска в Ростов-на-Дону, оттуда на полгода в Берлин (где Примаков проходит обучение при Генеральном штабе), оттуда снова в Ростов-на-Дону. В начале 1935 г. Примаков получает направление в Ленинградский военный округ, и они живут «двумя

³⁶ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. С. 111.

³⁷ См. подробнее: Валюженич А. Лилия Брик — жена командира. 1930–1937; Валюженич А. Пятнадцать лет после Маяковского: В 2 т. Т. 1: Лилия Брик — жена командира. 1930–1937.

домами» — в Ленинграде и Москве. Тогда же ему присваивают звание комкора (командир корпуса), звание высокое, «генеральское», но Примаков считает себя ущемленным, так как другие, равные ему по уровню знаний и боевым заслугам, становятся командармами 2-го или 1-го ранга, а извечный соперник С.М. Буденный стал вообще маршалом.

24 ноября 1935 г. Л. Брик пишет письмо И.В. Сталину о том, что за прошедшие после смерти Маяковского 5 лет интерес к его творчеству угас, его мало издают, исключают из школьных программ. При содействии Примакова письмо попадает в руки вождя, и он пишет на нем свою историческую формулировку «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», которая публикуется в газете «Правда» 5 ноября 1935 г. Это настоящий триумф Лили (и значительное увеличение ее гонораров, которые она как главная наследница получает с его публикаций). К изданию Маяковского привлекаются Осип и даже Виталий³⁸.

Но в ночь на 15 августа 1936 г. заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа Виталий Маркович Примаков был арестован. Почти год его допрашивали, истязали. Был арестован ряд других высших командиров Красной Армии. 11 июня 1937 г. на скамье подсудимых оказались М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, А.И. Корк, В.М. Примаков, В.К. Путна, Б.М. Фельдман, Р.П. Эйдеман. 11 июня председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР В. Ульрих огласил приговор: «Признать всех подсудимых виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине». Всех восьмерых приговорили к лишению воинских званий и наград, конфискации лично им принадлежащего имущества и высшей мере наказания — расстрелу. Расстреляли их тут же, в ночь на 12-е. Тела в ту же ночь кремировали в крематории Донского кладбища, прах выбросили в общую яму. Примакову было 39 лет. Жена расстрелянного «врага народа» Л.Ю. Брик избежала репрессий. Сталин лично вычеркнул ее фамилию из списка, подготовленного органами со словами: «Не будем трогать жену Маяковского»³⁹.

* * *

На посту председателя Совнаркома Киргизии Юсуп Абдрахманов сделал многое для развития народного хозяйства и культуры только что образованной Киргизской Автономной Социалистиче-

³⁸ *Примаков В.* Поэт революционной обороны // Маяковский В. Оборонные стихи. М.: Гослитиздат, 1936.

³⁹ *Медведев Р.А.* Сталин: Некоторые страницы из политической биографии // Двадцатый век. Лондон, 1977. № 2. С. 75. Цитата повторена в многочисленных переизданиях этой работы и ссылках на нее.

ской Республики. Но он видел недостатки линии партии и писал об этом в дневнике. Дневник, содержащий крамольные мысли, попал в ЦК ВКП(б). И в сентябре 1933 г. Центральный Комитет, рассмотрев вопрос о Киргизской парторганизации, освободил Ю. Абдрахманова от должности председателя Совнаркома Киргизской АССР, дело о его партийности передается в Центральную Контрольную Комиссию ВКП(б).

В своем объяснении партийным органам о невыполнении распоряжений партии — срыве плана хлебозаготовок — Абдрахманов писал:

Весной 1932 г. казахи массами прикочевали в Киргизию. Среди них началась смертность на почве голода. Это напугало многих руководителей, в т. ч. и меня.

По плану хлебозаготовок были разногласия в Средазбюро ЦК ВКП(б), так как мы считали, что нашу республику перегружают. В связи с казахскими откочевниками у нас — руководящих работников, появились сомнения насчет реальности плана. Это демобилизовало нас, и мы в начале хлебозаготовок допустили по некоторым районам юга (Джалал-Абад, Араван-Бура, Наукат) торговлю хлебом. Беседа с Шахраем и Исаевым о том, что план трудно выполнить, я сказал: “Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана”. Оба с этим согласились⁴⁰.

Голод в Казахстане, отголоски которого ощущались в соседней Киргизии, — одна из наиболее трагических страниц в истории казахского народа. Впоследствии историки назовут его Голодомором или Великим Джумом. Однако 14 октября 1933 г. ЦК ВКП(б) исключила Абдрахманова из партии за извращение решений партии. Но, принимая во внимание его прежнюю работу и активное участие в Гражданской войне, ЦК сочла возможным вернуться к вопросу о партийности бывшего председателя Совнаркома Республики, хотя не ранее, чем через год на основании отзыва парторганизации.

Абдрахманов был направлен на должность заместителя заведующего управлением животноводства Средневожского краевого земельного отдела в Самару, а с 1935 г. работал на этой должности в Оренбургском облисполкоме. В 1934–1937 гг. он четырежды писал на имя Сталина и дважды обращался в ЦК ВКП(б) с просьбой о восстановлении в партии; на три свои заявления получил ответы. И последний обнадеживал: заявление его передано на рассмотрение Оренбургского горкома партии.

⁴⁰ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / Предисл. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов. 2-е изд. Бишкек: Турар, 2012. С. 61. См. также: 1-е изд.: Фрунзе: Кыргызстан, 1991; 3-е изд. (на кирг. яз.) 2016; *Валюженич А.* Они были расстреляны... С. 206–220.

Вопрос о восстановлении в партии Абдрахманова в самом деле был поднят, однако вскоре секретарь Оренбургского горкома партии сообщает в КПК при ЦК ВКП(б), что «Ю. Абдрахманов арестован как активный участник контрреволюционной Алаш-Ординской организации. В отношении дачи ему положительной партхарактеристики — привлекаем к партответственности виновных в этом».

Юсуп был арестован 4 апреля 1937 г.: ему предъявили обычное в таких случаях обвинение — антисоветская деятельность. Из Оренбурга он был перевезен во Фрунзе. А 27 октября 1937 года из тюрьмы НКВД Киргизской ССР Абдрахманов написал на имя прокурора СССР Вышинского и наркома внутренних дел Ежова заявление, в котором рассказывал о деталях следствия по его делу:

Допрашивавший меня следователь гр. Зеликман Н.П., применив ко мне специальные меры воздействия и доведя меня почти до невменяемого состояния, принудил к подписи под т. н. протоколами допроса, составленными им самим, без всякого допроса. В этих протоколах я выведен как троцкист, как организатор националистических контрреволюционных организаций в Киргизии и участник контрреволюционных организаций в Куйбышеве и Оренбурге. Но это ложь, ни в каких контрреволюционных организациях я не состоял.

Кроме того, в этих протоколах многие лица, которых как будто бы я знал как участников контрреволюционных организаций, а между тем многих из этих лиц я совершенно не знаю и о них впервые узнал со слов Зеликмана. В силу вышеизложенного я отказываюсь от своих подписей под протоколами допросов, составленных Оренбургским Управлением НКВД, и прошу, что, если будет суд над лицами, указанными в протоколах допроса с моими подписями, то мою подпись не считать как доказательство их виновности. Кроме того, прошу ознакомиться с моим собственноручным заявлением от апреля с/г на имя начальника УНКВД по Оренбургской области, где изложено все, что я считал контрреволюционным в своей работе и за что готов нести любую ответственность.

Арестованный Абдрахманов Юсуп (быв. предс. СНК Киргизии)⁴¹.

В ночь с 5 на 6 ноября 1938 г. на закрытом судебном заседании Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР Абдрахманов был обвинен в принадлежности «к антисоветской террористической диверсионно-предательской организации, которая ставила своей целью свержение Советской власти, отторжение Киргизии от СССР и создание буржуазно-националистического государства с ориентацией на Англию». Его приговорили к высшей мере наказания и расстреляли накануне празднования 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции — 7 ноября, служению которой он посвятил всю свою жизнь. Тело его закопали на спецполигоне НКВД в Чон-Таше, неподалеку от Фрунзе. Было ему почти 37 лет.

⁴¹ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. 2012. С. 113–115.

* * *

«Белым пятном» в биографии Натансон остаются 1931–1934 годы. Где она жила, где и кем работала, став, наконец, инженером-электриком, и как применила полученные в ЛЭТИ знания для реализации ленинского плана ГОЭЛРО?

Имеются только отрывочные сведения. Из дневников Абдрахманова видно, что в начале 1931 г. она жила в Ленинграде, а в июне–августе выезжала вместе с Юсупом на отдых на юг. Поездку начинают с Днепропетровска, где обстоятельно знакомятся с Днепростроем. Затем: Одесса–Гагры–Сочи–Кисловодск. Сорок дней вместе. Дневник заканчивается записью от 11 ноября 1932 г., в ней в последний раз встречаем упоминание о Мусе.

Но существует такая справка о Натансон:

Натансон Мария Яковлевна. Родилась в 1901 г. в Курляндской губ. (Латвия); еврейка; окончила Электротехнический институт (ЛЭТИ), проживала: г. Ленинград, ул. Красных Зорь, д. 26/28, кв. 3. Арестована 5 февраля 1933 г., приговорена в феврале 1933 г., обвинение: за «контрреволюционную деятельность». Приговор: на 3 года высылки в Минусинск⁴².

Заключительная часть этой справки ничем другим не подтверждается, а по ряду других источников, она была арестована 21 декабря 1934 г.

За три недели до этой даты 1 декабря 1934 г. в Смольном был убит С.М. Киров. Этот террористический акт вызвал волну «ответных мер», предусматривающих очистку Ленинграда от «троцкистов», «зиновьевцев» и других врагов советской власти. Началась крупномасштабная операция по выполнению этой задачи, которая получила название «Кировский поток». Всего в 1935 г. из Ленинграда и Ленинградской области было выселено около 40 тысяч человек, из них около 25 тысяч человек были приговорены к разным наказаниям.

Эта масштабная операция не могла миновать и Натансон, известную троцкистку со стажем, которая находилась на особом учете у органов. Она была арестована, а 16 января 1935 г. по делу «ленинградской контрреволюционной группы» приговорена к 5 годам лагерей⁴³. Еще год она содержалась в тюрьме, а ранней весной 1936 г. с другими женщинами, осужденными и высылаемыми в хо-

⁴² Списки жертв — Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d24/f137.htm>. Впрочем, здесь же приведены и другие данные о Натансон.

⁴³ Это решение, по которому были осуждены первые 77 человек, было принято на Особом совещании при НКВД СССР 9 января 1935 г. (Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996, гл. 3; URL: <http://www.situation.ru/app/rs/lib/politburo/part3.htm>).

де операции «Кировский поток», и уголовницами, всего в количестве около 1500 человек, прибыла в Мариинский концлагерь НКВД, входивший в систему Сиблага, в 200 километрах от Томска.

Мариинский лагерь, состоявший из громадной трехэтажной тюрьмы и двух десятков бараков и землянок, был переполнен сверх всяких мер и до этого. Но с прибытием нового эшелона условия жизни заключенных женщин из-за тесноты стали просто невыносимыми. Женщины подняли бунт против бесчеловечных условий содержания:

Началось нечто ужасное, не поддающееся никакому описанию.

Около двухсот женщин, словно по команде, мгновенно разделись и совершенно голые выскочили во двор.

В непристойных позах толпились они возле вахты и кричали не своими голосами, рыдали и хохотали, ругались, в страшных конвульсиях и припадках катались по земле, рвали на себе волосы, до крови обдирали лица, снова падали на землю и снова вскакивали на ноги и бежали к воротам... [...]

Пожарная команда подъехала к самым воротам, размотала два шланга. Две мощных струи холодной воды ударили по массе женских тел, которая с визгом и ругательствами отступила к баракам, но, спустя несколько минут, с криком «ура» бросилась к воротам.

Передние ряды бунтарок сбивались с ног и падали в грязь, задние напирали еще сильнее и тоже падали на тех, которые уже валялись в лужах, а шланги продолжали выливать сотни ведер воды на кучу женских мокрых и грязных тел...

Толпа еще несколько раз вскакивала на ноги, отходила назад к баракам, чтоб снова броситься в атаку, но вода останавливала ее, слепила глаза.

И неизвестно, чем бы это всё окончилось, если бы не прибыл начальник Марлага и местный прокурор⁴⁴.

Бунт был подавлен. Наиболее активных бунтарок-зачинщиц срочно распределили по другим лагерям ГУЛАГа, в их числе была и Натансон. Ее отправили на Колыму на золотопромышленный прииск «Оротукан» Магаданской области, входивший в систему Севвостоклага. О ее пребывании там сохранились воспоминания Надежды Адольфовны Иоффе, дочери первого посла советской России в Германии и Японии, друга Л.Д. Троцкого, которая провела 20 лет в лагерях и ссылке:

Через некоторое время после моего приезда на прииск за стенкой у меня поселили Евгения Островского и Мусю Натансон. Наши однополовые соседи из «мариинцев». «Мариинцы» — это группа заключенных, переведенных сюда из Мариинских лагерей. Попав на Колыму, они сразу поставили ряд условий: работа по специальности, совместное проживание

⁴⁴ Петрус К. Узники коммунизма. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1996. С. 63–64.

мужей и жен и т. д. Объявили голодовку. Голодали 80 дней — самая продолжительная из всех колымских голодовок. Кормили их насильно. Муся уже через несколько дней не в силах была сопротивляться, а Евгений — здоровый мужчина, его до последнего дня кормили связанным. Голодовку они выиграла. Во всяком случае, им обещали, что их требования будут удовлетворены. Они сняли голодовку и их сразу разогнали по разным приискам. Евгений и Муся попали сюда. Жили мы с ними дружно — и я, и особенно Павел (муж М. Иоффе. — А.В.). Для него они, помимо всего прочего, еще — ленинградцы.

Как-то в конце апреля, ночью, Павла не было, а мы уже давно спали, раздался стук в дверь. Пришел «кум», уполномоченный НКВД, и с ним охранник. Сделали обыск. Ничего, конечно, не нашли. Потом уполномоченный сказал Евгению и Мусе, чтобы они собирались. С вещами. Сакраментальная тюремная формула — «с вещами». Она всегда сулит перемену в жизни. И редко — к лучшему. Потом их увели. Уполномоченный, уходя, утешительно пообещал: «Не скучайте, скоро и за вами придем». Я заперла дверь и осталась одна с таким ощущением, точно на мне три дня горох молотили. Хотела прибраться, но меня и на это не хватило. Села прямо на пол посреди комнаты, попробовала представить себе, где теперь Евгений и Муся. Наверное, я задремала, сидя на полу, потому что очнулась от страшного стука в дверь. Первое, что мне пришло в голову, что это уполномоченный, во исполнение своего обещания, вернулся за мной.

Но это был Павел. Ему кто-то сказал, что из сангородка повели людей, не то двоих, не то троих. Он до развода, с основного прииска прибежал в сангородок — три километра в гору, и всё бегом. Когда я открыла дверь, он и говорить не мог, задыхался. Только ощущал меня, чтобы убедиться в том, что я действительно здесь, и ушел. Ему надо было на развод.

Евгения и Мусю я никогда больше не встречала. Потом стало известно, что все участники маринской голодовки были расстреляны...⁴⁵

Мусю Натансон снова привезли в Магадан, где было проведено расследование ее «преступлений в лагерях», и она «была приговорена 10 сентября 1937 г. тройкой УНКВД по Дальстрою по обвинению по статьям 58–10 и 58–11 за контрреволюционные действия — к расстрелу». Расстреляли ее 25 сентября 1937 г. Так закончился жизненный путь Марии Яковлевны Натансон («троцкистки Мухи»). Было ей 36 лет.

* * *

Юсупа Абдрахманова помнят и чтут в Киргизии. В четырех городах республики ему установлены памятники, во многих населенных пунктах его именем названы главные улицы, издаются книги и брошюры о нем. В 2016 г. его дневники, до этого дважды выходившие на русском языке, изданы на киргизском. Историки горды, что

⁴⁵ *Иоффе Н.А.* Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: Биологические науки, 1992; <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Ioffe.htm>

он был близок к кругу В. Маяковского и даже принимал участие в похоронах этого замечательного поэта.

С памятью о Виталии Примакове дела обстоят несколько хуже. В Петербурге, где он служил несколько лет, есть улица, названная его именем. На Украине, где он командовал Червоным казачеством, до недавнего времени тоже было несколько его памятников и улиц, названных его именем, но в последнее время в связи с развертыванием там государственной «программы декоммунизации» эти памятники сносятся, а улицы переименовывают. В мае 2016 г. демонтировали его памятник, установленный в 1970 г. в Новодницком парке Киева.

Памятника Марии Натансон никогда не было. В Магадане установлен памятник работы Э. Неизвестного «Маска скорби», посвященный всем узникам ГУЛАГа, погибшим здесь. Память о ней сохраняется только в воспоминаниях В. Маяковского и дневниках Абдрахманова.

Литература

Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / Предисл. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов. 2-е изд. Бишкек: Турар, 2012. 236 с.

Брик Лиля. Пристрастные рассказы / Сост. Я.И. Гройсман, И.Ю. Генс. 2-е изд. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. 388 с.

Валюженич А. Лиля Брик — жена командира. 1930–1937. 2-е изд. М.: Русская деревня, 2008. 622 с.

Валюженич А. О.М. Брик. Материалы к биографии. Акмола: Нива, 1993. 390 с.

Валюженич А. Они были расстреляны... // Диалог цивилизаций / Кыргызско-российский славянский университет. Институт мировой культуры. Бишкек. 2015. № 1 (19). С. 206–220.

Валюженич А. Пятнадцать лет после Маяковского: В 2 т. Т. 1: Лиля Брик — жена командира. 1930–1937. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 587 с.

Иоффе Н.А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М.: Биологические науки, 1992. 238 с.

Катаня В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд / Ред. А.Е. Парнис. М.: Советский писатель, 1985. 648 с.

Катаня В.В. Лиля Брик. Маяковский и другие мужчины. М.: Захаров, 1998. 185 с.

Катаня В.В. Прикосновение к идолам: Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 512 с.

Катаня Г.Д. Воспоминания «Азорские острова» (фрагменты) // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1990. Вып 7. С. 336–339.

Коллакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор: Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М.: ОЛМА-Пресс, 2000. 560 с.

Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: АН СССР, 1958. 630 с.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955–1961.

Петрус К. Узники коммунизма. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1996. 182 с.

Тата (Татьяна Яковлева) / Сост. А. Аксенкин [Каталог выставки]. М.: ГММ, 2003. 216 с.

Троцкий Л. Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. 576 с. (Серия «Мой 20 век»).

Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008. 709 с.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.

References

Abdrakhmanov Yu. 1916. *Dnevniki. Pis'ma k Stalinu* [1916. The Diaries. Letters to Stalin], introd. Dzh. Dzhunushaliev, I.E. Semenov. 2nd ed., Bishkek, Turar Publ., 2012. 236 p. (In Russ.)

Brik, Lilia. *Pristrastnye rasskazy* [Partial stories], ed. Ya.I. Groisman, I. Yu. Gens. 2nd ed., Nizhni Novgorod, DEKOM Publ., 2003. 388 p. (In Russ.)

Frezinsky B.Ya. *Pisateli i sovetskie vozhd: Izbrannye siuzhety 1919–1960 godov* [Writers and Soviet leaders: Selected stories of 1919–1960]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2008. 709 p. (In Russ.)

Ioffe N.A. *Vremia nazad: Moia zhizn', moia sud'ba, moia epokha* [Time ago: My life, my destiny, my era]. Moscow, Biologicheskie nauki Publ., 1992. 238 p. (In Russ.)

Katanian G.D. “Vospominaniia ‘Azorskie ostrova’ (fragmenty)” [Memories “Azores” (fragments)]. *Vstrechi s proshlym*. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1990. Issue 7, pp. 336–339. (In Russ.)

Katanian V.A. *Mayakovskiy: Khronika zhizni i deiatel'nosti* [Mayakovskiy: The chronicle of life and activity]. 5th ed., ed. A.E. Parnis. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 648 p. (In Russ.)

Katanian V.V. *Lilia Brik. Mayakovskiy i drugie muzhchiny* [Lilya Brik. Mayakovskiy and other men]. Moscow, Zakharov Publ., 1998. 185 p. (In Russ.)

Katanian V.V. *Prikosnovenie k idolam: Vospominaniia* [Touching the idols]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 512 p. (In Russ.)

Khlevniuk O.V. *Politbiuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e gody* [The Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moscow, ROSSPEN publ., 1996. 304 p. (In Russ.)

Kolpakidi A.I., Prudnikova E.A. *Dvoinoi zagovor: Stalin i Gitler: nesostoiavshiesia putchi* [A double plot: Stalin and Hitler: the failed putsches]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 65: “Novoe o Mayakovskom”. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 630 p. (In Russ.)

Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochinenii*: in 13 vols. Moscow, GIKhL Publ., 1955–1961. (In Russ.)

Petrus K. *Uzniki kommunizma* [Prisoners of Communism]. Moscow, Izd-vo im. sviatitelia Ignatii Stavropol'skogo Publ., 1996. 182 p. (In Russ.)

Tata (Tat'iana Iakovleva), ed. A. Aksenkin [Katalog vystavki]. Moscow, GMM Publ., 2003. 216 p. (In Russ.)

Trotsky L. *Moya zhizn'* [My Life]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 576 p. (In Russ.)

Valiuzhenich A. *Lilia Brik — zhena komandira. 1930–1937* [Lilya Brik is the wife of the commander. 1930–1937]. 2nd ed. Moscow, Russkaia derevnia Publ., 2008. 622 p. (In Russ.)

Valiuzhenich A. *O.M. Brik. Materialy k biografii* [O.M. Brick. Materials for biography]. Akmol, Niva Publ., 1993. 390 p. (In Russ.)

Valiuzhenich A. “Oni byli rasstreliany...” [They were shot...]. *Dialog tsivilizatsii / Kyrgyzsko-rossiiskii slavianskii universitet. Institut mirovoi kul'tury*. Bishkek, 2015, No 1 (19), pp. 206–220. (In Russ.)

Valiuzhenich A. *Piatnadsat' let posle Mayakovskogo: in 2 vols. Vol. 1: “Lilia Brik — zhena komandira. 1930–1937”* [Fifteen years after Mayakovskiy: In 2 vol. T. 1: Lilya Brik is the wife of the commander. 1930–1937]. Moscow; Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 587 p. (In Russ.)

**On Mayakovsky's Circle:
"Engineeress" Musia Natanson and Others**

Anatoly Valiuzhenich

Abstract: The article reconstructs the biography of Musia Natanson, Mayakovsky's friend, on the basis of archival materials, memoirs, recollections and other biographical data. The article also gives data for Yu. Abdrakhmanov and V. Primakov, Soviet officials, who were close to Natanson and Mayakovsky. Certain aspects of literary life in the 1910–1920s are revised and specified.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, Musia Natanson, historic-biographical documents, "Comfut", Soviet literary life of the 1910–1920s.

Informaton about the author: Anatoly V. Valiuzhenich, freelance researcher, Astana, Kazakhstan, E-mail: litfact@gmail.com

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-155-185

УДК 821.161.1

«Анакреонтические песни» Г.Р. Державина и традиция русской анакреонтической оды XVIII века*

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Аннотация: Статья посвящена поэтике книги Г.Р. Державина «Анакреонтические песни» (1804), единственному прижизненному сборнику его стихов, составленному по жанрово-тематическому принципу. «Анакреонтические песни» рассматриваются в контексте русской анакреонтики XVIII века, в их отношении к двум канонам, определившим метрику русских анакреонтических од, — ломоносовскому и сумароковскому. Особенное внимание уделено значению обращения к анакреонтике для обогащения тематики и метрического репертуара поэзии Державина.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, анакреонтическая поэзия, история русского стиха, поэтика Г.Р. Державина, рецепция античности в России

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д.ф.н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: litfact@gmail.com

Интерес исследователей к «Анакреонтическим песням» Г.Р. Державина вполне закономерен — это единственный прижизненный сборник его стихов, составленный по жанрово-тематическому принципу, что запечатлено в его названии. Общеизвестно, что эта книга стала важнейшей вехой творческого пути поэта, в связи с чем справедливо отмечается обновление его поэзии, состоявшееся в 1790-е годы и выразившееся в предпочтении зрелым Державиным шуточных и камерных тем, а также в его стремлении к достижению своеобразного греко-русского художественного синтеза. Публикация в 1986 году «Анакреонтических песней» Державина с обширными примечаниями и приложениями в столь авторитетной серии, как «Литературные памятники»¹, была поэтому вполне закономер-

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ «Русская анакреонтическая ода XVIII — первой четверти XIX века» № 16-04-00280.

¹ *Державин Г.Р.* Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионин, Е.Н. Петрова; Отв. ред. Г.П. Макогоненко. М., 1986.

на; нельзя, однако, не пожалеть, что на эту книгу в свое время не появились рецензии (мне, во всяком случае, не известна ни одна), а подробного обсуждения этого тома по сей день не произошло². Тридцать лет спустя, не вступая в полемику с теми, кто готовил текст книги 1986 года и был ответственен за ее литературоведческую часть, мне хотелось бы все же поставить несколько вопросов, на которые эти коллеги, как кажется, должны были ответить, но не ответили. Вопросы эти напрямую касаются поэтики «Анакреонтических песней», того, что следует понимать под их корпусом и того, какие подходы должны быть избраны при их осмыслении как художественного целого, как книги лирики:

1) Можно ли все стихотворения, составившие сборник «Анакреонтические песни» Г.Р. Державина (1804)³, безоговорочно зачислить в состав анакреонтической поэзии?

2) Все ли «анакреонтические песни» являются анакреонтическими одами?

3) Какова была авторская интенция, какой смысл вкладывал Державин в название «Анакреонтические песни»?

4) Какое из двух близкородственных слов — «песнь» или «песня» — употреблено в заглавии сборника?

5) Правомерно ли рассматривать третью часть «Сочинений» Г.Р. Державина (1808) как расширенную версию «Анакреонтических песней» (1804) и, следовательно, как их канонический текст?⁴

6) Когда возник замысел «Анакреонтических песней»? На какие сторонние импульсы можно указать?

7) Каково значение «Анакреонтических песней» для эволюции метрического репертуара поэзии Державина?

8) Сколь многочисленны анакреонтические стихотворения, ос-

² В то же время с тех пор в свет вышло немало содержательных научных статей, посвященных «Анакреонтическим песням» (Я.И. Гудошникова, Т.П. Заиконниковой, Т.А. Коломийченко, А.А. Малышева, А.В. Маркина, А.В. Татаринова, А. Троицкой, С.А. Саловой, А.А. Смирнова, Л.В. Чернышевой и др.), однако ни одна из них не ставила своей задачей подробный анализ издания 1986 года и отношения «Анакреонтических песней» к жанру русской анакреонтической оды.

³ В сборнике Г.Р. Державина «Анакреонтические песни» (СПб., 1804; книга вышла в свет в начале мая этого года) напечатано 94 стихотворения. По небрежности наборщиков (см. об этом подробнее ниже) одно из них выпало — № LVIII. «На разлуку», поэтому далее речь будет вестись о 95 стихотворениях, составивших эту книгу.

⁴ Напомню, что именно такой точки зрения придерживались Г.П. Макогоненко и Г.Н. Ионин. Именно третью часть «Сочинений» Г.Р. Державина (1808) они воспроизвели в качестве «Анакреонтических песней» в серии «Литературные памятники», разделив ее на два раздела: «Анакреонтические песни» и «Стихотворения, позднее присоединенные к “Анакреонтическим песням”».

тавшиеся «за бортом» «Анакреонтических песней», и почему это произошло?

9) Каковы трудности, возникающие при переиздании «Анакреонтических песней» Г.Р. Державина?

Прежде, чем попытаться ответить на эти вопросы, думаю, необходимо уточнить смысл нескольких основополагающих терминов, а именно: русская анакреонтическая поэзия, анакреонтические оды и анакреонтический стих.

Под русской анакреонтической поэзией (русской анакреонтикой), на мой взгляд, как это обычно и делается, следует понимать довольно обширный массив стихотворных текстов, в которых воспеваются радости земной жизни и которые в немалой своей части являются переводами из Анакреонта или из античной анакреонтики. К русской анакреонтической поэзии, помимо переводных, принадлежат также оригинальные русские стихотворения, варьирующие мотивы Анакреонта и эллинистических подражаний ему. Как видим, главную роль при определении того, принадлежит ли то или иное стихотворение к анакреонтической поэзии, играет *аспект содержательный, подкрепленный аспектом интертекстуальным*. В то же время тот или иной мотив при отсутствии эксплицитных отсылок к античному анакреонтическому корпусу (в том числе и в названиях) не всегда может служить достаточно четким критерием для зачисления стихотворений в разряд русской анакреонтики, а граница, отделяющая сию последнюю от поэзии легкой, любовной, застольной и проч., оказывается порой довольно зыбкой⁵. О формальных критериях принадлежности к анакреонтической поэзии речь вестись не может — ни о предпочтительности каких-либо метров или клаузул, ни об обязательной строфичности или астрофичности, зарифмованности или безрифменности.

Анакреонтические оды — это вполне определенный жанр, ядро русской анакреонтической поэзии XVIII века; тематика од та же, что и в любом анакреонтическом стихотворении, но в стихах должен быть выдержан ряд требований к метру, рифме, катаlecticе и строфике, то есть они должны быть написаны определенным анакреонтическим стихом — «анакреонтовым стихосложением», по выражению современника⁶.

⁵ Ср. емкую характеристику, данную младшим современником Державина (конечно, уже и под влиянием «Анакреонтических песней»): «АНАКРЕОНТИЧЕСКИЙ. Слово, означающее, что сочинение написано во вкусе и слоге греческого поэта Анакреона. Краткость, приятность и некоторая небрежность суть правила анакреонтической поэзии; а содержанием ее должны быть любовь и веселость, иногда и нравоучение, но прикрываемое любовью или веселостию» (*Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 23).

⁶ Об «анакреонтовом стихосложении» писал С.Г. Домашнев в статье «О стихотворстве» в связи с «Новыми одами» М.М. Хераскова накануне их публика-

Видов этого стиха в русской поэзии XVIII столетия несколько, а основных концепций занимающего нас жанра две — *сумароковская* и *ломоносовская*. Каждая из них предполагает определенное «анакреонтово стихосложение».

Сумароковский канон этого жанра впервые охарактеризовал Г.А. Гуковский, справедливо полагавший, что опубликованные А.П. Сумароковым в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 год две эталонные анакреонтические оды («Пляскою своей, любезна...») и «Завидны те мне розы...») ⁷ демонстрировали канон этого жанра. Согласно Сумарокову, утверждал ученый, анакреонтические оды должны были быть астрофичны, иметь женские нерифмованные клаузулы и быть написаны либо 4-стопным хореем, либо и 3-стопным ямбом. Гуковский этот канон сумароковским не называл, придавая ему тем самым всеобщность и безальтернативность и примечательным образом оставляя без внимания ломоносовскую анакреонтику ⁸.

Ранее переложение первой анакреонтической оды «Хвалить хочю Атрид...», сделанное М.В. Ломоносовым в 1738 году, осталось неизвестно его современникам ⁹. Широкой известностью пользовался перевод третьей анакреонтической оды «Ночною темнотою...», помещенный Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) как пример басни. «Разговор с Анакреоном», содержащий перевод еще четырех анакреонтических од и ответы Ломоносова на них, был написан между 1758 и 1761 годом. Он был впервые опубликован уже посмертно, в 1771 году, и с тех пор многократно перепечатывался ¹⁰.

Именно «Разговор с Анакреоном» закрепил *ломоносовский канон* русской анакреонтической оды: он менее строг и допускает большее количество вариаций. Все переводы Ломоносова из эллинистической анакреонтики зарифмованы; мужские окончания в них столь же многочисленны, как и женские, а переложение оды XXVIII

ции (Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 238). При этом анакреонтическими размерами, как показывает опыт русской поэзии XVIII века, сочинялись стихи самого различного содержания. Так, например, пространные «Стихи анакреонтические» (1762) А.В. Нарышкина следует вывести за границы анакреонтической поэзии (de facto это моралистический трактат), признавая однако, что они написаны «анакреонтовым стихосложением». То же можно сказать и о ряде стихотворений М.М. Хераскова, вошедших в его «Новые оды» (М., 1762).

⁷ *Сумароков А.П.* Анакреонтические оды: «Пляскою своей, любезна...»; «Завидны те мне розы...» // Ежемесячные сочинения. 1755. Июль. С. 70–71.

⁸ *Гуковский Г.А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 109.

⁹ Впервые напечатано Е.Я. Данько: XVIII век. М.: Л., 1940. Сб. 2. С. 257.

¹⁰ Первые две «реплики» Ломоносова в «Разговоре с Анакреоном» имеют то же число стихов и написаны теми же размерами, что и анакреонтические оды, на которые он отвечал.

разделено на пять строф по восемь стихов со схемой рифмовки абабввгг (клаузула регулярная жжжжжмм)¹¹. Избранные метры почти всюду соответствовали сумароковскому канону: пять стихотворений были написаны трехстопным ямбом¹² и одно четырехстопным хореем. Лишь на анакреонтическую оду XXVIII, переведенную им самим четырехстопным хореем, Ломоносов откликается четырехстопными ямбами («Ты счастлив сею красотой...»), разбивая оба стихотворения на восьмистишия с рифмовкой абабввгг с тем же чередованием клаузул: жжжжжмм. Четырехстопный ямб в немецкой анакреонтике к тому времени давно уже утвердился, Ломоносов легитимировал его здесь для русских анакреонтических од¹³.

Обращаясь к основной проблематике данной статьи, следует уделить некоторое внимание вопросу о том, к какому времени относится замысел «Анакреонтических песней» именно как отдельной книги лирики. Ответ на него дает так называемая «Казанская тетрадь», объединяющая 37 стихотворений и являющаяся первым сводом стихотворений, озаглавленных автором «Анакреонтические песни» (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома)¹⁴. Грот полагал, что заполнение тетради происходило в 1797–1798 годах¹⁵. Действительно, первое стихотворение «Даше приношение»

¹¹ Тем самым одновременно узаконивалась и эта сложная, восьмистрочная строфа, и ее составляющие — четверостишия с перекрестной и парной рифмой. Принципу строфичности не противоречила и охватывающая рифма, в то время как вольная его нарушала.

¹² Перевод третьей анакреонтической оды «Ночною темнотою...» в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) также сделан трехстопным ямбом; рифмовка перекрестная, клаузулы жжжжм.

¹³ Ответ Ломоносова на XI анакреонтическую оду написан шестистопным ямбом с вольной рифмовкой. Именно потому, что речь здесь идет об оригинальном стихотворении, а не о переводе, а также потому, что эта форма не укоренена ни в древней, ни в новой анакреонтической поэзии, ее невозможно рассматривать как один из вариантов ломоносовского канона. Этот перевод во многом готовил более позднее переложение XLIII анакреонтической оды («Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, в 1761 году»), сделанное александрйским стихом.

¹⁴ *Державин Г.Р.* Анакреонтические песни // РО ИРЛИ. Р I. Оп. 6. Ед. хр. 23. Б. д. 41 л.

См. подробный анализ рукописи, находившейся тогда в Казани: *Ильинский Л.К.* Музейные памятники о Державине в г. Казани // Вестник образования и воспитания. 1916. № 5/6. С. 439–467.

¹⁵ Ср. об этом в комментариях Я.К. Грота в связи с переработкой стихотворения «Венерин суд» (1797): «Эту редакцию Державин набросал было начерно в рукописи казанского университета (1797 и 1798 г.), но потом предпочел трехстопный ямб (которым Ломоносов переводил Анакреона) и, зачеркнув прежнюю редакцию, написал на полях другую, явившуюся после и в печати» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб.,

(«Ты со мной вечер сидела...»), явно написанное в связи с объединением стихотворений в единую книжку, датируется 1797 годом, а самое позднее из внесенных сюда стихотворений «На богатство» («Когда бы было нам богатством...») написано в 1798 году.

* * *

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, все ли стихотворения, составившие «Анакреонтические песни» Г.Р. Державина (1804), являются произведениями анакреонтической поэзии, достаточно пристальнее взглянуть на состав этой книги. Как известно, сам автор был ею недоволен; обширный список опечаток на ее последних страницах — одно из свидетельств тому; все же нет никаких сомнений, что структура и состав сборника соответствуют авторской воле.

«Венец бессмертия», последнее стихотворение в «Анакреонтических песнях», помещено под номером ХСV. Но как уже неоднократно отмечалось предшественниками, после анакреонтической песни LVII («Арфа») и в основном тексте, и в содержании следует песнь LIX («Цепи»), то есть песнь LVIII («На разлуку»), как можно заключить по другим, также и рукописным источникам, выпала из книги, и в действительности книга должна была насчитывать 95 стихотворений и именно в таком составе должна анализироваться. Что же они из себя представляют? Насколько они соответствуют сформулированному выше понятию анакреонтической поэзии?

Даже поверхностного взгляда на «Анакреонтические песни» довольно для того, чтобы на поставленный вопрос ответить отрицательно.

Во-первых, в число «Анакреонтических песней» вошло несколько переводов Державина не из Анакреонта, а из других древних авторов. Это переводы гимна Аполлону Месомеда Критского («Пришествие Феба», 1797), эпиграммы Мариана Схоластика («Горючий ключ», 1797) и двух од Саффо («Сафо», 1797 и «Гимн Сафы Венере», 1800)¹⁶.

Во-вторых, в «Анакреонтических песнях» есть заимствования и из новейших литератур. Так, «Скромность» (1791) — перевод де-

1865. Т. II. С. 132). Первая редакция написана четырехстопным ямбом (лишь одна, четвертая строка — ямб трехстопный) и в целом, конечно же, более желовесна по сравнению со второй.

¹⁶ Как оригинальные ниже рассматриваются два стихотворения, толчок к созданию которых дали тексты античных авторов: Так, первая часть «Спящего Эрота» (1795), описание божка Любви, — перевод отрывка Платона (Anthologia Planudea, 210); вторая же часть — оригинальное развитие темы Державиным. «Геркулес» (1798) — вольное подражание эпиграмме Туллия Гемина (Anthologia Planudea, 103).

вягистишия из кантаты «Робкая любовь» («Amor timido») Пьетро Метастазियो с подстрочника, выполненного Н.А. Львовым, а «Нине» (1770), определен самим Державиным как «подражательный отрывок 29-й оды Клопштока»¹⁷. Как указал еще Грот, здесь имеет место ошибка памяти: у Клопштока источник этого стихотворения не находится. Для нас же важно другое — а именно то, что это перевод какого-то немецкого любовного стихотворения XVIII столетия и что поэт вполне отдавал себе в этом отчет.

В-третьих, в «Анакреонтических песнях» 1804 года немало стихотворений, созданных задолго до возникновения замысла этой книги, подверстанных сюда задним числом. Некоторые из них Державин ранее даже никогда не печатал. Это две застольных песни («Пикники», 1776; «Разные вина», 1782) и три любовных стихотворения («Объявление любви», 1770; «Пламиде», 1770; «Всемиле», 1770). Все эти стихотворения написаны четырехстопным рифмованным ямбом. Три из них разбиты на четверостишия (исключение — «Разные вина», 1782), в которых женские клаузулы регулярно чередуются с мужскими, т. е. по формальным критериям эти три стихотворения вполне соответствуют ломоносовскому канону анакреонтической оды, хотя их содержание не имеет ничего ярко выражено анакреонтического. То же можно сказать и о тематике «Разных вин» (1782); в этом стихотворении обращает на себя внимание более сложная строфика (каждое из шестиистиший замыкает парно зарифмованный рефрен-двустиишие).

В-четвертых, Державин включил в «Анакреонтические песни» два стихотворения, не только давно им написанные и пользовавшиеся широкой известностью, но и давно к тому моменту опубликованные, однако вряд ли создававшиеся им изначально именно как анакреонтические. Это «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779) и «Кружка» (1777; опубл.: 1780). В первом случае, думается, основанием для этого стал метр (четырёхстопный хорей с перекрестной рифмовкой), со всей очевидностью ощущавшийся Державиным как анакреонтический, во втором — застольная тематика (опять же отметим метрическую и строфическую усложненность «Кружки», противоречившую требованиям к анакреонтическим одам). Все же, строго говоря, нет никаких оснований причислять эти стихотворения к анакреонтической поэзии.

В-пятых: особняком в сборнике стоит такой шедевр Державина, как «Арфа» (1798). Исследователи справедливо писали об эле-

¹⁷ Объяснения Державина на его сочинения // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1868. Т. III. С. 720. Это стихотворение, как и еще одно в сборнике («Пчелка», 1796), написано шестиистишиями с двумя холостыми стихами в конце. В связи с этим см.: Орлицкий Ю.Б. Холостые строки в поэзии Державина // Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина). Казань, 2004. С. 114–123.

гическом настроении этого стихотворения, написанного шестистопным ямбом и разделенного на четверостишия с перекрестной рифмовкой (регулярные клаузулы: мжмж). «Арфа» проникнута меланхолией и посвящена воспоминаниям о годах юности, проведенных поэтом в Казани; в ней нет ни любовных, ни застольных мотивов.

И наконец, *в-шестых*: пять стихотворений, отнюдь не анакреонтической тематики, план выражения которых, однако же, вполне соответствует канону анакреонтических од. «Призывание и явление Пленеры» (1794) и «Сафе» (1794) были призваны «изобразить горесть автора по смерти первой жены его», скончавшейся 15 июля 1794 года. В «Потоплении» (1796) действительное трагическое происшествие, случившееся при переправе через Неву и повлекшее гибель нескольких человек, становится поводом для минорных размышлений о скоротечности жизни и непредсказуемости кончины. «Развалины» (1797) — элегическое стихотворение «греческого колорита», воспевающее парк опустевшего Царского села как остров любви, который покинула Киприда и ее свита (читай: Екатерина, ее сподвижники и ее двор). Приведу лишь заключительные строки:

Но здесь ея уж ныне нет;
Померк красот волшебных свет;
Все тмой покрылось, запустело;
Все в прах упало, помертвело.
От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет сирая Любовь.¹⁸

«Заздравный орел» (1795) — это, согласно объяснениям автора, «заздравная песнь воинам, писанная в память фельдмаршалам Суворову и Румянцеву»; она продолжает традиции «Кружки» и имеет ярко выраженный военно-панегирический колорит. В то же время, напомню, первая анакреонтическая ода (важнейший манифест этого рода поэзии) отвергает пение во славу воинских подвигов, и именно ей Державин подражает в «Лире» (1797), также упоминая Румянцева и Суворова. Таким образом, Державин на страницах одной и той же своей книги от лица ее лирического героя то воспеваает этих героев-полководцев, то отказывается их славить.

Итак, если от общего числа «Анакреонтических песней» (95) отнять стихотворения, перечисленные выше (19), то оставшиеся 76 — это именно те, что относятся к анакреонтической поэзии. Что же они из себя представляют?

14 стихотворений из этих 76 — это переводы произведений, считавшихся в конце XVIII столетия принадлежащими Анакреонту, а также подражания им, на что Державин неоднократно указывал сам в примечаниях к своим сочинениям.

¹⁸ Державин Г.Р. Анакреонтические песни. СПб., 1804. С. 33.

Еще 28 стихотворений, в сущности вполне оригинальных, варьируют мотивы эллинистических анакреонтических од. Нередки и обращения к Анакреонту, в том числе и в связи с декларацией поэтического кредо автора «Анакреонтических песней»: «По следам Анакреона / Я хотел воспеть Харит» («Хариты», 1796); «Беседовал с Анакреоном / В приятном я недавно сне» («Венец бессмертия», 1798); «Зрел ли ты, певец тииский» («Русские девушки», 1799); «Так! пойду хотя в забаву / За певцом тииским вслед» («Тишина», 1801) и др.

Отдельные анакреонтические оды особенно увлекали Державина, и потому он неоднократно и на разный лад ими вдохновлялся. К таковым, несомненно, относится ода XXVIII, обращенная к художнику с просьбой написания портрета. На страницах «Анакреонтических песней» находим три словесных портрета, которые следует преобразить в живописные: так, Ангелика Кауфман должна изобразить Милену, «белокурую лицом» («К Кауфман», 1795); лирической героиней книги — «девицу Варвару Михайловну Бакунину» («Варюше», 1799), а Сальваторе Тончи — самого Державина («Тончию», 1801).

При этом Державин склонен и к «анакреонтизации» мотивов, в легкой поэзии к его времени достаточно расхожих, и к их дальнейшему варьированию в других стихотворениях книги. Так, эллинистическая анакреонтика не знает уподобления Эрота бабочке; а в «Анакреоне у печки» (1795) речь идет об Анакреонте, посещающем Марию, и об Эроте, вьющемся вокруг нее, как бабочка, и жгущего стрелами сердце влюбленного поэта, так что Анакреонт в конце концов и себя уподобляет бабочке, сгорающей в огне любви¹⁹. Мотив Эрота-бабочки встречаем затем в «Бабочке» (1802), а мотив Эрота, сжигающего влюбленных, подобно бабочкам, в пламени свечи — в стихотворении «Н.Я. П.[люсковой]» (1804; позднее названо: «Внимание»).

Многие среди этих 28 — «стихотворения греческого колорита», т. е. такие, в которых аллегорически воспеваются события из жизни двора, русской аристократии или же державинского родственно-дружеского окружения. Участвующие в них в тексте не называются по имени, им присваиваются мифологические имена (большой частью греческие, но нередко и римские, и славянские), о самих событиях говорится в развернутых вариантах названий (их в «Анакреонтических песнях» находим в содержании книги). Позднее, как известно, Державин стремился прояснить этот реальный

¹⁹ Сравни стихотворения В.В. Капниста «Красавице» (1795) и «Неосторожный мотылек» (1806). В первом из них Анакреонт уподоблен мотыльку, беспечно пролетавшему «весь свой век» с цветка на цветок, во втором любовь — это пламя, обжигающее мотылька и грозящее его погубить.

план, комментируя собственные произведения и надиктовывая родным объяснения на них. Так, «Анакреон у печки» (1795) написан экспромтом «во время игранья на арфе Марьи Львовны Нарышкиной», в 1789 году воспетой под именем Евтерпы; «Хариты» (1796) сочинены «на русскую пляску великих княжон Александры и Елены Павловны, бывшую в тронной зале Зимнего дворца в первый день Святков 1795 г. 25 декабря»; «Возвращение Весны» (1797) — «на случай приезда приезд императрицы Марии Феодоровны из Москвы» и др.²⁰

Еще одна обширная группа, состоящая из 34 стихотворений, — это образцы легкой и аллегорической лирики, в которых нет упоминаний Анакреонта и ярко выраженных анакреонтических аллюзий. Основным аргументом их принадлежности к анакреонтической поэзии следует признать введение их Державиным в сборник 1804 года, а также то, что подавляющее число этих лирических произведений соответствует формальному канону анакреонтических од. Среди них также немало «стихотворений греческого колорита»: «К Грациям» (1792) — написано «в Царском селе 1793 г. по случаю балов, бывавших на Колоннаде», «Амур и Псишея» (1793) — «в Царском селе на случай сговора великого князя Александра Павловича с великой княгиней Елисаветой Алексеевной»; «Победа красоты» (1796) — «на случай известного сговора в.к. Александрой Павловны с Густавом»; «Цепи» (1798) — «на Званке 1797 по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной золотой цепочки»; «На разлуку» (1802) — «в 1802 по случаю отъезда Пелагеи Михайловны Бакуниной; в шутку писано» и проч.²¹

* * *

Итак, после рассмотрения тематики к анакреонтической поэзии можно причислить лишь 76 «анакреонтических песней». Но каково же их отношение к жанру анакреонтической оды?

Как уже говорилось выше, формообразующими для анакреонтических од были определенные метры, типы клаузул, равностопность, рифма или ее отсутствие, астрофичность или же наличие строф (по большей части довольно простых), почему можно говорить *о двух типах сумароковского* и *о трех типах ломоносовского* ее канона (далее соответственно: С и Л каноны), закрепленных в лирике этих поэтов.

Приведу основные характеристики всех этих пяти подтипов (в скобках указываются стихотворения, «воплотившие» соответствующий подтип; структура строф не должна обязательно соответст-

²⁰ Объяснения Державина на его сочинения // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1868. Т. III. С. 715, 712–713.

²¹ Там же. С. 712–713, 718.

вывать тем, что представлены соответствующими стихотворениями, ибо имеет значение само наличие или отсутствие регулярной рифмы):²²

С канон 1: Х4ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0 («Пляскою своей, любезна...»);

С канон 2: Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0 («Завидны те мне розы...»);

Л канон 1: Х4жм; клаузула рег.: жмжмжжмм; рифма сложн.: абабввгг; строфика 8 — ода XXVIII («Мастер в живописстве первой...»);²³

Л канон 2: Я3жм; клаузула рег.: жм; рифма перекрест.: абаб; строфика 4 — ода I («Мне петь было о Трое...»), ода III («Ночную темнотою...»), ода XI («Мне девушки сказали...»), ода XXIII («Когда бы нам возможно...»);²⁴

Л канон 3: Я4жм; клаузула рег.: жмжмжжмм; рифма сложн.: абабввгг; строфика 8 — ответ на оду XXVIII («Ты счастлив сею красотою...»)²⁵.

Нетрудно заметить, что сумароковский канон более скуден и строг, а потому и таит опасность однообразия. Он хотя и использует те же метры, что два первых подтипа канона ломоносовского²⁶, но при этом «оголяет» стих, побуждая поэта, отказаться от рифм, чередования различных клаузул, строфического богатства. Канон ломоносовский дает стихотворцу куда больше возможностей проявить свое мастерство, предоставляя в распоряжение большее число метров и не исключая пополнения их арсенала — в особенности, если они уже были с успехом опробованы немецкой анакреонтикой, на

²² Здесь и далее для характеристики версификационных параметров используется система обозначений, употребляемая в Корпусе поэтических текстов Национального корпуса русского языка.

²³ Сравнительно сложная структура строф этого стихотворения автоматически легитимировала и более простые варианты строф и рифмовок в анакреонтических одах. То же можно утверждать в связи с Л канон 3.

²⁴ Тот же тип представлен в ответах Ломоносова на оду I («Мне петь было о нежной...») и на оду XXIII («Анакреон, ты верно...»).

²⁵ Эту сложную, восьмистрочную строфу находим в ломоносовском ответе на переложение анакреонтической оды XXVIII, узаконившим и ее самоё, и четверостишия с перекрестной и парной рифмой, ее составляющие. Принципу строфичности не противоречит и охватывающая рифма, в то время как вольная его нарушает.

²⁶ Эти два размера и в немецкой, и в русской традиции — устойчивые эквиваленты для передачи двух метров, которыми главным образом написана греческая анакреонтика: гемиямбов (дословно «полуямбов»), т.е. полустихов ямбического триметра; метрическая схема: ×—У—У—×) и анакреонтея (метрическая схема: У—У—У—). Ритмические колебания ни в том, ни в другом размере по-русски непередаваемы. См. подробнее в предисловии к кн.: *Carmina anaacreontea* / Edidit M. L. West. Leipzig, 1984. P. XIV—XVI.

которую он ориентирован²⁷. Избегать монотонности позволяют и различные виды рифмованных клаузул, и невозбранность строфического экспериментирования. Все же — при всем их несходстве — оба канона (и сумароковский, и ломоносовский) едины в следующем требовании: стихи в анакреонтических одах должны быть равностоппны.

Как уже говорилось выше, из 95 «анакреонтических песней» в состав анакреонтической поэзии может быть зачислено лишь 76 стихотворений. Сколько же из них можно признать анакреонтическими одами? Сколько соответствует критериям, очерченным выше?

В «Анакреонтических песнях» Державина сумароковский канон анакреонтической оды в чистом виде представлен всего один раз — стихотворением «Анакреон в собрании» (1791 или 1792), написанным белым астрофичным четырехстопным хореем с исключительно женскими клаузулами. Еще одна ода в высшей степени близка к сумароковскому канону (нарушен лишь принцип астрофичности) — нерифмованная хорейская ода «К Грациям» (1792) графически разделена на семь пятистиший, цельных и синтаксически, и семантически.

Наиболее многочисленны в «Анакреонтических песнях» стихотворения, соответствующие ломоносовскому канону анакреонтической оды: их 61. Используемые размеры при соблюдении прочих требований позволяют без труда охарактеризовать представленность различных типов этого канона: 35 написаны четырехстопным хореем (Л канон 1); 10 — трехстопным ямбом (Л канон 2), 16 — четырехстопным ямбом (Л канон 3).

В десяти из этого 61 стихотворения строфика усложнена без нарушения принципа равностоппности. Наиболее частотны восьмистишия («Пеночка», 1799; «Песнь Боярда», 1799; «К Варюше», 1799; «Тончию», 1801), но есть и трехстишия («Шуточное желание», 1802), и шестистишия («Свобода», 1803), и одические десятистишия («Соловей во сне», 1797), и даже двенадцатистишия («Философы пьяный и трезвый», 1789). Лишь в редких случаях имеет место чисто графическое деление на строфы («Другу», 1795). Особо отмечу скользящую рифму в стихотворении «Свобода» (1803) и то, что в открывающем книгу «Приношении красавицам» (1801) стихи 10 и 12 связывает не рифма, а «малоубедительный» ассонанс (в саях / муравам), а также и то, что неточные рифмы, характерные для поэзии Державина в целом, весьма частотны в «Анакреонтических песнях». Для русской же анакреонтики, поэтического жанра с ярко выраженной игровой компонентой, неточные рифмы, скорее нетипичны.

²⁷ Так, можно предполагать, что трехстопный хорей, в ней неоднократно использовавшийся, не противоречил пониманию этого жанра Ломоносовым.

Еще 9 стихотворений сохраняют близость к ломоносовскому канону, имея при этом серьезные его нарушения — в большинстве случаев за счет введения вольной рифмовки и сопутствующей ей астрофичности («Возвращение Весны», 1797; «Беседа с Гением», 1801). В одном случае схема рифмовки выдерживается почти по всему тексту и несколько сбивается лишь в конце («Птицелов», 1800). Почти столь же частотны отступления от канона за счет использования в строфах разностопных строк («Амур и Псишея», 1793; «К Музе», 1797; «Мечта», 1794; «К Женщинам», 1797; «Дар», 1797; «Портрет Варюши», 1798).

Всего четыре стихотворения из обсуждаемых 76 оказываются далеки от канонов анакреонтической оды. Из них, пожалуй, лишь дактилическая «Пчелка» (1796) кажется воплощением духа анакреонтики, несмотря на ее метр и шестистишия с двумя холостыми стихами в их завершение. Усложненность разностопных строф роднит ее с песенной «Гитарой» (1800). Шестистопными ямбами с перекрестной рифмовкой написаны «Горы» (1799) и «Цепи» (1798). Эти три стихотворения не имеют в себе ничего ярко выражено анакреонтического, хотя их настрой не противоречит основному тону этого рода поэзии: «Гитара» — застольная песня в духе «Кружки»; «Горы» (1799) и «Цепи» (1798) — шуточные любовные стихотворения. Однако если бы Державин не поместил их в «Анакреонтические песни», что само по себе имплицитно подразумевает их принадлежность к анакреонтической поэзии в понимании поэта, то на подобное причисление сложно бы было решиться без существенных оговорок.

Здесь имеет смысл вернуться к 19 стихотворениям в «Анакреонтических песнях», анакреонтическими по их содержанию не являющимся. В одиннадцати из них выдержан канон анакреонтической оды, а пять из них обнаруживают к нему большую близость. Из них семь были написаны в период с 1770 по 1782 год: «Нине» (1770); «Объявление любви» (1770); «Пламиде» (1770); «Всемиле» (1770); «Пикники» (1776); «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779); «Разные вина» (1782). Девять сочинены между 1791 и 1800 годом: «Скромность» (1791); «Призывание и явление Пленницы» (1794); «Сафе» (1794); «Здравный орел» (1795); «Потопление» (1796); «Пришествие Феба» (1797); «Развалины» (1797); «Горячий ключ» (1797); «Гимн Сафы Венере» (1800). Напрашивается предположение о том, что первая группа стихотворений была включена в книгу потому, что их форма оказалась соответствующей требованиям к анакреонтическим одам, а вторая писалась с ориентацией на ее канон.

В десяти из этих девятнадцати стихотворений выдержаны различные подтипы ломоносовского канона: 3 из них написаны четырехстопным хореем (Л канон 1); 1 — трехстопным ямбом (Л канон 1);

нон 2), 6 — четырехстопным ямбом (Л канон 3). В «Призывании и явлении Пленеры» (1794) обращает на себя следующая особенность: здесь имеется чисто графическое деление на строфы по 16 стихов (ЯЗжм; клаузула рег.: жм; рифма перекрест.: абаб).

Некоторое отклонение от одного из подтипов сумароковского канона (С канон 2) наблюдаем в переводном «Гимне Сафы Венере» (1800). Здесь каждая третья строка имеет мужское окончание, в силу чего текст «распадается» на трехстишия, графически, впрочем, не выделенные, как легко заметить по начальным строкам «Гимна Сафы Венере», написанного нерифмованным трехстопным ямбом:

Бессмертная Венера,	Скук бременем, печалей,
Всечтимая богиня,	Тебя в том заклинаю;
Юпитерова дочь!	Но приди ко мне,
Которая прельщает	Как приходила прежде,
Сердца всех земнородных,	И именем Амура
Не мучь души моей	Услышь мольбу мою... ²⁸

Этот гимн Афродите, переведенный Державиным, скорее всего, с какого-то немецкого посредника, — единственное стихотворение Сапфо, вплоть до конца XIX столетия известное полностью. Оригинал написан сапфическими строфами, что для современников Державина, да и для него самого, конечно, не было секретом. Включение в состав «Анакреонтических песней» «Гимна Сафы Венере», а также и приближение ее формы к канону анакреонтической оды должно было, как кажется, манифестировать постулируемую тем самым общность мироощущения Сапфо и Анакреонта как наиболее выдающихся поэтов греческой древности.

Близость к Л канон 1 обнаруживают два стихотворения: катрены «Скромности» (1791) разностопны, а рифма скользящая (Х4жж +Х5м+Х4м; клаузула рег.: жжмм; рифма скользящая: абвв абвв); в «Развалинах» (1797) перекрестная рифма выдерживается почти по всему тексту, но сбивается на вольную в конце (Х4ж,м; клаузула вольная: ж,м; рифма вольная).

Почти выдержан Л канон 2 в «Заздравном орле» (1795): каждое из трех девятистиший завершается холостой строкой (ЯЗжм; клаузула рег.: жмжмжжжжм; рифма сложная: абабввггх).

В двух случаях можно говорить об отклонениях от Л канон 3: шестистишия стихотворения «Нине» (1770) завершаются двумя холостыми стихами — (Я4жм; клаузула рег.: жм; рифма сложная: абабхх); «Горючий ключ» (1797) астрофичен, рифмы в нем не упорядочены (Я4ж,м; клаузула вольная: ж,м; рифма вольная).

Проанализируем наконец сделанные выше подсчеты:

²⁸ Державин Г.Р. Анакреонтические песни. СПб., 1804. С. 135.

Из 95 «анакреонтических песней», составивших книгу 1804 года, к анакреонтической поэзии может быть причислено 76 стихотворений; в 62 из них канон анакреонтической оды выдержан, 10 сохраняют близость к нему, имея некоторые отклонения; форма 4-х от него далека.

Из 19 неанакреонтических стихотворений 10 соответствуют канону анакреонтической оды, в 6 он соблюден не полностью; форма еще 3-х от него далека.

Итак, в 72 «анакреонтических песнях» канон анакреонтической оды выдержан; еще 16 ему близки; и всего для 7-ми он нерелевантен.

Таким образом, можно утверждать, что именно канон русской анакреонтической оды — это тот структурный инвариант, которым определен план выражения «Анакреонтических песней» именно как книги. Оба типа и все подтипы этого канона Державин прекрасно себе представлял, все эти идеальные образцы с той или иной мерой четкости отпечатались в его книге. Одновременно происходила и ломка сложившейся семантики метра — размерами, «закрепившимися» за анакреонтическими темами, Державин сочинил для своего сборника ряд стихотворений отнюдь не анакреонтического содержания. В то же время поэт значительно обогатил канон анакреонтической оды — в первую очередь благодаря творческому отношению к принципу строфичности, лежащему в основе ломоносовского варианта этого канона, и существенно пополнил строфический репертуар, представленный в анакреонтике Ломоносова.

Одновременно — то отступая от принципа равностопности, то ломая регулярность рифмовки, то используя строфы с холостыми стихами, то вводя неточные рифмы — Державин нарушал канон русской анакреонтической оды, отнюдь с ним не порывая. И лишь один раз, в «Пчелке», Державин избрал для анакреонтического стихотворения дактиль — метр, не свойственный анакреонтическим одам. В результате Державину удалось избежать не только главной опасности, подстерегающей сочинителя больших массивов анакреонтических од, — монотонности²⁹, но и продемонстрировать версификационный потенциал этого жанра, к началу XIX столетия, как выяснилось, отнюдь не исчерпанный.

* * *

Уже из того, что я писал выше, очевидно, что «Анакреонтические песни» отнюдь не являются собранием анакреонтических од Державина или же анакреонтической лирики, хотя эти два рода поэзии, несомненно, доминируют в книге, задают в ней тон.

²⁹ Достаточно вспомнить о монотонной просодии «Еротоид» Н.Е. Струйского ([1789]) или «Подражаний древним» Н.Ф. Эмина (1795).

Предисловие к книге лишь до определенной степени способно прояснить авторскую интенцию. В первых его строках Державин зачисляет свою книгу в разряд «переводов и подражаний» древним («Многие подражали и переводили древних. Не знаю, успел ли я в том сим опытом»³⁰); далее поэт подчеркивает сугубо частный, домашний характер этих своих произведений и то, что часть из них писалась намного раньше, чем большинство стихотворений в «Анакреонтических песнях» («Для забавы в молодости, в праздное время, и наконец в угождение моим домашним писал я сии песни»). Дальнейшие замечания (о желании показать изобилие родного языка, о популярности этого рода его произведений, ставших известными в неисправных списках, о резонах, побуждающих вводить в стихи имена славянских божеств и проч.), как и липограмматическое признание о том, что в ряде стихотворений автор избегал звука «р», также не способны пролить свет на то, какой смысл автор вкладывал в понятие «Анакреонтические песни». Следовательно, лишь анализ самой книги и составивших ее произведений может помочь в прояснении данного вопроса, но сначала имеет смысл заглянуть в поэтологический трактат Державина.

В первых трех частях «Рассуждения о лирической поэзии, или об оде» (напечатаны при жизни автора в 1811–1815 годах) содержится несколько кратких разрозненных суждений об анакреонтической поэзии и о ее родоначальнике. Так, Державин цитирует свои переводы анакреонтических од как образцы «забавного слога» и изящества, видит «единство» «почти во всех одах» Анакреонта, указывает на наличие спорадических рифм в его стихах.³¹ И только в последней, четвертой части «Рассуждения о лирической поэзии, или об оде» находим следующий, ключевой пассаж, позволяющий понять общий ход державинской мысли в рассуждениях об анакреонтике и о ее отношении к различным одическим родам:

Например, оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не называть героической, или похвальной оды — *тиндарической*? философической, или размыслительной — *горацианскою*? страстной, или пламенно-любовной — *сафическою*? роскошной или веселопутливой — *анакреонтическою*? меланхолической или военноунылой — *оссиянскою*? — применяясь к почерку, или вкусу их, как выше они написаны³².

Чуть выше в трактате говорится о «сильном и быстропробегавшем пламени, которое, как молния, пробегая сердце, поражает и

³⁰ Державин Г.Р. Анакреонтические песни. СПб., 1804. С. [1].

³¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. II. С. 533, 574, 540, 594, 623.

³² Западов В.А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 305.

мертвит», по которому узнают «несчастнолюбленную, нежную Сафу», а также о «чувственном удовольствии, неге и забавах», по которым — сладостного Анакреонта³³. Итак, тематика и слог оказываются для Державина наиболее существенными критериями при выделении различных типов од; при этом очевидно, что общая тенденция работы его мысли шла в сторону большей дробности, большего внимания к характерным тематическим и стилистическим особенностям различных жанров. В 1804 году это все же не воспрепятствовало поэту объединить в «Анакреонтических песнях» переводы из Сафо, Месомеда Критского, Мариана Схоластика и из Анакреонта (точнее, стихов, приписывавшихся в то время теосскому лирику) — поэтов совершенно различных!

Объяснить этот и другие парадоксы можно, лишь приняв во внимание, что, «Анакреонтические песни» — это именно название книги лирики, а не сборника произведений одного жанра, это знаменатель, долженствующий представить читателю то общее, что делает книгу художественно единой. Исходя из этого, «Анакреонтические песни» — это собрание стихотворений, призванных выразить некий «античный» и одновременно вечный взгляд на жизнь, наиболее полно запечатленный в стихах Анакреонта, а поэтому ориентированных на их поэтику и тематику (чувственные радости жизни), но не ограничивающихся ею. Лишь подобная концепция позволяла объединить под одним переплетом с традиционной анакреонтикой и переводы из других авторов (античных и не только), и столь яркие оригинальные произведения, как «На рождение в Севере порфиородного отрока» или же стихотворение «Сафе», посвященное горестным переживаниям, вызванным смертью первой жены поэта. По той же самой причине стихотворения, формально соответствующие канону анакреонтической оды, можно было наполнить реалиями русской жизни, а также мотивами и намеками не только игривыми, но и почти обценными, как, например, в «Шуточном желании».

* * *

В связи с заглавием «Анакреонтические песни» в высшей степени существенен вопрос о том, какое из двух близкородственных слов, имеющих многократные парадигматические совпадения, в нем употреблено — «песня» или же стилистически более высокое «песнь»? Как кажется, на этот аспект большинство исследователей внимания не обращало, и они по умолчанию исходили из того, что Державин использовал слово «песня», а не «песнь», из чего нередко делались далеко идущие интерпретационные выводы³⁴. В книге

³³ Там же. С. 304.

³⁴ Справедливости ради следует отметить, что Я.К. Грот исходил из того, что Державин употребил слово «песнь», а не «песня»; ср.: «В оглавлении

1804 года стихотворениям предпосланы римские цифры, и лишь одно стихотворение содержит в своем заглавии жанровое указание — «Песнь Боярда» (1799).

Обращение к начальным строкам незавершенного державинского трактата «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» позволяет понять, каким значением поэт наделял «песнь», а каким — «песню»:

Ода, слово греческое, равно как и псалм, знаменует на нашем языке *песнь*. По некоторым отличиям в древности носила на себе имя гимна, пеана, дифирамба, сколии, а в новейших временах иногда она то же, что кантата, оратория, романс, баллада, станс и даже *простая песня*. Составляется строфами, или куплетами, мерным слогом, разного рода и числом стихов; но в глубоком отдалении веков единообразных в ней строф не примечается. В древнейшие времена препровождаема была простою мелодиею; певалась с лирою, с псалтирью, с гуслиями, с арфою, с цитрою, а в новейшие и с прочими инструментами, но более, кажется, со струнными. По лире, или по составу, к музыке способному, называется ода лирической поэзиею³⁵.

«Песнь», она же «ода», как видим, равнозначна у Державина поэзии, отличительной чертой которой является то, что она по своим свойствам «к музыке способна» и, соответственно, может, хотя и не должна обязательно исполняться под музыку. Таким образом, «лирическая поэзия» Державина не равнозначна лирике как роду литературы в ее современном понимании; именно поэтому в своем трактате он рассматривает и произведения эпического рода («Песнь о полку Игореве») и драматического (см. суждения в подглавке «Об опере» о древнегреческих трагедиях, итальянской опере, «Цефале и Прокри» и «Пираме и Тисбе» А.П. Сумарокова, «Олеге» Екатерины II и о русских «забавных» операх) как принадлежащие к «лирической поэзии». Таким образом, название «Анакреонтические песни» для прояснения его смысла можно парафразировать так: «Поэтические произведения, призванные выразить мировоззрение, наиболее полно запечатленное в стихах Анакреонта». Такое заглавие предполагает жанровое и тематическое многообразие сборника, в который оказывается допущена и «простая песня». Поджанр этот в понимании Державина несомненно более низкий, чем вошедшие в книгу другие произведения (религиозный гимн Сапфо, стихи «греческого колорита» и др.). Многократно подчеркивавшаяся связь «Анакреонтических песней» с жанром «песни» (по Державину «простой песни») и песни народной, якобы определившая поэтику

“Анакреонт. песней” 1804 г., где эта пьеса в первый раз была напечатана...» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. II. С. 59–60).

³⁵ Там же. Т. VII. С. 517 (курсив мой. — К.Л.-Д.).

книги, таким образом, оказывается эфемерной, что, конечно же, никоим образом не отменяет существенную роль фольклорных мотивов для «Анакреонтических песней». Количество этих «простых песен» в сборнике невелико: строго говоря, в этот разряд может быть зачислено семь ранних стихотворений, включенных в сборник на финальном этапе его формирования, и три более поздних: «Объявление любви» (1770), «Пламиде» (1770), «Всемиле» (1770), «Нине» (1770), «Пикники» (1776), «Кружка» (1777; опубл.: 1780), «Разные вина» (1782), «Заздравный орел» (1795), «Пчелка» (1796), «Гитара» (1800).

* * *

Приходится признать, что авторская концепция «Анакреонтических песней» довольно зыбка и своенравна, она зиждется в первую очередь на манифестации авторской воли, по-державински царственно объединяющей в книге разнородные произведения. Название книги, как уже говорилось, и предисловие к ней играют при этом главенствующую роль. Данное соображение подводит к вопросу о «включении» «Анакреонтических песней» в третью часть «Сочинений» Г.Р. Державина (1808). Расположение стихотворений в процессе этого включения было несколько изменено, число их возросло, а само название «Анакреонтические песни», как и имевшееся в издании 1804 года предисловие, бесследно исчезли. Среди прибавлений, к примеру, еще один вариант переложения уже ранее переведенной оды Сапфо, ранние стихотворения «Пени» (1772) и «Невесте» (1778)³⁶, а также кантаты «Соломон и Суламита» (1808; составлена из переложений «Песни песней») и «Обитель Добрады» (1808), а также и др. произведения, весьма далекие от анакреонтического рода.

Все это еще более утверждает в мысли, что третья часть «Сочинений» Г.Р. Державина (1808) не может пониматься как расширенная версия «Анакреонтических песней» (увы, именно такова концепция, положенная в основу тома «Литературных памятников» 1986 года), а «доукомплектовка» этого сборника лирики, ставшего важной вехой творческого пути поэта, — дело рискованное и сомнительное. В то же время к массиву анакреонтической поэзии Державина относятся отнюдь не все стихотворения, включенные автором в «Анакреонтические песни» (1804); неоспорим и тот факт, что в этой книге поэтом была собрана отнюдь не вся его анакреонтика.

Напомню, что сердцевину тома «Литературных памятников» (1986) составил сборник 1804 года (его структура повторена с не-

³⁶ Первое из них представляет послание от лица некой дамы к оставившему ее возлюбленному, а второе написано на сговор Державина с первой его женой.

значительными дополнениями);³⁷ к этому центральному массиву поэтических текстов прибавлены «Стихотворения, позднее присоединенные к “Анакреонтическим песням”». Этот раздел составлен из произведений, почерпнутых в основном из третьей части «Сочинений» Г.Р. Державина (1808), но не только. Так, здесь находим следующие четыре стихотворения — «Оковы», «Аспазии», «Незабудочка» и «Синичка»; все они были написаны после 1808 года, а два последних были опубликованы уже посмертно в «Объяснениях на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Е.Н. Львовой, в 1809 году» (1834). Возникает правомерный вопрос: кем же эти стихотворения были «позднее присоединены к “Анакреонтическим песням”»? Явно не автором!

Более того, в томе «Литературных памятников» есть еще один загадочный раздел «Стихотворения 1800–1810-х годов», в который вошло шесть поздних шедевров Державина: «Снигирь», «Лебедь» «Евгению. Жизнь Званская», «Аристиппова баня», «Царь-девица», «Полигимнии». Статус и избранный состав этого раздела абсолютно неясен. Видимо, по мнению составителей, эти стихотворения чем-то особенно близки к анакреонтике, как можно заключить из некоторых размышлений в комментариях к ним³⁸, впрочем, довольно общих и малоубедительных. Так, о «Снигире» читаем: «Стихотворение служит примером того, как плодотворно воздействовала анакреонтика на творчество позднего Державина»;³⁹ о «Евгению. Жизнь Званская»: «Задача Державина, как и в анакреонтике, — показать личность в многообразных связях с объективной действительностью и тем самым раскрыть внутренний мир человека»;⁴⁰ об «Аристипповой бане»: «Близость этого стихотворения к анакреонтике не вызывает сомнений. И не столько потому, что в нем упомянут Анакреонт, но по трактовке Державиным образа Аристиппа, близкой к его трактовке Анакреонта»;⁴¹ о «Царь-девице»: «В романсе “Царь-девица” Державин, опираясь на опыт анакреонтики и вместе с тем преодолевая некоторую ее условность, построил портрет Царь-девицы целиком на фольклорной почве»⁴². Игнорирование

³⁷ Восстановление в составе «Анакреонтических песней» стихотворения LVIII «На разлуку» несогласия не вызывает.

³⁸ Приходится отметить, что если «Стихотворения, позднее присоединенные к “Анакреонтическим песням”», выделены и в основном тексте, и в содержании в отдельный раздел, то в комментариях у них нет отдельного заголовка, поэтому комментарии к ним сливаются в единое целое с примечаниями к «Стихотворениям, позднее присоединенным к “Анакреонтическим песням”», что способно еще более дезориентировать читателя.

³⁹ *Державин Г.Р.* Анакреонтические песни. М., 1986. С. 454.

⁴⁰ Там же. С. 457.

⁴¹ Там же. С. 459.

⁴² Там же. С. 460.

при формировании этого раздела версификационных аспектов (в первую очередь метрики и строфики) — одно из наиболее досадных упущений при составлении разделов «Стихотворения, позднее присоединенные к “Анакреонтическим песням”» и «Стихотворения 1800–1810-х годов». Ограничусь лишь общим замечанием: именно избранные Державиным размеры позволяют отвергнуть принадлежность ряда находящихся здесь произведений к анакреонтическому роду, детальное же рассмотрение этого вопроса завело бы нас здесь слишком далеко. Укажу лишь, что, на мой взгляд, державинскому пониманию анакреонтики в наибольшей степени соответствуют следующие пьесы из раздела «Стихотворения, позднее присоединенные к “Анакреонтическим песням”»: «Мщение», «Чечотка», «Цепочка», «Веер» и «Признание».

Но вернемся к «Анакреонтическим песням», именно как к целому, как к книге, увидевшей свет в 1804 году. Отказ от этого названия в третьем томе «Сочинений» 1808 года, как и от какой-либо рубрикации в томах во всем этом собрании, отнюдь не умаляет значения «Анакреонтических песней» как важной вехи творческого пути Державина, как книги, запечатлевшей целый этап осмысления и презентации поэтом значительного массива его лирики. Именно «Анакреонтические песни» 1804 года побуждают с большим вниманием отнестись к композиции и составу третьего тома «Сочинений» Державина, задуматься о тематике и поэтике вошедших в него довольно не схожих произведений. Все это, как я старался показать, невозможно без ясного представления о том, что мы понимаем под анакреонтикой и под анакреонтическими одами у Державина и у его предшественников.

* * *

Как уже писалось раньше, в «Анакреонтические песни» было включено восемь стихотворений, написанных между 1770 и 1782 годом, с замыслом книги непосредственно не связанных, — «Нине» (1770); «Объявление любви» (1770); «Пламиде» (1770); «Всемиле» (1770); «Пикники» (1776); «Кружка» (1778); «На рождение в Севере порфиородного отрока» (1779); «Разные вина» (1782). Основанием для их включения в сборник стало, видимо, то, что форма большинства из них соответствовала канону анакреонтической оды, а также и то, что тематика почти всех из них — застольная или любовная. От них существенно отличается стихотворение «На рождение в Севере порфиородного отрока» (1779), предвосхищающее позднейшую лирику «греческого колорита»: здесь северный ландшафт оказывается населен сатирами и нимфами, а власть над природными стихиями делят Борей и Зефир, склоняющиеся вместе со всей Российской империей перед новорожденным «полубогом».

Основное количество «анакреонтических песней» (87) было создано в период с 1789 по 1804 год.

В 1789–1791 годах написано всего четыре из них — «К Евтерпе» (1789), «Философы пьяный и трезвый» (1789), «К Софии» (1791), «Скромность» (1791). Два первых — ярко выраженные «анакреонтические песни» (первое — «стихотворение греческого колорита»; второе — беседа двух греческих философов о вине), однако имя Анакреонта в них еще не упоминается. Оба стихотворения зарифмованы и написаны соответственно четырехстопным хореем и трехстопным ямбом.

Впервые тема Анакреонта заявляет о себе эксплицитно в стихотворении «Анакреон в собрании», в котором теосский лирик — главный герой. Державин указал датой его написания 1791 год, но, скорее всего, оно было сочинено уже в 1792 году, на что справедливо указал еще Я.К. Грот⁴³. «Анакреон в собрании» безукоризненно воплощает С канон 1; слегка от него отходит «К Грациям» (1792; об этом см. выше). Оба стихотворения стоят особняком, и потому создается впечатление, что Державин, не был увлечен возможностями, предоставлявшимися сумароковским каноном и, его опробовав, к нему охладел. Но почему поэт именно в это время обратился именно к сумароковскому канону, что двигало им? Вопрос этот еще не ставился, и, кажется, на него можно ответить, связав анакреонтику Державина с поэтическим наследием Карамзина, которое насчитывает всего три стихотворения, написанных нерифмованным трехстопным ямбом (т. е. соответствующих С канон 2).

Это, во-первых, «Анакреонтические стихи А*А*П* [А.А. Петрову]», опубликованные в 1789 году в «Детском чтении» и, скорее всего, вряд ли обратившие на себя внимание Державина⁴⁴. Во-вторых, стихотворения «Филлиде» и «Мишеньке», опубликованные соответственно в январском и апрельском номерах «Московского журнала»⁴⁵, и поэту, активно печатавшемуся в первых его номерах, конечно же, хорошо известные.

Здесь имеет смысл обратиться к державинскому стихотворению «Прогулка в Сарском селе», опубликованному в том же «Московском журнале» в августе 1791 года с припиской: «Из Петербурга от неизвестной особы»⁴⁶. В его заключительных строках Державин

⁴³ «Анакреон в собрании» был впервые опубликован в державинском «Описании торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила», вышедшем в свет в 1792 году. См. подробнее: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. I. С. 420–422.

⁴⁴ Детское чтение. 1789. Ч. XVIII. С. 93–94. Без подп.

⁴⁵ Московский журнал. 1791. Ч. I. Кн. I. Янв. С. 16–19 (подп.: К); Ч. II. Кн. I. Апр. С. 8–11 (без подп.; с указ. в конце: Лондон, июня 11, 1790).

⁴⁶ Московский журнал. 1791. Ч. III. Кн. 2. Авг. С. 125–127.

вин, как известно, с предельной ясностью выразил свою симпатию к Карамзину и его литературному стилю.

Комментаторы и исследователи творчества Державина не связывали «Прогулку в Сарском селе» с каким-либо конкретным произведением Карамзина⁴⁷. Вместе с тем, в комментарии к этому стихотворению Я.К. Грот отмечал, что Державин в нем впервые применил трехстопный ямб и справедливо связывал это с влиянием анакреонтической традиции: «В этой пьесе Державин в первый раз воспользовался размером, который Ломоносов, а за ним и Сумароков употребляли в подражаниях Анакреону...»⁴⁸. Учитывая указание Грота, крайне загадочным оказывается факт непомещения «Прогулки в Сарском селе» в сборник «Анакреонтические песни» (1804).

Но для истории державинской анакреонтики «Прогулка в Сарском селе» оказывается в высшей степени важным произведением, ибо, на мой взгляд, является не только непосредственной и восторженной реакцией на литературные произведения молодого Карамзина, но и своеобразным поэтическим ответом на его стихотворение «Филлиде». Их сближают их метр, трехстопный ямб (у Карамзина белый, у Державина рифмованный, но с перебойми), и основная тема — тема майского утра⁴⁹. И хотя тема эта развита по-разному — лирический герой Карамзина поздравляет Филлиду с днем рождения, а Державин описывает прогулку с Пленирой в парке Царского села — в обоих стихотворениях есть «близкородственные» пассажи. Так, в стихах 25–37 Филлиде высказано пожелание быть радостной, подобно певчей птице:

Будь радостна, беспечна,	Да будет вздох твой кроток!
Как радостен, беспечен	И если в нежных чувствах
Певец весны и утра,	Слезу прольешь из сердца,
Виясь под облаками!	Блистай она, подобно
Когда ж вздохнуть захочешь —	Росе на юных розах,
Увы! где свет без тени? —	Живящей цвет их алый!

Лирический герой Державина столь же упоен красотой внешне-го утра и восхищен трелями певчей птицы, воспевающей розы и зо-

⁴⁷ В следующей статье «Прогулка в Сарском селе» не упомянута: *Ионин Г.Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII–XIX вв. С. 162–178.

⁴⁸ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1865. Т. II. С. 424.

⁴⁹ Ср. у Карамзина: стих 1 «Взгляни на день прекрасный»; стихи 19–20 «Да будет год твой красный / Единым майским утром»; у Державина: стих 1 «В прекрасный майский день».

ри; ее пение приводит ему на память Карамзина, которого он уподобляет соловью:

Какая пища духу! —	Он Богу и Царю
В восторге продолжал:	Свою тут благодарность:
Коль красен взор природы	Что сей своих чтит слуг,
И памятников вид,	Что Тот влил светозарность
Когда глядятся в воды!	И жар всем тварям в дух.
Вот соловей сидит	Доколь сидишь при розе,
Близ их и воспевает,	О ты, дней красных сын!
Зря розу иль зарю;	Пой, соловей! — и в прозе
Как будто изъясляет	Ты слышен, [Карамзин]! ⁵⁰

Как кажется, именно анакреонтические стихи Карамзина, напечатанные в 1791 году в «Московском журнале», дали импульс и к написанию Державиным в 1792 году стихотворений «Анакреон в собрании» и «К Грациям», где он, как и Карамзин, отказавшись от рифм, следует как раз сумароковскому канону.

Вновь анакреонтические темы и мотивы заявляют о себе спустя три года — в стихотворениях «К Кауфман» (1795) и «Анакреон у печки» (1795), т. е. уже после выхода из печати «Стихотворения Анакреона Тийского», подготовленного Н.А. Львовым. Хотя на титульном листе этой книги указан 1794 год, она, по-видимому, была отпечатана лишь в августе 1795 года⁵¹.

Важнейшее значение переводов Львова для анакреонтики Державина подробно проиллюстрировал еще Я.К. Грот в комментариях к изданным им «Сочинениям» поэта, отчего не стоит подробно останавливаться на этом вопросе, но задамся следующим: каково отношение «Стихотворения Анакреона Тийского» к канону русской анакреонтической оды и к его различным изводам?

Ни в своей статье «Жизнь Анакреона Тийского», ни в обширных примечаниях Львов не упоминает Сумарокова, являясь во многом его единомышленником, — так, Львов отстаивает необходимость перевода анакреонтики белым стихом и признается, что поначалу собирался всюду сохранять женские клаузулы, но затем почел за лучшее ввести альтернанс:

«Сия и следующая за оною ода переведены были мною точным числом стоп и ударением греческого подлинника, тем же самым метром хотел я продолжать перевод всего Анакреона. Хотя сие гораздо бы легче было исполнить по причине одинаких женских стихов, но мне показалось, что единообразие оных на русском языке делает какую-то неприятную звучность для слуха, привыкшего не токмо к разнообразному ударению

⁵⁰ Московский журнал. 1791. Ч. III. Кн. 2. Авг. С. 127. В дальнейшем Державин несколько переработал цитируемый текст.

⁵¹ Лаппо-Данилевский К.Ю. «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 190–191.

стихов, но еще и к рифме. А потому и принужденным нашелся перевести те же самые оды вторично, перемешать женские стихи с мужскими и в краткий стих поместить тот же смысл, какой в длинном женском стихе греческого подлинника находится»⁵².

Здесь же он приводит ранний вариант перевода первой анакреонтической оды и призывает сравнить его с окончательным, помещенным в основном тексте книги (оба они начинаются стихом «Я петь хочу Атридов...»). Таким образом, Львов создает свой, *львовский канон*, занимающий промежуточное положение между *сумароковским* и *ломоносовским*. В своих переводах он использует в подавляющем числе случаев четырехстопный хорей и трехстопный ямб, но при этом — в отличие от Сумарокова — допускает чередование мужских и женских клаузул и — в отличие от Ломоносова — отказывается от рифм⁵³.

Все же в данном случае Ломоносов, чьими переводами анакреонтических од он искренне восхищен, Львову явно ближе⁵⁴, как можно заключить из примечаний к одам III, VI, XXVIII. Приведу лишь львовский комментарий к последней из них:

«Сию прекрасную оду, служившую в разных языках подлинником для множества неудачных подражаний, переводил и наш Северный Орфей Ломоносов с отменными и его только таланту свойственными красотами, делающими и подражательные его творения действительным подлинником. Он во многих местах отступил, инде прибавил по причине той, что писал стихами с рифмами; и между его и моим переводом выходит только та, по мнению моему, разница, что мой перевод к подлиннику ближе, а его лучше»⁵⁵.

Львов явно тяготился сплошь холостыми клаузулами и потому почти целиком зарифмовал оды XXIII и XXV, а также ввел рифмы в эпиграммы⁵⁶. Он, конечно же, намеренно стремился разыграть читателей, настроенных им на белые стихи и принужденных вдруг наткнуться на рифмы в «Стихотворении Анакреона Тийского». Одновременно обнаруживалась его склонность к ломоносовскому канону анакреонтической оды.

⁵² Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** * [Н.А. Львов]. СПб., 1794. С. 63–64.

⁵³ Вишневский К.Д. Русская метрика XVIII в. // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972. С. 164–165.

⁵⁴ Стоит отметить, что примерно в то же самое время в поэме «Добрыня» (1796) Львов писал о Ломоносове, имея в виду его одическое наследие, как о «сыне усилія», все трудности «пересиливавшем дарованием сверхъестественным».

⁵⁵ Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** * [Н.А. Львов]. СПб., 1794. С. 171.

⁵⁶ Лаппо-Данилевский К.Ю. «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое. С. 226–227.

Этот опыт друга, несомненно, имел немалое значение для Державина, создавшего основной массив собственной анакреонтики уже после выхода в свет «Стихотворения Анакреона Тийского» и, если можно так выразиться, «с этой книгой в руке». Видимо, именно поэтому Державин отныне следовал почти исключительно ломоносовскому канону. Опираясь на издание Львова, в 1796–1798 годах он создал семь переводов анакреонтических од и им подражаний⁵⁷, а также немало стихотворений, им близкородственных. По-видимому, Державин хотел поначалу объединить эти произведения в рукописном томике и поднести его своей жене: в 1797 году стала заполняться так называемая «Казанская тетрадь», уже упомянутая выше. Она объединяет 37 стихотворений и является первым сводом, озаглавленным «Анакреонтические песни». Лишь посвящение, названное «Даше приношение» («Ты со мной вечер сидела...», 1797), не вошло в книгу 1804 года. Державин, однако, вскоре отходит от первоначального замысла и начинает править стихи, изменять их нумерацию, рукопись из белой превращается в черную.

Каково же отношение «Казанской тетради» к «Анакреонтическим песням» 1804 года?

Во-первых, в этой рукописи нет ни одного стихотворения, из написанных в 1770–1782 годах, что еще раз подтверждает, что они были включены в «Анакреонтические песни» уже в 1800-е годы, когда поэт задумывал издание книги. Самые ранние стихотворения, внесенные в «Казанскую тетрадь», — это «К Евтерпе» и «Философы пьяный и трезвый»; оба сочинены в 1789 году.

В сборник 1804 года вошло в общей сложности 47 стихотворений, написанных с 1789 по 1798 год. Что же это за 10 стихотворений, не внесенных в «Казанскую тетрадь», но созданных во время ее заполнения? Стихотворение «Сафе» (1794) посвящено исключительно первой жене, почему, видимо, и не было помещено в рукописный сборник, в то время как «Призывание и явление Пленеры» (1794), в котором поэт обращается к обеим своим женам, в нем имеется. «Заздравный орел» (1795) был, видимо, отвергнут из-за его сугубо застольного характера. По неясным причинам не включены четыре «греческие» пьесы: «К Грациям» (1792), «Праздник воспитанниц девичьего монастыря» (1797), «Рождение красоты» (1797), «Желание» (1797). Не находим здесь и четырех стихотворений, написанных в 1798 году: «Параше» (1798), «Портрет Варюши» (1798), «Арфа» (1798), «Цепи» (1798). Вполне вероятно, что они попросту не были написаны к тому моменту, когда тетрадь перестала заполняться.

⁵⁷ Следующий «пик» приходится на 1801–1802 гг., когда было создано еще семь переводов и подражаний, видимо, в связи с тем, что намерение издать «Анакреонтические песни» книгой приобретало все большую определенность.

И хотя в целом стихи «Казанской тетради» обнаруживают куда большую близость к канону анакреонтической оды, анакреонтическая тематика здесь не обязательно выдержана — так, в рукопись, например, внесены такие стихотворения, как «Потопление» (1796) и «Развалины» (1797). Еще одна черта, общая для тетради и книги 1804 года — это включение в нее переводных произведений, таких как «Сафо» (1797), «Пришествие Феба» (1797) и «Горючий ключ» (1797).

* * *

История вызревания замысла «Анакреонтических песней» Державина тесно связана с освоением поэтом анакреонтических метров, т. е. в первую очередь четырехстопного хорей и трехстопного ямба. Подавляющее число лирических произведений Державина написано ямбами; при этом четырехстопный ямб — наиболее частотен, а трехстопный ямб, как указывалось выше, впервые был применен лишь в 1791 году — в «Прогулке в Сарском селе».

До 1789 года, года написания «К Евтерпе», наиболее раннего трохейского стихотворения «греческого колорита», включенного в «Анакреонтические песни», Державин довольно редко обращался к четырехстопному хорей: четыре стихотворения, написанные этим размером, находим в прижизненных сборниках; еще восемь были опубликованы лишь в 1986 году⁵⁸. В основном это песни, исключения составляют: «На рождение в Севере порфирородного отрока» (1779) и элегическое «На отсутствие ее величества в Белорусию» (1780).

За время с 1789-го по 1804 год, когда из печати вышли «Анакреонтические песни», четырехстопным хореем Державин написал 49 стихотворений⁵⁹, если не считать трохейских пассажей в его полиметрических произведениях. Из этих 49 лишь три не связаны с замыслом «Анакреонтических песней» — это «Буря» (1794), один из хоров на коронацию Александра I (1801) и переложение псалма «Утешение добрым» (1804). В тот же период трехстопным ямбом написано 12 стихотворений, из них лишь одно, выше подробно рассмотренное, а именно «Прогулка в Сарском селе», тесно связанное с анакреонтической традицией, в «Анакреонтические песни» не вошло. Таким образом, в первую очередь именно с анакреонтикой связано расширение и обновление метрического репертуара держа-

⁵⁸ Державин Г.Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионин, Е.Н. Петрова; Отв. ред. Г.П. Макогоненко. М., 1986. С. 143–146, 151–152, 158, 159–160.

⁵⁹ Здесь и далее подсчеты производились по первым трем томам «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота» (СПб., 1864–1866. Т. I–III), где лирика поэта издана в хронологическом порядке.

винской поэзии, начавшееся в 1790-е годы и продолжавшееся до смерти поэта. Наиболее существенные и яркие его проявления, помимо упрочения позиций «анакреонтического стихосложения», — это увеличение частотности трехсложных размеров (в первую очередь дактилей), эксперименты с дольниками и логаядами и даже обращение к свободному стиху («Полигимнии», 1816), что уже отмечалось исследователями⁶⁰.

* * *

Стихотворений, написанных между 1789-м и 1804-м годом, которые вполне могли бы быть включены в «Анакреонтические песни», но в их состав не вошли, всего два: «Прогулка в Сарском селе» (1791) и «Даше приношение» (1797). Первое, вполне возможно, из-за ярко выраженной симпатии к Карамзину, второе — из-за того, что оно замышлялось как посвящение жене в рукописной тетради «Анакреонтических песней». Какой же была судьба анакреонтики Державина после выхода книги 1804 года?

Прежде всего, следует отметить, что наибольшее число переводов эллинистической анакреонтики и подражаний ей было создано Державиным в 1796–1798 (7) и в 1801–1802 годах (7), т. е. когда он задумывался об издании своих анакреонтических стихотворений, сначала рукописном, а затем — печатном. То, что после 1804 года ни одного перевода или подражания более написано не было, весьма показательно.

Вместе с тем, оригинальная анакреонтическая струя в творчестве Державина после выхода книги, конечно же, не иссякла. В пятом томе «Сочинений» (1816) поэтa находим несколько стихотворений, вполне соотносящихся с концепцией «Анакреонтических песней», метрически и тематически им близких, — «Геба» (1809), «Аспазии» (1809), «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (1810), «Аристиппова баня» (1811). К ним можно прибавить еще несколько поздних лирических пьес, сюда не вошедших (либо появившихся при жизни поэта в периодике, либо опубликованных посмертно): «Признание» (1807), «Оковы» (1809)⁶¹, «Детям на комедию их и маскерад» (1808), «Молодому Капнисту» (1815). При этом анакреонтические мотивы довольно ярко выражены лишь в двух случаях («Признание» и «Молодому Капнисту»). В то же время довольно большое число песенных и легких стихотворений этих лет,

⁶⁰ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. 2-е, доп. изд. М., 2000. С. 71–75; Корчагин К.М. Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века. Дис. ... на соиск. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 185–187 (на правах рукописи).

⁶¹ Перевод из Павла Силенциария; был сделан, по-видимому, по немецкому переложению И.Г. Гердера.

возможно, ощущались Державиным как «анакреонтические песни», к которым также, несомненно, следует причислить «Кашу златую» (видимо, 1804) — автопародию на «Пчелку», написанную в связи с поднесением печатного сборника собственной жене.

В то же время к анакреонтической поэзии Державина (но не к его «анакреонтическим песням» и тем более одам) принадлежат эпиграммы «Автору, осмеявшему в комедии стихотворцев и переводившему Анакреона» (1797) и «На гроб переводчика Анакреона Н.А. Львова и его супруги в селе Никольском» (1810). Обе они эксплицитно отсылают к наследию теосского лирика и посвящены поэтам, переводившим Анакреонта: Н.Ф. Эмину и Н.А. Львову — первый, по мнению Державина, неудачно, второй — весьма успешно.

* * *

В заключение хотелось бы коснуться щекотливого вопроса о том, каким образом имеет смысл переиздавать «Анакреонтические песни» Державина. Огрехи первого издания и неудовлетворенность им автора подталкивают к радикальному решению — повторив композицию книги 1804 года, воспроизвести тексты по третьему прижизненному тому «Сочинений Державина» (1808), где поэт манифестировал свою несколько более позднюю волю в отношении тех же стихотворений. Это решение, однако, не удовлетворит того, кто несмотря на все огрехи видит в «Анакреонтических песнях» именно книгу, завершающую целый этап творческого движения Державина, а также определенное художественное и композиционное единство. В 1804 году названия ряда произведений звучали иначе, тексты были представлены не в своих окончательных редакциях, но все-таки в весьма авторитетных, хотя порой и искаженных набором. Еще один важный аспект: в содержании книги 1804 года даются развернутые пояснения, во многом предваряющие знаменитые автокомментарии Державина к собственным произведениям; ничего подобного в третьем томе «Сочинений» нет. Но сколь ни велико значение «Анакреонтических песней» именно как вехи творческого пути Державина, приходится признать: отсутствие наборной рукописи крайне затрудняет как воспроизведение текста 1804 года, так и необходимую эмендационную работу.

Литература

Вишневский К.Д. Русская метрика XVIII в. // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972. С. 129–259 (Рязанский гос. пед. ин-т; Пензенский гос. пед. ин-т. Учен. зап. Т. 123).

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. 2-е, доп. изд. М., 2000. 352 с.

Гуковский Г.А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. 212 с.

- Державин Г.Р.* Анакреонтические песни. СПб., 1804. 158 с.
- Державин Г.Р.* Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионин, Е.Н. Петрова; Отв. ред. Г.П. Макогоненко. М., 1986. 472 с. («Литературные памятники»)
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864–1883. Т. I–IX.
- Западов В.А.* Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 289–318.
- Ильинский Л.К.* Музейные памятники о Державине в г. Казани // Вестник образования и воспитания. 1916. № 5/6. С. 439–467.
- Корчагин К.М.* Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века. Дис. ... на соиск. ... канд. филол. наук. М., 2012. 267 с.
- Латпо-Данилевский К.Ю.* «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое // XVIII век. СПб., 2015. Сб. 28. С. 177–235.
- Орлицкий Ю.Б.* Холостые строки в поэзии Державина // Державин глазами XXI века: (К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина) / Сост., отв. ред. А.Н. Пашкуров. Казань, 2004. С. 114–123.
- Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1–3.
- Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** * [Н.А. Львов]. СПб., 1794. 44 + 289 с.
- Carmina anacreontea* / Edidit M. L. West. Leipzig, 1984. xxvi + 64 p.

References

- Carmina anacreontea*, ed. M.L. West. Leipzig, 1984. xxvi + 64 p.
- Derzhavin G.R. *Anakreonticheskie pesni*. St. Petersburg, 1804. 158 p. (In Russ.)
- Derzhavin G.R. *Anakreonticheskie pesni*, eds. G.P. Makogonenko, G.N. Ionin, E.N. Petrova. Moscow, 1986. 472 p. (ser. *Literaturnye pamiatniki*). (In Russ.)
- Sochineniia Derzhavina s ob'iasnitel'nymi primechaniiami Ya. Grotta*. St. Petersburg, 1864–1883. Vols. I–IX. (In Russ.)
- Gasparov M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika, ritmika, rifma, strofika*. 2nd ed., Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.)
- Gukovsky G. A. *Ruskaia poeziiia XVIII veka*. Leningrad, 1927. 212 p. (In Russ.)
- Il'inskiĭ L.K. “Muzeinye pamiatniki o Derzhavine v g. Kazani”. *Vestnik obrazovaniia i vospitaniia*. 1916. № 5/6, pp. 439–467. (In Russ.)
- Korchagin K. M. *Tsezura v russkom stikhe XVIII — pervoi chetverti XX veka. Dissertatsia na soiskanie... kand. filol. nauk*. Moscow, 2012. 267 p. (In Russ.)
- Lappo-Danilevsky K.Yu. “*Stikhotvoreniiie Anakreona Tiiskogo* (1794) kak khudozhestvennoe tseloe”. *XVIII vek*. St. Petersburg, 2015. Issue 28, pp. 177–235. (In Russ.)
- Orlitskiĭ Yu.B. “Kholostye stroki v poezii Derzhavina”. *Derzhavin glazami XXI veka: (K 260-letiiu so dnia rozhdeniia G.R. Derzhavina)*, ed., comp. A.N. Pashkurov. Kazan', 2004, pp. 114–123. (In Russ.)
- Ostolopov N.F. *Slovar' drevnei i novoi poezii*. St. Petersburg., 1821. Ch. 1–3. (In Russ.)
- Stikhotvoreniiie Anakreona Tiiskogo*, transl. **** * [N.A. L'vov]. St. Petersburg, 1794. 44 + 289 p. (In Russ.)
- Vishnevsky K.D. “Ruskaia metrika XVIII veka”. *Voprosy literatury XVIII veka*. Penza, 1972, pp. 129–259 (ser. “Riazanskiy gos. ped. institut; Penzenskiy gos. ped. institut. Uchenye zapiski”, vol. 123). (In Russ.)
- Западов В.А. “Последняя часть *Rassuzhdeniia o liricheskoi poezii* G.R. Derzhavina”. XVIII vek. Issue. 16: “Itogi i problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka”. Leningrad, 1989, pp. 289–318. (In Russ.)

**“Anacreontic Songs” by G.R. Derzhavin and
the Eighteenth Century Russian Anacreontic Ode**

Konstantin Lappo-Danilevsky

Abstract: The article is devoted to the poetics of G.R. Derzhavin’s *Anacreontic Songs* (1804), the only book of poems published during his lifetime that was composed according to the generic and thematic principle. *Anacreontic Songs* is analyzed against the background of the Eighteenth century Russian Anacreontic tradition with its two varieties of the odic canon — Lomonosov’s and Sumarokov’s odes that defined the metrics of the Russian Anacreontic odes. A special emphasis is laid on the enrichment of Derzhavin’s metrics and topics through Anacreontic poetry.

Ключевые слова: Eighteenth century Russian literature, Anacreontic poetry, history of the Russian verse, G.R. Derzhavin’s poetics, classical antiquity in Russia

Information about the author: Konstantin Yu. Lappo-Danilevsky, Doctor Hab. of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: litfact@gmail.com

Неизвестный отзыв П.В. Анненкова о комедии А.А. Потехина «Отрезанный ломоть»¹

К.Ю. Зубков, А.С. Перникова

Аннотация: В работе публикуется и комментируется ранее неизвестный отзыв П.В. Анненкова на комедию А.А. Потехина «Отрезанный ломоть», написанный критиком по заказу Академии наук в 1866 г. Пьеса Потехина была подана для участия в конкурсе наград графа Уварова — ежегодной литературной премии, которую вручала специальная комиссия при Академии наук. Отзыв Анненкова представляет интерес и как подробный разбор популярной пьесы, написанный одним из наиболее известных критиков своего времени, и как эпизод из истории премии: Анненков (а также и многие другие эксперты) исходил из очень строгих требований, определенных эстетическими теориями середины XIX в. и мало согласовавшихся с реальностью русской сцены этого периода.

Ключевые слова: литературная критика, драматургия, литературные премии, П.В. Анненков, А.А. Потехин.

Сведения об авторах: Кирилл Юрьевич Зубков; к.ф.н., м.н.с. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Анастасия Сергеевна Перникова; магистрант Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: anastasya_pernikova@list.ru.

Уваровская премия была учреждена в 1856 г. А.С. Уваровым в память о его отце С.С. Уварове. Премия вручалась в двух номинациях: за историческое исследование и за драматическое произведение. Последний конкурс пьес прошел в 1876 г. За этот период специальная комиссия при Академии наук рассмотрела около 100 драматических произведений². В первое десятилетие существования премии члены комиссии не только сами оценивали пьесы, но и об-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК–2628.2017.6).

² Неточный список см.: *Хартанович М.Ф.* Награды графа Уварова в Императорской Академии наук // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков. СПб., 2010. С. 328–330.

ращались к сторонним рецензентам. Практически все отзывы, написанные этими рецензентами, сохранились в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Многие из экспертных отзывов фактически представляют собою развернутые литературно-критические выступления, авторы которых подробно разбирают заказанные им Академией произведения. Эти отзывы очень значимы как для изучения рецепции участвовавших в конкурсе пьес, так и для понимания литературной деятельности самих экспертов, которые в большинстве своем были известными критиками и учеными. В нашей работе публикуется ранее неизвестный отзыв П.В. Анненкова на пьесу А.А. Потехина «Отрезанный ломоть», написанный во время работы премии.

Романист, очеркист и драматург Алексей Антипович Потехин (1829–1908) участвовал в уваровском конкурсе несколько раз. В 1858 г. он подал на премию пьесу «Мишура» (рецензентами были И.И. Давыдов и С.П. Шевырев), в 1866 г. — «Отрезанный ломоть», которую и рецензировал Анненков. Далее Потехин предлагал на премию свои новые пьесы с впечатляющей регулярностью: в 1868 г. — «Виноватая», в 1869 г. — «Рыцари нашего времени», в 1870 г. — «Вакантное место»³. Все эти произведения рецензировал А.В. Никитенко, который в последние годы существования премии единолично писал отзывы на все представленные на конкурс произведения. Уваровской премии Потехин так и не получил.

Павел Васильевич Анненков (1812/1813–1887), известный критик и историк литературы, неоднократно привлекался в качестве эксперта. Впервые он был приглашен оценивать пьесы в 1861 г., когда непрременный секретарь Академии и председатель комиссии по вручению премий К.С. Веселовский в письме от 13 марта предложил ему рассмотреть пьесу П.Д. Боборыкина «Ребенок»⁴. Привлечь Анненкова в качестве эксперта посоветовал А.Д. Галахов, который первоначально должен был рецензировать пьесу и отказался по недостатку свободного времени⁵. Развернутый отзыв Анненкова на пьесу Боборыкина принес рецензенту специальную медаль, которой награждались наиболее впечатлившие комиссию эксперты и которая предполагала денежную премию в размере 500 рублей⁶. Второй отзыв Анненкова, написанный по поручению Академии наук, посвящен драме А.Н. Островского «Грех да беда на кого не живет». На основании отзывов Анненкова и Никитенко драме была

³ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1858. № 2. Л. 21; Оп. 1–1868. № 2. Л. 14; Оп. 1–1869. № 2. Л. 29 об.; Оп. 1–1870. № 2. Л. 28.

⁴ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1861. № 2. Л. 19.

⁵ См.: Там же. Л. 18.

⁶ См.: Там же. Л. 5 об.

присуждена Уваровская премия. Сам отзыв был опубликован⁷. В том же году Анненков дал очень краткое негативное заключение о комедии Н.И. и Н.Н. Куликовых «Семейные расчеты» (подробно ее рассматривать критик не считал нужным)⁸, а в следующем — так же немногословно оценил три пьесы А.А. Шапошникова: «Ложное положение», «Ложный взгляд» и «Неровный брак»⁹. Наконец, последний отзыв Анненкова посвящен пьесе Потехина и публикуется в настоящей статье.

Относительной популярности Анненкова в качестве эксперта способствовали разные факторы: во-первых, Анненков относился к своим обязанностям с неизменным вниманием и писал обоснованные отзывы, во-вторых, он был связан с Академией наук, активно публикуясь в академических «Санкт-Петербургских ведомостях», в-третьих, судя по всему, определенную роль могло сыграть участие Анненкова в Обществе помощи нуждающимся литераторам и ученым, в секретари которого он был избран как раз в марте 1861 г., то есть тогда же, когда его впервые пригласили на роль эксперта¹⁰. Анненков был не просто литературным критиком, но и членом писательской организации, через которую Академия могла апеллировать сразу ко всему литературному сообществу.

Десятый Уваровский конкурс был открыт 8 октября 1865 года, на соискание премии было подано 8 пьес. Помимо пьес Потехина и Писемского («Екатерининские орлы»), в конкурсе участвовали трагедия А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», историческая пьеса А.Н. Островского «Воевода», «Слобода Неволья» Д.В. Аверкиева, «Артемий Петрович Волынский» и «Эмансипированная девушка» А.В. Тимофеева и «Песнь о рубашке» К.И. Попова. В заседании комиссии от 14 февраля 1866 г. они были распределены по рецензентам со сроком предоставления отзыва к 1 июня 1866 г.¹¹ 15 февраля Анненков в письме к Веселовскому выразил согласие написать разбор¹². Отзыв Анненкова на пьесу был прислан в сопровождении другого письма к Веселовскому, датированного 30 апреля. Анненков извинялся перед секретарем академии: «...по непредвиденно-скорому отъезду из города, я не успел перебеливать рукопись...»¹³. Рукопись отзыва хранится в том же архивном деле, что и переписка

⁷ См.: Отчет о шестом присуждении наград графа Уварова... СПб., 1863. С. 32–39.

⁸ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1863. № 2. Л. 42.

⁹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1864. № 2. Л. 31–32.

¹⁰ См. его письмо к Тургеневу от 25 марта (6 апреля): *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. СПб., 2005. С. 104.

¹¹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1866. № 2. Л. 19–21.

¹² См.: Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 33.

с Веселовским, и действительно содержит значительное количество авторской правки. На основании отзыва комиссия постановила не присуждать премию Потехину; впрочем, остальные участники конкурса также не были удостоены награды.

Сатирическая комедия Потехина «Отрезанный ломоть» для Анненкова связана в первую очередь с проблемой осмысления «публицистической» литературы — вопросом, часто поднимавшимся в статьях Анненкова 1860-х гг. В целом критик относился к литературным произведениям такого рода резко негативно. Анненков осуждал Потехина за искажение художественной правды в пользу предвзятых идей еще в 1854 г., в статье «Романы и рассказы из простонародного быта», где литературная манера Потехина — автора романа «Крестьянка» и очерка «Тит Софронов Козонок» характеризуется так: «Он собственно не развивает характеров художнически, как г. Григорович, а скорее описывает их со стороны, как делает, например, составитель каталога в картинной галерее или размышляющий библиограф при реестре книжных драгоценностей»¹⁴. О пьесе «Отрезанный ломоть» Анненков в резких тонах отозвался сразу после ее постановки в письме к Тургеневу от 19 (31) октября 1865 г.:

В театр русский цивилизация настоящей недели тоже пробралась и притом с дозволения III Отделения. Между тем как чудный, поэтический «Воевода» Островского хлопнулся, что называется, со всех ног, комедия Потехина «Отрезанный ломоть», тупоумная, ребяческая попытка, — производит здесь в Петербурге бешенство восторга единственно за то, что сын ругает что ни на есть хуже мерзейшего отца, а дочь то же делает с пустейшей матерью и вместе покровительствуют крестьянам, прося их надевать шапки в их присутствии. Потехин — герой дня! Потехин — первоклассная звезда! Нельзя удержаться от восклицательных знаков¹⁵.

В своих статьях, однако, Анненков придерживался намного более взвешенных и корректных формулировок. «Публицистическая» литература для него была не просто негативным явлением с эстетической точки зрения, но и характерным признаком современного развития литературы, заслуживающим пристального внимания критики. Так, в статье «Современная русская история в романе И.С. Тургенева “Дым”» Анненков высоко оценил сатирические фрагменты романа, написанные «непосредственно с натуры», чтобы «не упустить резкие черты жизненной правды»¹⁶. В то же время критик об-

¹⁴ Анненков П.В. Романы и рассказы из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 365–366.

¹⁵ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. С. 178.

¹⁶ Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отд. 2. СПб.: 1879. С. 345. Ср. об отходе Анненкова от собственных

ращал внимание на опасность такого подхода к литературе. Именно тенденциозность и порождаемое ею стремление к «эффектам» стали причинами, по которым он невысоко оценивал пьесу Толстого «Смерть Иоанна Грозного», пользовавшуюся почти всеобщей симпатией критиков-современников и также участвовавшую в Уваровском конкурсе 1866 г.: «Мы [...] весьма склонны думать, основываясь на самой односторонности этого эффектного изображения, что поучение в уме автора “Смерти Иоанна Грозного” было заготовлено ранее самого ядра драмы, что последняя скорее возникла из поучительных целей, чем из прямого созерцания эпохи и истории»¹⁷.

Сложное отношение Анненкова к тенденциозной литературе особенно ярко проявилось в его отзывах на пьесы А.Ф. Писемского 1860-х гг. С одной стороны, Анненков очень резко высказывался о них в том же письме к Тургеневу от 19 (31) октября 1865 г.: «Если бы Аниса Буржуа сошел с ума, да нарезался бы опиумом, да часа два продержали бы его на дыбе — и тот не написал бы того, чем разразился этот несчастный, смешавший трагический элемент с кабацкими преступлениями. И притом все эти ужасы переданы без развития, без характеров, без малейшего психологического объяснения...»¹⁸. С другой стороны, самому Писемскому отношение Анненкова к его произведениям казалось доброжелательным: в конце 1865 г. он просил К.С. Веселовского пригласить именно Анненкова рецензировать свою пьесу «Екатерининские орлы», участвовавшую в Уваровском конкурсе того же года, что и «Отрезанный ломоть»¹⁹.

обычных критических принципов в этой статье: *Панова Л.К.* П.В. Анненков о жанровой специфике романе И.С. Тургенева // *Художественный текст и литературный жанр: Межвузовский научно-тематический сборник*. Махачкала, 1980. С. 115–118; *Ермилова Г.Г., Тихомиров В.В.* П.В. Анненков — литературный критик // *Русская литература*. 1995. № 4. С. 47.

¹⁷ *Анненков П.В.* Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отд. 2. С. 335.

¹⁸ *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. С. 177. Точно установить все пьесы, о которых идет речь, затруднительно, если учитывать плодovitость Писемского-драматурга этого периода и сложную творческую историю его сочинений. Определенно имеются в виду драма «Бывшие соколы» и, видимо, «Екатерининские орлы». Анисе-Буржуа (Anicet-Bourgeois; 1806–1871) — плодovitый французский драматург. Отзыв о его пьесах Анненков дал в одном из фельетонов, вошедших в цикл «Парижские письма» (см.: *Анненков П.В.* Парижские письма. М., 1983. С. 107).

¹⁹ См. письмо от 3 декабря: *Писемский А.Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 192–193. Ср. в письме к Тургеневу от 8 мая 1866 г.: «...я написал одну трагедию, другую, третью, четвертую [...] один только Павел Васильич Анненков не отпихнул меня от себя и не ругал уж наповал мои произведения...» (Там же. С. 203–204).

Просьба Писемского не была удовлетворена: его пьесу рецензировал Никитенко.

Чтобы понять специфику позиции Анненкова, можно сопоставить ее именно с точкой зрения Никитенко, высказанной в его отзыве на пьесу Потехина. Это сопоставление интересно по двум причинам: во-первых, Никитенко был бессменным и наиболее активным членом комиссии, вручавшей Уваровские премии; во-вторых, его отзыв — единственная серьезная попытка литературно-критического разбора пьесы Потехина, опубликованная в русской прессе. Отзыв Никитенко был резко критическим: по его мнению, пьеса Потехина вообще не заслуживает серьезного обсуждения. Опубликованная в некрасовском «Современнике»²⁰, она воспринимается критиком как наивная апология «новых людей». На этом фоне рецензия Анненкова отличается сдержанностью и попытками обратить внимание не только на недостатки, но и на достоинства разбираемого произведения: критик даже защищает Потехина от упреков Никитенко, сомневавшегося, по Анненкову, в том, что «намерения автора были вполне честны и чисты». Никитенко завершает свой разбор резким заявлением: «По своей основной идее, она [комедия] угрожает той части публики, которая читает ли что-либо, видит ли на сцене, всегда руководствуется в своем одобрении и неодобрении заднею мыслию...»²¹.

Более интересны, впрочем, параллели между позициями Анненкова и Никитенко. Оба они связывали недостатки «Отрезанного ломтя» с театральной природой этого произведения. Никитенко в своей рецензии прямо противопоставил «театр» и «поэзию»: появляющаяся на сцене пьеса, по его мнению, далеко не обязательно должна быть успешной, и именно критик обязан восстановить справедливость:

...самая цель, понятая автором так, как она у него представляется, не включает в себе драмы. Для ней достаточно было небольшого рассказа, или картины. Это и есть картина. Но в таком случае, зачем же он дал ей название комедии? Чтобы представить ее на театре? Но мало ли чего представляют на театре? Драматический поэт обязан ответственностию не перед одним театром, но и перед поэзией?²²

Анненков также отмечал, что «шумный успех на сцене» пьесы Потехина был результатом авторской «вины перед публикой»: художественная слабость произведения оказалась причиной его популярности на сцене.

²⁰ Потехин А.А. Отрезанный ломоть // Современник. 1865. № 10. С. 473–544.

²¹ Никитенко А.В. Три литературно-критических очерка. СПб., 1866. С. 37.

²² Там же. С. 36.

Таким образом, и Анненков, и Никитенко последовательно разделяли сценический успех пьесы и ее художественный уровень; более того, с их точки зрения, критерии сценичности и художественные достоинства оказались мало связаны. Отчасти такая позиция объясняется необходимостью как-то отреагировать на популярность комедии Потехина, с большим успехом шедшей на столичной сцене с 22 сентября по 1 ноября 1865 г.²³ Но здесь была и более глубокая причина. Еще в 1840-е гг. для русских литераторов серьезную проблему представлял вопрос: действительно ли «...драматургия — особая часть словесности, определяемая законами театра не в меньшей степени, чем законами литературы»²⁴. Начиная с 1850-х гг., благодаря усилиям Островского, Писемского и самого Потехина новые пьесы часто обсуждались серьезной литературной критикой на равных правах с повестями и романами. Однако значительный пласт словесности так и оставался сугубо сценическим: пьесы П.А. Каратыгина, Н.И. Куликова и мн. др. авторов ставились на сцене и имели успех, но не только не попадали в сферу внимания литературной критики, но и вообще редко печатались.

Комиссия по вручению Уваровской премии и приглашенные ею эксперты должны были сделать выбор, какими критериями по преимуществу следует руководствоваться при оценке поступивших на конкурс пьес, в особенности тех, что имели успех до выдвижения на конкурс. В целом, решение членов комиссии было однозначным: пьесы нужно было судить по сугубо литературным достоинствам, по возможности не принимая в расчет такие проблемы, как их сценичность, успех у публики и т. п. Очень показательно, что Потехин, подавая свои пьесы на премию, пытался апеллировать именно к постановкам своих сочинений²⁵, однако так ни разу и не удостоился награды, причем в отзывах на его произведения на вид ему раз за разом ставилось их несоответствие эстетическим критериям, на которых основывается жанр драмы. Так, тот же Никитенко в 1870 г. писал о комедии «Вакантное место»: «Для того чтобы быть драмой, ей недостает двух главных качеств — действия и тех страданий, предначертаний, усилий человеческой воли для достижения какой-либо определенной цели, из коих образуются драма-

²³ См.: История русского драматического театра: В 7 т. Т. 5: 1862–1881. М., 1980. С. 490. Дальнейшие постановки были запрещены драматической цензурой.

²⁴ Федотов А.С. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. С. 145.

²⁵ См. письмо к К.С. Веселовскому от 13 декабря 1867 г., где Потехин, посылая на рассмотрение свою очередную комедию «Виноватая», обращает внимание на то, что премьера пьесы уже состоялась (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1868. № 2. Л. 14).

тические характеры»²⁶. Отрицая драматические достоинства пьес Потехина, рецензент даже не пытался учесть позицию театральной публики его времени.

Итак, отзыв Анненкова, с одной стороны, представляет собою проницательную попытку одного из крупных русских критиков середины XIX века охарактеризовать тенденциозную драматургию в контексте современного исторического процесса и должен учитываться исследователями литературы и критики этого периода. С другой стороны, рецензия Анненкова показательна как эпизод из истории Уваровской премии, которая, хотя и предназначалась для драматургов, фактически была исключительно литературной: Анненков, как и большинство других экспертов, почти не принимал в расчет сценической специфики рецензируемого произведения. Награда за драмы неслучайно вручалась всего 4 раза (за «Грозу» Островского и «Горькую судьбину» Писемского в 1860 г., за «Грех да беда на кого не живет» Островского в 1863 г. и за «Разоренное гнездо» Д.И. Минаева в 1874 г.): поступившие на конкурс пьесы рецензировались таким образом, что большинство из них не могло пройти отбор просто в силу избранных комиссией и экспертами критериев.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1870. № 2. Л. 77.

ПРИЛОЖЕНИЕ

П.В. Анненков

**«Отрезанный ломоть». Комедия в четырех действиях
Алексея Потехина**

Рассказать содержание новой комедии г. А. Потехина значит отчасти определить и ее литературное значение. Дело тут вот в чем. Крестьянская наша реформа застаёт старого помещика-деспота Хазиперова в дурную минуту; она, ненавистная реформа¹ эта, вызывает еще и протест против насилий патриархальной власти в собственном его семействе. Впрочем, протест таился в нем и прежде¹. Сын Хазиперова уже давно покинул отцовский кров, разорвав все сношения с отцом и купив свою свободу ценою отречения от семейной помощи и поддержки. В доме Хазиперова оставалась жена, старуха Марья Васильевна, доведенная им рядом притеснений почти до идиотизма^{II}, и дочь Наташа, которую он воспитал в благоговейном уважении к родительскому авторитету, употребив для этого бедную, ограниченную и запуганную ее мать. Оградив таким образом свое спокойствие (на сына он уже махнул рукой), Хазиперов спокойно предавался всем своим животным инстинктам, нагло держал в доме любовницу, подлую немку Каролину Ивановну, требуя от домашних подобострастного уважения к ее особе, мучил и притеснял крестьян и проч., когда прогремел знаменитый указ 1861 года. Несмотря на все меры, возвещавшие о близости и неминучести его появления, Хазиперов, как оказывается из комедии, нисколько к нему не приготовился; мало того, из комедии оказывается также, что он намерен сопротивляться ему прямо и открыто. Крестьянская реформа является перед ним в лице молодого, скромного и настойчивого посредника Демкина, сына умершего взяточника-дельца, и этот Демкин, отродье подьячества, требует теперь уважения к правам человека во имя закона. Хазиперов попрекает его рождением от старого плута, угощает его шутовской сценой с дворовым мальчишкой, наученным болтать нелепые фразы о равенстве^{III}, и вообще оказывает сопротивление его требованиям, но совсем не в том виде, как выразилось у нас сопротивление реформе вообще, а в том дерзком, наглom виде, какой нужен для^{IV} сценического эффекта

^I *Вместо:* в собственном [...] и прежде — *было:* который, однако ж, и до нее таился в недрах его семейства.

^{II} *Вместо:* почти до идиотизма — *было:* до безгласного состояния измученной жертвы.

^{III} *Вместо:* нелепые фразы о равенстве — *было:* либеральные пустяки.

^{IV} *Далее вычеркнуто:* сомнительного.

и какой в жизни мог только явиться редким, чудовищным исключением¹. Демкин не ограничивается, однако ж, укрощением этого зверя мерами закона; он еще влюбляется в Наташу, и ко всем оскорблениям, которые невольно наносит Хазиперову исполнением своих посреднических обязанностей, присоединяет новое и самое чувствительное оскорбление: он просится прямо в родню к смиренному им деспоту. Окончательно выведенный из себя, Хазиперов выгоняет из дома посредника, укоряет и оскорбляет дочь, разрешается проклятиями на жену, ни в чем не повинную, и наконец препоручает весь свой дом и наблюдение за домашними — подлой немке Каролине Ивановне.

Борьба таким образом завязывается. Наташа, конечно, не вольна полюбить Демкина за одну золотую цепь, им носимую², а полагать надо — полюбила его скорее за гуманный образ мыслей, за великодушное отношение^{III} к людям, которое открыло ей совершенно^{III} новый мир идей и правил. Когда разразилась гроза в дому, она — эта робкая, ни к чему не приготовленная девушка^{IV}, сохраняющая целиком все представления и догм<ы>, которые были внушены ей с детства, и еще ужасающаяся отцовского проклятия, как небесной кары, устраивает тайное свидание с Демкиным и просит у него совета. Вместо совета и ободрения она получает от него непреклонную дилемму такого странного содержания, что в уме читателя возникает сомнение относительно гуманных качеств посредника. Демкин предлагает ей на выбор: или покинуть безнравственного отца и бежать из дома к свободе с ним, Демкиным, об руку, или оставаться на месте до тех пор, пока не отделается от всех своих нелепых семейных предрассудков, пока не воспитает в себе мужества для разрыва с своими верованиями: «Если вы не в силах будете переделать себя, — говорит Демкин, — и сделаться самостоятельной, если вы надломлены уже до такой степени, что в состоянии будете поработить себя капризной воле отца — тогда мы разойдемся. Это будет служить доказательством или вашей слабой любви ко мне, или вашей исключительной способности на одну только рабскую покорность, а ни того, ни другого я не хотел бы видеть в жене моей» (дейст. 2, явл. IV). Это спартанское внушение, избобличающее в Демкине прежде всего неспособность понять психическое состояние невесты, а потом неспособность быть ей руководителем вообще на жизненном пути, остается, к счастью, без последствий. Хороша была бы невеста в самом деле, если бы тотчас

¹ *Далее вычеркнуто:* Провинности Демкина перед старым деспотом еще не ограничиваются посредническими обязанностями; укрощая этого зверя путем закон.

^{II} *Вместо:* великодушное отношение — *было:* проповедь, надежду достичь.

^{III} *Вместо:* открыло ей совершенно — *было:* посеяло в ней надежду.

^{IV} *Далее вычеркнуто:* еще не отделавшаяся ни от [всех] одного из.

последовала внушению, и хорош был бы Демкин в глазах читателя, если бы почел себя очастливленным, получив немедленное согласие на свое предложение. Все остается, таким образом, по-старому, разве с одной только прибавкой. Демкин, получивший же оскорбление от Хазиперова, считает еще себя обманутым и оскорбленным в любви. Но по какому праву приписывает он себе страдание непонятого и обиженного человека в его душевных привязанностях, для нас не совсем ясно. Разве мы видели у него что-либо похожее на старанье воспитать мысль в любимой девушке, на нежную, заботливую обработку ее ума для того, чтоб открыть его к приему новых, разумных оснований, или по крайней мере таких, которые ему кажутся разумными, на усилие обеспечить ей разрешение вопросов, смущающих ее совесть? Читатель ничего подобного не видит. Вместо всего этого ему показывают только *меру*, придуманную Демкиным, меру, правда, очень практическую и радикальную¹, но отвергнуть грубую, крутую меру еще не значит обнаружить свою неспособность к развитию вообще и не значит насмеяться над всеми надеждами и ожиданиями человека. Разрыв связей по случаю непринятия *меры* даже и по службе не всегда может быть оправдан.

После объяснения Демкина все надежды на помощь на устройство и на развязку этого дела возлагаются, как Наташей, так и ее матерью, на молодого Николая Хазиперова, прибытие которого в деревню они ожидают с нетерпением. Он наконец и является в их объятья — это именно «отрезанный ломоть» и есть. Ему предстоит дать исход остановившейся комедии и найти удовлетворительное решение семейному вопросу, всех занимающему: оказывается, что он не способен ни к тому, ни к другому. Посредник Демкин, несмотря на все свои суровые дилеммы, должен еще считаться образцом гуманности и благородства перед ним. На другой же день своего приезда он устраивает демократическую сцену с крестьянами и берется хлопотать об их нуждах и требованиях перед отцом, но начинает с того, что отца, уже взбешенного демократической сценой, приводит окончательно в безумное состояние своим требованием удалить из дома немку-любовницу, которую чуть не называет тварью. Сцена выходит чересчур живая: она^{II} кончается поползновением старого Хазиперова прибить сына и многозначительным напоминованием последнего — воздержаться, ибо он уже не ребенок! По этому образцу его искусства в устройстве дел крестьянских и покорения матери легко уж догадываться, как «отрезанный ломоть» устроит и дело сестры, но здесь уже все ожидания читателя остаются далеко ниже того, что оказалось на деле. «Отрезанный ломоть» в сущности предлагает сестре опять радикальную *меру* Демкина, то есть бегство из дома, но сопровождает мудрый совет выра-

^I *Вместо:* и радикальную — *было:* или решительную.

^{II} *Вместо:* Сцена [...] она — *было:* Невыносимая сцена эта.

жением такого цинического презрения ко всем ее сомнениям, такого каннибальского отвращения к страданиям ее совести и к степени ее развития, что наконец приводит в ужас и негодование даже и эту всеми запуганную девушку (дейст. 4, явл. III). Стоит только представить себе поотчетливее один наглый хохот, которым Отрезанный ломоть встречает известие о том, что сестра его еще боится отцовского проклятия — и вы поймете сущность этого характера, как он выражается в комедии. Это человек, находящий себе призвание в унижении другого, а не в преобразовании или поднятии его. Он приехал в деревню не для того, чтоб облегчать чьи-либо страдания или бороться с чьими-либо животными страстями; он приехал затем, чтоб одинаково позорить и те, и другие, чтобы в равной степени оскорблять притеснителей и притесняемых, потешиться одновременно над возникающим чувством человеческого права и сознания^I и над грубой властью, старающейся подавить их. Вот для чего сделал он длинный вояж из столицы и упал посреди комедии, начавшейся и кончившейся без него. Но, по крайней мере, аргументация Отрезанного ломтя носит, может быть, на себе признаки дикой силы и обнаруживает в нем нестерпимого, но даровитого^{II} софиста? Мы представляем здесь один образчик этой аргументации, который должен был, вероятно, по мнению учителя, окончательно освободить Наташу от ее понятий о долге, от сострадания к матери, лишаящейся в ней последней своей опоры, от страха за неправильный шаг в жизни, способный опозорить ее в собственных ее глазах: «Но подумай ты, — говорит молодой Хазиперов, — хоть о том, что вот мы двое, случайно встретившиеся, люди разной деятельности и, надеюсь, такие, в честности которых ты не сомневался, вот я — твой брат и он — твой жених, мы оба одинаково отвергаем то, что ты считаешь для себя каким-то святым долгом... Неужели это не заставит тебя поколебаться в твоих убеждениях и понять, что все, чему тебя здесь учили, во что ты привыкла бессознательно верить и чему так свято подчиняешься, есть ложь и обман, изобретенные самым суровым, всеподавляющим эгоизмом» (стр. 541). Какое скромное и вместе неотразимое доказательство правоты своих требований и убеждений. После^{III} этого изумительного аргумента становится ясно, почему Отрезанному ломтю нет никакой надобности и потребности вступать в дружелюбные сношения с людьми^{IV}, выслушивать и побеждать их возражения, щадить нежные струны их сердца и настраивать на новый лад их душу, беречь ее, как настоя-

^I *Вместо:* и сознания — *было:* на свободу и раз.

^{II} *Вместо:* и обнаруживает [...] даровитого — *было:* хотя и ложно направленной, но свидетельствующей [о] в нем замечательного бойца, но и.

^{III} *Вместо:* Какое скромное [...] После — *было:* Не более-не менее! Итак, после.

^{IV} *Вместо:* дружелюбные сношения с людьми — *было:* прения с низшими существами.

щий источник моральных преобразований¹. Весь этот кропотливый, заботливый и черный труд годен для обыкновенного человека, работающего вместе со всеми над собой и другими, но честный человек, сознавший себя выше других, потому что не понимает ничего кругом себя, может только требовать повиновения. Там^{II}, где нет повиновения, он подвигает людей к прогрессу оскорблением, презрением, циническим хохотом и поруганием всего их умственного и нравственного существа.

Из этого очерка легко заключить, что фигура молодого Хазиперова написана г. Потехиным очень ярко и выпукло; в приведенных строках мы выразили совсем не суждение о ее нравственном характере, а только впечатление, оставленное ею^{III} в уме читателя. Автор весьма тонко воспользовался и другой чертой этой фигуры. Подобно Демкину, молодой Хазиперов считает себя оскорбленным людьми. Он приходит в великое негодование, усматривая, что все сильные средства, употребляемые им для спасения ближних, ни к чему не приводят. Он ожесточается все более и более — по мере того, как яснее выказывается его неспособность справиться с задачей, которую принял он себя. Он останавливает следующими словами сестру, желающую именем матери удержать его от вторичного бегства из дома: «Прежде всего прошу тебя: пожалуйста, без громких фраз. Неужели ты ожидала, что я стану изъясняться перед тобой в нежности моих родственных чувств к вам? Кажется, мы уже давно отвыкли друг от друга, между нами нет ничего общего... а все эти нелепые родственные чувства есть не более, как результат привычки... Я вам совершенно чужой» и т. д. (стр. 534). Мало того: когда, по милости его, бедная, измученная сестра принимает уж на себя труд окончить это семейное дело, а с ним и комедию, когда ценою добровольного отречения от жениха, от Демкина, она очищает дом от негодной женщины, наполовину исправляет отца и действительно помогает матери, Николай Хазиперов находит и в этом акте отчаяния повод к убажанию себя... Он сперва хохочет, потом упрекает отца в неисцелимом жестокосердии, потом прибавляет в раздумье: «И для такого человека эта жертва приносится (*пожимает плечами*) Нет, я не понимаю вас... все в жертву одного человека... все... *Даровой, что ли, хлеб, праздная ли, беззаботная жизнь развивают в людях и такой эгоизм, и такое самоотречение... Нет, мне не ужиться с вами... Я чужой вам... Я отрезанный*

^I *Вместо:* их душу [...] преобразований — *было:* бояться, как огня, опасности оборвать их во все.

^{II} *Вместо:* человека [...] Там — *было:* моралиста, но честный человек, находящийся в обладании полной истины, может требовать только полного повиновения. Там.

^{III} *Вместо:* оставленное ею — *было:* остающееся неизбежно.

ломоть». Очень хорошо,¹ да только невольно приходит на мысль спросить эту олицетворенную гордость и это самоуслаждение: разве достаточно назвать себя отрезанным ломтем, человеком иного мира или чем-либо тому подобным, чтоб заставить простить себе вопиющую грубость чувства, совершенное непонимание явлений жизни и резкость приемов при беспомощном неумении справиться с какой-либо мало-мальски серьезной задачей, требующей благоразумия, размышления и настойчивости. Последней сценой автор дорисовал вполне образ молодого Хазиперова, хотя и в обыкновенной своей несколько грубой и резкой манере, без всяких теней и тусклых красок. —

Но здесь именно и возникает весьма существенный вопрос, от которого зависит в значительной степени и определение смысла^{II} комедии. Спрашивается именно — как сам автор или, что все равно, комедия его относятся к характеру выводимого Н. Хазиперова, Отрезанного ломтя, ими выведенного. Мы, к сожалению, должны сказать, что они просто никак не относятся к собственному своему созданию. Это большая ошибка, чтоб не сказать вина, перед публикой, часть которой, благодаря неуместной воздержности^{III} автора, приняла изображение Хазиперова *junior* за тип, выставленный на удивление и подражание, что, с одной стороны, доставило комедии весьма шумный успех на сцене, а с другой, навлекло ей горькие и незаслуженные порицания. При спокойном чтении и разборе произведения такого рода недоразумений быть не может, но дурно то, что при этом нельзя же отыскать и намерений писцы, основной мысли, из которой она возникла. Что хочет или хотела она сказать — остается тайной до последнего ее слова. Тут есть, конечно, своего рода выгода для автора, который, дозволив каждому толковать комедию по-своему, приобретает тем самым столько друзей, сколько есть мнений и его произведений, но эта выгода далеко не та, на которую вправе рассчитывать художнический талант. Хладнокровным, беспристрастным, объективным представлением лиц и предметов оправдаться при этом, кажется нам, нет никакой возможности. Права объективного представления не могут простираются до того, чтоб на создание лиц, которые, после долгого действия, разрешаются в неизвестную величину и ничего другого не оставляют за собой, кроме недоумения. Границы так называемого бесстрастного, объективного отношения писателя к своим созданиям, в сущности, не так обширны, как полагают или полагали многие. Никогда и нигде не освобождался он от обязанности определить *нравственный смысл* данного характера, данной физиономии, известно-

^I *Вместо*: Очень хорошо — *было*: Прелестно. — Пожалуй, и так.

^{II} *Вместо*: определение смысла — *было*: внутреннее значение.

^{III} *Вместо*: воздержности — *было*: скрытности.

го поступка, как бы велики ни были его усилия уравнивать свет и тени в своей картине или твердо держать весы художественного правосудия при изложении событий. Объективный писатель дает высказаться каждому явлению вполне, но вместе с тем, невольно и неизбежно, поясняет все то, что явление говорит собою и за себя. Но в комедии г. Потехина мы видим совсем не то. Автор ее, по всем признакам, сам не знает, что ему думать о главном характере, на котором движется его пьеса и от которого она получила свое название. Он выставил молодого Хазиперова напоказ, и, прибавим, выставил очень ярко, но при этом позабыл сказать, как он сам понимает¹ написанную им фигуру. Благодаря такому отсутствию взгляда на собственное дело, Отрезанный ломоть его мелькает перед глазами читателя, как флюгер. В разные мгновенья он показывается — то как новый вид грубого и дикого человека, ничем не отличающегося по натуре от своего безобразного первообраза — дурного помещика дофевральской эпохи, то как подобие карикатурной апофеозы некоторых псевдо-либеральных, мертвых и абстрактных^{II} учений, то, наконец, как выражение спутанных стремлений молодого общества к отысканию новых, лучших основ для жизни. На все это существуют намеки в комедии, но беда в том, что все они взаимно друг другом опровергаются. Автор никак не мог дойти до какого-либо заключения, и мы не знаем другой картины современных нравов, где бы в такой степени отсутствовал всякий луч сознательной оценки предмета, как здесь. Но из этого обстоятельства вытекают следующие немаловажные последствия. Так как автор утаил нравственный смысл своего произведения, предоставив отыскивать его всем и каждому, по личному их усмотрению, то комедия его может *нечаянно* встретиться с значительным успехом, как это действительно с ней и было, и так же *нечаянно* может встретиться с желчным, беспощадным осуждением, как это тоже с ней случилось, но в сущности она остается комедией без задуманной цели, без определенного намерения, а стало быть, и без вывода. Она может считаться как бы несуществующею, несмотря на иногда очень живые, характеристические и верные ее сцены. —

А между тем, не подлежит ни малейшему сомнению, что все намерения автора были вполне честны и чисты, в чем так несправедливо сомневались некоторые из его критиков³. Тут только мы видим художественную ошибку, а совсем не расчет на какие-либо примолкшие страсти или глухие направления, которым дается случай выказаться. Достоинство авторских побуждений открывается в его симпатиях ко всему слабому, осмеянному или пренебрегаемо-

¹ *Вместо*: но при этом позабыл сказать, как он сам понимает — *было*: причем для большего поражения глаз не соблюдена им и.

^{II} *Вместо*: абстрактных — *было*: аскетических.

му, начиная с крестьян и матери Хазиперова до Наташи, которую под конец он ставит выше всех ее советников, открывая в ее сердце и способности к самоотречению больше разума, чем в практических мерах, ей внушаемых.

Это не мешает, благодаря той же упомянутой нами ошибке, недоразумениям всякого рода, благоприятным и неблагоприятным для комедии, расти вместе с нею. К расположению недоразумений способствует немало и то обстоятельство, что самая тема комедии (преступление родительской власти и возникающий отсюда разбор ее прав) не есть простая жизненная тема, полученная автором прямо из непосредственного наблюдения общества и нравов, а скорее полемическая тема, добытая из знакомства его с современной публицистикой. Происхождение темы отразилось на ее исполнении. То, что мы называем жизненной темой, прямо и свободно полученной наблюдением, может, конечно, встретиться с вопросом публицистики, как и со всяким другим, и присоединить его к себе, но¹ богатство разнообразных данных и вообще содержания, которое ей свойственно, уже невольно держит читателя в границах истины и должной справедливости для всех лиц. Натура темы полемической или взятой из области публицистики гораздо своевольнее и воинственнее. Она уже требует от читателя резкого образа, требует представления неистовых сшибок между людьми и характерами для того, чтоб удержать перед светом свое значение; под опасением удержать настоящий смысл свой ей необходимо, чтоб автор, сделавшийся ее проводником в художественной литературе, постепенно и неуклонно отстранил всякую смягчающую и миролюбивую черту. Подобных тем полемического характера в известные эпохи общественного развития встречается очень много, и на них-то всего охотнее и кидаются второстепенные таланты, потому что для скорого и легкого успеха это самые благодарные темы. И во-первых, одна постановка вопроса составляет при этом почти половину всего дела, предпринятого автором, а другая половина заготовлена ему чужими руками, обработывавшими тему прежде него в публицистике. Таким образом, от автора почти ничего не требуется — ни соприкосновения с жизнью, ни особых усилий мысли, творчества и воображения: самого поверхностного наблюдения и нескольких ходячих типов тут уже за глаза достаточно. Мы не говорим еще о третьей премии, которую получает автор от выбора полемической темы:

¹ *Далее вычеркнуто:* 1) при разработке всяческих вопросов она одинаково дорожит всеми подробностями (*так!*) и существенные черточки; 2) она имеет еще свойство побуждать автора к отысканию таких подробностей и характерологических черт в явлениях, которые способны смягчить резкость и жгучесть всякого образа, либо богатство и разнообразие данных, которыми она владеет, не допускает автора побуждать.

большинство публики, предварительно ознакомившееся с нею, уже не затрудняется в понимании авторских целей и расположено относиться благосклонно к писателю, который дает ему случай тотчас же чувствовать себя *на высоте* предлагаемого вопроса. Между обоими устанавливаются дружелюбные отношения, как между старыми знакомцами, хорошо подготовленными к встрече, что не всегда случается с настоящими жизненными темами, полученными путем непосредственного созерцания общества. Те по большей части открывают мысли читателя совсем новым, неожиданным указаниям и требуют¹ усилий с его стороны для того, чтоб, по стопам разъясняющего их автора, додуматься до всего их содержания. В темах полемического свойства слишком тщательная литературная обработка даже и не желательна: она способна повредить успеху дела. Можно утверждать на основании верных данных и весьма убедительных примеров, что чем менее потрачено трудов на развитие такой темы, чем она ярче бросается в глаза своей наготой, тем положение автора перед значительным большинством публики выгоднее и прочнее: это доказывалось, между прочим, и теми совершенно *безыскусственными* драмами, которые, благодаря одному характеру своих задач, имели весьма значительный успех на нашей сцене. —

Нельзя скрыть, что резкое очертание характеров и положений, свойственное полемической драме, не чуждо и комедии г. Потехина. Она гораздо более криклива и шумна, чем убедительна. Помещик ее, старый Хазиперов, например, не носит на себе никаких признаков своего времени, не выказывает ни малейшей черты, которая напоминала бы об условиях существования, сделанных новыми обстоятельствами для подобных ему людей. Он прямо и начисто просится в олицетворение безграничной дикости, распутства и злобы, как будто они уже не приняли повсеместно маски лицемерия, смиренных жалоб и происков. Рисуя его, автор уже оставил в стороне все соображения о вновь народившихся идеях и порядках, под гнетом которых природные качества самодура должны были непременно видоизмениться, как, говорят, видоизменяется характер волка, когда он попадает в западню. Сама Наташа его не выросла еще до значения настоящего лица и тоже может назваться олицетворением одной стороны так называемого *женского* вопроса^{II 4}. Она чересчур занята толками о сущности родительской власти, слишком часто ставит тезисы о своем праве и долге, отчего самый подвиг самоотвержения, оказываемый ею, кажется в ней скорее

¹ *Вместо:* по большей части [...] требуют — *было:* непременно относятся к мысли читателя или зрителя и требуют.

^{II} *Вместо:* одной стороны так называемого *женского* вопроса — *было:* идеи о целях и средствах любящего женского сердца.

надуманным делом, чем естественным проявлением благородства ее природы. Она страдает несколько отвлеченно, гораздо более головой, чем сердцем. Она мыслитель-женщина и никак не может явиться просто женщиной, хотя автор и употребляет всевозможные меры для доставления ей этого почета. О брате ее Николае Хазиперове и говорить нечего: это символ известного общественного настроения, не обязанный иметь ничего свойственного отдельному, самостоятельному лицу. Свойство всех их как олицетворений оказывается в самой комедии рядом тех¹ резких, бездушных и беспощадных столкновений, какие могут встретиться только при борьбе общих мест, персонификаций и отвлеченностей, не наделенных живым организмом: ведь только миру живых, действительных существ доступно чувство меры и только там может возникнуть сомнение в правоте своего дела у каждого из борцов, и только там можно встретить людей, страдающих столько же от полученных ими ударов, сколько и от ударов, ими нанесенных. Главные лица комедии г. Потехина не испытывают ощущений подобного рода: они невыносимо-бесцеремонно обращаются друг с другом, как люди взаимно ничем не связанные на свете и только думающие, подобно животным различных пород, как бы осилить, пожрать и поглотить соперника. Драма и тут есть, как и во многих других примерах яростных битв органического царства, но это не та драма, которую выбирает обыкновенно искусство^{II}.

Всего замечательнее в настоящем случае то обстоятельство, что по многочисленным признакам, рассеянным в комедии г. Потехина, можно безошибочно заключить, что автор ее не только весьма умный, но и весьма опытный, *бывалый*, как говорится, человек, которому нельзя отказать также и в значительной доле литературного таланта. Действительно стоит только вспомнить сцены с крестьянами у мирового посредника, превосходный характер няни, ее разговор с Отрезанным ломтем на дворе боярского дома, составляющий, может быть, лучшее явление во всей комедии, чтобы признать за г. Потехиным не один талант легкого наблюдения, но и талант глубокого проникновения в настоящую, реальную жизнь народа. Ловкость, с которой ведется вся комедия, также не может быть оставлена без внимания. Что же помешало автору с помощью этих качеств достичь гораздо более важных результатов, чем какие теперь находятся у нас налицо? Повторяем — выбор полемической

^I *Вместо*: известного [...] рядом тех — *было*: расписанный весьма яркими красками. Когда все эти олицетворения приходят в движение и сталкиваются в комедии, то уже весьма естественно ожидать от них.

^{II} *Вместо*: как и во многих [...] искусство — *было*: но это драма города, отданного на грабеж и поругание после штурма: есть охотники любоваться и подобным зрелищем!

темы из области публицистики и подчиненное отношение автора к этой теме. Таких произведений *несвободного* творчества мы имеем, как сказали, очень много на нашей сцене, но все они до такой степени слабы по исполнению, ничтожны в подробностях и скудны талантом, что говорить о них можно только вскользь или по обязанности. Здесь совсем не то. Значительные средства, находящиеся в обладании у г. Потехина, привели его к тому, что он создал в этом фальшивом роде — нечто выходящее из уровня обыкновенной домашней нашей драматургии и обратившее на себя внимание. Присматриваясь ближе к его произведению, можно назвать комедию «Отрезанный ломоть» просто *шеф-дёвром* той драматической литературы, которая почерпает свои вдохновения не прямо в обществе и жизни, а в отражении их, производимом различными толками и воззрениями¹. Мы даже пришли к убеждению, что пройдет еще очень много времени, прежде чем явится драма, которая отобьет у «Отрезанного ломтя» честь быть представителем и высоким образцом произведений, основанных на этих началах^{II}. Качество своего рода шеф-дёвра и заставило нас остановиться на комедии г. А. Потехина подолее и рассмотреть ее здесь с некоторой подробностью. —

П. Анненков.

Печатается по автографу: СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1866. № 2. Л. 44–51 об. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Подчеркнутые Анненковым слова и выражения выделены курсивом. Наиболее значимые варианты автографа приводятся в сносках. Отзыв датируется концом апреля 1866 г. по дате сопровождающего его письма.

¹ В пьесе Потехина описывается реакция героев на известие об отмене крепостного права. Анненков, как и большинство литераторов его круга, воспринял это событие как поворотный момент в истории России (см. развернутые отзывы об объявлении реформы и реакции на нее: *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. С. 101–109).

² Золотая цепь была знаком положения мирового посредника.

³ Речь идет о негативном отзыве А.В. Никитенко на пьесу Потехина (см. выше).

⁴ Обсуждение проблем эмансипации женщин, в России особенно активизировавшееся после цикла статей М.И. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860).

^I *Вместо:* отражении их [...] воззрениями — *было:* толках и воззрениях кружков на то и другое.

^{II} *Вместо:* этих началах — *было:* ходячих представлениях русского быта, как журнальных и установленном его понимании той или другой школой.

Литература

- Анненков П.В.* Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок. Отд. 2. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1879. VII, 404 с.
- Анненков П.В.* Парижские письма / Изд. подг. И.Н. Конобеевская. М.: Наука, 1983. 608 с. (Литературные памятники).
- Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874 / Изд. подг. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб.: Наука, 2005. 532 с. (Литературные памятники)
- Анненков П.В.* Романы и рассказы из проstonародного быта // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подгот. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков, А.С. Федотов. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 360–385.
- Ермилова Г.Г.*, *Тихомиров В.В.* П.В. Анненков — литературный критик // Русская литература. 1995. № 4. С. 27–49.
- История русского драматического театра: В 7 т. Т. 5: 1862–1881. М.: Искусство, 1980. 552 с.
- Никитенко А.В.* Три литературно-критических очерка. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1866. 81 с.
- Панова Л.К.* П.В. Анненков о жанровой специфике романа И.С. Тургенева // Художественный текст и литературный жанр: Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала: Дагестанский университет, 1980. С. 108–120.
- Писемский А.Ф.* Письма / Подг. текста и коммент. М.К. Клемана, А.П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. VIII, 925 с.
- Потехин А.А.* Отрезанный ломоть // Современник. 1865. № 10. С. 473–544.
- Федотов А.С.* Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu: University of Tartu Press, 2016. 178 с.
- Хартанович М.Ф.* Награды графа Уварова в Императорской Академии наук // Академия наук в истории культуры России XVIII–XIX веков / Отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб.: Наука, 2010. С. 312–334.

References

- Annenkov P.V. *Vospominaniya i kriticheskiye ocherki. Sobraniye statey i zametok.* Otd. 2. St. Peterburg, Tip. M. Stasyulevicha publ., 1879. VII, 404 p. (In Russ.)
- Annenkov P.V. *Parizhskkiye pis'ma*, ed. I.N. Konobeyevskaya. Moscow, Nauka publ., 1983. 608 p. (In Russ.)
- Annenkov P.V. *Pis'ma k I.S. Turgenevu.* Book. 1, 1852–1874, ed.. N. N. Mostovskaya, N. G. Zhekulin. St. Petersburg, Nauka publ., 2005. 532 p. (In Russ.)
- Annenkov P.V. “Romany I rassказы iz prostonarodnogo byta”, «*Sovremennik*» protiv «*Moskvityanina*». *Literaturno-kriticheskaya polemika pervoy poloviny 1850-kh godov*, ed. A.V. Vdovin, K.YU. Zubkov, A.S. Fedotov. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2015, pp. 360–385. (In Russ.)
- Fedotov A.S. *Russkiy teatral'nyy zhurnal v kul'turnom kontekste 1840-kh godov.* Tartu, University of Tartu Press, 2016. 178 p. (In Russ.)
- Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra:* in 7 vols. Vol. 5: 1862–1881. Moscow, Iskusstvo publ., 1980. 552 p. (In Russ.)
- Khartanovich M.F. “Nagrady grafa Uvarova v Imperatorskoy Akademii nauk”. *Akademiya nauk v istorii kul'tury Rossii XVIII-XIX vekov*, ed. Zh. I. Alferov. St. Petersburg, Nauka publ., 2010, pp. 312–334. (In Russ.)
- Nikitenko A.V. *Tri literaturno-kriticheskikh ocherka.* St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy akademii nauk publ., 1866. 81p. (In Russ.)

Panova L.K. P.V. "Annenkov o zhanrovoy spetsifike romana I.S. Turgeneva". *Khudozhestvennyy tekst i literaturnyy zhanr: Mezhvuzovskiy nauchno-tematicheskiy sbornik*. Makhachkala, Dagestanskiy universitet, 1980, pp. 108–120. (In Russ.)

Pisemskiy A.F. *Pis'ma*, ed., comm. M.K. Kleman, A.P. Mogilyansky. Moscow; Leningrad, AN SSSR publ., 1936. VIII, 925 p. (In Russ.)

Potekhin A.A. "Otrezannyy lomot". *Sovremennik*. 1865. № 10, pp. 473–544. (In Russ.)

Yermilova G.G., Tikhomirov V.V. "P.V. Annenkov — literaturnyy kritik". *Russkaya literatura*. 1995, № 4, pp. 27–49. (In Russ.)

P.V. Annenkov's Review of the Comedy *Otrezanny Lomot'* (Self-Sufficient Person) by A.A. Potekhin

Kirill Zubkov, Anastasia Pernikova

Abstract: The article considers and comments on the previously unknown P.V. Annenkov's critique of A.A. Potekhin's comedy "Self-Sufficient Person". The review was written by the critic in 1866 at request of the Academy of Sciences. Potekhin's play was nominated for the Count Uvarov's prize, an annual literature award adjudged by a special commission of the Academy of Sciences. Annenkov's opinion is of interest as a detailed analysis of the popular play written by one of the most famous critics of the time and as an episode of the history of the literature award. Like other experts, Annenkov (as well as many other experts) applies very strict criteria conditioned by the aesthetic theory of the mid-XIXth century which actually had very little to do with the reality of the Russian stage of the period.

Keywords: literary criticism, drama, literature awards, P.V. Annenkov, A.A. Potekhin.

Information about the authors: Kirill Yu. Zubkov; PhD, junior research fellow at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Associate Professor at Saint Petersburg State University; Saint-Petersburg, Russia. E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Anastasia S. Pernikova; graduate student of Saint Petersburg State University; Saint-Petersburg, Russia. E-mail: anastasya_pernikova@list.ru

Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики»

Ю.А. Рыкунина

Аннотация: Поэт и критик Владимир Гиппиус отрицательно отнесся к литературному течению, которое вошло в историю поэзии под названием «акмеизм». В статьях 1913 г. в газете «Речь» новое явление рассматривалось им под знаком «эстетизма», религиозной и общественной индифферентности. Публикуемая статья — эмоциональный отклик на акмеистические манифесты Н. Гумилева и С. Городецкого, опубликованные в январском номере журнала «Аполлон» за 1913 г. В ней Гиппиус подробно излагает свои претензии к акмеистической программе, попутно развивая и обосновывая свою собственную историко-литературную позицию и поэтическое кредо.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, акмеизм, символизм, Николай Гумилев, Сергей Городецкий.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина, к.ф.н., независимый исследователь, Москва. E-mail: rykuninay@mail.ru

О негативном отношении поэта и критика Владимира Гиппиуса к акмеистам хорошо известно¹. Публикуемая статья (вероятно, написана не позднее марта 1913 г.) — отклик на акмеистические манифесты Н. Гумилева («Наследие символизма и акмеизм») и С. Городецкого («Некоторые течения в современной русской поэзии»), опубликованные в № 1 журнала «Аполлон» за 1913 г.² Материал этот представляет интерес как эмоциональная и непосредственная реакция на теоретические построения родоначальников нового течения и как еще одна важная и до сих пор неучтенная веха в

¹ Статьи Гиппиуса, напечатанные в газете «Речь» за 1913 г., так или иначе затрагивающие акмеизм и акмеистов, частично републикованы в сб.: Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан. СПб., 2014. См. также: Вл.В. Гиппиус. Ничтожные слова о ничтожных делах. Предисловие, подготовка текста и примечания Александра Меца // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 422–433.

² О реакции на манифесты см.: Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 54. См. также в сб. «Акмеизм в критике. 1913–1917».

богатой традиции антиакмеистических выступлений. Кроме того, в статье подробно, хотя и несколько сумбурно, изложены все претензии к новому явлению.

Здесь развиваются те же мысли, которые будут варьироваться в ряде литературных заметок, опубликованных Гиппиусом в «Речи» в 1913 г. В этой статье, очевидно первой в данном «цикле» и также предназначенной для «Речи», где Гиппиус был в это время постоянным сотрудником, звучат темы, особенно важные для Гиппиуса-критика: в первую очередь тема преемственности/разрыва между литературными поколениями.

Про «эстетизм» «холодного как лед “Аполлона”» Гиппиус пишет в программной статье с характерным названием «Душа реакции» (Речь. 1913. № 60. 3 марта. С. 3): под «реакцией» он понимал настроение современной ему молодежи, равнодушной, как ему кажется, к проблемам религии и общественности — в «мережковском» понимании; слияние же символизма с революцией было, по его мнению, логично и закономерно.

Примечательно, что «религиозный общественник» Д.В. Философов соотносил акмеизм именно с декадентством, основными чертами которого были субъективизм и сенсуализм; «акмеисты лишь изменили поле наблюдения, но не метод»³.

Гиппиус в этот период понимает декадентство иначе. Эстетизм декадентов, в его представлении, был полон «религиозного пафоса»; нынешний же холодный эстетизм никуда не рвется и впадает в бесстрастную «полочувственность». Вопреки старой формуле, противопоставляющей отцов-консерваторов и детей-революционеров, нынешние отцы (то есть символисты) «в тоске и ужасе» останавливаются перед детьми, которые, равнодушные ко всему, «веселятся и танцуют»: «Душа движения, волнующая и смятенная, кажется, улетела из их томлений духа вместе с улетевшей до времени революцией — и осталась одна ритмическая гимнастика». Впрочем, рассуждая в мартовской «Речи» о «реакции» и эстетизме, Гиппиус имел в виду не акмеизм как литературное течение, а общее настроение эпохи, когда одна рука перелистывает «Аполлон» или «Старые Годы», а другая «Синий журнал»⁴.

Об отречении от учителей (основная мысль публикуемой статьи) Гиппиус также напишет в статье «Литературная суета» (Речь. 1913. № 89. 1 апреля. С. 3). При этом, как хорошо известно, влияние учителей (в первую очередь Брюсова и Вяч. Ивано-

³ Философов Д.В. Акмеисты и М.П. Неведомский. Цит. по: Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2010. С. 443. (Впервые: Речь. 1913. 17 февраля. № 47. С. 3).

⁴ Речь. 1913. 3 марта. № 60. С. 3. См. ответ: *Маковский С.* «Душа реакции» и «Святое беспокойство»: Ответ критику // Аполлон. 1913. № 6. С. 45–47.

ва) на акмеистов было достаточно очевидно и признавалось ими самими⁵.

Акмеистические манифесты возмутили Гиппиуса сразу по нескольким причинам.

В сложившейся у него историко-литературной картине мира «отцы» были гонимыми, подвергавшимися со всех сторон насмешкам маргиналами, новое же поколение «пришло на все готовое», взяв у декадентов все лучшее и ответив «отцам» черной неблагодарностью. Новое течение, благодаря «рекламе», может стать массовым — тогда как ранний символизм представлял собой явление «элитарное».

С другой стороны, отторжение у него вызвала провозглашаемая любовь к «имманентному», к «посюстороннему»⁶ — эта приверженность ассоциировалась с эпохой позитивизма и реализма в литературе и искусстве. В неопубликованной статье 1896 г. «Золотой век. Из писем к иностранцу» Гиппиус рассматривал шестидесятилетие Пушкина и Баратынского заслугой ранних символистов, таким образом, было возвращение поэзии метафизического измерения. Вместе с тем позже — возможно, под влиянием Мережковских — отношение к шестидесятиникам и народникам у него изменилось. В публикуемой статье, обвиняя акмеистов в том, что они протягивают руку утилитаристам, Гиппиус в качестве союзников призывает и «старых реалистов», в частности Герцена, что соотносится с идеей Мережковского о бессознательной религиозности Герцена и Белинского (см. кн. «Грядущий Хам», «Гоголь и черт»).

Наконец, Гиппиус недоумевает, потому что не видит собственно акмеистических стихов. Известные ему книги Гумилева и Городецкого никак не могут быть восприняты им как новое слово в поэзии. Об упоминаемых Городецким Ахматовой, Нарбуте, Зенкевиче Гиппиус ничего не пишет — лишь упоминает о тех, чьи «шаги еще слишком скромны». Между тем уже в рецензиях на «Иву» Городецкого («Гиперборей» № 2 и «Аполлон» № 9 за 1912 г.) Гумилев писал о повороте Городецкого к акмеизму; но только в № 3

⁵ См. об этом, например: *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. С. 90–102. См. также: Переписка [В. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. статья и коммент. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова. Публ. Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М., 1993. Т. 98. Кн. 2. С. 400–514.

⁶ В данном случае в наши задачи не входит рассмотрение вопроса о реализации акмеистами этого программного заявления; также мы не рассматриваем вопрос об их «антиобщественности». Как пишет О. Лекманов, «свою задачу они видели не в том, чтобы изгнать мистику из поэзии, а в том, чтобы уравновесить «мистическое» и «земное», выправить крен в сторону метафизики, допущенный символистами» (*Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. С. 55).

«Аполлона» за 1913 г. будет напечатана подборка стихотворений Гумилева, Городецкого, В. Нарбута, Ахматовой, М. Зенкевича, Мандельштама с редакторским примечанием о том, что эти стихи могут служить иллюстрацией теоретических положений, высказанных в манифестах Гумилева и Городецкого⁷.

Одним из главных критиков манифестов Гумилева и Городецкого, станет, как известно, Брюсов, подробно разобравший эти программные выступления в статье «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм», опубликованной в № 4 «Русской мысли» за 1913 г. Так же как и Гиппиус Брюсов приравнивает акмеизм к «наивному реализму» 1860-х гг.⁸. Защищая символизм, Брюсов отмечает и отсутствие собственно акмеистических стихов (о чем пишет и Гиппиус) и выражает надежду, что «самое имя» акмеизма скоро забудется — но поэты с их хорошими стихами останутся⁹.

В отличие от Брюсова, Гиппиус, как следует из публикуемой статьи, не считал Гумилева сколько-нибудь значительным поэтом — и, по всей видимости, не изменил своего мнения и позднее. Гумилев написал критическую рецензию на сборник Гиппиуса «Возвращение» (Аполлон. 1912. № 9), в которой подверг его стихи формальному разбору; отметив недостатки, он заключил: «эти стихи тем не менее «поют» и поэтому не могут быть выброшены из поэзии»¹⁰.

У Городецкого Гиппиус высоко ценил лишь первую книгу, «Ярь»: пантеисту Гиппиусу, вероятно, была близка ее «стихийная», природная музыкальность. Городецкий, в свою очередь, был высокого мнения о стихах Гиппиуса¹¹. В 1910 г. он обратился к Блоку с просьбой посодействовать выходу книги Гиппиуса в издательстве «Мусагет». Из этого ничего не вышло — книга ««Возвращение». Из книги “Завет Вл. Бестужева” (1896–1906)» была выпущена в 1912

⁷ Аполлон. 1913. № 3. С. 30. О стихах Мандельштама, своего ученика по Тенишевскому училищу, как и о стихах Ахматовой, Гиппиус будет высказываться критически; см.: *Гиппиус Вл.В.* Ничтожные слова о ничтожных делах. С. 430, 432.

⁸ *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Комментар. Н.А. Богомолова. М., 1990. С. 398.

⁹ *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. С. 400.

¹⁰ Очевидно, Гиппиус был глубоко задет этой рецензией. См. предположение Р.Д. Тименчика о полемике с гумилевской рецензией в поэме Гиппиуса «Лик человеческий» (*Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 322). См. здесь же предположение о конфликтных отношениях между Гиппиусом и Гумилевым.

¹¹ Об отношениях Гиппиуса и Городецкого см.: *Тименчик Р.Д.* Владимир Гиппиус // Родник. 1988. № 4. С. 27; см. также комментарий Тименчика в кн.: *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 322.

под маркой «Цеха поэтов» — это произошло благодаря усилиям того же Городецкого¹². О позднейших пересечениях судеб Гиппиуса и авторов акмеистических манифестов почти ничего неизвестно.

Надо заметить, что символистов и декадентов, выступающих в статье, так сказать, единым фронтом, Гиппиус позже разведет: символизм он назовет «благодушием» и «подделкой», а символистов — «злейшими из друзей декадентов»¹³. Характерно также, что именно «учителя» Брюсова он в другом месте обвинит в пагубном влиянии на молодых поэтов¹⁴.

Статья печатается по черновому автографу (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 172) с незначительными пунктуационными исправлениями. Подчеркнутые слова выделены курсивом.

Учителя и ученики

«Аполлон», державшийся до сих пор расплывчатого и довольного равнодушного эстетизма, с первой книжки этого года принял новую позу. В отделе литературной критики — малопопулярный как поэт, больше известный как рецензент «Аполлона» — Н. Гумилев¹⁵ и популярный именно как поэт, в последнее время меньше, а лет 5–6 назад очень громко, С. Городецкий¹⁶, до того не напечатавший в «Аполлоне» ни одной строчки, — выступили оба в двух статьях с новым эстетическим исповеданием, которое они называют акмеизмом или адамизмом¹⁷ и которое Городецкий со свойст-

¹² Переписка [А. Блока] с А.А. и С.М. Городецкими / Вступ. статья и публ. В.П. Енишерлова; Коммент. В.П. Енишерлова и Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 48–49. См. здесь же (с. 50) письмо Городецкого Блоку с высокой оценкой гиппиусовских стихов.

¹³ *Гиппиус Вл.* О самом себе / Подгот. текста, публ. и послесловие Евг. Биневича // Петрополь. № 6. Литературная панорама. 1993–1996. С. 123, 129.

¹⁴ *Гиппиус Вл.В.* Ничтожные слова о ничтожных делах. С. 432.

¹⁵ К этому времени у Гумилева вышло 4 книги стихов — «Путь конквистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908), «Жемчуга» (1910; с посвящением «учителю» Брюсову), «Чужое небо» (1912); с первого же номера журнала «Аполлон» Гумилев выступал в нем с критическими статьями, в частности вел рубрику «Письма о русской поэзии».

¹⁶ Говоря о «популярности» Городецкого, Гиппиус в первую очередь имеет в виду большой успех его дебютной книги «Ярь» (1907).

¹⁷ О происхождении названий и бытовании терминов «акмеизм» и «адамизм», а также об их концептуальном значении см. в: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме // *Russian Literature*. 1974. № 7/8. С. 23–46. См. также в кн.: *Шрубба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004. С. 18.

венным ему задором проповедует повсюду; а рецензент журнала Г. Иванов¹⁸ применяет эту новую эстетическую веру к приверженцам ее с такой простодушной откровенностью, что впадает в рекламу.

Серьезное это явление или нет? О чем они говорят? о чем так хлопочут? В их выступлении две стороны: одна касается существа вопроса, другая — тактики. Если бы они только исповедовали какую-нибудь литературную веру — можно было бы просто подождать результатов и прислушиваться к их голосам; но у них есть и тактика, — и эта тактика останавливает на себе внимание, может быть большее, чем самое их исповедание. Она заключается с одной стороны в нападении на тех, с кем они считают нужным бороться, т.е. с их учителями — символистами и декадентами, с другой — в пропаганде самих себя и своих приверженцев. Они достигли своего: уже повсюду спрашивают, что такое акмеизм? Привлечь к себе внимание общества, при желании, не трудно. Теперь можно было бы предоставить их самим себе и посмотреть со стороны, как они с этим справятся. Но при отсутствии у нас настоящего литературного *мнения*, новый эстетизм, уже привлечший внимание, может вызвать увлечение среди школьников и студентов, а этим пренебрегать не надо. Кроме того, в тоне и характере их выступления есть нечто, до того современное, в самом дурном смысле этого слова, что оно должно быть не только разьяснено, но и осуждено с той точки зрения, в которой сливается литературное мнение с общественным.

Если акмеисты до конца серьезны (в чем я принужден в результате их тактики усомниться), то их эстетика — реакция позитивизма против религиозности; если — нет, то это победа той пошлости, которая останавливаясь перед явлением, ей непонятным по своей сложности, отворачивается с мелким самодовольством ограниченных умов, не имеющих достаточно мужества, чтобы признаться в своей ограниченности. Предположим, что — первое. Как же они исповедуют свое верование? Они его почти не аргументируют. После сложнейших умственных переживаний предшествующей эпохи обществу, испытавшему очень многое и мучительное и наученному мыслить очень остро, они преподносят очень неубедительные рассуждения и очень определенное отрицание своих предшественников, которым они всем обязаны. Может быть — первое — не важно, а второе — простительно; может быть — они непосредственные учителя и следует, пренебрегши их рассуждения-

¹⁸ В № 1 журнала «Аполлон» за 1913 г. был опубликован написанный Г. Ивановым обзор современной русской журнальной поэзии: отозвавшись резко критически почти обо всех, Иванов воздал хвалу сотрудникам «Гиперборея» — Ахматовой, Гумилеву, Городецкому, Мандельштаму, Нарбуту, Зенкевичу.

ми и снисходительно отнесясь к их военным выходкам, остановиться перед их собственной поэзией, как перед новым творчеством, идущим на смену старого — ненавистного им, символического? Признать «Иву» Городецкого» и «Чужое Небо» Гумилева — новым типом творчества? Или лучше уж говорить об исповедании, как оно выражено в статьях и тактике? Пройдем пока мимо. Предположим, что ни «Ива», ни «Чужое небо» не принадлежат к новому типу творчества, что сила нового движения не здесь, а в самой борьбе и принципах. С кем они борются? Со своими учителями — декадентами и символистами, теми самыми, которые еще недавно были всеми презираемы и гонимы, которые много мучились и томилась духом¹⁹, и до сих пор не успокоились в своем «недовольстве», именуемым кое-кем даже «святым»²⁰. Не буду сейчас говорить, что они сделали доброго и путного, кого они создали и что они создали; упомяну лишь, что среди других томивших их идей были как раз те, которые теперь проповедуют Городецкий и Гумилев, и что среди многих ими созданных были эти двое, но главное, — что они душой и кровью прошли много «путей и перепутий»²¹.

Они были мучениками, а не самодовольными поросятами, как их представляло себе «Новое время»²² и подпевавший ему кантиано-вольтынский «Северный вестник»²³. Один из них, над которыми особенно глумились или глупо восхищались, исколесил теперь в религиозной тоске всю Россию, сначала бегуном, потом солонецким отшельником, молчальником, странником — и наконец осел основателем новой секты, очень влиятельной в народе, — и до по-

¹⁹ Ср. название сборника «вольных сонетов» Гиппиуса 1916 года «Томление духа».

²⁰ «Святое недовольство и жизнью, и самим собой» — цитата из драматического фрагмента Н. Некрасова «Сцены из лирической комедии “Медвежья охота”» (1866–1867). Цитата также встречается в статье Федора Сологуба «Демоны поэтов» (1907). Ср. название статьи Гиппиуса «Святое беспокойство» (Речь. 1913. 15 мая. № 111).

²¹ «Пути и перепутья» — так называлось трехтомное собрание стихов Брюсова, выпущенное издательством «Скорпион» в 1909 г.

²² Гиппиус имеет в виду постоянные нападки критика «Нового времени» В.П. Буренина на символистов и декадентов.

²³ В 1890-е гг. Гиппиус был близок к кружку журнала «Северный вестник», но стихи его там не печатались. Фактический редактор журнала А.Л. Вольтынский публиковал на его страницах стихи и прозу З. Гиппиус, Н. Минского, Федора Сологуба — что не помешало ему в последующем выступить с жесткой критикой декадентов и символистов, а также нищезанятия как идейной основы их творчества (см., например, его статью «О символизме и символистах (Полемиические заметки)» — Северный вестник. 1898. № 10–12). Вольтынский был приверженцем философии И. Канта, сквозь призму которой и воспринимал искусство (см. его работу «Критические и догматические элементы философии Канта» — Северный вестник. 1889. № 6, 9–12).

следних дней томится духом. Это — Ал. Добролюбов²⁴. А при воспоминании о нем, вспоминается и другой, похожий на него, рано умерший и унесший с собой свою судьбу — юноша, мальчик с глазами, которых не забудет никто из тех, в кого они смотрели, горевшими таким жарким и необычайным огнем. Это Ореус-Коневской²⁵. Судьба других сложилась различно, и они все — среди нас, чтобы говорить о них очень открыто. Но во всяком случае Сологуб, старейший по годам и один из первых декадентов, остается у всех на виду человеком неизменно трагического сознания, какие бы маски он на себя ни надевал, как бы ни менял свое лицо, как бы не приветствовал грешных «заложников жизни»²⁶; он остается одним из знаменательнейших явлений русского колебания между нигилизмом и религиозностью, если бы даже оказалось вдруг, что весь его мастерский талант — ничто. В самом его существовании есть свойство гениальности.

Если живых хоронят заживо, приходится доказывать, что они живы. Что жив Брюсов, с его страстной любовью к литературному искусству; что он, несмотря на все свои эклектические заявления²⁷ — цельный и большой человек, — это победа любви и искренности; не говоря уже о тех типических томленьях темперамен-

²⁴ А.М. Добролюбов — друг и единомышленник Гиппиуса (см. его статью «Александр Добролюбов» в кн.: Русская литература XX века (1890–1910). Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 1. М., 1914. С. 272–288). «Религиозный бунт» Добролюбова, его «уход», по-видимому, стал для Гиппиуса образцовой жизнетворческой моделью. Секта Добролюбова («добролюбовцы», «молчальники») — существовавшая в 1900–1910 гг. группа последователей Добролюбова. О Добролюбове, его «сектантстве» и религиозных исканиях см.: *Азадовский К.М.* Путь Александра Добролюбова // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 121–146; см. также: *Иванова Е.В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 264–282.

²⁵ Об отношениях Гиппиуса с Иваном Коневским см.: Иван Коневской. Письма к Вл. В. Гиппиусу. Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979. С. 84–86; см. также: Переписка [В. Брюсова] с Ив. Коневским (1898–1901). Вступ. статья А.В. Лаврова. Публикация и комментарии А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 450–451. В автобиографической заметке середины 1910 гг. Гиппиус будет упрекать себя за «грубый» разрыв с Коневским (см.: Гиппиус Вл. О самом себе. С. 121).

В книгу «Томление духа» Гиппиус включит сонет, посвященный Коневскому, начинающийся словами «Ореус милый! отрок прозорливый...» («Томление духа. Вольные сонеты Вл. Нелединского». Пг., 1916).

²⁶ Название драмы Сологуба 1910 г.

²⁷ Возможно, Гиппиус имеет в виду такие поэтические декларации Брюсова, как стихотворения «Я» («Мой дух не изнемог во мгле противоречий») и «Неколебимой истине...».

та, которыми он так талантлив поэтически. Как бы ни относиться к мистическим поискам Андрея Белого, он — весь одно стогранье живого телесного человека во внутреннем огне. А учитель Городецкого, так нежно, как я слышал, любивший своего ученика — Вяч. Иванов!²⁸ Опять, если даже не соглашаться ни с одним его звуком, разве это не своеобразное порождение нашей умственной культуры, такого высокого интеллектуального равновесия, что на весах его самый оккультизм принимает отчетливые очертания философской догмы. Да, я хотел бы напомнить Городецкому с Гумилевым и всем тем, кто за ними идет, по возможности, обо всех, кому они так беспрдельно обязаны, прежде чем касаться их принципов: они же и сами ведь больше нападают, чем доказывают — во имя нового реализма! — Откуда вытек стихийный лиризм Блока, сначала романтический, а потом, именно, реалистический, как не из иррациональной стихии символизма?

Какого бы достоинства ни была под углом вечности стремительная версификация Бальмонта — разве это не целое событие в русской стихотворной технике? И в то же время — не прямое следствие декадентского культа формы?

А напряженные национально-стилистические искания Ремизова, к которым примыкал и Городецкий?

Остановлюсь на этих приблизительных указаниях, что акмеизм поторопился отпеть символистов за ненужностью. Как бы ни относиться к ним субъективно, все они вместе и каждый в отдельности — без различия — в общем литературном сознании — стали наконец определенными ценностями, достигнутой [так] нашей поэзией, на пути ее развития. И просто отворачиваться от них может или плоское самодовольство или плевание на все... Но в заключение только еще имена родоначальников и предтеч: Тютчев, Фет, Достоевский, Вл. Соловьев, Мережковский, Минский — указывающие на то, что хоронимый заживо с такой некрасивой поспешностью символизм — явление не случайное, оторванное от жизни русских умов, а имеющее национальные корни. Наконец благоговейно вынутые символистами из забвения или вновь созданные имена западные: Шелли, Эдгар По, Бодлер, Ибсен, Ницше, Метерлинк...

На смену всему этому — что же? В России последние книжки стихов Городецкого и Гумилева и тех, первые шаги которых еще слишком скромны, чтобы быть здесь упомянуты, а на Западе — Го-

²⁸ Сближение Городецкого и Иванова началось в 1906 г., когда Городецкий читал стихи на «башне», произведшие на Иванова большое впечатление; Городецкий считался учеником Иванова, разделял идеи мифотворчества. Их пути разошлись после выхода сборника Городецкого «Русь» (1910), разочаровавшего «учителя». См.: *Тименчик Р.Д.* Городецкий Сергей Митрофанович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 639–641.

тье, Виллон, Рабле, Шекспир²⁹. Не задать ли вопрос, насколько национальна эта генеалогия для направления, претендующего быть национальным? (~~и при чем здесь Шекспир? Да и Рабле?~~)

Но, пожалуй, лучше, говоря с акмеистами, не становиться на историко-литературную почву, здесь они так слабы, что у них и скромный Никитин³⁰ — большое явление. Они сами предпочитают как верные ученики символистов возвращаться в философских понятиях, с которыми они, впрочем, в противоположность символистам, едва справляются, и, желая быть важными, прибегают к аргументации — просто смешной.

Но я боюсь. Я все подхожу к самому страшному, и все боюсь подойти к нему, потому что ведь самое страшное, когда люди громко позовут к себе, заявят о себе, а подойдешь и — оказалось, что идти не стоило, что крик их был криком или самомнения или растерянности; когда люди разлетятся из всех сил — и потом вдруг — окажется... В том-то и дело, что это очень жутко и потому я пишу об акмеистах с волнением за них.

Символизм отменен, — что ведут они ему на смену? Это выясняется из того, почему он отменен: они борются с ним как с выражением трансцендентного мирозерцания (~~терминология моя — эту философскую волюность они просят!~~). Стало быть — возвращение к реализму?³¹ Нет! Слишком просто, — к акмеизму! Т.е. к механическому синтезу или пантеизму? Все равно — только бы к имманентности (~~опять моя терминология~~). Правда, оба акмеиста стараются отзываться о трансцендентном как можно почтительнее, но какую ценность имеют почтительные речи о потустороннем, раз человек не проникнут жгучей жаждой непознаваемого? Как хорошо это понимали старые реалисты — люди большой жажды и великой искренности, например Герцен, требовавший от русских людей «горящего взора, устремленного в лицо истины»³², если даже она

²⁹ Гумилев писал: «В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье» (Аполлон. 1913. № 1. С. 44). См. об этом также в цитированной статье Брюсова (*Брюсов В. Среди стихов.* С. 399).

³⁰ Ср. в статье С. Городецкого «О новых течениях в современной поэзии»: «Горшки, коряги и макитры в поэзии, например Ивана Никитина, совсем не те, что в поэзии Владимира Нарбута. Горшки Никитина существовали до того, как он написал о них стихи» (Аполлон. 1913. № 1. С. 49).

³¹ Сверху вставлено: «или к классицизму?».

³² Не совсем точная цитата. У Герцена в статье «Дилетантизм в науке»: «В душе, чистой от предрассудков, наука может опереться на свидетельство духа о своем достоинстве, о своей возможности развить в себе истину; от этого зависит смелость знать, святая дерзость сорвать завесу с Изиды и вперить горящий взор на обнаженную истину, хотя бы то стоило жизни, лучших упований» (*Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 22*).

отнимет все святыни! Но акмеисты, как все современное — не материалистично, не спиритуалистично, не всебожно и не безбожно, а «имманентно» настроенные умы — люди умеренные и аккуратные, несмотря на все их бурные выступления, как на это указал им еще этим летом один из наиболее позитивных отцов их — Брюсов³³.

Что же! имманентность, так имманентность — реализм так реализм! Не просто воспроизведение явлений жизни, но изображение жизни как ряда вечных мгновений — прекрасно! Что можно было бы по этому поводу сказать, вообще, как не отметить безо всякого пристрастия, что в нашей литературе началась полная или частичная реакция позитивизма против мистицизма. Давно прошли времена «споров романтиков с классиками». Почему же тогда не быть откровенными, без того ребяческого самомнения, — или ~~еще хуже вызывающего озорства, — направо и налево, без всякого вызова и повода с противоположной стороны~~. Но в новом движении (если это только движение) нет ни ~~настоящей (а мы бы ждали пламенной)~~ откровенности, ни литературного благородства.

Подчиняясь той психологии, которая является одной из самых противных национальных болезней, — в борьбе за новое лягать своих родителей, Городецкий и Гумилев, даже не оперившись, как выразился философ, а не встав еще твердо на ноги, набросились на своих отцов и стали попросту превозносить самих себя и трех-четырёх своих приятелей — безо всяких оснований.

Талант самого Городецкого, выращенный в цветнике Вяч. Иванова, находится, по-видимому, в упадке; Гумилев, обласканный Брюсовым³⁴, не был никогда особенно талантлив. В «Яри» Городецкого, при упоминании о которой его поэтическая совесть должна переживать тяжелые муки от сознания потерянного рая, выразилась победа многотворческой идеи, данной Вяч. Ивановым и стилистических достижений Бальмонта; затем годы неопределенных стихов и того, что сам Городецкий называет «мертвыми паузами»; в этом году большой сборник «Ива», состоящий не только из неопределенных, но по большей части холодных и выдуманых сти-

³³ Имеется в виду статья Брюсова «Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 гг.) (впервые опубликовано: Русская мысль. 1912. № 7), где он писал: «Однако этим молодым поэтам, при всем их порывании к “стихийности”, угрожает одно: впасть в “умеренность и аккуратность”» (Цит. по: *Брюсов В.* Среди стихов. С. 369).

³⁴ В рецензии на первую книгу Гумилева «Путь конквистадоров» Брюсов упрекал его за декадентские перепевы, заимствования у Бальмонта, Белого и Блока, но отмечал несколько удачных образов (см.: *Брюсов В.Я.* Среди стихов... С. 165). В рецензии на сборник «Жемчуга» Брюсов, высоко оценивая качество стихов Гумилева, подчеркнул его зависимость от учителей — Вяч. Иванова, И. Анненского и самого Брюсова. (Там же. С. 320).

хов³⁵ — Я наконец скажу, прямо глядя в глаза Городецкому, которого любил как поэта: стыдно с такими посредственными стихами, в которых нет и тени его таланта, сколько бы Гумилев ни расхваливал эту книгу³⁶ в «Аполлоне» (я верю, что лицемерно, из тактики — на это одна надежда!), стыдно с такими стихами становиться во главе поэтического движения, а от чудесной «Яри» он должен отречься, как от книги символической. У Гумилева не было и «Яри», а были эклектические «Жемчуга», собранные преимущественно на берегах Брюсовских морей, и, хотя русская поэзия, по уверению его друга, и обязана ему введением в нее разных экзотических животных (жирафов, слонов, обезьян)³⁷, но беспристрастные читатели — знают только литературно, часто не без вкуса, но всегда почти без исключения скучно сделанные, и вовсе не индивидуальные — стихи Жемчуга двух его книжек) кроме поддельных «жемчугов», еще — не без вкуса, литературно, но скучно и вовсе не индивидуально сделанные стихи «Чужого неба»³⁸ — в том же Брюсовском вкусе. Значит стыдно и Гумилеву становиться во главе движения и хоронить с такой легкостью среди других и Брюсова, которому он всем обязан, от которого не ушел ни на шаг — ~~выражусь как можно нежнее, не ловко~~. Городецкого можно еще от глубины души пожалеть, потому что уходя от многотворческой стихии, он изменяет не только символизму, но и самому себе — своей Богом данной, хотя и не сложной, но яркой и выразительной поэтической душе; а что касается Гумилева, то надо удивляться той молодежи, которая так мало, я верю, что именно малосознательно, что главой движения делает неверного ученика Брюсова, а не самого учителя, если только движение есть, и учитель захотел бы его признать.

Я хочу этим сказать именно то, что по существу акмеизм это точное продолжение тех символистских радиусов, которые шли к обоготворению поэзии или просто к реальным темам, тоскуя в трансцендентном.

Стало быть, что школа и Бальмонта, и Вяч. Иванова, но больше всего Брюсова, так как и Бальмонт и Брюсов боролись — цитирую из акмеистов: «За этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю»³⁹; давно уже вырази-

³⁵ Вставлено: «вовсе не нового типа».

³⁶ Гумилев посвятил «Иве» Городецкого две рецензии, одна была опубликована в № 2 журнала «Гилерборей», вторая в № 9 «Аполлона» за 1912 г.

³⁷ Городецкий писал: «Как бы вновь сотворенные, в поэзию хлынули звери; слоны, жирафы, львы, попугаи с антильских островов наполняли ранние стихи Н. Гумилева» (Аполлон. 1913. № 1. С. 48).

³⁸ В скобках сверху: «последний его сборник».

³⁹ Цитируется статья Городецкого (Аполлон. 1913. № 1. С. 48). Принцип верности земле, как и другие акмеистические принципы действительно содер-

ли они — один жаркий культ солнца и чувственности⁴⁰, другой — сдержаннее тот же культ чувственности и человеческой личности вообще⁴¹; о влиянии пантеизма Вяч. Иванова на Городецкого я уже сказал. Трансцендентные символисты (например, Андрей Белый) действительно «заполняли мир соответствиями», но вовсе «не обратили его в фантом, важный лишь постолько, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами», но, сообразно основному смыслу символизма, — разгадывали за этим, данным в обычном опыте, *иные* и, если «умалили вечную самоценность» мира⁴², то потому, что были «полны непонятной тоской»⁴³, той великой тоской, которая и соприкоснула поэзию с мистикой, как это было и у Данта, и у Шелли, и у Лермонтова, и у Тютчева; и не опустошали они мира, но хотели наполнить той живой сущностью, которую вынимали из него неумеренные материалисты предшествующей эпохи.

Мир после них оказался принятым с двух сторон — в двух являющихся сознанию полюсах. Кому же обязаны — кого развивают акмеисты тем, что они проповедуют «вечность мгновений»?⁴⁴ Разве не Бальмонта, отпавшего уже четверть века своей поэтической жизни, повторяют они, когда пишут: «После всяких *неприятий* мир бесповоротно принят акмеизмом во всей совокупности красок и безобразий»?⁴⁵ А Бальмонт, этой формулой, выраженной здесь едва ли не его же словами, продолжал еще ранний пантеизм «Символов» Мережковского!⁴⁶ Только в отношении к Андрею Белому они могли бы считать себя правыми в упреках трансцендентному (да и то забыв его патристическую печаль)⁴⁷, да еще по отношению к Сологубу и З. Гиппиус, тоже забыв многое у них, но действительно — наиболее мечтательным из всех — в их нежном лиризме; однако — оба они менее всего имели и влияния. Наконец в требовании со-

жался в уже стихах Брюсова (см.: *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. С. 96–98).

⁴⁰ Речь о К. Бальмонте.

⁴¹ Об утверждении Брюсовым страстной чувственности Гиппиус напишет в статье «Поэт или не поэт» (Речь. 1913. № 309. 11 ноября. С. 3).

⁴² Гиппиус цитирует статью Городецкого (Аполлон. 1913. № 1. С. 48).

⁴³ «Полна непонятной тоской» — цитата из стихотворения Лермонтова «Русалка».

⁴⁴ Городецкий писал: «Они *акмеисты*, потому что они берут в искусство те мгновения, которые могут быть вечными» (Аполлон. 1913. № 1. С. 50).

⁴⁵ Цитата из статьи Городецкого (Аполлон. 1913. № 1. С. 48). Гиппиус считает, что эта фраза «отсылает» к стихотворению Бальмонта из книги «Горящие здания» (1900) «Мир должен быть оправдан весь...» («Мир должен быть оправдан весь / Чтоб можно было жить!») — Цит. по: *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Библиотека поэта (большая серия). Л., 1969. С. 169).

⁴⁶ «Символы (Песни и поэмы)» — книга стихов Д.С. Мережковского 1892 г.

⁴⁷ Видимо, имеется в виду книга «Пепел» (1908).

блзняющей акмеистов «бесстрастной формы» для «страстного содержания»⁴⁸, с ссылкой на затрепанные слова Готье — то это тоже старая гастрономия, — перед нами встает живая тень Брюсова и вспоминается, как эти слова приелись еще в кружке Ал. Добролюбова, и как Мережковский тем, кто приходил к нему, постоянно внушал этот, собственно классический, вкус — ведь отсюда именно вытек еще очень недавний культ Баратынского и Пушкина⁴⁹, пришедший вслед за культом Тютчева⁵⁰.

Да если вспоминать старину, то разве в кружке Станкевича (сто лет тому назад) не говорили, что поэзия есть «полное ощущение данной минуты»?⁵¹

Вот и вся идеология акмеистов со всей ее вызывающей тактикой и со всеми их возможностями: поэзия должна оставаться на земле, но не забывать и неба, — стараясь находить небо — здесь, на земле. Больше ничего. Да! Но все эти притятия и непритятия мира, как они пренебрежительно выражаются, — и обожествление мира в

⁴⁸ Городецкий в своей статье процитировал строки стихотворения Готье «Искусство» «Создание тем прекрасней, / Чем взятый материал / Бесстрастной! —» (Аполлон. 1913. № 1. С. 50).

⁴⁹ Одним из родоначальников культа Пушкина, понятого в ницшеанском ключе, был Д.С. Мережковский. Гиппиусу во многом оказался близок его очерк «Пушкин» (1896). В 1900 г. вышла книга Гиппиуса «Пушкин и журнальная полемика его времени». Под знаком Пушкина проходят и 1900-е и 1910-е гг. (см. пушкиноведческие работы Брюсова, статью Вяч. Иванова «О Цыганах» и др.). О христианской сути бытия и творчества Пушкина Гиппиус напишет в работе «Пушкин и христианство» (1915). См. также работу З.Г. Минц «Блок и Пушкин» в кн.: *Минц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 145–261.

Баратынский для обоих поколений символистов оказался исключительно важен. О восприятии Баратынского поэтами-модернистами см.: *Гельфонд М.* «Читателя найду в потомстве я...». Баратынский и поэты XX века. М., 2012.

⁵⁰ Тютчева символисты и близкие к ним писатели «открыли» достаточно рано. В 1895 г. Владимир Соловьев посвятил ему статью «Поэзия Тютчева». Писал о нем — в пантеистическом ключе — и сам Гиппиус в статье «Золотой век. Из писем к иностранцу». О восприятии Тютчева символистами см.: *Гудзий Н.К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // *Известия по русскому языку и словесности.* АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 469–549 (в том числе и о влиянии Тютчева на поэзию самого Гиппиуса). Возможно, правильное было бы сказать, что культ Пушкина с Баратынским и культ Тютчева существовали одновременно, а не шли последовательно один за другим.

⁵¹ Высказывание Баратынского было опубликовано в «Материалах для биографии Е.А. Баратынского» в кн.: *Баратынский Е.А.* Сочинения. Казань, 1884. С. 481. З. Гиппиус приводила эти слова Баратынского в новелле «Златоцвет», в предисловии к сборнику 1904 г. «Собрание стихов 1889–1903» «Необходимое о стихах», а также в статье 1903 г. «Нужны ли стихи» (*Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 1. С. 240).

поэзии — приходило в старину — и далекую и недавнюю — после безумно-тягостного сознания двойственности и одержанных внутренних побед, иногда до истощения всех страстных сил. И потому — были так могущественны. Искомый ими и уже давно открытый принцип — бесстрастная форма для страстного содержания — может иметь и не иметь места в поэзии — (не будем спорить — лучше ли он другого), но ведь он обязывает больше, чем какой-нибудь другой к содержанию страстному, внутренне воспламененному, а не к одной лишь чувственности и тем более не к одним лишь разговорам о страстях.

Чем и когда томилась Городецкий и Гумилев? Что они пережили, перестрадали — и что побеждали? Они пришли на все готовое, и стали ругать тех, кто для них все заботливо приготовил, перестрадав их это «бесповоротное приятие мира», и не только принципиальную культуру формы, но и тщательную выработку стиха — и целый мир поэтических образов ~~сами не принесли с собой ничего, явившись едва ли не с пустыми руками.~~

В одной из величайших трагедий презираемой ими символической поэзии — к строителю культурных ценностей постучалась молодость: Гильда ждала десять лет обещания Сольнеса повести ее на невозможную высоту и когда он, уступив призыву молодости — поднялся и упал с этой высоты, она кричала даже тогда, когда он падал, — в иступленном восторге: «Мой, мой строитель!..»⁵². Таково благородство в отношениях ученика к учителю, в том проникновенном понимании, какое дал символизм, как и все, что давало это глубокое и сложное движение. Но некультурная русская юность поступила во всех отношениях иначе. В эту минуту, когда декаденты и символисты перестали быть наконец бранным именем, когда они стали влиять на ту литературу, перед которой они всегда благоговели, побеждая силой своих страдальческих умов и блеском талантов мелкие предубеждения, их ученики отворачиваются от них, все, решительно все взяв от них, и подают руку тем, кто, в старом варварском утилитаризме, равнодушным к эстетической культуре, много лет отрицали их учителей, — и не знаю уж, как отнесутся теперь к этой их тактике?

А вдруг не признают своими?

Впрочем, наше литературное *мнение* еще так ничтожно, что — признают.

Владимир Гиппиус

Литература

Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. СПб.: Гуманитарная академия: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 541 с.

⁵² Имеется в виду драма Г. Ибсена «Строитель Сольнес».

Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. Вступ. ст. и комментарии Н.А. Богомолова. М.: Советский писатель, 1990. 714 с.

Гиппиус Вл.В. Ничтожные слова о ничтожных делах / Предисловие, подготовка текста и примечания Александра Меца // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2009. С. 422–433.

Гельфонд М. «Читателя найду в потомстве я...». Боратынский и поэты XX века. М.: Биосфера, 2012. 217 с.

Гиппиус Вл. Александр Добролюбов // Русская литература XX века (1890–1910). Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 1. М.: Мир. 1914. С. 272–288.

Гиппиус Вл. О самом себе / Публ. Евг. Биневица // Петрополь–96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. С. 121–126.

Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Изд. подгот. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 1999. Кн. 2. 732 с.

Гудзий Н.К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 469–549.

Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер (при участии Р.Д. Тименчика). Вступ. ст. Г.М. Фридендера. Подготовка текста и коммент. Р.Д. Тименчика. М.: Современник, 1990. 381 с.

Иван Коневской. Письма к Вл.В. Гиппиусу / Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 79–98.

Иванова Е. Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–230.

Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 703 с.

Мицц З.Г. Блок и Пушкин // Мицц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 145–261.

Переписка [А. Блока] с А.А. и С.М. Городецкими / Вступ. статья и публ. В.П. Енишерлова; Коммент. В.П. Енишерлова и Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 5–62.

Переписка [В. Брюсова] с Ив. Коневским (1898–1901) / Вступ. статья А.В. Лаврова. Публикация и комментарии А.В. Лаврова, В.Я. Мордерер и А.Е. Парниса // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98. Кн. 1. С. 424–531.

Переписка [В. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906–1920). Вступ. статья и коммент. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова. Публ. Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 98. Кн. 2. С. 400–514.

Тименчик Р.Д. Владимир Гиппиус // Родник. 1988. № 4. С. 27.

Тименчик Р.Д. Городецкий Сергей Митрофанович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 639–641.

Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 23–46.

Философов Д.В. Акмеисты и М.П. Неведомский // Философов Д.В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 442–445.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 448 с.

References

Akmeizm v kritike, 1913–1917 [Akmeism in criticism] Comp. O.A. Lekmanov, A. Chaban, introd., comm. by O.A. Lekmanov. St.-Petersburg: Gumanitarnaya Akademia; Timofey Markov Publ., 2014, 541 p. (in Russ.)

Briusov V. *Sredi stihov: 1894–1924: Manifesty, statyi, retsenzii* [Among Poems: 1894–1924: Manifests, articles, reviews], introd., comm. N.A. Bogomolov. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 714 p. (in Russ.)

Filosofov D.V. "Akmeisty I M.P. Nevedomskiy" [Acmeists and M.P. Nevedomskiy]. Filosofov D.V. *Kriticheskie statyi i zametki 1899–1916* [Critical Articles and Notes 1899–1916], comp., introd., comm. by O.A. Korostelev. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, pp. 442–445.

Gelfond M. "Chitatel'ya naydu v potomstve ya". *Boratynskiy i poety XX veka* ["I shall Find the Reader in Descendants"]. Boratynskiy and Poets of XX-th Century]. Moscow, Biosfera Publ., 2012, 217 p. (in Russ.)

Gippius Vl. "Alexander Dobroliubov" [*Alexander Dobroliubov*], *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian Literature of XX century (1890–1910)], ed. S.A. Vengerov, vol. 1, Moscow, Mir Publ., pp. 272–288. (in Russ.)

Gippius Z. *Dnevnik* [Diaries], ed. by A.N. Nikoliukin. Vol. 1. Moscow, Intelvak Publ., 1999. 732 p. (in Russ.)

Gippius Vl. "Nichtozhnye slova o nichtoghnykh delakh" [Void words about void deeds], introd., ed., comm. by Alexander Mets. *Na rubeghe dvukh stoletiy: Sbornik v chest' 60-letiya A.V. Lavrova* [At the Turn of Two Centuries: The Collection of Works in Honor of 60-th Anniversary of A.V. Lavrov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 422–433.

Gippius Vl. "O samom sebe". [About Myself], ed., publ., afterword by Evg. Binevich. *Petropol 96. Literaturnia panorama 1993–1996* [Petropol 96. Literary Panorama 1993–1996]. St.-Petersburg, 1996, pp. 121–126. (in Russ.)

Gudziy N.K. "Tyutchev v poeticheskoy culture russkogo simvolizma". *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti* [News On Russian Language and Literature]. AN SSSR publ., 1930, vol. 3, № 2, pp. 469–549. (in Russ.)

Gumilev N.S. *Pis'ma o russkoy poezii* [Letters on Russian Poetry], Comp. by G.M. Fridlender, R.D. Timenchik, introd. G.M. Fridlender, ed., comm. by R.D. Timenchik. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 381 p. (in Russ.)

Ivanova E. "Aleksander Dobrolyubov — zagadka svoego vremeni" [Alexander Dobrolyubov — the Enigma of his Time]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1997, No 27, pp. 191–230. (in Russ.)

Konevskoy Ivan. "Pisma k Vl. V. Gippiusu". [Ivan Konevskoy. Letters to Vl.V. Gippius], ed. I.G. Yampolsiy. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1977 god*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 79–98. (in Russ.)

Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [Book on Acmeism and Other Works]. Tomsk, Vodoley Publ., 2000. 703 p.

Mints Z.G. "Blok i Pushkin" [Blok and Pushkin] // Mints Z.G. *Alexander Blok i Russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian Writers]. St.-Petersburg, Iskusstvo-Spb Publ., 2000, pp. 145–261.

Perepiska [A. Bloka] s A.A. i S.M. Gorodetskim. [Correspondence between A. Blok and A.A. and S.M. Gordetskiys], ed., introd. by V.P. Yenisherlov; comm. V.P. Yenisherlov and R.D. Timenchik. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 92, book 2, pp. 5–62.

Perepiska V. Briusova s N.S. Gumilevym (1906–1920) [Correspondence between V. Briusov and Gumilevym (1906–1920)], introd., comm. by R.D. Timenchik and R.L. Sherbakov, ed. by R.L. Sherbakov. *Literaturnoe Nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1998, vol. 98, book 2, pp. 400–514.

Perepiska [V. Briusova] s Iv. Konevskim (1898–1901) [Correspondence between V. Briusov and I. Konevskoy], introd. by A.V. Lavrov, ed., comm. by A.V. Lavrov, V.Ya. Morderer and A.E. Parnis. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], Moscow, Nauka Publ., 1991, t. 98, kn. 1, pp. 424–531.

Shruba, M. *Literaturnye ob'edineniia Moskvyy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'*. Moscow, Novoe literaturnie obozrenie Publ., 2004. 448 pp.

Timenchik R.D. "Gorodetskiy Sergey Mitrofanovich" [Gorodetskiy Sergey Mitrofanovich]. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskiy slovar*. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., vol. 1, pp. 639–641.

Timenchik R.D. "Vladimir Gippius" [Vladimir Gippius], *Rodnik*, 1988, № 4, p. 27.

Timenchik R.D. "Zametki ob akmeizme" [Notes on Acmeism], *Russian Literature*, 1974, № 7/8, pp. 23–46.

Vladimir Gippius on Acmeists: "Masters and Disciples"

Yulia A. Rykunina

Abstract: Vladimir Gippius, poet and critic, viewed negatively the new poetic movement called "Acmeism". In his essays, published in the newspaper *Rech'* (1913) he discussed this phenomenon in terms of aestheticism, religious and political indifference. Gippius' essay published herewith is an emotional response to the manifests of Acmeism by Nikolay Gumilev and Sergey Gorodetskiy, that appeared in *Apollon* magazine (January, 1913). Gippius states explicitly his objections to Acmeist program and at the same time explicates his own literary views, his attitudes and poetic credo.

Keywords: Vladimir Gippius, Acmeism, Symbolism, Nikolay Gumilev, Sergey Gorodetskiy.

Information about the author: Yulia A. Rykunina, PhD, freelance researcher, Moscow. E-mail: rykuninay@mail.ru

Какую арлекинаду видел Александр Бенуа в площадном балаганном театре?

Альбин Конечный

Аннотация: Статья посвящена реконструкции историко-культурного контекста очерка А. Бенуа «Масленица», который позже вошел в главу «Балаганы» его мемуаров. Описывается краткая история появления пантомимы-арлекинады в Санкт-Петербурге. Ни одна из пантомим Егарева не соответствует арлекинаде, которую так подробно вспоминает Бенуа. Дело в том, что большинство мемуаристов в описаниях арлекинады используют печатные источники и рассказы современников, либо находятся под воздействием мифа о бывлой арлекинаде, укоренившегося в сознании петербуржцев.

Ключевые слова: А. Бенуа, балаганы, арлекинада, история культуры, мемуарная литература

Информация об авторе: Альбин Михайлович Конечный, старший научный сотрудник в Музее истории Санкт-Петербурга (1979–1994) и в Российском институте истории искусств (1994–2014); Санкт-Петербург. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

Александр Бенуа (1870–1960) в своем очерке «Масленица», опубликованном в газете «Речь» (1917. 10 февраля) и позже в переработанном виде вошедшем в главу «Балаганы» его мемуаров, обстоятельно описывает арлекинаду, увиденную в балагане Егарева в 1870-х годах¹.

Необходимо напомнить историю появления пантомимы-арлекинады в Петербурге.

В 1830 г. на Адмиралтейской площади, где ежегодно устраивались народные гулянья², на пасхальной неделе появился «иностранец» Христиан Леман, впервые показавший петербуржцам серию пантомим-арлекинад.

«Пантомимы будут переменяться каждый день, — сообщала газета. — В первый — представлен будет Пьеро-бомбардир; во вто-

¹ См.: *Бенуа Александр*. Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Кн. 2. С. 293–295 (далее: *Бенуа Александр*).

² Подробнее см.: *Конечный А.М.* Петербургские народные гулянья на масленной и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 21–52.

рой день — Арлекин в плену; в третий — комическое путешествие по морю. Пантомимы сии сопровождаемы будут забавными превращениями, например, управителя в осла, крестьянской избы в модную лавку, Арлекина в книги; камень превратится в Пегаса, на котором Арлекин полетит на воздух; Арлекином зарядят мортиру и выстрелят его в окно модной лавки; Пьеро раздвоится и обе части его пойдут в противные стороны; сильным ветром из мехов Пьеро в ванне поднимется на воздух»³.

Леман не только играл в пантомимах, но и сам оформлял постановки и рекламные вывески для своего балагана, успешно соперничая с императорскими театрами.

«Превращения составляют одну из важнейших частей представления, — отмечалось в заметке “Пантомима г. Лемана и компании”, — и все производится в действие так быстро, так ловко, что глаз не успевает следовать за движениями, и не примечаешь обмана [...] Такого *классического* паяца, как г. Леман, мы отроду не видывали»⁴. Однако Леману ставили в упрек, что в его арлекинаде «множество перемен декораций и превращений, но — нет сюжета»⁵. Эти «волшебные» превращения и принесли славу пантомиме-арлекинаде, ставшей навсегда самым популярным театральным зрелищем народных праздников.

От Лемана — «Виктора Гюго начальных штукмейстеров» (как назвала его «Северная пчела») — пошла плеяда балаганных «маэстро»: его ученики братья Легат, семейство Берга, Алексеев, которые в своих арлекинадах совершенствовали приемы «превращений» и «перемен».

С начала 1830-х годов выступала на гуляньях шведская пантомимная труппа Легат (родоначальник балаганной и актерской династии), сохраняя первенство среди своих соперников. В обозрениях праздников всегда отмечалось: братья Легат «дают пантомимы с прекрасными декорациями, с блестящими костюмами, с волшебными превращениями [...] Коломбина их грациозна, Пьеро забавен, Арлекин ловок, превращения быстры»⁶. Братья Легат, сообщала газета, «представляют пантомимы в старинном итальянском вкусе, в котором всегда три главных действующих лица: Арлекин, Коломбина и Пьеро. Основа каждой пантомимы волшебство (или превращения) и фарсы Пьеро, которого у нас называют паяцем»⁷.

В конце 1850-х годов на гуляньях появляется уроженец Гамбурга Вильгельм Берг, продолживший традицию былой арлекинады.

³ Смесь // Северная пчела. 1830. 8 апреля.

⁴ Северная пчела. 1831. 17 февраля.

⁵ В.В.В. [В.М. Строев]. Масленица 1834 года в Петербурге // Северная пчела. 1834. 4 апреля.

⁶ В.С. Еще о балаганах // Северная пчела. 1835. 13 апреля.

⁷ Ф. Б[улгарин]. Балаганы // Северная пчела. 1851. 13 апреля.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ И ПАНТОМИМНЫЙ ТЕАТРЪ
В. ЕГАРЕВА
 и
А. БЕРГА
 (На Царскомъ Ауд., въ самомъ большомъ балетѣ)

ОТДѢЛЕНИЕ 1
НЕВѢСТА ВЪ ОСАДНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
 или
НАХОДЧИВЫЙ ЖЕНИХЪ.

ДЕЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОТДѢЛЕНИЕ 2
ТАЛИСМАНЪ САТАНЫ
 или
СВАДЬБА СЪ ПРЕПЯТСТВІЯМИ.

Волшебная Волшебница съ куколками и проколотымъ Сатан. Наблюдательная женщина и ея сорочка. Комната. Проклятыя платья драгана. Улица. Коварный убійца и блудная Шутка.

Сатана. Мелкіе Наказанные турские султаны. Сатан. Сватовъ злоключения съ прелестью. Подлая дьявольскость. Разрушительная свата. Между небомъ и землей.

ДЕЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПЕРЛОДЪ

ДЕЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПАНТОМИМЪ

Последнее представленіе въ 7 час. вечера.

ЦѢНА МѢСТАМЪ:

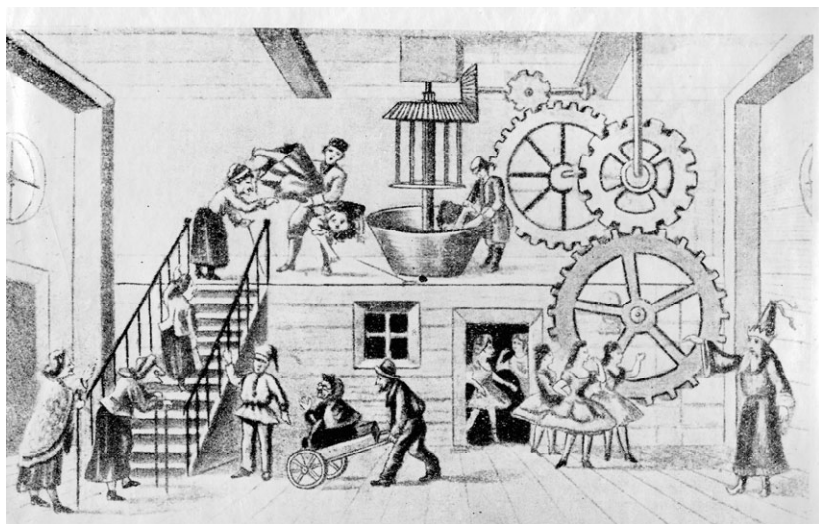
1-й ярусъ	2-й ярусъ	3-й ярусъ	4-й ярусъ	5-й ярусъ	6-й ярусъ
1 рубль	50 коп.	30 коп.	20 коп.	10 коп.	5 коп.

В. Егаревъ и А. Бергъ.

Афиша балагана «Драматический и Пантомимный Театр В. Егарева и А. Берг». 1878 г. Масленица

Отделение 1. Невеста в осадном положении или Находчивый жених. Сцены из купеческого быта.

Отделение 2. Талисман Сатаны или Свадьба с препятствиями. Большая волшебная пантомима в 1-м действии, 7-ми картинах, с прологом. Соч[иненная] В. Бергом.

Реклама пантомимы В. Берга «Волшебная мельница, где превращают старух в молодых». 1882 г. Масленица. Шла в балаганном театре Анны Берг

В театре Берга декорации «были написаны условно, но тщательно, — в тех тонах, что преобладали в восемнадцатом веке в живописи. И все перемены делались так чисто, так скоро, что им мог позавидовать бы любой казенный театр. Плотник уцеплялся по свистку за веревку и увлекал своей тяжестью ее вниз, поднимая кверху нужную декорацию. Всякие трюки и превращения производились по старым традициям»⁸. «Арлекинада всегда кончалась сценой в аду, причем неизбежно показывался огромный, во всю сцену, голый до пояса сатана, — вспоминает П.П. Гнедич представление в балагане Берга в 1860-х годах. — Кроме этого неизбежного финала, были постоянные трюки, как бы ни менялось содержание пантомимы — разрезание Арлекина на куски и стрельяние им из пушки в цель. Все делалось быстро, судорожно, как потом практиковалось в кинематографе»⁹.

Арлекинаду с превращениями можно было увидеть только в двух-трех площадных театрах (каждый вмещал более тысячи зрителей), куда устремлялось не только простонародье, но навевывалась светская публика, а однажды (в 1830 г.) — и императорская фамилия.

Напомним об ориентации раннего кинематографа на балаганное зрелище. Можно говорить и о воздействии арлекинады на Пет-

⁸ Гнедич П. Старые балаганы // Театр и искусство. 1914. № 14. С. 326.

⁹ Гнедич П.П. Книга жизни: Воспоминания. 1855–1918. Л.: Прибой, 1929. С. 38.

рушку, о типологической близости кукольного представления балаганному. Наблюдавший оба эти зрелища А.Н. Бенуа свидетельствует: в театре Петрушки «как и на балаганных пантомимах, все сводилось к бесчисленным проделкам какого-то озорника, кончавшимся тем, что мохнатый черт тащил “милого злодея” в ад»¹⁰.

Вернемся к эпизоду в воспоминаниях Александра Бенуа, где он упоминает «Масленную 1874 г. на Адмиралтейской площади»¹¹. Между тем, «в виду занятия Адмиралтейской площади под городской сквер», в 1873 г. гулянья на масленной и пасхальной неделях перенесли на Царицын луг (Марсово поле)¹².

Далее следует описание поездки на Марсовом поле (официальный топоним): «Вот мы и приехали на своем вейке-чухонце на площадь, отведенную под гулянье. Перед нами главная балаганная улица. [...] Большие постройки — это театры, принадлежащие антрепренерам [...] Вот Малафеев, вот Егарев¹³, там дальше Берг¹⁴, Лейферт»¹⁵.

Купец Василий Малафеевич Малафеев (1822–1899), владелец балагана «Народный Театр» (1860-е–1898), продолжал хранить верность «разговорным» пьесам с исторической и бытовой тематикой и никогда не ставил пантомиму-арлекинаду.

В репертуаре остальных театров первой линии — самое почетное место на Марсовом поле в 1870-х гг. — по-прежнему оставалась арлекинада. Берг по своим сценариям ежегодно «ставил итальянскую арлекинаду в немецких хороших декорациях с великолепными трюками и быстро совершавшимися живыми переменами»¹⁶. Пресса отмечала: в пантомиме Берга «главные действующие лица, конечно, Коломбина, которую любит счастливый, бесконечно находчивый Арлекин, Пьеро, затем жених Коломбины, которому она не симпатизирует, и ее отец, мирный старик в треугольной шляпе. Черти, ад, добрый гений, оживающие мешки, апофеоз, бенгальский огонь»¹⁷.

¹⁰ Бенуа Александр. Кн. 5. С. 521.

¹¹ Бенуа Александр. Кн. 2. С. 289.

¹² Конечный А.М. Петербургские народные гулянья. С. 37–43.

¹³ Егарев Василий Никитич (1826–1897) — купец 2-й гильдии; старейший петербургский антрепренер (с 1853 г.), один из самых видных организаторов общедоступных развлечений горожан. Ему принадлежали «лучшие увеселительные заведения Петербурга и окрестностей» (см.: Новое время. 1875. 31 мая).

¹⁴ Берг Василий (Вильгельм) Карлович (1819–1886) — уроженец Гамбурга; знаменитый устроитель зрелищ в общедоступных садах и в балагане на народных гуляньях (1850-е–1883). На Марсовом поле Берг содержал «Пантомимный театр» до 1884 г. (см.: Новое время. 1888. 28 июля).

¹⁵ Бенуа Александр. Кн. 2. С. 291.

¹⁶ Гнедич П.П. Книга жизни. С. 38.

¹⁷ Петербургская летопись // Новое время. 1875. 18 февраля.

В.Н. Егарев содержал на Марсовом поле «Театр Английских Пантомим» (1875–1876) и «Театр Пантомим» (1877). В 1878–1879 гг. Егарев входил в антрепризу В. Берга, являясь совладельцем балагана «Драматический и Пантомимный театр В. Егарева и А. Берг».

Шведская труппа братьев Легат выступала с пантомимой-арлекинадой в 1878–1879 гг. «Из четырех балаганов — три посвящены традиционной пантомиме, с неизбежными Арлекином, Пьеро, Коломбиной, Петиметром и Кассандром, с примесью пришлого элемента, — говорилось в обозрении масленичного гулянья 1878 г. — Как у Берга, соединившегося в нынешнем году с Егаревым, так и у Легата — декорации и всевозможные превращения устроены весьма удовлетворительно»¹⁸.

В 1881 г. Берг поставил свою пантомиму «Рождение Арлекина, или Обманутая дочь сатаны» и передал театр дочери — Анне Берг, где зрители в 1883 г. увидели последнюю арлекинаду «Сатанила дочь демона, или Талисман Арлекина». В 1884 г. театр прекратил свое существование.

В 1890-х гг. всего три феерии-арлекинады были показаны на гуляньях и все они были поставлены режиссером Алексеевым¹⁹ в театре Лейферта²⁰ «Развлечение и Польза» (появился на Марсовом поле в 1880 г.): «Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице» (1893), «Веселая кутерьма, или Ей-ей умру от смеха» (1893) и «Чудеса забытой арлекинады» (1895).

О последней арлекинаде газета писала: «Что же касается до “Чудес забытой арлекинады”, то арлекинады в чудесах никакой нет. Здесь только костюмы Арлекина, Пьеро, Пьеретты, Коломбины. Носители всех этих костюмов очень мирно беседуют, не вытворяя, однако, тех ловких акробатических полетов и проделок, которыми славилась постановка арлекинад доброго старого времени. Арлекин, Коломбина, Пьеро и Пьеретта г. Лейферта просто-напросто ограничиваются проделкой ряда чрезвычайных глупостей балаганного жанра, то есть именно того жанра, который приобрел права гражданства в фарсах последних времен»²¹.

¹⁸ Театр и музыка // Новое время. 1878. 21 февраля.

¹⁹ *Алексеев Алексей Яковлевич* (сценический псевдоним: Яковлев; 1850–1939) — режиссер, художник-декоратор и сценарист в антрепризах Лейферта в балаганных театрах «Развлечение и Польза» (1880–1898) и «Скоморох» (1890–1891) на Марсовом поле (Подробнее см.: *Конечный Альбин*. Петербургские балаганщики // Петербургские балаганы. СПб.: Гиперион, 2000. С. 14–21. См. также: Литературный факт. 2017. № 4. С. 335 и сл.).

²⁰ *Лейферт Абрам Петрович* (1849–1912?) — купец 2-й гильдии; устроитель различных зрелищ и развлечений; антрепренер театра «Развлечение и Польза» (1880–1898) (подробнее см.: *Конечный Альбин*. Петербургские балаганщики. С. 10–12).

²¹ На Марсовом поле и в манеже // Петербургская газета. 1895. 6 февраля.

Алексеев в этих постановках, которые он называет феерией-арлекинадой, берет от бывлой пантомимы только приемы «превращений» и «перемен» и вводит разговор персонажей, подменяя тем самым жанр арлекинады фарсом.

Так у какого балаганщика увидел впервые Александр Бенуа пантомиму-арлекинаду?

«Потребности в чем-то чудесном и блестящем вполне ответило зрелище, которое я сподобился тогда увидеть в одном из больших деревянных театров, а именно в театре Егарева, в котором все еще, по старой традиции давались арлекинады, — свидетельствует А.Н. Бенуа. — Раза три, четыре в следующие годы видел я ту же пантомиму, лишь украшенную некоторыми новыми трюками, а затем, к моему горю, балаган Егарева исчез с Марсова поля, и остался один только его конкурент — Берг. У него тоже шли арлекинады, но актеры у Берга — о ужас! — говорили. [...] Арлекин же выступал с бородой [...] Пьерро непрестанно зевал [...] Коломбина была старая и некрасивая [...] Мне еще нравилась декорация ада, в которой гигантские кулисы представляли собой сидящих на корточках чертей; головы их достигали самого верха сцены, а лапы схватывали врагов Арлекина и покачивали их при звуках “адской” музыки»²².

Итак, судя по рекламным объявлениям и программам представлений, в которых излагалось краткое содержание постановки, и обстоятельным обзорам гуляний, размещаемым на страницах газет тех лет, у Егарева Бенуа мог видеть следующие пантомимы. В «Театре Английских Пантомим»: «Страшный Пьеро», «Пьеро-близнецы, или Украденный поросенок», «Проказы Арлекина, или Похождение двух Пьеро на суше и море» (1875); «Похождения Альказара и Торибио, или Жертва волшебного мира», «Неудачное сватовство Джона Бокса, или Шалости влюбленного Арлекина» (1876). Все эти пять пантомим были сочинены и поставлены английскими пантомимистами братьями Ганлон-Ли. В одной из реклам Егарев сообщал, что в «Театре Английских Пантомим» «пантомима отличается от прежде здесь ставленных итальянских пантомим»²³. Пресса единодушно отмечала: «Из всех балаганов на Царицыном лугу особенное внимание публики обращает на себя театр английских пантомим г. Егарева и действительно, такой богатой постановки, таких замечательных декораций и превращений мы давно не видали»²⁴. В «Театре Пантомим» (1877), где выступала парижская труппа, шли: «Неустрасимый соперник долины чар и духов, или Потеха для смеха влюбленного Арлекина» — комическая волшебная пан-

²² Бенуа Александр. Кн. 2. С. 293, 296.

²³ Петербургская газета. 1876. 4 февраля. С. 4 (реклама).

²⁴ Театральное эхо // Петербургская газета. 1876. 7 апреля.

томима, с танцами, пением, переменами, превращениям, провалами (сочинена и поставлена Дарвиль); «Очарованная кузница, или Любовные проказы Арлекина» — фантастическая волшебная пантомима, с танцами, переменами, превращениями (сочинена и поставлена Деронсаром). В пантомимах, шедших в театрах Егарева, иногда отсутствует Коломбина (вместо нее появляется Клеретта — дочь кузнеца Акулы) или «на сцене фигурируют Фауст и Мефистофель, к ним пристегнуты Арлекин, как ученик Фауста, и Коломбина, исполняющая должность Маргариты»²⁵. Действие пантомим временами переносится в современность — в вагон поезда, на палубу судна или в парижский кафешантан «Альказар». В «Драматическом и Пантомимном театре В. Егарева и А. Берг» в 1878–1879 гг. в репертуаре была одна пантомима — «Талисман сатаны, или Свадьба с препятствиями» (сочинена и поставлена В. Бергом). Что касается финала пантомимы — апофеоза, особенно потрясшего Бенуа, в котором фея соединяет Арлекина с Коломбиной, а его преследователи попадают в ад, то у Егарева в 1876–1877 гг. он шел под названием: «“Подводное царство Наяды” — по картине Леонардо да Винчи», то есть действие происходило под водой.

Что на самом деле делалось на сцене в балагане Егарева — неизвестно. Газета отмечала, что пантомима у Егарева «при всей своей бессодержательности ведется очень смешно и живо. Нелепых, но внешне комических положений бездна. Нет надобности говорить, что все сводится к нечаянно опрокидываемым лестницам, падающим на голову мешкам, кувыркающимся и дерущимся героям. Все это очень глупо, но вызывает невольную улыбку»²⁶.

Однако ни одна из егаревских пантомим не соответствует арлекинаде, которую так подробно вспоминает Бенуа. Вероятнее всего, Бенуа выстраивает классический тип итальянской арлекинады из клишевых ситуаций пантомимы, из того, что он увидел у Егарева, а также в театре Берга, которого он упоминает, и, возможно, у Легата.

З.Г. Минц высказала предположение, что Бенуа осмысляет свои детские впечатления от арлекинады «в ключе более поздних воздействий лирики и драмы Блока “Балаганчик”», с оговоркой, что «степень этих воздействий и не ясна»²⁷.

Сквозной просмотр периодики показал, что если с 1830 по 1880 гг. пантомима-арлекинада занимала ежегодно ведущее место в репертуаре больших площадных театров, то в 1880-х–1890-х гг.

²⁵ Театр и искусство // Новое время. 1877. 30 марта.

²⁶ Петербургская летопись // Новое время. 1875. 18 февраля.

²⁷ Минц З.Г. В смысловом пространстве «Балаганчика» // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам XIX. Тарту, 1986. С. 48.

их было поставлено всего две: в балагане Анны Берг (1883) и в театре «Развлечение и Польза» (1895).

Однако при чтении мемуарной литературы, посвященной Старому Петербургу, создается впечатление, что арлекинада не сходилась со сцены площадных театров и в эти годы. Поэтому следует учесть, что традиционную пантомиму могли видеть мемуаристы, родившиеся не позже 1875–1876 гг. Большинство мемуаристов в описаниях арлекинады используют печатные источники и рассказы современников, либо находятся под воздействием мифа о былой арлекинаде, укоренившегося в сознании петербуржцев.

«Балаганы на Царицыном лугу! — вспоминает князь В.А. Оболенский. — Нелепые, примитивные пьесы [...] Но что-то увлекало в этих сумбурных зрелищах. Не говоря уже о простонародье, которое валом валило в балаганы, где зрители с увлечением участвовали в игре бурным смехом или возгласами поощрения и негодования, но и так называемая, “чистая публика” охотно их посещала. Очевидно, в этом народном лубке было нечто от подлинного искусства [...] Попадая в веселую густую толпу на балаганы, как-то сразу сливался с ней и радостно чувствовал себя в ней “своим”. Балаганы были, может быть, единственным местом старого Петербурга, где в одной общей толпе смешивались люди всех кругов и состояний, где рядом с поддевкой ломового извозчика можно было видеть шикарную шинель с бобровым воротником и треуголку лощеного лицеиста или правоведа, и где все были равны в общем, незамысловатом веселье [...] И как-то странно, что этот самый холодный и чинный из русских городов умел так преображаться в дни широкой масленицы»²⁸.

Литература

- Бенуа Александр.* Мои воспоминания. В пяти книгах: В 2 т. М: Наука, 1980.
- Гнедич П.П.* Книга жизни: Воспоминания. 1855–1918 / Под ред. В.Ф. Боцяновского. Л.: Прибой, 1929. 371 с.
- Миц З.Г.* В смысловом пространстве «Балаганчика» // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Вып. XIX. Тарту, 1986. С. 44–53.
- Конечный А.М.* Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 21–52.
- Конечный Альбин.* Петербургские балаганщики // Петербургские балаганы. СПб.: Гиперион, 2000. С. 14–21.

References

- Benua Aleksandr. *Moi vospominaniia*. 5 books in 2 vol. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)

²⁸ *Оболенский В.А.* Очерки минувшего. Белград, 1931. С.112.

Gnedich P. P. *Kniga zhizni: Vospominaniia, 1855–1918*, ed. V.F. Botsianovskiy. Leningrad, Priboi Publ., 1929. 371 p. (In Russ.)

Mints Z.G. “V smyslovom prostranstve ‘Balaganchika’”. *Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki. Trudy po znakovym sistemam*. Issue XIX. Tartu, 1986, pp. 44–53. (In Russ.)

Konechnyi A.M. “Peterburgskie narodnye gulian'ia na maslenoi i paskhal'noi nedeliakh”. *Peterburg i guberniia: Istoriko-etnograficheskie issledovaniia*. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 21–52. (In Russ.)

Konechnyi Al'bin. “Peterburgskie balaganshchiki”. *Peterburgskie balagany*. St.-Petersburg, Giperion Publ., 2000, pp. 14–21. (In Russ.)

What Was the Harlequinade Alexander Benoit Watched in a Slapstick Comedy?

Albin Konechnyi

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the historical and cultural context of the essay by A. Benois “Pancake week”, which later entered the chapter “Balagany” of his memoirs. A brief history of the appearance of the pantomime-harlequin in St. Petersburg is described. None of the pantomimes of Egarev corresponds to the arlecina, which Benoit recalls so closely. The fact is that the majority of memoirists in the descriptions of harlequin used printed sources and stories of contemporaries, or were under the influence of the myth of the former harlequinade.

Keywords: A. Benoit, pantomime, harlequinade, cultural history, memoirs

Information about the author: Albin M. Konechnyi, Senior research fellow at the Museum of the History of St. Petersburg (1979–1994) and the Russian Institute of Art History (1994–2014), St. Petersburg. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

Об одном некрологе Александру Блоку¹

И.З. Белобровцева

Аннотация: Републикация статьи-некролога А. Ветлугина на смерть А.А. Блока не только вводит ее в научный обиход, но и позволяет сделать выводы о рецепции творчества поэта молодым поколением русских литераторов, а также о приверженности А. Ветлугина канону серебряного века.

Ключевые слова: А. Ветлугин, Александр Блок, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Иванов-Разумник, литературные репутации, история русской литературы XX века.

Информация об авторе: Белобровцева Ирина Захаровна, доктор философии, проф. Института гуманитарных наук Таллинского университета. Эстония. E-mail: venefil@tlu.ee

Смерть А.А. Блока 7 августа 1921 года отозвалась во всех общественных и идеологических стратах России и эмиграции. Некрологов было настолько много, что в 1922 г. Лев Лунц счел необходимым посвятить им критико-библиографический обзор².

В нем названы газеты и журналы, поместившие некрологи, а также имена их авторов: Евг. Замятин, П. Коган, С. Родов, И. Ионов, С. Бобров и др. из Советской России и эмигранты П.Н. Милюков, Литовцев (С.Л. Поляков-Литовцев), М. Слоним. Особо Лунц выделил газету «Жизнь искусства», две полосы которой были отданы под отклики на смерть Блока³.

По разным причинам (например, ввиду лишь частичной доступности периодици русского зарубежья) в обзоре не учтено множество других откликов на смерть поэта. Так, по-видимому, наме-

¹ Благодарю Д.Б. Азиатцева и А.А. Данилевского за помощь в подготовке этой публикации.

² *Лунц Л.Н.* Посмертная литература о Блоке // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2004. С. 393–400.

³ Жизнь искусства. 1921. № 804. С. 5–6. В газете опубликованы статьи М. Кузмина «А. Блок», Ю. Анненкова «Смерть Блока», П. Сторицына «Моя встреча с А.А. Блоком», М. Шагинян «Поэт в театре», А. Каннаровича «Музыкант — поэту», Вл. Пяста «Умер Блок», Э.Л. «Из биографии Блока».

ренно выпущен некролог В.В. Маяковского, как можно предположить, из-за неуместной фразы о том, что в «своей знаменитой, переведенной на многие языки, поэме “Двенадцать” Блок надорвался»⁴. Есть и другие лакуны: не так давно А.Ю. Галушкин опубликовал некролог Б.А. Пильняка, обнаруженный им «в одном из номеров рязанских “Известий...” за 1921 год»⁵. Не упоминал Лунц и появившихся в эмигрантской прессе некрологов А.А. Койранского, А.А. Яблоновского, Ю.А. Никольского, Н. Потресова (С. Яблоновского) и др.

Отсутствует в перечне и статья А. Ветлугина «Жизнь без начала и конца», опубликованная в парижской газете «Общее дело» 13 августа 1921 г., о чем можно только пожалеть, поскольку по накалу страсти, глубине личной скорби, степени осмысления места Блока в русской литературе и культуре с ней едва ли могут сравниться и поименованные Л.Н. Лунцем, и оставшиеся за пределами его обзора материалы.

До эмиграции сообщение о смерти Блока доходит через несколько дней — первый некролог публикует 11 августа газета «Последние новости». На следующий день Ветлугин пишет А.П. Шполянскому (Дону Аминадо):

Дорогой Аминад Петрович!

Мы все смеялись, пили, ели, гуляли, имели дело с [здесь и далее замасано А.П. Шполянским], а тем временем умер Александр Блок. Никакое другое событие, никакая другая смерть (включая самых близких людей) не могла бы произвести на меня такого тягостного впечатления. Так глупо, так ненужно всё: и рю де ла Помп, и фельетоны всех [- -] собачьих и Лонгфелло в переводе и с предисловием Бунина. Представляю старую психопатку Гиппиус — что ж, она, надо думать, довольна? Многие хотелось бы написать об А.А., но это уже в будущей книге. Вот *не* воображаемый портрет! Для “Общего дела” написал статью на завтра (“Жизнь без начала и конца...”), но недоволен ей; наспех, на краешке стола, зная, что не поймут и т.д. [...]

Факт тот — на глазах 150.000.000 сифилиток, воров, убийц, онанистов, сумасшедших умер человек, ради которого стоило прощать Россию, умер попросту от голода. Цинга! Представляете, что это значит? Опущенные десны, скулы, выпадающие зубы...

А Пиппа всё пляшет, и мы всё пишем о Кутепове, Врангеле, Денисове, Миноре и думаем, что это кому-нибудь нужно...⁶

⁴ *Маяковский В.* Умер Александр Блок [газ. АГИТ-РОСТА. 1921. № 14, 10 авг.] // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 12. С. 21.

⁵ «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка / Предисл., публ. и примеч. А.Ю. Галушкина // *Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века.* Тарту: Tartu University Press, 2003. С. 180.

⁶ Цит. по: *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»:

Как и обещал, А. Ветлугин пишет о смерти А.А. Блока в «будущей книге». Д.Д. Николаев установил, что «первые сведения о ее подготовке относятся к началу октября 1921 г., когда в газете “Общее дело”, где сотрудничал А. Ветлугин, была опубликована информационная заметка (названия книги и ее глав. — *И.Б.*). [...] 11 ноября 1921 г. [...] газета “Общее дело” сообщала: “В середине декабря из[дательств]о “Франко-Русская Печать” в Париже выпускает новую книгу А. Ветлугина — “Третья Россия”»⁷. Еще несколько анонсов позволяют Д.Д. Николаеву определить дату выхода в свет «Третьей России» как 20–21 января 1921 г.

Статья «Жизнь без начала и конца» стала основой восьмой части главы «Последняя метель», в которой немало сказано об атмосфере серебряного века и в общественных настроениях, и в литературе. Теперь, благодаря републикации Андреем Устиновым амбициозного годового обзора «Русская поэзия в 1916 г.»⁸, впервые появившегося в газете «Приазовский край» в январе 1917 г. под настоящим именем 19-летнего А. Ветлугина — Владимир Рындзюн, стало ясно, что он самым пристальным образом следил за всеми деталями литературного процесса, а Блок занимал в его представлении о поэзии XX в. вершинное место.

Трансформируя, развивая, преобразуя статью-некролог в книжную главку, А. Ветлугин многое меняет: опускает маловажное, сиюминутное, дописывает прояснившееся за эти месяцы, меняет композицию и даже характеристики *personalia*. Большая часть таких изменений прослежена и откомментирована Д.Д. Николаевым для подготовленного им издания «Третьей России» в составе избранных произведений А. Ветлугина⁹. При этом, исходя из объекта комментариев, исследователь двигался в обратном направлении — от книги к статье. Наша задача представляется «зеркальной»: это комментарии к некрологу с обращением к некоторым, наиболее важным, изменениям в книжном варианте. Публикация некролога в его аутентичном виде важна как свидетельство первого, почти спонтанного (напомним слова А. Ветлугина из письма Дону Аминадо — «наспех, на краешке стола») движения души, порыва, внезапного ощущения утраты — всего того, что в работе над книгой приобретает уже более «гладкий» вид, отчасти лишится резкости суждений, зато добавит всему сказанному эстетическое значение.

Письма А. Ветлугина Дон Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашида Янгирова / Сост. Я. Левченко. СПб., 2011. С. 221–222.

⁷ Николаев Д.Д. Комментарии // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. М., 2000. С. 422.

⁸ Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.

⁹ Николаев Д.Д. Комментарии // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 433–435.

А. Ветлугин

Жизнь без начала и конца¹⁰

Жизнь без начала и конца,
Нас всех подстерегает случай,
Над нами сумрак неминучий,
Иль ясность Божьего лица!¹¹

Этими словами, прозвучавшими на грани двух миров, на рубеже 1916 и 1917 гг., начинал А.А. Блок свое «Возмездие» — гениальную, оставшуюся незаконченной поэму.

В четырех строках сущность его изумительного жития, его творчества, которое однажды Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) пытался определить формулой: «Трагедия трезвости!»¹²

¹⁰ Публ. по: Общее дело. 1921. 13 августа. № 392. С. 3.

¹¹ В книге «Третья Россия» раздел, посвященный смерти А.А. Блока, начинается иначе: «Скоро снова повалит снег, завоют ветры и белым каркасом зайнется Великая Пустыня. Первая метель без Блока. Толкователь метелей ушел. Что услышал он в зове последней всенней метели?»

...Но, милый Лео, я не лгу —

Мне холодно, в моей душе мороз...»

(Ветлугин А. Третья Россия // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 144). Стихотворные строки взяты из публикации «“Двенадцать” (Собственный комментарий А.А. Блока)» (Руль. 1921. 28 августа) и якобы воспроизводят письмо Блока к некоему Leo Lu. Р.Д. Тименчик раскрыл эту мистификацию латвийского литератора Леонарда Юлиановича Король-Пурашевича: «Заложённая шалуном из “Рижского курьера” мина сработала. Перепечатки, ссылки и цитаты пошли по русской эмигрантской печати на всех широтах» (Тименчик Р.Д. Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и друзей. М.; Иерусалим, 2016. С. 95). Можно предположить, что А. Ветлугин подозревал подделку, так как вольно переставляет строки и отказывается от последнего стиха, по всей видимости, представлявшего ему легковесным и поверхностным:

Мне тяжело, — я не могу...

Мне холодно: — в душе мороз. —

Но, милый Лео, — я не лгу: —

Грядет, — уже грядет Христос!

¹² В «Воспоминаниях о Блоке» (1922) Белый одну из глав назвал «Трагедия трезвости!..» В дневниковой записи от 16 августа 1921 г. он свидетельствует, что эта трактовка нашла признание у самого Блока: «...когда в 1917 году (в начале года) я высказывал Блоку мысли о его творчестве, лучшие в основу моей статьи о нем в “Ветви”, то он весь расцвел, когда я ему рассказал о моем толковании его аллитерации 3-го тома “т”, “р”, “д” (“тр”–“др”): “Трагедия трезвости”. Именно с тем, что третий том есть трагедия трезвости, самосознание [...] — с этим он был глубоко согласен» (Белый А. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М.: Республика, 1997. С. 454). По справедливому замечанию Д.Д. Николаева, «эта формула была повторена А. Белым 28 авг. 1921 г. в его речи на открытии заседания Вольной Философской Ассоциации,

У автора «Розы и креста»¹³ потерялись начала: *«рожденные в года глухие, пути не помнят своего, мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего»!*¹⁴ И мощная песнь Гаэтана, — гимн радости-страданию¹⁵ — пропадала в зовах песенных метелей; у автора «Двенадцати» не оказалось концов: все пережитые им жизни (их было столько, сколько цветов в его венке) оборвались, смешались, растворились в тот январский день 1918, когда он увидел «12 апостолов» в шинелях и с винтовками¹⁶; в реальном до фантастичности Петрограде его посетило видение, которое на 30 лет раньше встретило Ницше на вершинах швейцарского Энгадина¹⁷.

посвященного памяти А. Блока» (см. коммент. в: *Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 433*): «Блок, с присущей ему “трагедией трезвости”, с особым тщанием разлагает этот мир; но, с другой стороны, этот мир, сначала не узнанный, продолжается в нем» (Памяти Александра Блока. Томск: Водолей, 1996. С. 28).

¹³ А. Блок определял драму «Роза и крест» (1913) как «драму человека Бертрана; он — не герой, но разум и сердце драмы; бедный разум искал примирения Розы никогда не испытанной Радости с Крестом привычного Страдания. Сердце, прошедшее долгий путь испытаний и любви, нашло это примирение лишь в минуту смерти» (*Блок А. «Роза и Крест». К постановке в Художественном Театре // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. Т. 4. С. 529*).

¹⁴ С небольшими неточностями воспроизведена первая строфа посвященного З.Н. Гиппиус стихотворения «Рожденные в года глухие...» (1914): «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы — дети страшных лет России — / Забыть не в силах ничего».

¹⁵ А. Блок так определял смысл песни Гаэтана: «Есть песни, в которых звучит смутный зов к желанному и неизвестному. Можно совсем забыть слова этих песен, могут запомниться лишь несвязные отрывки слов, но самый напев все будет звучать в памяти, призывая и томя призывом. Одну из таких туманных северных песен спел в южном французском замке заезжий жонглер. Песня говорила о том, что в мире повсюду беда и утраты и что рыцарь должен отметить грудь свою знаком креста, ибо “сердцу закон непреложный — Радость-Страданье одно”» (*Блок А. «Роза и Крест». К постановке в Художественном Театре. С. 527*).

¹⁶ В книге Ветлугин «озвучивает» изображенную Блоком картину шествия 12-ти, как бы представляя, наигрывая читателю музыку, которую неминуемо слышал Блок: «В тот январский вьюжный денек 1918, когда впервые прошли двенадцать апостолов в красноармейских шинелях, шелкая затворами, горланя свою странную песню. На Офицерской улице, в красном городе Петрограде, под рев грузовиков, лай пулеметов, ропот замерзающих — его посетило видение ... [...] И новая мысль Блока, и музыка “Двенадцати” (для тех, конечно, кто умеет слышать музыку) — больше ... [сильнее, чем зов], сложнее, чем жажда дешевой символики. [...] Ее можно было или, не услышав, не узнать, или, услышав, умереть» (*Ветлугин А. Третья Россия. С. 145*).

¹⁷ В августе 1881 г. в жизни Ницше происходит главное событие: в долине Верхнего Энгадина на него снисходит видение, которое он как мистик предчувствовал за несколько дней. Это была идея *Вечного возвращения*, то есть

Мысль Блока, музыка «Двенадцати» больше, чем кошмар, сильнее, чем зов, страшнее, чем привидение. По мощи она равна «вечным возвращениям»; можно было ее побороть или от нее умереть. И Блок умер, как двадцать лет назад умер Ницше, как два года назад умер В.В. Розанов.

Одна из последних мыслей Розанова — воспоминание о Блоке; одно из последних желаний Блока — написать статью о Розанове¹⁸.

И у обоих все начала и концы в Заратустре: *incipit tragoedia*...¹⁹

2.

Вскоре после московского октября, когда колесница большевизма уже топтала всю спящую Россию, я сидел у Вячеслава Иванова в нетопленной квартире на Зубовском бульваре.

Говорили о тех, кто казался надеждой русской поэзии: о Блоке и Белом. С обоими Вяч. Иванов связывали старые серьезные связи жреца и прозелитов, волхва и ищущих. Андрей Белый главу за главой читал ему свой «Петербург» и советовался; Блок, очень многим в своем развитии обязанный В. Иванову, написал ему однажды: «О скольких душ пустынный холод своим ты холодом пронзил»!..²⁰

Своим тягучим старческим голосом, в неизменной позе Тютчева (с пледом на зябнущих коленях), Вяч. Иванов, сравнивая обоих, сказал: «в Белом я начинаю сомневаться; были дни, когда я его в шутку называл — «Гоголек», и думал, что из него Гоголь выйдет. Теперь навряд. Без остатка пожрал его Штейнер²¹. У Блока другая

возможности повторения любого явления или события, причем бесчисленное количество раз. Это, по Ницше, исключало надежду на небесную жизнь и какое-либо утешение. См. об этом: *Подорога В.* Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995 (Раздел II. На высоте Энгадина. Фридрих Ницше).

¹⁸ Дочь В.В. Розанова 9 июля 1919 г. обратилась к Блоку с просьбой передать ей адресованное ему письмо ее отца. Блок отвечает: «Письмо очень драгоценно; я очень хотел бы написать вокруг него несколько воспоминаний» (*Перцов П.П.* Воспоминания о В.В. Розанове / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Сукача // *Новый мир.* 1998. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/10/percov.html).

¹⁹ «*Incipit tragoedia* предлагает связь между вечным возвращением и трагедией. [...] *Incipit tragoedia* означает “трагедия начинается” [...]. В расширительном смысле это означает “начало трагедии” или “рождение трагедии”. Эти слова устанавливают важные связи между Заратустрой и самой первой книгой Ницше “Рождение трагедии”. [...] Заратустра и его учение в контексте мыслей Ницше соотносятся с трагическим искусством» (*Chapelle D.* Nietzsche and Psychoanalysis. Albany: SUNY Press, 1993. P. 70).

²⁰ Строки из стихотворения А. Блока «Вячеславу Иванову» (1912).

²¹ Штейнер Рудольф (1861–1925) — австрийский философ, оккультист, основатель антропософии и Антропософского общества. А. Белый находился

опасность — как-то встретит он большевистского коня бледного?²² То, что у Белого спасется в многогочии, в пафосе, у Блока уйдет внутрь и будет он испепелен!..

Через месяц вышли «Двенадцать»... В первый раз поэма была напечатана в левозсеровской газете (в Москве) «Знамя Труда»²³ — и совершилась величайшая в мире трагическая ошибка. Стаи кознязычных партийных шакалов бросились цитировать Блока на митингах (Блок на митинге?!), в шпаргалках, в отвратительных передовых, расклеили плакатами на стенах, на вагонах, в буфетах I класса и т.д.

А потом появился злой гений Блока — Иванов-Разумник — линючее создание — и снабдил «Двенадцать» таким предисловием, от которого деревья застонали²⁴. Не у каждого великого поэта есть доктор Эккерман²⁵, но каждому грозит Иванов-Разумник. Когда весной 1918 А.А. Блок приехал в Москву, при первой же встрече (в доме В. Иванова) я решил спросить его, зачем и кому понадобилась эта профанация?

под сильным влиянием Штейнера в 1912–1916 гг. Вяч. Иванов осенью 1912 г. «хотел вступить в Общество и просил устроить ему свидание со Ш., но Ш. поручил нам (А. Белому и его первой жене А. Тургеневой. — *И.Б.*) отсоветовать Иванову это намерение» (*Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1970. № 15. С. 236–251. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0410.shtml*).

²² Реминисценция на Откровения св. ап. Иоанна Богослова: «И вот, конь бледный и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним...» (Ап. 6: 8).

²³ В номере газеты от 18 февраля 1918 г.

²⁴ Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — историк русской литературы и общественной мысли, редактор сборников «Скифы» (1918), один из руководителей Вольной философской ассоциации (Вольфила), заведующий литературным отделом газеты «Знамя труда». А. Ветлугин весьма субъективен в своем отношении к Иванову-Разумнику и его статье «Испытание в грозе и буре», печатавшейся как предисловие к поэме «Двенадцать». А.В. Лавров, отмечая серьезное несходство эстетических воззрений его и Блока («Блок в своих размышлениях о сути “нового” искусства был внутренне бесконечно далек от рационалистических выкладок Иванова-Разумника»), тем не менее признает, что «в первые месяцы после Октябрьской революции Иванов-Разумник оказывается едва ли не самым близким Блоку человеком из литературного мира», а «после опубликования статьи в первом номере “Нашего пути” Блок записал: “Издавать “Двенадцать” и “Скифы” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью” (3[аписные] К[нижки], 400). Таким образом, он расценил “Испытание в грозе и буре” как вполне соответствующий смысл его произведений критический комментарий» ([*Блок А.] Переписка с Р.В. Ивановым-Разумником / Вступит. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 368, 377, 378*).

²⁵ Эккерман Иоганн Петр (1792–1854) — литературный секретарь И.В. Гете, автор книги «Разговоры с Гете в последние годы его жизни (1823–1832)».

И с глубокой грустью Блок ответил: «если б вы знали, как волнует меня это предисловие и вся эта шумиха. О, это мне дорого обойдется»...

Тому, кто хоть раз в жизни прочел «Двенадцать», не приходится объяснять, в чем разница между *мыслью* Блока и мыслью Ленина, между катастрофическим сознанием новой эпохи и коммунистическим манифестом.

И если каждый гений, в чьей душе звучит музыка предчувствия, может быть расклеен на плакатах, тогда остается посоветовать Коминтерну широко использовать Христа и Ницше, тем с большей безопасностью, что... величие души не заразительно!..

3.

Было бы величайшей пошлостью в сотне случайных строк говорить о значении творчества Блока, который предопределяет судьбы XX столетия русской поэзии (как Пушкин — XIX) — или о содержании и этапах его трагедии: Блок — узник Северной коммуны — такое же исключительное по значению явление, как Петрарка в Авиньоне, Вольтер в Фернее, Толстой в Ясной Поляне²⁶.

Он был немногословный, замкнутый, с гордой застенчивой душой, с земным усталым сердцем, с мыслью, озаряемой горными молниями. И нужно ли рассказывать, как тосковал он, как перегорал в своем отъединении среди голодных, продающих, растленных²⁷.

Вспоминаю одну такую встречу: Иванов-Разумник читал доклад — обычное ярмарочное остроумие, хихиканье, хватки, взлеты

²⁶ Северная коммуна — Союз коммун Северной области, объединение северных и северо-западных губерний в Советской России в 1918–1919 гг. А. Ветлугин, говоря о Блоке — узнике Петрограда, выстраивает ряд самодостаточных «отшельников», выбравших своей линией жизни отгороженность от общества: безвыездное пребывание Петрарки в Авиньоне в 1326–1374 гг. именуется «воклозским отшельничеством»; практически безвыездно жил в Ферне Вольтер в 1759–1778; Толстой постоянно жил в Ясной Поляне в 1856–1910 гг.

²⁷ В книге А. Ветлугин далее описывает тяготы петроградской жизни А. Блока: «Голодал, замерзал, стоял в хвостах, и однажды в очереди за яблоками приезжий молодой человек, заметив странного соседа с лицом скандинавских мореплавателей, спросил у знакомого: “Что здесь делает этот шведский шкипер?..” “В детстве, — вспоминал Блок, — у меня была горячая мечта — стать юнгой. Теперь мне сорок лет, на корабль так и не поступил, а всё чувствую себя почему-то моряком”» (Ветлугин А. Записки мерзавца. С. 147). Этот рассказ содержит текстуальные совпадения со статьей П. Сторицына «Моя встреча с Блоком», то есть в промежутке между публикацией статьи и выходом книги А. Ветлугин ознакомился с материалами на смерть Блока, опубликованными в упомянутом выше выпуске газеты «Жизнь искусства» (1921. 16–21 авг. № 804. С. 5–6).

ужа в небо²⁸. Тусклые умирающие лампочки, громадный нетопленный зал; Батюшков в валенках и драной шубейке, Венгеров запустил пятерню в лохматую бороду и строчит что-то в блокнот; будет возражать... Брюсов — надменный, торжественно-жалкий в своем черном сюртуке и красном галстуке при золотой цепочке; Бобров (отец «Центрифуги») грызет ногти с вызовом и иронией; Айхенвальд, шевеля губами, повторяет про себя какие-то складываемые фразы²⁹, Маяковскому скучно, нужно поддерживать репутацию: время от времени он лениво стучит ногой по попугаю и кричит: «хам»!..

В самом заднем ряду, на маленьком полусломанном стульчике сидел Блок; развязный прыщавый «левый эсер» что-то шептал ему на ухо, он сидел неестественно спокойный, бледный, опустил глаза, слушал и своего соседа, и Разумника, повествовавшего о «прозрениях Блока, Есенина, Клюева»... от всей его фигуры веяло такой безысходной обреченностью, что вспоминались столь излюбленные им строки Лермонтова:

Скакун на волю господина
Из битвы вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его на воле догнала...³⁰

²⁸ Реминисценция из «Песни о соколе» (1895) М. Горького, где уж, решившийся испытать ощущение полета, прынул в воздух и тут же упал на камни. Именно в этом абзаце встречается примелькавшаяся цитата: «Рожденный ползать — летать не может!»

²⁹ Батюшков Ф.Д. (1857–1920) — историк русской литературы и литературный критик; после революции редактор и комментатор издательства «Всемирная литература»; Венгеров С.А. (1855–1920) — литературный критик, историк русской литературы, библиограф; составитель «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» (6 т., 1886–1904); Бобров С.П. (1889–1971) — поэт, переводчик, литературный критик, стиховед. Один из организаторов русского футуризма. Глава издательства «Центрифуга» (основано в 1914), основатель литературной группы «Центрифуга» (1914), объединившей участников символистского кружка «Лирика» (С.П. Бобров, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев) и поэтов-футуристов Божидара и К. Большакова, а также И.А. Аксенова, Б.А. Кушнера и др. Его неуживчивый характер, язвительная манера общения стали источниками некоторых мифов. Например, на одном из выступлений Блока Бобров якобы назвал его «поэтическим мертвецом» (современные исследования этого не подтверждают). Айхенвальд Ю.И. (1872–1928) — литературный критик, профессор народного университета им. А.Л. Шанявского по кафедре русской словесности, переводчик Шопенгауэра. Наиболее популярные труды — сборники «Силуэты русских писателей» (3 вып., 1906–1910) и «Этюды о западных писателях» (1910). Октябрьскую революцию не принял, издал попавшую под запрет книгу «Наша революция. Ее вожди и ведомые» (М., 1918). В 1922 г. арестован и выслан на «философском пароходе» в Германию.

³⁰ Строки из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» приводятся по цитате из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910). У Лер-

...В далекие, сравнительно счастливые дни 1916 г. у него на квартире на Галерной улице, в маленьком кабинете, половину которого занимал ковровый диван, Блок без всякой внешней связи с разговором прочел эти строки и сказал: «Какая жуть — жизнь Лермонтова, его непогрешимые предчувствия. На днях я сидел за редактированием перевода Флобера и с ясностью необычайной ощутил — ни этого дела, ни большой программы своей жизни я не доведу до конца. Вот увидите: “Возмездие” (он его только что начал) не будет окончено»...³¹

В этом же году, в странном таинственном стихотворении («Было то в темных Карпатах») он написал: «Спи старый друг, терпи, терпи, терпеть не долго, крепче спи!.. Всё равно, ведь никто не поймет, ни меня не поймет, ни тебя, ни что ветер поет нам, звеня»...³²

...Выстрел Дантеса, выстрел Мартынова, красная цинга. 37 лет, 27 лет, 41 год. И снова полупонятый, снова — «с досадой тайною обманутых надежд»³³ ушел от России ее великий поэт.

Как Скрябин, он пророчил, как Скрябин, он не дождался³⁴.

Литература

Белобровцева И. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашида Янгирова / Сост. Я. Левченко. СПб.: Своё издательство, 2011. С. 205–231.

[Блок А.] Переписка с Р.В. Ивановым-Разумником / Вступит. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1981. Кн. 2. С. 366–414.

монтова фрагмент имеет следующий вид: «Скакун лихой, ты господина / Из боя вынес, как стрела, / Но злая пуля осетина / Его во мраке догнала!» Особого внимания заслуживает удвоение Блоком вообще не встречающегося у Лермонтова слова *воля*.

³¹ Работа Блока над поэмой «Возмездие» датируется 1910–1921 гг. Значительная ее часть была закончена в 1911 г., позже Блок возвращался к ней в 1912, 1914, 1916 гг. Последний период интенсивной работы — в январе, мае, июне, июле 1921 г. и за несколько недель до смерти. Блок считал поэму избыточной и в предисловии к ней написал, что не чувствует «ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла» (Блок А. Предисловие // Блок А.А. Собр. соч. Т. 3. С. 295).

³² В стихотворении «Было то в темных Карпатах» (1913–1914) две первые строки последней строфы выглядят иначе: «Жди, старый друг, терпи, терпи, терпеть не долго, крепче спи!..», — что, впрочем, не снимает мотива близкой смерти.

³³ Строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

³⁴ А. Ветлугин ссылается здесь на многочисленные пророчества-предсказания А.Н. Скрябина (1872–1915) относительно будущего человечества, роли музыки в его возрождении, собственной судьбы и т.д.

Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / Изд. подгот. Д.Д. Николаев. М.: Лакон, 2000. 450 с.

Галушкин А.Ю. «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. С. 180–183.

Лунц Л.Н. Посмертная литература о Блоке / Публ. Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 393–400.

Перцов П.П. Воспоминания о В.В. Розанове / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Сукача // Новый мир. 1998. № 10. С. 146–160.

Подорога В. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995. 426 с.

Тименчик Р.Д. Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и друзей. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2016. 830 с.

Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.

Chapelle D. Nietzsche and Psychoanalysis. Albany: SUNY Press, 1993. 258 p.

References

Belobrovtsava I. “‘Vami zabytyi i Vas liubiashchii A. Vetlugin’: Pis'ma A. Vetlugina Don Aminado”. *Rabota i sluzhba: Sbornik pamiaty Rashita Iangirova*, comp. Yan Levchenko. St.-Petersburg, Svoe izdatel'stvo publ., 2011, pp. 205–231. (In Russ.)

[Blok A.] “Perepiska s R.V. Ivanovym-Razumnikom”, introd., ed., comm. A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 92 “Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia”. Moscow, Nauka publ., 1981, book 2, pp. 366–414. (In Russ.)

Chapelle D. *Nietzsche and Psychoanalysis*. Albany, NY, SUNY Press, 1993. 258 p.

Galushkin A.Iu. “...Kto zabudet Blokovu krov'?” Neizvestnyi nekrolog B. Pil'niaka”. *Blokovskii sbornik XVI: Alexander Blok i rusaska literatura pervoi poloviny XX veka*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003, pp. 180–183. (In Russ.)

Lunts L.N. “Posmertnaia literatura o Bloke”, ed. T.A. Kukushkina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god*. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2004, pp. 393–400. (In Russ.)

Pertsov P.P. “Vospominaniia o V.V. Rozanove”, ed., introd., comm. V. Sukach. *Novyi mir*. 1998, № 10, pp. 146–160. (In Russ.)

Podoroga V. *Vyrazhenie i smysl: Landshaftnye miry filosofii: Seren Kierkegaard, Friedrich Nietzsche, Martin Heidegger, Marsel Proust, Franz Kafka*. Moscow, Ad Marginem, 1995. 426 p. (In Russ.)

Timenichik R.D. *Angeli-liudi-veshchi: v oreole stikhov i druzei*. Moscow, Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2016. 830 p. (In Russ.)

Ustinov A. “Russkaia poeziia 100 let nazad: vzgliad iz Rostova”. *Siuzhetologii i siuzhetografiia*. 2016, № 1, pp. 173–184. (In Russ.)

Vetlugin A. *Sochineniia: Zapiski merzavtsa*, ed. D.D. Nikolaev. Moscow, Lakom, 2000. 450 p. (In Russ.)

An Obituary on the Death of Alexander Blok

Irina Z. Belobrovtsseva

Abstract: Republication of the A. Vetlugin's obituary — an article in memoriam Alexander Blok introduces it into scientific discourse, clarifies the attitude of the younger poets to Alexander Blok's heritage and demonstrates A. Vetlugin's adherence to the silver age canon.

Keyword: A. Vetlugin, Alexander Blok, Vyacheslav Ivanov, Andrey Bely, Ivanov-Razumnik, literary reputation, history of the XX century Russian literature.

Information about the author: Irina Z. Belobrovtsseva, Doctor Hab. in Philosophy, Professor, School of Humanities of the Tallinn University. Estonia. E-mail: venefil@tlu.ee

История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки)¹

С.Н. Морозов

Аннотация: Статья посвящена истории подготовки и публикации Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис». Публикуются отрывки переписки писателя с официальным представителем издательства М.С. Капланом. Согласно договору, собрание должно было быть выпущено в течение 1934–1935 гг. Однако сотрудничество Бунина с «Петрополисом» обернулось постоянными задержками, срывами сроков и непрофессионализмом издателей.

Ключевые слова: И.А. Бунин, русская литература XX в., издательство «Петрополис».

Информация об авторе: Сергей Николаевич Морозов, к.ф.н., старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

После присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии в 1933 г. к писателю начали обращаться многие издательства, как русские, так и иностранные с предложением издать его произведения, перевести их на иностранные языки. Бунин избрал для выпуска своего Собрания сочинений одно из крупных русских издательств в эмиграции — «Петрополис», которое располагалось в Берлине.

Кооперативное издательство «Петрополис» было создано в Петрограде 1 января 1918 г. В начале своей деятельности оно занималось покупкой и продажей книг, организацией лекций по искусству, выставок. Учредителями издательства были библиофил, театральный критик и переводчик Яков Ноевич Блох (1892–1968), экономист Абрам Саулович Каган (1889–1983), филолог-романист и переводчик Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942). Собственно издательской деятельностью «Петрополис» начал заниматься с конца 1920 г. До 1922 г. были изданы произведения А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама, М.А. Кузмина, Е.И. Замя-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект №17-18-01410.

тина, И.Г. Эренбурга, монографии о современных поэтах и художниках, сборники по истории и теории театра. Известная издательская марка «Петрополиса» была создана по эскизу М.В. Добужинского.

В 1922 г. сначала в Берлин переехал Я.Н. Блох, чуть позже, в ноябре того же года был выслан за границу А.С. Каган. Они в 1923 г. открыли отделение издательства «Петрополис» в Берлине. Первое время книги выходили с обозначением двойного места издания: Петроград — Берлин, но с 1924 г. деятельность издательства в Петрограде полностью прекратилась. В то время Берлин стал издательской столицей русской эмиграции: большинство русских издательств находилось именно здесь (87 из 130 издательств всей эмиграции). Сначала «Петрополис» издавал произведения советских авторов, которые не могли быть выпущены в России — Б. Пильняка и О. Савича, а также русских писателей-эмигрантов: Бунина, Р. Гуля, Б. Темиряева (Ю.П. Анненкова), М.А. Осоргина, М.А. Алданова, Р. Блох, Н.А. Тэффи, Н.Н. Берберовой и др.

В конце 1932 г. «Петрополис» вместе с парижским «Домом книги» стал развивать книготорговую деятельность, купив книжные склады «Москва» и «Логос». Генеральным представителем «Петрополиса» во Франции и Бельгии стал парижский «Дом книги», основанный М.С. Капланом (1894–1979) и Л.А. Чертоком.

В 1933 г. издательство «Петрополис» переезжает в Брюссель, однако до 1939 г. книги «Петрополиса» выходят и в Берлине.

Итак, приняв решение издавать свое Собрание сочинений в «Петрополисе», Бунин начинает вести переговоры с М.С. Капланом, возглавлявшим парижский «Дом русской книги». Издание Собрания сочинений Бунина стало самым крупным проектом «Петрополиса», да и во всей русской эмиграции первой волны было уникальным явлением.

История подготовки этого издания началась 31 марта 1934 г., с даты подписания Договора между Буниным и Капланом — представителем издательства «Петрополис» в Париже. Основная переписка по вопросам подготовки и издания Собрания сочинений велась между Буниным и Капланом, иногда писатель направлял свои письма напрямую в Берлин сотрудникам «Петрополиса». Это положение несколько осложняло общую работу и, по всей видимости, затягивало процесс издания Собрания сочинений. Однако Каплан выступал не только посредником между Буниным и издательством, но также являлся координатором всех работ по изданию томов Собрания сочинений, а также непосредственно руководил распространением вышедших книг. При этом в Париже интересы Бунина защищали адвокат М.Л. Кантор, литературный агент М.Л. Слоним.

По издательскому договору «Петрополис» брал на себя обязательство «выпустить в свет все 10 томов в срок не позже 12-ти ме-

сяцев со дня подписания настоящего договора, при условии, что АВТОР не будет задерживать сдачей материалов и корректур» (пункт 3). Однако издание Собрания сочинений Бунина, которое в итоге составили 11 томов, растянулось на два года.

После внимательного прочтения издательского договора можно только поражаться, как невыгодно для Бунина он был составлен. Напротив, издательство «Петрополис» в этом договоре предусмотрело все нюансы этого проекта и учло все риски по изданию этого Собрания сочинений. Так, в 16-м пункте договора говорится: «Со всего проданного количества комплектов собрания и отдельных томов такового, до полного покрытия всех определенных в 52000 франков расходов по изданию ИЗДАТЕЛЬ не платит АВТОРУ никакого гонорара. Со всего проданного количества после покрытия расходов по изданию, авторский гонорар определяется в размере 15% при продаже комплектов собрания и 20% при продаже отдельных томов собрания». Помимо этого, в договоре существует еще два ограничительных пункта: «б) АВТОР обязуется не выпускать в свет во все время действия настоящего договора включенных в собрание произведений, каждый том которого печатается в количестве не свыше ОДНОЙ ТЫСЯЧИ экземпляров. В случае распродажи всего тиража до окончания срока настоящего договора, преимущественное право переиздания принадлежит ИЗДАТЕЛЮ. 7) Через ТРИ года после выхода в свет последнего тома означенного собрания, АВТОР свободен переиздавать все собрание или отдельные включенные в него произведения».

В связи с этим, помимо своего Собрания сочинений, за шесть лет (с 1934 по 1939 гг.) Бунин смог издать только одну книгу: «Освобождение Толстого» (Париж, 1937). 10 мая 1936 г. в дневнике писатель с горечью записывает: «Да, что я наделал за эти 2 года [...] агенты, которые вечно будут получать с меня проценты, отдача Собрания сочинений бесплатно — был вполне сумасшедший. С денег ни копейки доходу... И впереди старость, выход в тираж»².

Помимо всех ограничивающих писателя пунктов договора, был и еще целый ряд не предусмотренных в его тексте событий, которые происходили в связи с преследованием издательством своих интересов. Издательство «Петрополис» неоднократно нарушало пункты договора, затягивало издание очередных томов, неряшливо выполняло корректорскую работу и внесение авторской правки в текст. И при этом довольно регулярно издательство обвиняло Бунина в несвоевременной присылке материала для очередных томов, в задержке корректуры, объясняя именно этим долгий процесс издания Собрания сочинений. В действительности, как это наглядно

² Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост., примеч. А.К. Бабореко. М., 2000. Т. 7. С. 426.

видно по переписке, а также по ремаркам Каплана на полях писем, Бунин не только не затягивал с присылкой материала и возвратом корректуры, но и постоянно торопил издательство, указывая на соответствующие пункты в договоре.

Отличительной особенностью Собрания сочинений Бунина, выпускаемого издательством «Петрополис», было то, что оно выходило по старой орфографии, как, собственно, почти все произведения писателя, которые публиковались при его жизни. Это положение создавало для издательства дополнительные трудности, т.к. к этому времени уже вся его книжная продукция печаталась по новой орфографии. Новое правописание Бунин не принимал категорически и не признавал до конца своей жизни. В одной из своих статей писатель заявлял по этому поводу: «Невежда и хам ни с того ни с сего объявил заборную орфографию: опять покоряйся, пиши по ней! Я отвечаю: не могу, не хочу — уже хотя бы потому, что по ней написано за эти десять лет все самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на земле»³. Следует отметить, что вся деловая переписка с издательством «Петрополис» велась с обеих сторон также по старой орфографии.

К изданию своего Собрания сочинений, как и к любому новому изданию своих произведений, Бунин относился чрезвычайно тщательно и требовательно: он правил свои тексты в рукописи, вносил поправки и в корректуру, чем, как видно из переписки, нередко раздражал своих издателей. В оживленной переписке Бунин обсуждает каждый нюанс будущего Собрания сочинений: бумагу, шрифт, формат томов, их оформление, текст обложки, размер шрифта на ней, довольно резко возмущается опечатками, нередко встречающимися на страницах томов, почти в каждом письме сетует на медленную работу издательства.

Со своей стороны, издательство «Петрополис» стоит на охране своих интересов, даже требует от писателя дополнительных денег за изменения в корректуре, пытается указывать Бунину на последовательность выхода в свет томов, в очередной раз нарушая договор, в пункте 4-м которого говорится: «Порядок выхода в свет томов, редактирование всего издания предоставляется АВТОРУ».

Такое положение дел очень волнует и раздражает Бунина, который неоднократно грозит обратиться в суд или опубликовать открытое письмо в газетах. Однако издание продолжалось благодаря тому, что сам Бунин не любил подобных скандалов и все эти спорные моменты разрешались, иногда даже с помощью заключения нового условия по дальнейшему выпуску Собрания сочинений. По ниже приведенному списку видно, как неравномерно и с какими паузами выходили тома Собрания сочинений.

³ Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 1998. С. 228.

Как было указано в издательском договоре, последовательность выхода томов Собрания сочинений определялась И. Буниным. В итоге тома выходили в следующем порядке:

Т. 7. Митина любовь. Солнечный удар: [Рассказы 1924–1926 гг.]. 1934 (октябрь). 250 с., 1 л. портр.

Т. 2. Деревня. Суходол: Повести 1909–1911 гг.; [Стихотворения 1908–1911 гг.]. 1934 (ноябрь). 306 с., 1 л. портр.

Т. 3. Древний человек: [Рассказы 1911–1912 гг.; Стихотворения 1912 г.]. 1934 (декабрь). 266 с., 1 л. портр.

Т. 5. Господин из Сан-Франциско: [Рассказы 1915–1916 гг.; Стихотворения 1916 г.]. 1935 (февраль). 230 с., 1 л. портр.

Т. 4. Последнее свидание: [Рассказы 1912–1913 гг.; Стихотворения 1913–1914 гг.]. 1935 (март). 202 с., 1 л. портр.

Т. 6. Братья: Рассказы и стихотворения [1913–1916 гг.]. 1935 (апрель). 244 с.

Т. 8. Несрочная весна: Рассказы и стихотворения 1916–1925 гг. 1935 (май). 224 с.

Т. 11. Жизнь Арсеньева. I. Истоки дней. 1935 (июль). 274 с., 1 л. портр.

Т. 9. Цикады: Рассказы 1924–1930 гг. 1935 (август). 297 с.

Т. 10: Окаянные дни. Дневник писателя 1918–1919 гг.; Рассказы. 1935 (октябрь). 254 с.

Т. 1. Храм Солнца: [Из первых книг; Стихи 1888–1907 гг.; Рассказы 1907–1911 гг.]. 1936 (апрель-май). 308 с., 1 л. портр.

В качестве дополнительного тома к Собранию сочинений выходит отдельное издание: «Жизнь Арсеньева. Роман. II. Лица» (Брюссель, 1939).

Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» охватывает более десяти лет, с 1934 по 1945 гг., она включает 160 писем, в том числе 93 письма писателя, издательский договор, образцы титульного листа и несколько корректурных листов. Это те архивные материалы, которые хранятся в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Отдельные письма из этой переписки отложились в РГАЛИ (Ф. 2853. Оп. 1. Ед. хр. 37).

Данная переписка содержит много ценного материала, свидетельствующего о том, как Бунин работал над подготовкой своего итогового Собрания сочинений, каким образом составлялись и готовились тома к изданию, какие были проблемы во время работы над этим изданием.

Итак, каким же образом разворачивалась история подготовки и издания Собрания сочинений Бунина? Начиналось все благожелательно и в оговоренные сроки. Подписав с Капланом издательский договор 31 марта 1934 г., Бунин уже 10 апреля 1934 г. писал ему:

«Дорогой Михаил Семенович!

Извините, что задержал с ответом Вас и высылкой материала — был несколько дней болен.[...]

Обложка моих книг должна быть... *никакая*, лучше всего сказать. Ни классическая, ни модерн. Лучше всего, по-моему, просто нарисовать (в соответствии со шрифтом книги) буквы:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И.А. Бунина.

Затем: что ставить после этого? Том такой-то? Этого еще не знаю. Пока думаю, что не надо обозначать, какой том. Надо заглавие. Например: ЧАША ЖИЗНИ. — ГОСПОДИН ИЗ С[АН-]ФРАНЦИСКО.

Что пустить в первую очередь? Первый том не могу послать сейчас — он требует довольно серьезной редакции. Посылаю нынче (с вечерней почтой) том, состоящий из двух книг (т.е. *прежде бывших двумя*): «Чаша жизни» и «Госп[один]из С[ан-]Фр[анциско]» — или «Мит[ина]любовь» и «Солнечный удар» (эти две книги тоже придется соединить в одну, — в один том; иначе я весь в 10 томов не умещусь)».

Здесь имеются в виду книги И. Бунина: «Чаша жизни» (Париж, 1922), «Господин из Сан-Франциско» (Париж, 1920), «Митина любовь» (Париж, 1925) и «Солнечный удар» (Париж, 1926). Тем самым Бунин как бы предлагал на выбор материал для двух первых томов.

В ответном письме Каплан писал И. Бунину 14 апреля 1934 г.:

«Дорогой Иван Алексеевич,[...]

Принимаем к сведению Ваши пожелания относительно обложки.

Сегодня пишу своим берлинцам и надеюсь, что они охотно примут Ваше предложение издать первой книгой «Митину любовь» и «Солн[ечный] удар» вместе. Жду Ваш пакет с рукописью. Боюсь только, что обе книги не уместить в 12–13 листовую книгу. По получении рукописи, пошлю ее срочно в Берлин и через дней 5–6 дам Вам ответ. Тогда же отвечу относительно того, указывать ли на обложке порядк[овый] № тома или же вместе с этим и название.

Для проспекта о подписке нам необходимо получить от Вас (хотя бы предположительно), что будет в каждом томе всего собрания — без этого нельзя. Очень прошу Вас составить это в первую очередь, т.к. нужно не задерживать с началом кампании для подписки».

Очевидно, 11 или 12 апреля 1934 г. Бунин послал материал для первой книги своего Собрания сочинений — том 7-й «Митина любовь. Солнечный удар». На сопроводительной открытке Бунина без даты с сообщением о посылке материала стоит помета Каплана: «получен 14 IV 1934 МК».

23 апреля 1934 г. Бунин вновь писал Каплану, продолжая обсуждать общий облик будущего Собрания сочинений:

«1. Насчет бумаги особенно прошу о том, чтобы она не темнелась в книге от шрифта, — читатель ненавидит темную, скучную и трудную для глаза страницу.[...]

4. В десять томов я решительно не уместаюсь. Беру поэтому из первых стихов и из рассказов 1903–1910 гг. только самое необходимое. Первый же том рассказов выкидываю весь — без сожаления, впрочем, ибо они мне не нравятся. Придется выкинуть и “Окаянные дни”. Эта книжка еще не была в отдельном издании, но что же делать? Места для нее нет. Нет и для “Литературных воспоминаний”.

5. Прилагаю план собрания. И повторяю: томы *все-таки* выходят не маленькие, но опять-таки и тут ничего не поделаешь: даже и выкинуть многое, не вмещаюсь иначе».

Со дня подписания издательского договора проходит больше месяца, Бунин начинает волноваться по поводу издания своего Собрания сочинений и пишет Каплану 7 мая 1934 г.:

«Многоуважаемый Михаил Семенович, дело начинает принимать трагический оборот: до сих пор мы даже йоту не двинулись в деле издания моих книг!»

14 мая 1934 г. Бунин посылает Каплану телеграмму, сообщая, что приедет на следующий день в Париж. Очевидно, и приезд Бунина не дал должного результата, т.к. он 23 мая 1934 г. пишет уже прямо в издательство «Петрополис» в Берлин:

«Обращаюсь [к издательству с просьбой точно уведомить меня: будет оно выпускать в свет собрание моих сочинений — или нет? Со времени подписания нами договора прошло почти *два* месяца. [...]».

Судя по всему, молчание «Петрополиса» продолжалось, т.к. 14 июня 1934 г. Бунин вновь писал Каплану:

«Дорогой Михаил Семенович, завтра 15 июня. Договор наш подписан 31 марта. Позвольте же еще раз спросить: что сделано “Петрополисом” за эти 2 ½ месяца? [...] В Берлине, вероятно, убеждены, что я так хочу издать свои сочинения, что претерплю все нарушения договора. Твердо говорю Вам: это не так. Сделайте же из этого соответствующие выводы. У меня нет ни малейшего желания ссориться с “Петрополисом”».

С этого момента начинают появляться на полях писем Бунина ироничные и несправедливые пометы Каплана и работников издательства «Петрополис». Так, по поводу обоснованных беспокойств писателя в данном письме М. Каплан делает помету на его полях: «Petropolis. Ну и человек! Прошу ознакомиться и вернуть. 15/VI 34».

На письме от 27 июня 1934 г., в котором Бунин удивлялся: «[...] как это можно выпустить книгу, которую начнут (будто бы!) набирать только 1-го июля — 15 июля!» Каплан на полях пишет: «Прошу вернуть. МК. 28/VI 34. Дорогие, докажем же этому Борову (правильно окрестили), что выпустим в июле 1-ую книгу. МК». Однако это оптимистичное бахвальство оказалось пустым звуком, первый по счету (седьмой по номеру) том вышел в свет только в

октябре 1934 г., а грубое прозвище, данное издателями писателю говорит только об уровне их культуры и воспитания.

В июне же в парижской газете «Последние новости» была объявлена подписка на Собрание сочинений И.А. Бунина.

В письме Каплану от 2 июля 1934 г. Бунин просил присылать ему только вторую корректуру для подписи.

И вот только в письме от 7 июля 1934 г. Каплан сообщает Бунину информацию из «Петрополиса», что 2 июля начался набор первого тома (седьмого по номеру). Итак, с момента подписания издательского договора прошло три месяца, а со времени присылки Буниным материала для этого тома прошло два с половиной месяца. Это было первое грубейшее нарушение заключенного договора. Однако в этом же письме от 2 июля 1934 г. из «Петрополиса», содержание которого передает Каплан, простодушно говорится: «НО ПОТОРОПИТЕ ЖЕ Ив. Ал. с присылкой нам материалов. Ив. Ал. все нас торопит, а материала нам дал только на 1 т[ом]. Не будем делать никаких перерывов в выпуске томов [...]». А далее здесь же им вторит сам Каплан, уверяя Бунина: «Мы ПРЕЖДЕ ВСЕГО заинтересованы в скорейшем выпуске первых неск[ольких] т[омов], т.к. уже затратили на издание массу денег [...]».

Выпустить 1-ю книгу раньше июля мы никогда не предполагали, т.к. никак по техническим причинам этого сделать не смогли бы и никому не обещали». Создается такое впечатление, что договор, который был подписан Буниным с издательством «Петрополис» вообще не существует. А в пункте 3 договора было четко написано: «ИЗДАТЕЛЬ обязуется выпустить в свет все 10 томов в срок не позже 12-ти месяцев со дня подписания настоящего договора, при условии, что АВТОР не будет задерживать сдачей материалов и корректур».

Вот так разворачивалась очень непростая история с выпуском Собрания сочинений Бунина. К концу четвертого месяца писатель уже терял всякое терпение. В письме от 23 июля 1934 г. он писал Каплану:

«Получил еще несколько полос корректуры — и продолжаю в полном изумлении разводиться руками: зачем мне их посылать, заявив, что их *надо* читать?! И когда же наконец будет корректура в листах — та, которую *надо* читать?! Больше муки я не испытал ни с одним в мире издательством! Это сплошная пытка — многомесячная! — посулами, обещаниями, никогда не исполняемыми! Если так будет продолжаться и впредь, не вините меня, если я пойду на решительный разрыв с “Петрополисом”. Терпение мое приходит к концу. Пожалуйста, известите об этом Берлин категорически».

Возмутившись тоном этого письма, Каплан написал на полях: «Действительно безобразный человек. Прошу письмо вернуть. МК».

А вот пример работы самого Бунина с корректурой. В письме от 24 июля 1934 г. писатель сообщал:

«Получил нынче утром 4 сверстанных листа и в 4 часа дня отправил, исправив, в Берлин экспрессом».

В ответном письме от 27 июля 1934 г. Каплан бодро писал Бунину: «“Петрополис” лучше всего отвечает на Ваши, никак не заслуженные ими укоры, посылкой Вам пакетика за пакетиком с отписками сверстанной корректуры, которую, надеюсь, Вы со своей стороны не задерживаете.

Если Вам угодно в дальнейшем получать и первую корректуру, охотно будем ее Вам посылать, но должен Вам еще раз подчеркнуть, что ВСЕ АВТОРСКИЕ поправки будут производиться за Ваш счет». А в конце печально отметил: «Подписка на собрание идет, увы, довольно слабо».

Уже 12 августа 1934 г. Бунин вновь встревожен очередным молчанием со стороны издательства и пишет Каплану: «Опять никакой корректуры — уже дней десять! Дорогой Михаил Семенович, что же это такое?» Эта тревога подтверждается и пометой Каплана на полях этого письма: «Дорогие, что же действительно ему ответить? МК 14/VIII 34». В ответном письме уже несколько растерянный Каплан пытается успокоить Бунина и обещает вновь лично наладить все дело.

Однако молчание продолжалось. Как и обвинения в адрес Бунина, что якобы он задерживает корректуры, делает много поправок и тем самым ломает верстку, что приводит к задержкам. Не выдержав этой долго тянущейся ситуации, 4 сентября 1934 г. Бунин посылает одновременно в «Петрополис» и Каплану решительное письмо, в котором возражает против обвинений в ломке верстки из-за сделанных поправок, а также сообщает:

«Сейчас гораздо важнее для нас с Вами не частное, а общее, — второе, т.е. вопрос: какие Вы можете мне дать *твердые гарантии* на счет того, что «оставшиеся 7 месяцев для выполнения соглашения» безусловно достаточны Вам? Опыт предыдущих 5 месяцев не позволяет мне продолжать дело без таких гарантий. [...] *без этих гарантий я никак не могу продолжать посылать Вам материал.*

На днях я надеюсь быть в Париже. Там я и мой адвокат будем иметь решительный разговор с г. Капланом. Будьте же добры *не медля* списаться с ним и дать ему те или иные возможности — или урегулировать (а значит и продолжать) дело, или покончить, т.е. ликвидировать его миром, без неприятностей».

Дальше события развивались еще более драматично. Каплан в письме от 7 сентября 1934 г. поспешил уведомить Бунина что первая книга (т.е. 7-й том) Собрания сочинений напечатана и может быть разослана по редакциям газет и журналов для рецензий; а из

«Петрополиса» прислали этот том Бунину для получения разрешения на его распространение.

В ответ на все письма и присылку изданного тома Бунин писал 9 сентября 1934 г.:

«Одобрения на выпуск в свет вышеназванного тома я дать *не могу*. Более того: *я категорически протестую против выпуска его*. [...] За целых пять месяцев, истекших с того времени, как я послал Вам весь материал для этого тома, Вы ни единым словом не обмолвились против размера и содержания его, — судите же после этого, каково было мое изумление при получении мною от Вас той *книжечки* в 11 листов, на которой стоит: “Собрание сочинений И.А. Бунина. Том VII. Митина любовь. Солнечный удар” — и в которой из всей книги “Солнечный удар” я нашел только *один* первый рассказ, а все прочие 4 рассказа Вами выкинутыми без всякого даже предупреждения меня о таком поступке, нарушившем все мои литературные и материальные интересы касательно этого тома. [...] Если Вы не примете во внимание этого моего заявления и не постараетесь урегулировать вопрос хотя бы на счет этого 7-го тома, благоволите учесть все те чрезвычайно серьезные для Вас последствия, кои вытекут отсюда».

В середине сентября Бунин приезжает в Париж, где ведет переговоры с Капланом в связи со сложившейся ситуацией. К счастью, удается договориться о мирном выходе из сложившейся ситуации, и 19 сентября 1934 г. Бунин с «Петрополисом» в лице Каплана подписывают дополнительное соглашение, в котором зафиксированы конкретные договоренности по поводу дальнейшего выпуска Собрания сочинений: «1) Мы обязуемся немедленно набрать к изготовленному нами, но не выпущенному на рынок СЕДЬМОМУ тому Собрания Ваших Сочинений («Митина любовь» — «Солнечный удар») рассказы «Ида», «Мордовский сарафан», «Дело корнета Елагина» и «Страшный рассказ», с тем, чтобы непосредственно затем закончить набор 5-го тома («Деревня» — «Суходол»), 56 гранков набора которого Вам по сей день уж нами доставлены.

2) Мы обязуемся выпустить указанные 7-й и 5-й тт. не позднее 10-го октября с.г. [...] 3) Мы принимаем на себя обязательство выпускать в дальнейшем не менее одного тома в месяц, а именно: том в октябре с.г. (сверх упомянутых 7 и 5 тт.), том в ноябре и т.д. [...].

8) Ни один том не может быть выпущен нами на рынок, если он не содержит обусловленного заранее и подписанного Вами для печати материала».

4 октября 1934 г. И. Бунин сообщал «Петрополису»: «Получил Ваше письмо от 1 октября и корректурные листы (страницы 180–212 включ.) окончания «Митиной любви» и «Солнечного удара». Возвращаю Вам их нынче же, экспрессом».

Далее дело пошло несколько живее. Наконец, как сообщил Каплан в письме Бунину, 12 октября 1934 г. вышла долгожданная 1-я

книга Собрания сочинений Бунина — том 7-й: «Митина любовь. Солнечный удар». Таким образом, первая книга Собрания сочинений Бунина вышла в свет лишь через шесть с половиной месяцев после подписания издательского договора, нарушая главные его пункты, в связи с чем пришлось заключать новое соглашение по поводу дальнейшего выпуска томов.

По всей видимости, судя по сообщению в письме Каплана от 12 октября 1934 г., что 2-й том «думаем выпустить не позднее, чем через 2 недели после выхода в свет т[ома] 7-го», объявление об этом предполагалось дать в четверг 18 октября, следовательно, этот 2-й том вышел в свет в самом начале ноября 1934 г.

8 октября 1934 г. Бунин послал материал следующего 3-го тома. Лишь в письме от 2 ноября 1934 г. Бунин сообщал о присылке части корректуры этого тома: «Сейчас получил из Берлина корректуру 51 стр. “Древнего человека”. Уже прочитал и шлю назад экспр[ессом]». И уже 4 ноября 1934 г. писатель вновь сетовал на задержки в работе:

«Я никак не могу ничего Вам дать пока — не могу двинуться в расположении материала до Вашего ответа: входит в III т. *все* посланное мною или нет? А Вы пишете, что дадите ответ только после *конца* набора этого тома. Почему? Вызываете мою задержку, чтобы потом обвинить меня же в ней? Подобным вещам надо положить конец».

С этого письма Бунина от 4 ноября 1934 г. начинаются жалобы на многочисленные опечатки и брак в брошюровке листов 7-го тома. Писатель заявляет Каплану:

«Сейчас письмо из-под Женевы: “Многоув. И.А., обращаю Ваше внимание, что в разосланном 1-м томе Ваших сочинений страницы перепутаны: после 180 страницы идет 213, после 244 — 181... Если так будете продолжать, мы, подписчики, будем протестовать в газетах!»».

А на полях этого письма помета Каплана, обращенная к «Петрополису»: «Дорогие, отчаянные жалобы подписчиков на массу опечаток!!! МК».

Вскоре выяснилось, что издательство «Петрополис» пыталось как можно меньше взять материала для Собрания сочинений, вводя в заблуждение Бунина разгонистой версткой и другими типографскими приемами. В письме от 13 ноября 1934 г. Бунин писал:

«Посылаю последние листы третьего тома через Вас, а не прямо в Берлин. *Теперь я опять настаиваю*, чтобы в этот том вошел и “Захар”: подсчитывая дальнейший материал, увидел, что, как ни верти, “Захара” мне девать там некуда. Затем, повторяю то, что надписал на корректуре; Вы мне, при М.Л. Канторе, обещали 25 тысяч знаков в листе. А сколько их на самом деле — вот хоть в этом третьем томе? Двадцати тысяч не будет!! [...]»

Это во-первых. А во-вторых — набор следующих книг должен быть иной: *при таком разгоне* слов, строк, пролетов между главами — словом при таком количестве (действительном, а не воображаемом, не состоящем из пустот!!) знаков продолжать издание *нельзя*. [...] Как Вы считаете, Михаил Семенович? Писали мне: “Вы прислали нам материалу на 20 листов. Страниц на 320”. А что вышло? Всего 246! Да еще при всех этих разгонах!»

15 ноября 1934 г. Бунин посылает Каплану материал 5-го тома «Господин из Сан-Франциско».

Очевидно, 7 декабря 1934 г. выходит в свет 3-й том «Древний человек», в этот день Бунин писал Каплану:

«Любезный мой Михаил Семенович, оригинал “Древнего человека” я выслал Вам 8 октября. Итак, печатали Вы эту книгу ровно 2 месяца! И это без *всяких* моих правок! Твердо говорю: *этому надо положить конец*».

Опечатки в следующих томах вновь появлялись. Бунин с большим волнением писал Каплану после получения 5-го тома 9 февраля 1935 г.:

«Сейчас получил том V (“Господин из С[ан-]Фр[анциско]”). Развернул как нарочно на стихотворении, которое ценю *особенно*, — стр. 176, “Псалтирь”, — и ахнул: стихотворение вдребезги погублено — перепутаны строчки в середине, превращены в бессмыслицу. Шлю экспресс в Берлин, — чтобы вклеили бумажку на титул, — поправку. Спешу и Вас просить о том же. М. б., можете *для экземпляров, уже полученных Вами*, напечатать такую же бумажку *в Париже* (какую Берлин сделает у себя, для своих экземпляров)?»

А на следующий день, 10 февраля 1935 г., Бунин писал уже в само издательство «Петрополис», сообщая о новой замеченной опечатке: «Милостивые государи, к Вашему сведению: еще одна грубая опечатка в моем V томе (“Господин из С[ан-]Фр[анциско]”): на странице 200 — “Песенька” вместо “*Песенка*”».

В этот же день Бунин писал Каплану:

«“Петрополис” точно издевается надо мной: пишет договоры со мной — и затем не обращает никакого внимания на них, не выполняет своих обязательств. Последний раз, в сентябре прошлого года, Вы обязались выпускать в свет *minimum* один том моих сочинений в месяц, на деле же выпускаете каждый том в 2 ½, в 3 месяца. Повторяю Вам: Вы наносите (и уже нанесли) мне большой ущерб — литературный и материальный. И *последний раз* предупреждаю Вас: этому пора положить конец. Если Вы не выпустите мой следующий том *в месяц*, я больше материала “Петрополису” не дам ни страниц».

От слов в письме «в 2 ½» идет стрелка к карандашной пометке Каплана на полях: «Здесь он прав!»

23 февраля 1935 г. Бунин писал Каплану, вновь сетуя на долговую работу издательства:

«Совершенно не понимаю, почему “Петрополис” оставил без всякого ответа мое (заказное) письмо. [...] Поймите меня пожалуйста: канителиться с остальными 6-ю томами *еще полтора года* (ведь каждый том берет 3 месяца) я совершенно не могу, никак не могу. [...]

P.S. И ведь не видно никакого улучшения дела: “Посл[еднее] свид[ание]” дал Вам 11 декабря. И донныне ни листа корректуры!».

В следующем письме от 24 февраля 1935 г. Бунин писал Каплану, строго предупреждая его:

«Но на этот раз я уже не сдамся, если не дадите мне каких-либо подлинных, *крепких* гарантий, что будете отныне хоть *по тому в месяц* выпускать. А эти басни — “давайте нам *сразу* по 2, по 3 книги — и дело закипит!” — я уже *слышал*. Уж куда Вам по 2 книги набирать зараз, когда Вы и с одной-то по 3 месяца возитесь! — точка».

25 февраля 1935 г. в ответном письме Каплан, возмущаясь тоном бунинского письма от 23 февраля 1935 г., вновь обвинял писателя в задержке присылки материала для новых томов, в связи с чем происходит задержка в их печатании, а также писал: «Петрополитанцы НЕ СИДЯТ сложа руки. “Посл[еднее] свид[ание]” ПОЛНОСТЬЮ НАБРАЛИ и не сегодня-завтра Вы получите СРАЗУ всю сверстанную корректуру и, если Вы ее вернете без задержки, то через неделю выйдет новый том. Следующий начали бы уж теперь набирать, но Вы упорно не шлете нам рукописей».

Однако ни «сегодня-завтра», ни позже всю корректуру 4-го тома И. Бунин не получил, а 2 марта 1935 г. он писал Каплану:

«Корректуру “Послед[него] свидания”, — которое я сдал Вам 11 декабря, получаю по 20 листочков. Не получил еще и половины книги. А уже идет март. Значит, эта книга выйдет на *четвертом* месяце. Недурно!»

Отвечая на очередные обвинения в задержках, Бунин писал Каплану 3 марта 1935 г.:

«Вы все почему-то ошибаетесь — опять уведомляете меня, будто я *задерживаю* корректуру. Посему повторяю еще раз: никогда не задерживал — и не задерживаю — посылаю назад в день получения, в крайнем случае — на другой день — и всегда экспрессами. “Мне пишут из Берлина, что Вы не возвращаете корректур”. А Вы не всему верьте, что пишут».

4-й том «Последнее свидание» вышел в свет, очевидно, во второй половине марта 1935 г.

По всей видимости, в первой половине марта 1935 г. при личной встрече Бунина с Капланом было заключено еще одно допол-

нительное соглашение⁴, которое упоминается в бунинском письме в издательство «Петрополис» от 10 апреля 1935 г.:

«По новому нашему условию — третьему уже! — Вы “обязаны доставить автору *весь* набор в сверстанном виде, с *тщательно* выправленной корректурой в течение 3 недель по сдаче автором рукописи”.

Позвольте Вам заметить, что Вы доставляете мне набор *по частям* и с корректурой далеко не тщательной. Кроме того, срок в 3 недели не соблюдаете: нынче истекло 3 недели со времени сдачи мной рукописи (сдана 19 марта, в чем у меня имеется расписка г. Каплана), а корректуры я получил всего *половину*. Это опять нарушение наших бесконечных условий! Предупреждаю Вас твердо: если дело будет так продолжаться, я через несколько дней воспользуюсь 5-м пунктом нашего нового условия. Мне наскучило писать эти условия бесплодно, Вы обращаетесь со мной слишком небрежно».

11 мая 1935 г. Бунин заключил с издательством «Петрополис» дополнительный договор о том, что его Собрание сочинений будет состоять из 11 томов, при этом эта 11-я книга будет издана за счет автора и разослана подписчикам бесплатно.

В апреле 1935 г. шла работа над изданием 6-го тома «Братья», который вышел в этом же месяце. В мае вышел 8-й том «Несрочная весна».

В июне 1935 г. шла работа над изданием двух томов — 11-м и 9-м. И вновь издательство задерживало присылку корректур, не выполняя заключенные условия. В письме от 20 июня 1935 г. Бунин писал Каплану:

«Нынче отослал в Берлин для печати IX-й том. Называется “Цикады”. Это — конец “Солнеч[ного] удара” и “Божье древо”. Печатается за мой счет. Набирать и печатать надо без задержки — иначе не заплачу ни копейки. [...]

Конец “Арсеньева” получил только *нынче*. Опять безобразие, неисполнение условия!»

11-й том «Жизнь Арсеньева. I. Истоки дней» вышел в свет в начале июля 1935 г.

24 июня 1935 г. между И. Буниным и «Петрополисом» заключается очередное дополнительное соглашение по окончательному составу всего Собрания сочинений писателя, а также фиксируется, что два тома 1-й и 9-й будут изданы за счет автора. Каплан писал Бунину 28 июня 1935 г. по поводу издания 9-го тома: «Рукопись “Цикад” в Берлине получена, но просят Вам написать, что верстку Вы получите только 21-го июля и никак не раньше. [...]

Просят Вам, кроме того, указать, что в сданном для печ[ати] т[оме] бесконечное количество отрывков, и каждый отрывок начи-

⁴ Текст без даты см.: РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS. 1066/4588.

нается с новой страницы, а ведь типография считает работу полистно, что в свою очередь просим Вас иметь в виду, т.к. из такого же расчета и Вам будем считать этот платный том».

В ответном письме от 1 июля 1935 г. Бунин писал Каплану:

«Совершенно не понимаю, почему именно я получу верстку “Цикад” только 21-го июля? “Цикады” посланы мною в Берлин уже десять дней тому назад. Почему же опять нарушение условия? Чем “Цикады” отличаются от прочих моих книг пред лицом типографии? Бог мой, как мне наскучило все это! И Вы же на меня опять обижаетесь! И опять твердите о трудностях “зарубежного дела”! Да разве Вы не знали об этих “трудностях”, когда брались за издание “Собрания”, а потом писали со мной все новые и новые условия, давали мне опять и опять обещания? А вот с меня требуйте точности во всем, хотя ведь и я в тех же трудностях зарубежных, как и Вы».

9-й том вышел в свет в середине августа 1935 г., что вновь явилось очередным нарушением заключенных с писателем условий.

30 июля 1935 г. Бунин писал Каплану по поводу нового 10-го тома «Окаянные дни»:

«Вчера отослал в Берлин книгу неизданных произведений. И прошу и *настаиваю*: выпустите ее в точности по нашему условию. Вы меня совершенно измучили: тот том, который сейчас печатается, опять-опять! — шел с нарушениями этого условия! Выпускайте хоть этот — вчера посланный мной — поскорее. Ведь это и Вам же лучше: неизданное. Напишите в Берлин!»

31 августа 1935 г. Бунин послал в «Петрополис» материал для 1-го тома Собрания сочинений «Храм Солнца», в сопроводительном письме он писал А.С. Кагану:

«Чрезвычайно, убедительно прошу Вас набрать и выпустить эту книгу “в ударном порядке” — *как можно быстрее*: у меня есть очень важные причины для этой просьбы. Заплачу Вам за эту книгу *тотчас* после получения первого отпечатанного экземпляра ее».

1-й том печатался за счет автора. Оплата за него была получена издательством заранее, и с изданием этого тома была не только задержка и нарушение всех договоренностей, но дело доходило до шантажа. Бунин писал 10 октября 1935 г. в ответ на недошедшее до нас письмо Каплана:

«Вы напрасно пригрозили мне, Михаил Семенович, что не издадите 1-го тома: я и сам отлично издам его, а Вы останетесь перед подписчиками* без головы Собрания сочинений. Что же до моих денег, полученных Вами от Кассирера на издание этого тома, то, поверьте, и суд и немцы могут мне взять их у Вас назад — и с большими неприятностями для Вас!
Ив. Бунин.

*а им расскажу в газетах, почему это случилось».

1-й том Собрания сочинений Бунина вышел в свет только весной 1936 г.

В этой печальной издательской истории была еще одна плохая страница. Бунин писал 15 ноября 1935 г. Каплану:

«Многоуважаемый Михаил Семенович, еще раз вижу, что Вы считаете, что незаконный выпуск “Петрополисом” моих 2 книг без моего разрешения совсем особым изданием покрывается только извинением: “Извините, мы ошиблись”».

По этому письму становится ясно, что издательство «Петрополис», помимо систематического нарушения всех заключенных соглашений и условий, еще и обманывало писателя, допечатавая тираж двух томов Собрания сочинений в отдельном издании. Речь идет о 10-м томе, который был издан с обложкой, на которой вместо слов «Собрание сочинений И.А. Бунина» было напечатано «И.А. Бунин. Окаянные дни». Какой еще вышел том в таком же отдельном издании, точно неизвестно, но можно предположить, что это была первая часть романа «Жизнь Арсеньева».

1 ноября 1938 г. издательство «Петрополис» отправило И. Бунину отчет о распространении его Собрания сочинений с самого начала до настоящего времени. В сопроводительном письме к этому отчету сообщалось: «Прилагаемый отчет показывает, что затраченная нами сумма по п. 16 договора (52,000 фр. равной — Мк 8665,00) нами еще не выручена, а именно не хватает ок[оло] Мк 2300,00, даже приняв во внимание поступившие от Вас суммы (через Кассирера)»⁵.

Но на этом история издания Собрания сочинений И. Бунина в «Петрополисе» не закончилась. 28 ноября 1938 г. И. Бунин писал Каплану:

«Хочу издать книгу моих новых рассказов. Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери. Но надо отдать ее на распространение. Могу отдать Вам, если Вам это угодно. Если угодно, сообщите мне Ваши условия».

Задуманная книга новых рассказов не вышла. А вскоре Бунин уже предложил Каплану издать вторую часть «Жизни Арсеньева». В письме от 4 декабря 1938 г. И. Бунин сообщал Каплану:

«“Петрополис” существовать будет, г-н Леонтьев снова пишет мне — просит меня дать им для издания мою новую книгу [...]. Почему не говорить нам с Вами? Не желает ли “Дом книги” меня издать? Книга пойдет — будет называться “Молодость Арсеньева”. (Леонтьев пишет, что все спрашивают читатели: когда же продолжение “Арсеньева”?) Напишите же мне на счет “Дома книги” *немедля*. Только ничего не ломите — не пойду на плохие условия».

⁵ РАЛ. MS. 1066/4586–4587.

Каплан быстро откликнулся на это предложение и написал Бунину 19 декабря 1938 г., что он хотел бы издать «Молодость Арсеньева» сам «за свой страх и риск». Однако предложенные Капланом условия этого издания писателю не подошли. В Париже 27 декабря 1938 г. И. Бунин заключил договор с Я.Н. Блохом об издании второй части «Жизни Арсеньева» — «Лица» — под маркой «Петрополиса»⁶. Этот не нумерованный дополнительный том под заглавием «Жизнь Арсеньева. Роман. П. Лица» вышел в Брюсселе в издательстве «Петрополис» в марте 1939 г.

21 января 1939 г. Бунин в письме Каплану пытался выяснить вопрос об оплате за изданные 11 томов своего Собрания сочинений:

«ведь уже *пять* лет прошло с подписания нами (мною и Вами) условия на счет их издания. Вы скажете: “я теперь не имею с этим делом ничего общего!” Но что мне до того, что Вы разошлись с “Петрополисом”? Условие мое с ним подписывали *Вы* — и вот, за целых пять лет Вы прислали мне *только однажды* клочок бумажки, на котором было написано, сколько моих книг продано. А сколько продано их *теперь*, к нынешнему дню? [...] не могу представить себе, что за *пять* лет, по всему земному шару, где есть русские читатели (хотя бы и в весьма малом количестве), не разошлось хотя бы 300, 400 комплектов моих книг! А сколько стоит каждый комплект? Вот и посчитайте, приходится мне хоть сколько-нибудь или нет».

После окончания Второй мировой войны Бунин возвратился к этому вопросу и писал 20 октября 1945 г. Каплану:

«Дорогой мой издатель, — ибо ведь это Вы подписали от имени “Петрополиса” контракт на издание собр[ания] моих сочинений, когда же я наконец получу окончательный расчет по продаже этих сочинений, кои уже разошлись, и что же наконец мне причитается с этой продажи? Все “еще не покрыты расходы по изданию” — несмотря на то, что книги мои продавались гораздо дороже 100 франк. за экземпляр (и совершенно незаконно — вопреки тому пункту нашего контракта, который запрещал малейшее повышение продажной цены — 25-ти франков — *без моего на то согласия*)? Жду Вашего ответа — и, увы, думаю, что мне не обойтись без адвоката, без судебного дела».

Вместо того, чтобы представить писателю хоть какую-либо отчетность, Каплан пишет на полях этого письма: «Хам!». Помимо присланного И. Бунину из издательства «Петрополис» общего отчета от 1 ноября 1938 г. о продаже томов Собрания сочинений в архиве писателя более никаких отчетов не сохранилось.

Судя по всему, И. Бунин так и не добился вразумительного, четкого и окончательного ответа и финансового отчета ни от издательства «Петрополис», которое прекратило свое существование в 1939 г., ни от Каплана, который еще в 1937 г. перестал быть офици-

⁶ См. договор: РАЛ. MS. 1066/1924.

альным представителем «Петрополиса» в Париже, однако продолжал торговать книгами, в том числе занимался и распространением Собрания сочинений писателя. Эта печальная история издания Собрания сочинений Бунина наглядно показывает, насколько непрактичен был писатель в своих делах и как ловко этим пользовались окружающие его некоторые люди. Тот факт, что Бунин не получил итогового отчета о продаже своего Собрания сочинений, как это было оговорено изначально в издательском договоре, свидетельствует, что безусловно, при всех непростых исторических событиях того времени, издатели в убытке не остались.

Литература

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., примеч. А.К. Бабореко. М.: Слово, 2000. Т. 7. 680 с.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ, Наследие, 1998. 640 с.

References

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols.]. Sost., primech. A.K. Baboreko. Moscow, Slovo Publ., 2000. T. 7. 680 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicism of 1918–1953]. Pod obshch. red. O.N. Mikhailova; Komment. S.N. Morozova, D.D. Nikolaeva, E.M. Trubilovoi. Moscow, IMLI, Nasledie Publ., 1998. 640 p. (In Russ.)

Editing of I.A. Bunin's *Collected Works* in Petropolis Publishing House (based on the correspondence)

Sergey N. Morozov

Abstract: The article is devoted to the history of editing, preparation and publication of I.A. Bunin's *Collected Works* in the publishing house "Petropolis". Excerpts of the writer's correspondence with the official representative of the publishing house M.S. Kaplan are published. In accordance with the contract, Bunin's *Collected Works* were to be published during 1934–1935. However, Bunin's cooperation with Petropolis became a permanent problem due to constant delays and incompetence of the editors.

Keywords: I.A. Bunin, Twentieth century Russian literature, Petropolis publishing house.

Information about the author: Sergey N. Morozov, PhD, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Заметки об источниках и составных частях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Л.Ф. Кацис

Аннотация: В работе предлагается новый подход к анализу реальных исторических источников и персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В первой заметке анализируются прототипы «директора театра», менявшиеся от редакции к редакции. На основе документов дипломатической переписки латышского посольства показано, что «директором театра» из завершающей редакции был директор Малого театра Козлов, ранее не включавшийся в список прототипов романа, а также прослежена судьба и арест барона Майгеля (Штейгера), связанного со сценами «Бала Сатаны». Во второй заметке анализируются причины включения в число прототекстов романа пьесы К.Р. «Царь Иудейский».

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», исторические источники, прототипы романа, барон Майгель, К.Р., «Царь Иудейский», А. Кугель.

Сведения об авторе: Леонид Фридович Кацис, доктор филологических наук, заведующий учебно-научной лабораторией мандельштамоведения РГГУ, профессор Учебно-научного центра Библиистики и иудаики РГГУ, Москва. E-mail: batya-94@mail.ru

Литература о «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова столь огромна, что, кажется, заслуживает только историографического изучения. Между тем, возникают новые находки, и часто вне всякой связи с булгаковедением, которые позволяют по-новому взглянуть на историческую подоплеку романа, оценить степень вовлеченности писателя в непростые политические игры его времени, степень его осведомленности в закрытых (мягчайшим образом говоря) тайнах его времени, а также попытаться понять причины переработки эпизодов романа не только в связи с творческой его историей, с переходом от редакции к редакции, но и в связи с течением конкретных политических процессов и связанных с ними событий. И делать это необходимо на основе именно исторических в прямом смысле источников, а не литературных или мемуарных отражений интересующих нас событий.

В начальной серии наших заметок мы предложим несколько таких источниковедческих сюжетов, которые будут расположены по мере отдаления от текста знакомой всем «канонической» версии романа.

Первая заметка будет касаться барона Штейгера (Майгеля), убитого на Балу Сатаны, вторая — причин использования именно пьесы К.Р. «Царь Иудейский» при создании Ершалаимских глав романа. Парадоксальным образом, эти два эпизода оказываются единым сюжетом.

В первом случае нам хотелось бы предложить сопоставительный анализ новоопубликованных документов о бароне Штейгере, во втором — проанализировать конкретную идейно-политическую ситуацию вокруг киевской постановки «Царя Иудейского» и реакции на нее непосредственно в Киеве 1918 г., в момент перед приходом в город Красной Армии.

Таким образом, нами будет предложено описание хронологических и идеологических границ источников и составных частей романа М.А. Булгакова, начиная с его самых первых редакций.

1. «Директора театров» в «Мастере и Маргарите»

Сцена с убийством в каноническом варианте романа выглядит так:

«Направляясь к Воланду, **вступал в зал новый одинокий гость**. Внешне он ничем не отличался от многочисленных остальных гостей-мужчин, кроме одного: гостя буквально шатало от волнения, что было видно даже издали. На его щеках горели пятна, а глаза бегали в полной тревоге. Гость был ошарашен, и это было вполне естественно: его поразило все, и главным образом, конечно, наряд Воланда.

Однако встречен был гость отменно ласково.

— А, милейший барон Майгель, — приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю, у которого глаза вылезали на лоб, — я счастлив рекомендовать вам, — обратился Воланд к гостям, — *почтеннейшего барона Майгеля, служащего зрелищной комиссии в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы*.

Тут Маргарита замерла, потому что узнала вдруг этого Майгеля. *Он несколько раз попадался ей в театрах Москвы и в ресторанах*. «Позвольте... — подумала Маргарита, — он, стало быть, что ли, тоже умер?» Но дело тут же разъяснилось.

— Милый барон, — продолжал Воланд, радостно улыбаясь, — был так очарователен, что, *узнав о моем приезде в Москву, тотчас позвонил ко мне, предлагая свои услуги по своей специальности, то есть по ознакомлению с достопримечательностями*. Само собою разумеется, что я был счастлив пригласить его к себе.

В это время Маргарита видела, как Азazelло передал блюдо с черепом Коровьеву.

— Да, кстати, барон, — вдруг интимно понизив голос, проговорил Воланд, — разнеслись слухи о *чрезвычайной вашей любознательности. Говорят, что она, в сочетании с вашей не менее развитой разговорчивостью, стала привлекать всеобщее внимание. Более того, злые языки уже уронили слово — наушник и шпион. И еще более того, есть предположение, что это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц.* Так вот, чтобы избавить вас от этого томительного ожидания, мы решили прийти к вам на помощь, воспользовавшись тем обстоятельством, что вы напросились ко мне в гости именно с целью подсмотреть и подслушать все, что можно.

Барон стал бледнее, чем Абадонна, который был исключительно бледен по своей природе, а затем произошло что-то странное. Абадонна оказался перед бароном и на секунду снял свои очки. В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азazelло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющую струю и передал наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу»¹ (ПСЧР. 2/728–729).

В пятой редакции есть несколько отличий, которые мы приведем. И, прежде всего, это появление на Балу некого «директора театра и доктора прав господина Гете» в сопровождении композитора Гуно, автора, как известно, оперы «Фауст». Что заставило писателя убрать его из последней редакции, где все равно имела место тяжелая цепь с изображением гетевского пуделя? А эти слова оставить уже только за совсем другим персонажем «Степой Лиходеевым, директором театра Варьете»? Это первая проблема.

Будет уместным привести эпизод из редакции романа 1932–1936:

«Сейчас самым важным для Римского было одно: решить вопрос о том, нужно ли звонить в ГПУ или нет. На первый взгляд и сомнений быть не могло. Когда директора театров улетают во Владикавказ, а администраторы театров исчезают... звонить необходимо. И тем не менее руки у директора сделались как бы деревянными. Почему, почему вы, Григорий Максимович, не беретесь за трубку телефона? Да, это трудно было бы объяснить!

Здание театра начало стихать» (ПСЧР. 1/ 205).

Следует напомнить читателю рассказ Булгакова о звонке Сталина во МХАТ и об исчезновении одного за другим его директоров, который запомнился К.Г. Паустовскому, он выглядит достаточно зловеще и касается уже напрямую «директоров» МХАТа:

«Однажды Булгаков приходит к Сталину, усталый, унылый.

¹ Булгаков М. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: В 2-х т. Т.2: Шестая редакция романа «Мастер и Маргарита» (1938–1940). М., 2015. С. 728–729. Далее: (ПСЧР с указанием тома и стр.).

- Садись, Миша. Чего ты грустный? В чем дело?
- Да вот пьесу написал.
- Так радоваться надо, когда целую пьесу написал. Зачем грустный?
- Театры не ставят, Иосиф Виссарионович.
- Театры допускают безобразие! Не волнуйся, Миша. Садись. — Сталин берет телефонную трубку:
- Барышня! А барышня! Дайте мне МХАТ! МХАТ мне дайте! Это кто? Директор? Слушайте, это Сталин говорит. Алло! Слушайте!
- Сталин начинает сердиться и сильно дуть в трубку.
- Дураки там сидят в Наркомате связи. Всегда у них телефон барахлит. Барышня, дайте мне еще раз МХАТ. Еще раз русским языком вам говорю! Это кто! МХАТ? Слушайте, только не бросайте трубку! Это Сталин говорит. Не бросайте. Где директор? Как? Умер? Только что? Скажи пожалуйста, какой нервный народ пошел! Пошутить нельзя!»².

Таким образом, вопрос об исчезновении из текста романа «Директора театра Гете» становится еще более важным. Но ответить на него окажется возможным только в связи с «исчезновением» Майгеля.

А вот и второе обстоятельство, связанное со входом в зал барона Майгеля и причиной его остолбенения, и отсутствующее в окончательном тексте:

«**Между шеренгами гостей** в зал, направляясь к Воланду, вступал новый гость. Внешне он ничем не отличался от многочисленных остальных гостей-мужчин. И также безукоризненно был одет. Но величайшее волнение выдавали, даже издали видные, пятна на его щеках и неустанно бегающие глаза. Гость был ошарашен, это было очевидно. И, конечно, не только нагими дамами, но и многим другим, например, тем, что он ухитри [ляя] **вишишь** как-то опоздать, [и] теперь входит нелепым образом одинешенек, встречаемый любопытными взорами гостей, которых, собственно, даже и сосчитать трудно!

Встречен был поздний гость отменно.

— А, милейший барон Майгель! — приветственно вскричал Воланд гостю, который решительно не знал, на что ему глядеть — на череп ли, лежащий на блюде в руках у голого негра, на голую ли Маргариту? Голова его стала кружиться.

Но кое-как справившись с собою, благодаря своей [привычке] долготной практике входить в гости и теряться, Майгель пробормотал что-то о том, что он восхищен и приложился к руке Маргариты.

— Вас, как я вижу, поражают размеры помещения? — улыбаясь и вырывая гостя продолжал Воланд, — мы здесь произвели какую перестройку, как видите? Как Вы находите ее?

Майгель проглотил слюну и, вертя левой рукой брелок, свешиваю-

² Паустовский К. Снежные шапки // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 108–109.

щийся из кармана белого жилета, сообщил, что перестройку он находит грандиозной и что она его приводит в восхищенье.

— Я очень рад, что Вам нравится! — галантно отозвался Воланд».

Далее следует узнавание Маргаритой Майгеля, а вот следующая строка уже отличается от основного варианта:

«Кстати, барон, — вдруг интимно понизив голос проговорил Воланд, — разнеслись слухи о чрезвычайной вашей любознательности. Говорят, она превосходит все до сих пор виденное в этом направлении и равняется вашей разговорчивости. Параллельно до меня дошел страшный слух о том, что именно ваша разговорчивость стала производить неприятное впечатление³ и не позже, чем через месяц станет причиной вашей смерти» (ПСЧР. 2 /747–478)

Все сказанное в обеих редакциях уже подвергалось анализу. Однако следует отметить, что наиболее содержательно в интересующем нас документальном смысле анализ был проведен первым исследователем реального Бала Сатаны журналистом Л. Паршиным, и опубликован он был еще в 1991 г. Вот основные его результаты. Бал в американском посольстве состоялся в апреле 1935 г. В записной книжке Булгакова исследователь обнаружил телефон Дж. Кенана, который именно тогда был сотрудником посольства. Собеседник сообщил: «Весьма вероятно, по-моему, что Булгаков был среди гостей. Он был хорошо знаком с некоторыми из нас — молодыми американскими дипломатами, особенно с теми, кто знал русский язык»⁴.

Из дневника Е.С. Булгаковой следует, что приглашение получено было на 23 апреля, а запись относится к 29 марта 1935 г.⁵

Известно, что Б.С. Штейгер был сотрудником Авеля Енукидзе, который от имени Политбюро курировал МХАТ. Как указывает Л. Паршин, Енукидзе отразился в образе Аркадия Аполлоновича Семплеярова, «председателя акустической комиссии московских театров» (заметим, что акустика занята не только распространением звука в театральном помещении, но и прослушиванием, часто усиленного, звука разговоров). Далее судьба Семплеярова связывается исследователем с судьбой Ягоды, который указанным Булгаковым способом (якобы путем намазывания ртутью мебели и штор кабинета Н.И. Ежова) пытался руками своего «помощника» Буланова отравить начальника советских чекистов.

Расстрелян Б.С. Штейгер был по делу Енукидзе в декабре 1937 г. Контакты со Штейгером отразились и в дневнике Е.С. Булгаковой.

³ Здесь и ниже в цитатах выделено нами. — Л.К.

⁴ Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Книжная палата, 1991. С. 116.

⁵ Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. С. 89.

Единственное, что удивляло Л. Паршина, это то, что Булгаков «предсказал» конец Штейгера еще в 1933 г. Действительно, эпизод на сей раз с «Фон-Майзеном» записан в тетради 1933–1934 гг. Однако дело в том, что в эпизоде той редакции, где впервые появляется этот персонаж, никакая его судьба не предсказывается. Разберем этот эпизод подробно. Здесь важны в том числе даты: глава была написана с 12 ноября по 30 декабря 1933 г., то есть задолго до «Большого террора», которым окрашен текст основной редакции, писавшейся с 1936 по 1938 гг. и правившейся до 1940 г. (до радикального изменения ситуации в связи с убийством С.М. Кирова, и до Первого съезда советских писателей влетом 1934 г., но почти сразу после Постановления о Литературно-художественных организациях 1932 г.). Мы полагаем, что булгаковское «предсказание» — это не что иное, как текст о ненависти к соглядатаю, которому желают исчезнуть с лица земли.

Заметим, что в дневнике Е.С. Булгаковой имя интересующего нас Штейгера появится впервые 3 мая 1935 (!) г., т.е. сразу после Бала в американском посольстве. Итак:

«— Ну-с, кажется и все московские покойники? Завтра об эту пору и[х] будет гораздо больше, я подозреваю.

— Виноват, мессир, — доложил Коровьев, изгибаясь, — в городе имеется один человек, который, надо полагать стремиться стать покойником вне очереди.

— Кто такой?

— Некий гражданин по фамилии Фон-Майзен. Называет он себя бывшим бароном.

— Почему бывшим?

— Титул обременял его, — докладывал Коровьев, — и в настоящее время барон чувствует себя без него свободнее.

— Ага.

— Он звонил сегодня по телефону к вам и выражал восторг по поводу вашего вчерашнего выступления в театре и. когда узнал, что у вас сегодня вечер, выразил умильно желание присутствовать на нем» (ПСЧР. I/251–252).

Так разговаривал Фон-Майзен с Коровьевым, иначе Воланду не надо было бы это докладывать, ожидая от мессира ответа:

«— Воистину это верх безрассудства, — философски заметил хозяин.

— Я того же мнения, — отозвался Коровьев и загадочно хихикнул.

Такое же хихиканье послышалось в толпе придворных.

— Когда он будет?

— Он будет сию минуту, мессир, я слышу, как он **топает лакированными туфлями в подъезде.**

— Потрудитесь приготовить все, я приму его, распорядился хозяин (...)

Через мгновение бывший барон, улыбаясь, раскланивался направо и налево, показывая большой опыт в этом деле. Чистенький смокинг сидел на бароне очень хорошо и, как верно угадал музыкальный Коровьев, **он поскрипывал лакированными туфлями»** (ПСЧР. /1 252).

После встречи с уже «бальной» Маргаритой мессира следует:

«Тут он повернулся, ища с кем бы еще поздороваться и тут необыкновенные глазки барона, вечно полуприкрытые серыми веками, встретили Маргариту.

Коровьев вывернулся из-за спины барона и пискнул:

— Позвольте вас познакомить ...

— О, мы знакомы! — воскликнул барон, впиваясь глазами в Маргариту.

И точно: барон Маргарите был известен; она видела его раза три в Большом театре на балете. Даже, помнится, разговаривала с ним в курилке» (ПСЧР. 1/ 252).

Это означает две вещи: либо это Е.С. Булгакова (считавшая себя единственным прототипом Маргариты), которая пересекалась с бароном Штейгелем уже будучи женой Булгакова, либо еще с предыдущим мужем, советским военным деятелем С. Шиловским. Позже мы попытаемся обосновать это предположение.

Кроме того, несколько странна для описания опытного посетителя посольских приемов и *цековских* театральных премьер терминология «чистенький смокинг», «топает лакированными туфлями в подъезде», «поскрипывал лакированными туфлями» и т.д., тогда как в «нехорошей квартире» спрашивали его о «здоровье деток» и т.д. Не говоря уже о следующей детали одежды в сочетании с типом обуви, которая для барона была хуже, чем декольтированная дама, у которой «на шее ... была громадная и только что, по-видимому, зажившая рана, которая заставила барона содрогнуться». — «Дальше хуже: повернувшись, барон увидел, что рядом с ним уселся законченный фрачник, на котором не хватало только одного, но самого, пожалуй, существенного — сапог. Фрачник был бос. Тут уж барон просто вылупил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось» (ПСЧР. 1/ 253).

Таким образом, писатель демонстрирует совершенно необычную осведомленность в крайне закрытом правящем и дипломатическом быте сталинских 1930-х гг. В сочетании с названием свиты мессира «придворные», которое сохраниться до конца работы над романом, наше предположение не выглядит голословным.

Да, настроение барона во второй редакции и, соответственно, в конце 1933 г. еще совсем не такое, как в последующей версии романа, которую мы привели чуть выше. Здесь ни угроз, ни тарелок с отрезанной головой, ничего, кроме обычной сатирической чертовщины:

«Маргарита почувствовала поцелуй в руку, а душа ее наполнилась тревожным любопытством. Ей показалось, что что-то сейчас произойдет и очень страшно» (ПСЧР 1/253).

Нетрудно видеть, что это мнение Маргариты, а не последующие угрозы Воланда. Да и способ убийства будет совсем не похож на результат процесса Енукидзе.

«Барон же уселся и завертел головой направо и налево, готовый разговаривать с полным принуждением.

И, однако, одного внимательного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что барон чувствует величайшее изумление. И поразили его две вещи: во-первых, резкий запах жженой серы в гостиной, а главным образом вид Коровьева. В самом деле! Среди лиц во фраках и смокингах и приличных хотя бы по первому взгляду дам поместился тип, который мог кого угодно сбить с панталыку. Одни гетры при кургузом пиджаке и пятне на животе чего стоили! Как ни гасил мышинный блеск своих бегающих глаз барон, он не мог скрыть того, что мучительно старается понять, кто такой Коровьев и как он попал [в] к иностранцу [?]" (ПСЧР 1/252–253).

И чуть ниже после очередного описания странного вида Коровьева:

«Кроме того барона привело в смущение молчание самого хозяина. Барон похвалил вчерашний спектакль, а хозяин хоть бы звук в ответ. Но вместо этого Коровьев затруднил гостя вопросом о том, как здоровье деток, в то время как деток у барона не было» (ПСЧР 1/253)

Далее барон увидел разного рода людей с признаками мертвцов из будущего Бала у Сатаны, и наконец: «Тут уж барон просто вылупил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось» (ПСЧР. 1/253).

Далее следует недописанный кусок с неизвестным нам вопросом Коровьева к барону: «Внутри Маргариты оборвалось что-то, но ужаса она не испытала, а скорее чувство жуткого веселья. Впервые при ней с таким искусством и хладнокровием зарезали человека». После этого бьет полночь, и Маргарита требует у Воланда вернуть ей ее любовника.

Таким образом, сцена в редакции конца 1933 г. дает нам возможность увидеть, что знакомство с Штейгером было далеко не новым, кажется, у обоих участников игры.

Понятно, что развитие сюжета с оргией покойников произойдет уже в 1935 г. после «реального» Бала у Сатаны, где в записи в Дневнике Е.С. Булгаковой, наряду с очень близким к реальности описанием бала, встречаем список гостей: А. Афиногенов, Берсенева и Гиацинтова, Мейерхольд и Райх, В. Немирович-Данченко с котиком, Таиров с Коонен, Буденный, Тухачевский, Бухарин с женой, Радек, Бубнов.

А 18 октября в том же дневнике Булгаковой читаем про очередную вечер с кино, закусками и т.д. Присутствующие лица: «После картины все пошли в столовую... подходили: Афиногенов, Штейгер, конечно, румынский посол (очень уговаривал приехать к нему, он только что отделяет себе дом), тот американец, который служит в посольстве в Риге...»⁶.

В этом документе нас более всего интересует конкретно фигура именно румынского посла. Это равносильно нашему интересу в предыдущей записи Е.С. Булгаковой об общении с кругом главных военных страны, к которым был очень близок С. Шиловский. Не знаем, достаточен ли был у Шиловского ранг для посещения официальных посольских приемов, но уж на приглашения на официальные спектакли Большого театра он точно тянул. Поэтому вопрос о знакомстве Е.С. Булгаковой со Штейгером надо, похоже, отнести к более раннему времени. Ведь Штейгер работал в УГАТе (Управлении государственных академических театров) в «должности не совсем понятной» — «сопровождающий знатных иностранцев», с 1923 г.⁷

А в записи от 3 мая 1935 г. мы узнаем, что после очередной встречи с американскими дипломатами жена Бубнова называет Штейгера «наше домашнее ГПУ»⁸.

Таким образом, никаких новых сведений, которые позволили бы нам понять, куда делся директор театра Гете, нет⁹.

⁶ Дневник Елены Булгаковой. С. 105.

⁷ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 432.

⁸ Дневник Елены Булгаковой. С. 94.

⁹ Предлагаю свой подход к проблеме «директора театра», мы учитываем мнения и сведения М. Чудаковой, подробно перечислившей всех уволенных в интересующее нас время директоров МХАТа, Большого театра, Председателя Главреперткома Литовского и т.д. Не приводя всех поправок этой исследовательницы к публикации Дневника Е.С. Булгаковой по переписанному и отредактированному варианту, касающихся Штейгера, мы также принимаем их во внимание (См.: Чудакова М. Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х гг. // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Тыняновский сборник Рига; Москва, 1995–1996. Вып. 9. С. 385–463). При этом, учитывая яркую, но довольно туманно выраженную позицию исследовательницы (с. 412) относительно смысла сигналов Булгакова лично И.В. Сталину о своей судьбе, звучащих со страниц представленных «наверх» произведений, вплоть до предложения посадить мешающих писателю персонажей, — заставляет нас предположить, что сообщения осведомителей, которыми пользуется М. Чудакова, не только были такими же сознательными сигналами писателя власти, когда он не сомневался, что они дойдут до Первого адресата («Первому читателю»), но такими же «сигналами» были пьесы («Батум» и «Кабала святош»), и «закатный роман». А вот сам уровень этих осведомителей был много ниже уровня контактов М.А. Булгакова с властью, включая и тех лиц,

Что касается занятий Штейгера и мнения американцев на этот счет, то еще Л. Паршин цитировал американскую дипломатическую депешу от 28 апреля 1937 г., в которой поверенный в делах Лой У. Хендерсон сообщал об аресте Штейгера, являвшегося связующим звеном между Кремлем и дипкорпусом: «Исчезновение г-на Штейгера, к сожалению, означает для посольства потерю одного из самых важных советских агентов»¹⁰.

Впрочем, одна совсем недавняя и менее всего литературная, а напротив того, историко-дипломатическая публикация, позволяет, кажется, это себе представить более ясно и без ненужных пропусков.

Перед нами переведенный с латышского языка отчет латвийского дипломата. И тут мы обнаруживаем интересующее нас сочетание: и Штейгер, и румынский посол, и даже «директор театра». Вот этот текст: в документе № 69 от 23 апреля 1937 г. читаем:

«Сенсацией последних дней в кругах дипломатического корпуса являются слухи об аресте чиновника ОГПУ Штейгера. Штейгер, который именовал себя австрийским бароном, более 10 лет вращался в дипломатическом корпусе, как советник и специалист по вопросам искусства. Благодаря своей услужливости он сумел проникнуть не в одну дипломатическую семью, где быстро приживался и предоставлял ГПУ соответствующую информацию. Особенно услужлив был он по отношению к неженатым членам дипломатического корпуса, поставляя им «прекрасный пол». В последнее время его часто видели в обществе военного представителя Польши полк.-лейт. Забровского и посланника Румынии Чиунуту. Говорят, что последняя «сестра», участвовавшая в устроенном им приеме, была импортирована Штейгером из Варшавы. Если это подтвердится, не исключено, что дипломатический корпус ожидают известные последствия»¹¹.

Однако куда важнее следующее за приведенным сообщение латышского дипломата в той же депеше, которое позволяет понять

которые посещали посольские приемы, и принимали у себя иностранных послов — это был лишь аккомпанемент основной темы взаимоотношений Писателя и Вождя. К этой проблеме (с учетом опыта важных для русской культуры, в отличие от рядовых осведомителей, салона Бриков, биографии Г.А. Шенгели и т.д.) мы непременно вернемся, предложив пока лишь подход к ней в нашей книге: *Кацис Л.* Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской культуры, науки и искусства XX века. М.: РГГУ, 2012.

¹⁰ *Паршин Л.* Чертовщина в американском посольстве. С. 127. Характеристику “легендарного барона Штейгера” (“У него имелись какие-то таинственные связи в Кремле, и часто он выступал в качестве прямого канала связи с иностранными посольствами, где проводил большую часть времени”) см. также в воспоминаниях секретаря американского посольства — распорядителя-организатора “Весеннего бала” 1935 г. (*Тейер Чарльз.* Медведи в икре. М.: Весь мир, 2016. С. 186–187; тут же о предчувствии Штейгером своего ареста).

¹¹ Там же.

еще одно имя в том же романе. Ведь рядом со Штейгером обсуждается и арест неназванного прямо некоего «директора театра».

Теперь мы можем приблизиться к пониманию того, что имел в виду посетитель дипломатических приемов М.А. Булгаков: «По одним сведениям исчезновение Штейгера произошло в связи с обнаружением адской машины в Малом театре, задуманной для покушения на Сталина, хотя ТАСС эти сведения официально опроверг. Допускаю, что слухи иностранных газет о покушении на Сталина связаны с арестом директора Малого театра Лядова, но причина последнего, насколько выяснил, уголовного характера» [Там же].

Таким образом, Булгаков перенес в роман дипломатические слухи, сообщавшиеся президентам не самых дружественных держав. Поэтому нет сомнений и в конечной оценке латышского дипломата: «Наиболее вероятной все же будет версия, что исчезновение Штейгера — результат проводимой чистки ГПУ. Надо отметить, что в свое время, к сожалению, Штейгер был излюбленным человеком и в нашей миссии»¹² [Там же].

Теперь понятно, что в целях предотвращения ненужных ассоциаций, со сцены Бала у Сатаны «директора театра» лучше было убрать. Ибо ее расстрельно-арестная актуальность в предпоследней редакции была аналогична ненужной актуальности «Батума» на фоне расстрела Авеля Енукидзе.

2. «Царь Иудейский» К.Р. и «дяди из Киева» в «Мастере и Маргарите»

В данный момент мы не можем точно сказать, насколько могли иметь место биографические пересечения М.А. Булгакова и героя предыдущей части. Его киевские реквизиты приводил еще Л. Паршин, не найдя прямых доказательств связей двух киевлян¹³.

Однако Булгакову далеко не всегда требовались фактографически проверенные персонажи. Так, в предварительных редакциях романа можно встретить киевского дядю Берлиоза Литовского-Латунского, который к Киеву отношения не имеет, а вырос в Таганроге.

Тем не менее, именно театральная привязка заведомо не-киевлянина «Латунского» — Литовского (Кагана) — (ненавистного ему очередного Кагана!) к Киеву, к родному городу Булгакова, наряду с еще одним важным обстоятельством, о котором ниже, заставляет искать причины выбора писателем для Ершалаимских сцен в «Мастере и Маргарите» пьесы К.Р. «Царь Иудейский». Это довольно то-

¹² Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР. 1935–1937. Документы и материалы. М.: Русская книга, 2016. С. 237.

¹³ Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве. С. 124.

порная, и в основном тексте и в громадных комментариях написанная на основе первоисточников пьеса, была поставлена в Киеве буквально перед судьбоносным уходом М.А. Булгакова с белыми во Владикавказ.

То, что именно эта пьеса послужила прототипом описания дворца Прокуратора, известно давно¹⁴. Затем немалое место уделил ей в своих работах М. Петровский¹⁵, который высказал следующие соображения: «Киевские театральные впечатления отразились в творчестве Булгакова множеством ярких рефлексов, порой, до парадоксальности неожиданных.

Во вторник 29(15) октября 1918 г., в самый канун событий булгаковского романа «Белая гвардия», на сцене народной аудитории Киевского общества содействия начальному образованию (Бульварно-Кудринская, 26) была показана премьера спектакля «Царь Иудейский» в постановке режиссера Л. Лукьянова»¹⁶.

И далее М. Петровский излагает историю запрета постановки этой пьесы (названной им «произведением художественно незначительным») церковной цензурой, а также сообщает о постановке ее перед началом спектакля в Киеве «ан фрак», перечисляет разного рода кино-поделки на эту тему, и анекдотические сообщения о судьбе спектакля, приводит примерное его описание применительно к тексту «Мастера и Маргариты», отмечая, что он «с трудом поддается реконструкции»¹⁷ и т.д.

В сущности, так впоследствии поступали и те немногие исследователи, которые включали, и не без оснований, слабую пьесу и средненький спектакль в число самых влиятельных источников сочинений Булгакова, включая, как у М. Петровского, и пьесу «Последние дни» о Пушкине, который, как и Христос у К.Р., у автора «Мастера и Маргариты» на сцену не выходил, или любые тексты, связанные с путем кого-то на метафорическую Голгофу.

Признаемся, при всей убедительности текстуальных совпадений романа «Мастера и Маргариты» с литературными источниками, связанными с историей научного изучения раннехристианской эпохи, нас, прежде всего, смущал ничтожный повод. Почему восходящий к провинциальным театральным впечатлениям сюжет Иешуа Га-Ноцри — Пилат, занимает столь важное место в главном прозаическом сочинении трагически-успешного и несчастливо-знаменитого драматурга МХАТа?

¹⁴ Толстая Е. Бродяга из Гамлы и «Царь Иудейский»: об одном источнике булгаковского романа // Russian Language Journal. Vol. 43. No. 145/146 (Spring-Fall 1989). P. 157–182.

¹⁵ Петровский М. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 106–146.

¹⁶ Там же. С. 118.

¹⁷ Там же. С. 120.

Нам представляется, что дело здесь вообще не в качестве пьесы К.Р. и киевского спектакля. Дело в совсем другом: в острейшем политическом контексте этой постановки в Киеве 1918 г., весь смысл которого раскроется перед нами, когда в Москве в 1926 г., будет решаться судьба и киевских «Дней Турбиных», и киевлянина Булгакова вообще. Это и есть период между первыми вариантами сожженного Булгаковым романа о Христе и дьяволе 1928–1929 г. и работой над тем, что нам известно как «Мастер и Маргарита» во всех его изводах. И было это еще до Письма писателя Советскому Правительству 1930 г.

Однако, прежде чем перейти к рассуждениям на эти темы, приведем один пропущенный булгаковедами киевский текст времен постановки «Царя Иудейского».

Homo Novus¹⁸

ПИСЬМА НА РОДИНУ

VI. Эрмитажный спектакль.

На-днях я смотрел в новом драматическом театре «Царя Иудейского» К.Р. Маленькая зала народной аудитории была сверхреполнена, так что дышать было трудно. И играли, и слушали с благоговением; хорошо звучала музыка, молитвенно пел хор. Было умирительно, и так тихо, благородно-скромно.

От этой маленькой, тесной зальцы, в которой есть нечто общее с расширенной большой кельей, мысль моя перенеслась за 5 лет, в Эрмитажный театр Зимнего дворца, где в первый раз ставился «Царь Иудейский» с автором в роли Иосифа Аримафейского. В качестве театрального критика, я имел приглашение на этот спектакль, и помню, по настоянию сведущих людей, *купил себе даже лаковые ботинки, дабы быть совсем комильфо. Выезд «ко двору»* — не безделица, вы сами понимаете. Нужно было точно знать, в какой подъезд сунуться, потому что подъезды тут были разные — и в один входили особы первых классов и дипломатический корпус, а в другой — особы императорской фамилии, а в третий еще кто-то, а нам было указано проходить через «детский подъезд». Из этого подъезда через ряд зал мы проникали в верхние места Эрмитажного театра, расположенного усеченно-круглым амфитеатром. Восхитительнее в архитектурном смысле, чем Эрмитажный театр, трудно себе что-нибудь представить. На этой замечательной архитектуре так же, как на Таврическом (ныне «имени Урицкого») дворце, как на охотничьем домике Екатерины в Царском, почиет дух необыкновенного тонкого, аристократического изящества, век

¹⁸ *Homo Novus* [А.Р. Кугель]. Письма на Родину // Киевская мысль. 3/XI (21/X). 1918. С. 2.

Трианона и Версаля. Так и видишь воздушных маркиз на красных каблучках, в белых париках, из-под которых, как наяды среди пены, сверкают шаловливые глаза. Одна современная поэтесса¹⁹ обмолвилась стихами:

— Моя душа давно была маркизой...
Да, давно!

Все в этом дворце и в этом театре было до такой степени изумительно, что тяжелая «архитектурная» постановка «Царя Иудейского», изображенная режиссером Арбатовым, неприятно давила глаза. И вообще, тут одно не шло к другому: простодушный свангельский пересказ автора, простодушно любительское, очень искреннее чтение автором роли Иосифа, и простодушие христианского учения, прославляемое в простодушной трагедии — с одной стороны, с другой — «детский подъезд», через который попадали в храм изысканнейшего вкуса и великолепия.

В антрактах нас, представителей печати, разыскивал секретарь великого князя, г. Сергиевский, весьма любезный господин, и просил — о, конечно, совершенно конфиденциально! — обратить внимание на притеснения синода, который ни за что не разрешает пьесы для публичного исполнения, а уж чего, казалось бы, цензурнее написана трагедия! *Толстые лакеи плыли на монументальных ногах плыли мимо нас с подносами, и было все странно: цензура, синод, автор великий князь, собирающийся воевать с синодом через поддержку печати, эрмитажный театр, чай от высочайшего двора, христианское простодушие и век преславной Екатерины*, и вся эта социально политическая пирамида, прочнее которой, казалось, ничего быть не может, как aes aeternum, «вечная медь» Рима — *и необычный блеск лаковых ботинок, привлекавший мой рассеянный взор...* И, уже тогда, помнится, чувствовалось, как извиваясь тонкими змеевидными кольцами, вползает какой-то тревожный призрак «оттуда», — с улицы, с набережной, через «детский подъезд»... И через театр! Вспомните Бомарше, «Женитьбу Фигаро» в придворном театре, и как дюки, виконты и маркизы хлопали стиху: «вы, которые дали себе в жизни единственный труд — родиться!». До чего верна французская поговорка: чем больше это меняется, тем больше остается одним и тем же...

Случилось мне несколько месяцев назад снова проходить по одному нужному делу через «детский подъезд» в прилегающие к Эрмитажному театру помещения. *В самом театре, кажется, устроили «народный кинематограф», — в прилегающих же комнатах — приемная «комиссара по народному просвещению» и разные канцелярии.* Дождаться пришлось довольно долго, и тут я встре-

¹⁹ В. Инбер.

тил одного знакомого актера-певца, участвовавшего в хоре на каком-то музыкальном совдепском празднике. В самом «детском подъезде» у него украли пальто, и *показывая отметку народного комиссара* к другому «товарищу комиссару», что «полагаю, надо удовлетворить претензию», он говорил мне: «Как вы думаете, дадут полтораста или двести? А? Что это по нынешней дороговизне!»). Кругом сновали *товарищи в серых френчах без погон*, и барышни стучали на машинках, стараясь усвоить новую орфографию. По ассоциации вспомнились лаковые мои ботинки, которые тоже украли. «*Ainsi tout passe, sans laisser une trace...*», как писал Некогда Ламартин.

Все это, если хотите, присказка. У одного, весьма мною чтимого конфрера²⁰ я встретил свое выражение «завоевания революции», окруженное ироническими кавычками. И точно, по прямому смыслу, какие же это «завоевания»? Нищета, тирания, террор, грязь, смрад, кровь — это, что ли, завоевания? И что в «детском подъезде» у актера украли пальто — завоевание? И что диво-дивное архитектуры, охотничий домик Екатерины в Царском, превратили в танцульку — завоевание? Нет, избави Бог нас от таких «завоеваний»!

А между тем, через грязь и кровь, через нищету и голод, через разрушение и гибель, через расхищенную красоту и разворванное достояние, — если вдуматься — несомненно прошло если не величайшее, то необходимейшее «завоевание» России. И веря в нее, скажем: еще не умрет, не оживет...

Старая Россия представляла вот ту нелепую мозаику Эрмитажа с селом Комариным, великого князя с актерским любительством, простодушия евангельского сказания со сложной интригой синода, абсолютизма с поддержкою печати, вкуса с необразованностью, ярчайшей интеллигентности с дикарским хамством, какую я почувствовал на первом представлении «Царя Иудейского». «Завоевание» революции прежде всего в том, что происходит воссоединение бездны, отделявшей народ от верхов. Россия больна страшным недугом — внутренним разрывом тканей, которое было вызвано Петром. С самой петровской реформы, с самого начала петербургского периода русской истории, наш «прогресс» представлял нечто в роде арифметической задачи-шутки о черепахе и Ахилле. И Ахилл двигался, и черепаха продвигалась, но разность расстояния не только не уменьшалась, но росла. И не было ни одной стороны — ни в общественной, ни в политической жизни, ни в литературе, ни в направлениях наших, которые не были бы насквозь проникнуты отторжением и болью этого органического разрыва. Можно было — и уж, конечно, должно было — мерною и постоянной

²⁰ confrère (*фр.*) — собрат, сотоварищ.

работою заложить эту зияющую трещину разрыва. Но этого царская Россия не сделала. Тогда случилась катастрофа. Произошло вулканическое извержение, взорвался какой-то внутренний котел, и грандиознейшие русские глыбы, поднятые взрывом, повалились одна на другую. И пусть это катастрофа, пусть это землетрясение, пусть Геркуланум и Помпея, но вместе со взрывом, из почвы поднялись такие горы, которые только одними размерами своими в состоянии заполнить великую бездну. Мы не работали муравьиными, тихими своими усилиями. Ну, что ж, пришло извержение, пришел адский огонь, и подземный Ахерон исполнил мгновенно руками подвластных ему демагогов титаническую работу, от которой отлынивали десятки поколений.

Вот что такое — в самых общих чертах — «завоевание революции». *Несчастье выполнило какую-то сверхчеловеческую работу. Оно затопило значительную часть нашей культуры, чтобы отвести русло истории в подлежащее место. И тут перед нами два пути: один — строить культуру и формы жизни на новом месте, а другой — убрать мусор и навороченные глыбы для того, чтобы восстановить старое русло. Я не знаю, посильная ли это, вообще, задача, но если даже так, если бы удалось, потратив необычайные усилия, расчистить старое русло, — какая это, в сущности, бесполезнейшая и бесцельнейшая трата, и какая совершенно непоправимая ошибка!*

Иногда весь петербургский период представляется мне каким-то волшебным сном театрального спектакля. Императорский балет, что ли... Необычайной красоты декорации, пестрая толпа волнующихся придворных, только от солнца абсолютизма получающих жизнь, а там, вдали, как водится в эрмитажных спектаклях, второй, задний, глубокий план, пейзаны в чистеньких театральных костюмах. Музыка играет, штандарт скачет, и жизнь течет в эмпиреях... Но когда стряслась революция — сначала февральская, которой противостояли два десятка городских, и больше никто, а потом октябрьская, которой противостояли женщины-добровольцы Бочкаревой и сотня юнкеров, и больше тоже никто, — то все повалилось, как валится холст и картон эрмитажных декораций.

Миг один, и нет волшебной сказки... Разумеется, кончилась и «aes aeternum» Рима, но благовествование о «Царе Иудейском» медленно и долго его подтачивало. Это же, буквально, как в театре — по свистку машиниста.

*Что же, опять играть в театр и старые декорации? И через революцию пройти, как через эрмитажный театр в блестящих лаковых сапогах?*²¹

²¹ Курсив в цитате наш. — Л.К.

Итак, перед нами текст знаменитого театрального критика и политического публициста Александра Кугеля, который возводит две постановки «Царя Иудейского» на уровень символа падения и возможного возрождения России, и делает он это в Киеве под впечатлением Петербургских и Петроградских событий. Однако теперь уже столица с 12 марта 1918 г. — Москва, и Москва большевистская. А Киев оба наших героя и Александр Кугель, и Михаил Булгаков, и умудренный десятилетиями литературной и политической жизни, и молодой писатель, если так уже о Булгакове можно говорить, покидают Киев с воспоминаниями о «Царе Иудейском».

Интересно, что до появления работы Е.Д. Толстой «Бродяга из Гамлы и “Царь Иудейский”» никому, даже из державших в руках «Киевскую мысль» или «Последние новости», не приходило в голову учитывать «Царя Иудейского» в театрально-художественной критике булгаковского Киева²². Слишком уж непритязательны были и пьеса, и спектакль. Даже наиболее подробное исследование М. Петровского включает в себя лишь очень малозначимые рецензии из киевской печати, говорящие, скорее, о коммерческом успехе предприятия, а не о его качестве. Кстати, в этом аспекте оценка пьесы и спектакля у М.С. Петровского и пропущенный всеми булгаковедами текст выдающегося театрального критика и блестящего политического публициста А. Кугеля совпадают.

А вот и важное для нас замечание М. Петровского: «Уж, если Булгаков был на «Павле Первом» (вспомним «документальность» реплики Мышлаевского), то «Царя Иудейского» с его скоромной (?! — Л.К.) репутацией будущий автор романа об Иешуа Га-Ноцри едва ли пропустил бы. У нас нет никаких историко-литературных сведений, удостоверяющих его знакомство с «Царем Иудейским» и киевской реализацией пьесы, кроме самих произведений Булгакова, подтверждающих этот факт достаточно внятно»²³. Далее М. Петровский отмечает, что одна из сцен спектакля 1913 г. была вставлена в автокомментарий К.Р. к его пьесе. Это позволяет предположить, что текста пьесы и комментария вкупе с чтением фельетона А. Кугеля было достаточно, чтобы пьеса «Царь Иудейский» стала знаковой в творческом развитии уже московского Булгакова.

Однако замечательный фельетон Homo Novus'a расставляет все на свои места, тем более, что в нашей общую картину попадает не только А. Кугель, но и нарком А.В. Луначарский, названный там по должности большевистский чиновник, подписавший ордер на покупку шубы, взамен украденной в Дворцовом театре, но уже при большевиках. Не будем забывать, что Луначарский был уроженцем Полтавы, но в гимназии учился в Киеве, был он видным журнали-

²² См., напр.: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. С. 55–93.

²³ Петровский М. Мастер и Город. С. 120.

стом «Киевской мысли». А в 1902 г., в период подготовки и выхода в свет сборника «Проблемы идеализма», Луначарский полемизировал с однофамильцем автора «Мастера и Маргариты» С. Булгаковым о «Братьях Карамазовых» в статье «Русский Фауст»²⁴.

К этому добавляются теперь и «лаковые туфли» предшественника Майгеля, и даже «фрачник без сапог», отсылающий к френчам без погон в Императорском Эрмитажном театре, где теперь сидит комиссар искусств. Да и идея сменить «лаковые туфли» Эрмитажного театра на «лаковые сапоги» в самом конце фельетона, в очередной раз отсылает нас, как представляется, к тексту «Киевской мысли».

Теперь нам остается по примеру А. Кугеля, перенесшегося из Киева 1918 г. в Петербург 1913-го, перенестись в Москву 1926–27 гг., предшествующих началу работы над романом. На сей раз нас будут интересовать пересечения судеб А.В. Луначарского, А. Кугеля, М. Булгакова и даже Д. Мережковского во МХАТе середины 1920-х гг. Вот сведения из специального сайта, посвященного МХАТу. В статье И. Соловьевой, ведущего историка МХАТа, о Мережковском читаем:

В 1917/18 гг. Кугель, переключившись на политические темы, оказался одним из самых стойких публицистов, после Октября выступавших против большевиков. Взявши для постановки к столетию восстания на Сенатской площади сделанную Кугелем инсценировку исторических романов эмигранта Мережковского (пьеса пошла под названием «Николай I и декабристы», 1926), МХАТ делал вполне недвусмысленный гражданский жест. Летом 1927 г. Станиславский встречался с Кугелем в Кисловодске — «теперь он стар, сильно болен и, должно быть, перед смертью хочет заглянуть прошлое. О нем мы, конечно, ничего не говорили, ни слова».²⁵

Или:

Воспользовавшись тем, что Луначарский проявил либерализм и, несмотря на антисоветскую активность Мережковского в эмиграции, рекомендовал его произведения театрам (1924), МХАТ в 1926 г. поставил сделанную А.Р. Кугелем инсценировку его исторических романов («Александр I» и «14 декабря») — спектакль шел под названием «Николай I и декабристы»²⁶.

Таким образом, имя Кугеля находилось в актуальной для Бул-

²⁴ Луначарский А. Русский Фауст // Вопросы философии и психологии. 1902. Год XIII, кн. 63 (III). С. 783–795. Разного рода его сочинения типа позднего «Фауста в городе» мы не упоминаем.

²⁵ Соловьева И. Александр (Аврам) Рафаилович Кугель (точка доступа на 15.03.2017: <http://mxat.ru/history/persons/kugel/>).

²⁶ Соловьева И. Дмитрий Сергеевич Мережковский (точка доступа на 15.03.2017: <http://mxat.ru/history/persons/merezhkovskiy/>).

гакова сфере и в 1918, и в середине 1920-х гг., предшествовавших написанию первой редакции «Мастера и Маргариты».

Что касается Луначарского, то в его печатных выступлениях и речах антибулгаковских материалов более чем достаточно: от обвинений в реакционности до заявлений о бездарности «Дней Турбиных». Сейчас нашей целью менее всего является изучение причин такого поведения наркома просвещения, однако есть смысл учитывать, что Наркомпрос разрешал с ограничениями постановку «Дней Турбиных» во МХАТе, а ГПУ выступало против. Даже решение Политбюро о поддержке Наркомпроса здесь решало не много, и требовалась эшелонированная оборона, менее всего связанная с Булгаковым.

Но, так или иначе, все интересующие нас участники киевского эпизода с «Царем Иудейским» собрались в одной точке: в Москве и МХАТе, в самое важное для Булгакова время.

Теперь остается сказать, что перебор имен и подбор кличек героев «Мастера и Маргариты», да и «Театрального романа», у Булгакова имел свою макабрическую логику. Отсюда большее или меньшее количество узнаваемых признаков прототипов от редакции к редакции, отсюда замена ситуаций и узнаваемых обстоятельств, которую мы видели хотя бы на примере «директора театра».

Правда, смерть в 1927 г. А. Кугеля (просто умершего своей смертью в Ленинграде вполне вписавшегося в советский контекст критика) позволила сразу же включить его киевский текст в основу будущего романа. Однако благополучный уход критика из жизни не входил в замысел романа в том и числе и как мести врагам. Намеками на это, как мы видим, полон и «Мастер и Маргарита», и дневник Е.С. Булгаковой. А вот шумное падение Луначарского в 1929 г. уже вполне способствовало возможности именно макабрической игры писателя. Наконец, классовая ненависть к «бывшим баронам» (как герою первой заметки Штейгеру), ставшим с самого конца Гражданской войны сотрудниками соответствующих органов, легко вела к готическим убийствам самым традиционным для таких романов способом — ножом.

Роман «Мастер и Маргарита» писался вплоть до 1940 г., т.е. до момента, когда уже решена была судьба таких жертв «второго эшелона» как Мейерхольд или Бабель. Поэтому так легко было Булгакову «предсказывать назад» смерти своих врагов, все углубляя и усложняя подтексты, накладывая события друг на друга и все более отдаляя первые творческие импульсы от получившегося в итоге романа.

Однако начало этому процессу было положено уже тогда, когда завоевывавший столицу Булгаков основывал свои «киевские» роман и пьесу, «Белую гвардию» и «Дни Турбиных», на питерских и московских текстах М.А. Кузмина, Ю.Л. Слезкина или А.Н. Тол-

стого²⁷. И был тогда Булгаков вполне оппозиционным «пречистенцем»²⁸. А вот «московский» роман после демонстративной «смены веж», по воле судьбы позволил завлиту сталинского Большого театра и сотруднику сталинского МХАТа в условиях тотального террора развить свою практику макабрических игр на трупах своих врагов, количество которых неизменно росло, как бы исполняя слова Воланда из основной редакции романа. К тому времени уже не было ни Бубнова, ни Енукидзе, ни, в конце концов, единственного относительно открыто названного Штейгера, киевлянина, чья фигура сложным образом эволюционировала от двух известных деятелей культуры, так или иначе связанных с Киевом. И пришла в итоге к изначально назначенному на роль «дяди из Киева» Латунского-Литовского, благополучно пережившего всех и вся «племянника» (если не из Житомира, как Лариосик), то из Таганрога.

Закончим мы вещими словами Воланда из редакции 1932–1936 гг.: «Ну-с, кажется и все московские покойники? Завтра об эту пору их будет гораздо больше, я подозреваю». И здесь Булгаков оказался прав: материала хватило на целую новую редакцию романа...

Литература

Булгаков М. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: В 2-х т. Т. 2: Шестая редакция романа «Мастер и Маргарита» (1938–1940). М.: Пашков дом, 2015. 840 с.

Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. 400 с.

Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М.: ОГИ, 2000. 656 с.

Кацис Л. Смена парадигм и смена Парадигмы. Очерки русской культуры, науки и искусства XX века. М.: РГГУ, 2012. 643 с.

Луначарский А. Русский Фауст // Вопросы философии и психологии. 1902. Год XIII. Кн. 63 (III). С. 783–795.

Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР. 1935–1937. Документы и материалы. М.: Русская книга, 2016. 392 с.

Паришин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Книжная палата, 1991. 206 с.

Паустовский К. Снежные шапки // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Советский писатель, 1988. С. 103–108.

Петровский М. Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 106–146.

Толстая Е. Бродяга из Гамлы и «Царь Иудейский»: об одном источнике булгаковского романа // Russian Language Journal. Vol. 43. No. 145/146 (Spring–Fall 1989). P. 157–182.

²⁷ *Кацис Л.* «О том, что никто не придет назад» I. (Предреволюционный Петербург в «Белой гвардии» М.А. Булгакова) // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. С. 213–245.

²⁸ Там же. Гл. «О том, что никто не придет назад» II. (Предреволюционный Петербург и литературная Москва в «Белой гвардии» М.А. Булгакова). С. 246–300.

Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

Чудакова М. Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х гг. // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Тыняновский сборник. Вып. 9. Рига–Москва, 1995–1996. С. 385–463.

Homo Novus [А.Р. Кугель]. Письма на Родину // Киевская мысль. 1918. 3/XI (21/X). С. 2.

References

Bulgakov M. *Master i Margarita. Polnoe sobranie chernovikov romana. Osnovnoi tekst. V 2-kh t. T. 2: Shestaia redaktsiia romana «Master i Margarita» (1938–1940)* [Master and Margarita. Complete collection of drafts of the novel. The main text: In 2 volumes. Vol. 2: The sixth edition of the novel “Master and Margarita” (1938–1940)]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2015. 840 p. (In Russ.)

Dnevnik Eleny Bulgakovoi [Diary of Elena Bulgakova]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1990. 400 p. (In Russ.)

Katsis L. *Russkaia eskhatologiia i russkaia literatura* [Russian eschatology and Russian literature]. Moscow, OGI Publ., 2000. 656 p. (In Russ.)

Katsis L. *Smena paradigm i smena Paradigmy. Ocherki russkoi kultury, nauki i iskusstva XX veka* [The paradigm shift and the paradigm shift. Essays on Russian culture, science and art of the twentieth century]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 643 p. (In Russ.)

Lunacharskii A. *Russkii Faust* [Russian Faust]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1902, XIII, 63 (III), pp. 783–795. (In Russ.)

Missiia v Moskve. Doneseniia latviiskikh diplomatov iz SSSR. 1935–1937. Dokumenty i materialy [Mission in Moscow. Reports of Latvian diplomats from the USSR. 1935–1937. Documents and materials]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2016. 392 p. (In Russ.)

Parshin L. *Chertovshchina v amerikanskom posol'stve v Moskve, ili 13 zagadok Mikhaila Bulgakova* [Chertovshchina in the American Embassy in Moscow, or 13 mysteries of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1991. 206 p. (In Russ.)

Paustovskii K. *Snezhnye shapki* [Snow Hats]. In: *Vospominaniia o Mikhaile Bulgakove* [Memoirs of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988, pp. 103–108. (In Russ.)

Petrovskii M. *Master i Gorod. Kievskie konteksty Mikhaila Bulgakova* [Master and City. Kiev contexts of Mikhail Bulgakov]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2001, pp. 106–146. (In Russ.)

Tolstaia E. Brodiaga iz Gamly i «Tsar' Iudeiskii»: ob odnom istochnike bulgakovskogo romana [The tramp from Gamla and the “King of the Jews”: about one source of the Bulgakov novel]. *Russian Language Journal*, vol. 43, no. 145/146 (Spring–Fall 1989), pp. 157–182. (In Russ.)

Chudakova M. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p. (In Russ.)

Chudakova M. *Osvedomiteli v dome Bulgakova v seredine 1930-kh gg.* [Informants in Bulgakov's house in the mid-1930's]. In: *Sed'mye Tynianovskie chteniia. Materialy dlia ob-suzhdeniia. Tynianovskii sbornik* [Seventh Tynyanov Readings. Discussion materials. Tynyanovskii collection]. Вып. 9. Рига–Москва, 1995–1996, pp. 385–463. (In Russ.)

Homo Novus [A.R. Kugel]. *Pis'ma na Rodinu* [Letters to the Motherland]. *Kievskaiia mysl'*, 1918, 3/XI (21/X), p. 2. (In Russ.)

Notes on sources and components the novel M.A. Bulgakov “Master and Margarita”

Leonid F. Katsis

Abstract: In work new approach to the analysis of real historical sources and characters of the novel of M.A. Bulgakov “Master and Margarita” is offered. In the first note the prototypes of “theatre director” changing from edition to edition are analyzed. On the basis of documents of diplomatic correspondence of the Latvian Embassy it is shown that the director of Maly Theatre Kozlov who was earlier not joining in the list of prototypes of the novel was “theatre director” from the finishing edition and also the destiny and arrest of the baron Maygel (Shteyger) connected with scenes of “the Ball of the Satan” is tracked. In the second note the reasons of inclusion in number of prototexts of the novel of the play of K.R. “Tsar the Judaic” are analyzed.

Keywords: M.A. Bulgakov, “Master and Margarita”, historical sources, prototypes of the novel, Baron Maigel, K.R., “Tsar the Judaic”, A. Kugel.

Information about author: Leonid F. Katsis, Doctor of Philology, Head of the Educational and Scientific Laboratory of Mandelstam Studies, RSUH, Professor of the Educational and Scientific Center of Biblical Studies and Judaica of the Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: batya-94@mail.ru.

ИЗ ИСТОРИИ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-288-372

УДК 821.161.1

Слишком «Новое о Маяковском»¹

А.Ю. Галушкин, М.А. Фролов

Аннотация: Публикация посвящена одному из тяжелейших эпизодов в судьбе академической серии «Литературное наследство», связанному с выходом в свет 65-го тома — «Новое о Маяковском» (1958), включившего, в ряду других материалов к биографии поэта, письма В.В. Маяковского к Л.Ю. Брик 1917–1930 гг. В публикации, с возможной полнотой, на основании архивных документов, а также материалов советских газет и журналов, прослеживается процесс формирования атмосферы общественно-политического скандала, в котором были задействованы силы журнально-газетной критики, представители официозного советского литературоведения, высокопоставленные сотрудники ЦК КПСС и АН СССР, и, наконец, родная сестра поэта Л.В. Маяковская. Подготовка к печати настоящей публикации осуществлена в рамках исследовательского проекта «“Литературное наследство”: научная школа и академическая серия в истории отечественного литературоведения 1930–1980-х гг.», инициированного А.Ю. Галушкиным к юбилею издания и поддержанного РГНФ в 2015 г. По его итогам предполагается подготовить документальное издание, включающее значительное количество разнообразных по жанру материалов (устные воспоминания основателя издания И.С. Зильберштейна и его ближайшего коллеги, бессменного соредактора томов серии С.А. Макашина, переписка, стенограммы и др.) к истории не только «Литературного наследства», но и отечественной филологической науки в целом.

Ключевые слова: «Литературное наследство», «Новое о Маяковском», И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин, В.В. Маяковский, Л.Ю. Брик, АН СССР.

Информация об авторах: Александр Юрьевич Галушкин (1960–2014), к.ф.н., в 2009–2014 гг. зав. Отделом «Литературное наследство» ИМЛИ РАН.

Максим Андреевич Фролов, к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва, Россия.
E-mail: m.a.frolov@gmail.com

«Я сижу в кафе и реву. Надо мной смеются продавщицы. Страшно думать, что вся моя жизнь дальше будет такою. [...]

Если ты почувствуешь от этого письма что-нибудь, кроме боли и отвращения, ответь ради Христа, ответь сейчас же, я бегу домой, я буду ждать».

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00297 «“Литературное наследство”: научная школа и академическая серия в истории отечественного литературоведения 1930–1980-х гг.».

«Не тревожься, мой любименький солник, что я у тебя вымогаю записочки о твоей любви. Я понимаю, что ты их пишешь больше для того, чтобы мне не было зря больно. Я ничего, никаких твоих “обязательств” на этом не строю...».

Такие письма писал Маяковский в 1920-х Лиле Брик. Естественно, бронзовому монументу на Триумфальной площади Страна Советов не могла позволить эту лирическую слякоть. Поэтому публикация писем поэта в 1958-м (сама по себе — знак хрущевской «оттепели») чуть не погубила целый научно-издательский проект.

Прошло 50 лет. «Дело о письмах Маяковского» выглядит, как эпизод истории долгой борьбы за право советского человека быть человеком. Мы выиграли этот бой?

«Литературное наследство» и сегодня очень ценимо во всем мире. 85 лет в серии выходят фундаментальные тома, посвященные русской классической литературе XIX и XX вв., большую часть которых составляют публикации архивных материалов.

Авторы и сотрудники «ЛН» не избежали репрессий. Из томов изымались публикации, а борьба за некоторые шла десятилетиями. Худшая участь постигла 65-й по счету том под названием «Новое о Маяковском» (1958).

Советский режим культивировал классиков. Но им — как словию «государевых людей», пусть и очень своеобразному, — предписывалось не иметь слабостей и колебаний, религиозных убеждений, романов на стороне... Выхолощенная и максимально приближенная к потребностям дня, такая русская классика лучше подходила для инструментального использования.

После сталинских слов о «лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи» классиком советской литературы стал и Маяковский. Однако поэт мало подходил на эту роль, а его личная жизнь мало соответствовала нормам социалистической морали. А посему публикация «Литературным наследством» материалов его биографии и его частной переписки с Лилей Брик вызвала у «советской общественности» неоднозначную реакцию.

Вскоре после выхода тома, 9 января 1959 г. Л.В. Маяковская обратилась с письмом на имя М.А. Сулова: «Недавно вышел 65-й том “Литературного наследства”, посвященный В. Маяковскому. Редакция обращалась ко мне с просьбой предоставить переписку брата с семьей. Я отказалась на том основании, что переписка наша не имеет литературного и общественного значения и что я не хочу участвовать в одном сборнике с абсолютно чуждыми мне людьми. Об этом я сообщила в письме на имя В.В. Виноградова. Но сборник оказался еще более вредным, чем я предполагала. За небольшим исключением в нем сконцентрированы все материалы, снижающие образ Маяковского, внушающие недоверие к нему. Для этого авторы сборника использовали все: направленные стенограммы, буржу-

азную прессу, сомнительные воспоминания, даже реплики с мест. Все это служит им доказательством неполноценности, шаткости, противоречивости политических убеждений М[аяковско]го [...] Особенно возмутило меня и очень многих других людей опубликование писем брата к Л. Брик. Письма эти оказались сугубо личными — интимными, в которых почти нет литературных и общественных сведений, а предисловие фальшиво и нескромно. Л. Брик, замкнутая в своем кругу, не учла, какой резонанс может получиться у современных читателей, воспитанных на коммунистической морали, от публикации этих писем. Вместо признания и умиления перед ней, как она рассчитывала, — естественное возмущение [...] Брат мой, человек совершенно другой среды, другого воспитания, другой жизни, попал в чужую среду, которая, кроме боли и несчастья, ничего не дала ни ему, ни нашей семье. Загубили хорошего, талантливого человека, а теперь продолжают чернить его честное имя борца за коммунизм. И ЦК партии не раз ограждал поэта Маяковского от травли и нападков, и я надеюсь и сейчас на его защиту, тем более Издательство Академии собирается выпустить второй том»².

Вскоре после сестры поэта советский классик Ф. Панферов написал тому же адресату письмо, по своему жанру и стилю более напоминающее донос: «Я этими днями прочитал огромный (50 печ. листов) том, называемый “Новое о Маяковском”, изданный Академией наук СССР [...] перлом всего являются неизвестно зачем опубликованные письма Маяковского к Лиле Брик. Это весьма слащавые, сентиментальные, сугубо интимные штучки, под которыми Маяковский подписывался так: “Щенок” [...] Всю эту галиматью состряпали такие молодчики, как Катанян, Пицкель, Розенблюм, Февральский под редакцией Виноградова, Зильберштейна, Макашина и Храпченко... Видимо, правильно народ утверждает, что порой и на крупное здоровое тело лепятся паразиты. В данном случае паразиты налепились на образ Владимира Маяковского... и удивительно, что это делается под маркой Академии наук СССР».

Не отставали министр культуры СССР Н. Михайлов и известный журналист-международник Ю. Жуков. Они писали, что «том...

² Эти и некоторые другие официальные документы, проясняющие судьбу тома, его редакторов, авторов и составителей, а главное — «Литературного наследия», цитируются по тексту их первой публикации: *Пушкарева Л.* Документы свидетельствуют...: Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского // Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 197–215; см. также более поздние издания: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы / Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Л.А. Величанская, З.К. Водопьянова, Е.В. Кочубей. М.: РОССПЭН, 1998. С. 142; Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / Сост. В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева и др. М.: РОССПЭН, 2005. С. 182, 194, 198–202.

используется за рубежом в целях антисоветской пропаганды», призывали издательство АН СССР к «более тщательному отбору документов, исключаяющему возможность опубликования таких материалов, которые могли бы быть использованы враждебной нам иностранной пропагандой», а ЦК КПСС — «рассмотреть вопрос об ответственности редакционной коллегии “Литературного наследства”... за неудовлетворительную подготовку к выпуску тома “Новое о Маяковском”». Записка министра культуры заканчивалась словами, содержащими требование административной расправы: «Издание такого рода публикаций не помогает правильному изучению процессов литературной жизни, наносит вред делу коммунистического воспитания трудящихся, особенно молодежи. Министерство культуры СССР считает, что безответственность, проявленная в издании книги о Маяковском, не может оставаться безнаказанной».

Наконец, 31 марта 1959 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей приняла постановление (ввиду важности документа и его небольшого объема процитируем его целиком):

«1. Отметить, что Отделение языка и литературы Академии наук СССР допустило грубую ошибку, выпустив 20-тысячным тиражом 65 том “Литературного наследства” — “Новое о Маяковском”. В книге содержатся материалы, искажающие облик выдающегося советского поэта; опубликована переписка, носящая сугубо личный, интимный характер, не представляющая научного интереса. Ряд других материалов, тенденциозно подобранных в книге, дают неверное представление о поэте, якобы находившемся в разладе с советской действительностью, что перекликается с клеветническими измышлениями зарубежных ревизионистов о Маяковском. Реакционная зарубежная пресса использует книгу “Новое о Маяковском” в целях антисоветской пропаганды. Содержание книги вызвало возмущение советской общественности.

Руководство Отделением литературы и языка Академии наук СССР (тг. Виноградов и Храпченко) передоверило подготовку тома «Литературного наследства», посвященного В. Маяковскому, лицам, политически незрелым, некомпетентным в вопросах советской литературы.

2. Указать заместителю академика-секретаря Отделения языка и литературы Академии наук СССР т. Храпченко М.Б. на безответственное отношение, проявленное с его стороны к выпуску книги “Новое о Маяковском”.

3. Обязать Президиум Академии наук СССР (т. Несмеянова) принять необходимые меры по улучшению работы в области литературоведения, в особенности советского периода; укрепить состав ре-

дакции «Литературного наследства» квалифицированными работниками³.

4. Поручить редакции журнала “Коммунист” (г. Константиново) опубликовать статью о состоянии работы по литературоведению, обратив в ней особое внимание на критику неверных тенденций в изучении творчества В. Маяковского».

Согласно записке Отделов ЦК КПСС от 9 марта 1959 г., авторами которой были Л. Ильичев и Д. Поликарпов, партийная администрация сочла выход тома «грубой политической ошибкой» и рекомендовала «укрепить состав редакции “Литературного наследства”, отстранив от работы Зильберштейна, как недобросовестного литературоведа». Главному редактору журнала «Коммунист» Ф.В. Константинову было поставлено на вид отсутствие критической статьи о современном состоянии литературоведения, появление которой было предписано процитированным выше постановлением.

Однако за Маяковского и «Литературное наследство» вступился французский писатель-коммунист Луи Арагон, незадолго до этих событий удостоенный Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (заметим, что Арагон был женат на родной сестре Л. Брик, писательнице и переводчице Э. Триоле).

Письмо Ю. Жукова в ЦК КПСС от 5 мая 1959 г. проясняет этот эпизод во всех подробностях: «4 мая в беседе со мной Луи Арагон в нервной и раздражительной форме поставил вопрос о публикуемых в советской печати критических статьях по поводу сборника “Литературное наследство”, посвященных памяти Маяковского... Придя в возбужденное состояние, Арагон заговорил о том, что “есть границы всему” и что он “не сможет остаться нейтральным”, если буржуазная пресса подхватит историю со сборником “Литературное наследство” и сделает из нее “второе дело Пастернака”. “Я, — сказал он, — должен буду в этом случае занять определенную позицию, и я заранее говорю, что я должен буду выступить в защиту публикации писем Маяковского к Л. Брик”... Он сказал, что уже сейчас американские и английские корреспонденты буквально атакуют по телефону Л. Брик, причем она “всячески скрывается от них”... Далее Арагон коснулся вопроса об отстранении Зильберштейна от руководства сборником “Литературное наследство”. Он заявил, что Зильберштейн руководит этими публикациями уже 20 лет и что за это время он с очень небольшой группой людей и с очень маленькими материальными средствами сумел выпустить 67 томов “Литературного наследства”»⁴.

³ Далее в документе следовал пункт, вычеркнутый из окончательного текста постановления, вступившего в силу: «Отстранить от работы редактора И.С. Зильберштейна».

⁴ Ср. в докладной записке консультанта Отдела культуры ЦК КПСС по литературе Франции О.П. Граевской к зам. председателя иностранной комис-

Не такой уж однозначной была и реакция литературной общественности, о чем свидетельствует в своем дневнике К. Чуковский: «Был у меня в лесу Федина... Говорит, что с “Литнаследством”... дело обстоит очень плохо. Так как начальству нужна лакировка всего — в том числе и писательских биографий, — оно с ненавистью встретило книгу, где даны интимные (правда, очень плохие) письма Маяковского к Лиле Брик — и вообще Маяковский показан не на пьедестале. Поэтому вынесено постановление о вредности этой книги и занесен удар над Зильберштейном. Человек создал великолепную серию монументальных книг — образцовых книг по литературоведению, отдал этой работе 30 лет, — и все это забыто, на все это наплевать, его оскорбляют, бьют, топчут за один ошибочный шаг...».

«Дважды был у Федина по делу “Литнаследства”. Хлопотал, чтобы он, председательствуя в Комиссии, созданной Академией

сии СП СССР, Е.С. Романовой от 7 мая 1959 г. с пересказом беседы с Луи Арагоном и Эльзой Триоле в гостинице «Москва»: «30 апреля в 9 час. утра мне позвонила домой Эльза Триоле и сказала, что Арагон хочет меня видеть и поговорить о делах. Условились на 12 час. дня. Беседа происходила у них в номере в гостинице “Москва”. Основная тема беседы была — история тома “Литературного наследства” — “Новое о Маяковском”. Арагон и Триоле всячески доказывали необоснованность выступлений советской критики против публикации ряда материалов этого тома, в частности переписки В. Маяковского с Л. Брик, все время подчеркивая, что Л. Брик доведена до такого состояния, когда не исключена возможность самоубийства. Арагон несколько раз повторил, что не стал бы касаться этого вопроса, если бы ему не стало известно о предстоящем выступлении по этому поводу журнала “Коммунист”. Он сказал: “Я молчал до сих пор, полагая, что поднятая вокруг этого дела шумиха идет на убыль. Но вчера мне сказали о том, что в ‘Коммунисте’ будет статья. Я решительно протестую против такой травли Л. Брик, я больше молчать не буду, я выступлю в своей печати со своими комментариями и пусть тогда на меня не обижаются»» (РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК). Оп. 36 (Отдел культуры). Ед. хр. 92. Л. 76). О том, что далеко не все представители общественных, литературных и партийных кругов были склонны полностью игнорировать реакцию западной прессы, свидетельствует сопроводительная записка Б.Н. Полевого от 27 апреля 1959 г. — он направил в ЦК КПСС копии положительных рецензий о томе «Новое о Маяковском», появившихся в «Lettres Françaises» (16 апреля; автор К. Фриу) и «L’Humanité» (14 апреля; автор Ф. Козн): «Направляю Вам два отклика из французской коммунистической печати о томе “Литературного наследства” о Маяковском. Ввиду появляющихся в нашей печати снова и снова статей, осуждающих опубликование этих материалов о Маяковском, полагаю, что в дальнейшем следовало бы учитывать в тональности этих статей мнение прогрессивной общественности за рубежом. Полевой. 27 апреля 1959» (РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК). Оп. 36 (Отдел культуры). Ед. хр. 92. Л. 35). Прочитанные документы выявлены и предоставлены в распоряжение публикаторов М.А. Котовой, за что мы приносим ей благодарность.

Наук специально для рассмотрения вопроса о «Лит. наследстве» («Новое о Маяковском»), сказал бы похвальное слово о Зильберштейне и Макашине. Второй визит нанес ему вместе с Макашиным».

«Вчера видел в городе Федина. Он подошел к моей машине и сказал: Зильберштейна, хоть и со скрипом, удалось оставить. Бой длился три часа. Коллегию «Литнаследства» раздули до 9 человек. Большую помощь Илье оказал Виноградов, который вел себя отлично»⁵.

Казнь «Литнаследства» не состоялась. И хотя И. Зильберштейн остался редактором издания, выход второго тома о Маяковском был запрещен. Академия Наук ввела в редколлегию новых членов. «Литнаследство» перешло в ведение Института мировой литературы АН СССР — с целью «тщательного контроля». «Беспартийный академик» (как значилось в одном из писем в ЦК) В.В. Виноградов, «согласно личной просьбе», в 1960 г. был освобожден от обязанностей главного редактора серии — его преемником стал И.И. Анисимов, в те годы — директор ИМЛИ.

«Литературное наследство» продолжает издаваться. Но среди томов до сих пор нет 66-го — продолжения книги «Новое о Маяковском».

Три попытки реанимировать 66-й том «Литнаследства» закончились безрезультатно.

В 1985 г. Андрей Синявский и шведский славист Бенгт Янгфельдт возобновили эту работу. Книгу предполагалось выпустить в Париже, в издательстве М.В. Розановой «Синтаксис», материал был подготовлен к печати, но помешали финансовые трудности.

В 1988 г. И. Зильберштейн получил согласие ЦК КПСС на переиздание вышедшего тома и издание нового. Были заново собраны воспоминания и другие материалы (в частности, переписка Маяковского с Татьяной Яковлевой). Но научная общественность проигнорировала проект... 83-летнего основателя «Литнаследства» это повергло в шок. С его кончиной в мае 1988 г. работа над томом прекратилась.

Накануне 100-летия Маяковского в 1993 г. ученые ИМЛИ РАН В.В. Терехина и Р.В. Дуганов опять попытались собрать том. Однако и то время мало соответствовало таким проектам. Том 66 не вышел в свет до сих пор...

Текст стенограммы публикуется нами полностью по машинописи: Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 1–118.

⁵ Записи от 27 апреля, 5 и 6 мая 1959 г. // Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комментар. Е. Чуковской. М: ТЕРРА–Книжный клуб, 2007. С. 285, 286, 287.

Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР

Подготовка текста и комментарии
А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова

24 февраля 1959 г.

Обсуждение т. 65 «Литературного наследства» «Новое о Маяковском»

1. Чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударов
2. Чл.-корр. АН СССР Д.Д. Благой
3. А.И. Метченко
4. В.Д. Дувакин
5. Г.С. Черемин
6. В.И. Перцов
7. В.Р. Щербина
8. С.И. Козлов
9. Тов. Ковалев
10. С.А. Макашин
11. И.С. Зильберштейн
12. М.Б. Храпченко
13. А.И. Метченко
14. Акад. В.В. Виноградов

Председательствует академик-секретарь Отделения В.В. Виноградов⁶

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Заседание Бюро Отделения литературы и языка объявляю открытым. Приступим к первому вопросу повестки дня — к обсуждению тома «Литературного наследства» «Новое о Маяковском». Докладчиком по этому вопросу является С.Г. Бархударов⁷.

Чл.-корр. АН СССР С.Г. БАРХУДАРОВ

Товарищи, я думаю, что все присутствующие согласятся со мною, если я скажу, что «Литературное наследство», которое существует уже 27 лет и за это время успело выпустить в свет 65 мону-

⁶ Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — литературовед, лингвист, академик-секретарь Отделения литературы и языка (далее — ОЛЯ) АН СССР в 1950–1963 гг. и главный редактор «Литературного наследства» (далее — ЛН) в 1956–1960 гг.

⁷ Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — лингвист, член-корреспондент АН СССР с 1946 г., заместитель академика-секретаря ОЛЯ АН СССР с 1953 г.

ментальных томов, не нуждается в особой рекламе и в особой похвале. Каждый советский литературовед, историк русской общественной мысли, вообще историк русский культуры ценит том этого издания, так как каждый том обогащает новыми материалами, обстоятельными исследованиями в области русского литературоведения.

«Литературное наследство» является одним из лучших наших изданий, если не сказать самым лучшим. Но до сих пор «Литературное наследство», как известно, занималось почти исключительно XIX веком, с 65 тома оно приступает к материалам, взятым из советской эпохи. «Этим томом, — как говорится от редакции, — начинается серия томов, посвященных публикации новых материалов по советской литературе». Самый этот факт, т.е. включение в сферу интересов редакции «Литературного наследства» актуальных вопросов советской литературы, не может нас не обрадовать.

Но включение советской тематики в план изданий «Литературного наследства» это не просто хронологическое расширение границ деятельности редакции, а является как бы новым этапом в ее работе. По-видимому, принципы отбора материалов, методы комментирования, характер и направленность исследовательских статей, если хотите, даже подбор иллюстраций, разработанные и принятые для предшествующих томов, нельзя механически переносить на тома, посвященные советской литературе. Во всяком случае, тут есть над чем подумать и предварительно разрешить.

Вот почему Бюро Отделения литературы и языка ставит том, посвященный Маяковскому, на обсуждение. Бюро надеется, что это обсуждение выявит как сильные стороны этого издания, так и слабые, и этим поможет редакции в работе над дальнейшими томами по советской литературе. Бюро Отделения придает этому собранию принципиальное значение, повторяю, потому, что начинается серия томов, посвященных советской литературе. Напомню вам, что на данный том в нашей печати появились две рецензии: одна в июле м[еся]це в «Литературной газете», рецензия Лазарева, спустя шесть месяцев другая рецензия в газете «Литература и жизнь», рецензия Воронцова и Колоскова. Первая рецензия очень хвалебная, вторая довольно суровая, но даже в этой второй рецензии указано на то положительное, что имеется в этом томе⁸.

⁸ Лазарев Л. О времени и о себе: К выходу в свет тома «Новое о Маяковском» // Литературная газета. 1958. 19 июля. № 86. С. 1–2; Воронцов В., Колосков А. Новое и старое о Маяковском // Литература и жизнь. 1959. 7 янв. № 3. С. 2. Автор первой рецензии, называя выход тома «знаменательным событием нашей культурной жизни», в частности, писал: «Публикация новых материалов, которые вобрали в себя сложные особенности ушедшей в прошлое эпохи, в которых звучит живой голос Маяковского, говорящего “о

От редакции говорится: «Новый материал существенно дополняет представление о жизни и о творчестве пути Маяковского, о его общественной деятельности и литературном окружении».

Здесь присутствуют товарищи, работающие по советской литературе, по творчеству Маяковского, — желательно выслушать их мнение по этому вопросу, но у меня создалось впечатление, что действительно этот том обогащает исследователей новыми интересными материалами.

Что особенно ценно в этом томе? Это прежде всего неизданные выступления Маяковского — это стенографические записи вы-

времени и о себе», — это лучший повод для того, чтобы вновь выверить направление нашей исследовательской работы, лишний раз критически оценить установившиеся точки зрения на творчество Маяковского [...] Не стоит много говорить о том, что книга удалась. Лучше напомнить редакции о том, что теперь с особенным нетерпением ожидаешь выхода уже подготовленного к печати второго тома, в котором должны быть опубликованы новые воспоминания о Маяковском». Особенно примечательна была в его устах фраза о том, что «новые материалы опрокидывают только концепции фальсификаторов». Рецензент имел в виду зарубежных исследователей, — по общему мнению, царившему в те годы, — тенденциозно оценивающих и искажающих официальную исследовательскую концепцию творчества и судьбы Маяковского. Однако спустя полгода, когда в печати появилась озлобленная брань А. Колоскова и В. Воронцова, фраза о фальсификаторах, по-видимому, приобрела в устах вдумчивого читателя иной смысл. В рецензии, напечатанной в «Литературе и жизни», положительно, но весьма сдержано были отмечены статьи Е.И. Наумова, В.Ф. Земскова, С.С. Кэмрада. В остальном же рецензия представляла собой нагромождение грубых и несправедливых, а зачастую и весьма опасных обвинений: «Редакция сборника, помещая стенограммы этих выступлений, подчеркнуто ставит Маяковскому в вину каждое неосторожное слово, старательно трактует и обосновывает те места, где Маяковский, по мнению редакции “впадал в ошибки”. О публикации Е.А. Динерштейна: «От нее веет духом отрицания того, что Маяковский-поэт был во многом подготовлен к революции предшествующей деятельностью Маяковского-революционера-подпольщика [...] Динерштейн попросту возвращается к клевете, которую распространяли о Маяковском враги поэта из лагеря врагов социалистической революции, намеренно искажая его облик». В январе 1959 г. в защиту редакции «Литературного Наследства» от нападков Воронцова и Колоскова выступили Н.И. Конрад и Н.Н. Асеев, написавшие письмо в редакцию газеты «Литература и жизнь», в котором, в частности, говорилось: «...Как всякий научный труд, книга о Маяковском, подготовленная “Литературным наследством”, нуждается в серьезном критическом обсуждении, может и должна быть предметом научной дискуссии. Является ли, однако, рецензия В. Воронцова и А. Колоскова серьезным научным выступлением? [...] Неуважительный, развязный тон рецензии в адрес “Литературного наследства” и Издательства Академии наук СССР не может повредить их научно-общественной репутации. Но тон этот нетерпим в нашей печати и критики, к нему нельзя относиться безразлично. Против него надо протестовать, что мы и делаем настоящим письмом» (РГАЛИ. Ф 2390 (И.С. Зильберштейн). Не разобран).

ступлений Маяковского по вопросам советской литературы и искусства, театра и кино в 20-е и 30-е годы. Правда, стенограммы эти не правлены поэтом и возможно, что не все там так, как было бы, если бы их правил Маяковский, но исследователь может сам разобраться, критически отнестись к этому за счет других материалов объективных⁹.

Это первый отдел этого тома. Затем в томе даются новые материалы для биографии поэта. Среди них выделяются две статьи: это статья [В.Ф. Земскова] «Участие Маяковского в революционном движении»; «[Неизвестные интервью и выступления] Маяковского на Украине в 1924 г.»¹⁰.

Затем три исследовательских статьи. Среди этих исследовательских статей важной статьей является статья Наумова — «Ленин и Маяковский».

Там сказано: «новый материал». Но там, по-видимому, не все ново. Многое из того, что там есть, было известно, хотя это важные материалы. Возможно, что специалист найдет там некоторые спорные моменты — и, может быть, это будет отмечено в сегодняшней дискуссии, — но все это вполне закономерно. Безусловно, он выдвигает важные вопросы. С моей точки зрения, статья талантливо, блестяще написана.

Статья Паперного [«Маяковский в работе над поэмой “Про это”»] представляет большой интерес даже для нас — языковедов. Во всяком случае, эта статья читается с большим интересом.

Интересна также статья Катаняна о некоторых источниках поэмы «Хорошо».

Может быть, менее глубоко и менее тщательно сделанная статья Арутчевой «Записные книжки Маяковского», но и эта статья представляет большой интерес. Правда, записные книжки — это такой материал, к которому надо неоднократно возвращаться, чтобы дать полное описание, но даже в таком виде эта статья занимает соответствующее место¹¹.

⁹ Из выступлений Маяковского 1918–1925 гг. / Предисл. и публ. А.В. Февральского. Главы: I. Маяковский в коллегии ИЗО Наркомпроса. — II. Забытые выступления. Публикация: 6 стенографических отчетов заседаний коллегии ИЗО Наркомпроса в Петрограде с выступлениями В.В. Маяковского 1918–1919 гг. — Выступление В.В. Маяковского на диспуте, устроенном Культотделом МГСПС в Колонном зале Дома Союзов 13 марта 1925 г.

¹⁰ *Земсков В.Ф.* Участие Маяковского в революционном движении. (1906–1910); *Кэмрад С.С.* Неизвестные интервью и выступления Маяковского на Украине в начале 1924 года.

¹¹ Имеются в виду следующие статьи: *Наумов Е.И.* Ленин о Маяковском. (Новые материалы); *Паперный З.С.* Маяковский в работе над поэмой «Про это». (Три рукописи поэмы); *Катанян В.А.* О некоторых источниках поэмы «Хорошо!»; *Арутчева В.А.* Записные книжки Маяковского.

Остальные статьи, может быть, не так ценны, но представляют определенный интерес, и редакция, по-моему, имела основание включать эти статьи в это издание.

Но совершенно иное чувство вызывают письма Маяковского к Л.Ю. Брик¹². Их, как известно, 125.

От редакции читаем, что это «замечательный эпистолярный цикл, который захватывает тринадцать лет и представляет не только биографический, но и литературный интерес.

Маяковский лирик, человек большого чувства, раскрывается в этих письмах с новых сторон. Кроме того, письма содержат множество сведений, фактических данных, необходимых исследователям Маяковского».

С этой оценкой редакции ценности этих писем я не могу согласиться. Вернее, то, что тут говорится, относится к некоторым письмам. Если бы из 120 писем редакция отобрала десяток, другой, эта характеристика могла бы остаться, но когда вы берете 125 этих писем, мне кажется, что эта характеристика не совсем точна.

При чтении этих писем прежде всего возникает такой вопрос: кто отбирал письма? Ясно, что нет никакой гарантии, что есть еще какие-то письма к Брик, что все письма вошли сюда. Комментарии написаны тоже Брик, а от редакции никакой оценки, никаких комментариев, никакого научного анализа, в сущности говоря, тут руки редакции я не вижу. Может быть, это не так, тогда члены редакции скажут, но у читателя создается впечатление, что получили готовый материал и целиком его включили; может быть, кое от чего отказались в лучшем случае, но все остальное в таком виде и дали.

Совершенно естественно возникает вопрос, объективно ли подобраны письма.

Как правильно сказано в рецензии Воронцова и Колоскова, обращает на себя внимание нескромный характер предисловия к письмам. Приведу две цитаты. «Когда я сказала ему (т.е. мужу) о том, что Маяковский и я полюбили друг друга, все мы решили никогда не расставаться». Даже самый стиль, манера изложения очень характерны. «Так и случилось, что мы прожили нашу жизнь и духовно и большей частью территориально вместе». Я думаю, что в высшей степени нескромно говорить о том, что духовно муж и жена Брик прожили всю жизнь вместе с Маяковским. Этот великий поэт советской современности, глашатай революции по своему духовному миру и по стремлениям, понятно, не стоит на уровне Брик, а это там сказано, и советскому читателю это не только не понятно, а, я бы сказал, даже обидно. Я думаю, гораздо лучше, осторожнее поступила сестра поэта, когда отказалась печатать письма, заявив,

¹² Письма Маяковского к Л.Ю. Брик (1917–1930) / Предисл. Л.Ю. Брик; примеч. ред. «Литературного наследства».

что они не имеют литературного значения и будут изданы отдельно. Если бы так же скромно поступила Брик, отказавшись печатать все письма, это было бы правильно. Она могла бы напечатать где-то отдельным изданием, но в томе чисто научном, издаваемом Академией наук, не нужно было печатать всю эту интимную лирику, письма слишком частного характера, значительная часть которых никакого отношения к эволюции творчества Маяковского не имеет, при этом, кстати сказать, обычно даже неизвестно, в какую эпоху это происходит, письма, в которых Маяковский никогда не делился своими замыслами, переживаниями творческими исканиями. В общем видно, что это не тот друг поэта, с которым он бы действительно духовно жил вместе.

Вот появление этих писем в издании, понятно, надо считать ошибкой редакции.

Я думаю, что [рецензенты] имел[и] основание в конце своей статьи написать: «Академия наук недостаточно дорожит памятью великого поэта и неразборчиво тискает в печать все то, что попадает ей под руку»¹³.

Эти письма действительно создают впечатление такое, что все, что удалось достать, все включается.

Правда, редакция может в оправдание сослаться на то, что литературоведы вообще это допускают. Например, печатаются все письма Чехова интимного частного характера, — почему же письма Маяковского не печатать? Но я думаю, что это все-таки не одно и то же.

Я прекрасно понимаю, что нам дорога каждая строчка Пушкина, каждое воспоминание о нем, хотя и неверное. Нам каждая строчка дорога, потому что Пушкин — это начало XIX в. Но когда речь идет о нашем веке, когда тут живы еще люди, на памяти которых это все происходило, то при издании такого характера мы не можем механически переносить: то, что можно делать по Пушкину, то нельзя делать в отношении Маяковского. Надо оставить и для будущего какой-нибудь материал, — пусть они издадут.

¹³ Оценка публикации писем Маяковского к Л. Брик в рецензии Воронцова и Колоскова была такова: «Едва ли Маяковский согласился бы отнести их к его “литературному наследию”, так как письма в подавляющем большинстве носят личный интимный характер. Кроме того, публикация этих писем дает не совсем правильное представление о личных взаимоотношениях Маяковского, так как известно, что существуют письма его к родным и к другим лицам, занимавшим очень важное место в жизни Маяковского и в его личной переписке. Обращает на себя внимание нескромный характер предисловия к письмам. Том литературного наследия, посвященный Маяковскому, закрывается с чувством обиды и досады. Создается впечатление, что издательство Академии наук недостаточно дорожит памятью великого поэта и неразборчиво тискает в печать все, что попадает под руку».

Пускай лет через пять издадут. Нужно как-нибудь разумно ограничить себя этим.

Советская литература — это очень актуальная литература. Она задевает интересы живых людей. Мы живем этой литературой. Там, в XIX в., все можно дать, что находят литературоведы, а здесь мы должны подходить осторожно.

В этом я усматриваю основную ошибку редакции, и я не хотел бы, чтобы в последующих томах, которые будут издаваться, тискать все, что найдется, собирать, — пусть кое-что останется для будущих литературоведов.

Правильно ли я охарактеризовал, — это покажет обсуждение. Я прекрасно понимаю, что среди специалистов могут быть разногласия по отдельным статьям. Но что же? На то и научная работа.

Я считаю, что может быть, некоторые статьи недостаточно глубоки, может быть, есть некоторое недомыслие в отдельных статьях, но это все-таки не порочит всего этого тома. И очень жаль, что такой хороший том редакция испортила этими письмами.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Может быть, будут какие-нибудь вопросы Степану Григорьевичу или членам редакционной коллегии?

В.Д. ДУВАКИН¹⁴

У меня есть вопрос членам редакционной коллегии. Меня интересует вот что: есть ли у редакции сведения о том, чего в этих письмах не хватает? У нас есть предположение, что здесь, возможно, были некоторые купюры. Сличали ли эти письма с подлинниками? Может быть, эти письма представляют девять десятых?..

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Но то, что эти письма опубликованы, не противоречит тому, что есть и еще письма не опубликованные.

А.И. МЕТЧЕНКО¹⁵

Почему стенограммы выступлений Маяковского, помещенные в этом томе «Литературного наследства», не попали в соответствующие тома последнего издания сочинений Маяковского?¹⁶

¹⁴ Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982) — историк литературы, звукоархивист, специалист по творчеству Маяковского.

¹⁵ Метченко Алексей Иванович (1907–1985) — литературовед, с 1952 г. — заведующий кафедрой истории советской литературы филологического факультета МГУ, автор книг о Горьком, Маяковском, Шолохове.

¹⁶ Имеется в виду: Полн. собр. соч. В.В. Маяковского. В 13 т. М.: Художественная литература, 1955–1961. Значительную часть двенадцатого тома

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Мы позже нашли.

А.И. МЕТЧЕНКО

Они цитировались в книге Перцова и в моей книге много лет назад¹⁷.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Этот вопрос обращен не к редакции «Литературного наследства», а к редколлегии собрания сочинений Маяковского. Виктор Иосифович на него ответит.

Н.И. ЧУКАНОВ

Каково было мнение членов редакционной коллегии, обсуждался ли на редколлегии этот том?

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Первый вопрос обращен к Илье Самойловичу, второй — к редакции собрания сочинений, ответит Виктор Иосифович, на третий вопрос отвечу я.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Когда мы принялись три года тому назад за создание этого тома, мы решили собрать все то, что до сих пор по разным причинам было вне исследовательского обихода. В частности, мы задались целью собрать все письма Маяковского. Исследователи Маяковского знают, что никогда такая работа не проводилась и ни в одном из собраний сочинений до сегодняшнего дня письма Маяковского не фигурировали. Поэтому было положительное отношение редакции к тому, чтобы собрать все эпистолярное наследие Маяковского. Те, кто знают наши прежние тома, имеют представление о том, какое место занимает эпистолярное наследие писателей в предыдущих 64 томах нашего издания¹⁸.

занимают тексты выступлений поэта 1917–1930 гг. в стенографической и протокольной записи.

¹⁷ Возможно, что речь идет о книге: *Метченко А.И.* Творчество Маяковского. 1917–1924. М.: Советский писатель, 1954. Что касается Перцова, то к моменту заседания из печати вышел первый том его трехтомной монографии о Маяковском: *Перцов В.* Маяковский. Жизнь и творчество. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1957.

¹⁸ К 1959 г. в томах «ЛН» были осуществлены обширные публикации эпистолярного наследия В.Г. Белинского, В.Я. Брюсова, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, А.С. Грибоедова, В. Гюго, Э. Золя, В.К. Кюхельбекера, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Н.П. Огарева, А.С. Пушкина, В.Ф. Раевского, К.Ф. Рылеева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого.

Первым делом мы обратились (Виктор Владимирович написал письмо) к Л.В. Маяковской. Я дважды был у нее. Мы получили через полгода ответное письмо (оно, в частности, цитируется в нашем предисловии). Мы обратились к ней с просьбой разрешить нам опубликовать все письма Маяковского к родным, хранящиеся у нее, единственной оставшейся в живых из близких родственников Маяковского. Она думала полгода и, к сожалению, нам отказала. Она ответила, что собирается издавать отдельной книгой свои воспоминания с этими письмами и что письма эти не представляют литературного интереса¹⁹. Правда, самая интересная часть этих писем хорошо всем известна, она многократно цитировалась и Виктором Иосифовичем и в работах других исследователей, которые разрабатывали дореволюционный период. Эти письма времени пребывания Маяковского в тюрьме очень содержательны и интересны. Мы сделали все, чтобы добиться получения этих писем, но, повторяю, в октябре 1956 г. пришло письмо с отказом.

Мы обратились к Л.Ю. Брик, место которой в биографии Маяковского широко известно. Она представила нам 130 писем. По ее словам, это абсолютно все, что у нее есть. Пять записок совершенно интимного порядка мы еще в процессе предварительной работы в редакции просили не давать. Это записки вместе с присылкой цветов с каким-то стишками очень несерьезного характера, записки сугубо интимного порядка. Мы получили, таким образом, 125 писем. Тут был задан вопрос относительно якобы письма о поэме «Про это». Это, товарищи, не письмо.

Члены нашей редакции читали эти воспоминания Л.Ю. Брик, которые потом были взяты обратно. Виктор Владимирович читал, Михаил Борисович и.....²⁰ Там документы такие. Это после смерти Маяковского в его письменном столе письма Л.Ю. Брик были завернуты в тетрадку. Это был дневник, где были заметки «Про это» — в те месяцы, когда он сидел у себя на Лубянке и писал эту

¹⁹ В письме от 10 ноября 1956 г., адресованном В.В. Виноградову, Л.В. Маяковская писала: «Я глубоко убеждена в том, что эти письма не имеют литературного значения; они дороги и ценны для нас — родных, как выражение чувства близкого и дорогого нам члена семьи, они скорее могут иметь воспитательное значение для детей. Я давно договорилась об издании этих писем в Детгизе. Кроме того, я не хочу и не могу участвовать в одном литературном сборнике с целым рядом людей, абсолютно мне чуждых» (*Архив ЛН*; материалы этого архива хранятся в ф. 575 (в настоящее время проходит первичную обработку и описание) в Отделе рукописей, а также в Отделе «Литературное Наследство» ИМЛИ РАН). Воспоминания Л.В. Маяковской печатались в 1957 и 1965 гг.: *Пережитое. Из воспоминаний о Маяковском*. Тбилиси, 1957; *О В. Маяковском. Из воспоминаний сестры*. М., 1965.

²⁰ Установить, о ком именно идет речь, в данном случае затруднительно. Скорее всего, Зильберштейном был упомянут В.О. Перцов (см. примеч. 81).

поэму и цитаты взяты из этих писем. Это не письма — это дневник²¹. Он никогда не фигурировал в этой публикации у нас, он фигурировал только в ее воспоминаниях, и там ею комбинируется; там и телеграммы, — она прямо об этом пишет, — приводился не полностью, этот документ. Из этого мы сделали вывод, что письма, кроме записок, которые полностью не помещаются, вместе с 125-ю попали в Собрание сочинений, которое завтра на Ученом совете Института мировой литературы должно стоять. Так что у редакции этого монументального издания тоже нет никаких оснований считать, что письма не полностью даны, очевидно, если она дала эти 130 писем. Виктор Владимирович, редактор этого издания, тоже может выступить по этому поводу.

Так что повторяю по поводу того, что Степан Григорьевич высказал предположение, что был сделан отбор писем и т. д., — что, кроме этих пяти мелких записок сугубо интимного характера, никакого отбора больше сделано не было.

Я буду рад, если....., который редактировал этот 13-й том, который должен обсуждаться на Ученом совете, свое мнение по этому поводу выскажет²².

Вот что я могу ответить на первый вопрос т. Дувакина.

В.И. ПЕРЦОВ

Спрашивают, собираемся ли мы в Собрании сочинений печатать стенограммы выступлений Маяковского? Если в вышедших томах это еще не появлялось, то в 13-м томе это будет воспол-

²¹ Заметим, что 2 июля 1957 г., посылая В.В. Тимофеевой (о ее отзыве см. примеч. 82) на рецензию план издания будущего тома, И.С. Зильберштейн, в частности, сообщал: «...члены нашей редколлегии, В.В. Виноградов и М.Б. Храпченко находят ненужным включать в том раздел мемуаров в нашем томе, так как они являются важным источником для изучения творческой биографии поэта. Так, например, в воспоминаниях Лили Юрьевны Брик имеется большая глава о “Про это”, где она впервые приводит пятнадцать писем Маяковского времени создания поэмы и его большой лирический дневник тех недель жизни. В этот же мемуарный раздел входят воспоминания Асеева объемом свыше трех листов и Третьякова, где большое место уделено их совместной творческой работе с Маяковским» (*Архив ЛН*). Спустя две недели, 16 июля 1957 г. состоялось заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, на котором было решено в целом «одобрить 65 том... и утвердить его к печати, а вопрос о разделе “Воспоминания” подвергнуть дополнительному обсуждению на очередном заседании Редколлегии» (*Архив ЛН*). См.: *Маяковский В.В., Брик Л.Ю. Любовь — это сердце всего. Переписка, 1915–1930 / Сост., подгот. текста, введ. и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Книга, 1991; современное переиздание в кн.: Брик Л. Пристрастные рассказы. Нижний Новгород: Деком, 2003; 2011.*

²² Редакторами тринадцатого тома Собрания сочинений Маяковского, вышедшего в 1961 г., были В.Ф. Земсков и А.В. Февральский.

нено²³. Таким образом, данное Собрание сочинений даст наиболее полный свод материалов, которые были опубликованы, которые стали известными в ходе составления этого тома Собрания сочинений, и мы приняли меры к тому, чтобы его пополнить. Мы стараемся представить со всей полнотой литературное наследство Маяковского.

Таким образом, читатели Собрания сочинений получают, может быть, не всегда все на своем месте, — но получают все, с достаточными пояснениями, где находится тот или другой материал.

Мы даем и письма к Брик, но надеемся дать не только письма Маяковского к Брик, но и те письма, которые не так давно стали нам известными — и редакция «Литературного наследства» об этом знает лучше меня, — письма, которые были написаны Маяковским к Татьяне Яковлевой²⁴.

Так что это наследие Маяковского, которое поможет нам в более глубоком освещении некоторых произведений Маяковского последнего периода его жизни, также имеет право на существование в полном Собрании сочинений.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Третий вопрос обращен ко мне, но я бы хотел, чтобы Михаил Борисович²⁵ меня поправил, если будет в этом необходимость.

²³ 17 марта 1957 г. Перцовым был написан отзыв на публикацию писем Маяковского к Л.Ю. Брик, который содержит интересные сведения об обстоятельствах, предшествующих их появлению в томе: «Эти письма предполагалось опубликовать в томе 12-м Полного собрания сочинений В.В. Маяковского, который готовился вновь назначенной Правительством Редакцией сочинений Маяковского к печати. Но в связи с тем, что как раз в это время произошел переход литературного наследия и редактирования сочинений поэта от Л.Ю. Брик к Правительственной редакции, нам посоветовали не публиковать этих писем. Это было в 1938–39-м году. В настоящее время то неудобство, которое мешало нам опубликовать эти письма, отпало. Прошло много времени. Такое издание, как “Литературное наследство” представляется мне крайне подходящим для того, чтобы дать будущему исследователю жизни и творчества поэта революции исключительного значения документальный материал. Мне представляется, что значение его не только литературно-стилистическое, но и биографическое: даже зная поэмы и стихи Маяковского о любви, нельзя составить себе представления о масштабах реальных этого чувства в жизни Маяковского» (*Архив ЛН*).

²⁴ В тринадцатом томе было опубликовано 30 писем Маяковского Л.Ю. Брик, включая три письма написанных ей и О.М. Брику. Писем к Т. Яковлевой в томе опубликовано не было. Об их публикации см. примеч. 35.

²⁵ Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — государственный и общественный деятель, заместитель главного редактора ЛН в 1934–1939 гг. и член редколлегии в 1956–1985 гг., член-корреспондент АН СССР по ОЛЯ, заместитель академика-секретаря ОЛЯ (1957–1962), впоследствии академик-секретарь (1962–1966).

Дело в том, что Михаил Борисович и я как члены редакционной коллегии «Литературного наследства» ознакомились с этим томом не в процессе его подготовки, а уже в процессе его обсуждения для печати. Этот том обсуждался нами совместно со вторым томом.

Между членами редакционной коллегии обнаружили разногласия в оценке самого материала. Я бы хотел эти разные точки зрения членов редколлегии отразить, поскольку тут надо различать некоторые принципиальные точки зрения и тактику действий. Я прежде всего остановлюсь на своем понимании этого материала, может быть, крайнем, которое не одобряют историки литературы.

Мне как исследователю стиля художественной литературы, как языковеду такой биографический материал из жизни писателя, не связанный непосредственно с его литературным окружением и с его творческой работой, кажется не очень полезным. Мне как исследователю стиля художественной литературы очень мало помогали, напр., письма к А.Г. Достоевской, даже письма Пушкина к жене. Я считаю, что такого рода материал не имеет прямого отношения к изучению творчества писателя.

Дело в том, что мы имели дело с этим материалом уже тогда, когда он должен был быть опубликован в печати, т. е. когда уже наступил срок издания. Поэтому я очень резко высказал свое осуждение относительно воспоминаний Брик, которые должны были печататься в томе²⁶. Я даже считал, что у нее написано так, что эти вос-

²⁶ В письме к Л.Ю. Брик, датированном 29 ноября 1956 г. и написанном уже после того, как она передала редакции имеющиеся у нее материалы, И.С. Зильберштейн, в частности, писал: «Вернулся из Кисловодска около двух недель назад. И на следующий же день зашел к В.В. Виноградову, чтобы узнать его мнение о Ваших воспоминаниях. Оказалось, что по разным причинам, главным образом из-за сверхчеловеческой занятости, даже письма Маяковского ему не удалось дочитать, что же касается Ваших воспоминаний, то он успел их лишь перелистать. Не буду говорить о том, каким образом удалось добиться того, чтобы В.В. Виноградов ознакомился со всем этим, но ко вчерашнему дню он все прочитал. После этого я имел с ним подробный разговор о Ваших воспоминаниях. И тогда же я попросил его написать Вам письмо, которое одновременно посылаю. Теперь, дорогая Лиля Юрьевна, я надеюсь, Вы поверите, что после такого отзыва академика-секретаря Отделения Литературы и Языка Академии Наук СССР и главного редактора нашего издания нам уже не страшен никакой Хр[апченко] и что Ваши воспоминания появятся полностью в томе «Литературного наследства», посвященного Маяковскому» (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 1). Более того, сам Виноградов в письме Л.Ю. Брик от 28 ноября 1956 г. оставил более чем сочувственный отзыв о ее воспоминаниях: «С живым интересом и большим увлечением я прочитал Ваши воспоминания о В.В. Маяковском. Естественно, что они носят яркий от-

поминания о 15 годах [*так в стенограмме!*] жизни самой Брик. Поэтому эти материалы, может быть, нужно печатать в Гослитиздате, в серии воспоминаний, как публикацию, относящуюся к истории литературного быта, которая когда-то так выдвигалась, но это не имеет значения для тех, кто работает с текстами, с литературным творчеством того или иного писателя. Я прямо скажу, что я совершенно отрицательно отношусь не только к воспоминаниям Брик, но и к воспоминаниям Эльзы Триоле о Маяковском²⁷.

Таким образом, у нас в редакции было довольно бурное обсуждение соответствующего материала, связанного с этим томом. Я думаю, что изучение творчества Маяковского мало потеряло от того, что связь его с Брик и т.д. не была предметом историко-литературных и бытовых исследований. Но это моя личная точка зрения, точка зрения человека, который имеет дело с текстом литературных произведений, с художественным творчеством поэтов. Поэтому я свою точку зрения естественно не мог навязывать другим членам редколлегии.

Михаил Борисович провел очень большую и кропотливую работу по оценке этих материалов. Я прямо должен сказать, что колебания у нас были настолько велики, что этот материал мы даже представили вице-президенту Академии наук К.В. Островитянову с просьбой обсудить этот материал как лицу, которое могло бы занять в этом вопросе более решительную и более объективную позицию.

Дело в том, что мы имели дело с этим материалом уже тогда, когда уже наступил срок издания. В конце концов все-таки было достигнуто общее соглашение. Возникал вопрос и о публикации

печатак Вашей личности, Вашего стиля, Вашего эмоционального отношения. Но все это так интимно и так органически связано у Вас с художественным творчеством В.В. Маяковского, что получает глубокое внутреннее оправдание [...] Следовательно, опубликование Ваших воспоминаний и писем В.В. Маяковского к Вам явится большим событием в изучении жизни и творчества этого поэта» (*Архив ЛН*).

²⁷ Переписка Маяковского с Л. Брик и Э. Триоле была впервые опубликована Б. Янгфельдтом: Из истории отношений Маяковского и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930. Стокгольм, 1982 (рус. изд.: Любовь — это сердце всего. М., 1991); «Дорогой дядя Володя...». Переписка Маяковского и Э. Триоле. 1915–1917. Стокгольм, 1990. Кроме того, материалы аналогичного содержания, в том числе и переданные Янгфельдту Л.Ю. Брик, вошли в книги: Vladimir Majakovskij: Memoirs and Essays / Edited by N.Å. Nilsson and B. Jangfeldt. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975 (Stockholm Studies in Russian Literature; 2) — здесь были опубликованы воспоминания Л.Ю. Брик, Э.Ю. Триоле и Р.О. Якобсона; *Jangfeldt B. Majakovskij and Futurism, 1917–1921*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1976 (Stockholm Studies in Russian Literature; 5).

рисунков Маяковского в этих письмах. Так что нас вообще очень многое смущало, и мы, может быть, проявили недостаточно строгое критическое отношение к этим письмам, поскольку в конце концов они все-таки увидели свет, потому что мы надеялись, что материал историко-литературного характера в некоторых письмах принесет известную пользу, кроме того часть этих писем находила некоторое отражение в предшествующих публикациях. Поэтому этот том был одобрен редакционной коллегией в целом. Так что ответственность ни с меня, ни с Михаила Борисовича за публикацию этого материала в томе не снимается, но, как вы видите, отношение к нему членов редколлегии было неодинаковое. Теперь я бы просил сказать Михаила Борисовича.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Я думаю, что в этом нет необходимости. По ходу прений мы к этому вопросу вернемся, но главное не в том, какие были разногласия. Том опубликован, фамилии членов редколлегии под этим томом значатся, так что за все плохое и хорошее, что там есть, они отвечают.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я ответил на вопрос, но если есть неточности, прошу Михаила Борисовича поправить.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Неточностей нет, а потом по ходу прений можно будет сказать.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Переходим к обсуждению. Кто желает выступить?

Д.Д. БЛАГОЙ²⁸

Мне кажется, что письма Маяковского к Л.Ю. Брик включать в том не следовало бы. В этом отношении редколлекцией совершена ошибка.

Вместе с тем, мне хочется указать, что это ошибка не одного только «Литературного наследства». «Литературное наследство» в этом отношении шло в русле у нас за последнее время довольно твердо установившейся традиции, и вот об этой, совершенно ложной, с моей точки зрения, традиции, выразившейся и в публикации этих писем, мне хочется несколько слов сказать.

Речь идет не только о биографическом материале. Даже в собраниях сочинений, когда издаем произведения наших писателей,

²⁸ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — литературовед, член-корреспондент АН СССР с 1953 г., член редколлегии «ЛН» в 1961–1983 гг.

мы не производим отбора того, что есть в литературе и что подлежит публикации в Собрании сочинений писателя, от того, что существует в рукописях, но не подлежит публикации, — от всякого рода шалостей, упавших с пера писателя, экспромтов, произведений, рассчитанных на узкий круг читателей и никак не рассчитанных на опубликование их для широких масс читателей и никак не входящих в круг собственно творческого наследия писателя.

Вот пример.

В полном Собрании сочинений Пушкина академическом, а подчас в изданиях, выходящих очень большим тиражом, не публикуется «Тень Баркова». В академическом издании она даже не фигурирует, как опыт изложения. Ведь там можно было бы из этого опуса отобрать целый ряд вполне пристойных строк, которые вместе с тем составляют какой-то момент для академического изучения творческого развития Пушкина. Я считаю, что Пушкин написал это в какой-то мере на литературе об изощренных развратных героях, которые он с малых лет вычитал из произведений, наполнявших шкафы его отца.

Это было не напечатано. Не напечатано почему? Потому что у редактора было желание, почти реализованное, напечатать «Тень Баркова» отдельным изданием, рассчитанным в основном на узкий круг читателей. По счастью, наборщик отказался в первый момент набирать. Это совершенно точный исторический факт. Но потом все-таки набрал, и я видел верстку этого тома с комментариями. Это было тогда, когда выходило академическое издание. В академическом издании «Тень Баркова» никогда не печаталась, но во всех изданиях Пушкина печаталась, только в тех местах, где есть непристойные фразы, слова заменялись соответствующим количеством черточек, по которым легко было угадать пропущенные слова²⁹. Я считаю это серьезной ошибкой. Исследователь, конечно,

²⁹ Речь идет о М.А. Цявловском, составившем первый научный комментарий к «Тени Баркова» (1814–1815) и намеревавшемся включить критическую публикацию полного текста «баллады» в Академическое собрание сочинений Пушкина в качестве приложения, издание которого предполагалось ограниченным тиражом (200 экземпляров). В начале 1930-х гг. он устраивал чтения поэмы и знакомил слушателей со своими комментариями к ней. В составленной Т.Г. Цявловской библиографии трудов Цявловского в частности фигурировала следующая позиция: «“Тень Баркова” Пушкина. Особое приложение к т. I Академического издания [...] (на правах рукописи, не для продажи). 8 печ. л. Было набрано, сверстано, но издание не состоялось». Этот замысел прошел этапы от рукописи до второй корректуры (в апреле 1937 г.). О том, как дальше развивались события, писали И.А. Пильщиков и М.И. Шапир в комментариях к современному научному изданию «баллады»: «“Тень Баркова” готовилась к изданию в обстановке строжайшей секретности: она печаталась в типографии НКВД, где работали всего два наборщика (глухонемые муж и жена). Но иссле-

обязан все знать о писателе — все из его творчества и все из его биографии, но он всегда может найти необходимый материал в соответствующих книгохранилищах. Может быть, для издания академического типа, которое должно представлять собою свод всего, что написано писателем, и можно сделать какое-то исключение, но для массовых изданий это ненаучно и вредно. Когда я в свое время на редколлегии «Огонька» по массовому изданию Пушкина поднял этот вопрос, то меня затюкали, говорили, что это тартюфство, квакерство, лицемерие и все прочее. Я продолжаю твердо стоять на этой позиции. Мы должны при публикации литературного наследия писателя отбирать то, что является литературным в собственном и прямом смысле этого слова, т. е. имеет в виду обращенность писателя к народу, потому что начиная с Пушкина все великие писатели, классики обращали свое творчество к народу.

Еще менее это допустимо с точки зрения публикации мемуарных и биографических материалов. Я интересуюсь литературой не только с точки зрения стиля, но и в более широком историко-литературном плане, в плане связей писателя с жизнью. Биография писателя в этом отношении представляет чрезвычайную важность, чрезвычайное значение, но вместе с тем я считаю глубочайше неправильным, когда появляются статьи, целые исследования с соответствующими публикациями материалов, посвященных знаменитому процессу по огаревскому наследству, когда собирается все то, что может выставить Некрасова если не шулером, то завзятым игроком, мечтавшим только о миллионе, когда все окружение Некрасова, когда подруга его жизни русская писательница Панаева выставляется черт знает в каком свете, когда печатается все, что свя-

дованию Цявловского не суждено было увидеть свет ни тогда, ни еще долгие годы спустя. В типографии возник пожар, и обширный комментарий к балладе, казалось, был утрачен навсегда. Тем не менее в 1939 или 1940 г. верстка «Тени Баркова» неожиданно «всплыла» в одном из московских букинистических магазинов, а в 1943 г., благодаря чистой случайности, к Цявловскому вернулась также часть наборной рукописи [...] После смерти вдовы Цявловского [...] его комментарии к «Тени Баркова» вместе с комментариями к тому лицейской лирики и другими материалами, предназначавшимися для большого академического собрания сочинений Пушкина, были переданы К.П. Богаевской в Рукописный отдел Пушкинского Дома». Полный текст «Комментариев» Цявловского был впервые опубликован лишь в 1996 г. (*Пушкин А. Тень Баркова* (Контаминированная редакция М.А. Цявловского в сопоставлении с новонайденным списком 1821 г.) / Публ. и подгот. текста И.А. Пильщикова; Вступ. заметка Е.С. Шальмана // *Philologica*, 1996. Т. 3. № 5/7. С. 133–157). Подробный документированный рассказ об издательской судьбе «Тени Баркова» и исследовании Цявловского см.: *Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы* / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М.: Языки слав. культуры, 2002. (*Philologica russica et speculativa*; Т. II). С. 157–162.

зано с Чернышевским, с его отношениями к Ольге Сократовне, и проч. и проч.³⁰ Повторяю, что исследователь должен все знать и стыдливости тут быть не должно, но давать этот материал широкому читателю, я считаю, не нужно и даже вредно. А что это не тартофство и не квакерство, мне хочется прочесть известную всем, но я еще раз хочу повторить цитату из письма Пушкина, который жестоко воевал против чопорности и говорил, что литература пишется не для пятнадцатилетних девушек. Вот что пишет он Вяземскому:

«Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чорт с ними! слава богу, что потеряны... Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе»³¹.

Пушкин не был литературоведом.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ
Кто еще желает выступить?

А.И. МЕТЧЕНКО

По тому «Литературного наследства», который обсуждается, получено две рецензии. Из них первая никакой оценки, кроме отрицательной, не содержит, а вторая содержит свою концепцию, которая тоже не может вызвать поощрения, тенденция это известная. Она не отличается от старой точки зрения Колоскова. Она нашла отражение в этой статье Колоскова и выступающего вместе с ним Воронцова. Они игнорируют сложность процесса развития литературы и Маяковского, как одного из писателей, а имеют в виду только одну сторону: развивается действительность и развивается поэт. Они ставят знак равенства между действительностью и поэтом. А то, что Маяковский, который, конечно, развивался вместе с действительностью и под влиянием действительности, в то же время был поэтом, которому приходилось преодолевать такие ошибки, которые снимаются только марксистско-ленинской действительностью, они игнорируют.

³⁰ Подразумеваются материалы, вошедшие в книгу: *Черняк Я.З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в спорах об огаревском наследстве (Дело Огарева — Панаевой). По архивным материалам. М.-Л.: Academia, 1933.

³¹ Из письма П.А. Вяземскому, датированного второй половиной ноября 1825 г. См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч., 1837–1937: В 16 т. Т. 13: Переписка. 1815–1827 / Ред. Д. Д. Благой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 243–244.

Вот такая тенденция есть в рецензии Колоскова. И, тем не менее, несмотря на то, что он сохраняет свою старую, ненаучную концепцию, в этой рецензии справедливо сказано по поводу этого тома.

Дело заключается в том, что это выступление Колоскова, а за ним последовали и другие, — это выступление, которое можно назвать новой попыткой исправления истории, с тем, чтобы из истории снять противоречия, снять те сложные, мучительные процессы, которые в действительности имеются. Для такого рода тенденции дает сейчас основание, в частности, выход этого тома «Литературного наследства», потому что, если там имеем дело с улучшением истории, то здесь имеем дело с ухудшением истории. То есть от начала до конца падение этой линии на ухудшение истории³².

Я должен сказать, что я согласен с оценкой ряда статей, которую здесь дал т. Бархударов. Здесь есть статьи интересные и ценные. И статья Паперного, и статья [В.Ф. Земскова]³³ и отчасти статья Катаняна. Конечно, у каждого автора могут быть свои суждения и замечания, — но это дело частное и тут особого спора быть не может.

Но вот что касается материала этого тома, комплектования его, той общей атмосферы, которая создается этим томом, то у меня создается такое впечатление, что не только фактом опубликования этих писем Брик — не только этим, но весь том, как таковой, если исключить все статьи, о которых я говорил, что он создает одностороннее, ложное представление о Маяковском.

³² За рецензией Воронцова и Колоскова последовали публикации: [Анон.] Против искажения исторической правды // Литературная газета 1959. 16 апр. № 46. С. 2; [Анон.] Против клеветы на Маяковского: Еще раз по поводу «нового» о великом поэте // Литература и жизнь. 1959. 10 апр. № 43. С. 2; *Сморodin А.* Изучение наследия Маяковского // Русская литература. 1959. № 1. С. 228–235. Последняя из названных рецензий содержала положительную оценку всего тома в целом и отдельных его материалов. Анонимная рецензия, напечатанная в «Литературе и жизни», по тону и содержательно продолжала линию, начатую Воронцовым и Колосковым. В ней в то же время нетрудно уловить и родственность тем оценкам, которые были высказаны на обсуждении тома: «Антинаучный подход к наследию Маяковского проявился прежде всего в том, что составители “Литературного наследства” путем тенденциозного подбора некоторых материалов, опираясь на сомнительные свидетельства, создают ложное представление о поэте. Некоторые “изыскания” грубо попирают истину о Маяковском, якобы находившемся в разладе с советской действительностью, тем самым переключаясь с измышлениями зарубежных ревизионистов». Спустя шесть дней «Литературная газета» напечатала рецензию, которая во многих случаях текстуально совпадала с содержанием предшествующей ей публикации. Очевидно, что эти публикации были инспирированы определенными партийными директивами.

³³ Скорее всего, в тексте стенограммы пропущено упоминание статьи В.Ф. Земскова (см. примеч. 10).

Я бы сказал так, — и пусть не обидятся на меня товарищи, что это академические близнецы «Литературной Москвы»³⁴. Там тоже есть ценный материал, — есть отрывки из газет, опубликованные к таким-то датам; но поскольку академические издания выходят с большим запозданием, то мы этот том получили, когда там..... уже прекратили.

А здесь выходит нечто подобное, потому что атмосфера здесь та же самая. Большого писателя можно дискредитировать, опираясь на абсолютную академическую добросовестность. Например, можно дискредитировать фольклор, народное творчество, выбрав из него только похабщину. Можно дискредитировать Шолохова как художника, написав такую работу (я читал такую работу, она не пошла в печать), где подобраны из Шолохова только одни выражения вульгарного характера, и это будет такой поразительный набор, что Шолохов может быть родственником Баркова. Я никогда не думал, что так может получиться, но человек собрал в одной работе, где он исследует определенную проблему, все выражения деда Щукаря и большого количества персонажей, и получилось бог знает что.

В этом томе мы тоже видим своеобразный подбор материала, который заставляет подумать о том, как издавать в дальнейшем подобного рода вещи, учитывая то, что советская литература сейчас на прицеле у всех буржуазных исследователей, ревизионистов, и здесь каждая оплошность, особенно серьезная, используется. Я бы сказал, что здесь, даже начиная с самого названия «Новое о Маяковском», есть нечто, дающее материал в руки ревизионистов — польских, югославских, которые выступили со статьями о «новом Маяковском» (случайно даже совпадение здесь получилось), Якобсона, который опубликовал материалы для этого так наз[ываемого] «нового Маяковского»³⁵. У них Маяковский это не трибун револю-

³⁴ Первый выпуск альманаха «Литературная Москва» вышел в свет в начале 1956 г. В нем, в числе других произведений, были опубликованы стихотворения Ахматовой, Пастернака, Заболоцкого, проза Пришвина и Каверина. Второй выпуск (вышедший в конце того же года), в котором были опубликованы, в частности, рассказ А. Яшина «Рычаги» с ясно читаемой критикой тоталитарного режима и «Заметки писателя» А. Крона, содержащие открытое выступление против идеологической цензуры, вызвал гнев ЦК КПСС и Комитета по делам печати. Начались многочисленные собрания, на которых оказывалось идеологическое давление на авторов альманаха и его главного редактора — писателя Э. Казакевича.

³⁵ Имеются в виду следующие публикации, осуществленные Р.О. Якобсоном и включившие в себя неизвестные стихи, письма и материалы записных книжек Маяковского: Новые строки Маяковского // Русский литературный архив. Под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956 (в составе публикации были и «Комментарий к поздней лирике Маяковского», написанный Якобсоном, и сопроводительные стихи при посылке цветов, выдержки

ции, а это Маяковский, тесно связанный с европейским модерном, это Маяковский, который если и писал революционные стихи, то в какой-то мере душа свой собственный талант.

Последнего, конечно, нет в этом томе, но здесь есть погоня за сенсацией, абсолютно ненужная и вредная. Если учесть, что том подготавливался в период, когда такого рода сенсационные вещи выходили о Маяковском за рубежом, если дано название «Новое о Маяковском», то оно должно быть направлено против того «нового Маяковского», о котором пишут буржуазные исследователи ревизионисты. Здесь нет борьбы с тем искажением, с той фальсификацией Маяковского, которая ведется за рубежом.

Известно, что Якобсон в своих комментариях о позднем творчестве Маяковского предельно академичен. Но что он делает? Он тенденциозно подбирает определенного типа метафоры Маяковского, определенные биографические сведения, которые должны привести к мысли о том, что поэт был своеобразным заключенным в рамках Советского Союза и в конце концов расшибся об огромный ров, когда ему не дали выехать за границу.

И вот здесь мы имеем тоже дело с субъективно добросовестным отношением к делу. Я не думаю, что товарищи, которые писали статьи, виноваты. Они просто нашли отдельные факты и решили спрятать хороший материал, не учитывая значения этого. Но тут виноваты не столько отдельные авторы, сколько редакция, которая имела весь материал в совокупности и могла учесть, как выглядит это в целом. Получилась односторонняя иллюстрация определенного характера фактов, фактов, совершенно искажающих представление о Маяковском, как о великом, о величайшем поэте революции, о величайшем поэте XX века.

В чем дело? Вот этот том называется «Новое о Маяковском». Что понимать под выражением «новое»?

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Название «Новое о Маяковском» не было утверждено. Михаил Борисович может сказать, что против этого названия были возражения. Оно появилось в процессе этого издания независимо от редакционной коллегии.

Я должен сказать, что когда в «Коммунисте» печаталась статья «Записки Ленина», то редакция на большом совещании дала задание: никакой сенсации! Материалы публикуются, но чтобы материалы эти не лезли в глаза, — никакой сенсации! — тем более, что материалы эти, записки эти были известны исследователям и неиз-

из писем и телеграмм Маяковского Т. Яковлевой, тексты дарственных надписей Маяковского на книгах, подаренных Яковлевой); Unpublished Majakovsij // Notes. Harvard library bulletin. Vol. IX, Number 2, Spring 1955.

вестны читателям. Нужно, чтобы это не производило впечатления только что открытого, — что это новое, неизвестное. Записки эти были известны, и на заседании у Луначарского это «никакой сенсации!» было оправдано, чтобы не давать пищу для сенсации. Но это действительно было известно³⁶.

Возьмите теперь материалы, которые здесь появляются, например, стенограммы выступлений Маяковского. Во-первых, целый ряд выступлений Маяковского публиковали, уже были общеизвестны. Они публиковались в XII томе Собрания сочинений, вышедшем в 30-х годах³⁷. Во-вторых, целый ряд небольших кусков их появлялся в печатных работах, например, т. Перцова, в моей книге³⁸. Так что здесь очень мало нового, что еще не вошло в научный обиход.

Здесь помещены письма Брик. Но письма Брик печатались в сборнике «Маяковский»³⁹. Они все использованы. Так что ничего принципиально нового эти письма читателю не дадут, а тем более исследователю они ничего нового не открывают.

Значит, претензия на новизну здесь не обоснована, не имеет под собой никакой почвы, кроме сенсационности.

Но ведь так получилось, что, когда в таком контексте появляются даже «Записки Ленина», то несмотря на то, что редактор был чужд сенсации, но в общем, и это звучит, как сенсация, потому что здесь такой автор, как [Маяковский], и другие были действительно увлечены тем, чтобы в своей полемике, уже по личным соображениям обязательно показать это «Новое о Маяковском»: Маяковский выступает во Временное правительство, Маяковский за продолжение войны и т. д. И все-таки это ложь! Почему ложь? Потому что во всех этих случаях происходит такая подборка материала.

³⁶ Упомянута публикация ряда документов, относящихся к последним годам жизни Ленина (1922–1923) и получивших название «Завещание» (вариант: «Политическое завещание»): диктовки Ленина в декабре 1922 г. и добавление к ним в январе 1923 г. (озаглавленные при публикации «Письмо съезду»), статьи «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» и «О придании законодательных функций Госплану», записка «К отделу об увеличении числа членов ЦК». См.: Коммунист. 1956. № 9. С. 16–26.

³⁷ См.: *Маяковский В.В.* Полн. собр. сочинений / Под общ. ред. Л.Ю. Брик и И. Беспалова. Т. XII: [Статьи, заметки, стенограммы выступлений 1917–1930 / Ред. и прим. В. Катаняна]. М.: Художественная литература, 1937.

³⁸ По-видимому, В.В. Виноградов упоминает свою книгу «О языке художественной литературы», вышедшую в первой половине 1959 г. В главе «Язык художественного произведения» он цитирует статью Маяковского «Как делать стихи» (С. 228–229).

³⁹ Речь идет об альманахе «С Маяковским», вышедшем в 1934 г. Там были, в числе прочих материалов, опубликованы шесть писем Маяковского Л. Брик и небольшой фрагмент из ее воспоминаний.

Почему я задал вопрос относительно того, почему стенограммы выступлений Маяковского не печатались. Если показывать в этом томе и явно ошибочные позиции Маяковского, получается поэт, который идет сложным путем и на первом плане у него огромной силы мысль, связанная с действительностью. Если вы будете брать высказывания Маяковского и против наследства, и в защиту ЛЕФа, и т. д. в контексте его стихов — произведений, замечательных по широте мысли, по правильности и принципиальности позиций, то увидите, что перед вами сложный поэт, развивающийся в сложной обстановке, но перед вами большой поэт. А когда здесь соответствующим образом отбирается только однородный материал и даются комментарии, проникнутые — мы вам даем другого Маяковского, то почему не написан в духе биографии Пастернака, где говорится о том, что Маяковского насаждают как картофель⁴⁰.

Относительно писем Маяковского к Л. Брик. Я считаю, что эти письма где-то, конечно, имеют право быть опубликованными, тем более, что они уже публиковались, ничего в них особенного нет. Что же здесь получается? Тут встает вопрос о полноте — его подняли выступавшие ранее товарищи. Действительно ли полнота так уж необходима вообще и возможна ли она в полном смысле слова? Почему же здесь не опубликованы рядом с письмами и телеграммами к Брик его письма и телеграммы к Т. Яковлевой, почему здесь нет переписки с другими женщинами, — их было много, — с которыми Маяковский встречался и которым он писал записки и телеграммы? Тогда нужно было всех их собрать и это будут донжуанские письма Маяковского, — и то за полноту вы не можете ручаться.

Так, как это напечатано здесь, это создает совершенно ложное представление о Маяковском, о его творчестве, о его связях, жизненных и литературных. Воскрешается старая концепция, которая была в 30-х годах, что большой поэт оказался поэтом маленькой группы, где были такие лица, как Крученых, Пастернак и др. Здесь связи с жизнью нет, за исключением очень незначительных публикаций, здесь биографический материал просто бьет: Маяковский — представитель определенной узкой группы, определенной тенденции, определенного направления, и он никак не может из этой группы вырваться, он втиснут в эту группу⁴¹.

⁴⁰ Виноградов ошибается: на самом деле это слова самого Б.Л. Пастернака. В мемуарном очерке «Люди и положения» (1956–1957) он писал о Маяковском так: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен».

⁴¹ По-видимому, В.Р. Щербина внимательнее других слушал выступление В.В. Виноградова и принял его формулировки буквально. В его статье «Ис-

Возьмите публикацию Харджиева. Когда-то вместе с Треневым была написана работа «Маяковский.....поэзия» и ряд других работ. Хотя общая тенденция этих работ была неверна и была осуждена нашей критикой, но там было умно написано. Здесь же этого ума не чувствуется, здесь какой-то перечень фактов, часто произвольно осмысленных, и в целом получается картина весьма и весьма внушительная, но очень сомнительная с точки зрения соответствия действительной роли Маяковского в литературе⁴².

У меня почему-то, когда я читал этот том, возникла такая параллель: 51-й том Большой Советской энциклопедии⁴³. Вот когда там в соответствующие тома БСЭ не могли быть включены, по понятным нам причинам, многие имена, то эти имена потом попали в 51-й том БСЭ. Но там не было сообщено, почему имена этих людей не попали в соответствующие тома, не было сообщено, почему эти люди пострадали, выпали из жизни. Ведь если бы это было сообщено, то это явилось бы тем, чем могли бы воспользоваться.

А здесь берутся выборочно материалы. Может быть, они по ошибке не были включены в «Собрание сочинений». А что касается других материалов, то это материал, о котором не знали, как его включать, как комментировать.

Так что общее впечатление у меня от этого тома сложилось такое, что том этот работает не на наше советское литературоведение.

Мне звонил Леонид Иванович Тимофеев⁴⁴, которому я сооб-

точный вдохновения», напечатанной в «Литературе и жизни» 22 апреля 1959 г., среди прочего, есть фраза, подтверждающее это: «...в критике еще иногда появляются остатки отживших групповых воззрений на развитие советской литературы. Отзвуки этих взглядов проявились, например, в недавно вышедшем в свет томе “Литературного наследства” — “Новое о Маяковском”. Произвольно подобранные в этом томе “Литературного наследства” материалы показывают Маяковского по преимуществу представителем узкой футуристической группки, а не великим поэтом советского народа. Односторонний характер материалов в томе не дает представления о Маяковском как поэте революции, бурно растущем на почве постоянного движения народа, а прежде всего связывает облик поэта с прошлым, создает ложное впечатление о расхождении поэта с обществом».

⁴² Упомянута книга «Поэтика раннего Маяковского», написанная Н.И. Харджиевым в соавторстве с В.В. Трениным. Она была напечатана в 1936 г. в издательстве «Литературный критик». Кроме того, в 1940 г. в издательстве «Художественная литература» вышла в свет их книга «Маяковский и живопись». Харджиев Николай Иванович (1903–1996) — историк литературы, искусствовед, коллекционер, специалист по русскому авангарду. В томе были опубликованы его «Заметки о Маяковском». Тренин Владимир Владимирович (1904–1941) — литературовед.

⁴³ Большая Советская Энциклопедия. Т. 51 (доп.). А–Я. М., 1958.

⁴⁴ Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — литературовед, теоретик литературы в 1941–1970 гг. — заведующий Отделом советской литературы Ин-

щил основные мои положения в отношении этого тома, и он сказал, что и у него получилось такое же впечатление от этого тома.

В.Д. ДУВАКИН

Я должен оговориться, что я только вчера узнал об этом заседании, — поэтому не имел возможности к нему подготовиться, как должно. Поэтому заранее извиняюсь за некоторый экспромтный характер выступления.

Здесь было сказано очень много верного, но мне кажется, что тот вывод, которым закончил сейчас свое выступление Алексей Иванович, все-таки является несколько сгущенным. Мне кажется, что такой вывод не вытекает из содержания тома, а вытекает только из полемической логики. И когда я говорил с Алексеем Ивановичем, у него звучало это несколько иначе.

Он высказал тоже довольно серьезные указания на то, что редакционная работа проделана недостаточно, что это выглядит несколько провинциально.

Мне кажется, что при всем том справедливом, что высказал Алексей Иванович, я думаю, — я менее знаком с тем, что пишут за рубежом и боюсь сказать, в какой мере это может быть использовано в печати за рубежом и не хочу выступать в смысле прогнозов, — но мне хочется сказать, что неправильно сказать, что этот том не будет работать на советское литературоведение. Это неправильно. Я думаю, что многое из этого тома будет работать на советское литературоведение в течение длительного срока, так же, как и другие тома «Литературного наследства», которые тоже не все равноценны. В таком большом деле разные степени удач и разные степени неудач.

Так что если рассматривать 64 тома «Литературного наследства», как некоторое восхождение и шествие по горному плато, а 65-й том рассматривать как падение в пропасть, то такая картина не будет соответствующей действительности. Да в конце концов это противоречит и тому, что сказал сам Алексей Иванович относительно статей Паперно[го] и Земско[ва], которые редакторы должны были подработать, а не давать в рыхлом виде, навалом.

Новое ли это? Мне это 25 лет известно, все это демонстрировалось на выставке в 20-х гг.⁴⁵, но для широкого читателя это, может быть, ново. Здесь надо было помочь читателю, дать это более компактно.

Я считаю очень нужной и ценной работой, к которой безусловно будут обращаться исследователи, работу Арутючевой «Записные

ститута мировой литературы им. А.М. Горького, член редколлегии ЛН в 1961–1984 гг., член корреспондент АН СССР с 1958 г.

⁴⁵ Речь может идти, главным образом, о выставке «20 лет работы», открывшейся 1 февраля 1930 г. в Клубе Писателей в Москве.

книжки Маяковского». Очень несерьезно Колосков походя ее задел, буквально шлепнул. Обобщение заключается в том, что там у Маяковского есть гонорарные записи. Это мелкая деталь, выдернутая очень тенденциозно. В целом это очень основательный, большой труд⁴⁶. Описаны материалы, о которых до этого писали наскоками. Это само по себе является несомненно плюсом.

Статья Катаняна была бы более уместна, если бы она появилась двадцать лет назад, потому что она написана по двум книжкам, которые лежат у него дома с того времени. Это две хрестоматии, которые сохранились в библиотеке Маяковского. Странно, что до них руки дошли только через 25 лет⁴⁷.

Я не имел возможности все прочитать и изучить до конца. В том, что получается известный крен, есть, конечно, доля истины и большая доля истины. Известный крен получился стихийно, и я думаю, что надо обязательно исправить этот крен выпуском второго тома. Мне кажется неудачной статья Зильберштейна⁴⁸. Статья Харджиева у меня вызвала недоумение. Я знаю Харджиева и удивляюсь, как он совершенно разбросанные и случайные замечания, из которых три четверти более чем гипотетические, позволил себе опубликовать в таком издании. Я знаю его как серьезного работника, и просто этим удивлен.

Сейчас интерес к Маяковскому очень велик. Не далее как сегодня я имел беседу с одним товарищем, который по заданию Союза писателей ездил в порядке подготовки материалов к съезду в Тулу и Тульскую область и выяснял, что читают там больше всего⁴⁹. Картина выяснилась очень неблагоприятная с точки зрения поэзии: читают романы в первую очередь, поэтов не читают (он обследовал ряд библиотек). Но из поэтов по читаемости, не исключая несовременных поэтов и классиков, на первом месте Маяковский.

⁴⁶ Снобистски высмеивая фразу исследовательницы о гонорарах («В ранних книжках часто встречаются различные денежные записи и записи гонорара, как за стихи, так и за рисунки к “Окнам Роста”. Цифры гонораров растут вслед за падением рубля и становятся стойкими при твердой валюте»), рецензент продолжал: «Весьма пространная статья В.А. Арутчевой “Записные книжки Маяковского” очень мало дает для уяснения творческой лаборатории самого Маяковского — талантливого, оригинального, самобытного поэта».

⁴⁷ Речь идет о книгах, которыми пользовался Маяковский: «Хрестоматия по истории Октябрьской революции», составленная С.А. Пионтковским (М.: Красная новь, 1923); «Октябрьская революция» — хрестоматия, составленная А.Е. Шейнбергом под редакцией К.Т. Свердловой (М.: Госиздат, 1925).

⁴⁸ Ошибка стенографиста или оговорка. В томе нет ни одной статьи И.С. Зильберштейна. Очевидно, подразумевается статья Е.А. Динерштейна (см. примеч. 62).

⁴⁹ Третий Всесоюзный съезд советских писателей состоялся в мае 1959 г.

(В.И. ПЕРЦОВ: Еще и потому, что он включается в школьную программу.)

И Пушкин есть в программе, но Пушкин позади.

Причем интересно, что в каждом месте, где я был, все-таки находились один-два-три-четыре человека, зараженных Маяковским, актив, который является каким-то бродилом в этом в общем инертном отношении. Вообще такое проникновение Маяковского к широкому читателю совершается.

Когда собираются у нас преподаватели вузов, для них эти стенограммы чрезвычайно интересны.

Я не спорю, что в самом названии тома — «Новое о Маяковском», есть неприсущая «Литературному наследству» сенсация. Может быть, название не нужно давать, — это претенциозно. Но давали, например, «Новое о Герцене». Но там это действительно новый материал⁵⁰.

В целом этот том для всякого, широко интересующегося и изданиями «Литературного наследства» и интересующегося Маяковским, этот том интересен.

Здесь поднят был и другой вопрос, который Дмитрий Дмитриевич поставил наиболее остро. Вообще публикация биографических материалов — писем и т.п. в Собраниях сочинений зависит от нравственной цензуры редактора. Это вопрос старый. Мне кажется, что с тех пор, как начали издавать, этот спор идет. Это просто очень древний спор.

Я помню, еще Гончаров сказал: «Не печатайте мои письма!»⁵¹. Но все-таки все время их печатают. Если подумать о причине воз-

⁵⁰ Вероятно, речь идет о томах «ЛН», посвященных А.И. Герцену и Н.П. Огареву — «Герцен и Огарев» (тт. 61–63) и «Герцен в зарубежных коллекциях» (т. 64). Заголовок «Новое о Герцене» в томах «Литературного наследства» не фигурировал никогда.

⁵¹ И.А. Гончаров в своих письмах близким друзьям не раз затрагивал вопрос о публикации его эпистолярного наследия: «...писем моих не показывайте никому: они пишутся к вам и для вас — без всяких видов, и пишутся небрежно, — а другие взыщут...» (из письма Е.А. и М.А. Языковым 27 декабря 1852 г. (8 января 1853 г.). Портсмут); «Что касается до этого и следующих писем, то Вы, Николай Апол[лонович], обещали не давать их никому, а прятать до меня, потому что после я сам многое забуду, а это напечалит мне: быть может, понадобится. Притом я пишу без претензий для вас и других самых коротких друзей, оттого и желал бы, чтобы прочли только они; вы их всех знаете. Если будут спрашивать, скажите, что кто-нибудь взял, да не принес...» (из письма Евг.П. и Н.А. Майковым 20 ноября (2 декабря) 1852. Портсмут); «Прощайте, милый друг, не показывайте моих безобразных писем никому или весьма немногим, например, Майк[овым], Льховск[ому], если они захотят, да только у себя дома...» (из письма Ю.Д. Ефремовой 29 июля (9 августа) 1857. Маренбад).

никновения этой традиции, то в какой-то степени следует немножко уважать ее. Когда речь идет об очень крупном явлении культуры, то читатель не довольствуется только общественным обликом этого писателя и начинает интересоваться другими его человеческими проявлениями.

Д.Д. БЛАГОЙ

Хотят видеть его на судне...

В.Д. ДУВАКИН

Вы не правы, Дмитрий Дмитриевич. Не обязательно с точки зрения физиологии. С этой точки зрения, нельзя было бы печатать дневники Софьи Андреевны. Безусловно, недопустимо было, и, тем не менее, то, что они напечатаны, для изучения толстовского наследия нужно⁵².

Дмитрий Дмитриевич здесь сделал известную подстановку, не вполне правильную.

Любопытно, что у грубого Маяковского, который выступал, как грубиян, вы почти не найдете этих пресловутых считанных точек. Он говорит во весь голос, и нет у него двойной линии употребления словарных норм — для широкой публики и для дома. И с этой стороны нам известен только один экспромт 1913 года, который попал в Собрание сочинений, но это ни в какое сравнение не идет с собранием сочинений Пушкина и «Тенью Баркова» или собранием сочинений Буало⁵³.

Но я не об этом говорю.

Когда говорится, что печатание писем Маяковского к Брик мельчит Маяковского, то оно мельчит в другом плане. Впечатление двусмысленное создается. Действительно очень неприятный тон предисловия Брик и особенно этой саморекламной фразой о духовном родстве, которая, конечно, не имеет достаточного основания. Здесь Маяковский выступает отнюдь не на судне, конечно, и, я б сказал, не в постели, он выступает немножко инфантильно и вместе с тем человечно. Такой биографический момент есть в какой-то степени, и в этом нет вреда. Он привлекает интерес тех читателей, которые, может быть, еще не дошли до того, чтобы серьезно и всесторонне воспринять Маяковского.

⁵² Первое издание дневников С.А. Толстой вышло в 1928–1936 гг. в четырех частях. Первые две части (записи 1862–1897 гг.) увидели свет в «Издательстве М. и С. Сабашниковых» в 1928 и 1929 гг. Третья часть (записи 1897–1909 гг.) была напечатана в издательстве «Север» в 1932 г. Четвертая часть (записи 1910 гг.) была издана «Советским писателем» в 1936 г. Подготовили издание Г.А. Волков, С.Л. Толстой и М.А. Цявловский.

⁵³ См. примеч. 29.

Нужно ли было публиковать эти письма? Я считаю, что в принципе нужно, но их надо было бы публиковать после смерти Людмилы [*так в стенограмме!*] Юрьевны. Дело не в самом факте опубликования писем, а в том, что письма публикует сам адресат. В этом основной вред. Но и сам адресат не понял, что получилось. Не мне принадлежат эти замечания и я не буду опубликовывать автора, поскольку услышал о них из третьих рук, но письма создают невыгодное впечатление об адресате. По этому поводу некто вспомнил такой исторический анекдот. Вдова Руссо обратилась к конвенту с просьбой о пенсии. Конвент, рассмотрев ее заявление, вынес решение отказать ввиду того, что просительница не дала счастья гению. Именно такое впечатление создается от чтения этих писем. Читаешь эти нежные записки одну за другой и чувствуешь нарастающее глубокое личное одиночество, тоску о большой человеческой любви, которой ему не хватало. Людмила Юрьевна на это не рассчитывала, она хотела опубликовать максимум нежных определений и только. Получилось другое, и личная сторона гибели Маяковского из этого во многом становится более понятной. Таким образом, с точки зрения нравственной цензуры (может быть, я более других развращен), я не вижу каких-то непреодолимых препятствий к публикации. Я думаю, что было бы очень печально, если бы такая холодная встреча этого тома и, в очень большой степени справедливая, критика по его адресу, задержали работу редакции над вторым томом. Я думаю, что наоборот, тот крен, который здесь получился, тем более обязывает редакцию выпустить второй том с расчетом на то, чтобы была дана более верная картина и чтобы Маяковский был дан не в пределах какого-то группового издания. Катанян, очевидно, основной консультант у Ильи Самойловича, поэтому и резкость нападок Колоскова. Тут еще элемент какой-то групповщины получился, но в Академии наук в этом не нужно разбираться.

Я считаю, что Академии наук не нужно впадать в панику, а нужно эту ошибку исправить и исправить очень активно. Нужно брать не только то, что лежит, а активно искать. Ни «Литературное наследство», ни Музей Маяковского, ни, к сожалению, и сектор Маяковского Института мировой литературы не ведут почти никакой систематической работы по выявлению и собиранию материалов о Маяковском. Я вполне понимаю, что нужно, конечно, позаботиться о наследстве, чтобы И.С. Зильберштейну было что в 1975 году опубликовать.

Давайте заботиться о том, чтобы не только в первую очередь отбирать то, что уже есть, но мы должны сейчас записывать, собирать то, что пойдет впрок. Нужно создавать запас прочности для этого здания. Вот это здесь недостаточно чувствуется. Нужно не только использовать то, что уже накопилось за эти годы, но и думать о том, что может быть сейчас организовано.

Можно, например, организовать, — и это возможно, — сделать сбор, может быть, мелких даже, слушательских впечатлений. Они разбросаны по провинциальным газетам, — отзывы людей, слушавших Маяковского в очень большом количестве. Можно пополнить имеющиеся воспоминания о Маяковском записью воспоминаний живых людей, литераторов, которые, будучи еще студентами, слушали Маяковского. И т. д. Получится драгоценный в целом материал, который, не будучи собранным, теряется⁵⁴. Вот этой активной работы редакции не хватает.

В заключение еще раз прошу извинить за сумбурный характер моего экспромтного выступления.

Тов. ЧЕРЕМИН⁵⁵

Я очень внимательно ознакомился с этим томом «Литературного наследства» и, работая сейчас, в меру своих скромных сил, по изучению Маяковского, лично для себя в этом томе почерпнул очень много.

Я считаю, что, когда ведется такое обсуждение с оценкой тома, так сказать, предопределяющее в известной мере судьбу второго тома, то это обсуждение должно быть максимально точным в обосновании тех или иных положений. В этом отношении на меня произвело, по правде говоря, даже грустное впечатление то, что сказал очень уважаемый мною крупнейший исследователь А.И. Метченко. Я думаю, что это объясняется некоторым полемическим задором, — об этом и сам Алексей Иванович говорил. Но он то же самое сказал, когда передавал мнение Л.И. Тимофеева об этом томе.

Я думаю так, что в этом томе подняты такие сложные вопросы, очень близкие нам, вопросы, связанные с нашей исторической действительностью, которые неизбежным делают обсуждение этого материала очень накаленным. Ведь все это понятно. Каждому из нас дорог Маяковский и каждому из нас хочется донести Маяковского в полном его блеске и полной его силе до читателя и показать действительно правдиво образ поэта.

Но тут вопрос чрезвычайно сложный. Когда мы говорим об этом томе «Литературного наследства», мы не можем говорить о нем отвлеченно от предшествующих публикаций, от того, как эти публикации велись, что уже было опубликовано, в каком плане публикуются исторические источники. Мы не можем от этого отказаться.

⁵⁴ Это фраза стала для самого В.Д. Дувакина судьбоносной: в 1967–1982 гг. он записывал воспоминания многих деятелей русской культуры XX века, в том числе современников и людей из ближайшего окружения Маяковского, собрав уникальный в своем роде звуковой мемуарный фонд.

⁵⁵ Черемин Георгий Сергеевич (1916–1993) — литературовед, критик, член Президиума АН СССР в 1949–1988 гг.

Мне хотелось бы вспомнить о материалах 40-х годов. Ведь тогда выпускался целый ряд сборников с воспоминаниями и с материалами в Ленинграде и Москве. Впервые шесть писем Маяковского к Брик появились в 1933 г. в альманахе, а здесь они появились на правах какой-то новации⁵⁶.

Когда мы посмотрим последовательность появления материалов о Маяковском, то многое станет нам понятно, в частности, почему в томе «Литературного наследства», если брать его в отвлечении от всего того, что написано и издано о Маяковском, получается известный крен. Алексей Иванович, конечно, прав, что если брать этот том изолированно от собрания сочинений Маяковского и всех публикаций о Маяковском, то получается несколько одностороннее впечатление.

Но как этого можно было избежать с теми материалами, которые только сейчас изданы или, может быть, были известны и раньше, но не были доступны и известны широкому читателю и понадобилось их опубликовать? Что тут надо было сделать? Совершенно прав В.Д. Дувакин, когда говорит, что нужно организовать очень широкие поиски материалов о Маяковском и прежде всего того характера, который показывает Маяковского как трибуна, выступающего с массами и перед массами и несущего им слова о революции. Это совершенно верно, но поскольку таких широких поисков нет, в распоряжении редакции «Литературного наследства» оказался такой материал. Практически что с ним надо было сделать? Отложить и не печатать? По-моему, нет, печатать нужно, тут речь может идти о комментировании в широком историческом плане, чтобы было видно, какое место занимает данный материал в том, что нам известно о Маяковском, и во всем наследстве Маяковского. Тут, вероятно, и есть вина редакции «Литературного наследства», что она в таком широком плане не сумела подать этот материал, отчего он и приобрел известную односторонность прежде всего в его подборе.

Я говорил с самого начала о конкретности. Мы судим об определенных статьях, об определенных публикациях. С этой точки зрения я согласен с выступавшими до меня товарищами в отношении печатания 14 выступлений Маяковского. Конечно, таким эрудированным исследователям, как Алексею Ивановичу и Виктору Дмитриевичу многое известно такого, что неизвестно широкому кругу и даже молодым научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, т. е. тому кругу, которому, очевидно, адресовано «Литературное наследство». Так что, что новое совсем, что новое не совсем, что забытое, что может быть цитировано частично — редакция «Литературного наследства» должна была точно оговорить. Упущение редакции в том, что она этого не сделала.

⁵⁶ См. примеч. 39.

Это относится и к эпистолярному наследству. Это, конечно, надо было.

Сегодня говорили об этих письмах к Брик, но не говорили, что в этом томе опубликованы и еще письма Маяковского к разным лицам. Эти письма были уже опубликованы раньше и в таком авторитетном издании, как «Литературное наследство», надо было сразу указать на этот факт и когда они были опубликованы, чтобы не создавать впечатления сенсационности.

Тов. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН
Это указано.

Тов. ЧЕРЕМИН
Не везде указано.

Я считаю, что ленинские документы, которые здесь воспроизведены, — это очень большое дело.

Я лично считаю, что статья Е.И. Наумова — статья хорошая, правильная по своим установкам. Это статья, очень умело собравшая все, что нам интересно. Тут новации, действительно, очень мало, но это есть такой сводный материал по очень важному и ответственному вопросу, сделанный, на мой взгляд, очень квалифицированно⁵⁷.

Но здесь тоже произошла досадная очень вещь. Тут есть одна из записок, в которой сказано, что она адресована Луначарскому, — это неверно. Институт марксизма-ленинизма, с которым я связался по этому вопросу (который меня заинтересовал, потому что мне сразу казалось, что это не так, что она не могла быть адресована Луначарскому, — по характеру документа) мне сообщил, что после долгих обсуждений и обследований этого вопроса сейчас Институт марксизма-ленинизма твердо уверен, что эта вторая записка адресована Покровскому⁵⁸.

Могла ли редакция «Литературного наследства» учесть это дело? Вообще могла бы, если бы знала о том, что это очень сложный вопрос и что он неясен.

Кстати, когда Алексей Иванович публиковал [статью] в «Коммунисте», там не был указан адресат⁵⁹. И правильно было сделано,

⁵⁷ См. примеч. 11.

⁵⁸ См. след. примеч.

⁵⁹ Речь идет о следующей статье: *Метченко А.И.* Против субъективистских измышлений о творчестве Маяковского // *Коммунист.* 1957. № 18. С. 69–82. В статье (по тексту подготовленного к печати в ИМЛ при ЦК КПСС ленинского сборника) впервые были опубликованы две записки Ленина от 6 мая 1921 года, одна из которых адресована Покровскому, а адресат другой не установлен. В первой из них содержался такой отзыв о поэме «150 000 000»: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность». Завершалась же она следующим

что не указано, потому что тогда не было достаточной ясности. Здесь надо было эту ясность внести. Это я считаю крупной ошибкой, которую нужно исправить в следующем томе, — насчет этого письма Ленина.

Говоря о материалах тома, я согласен с предшествующими товарищами, что очень большую ценность представляет работа т. Земскова. Мне она очень нравится. Я высоко оцениваю статью т. Паперного. Это блестящая работа, на мой взгляд. Основным достоинством ее является то, что текстологический анализ в ней органически связан с анализом проблемным. Такая методика привела к очень хорошему результату.

Но том вообще нуждается в серьезной, квалифицированной и хорошей, очень точной и конкретной критике.

Том этот очень легко ругать, что мы и видели, например, в легковесной и не совсем добросовестной статье в «Литературе и жизни»⁶⁰. Легко зацепиться в нем за разные мелочи и на этом основании сделать очень страшные выводы. Но задача не в этом заключается, а в том, чтобы объективно рассмотреть, что в этом томе правильно и что неправильно.

У меня статья товарища [В.А. Арутчевой] не вызывает очень положительного отношения⁶¹, как определил Дмитрий Дмитриевич. Мне представляется она очень эмпирической и немножечко сумбурной, хотя по ряду наблюдений я считаю, что нужно было сделать их гораздо глубже. Если возвращаться к вопросу о записных книжках в связи с изучением творчества Маяковского, то статья эта выглядит как бы педагогичной, — в ней есть ценные наблюдения, но я не могу считать эту статью одной из лучших статей этого тома.

образом: «Луначарского сечь за футуризм». Во второй записке содержался такой выпад против футуристов: «Не больше 2-х раз в год печатать этих футуристов и не более 1500 экз.». Осуждая якобы ревизионистские публикации в зарубежной печати, в частности, в польской, Метченко писал: «“Новый Маяковский” это-де Маяковский, освобожденный от догматического истолкования, порожденного известным отзывом Сталина. Чем же не устраивает инициаторов нового истолкования Маяковского этот отзыв и работы советских критиков о поэте, написанные за последние 20 лет [...] Не пытаюсь ни в малейшей степени исследовать факты, они с потрясающей легкостью зачисляют крупнейшего революционного поэта XX века в лагерь модернизма. Апофеозом идеологической ограниченности рецензента можно назвать следующую фразу: «...авторитет Ленина используется ими для того, чтобы протащить антиленинскую идею о независимости искусства от партии и государства». На публикации, осуществленные Р.О. Якобсоном (см. примеч. 35), он откликнулся так: «Любая попытка превратить великого поэта в “кучерявого лирика” с кругозором двухспальной кровати наталкивается на гневный отпор со стороны самого поэта» (С. 69, 71, 82).

⁶⁰ См. примеч. 8.

⁶¹ Статья В.А. Арутчевой. См. примеч. 11.

Что касается заметки Харджиева, то, конечно, это полуфабрикат, это очень сырой материал, в котором есть оригинальные мысли. Я не могу сказать, что нужно целиком поставить крест на статье Харджиева, там есть вещи, которые могут быть использованы. Я не считаю необходимым ее отметить, но что касается публикации, надо было предложить автору поработать над этими записками и довести их до такого состояния, чтобы они действительно были на должном уровне.

У меня вызывает большое сомнение статья тов. Динерштейна, помещенная в томе. Я не хочу обвинять автора, автор просто увлекся новыми материалами, не очень важными и значительными, но все-таки новыми, которые он раскопал в архивах, увлекся и дал необоснованные выводы. Я не буду приводить полностью необоснованные вещи, остановлюсь только на одной, где Динерштейн пытается доказать, что прямое свидетельство Маяковского в его автобиографии об уходе в августе из «Новой жизни» не подтверждается. «Факт тот, что фамилия Маяковского фигурирует до октября 1917 года. Это опровергает Маяковский. То ли Маяковский забыл, то ли неискренне об этом сказал, поскольку известно направление этой газеты, ее линия, в особенности ближе к Октябрьской революции». Но это, конечно, совершенно неверно. Я провел известную исследовательскую работу в этом направлении и пришел к выводу на основании очень тщательного изучения «Новой жизни», что Маяковский здесь был прав и что Динерштейн безосновательно сделал такой вывод.

И вопрос менее значительный о службе Маяковского в военно-автомобильной школе. Динерштейн, мне кажется, тоже очень крикливо и поспешно опроверг то свидетельство, которое привел Виктор Иосифович, и, по-моему, Виктор Иосифович, вы поспешно согласились с Динерштейном, потому что если посмотреть большевистскую прессу того времени, то можно убедиться исчерпывающе ясно в том, что тут Динерштейн неправ, что те документы, которые он привел, носят односторонний характер, что есть целый ряд свидетельств в газетах «Правда» и «Солдат», где достаточно ясно видно, что большевистское влияние в военно-автомобильной школе было достаточно сильно, и позиция военно-автомобильной школы в октябрьские дни, когда она выступила против временного правительства, говорит совершенно ясно, что в данном случае Динерштейн неправ⁶².

В.И. ПЕРЦОВ

Маяковского там не было.

⁶² Динерштейн Е.А. Маяковский в феврале–октябре 1917 г. — В ряду других документов в статье был опубликован приказ об увольнении Маяковского из 1-ой запасной автомобильной роты от 30 октября 1917 г.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Но Динерштейн пишет, что школа заняла реакционную позицию, и Маяковский оттуда ушел.

Перехожу к этим злосчастным письмам, которые вызывают недоумение у людей неосведомленных. Мне приходилось беседовать и в Президиуме Академии наук со многими товарищами не специалистами, которые высказывают недоумение, почему появились эти письма, почему все это публикуется в серьезном академическом издании.

Вопрос действительно очень сложный. Некоторые товарищи предъявляют к Маяковскому такое требование: мол, снижает его образ то, что он в личной переписке не касался больших общественных, теоретических и проч. вопросов, которые мы видим в переписке других писателей.

Тут уже претензии к самому Маяковскому: почему он в эпистолярной форме не считал нужным об этом писать?

Посмотрим по существу. Есть ли в этих письмах что-нибудь, что объективно ценно? Я отмечаю все личные перипетии взаимоотношений с Брик, — это не имеет отношения к литературе. Я очень внимательно прочел их еще раз перед нашим обсуждением и, объективно подходу, пришел к выводу, что в них содержится очень много фактического чисто материала различного характера, касающегося поездок Маяковского и касающегося создания им некоторых вещей. Имеются, правда, очень конспективно, отрывочно, и его выступления, его впечатления от заграницы, очень много сведений, которые, конечно, не только для исследователей творчества Маяковского, но и для того круга людей, которые заинтересованы литературным наследством, представляют интерес. Надо только отвлекаться от того, что имеет сугубо личный характер и обращать внимание на то, что здесь объективно важно: иногда очень маленькие отдельные черточки, которые позволяют восстановить биографические данные о Маяковском, данные о процессе создания им некоторых произведений, об их исполнении и т. д.

Конечно, ошибкой редакции «Литературного наследства» (я об этом говорил товарищам по редакции еще раньше) явилось то, что они не предпослали этой публикации обстоятельной статьи, где было бы показано, ради чего и почему публикуются эти письма. А насчет всяких игривых, личных, интимных всяких прозвищ, домашних кличек и т.п., то тут уже назывались письма Чехова. Я еще раз просмотрел опубликованные письма Чехова к ныне здравствующей О.Л. Книппер. Я просмотрел XII том сочинений Чехова издания Гослитиздата 400-тысячным тиражом, т.е. в двадцать раз превышающим тираж «Литературного наследства»⁶³. Я выписал оттуда неко-

⁶³ Отдельным изданием переписка А.П. Чехова с О.Л. Книппер выходила в 1934–1936 гг. в трех томах под редакцией и с примечаниями А.Б. Дермана в

торые цитаты, которые буквально напоминают то, что писал в своих письмах к Брик Маяковский (С МЕСТА. Даже стилистически совпадает.) Да, очень любопытно. Может быть, Виктор Владимирович, привести некоторые примеры. Например: (цитата) «Обнимаю лошадку, кормлю самым лучшим овсом»⁶⁴. И т. д.

Но никого это не шокирует.

С МЕСТА
Шокировало!

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ
Не закончена эта переписка.

Тов. ЧЕРЕМИН

В печати никаких бичующих рецензий я не знаю. Может быть, я не специалист по Чехову, но никаких суровых слов в адрес этого издания сказано не было.

Я заканчиваю свое немножко затянувшееся выступление. Алексей Иванович, я волей-неволей вступаю с вами в полемику. Вы, по моему, оговорились, когда сказали, что Якобсон, опубликовавший куски из писем Яковлевой, был академически точен и добросовестен с чисто фактической стороны, что дело только в нарочитом подборе фактов. Алексей Иванович, это не так.

В.Д. ДУВАКИН
Одновременно он не знает многих фактов.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Не то, что не знает, он сознательно, самым подлым образом извращает факты. В своей рецензии в «Вопросах литературы» я привел только часть этих извращений⁶⁵. Прямо ловишь за руку этого

московском издательстве «Мир». В Собрании сочинений Чехова в 12 томах (ГИХЛ, 1955–1957) заключительный том составили письма Чехова 1893–1904 гг.

⁶⁴ Неточная цитата из письма А.П. Чехова к О.Л. Книппер-Чеховой от 27 сентября 1903 г.: «Ну, лошадка, глажу тебя, чищу, кормлю самым лучшим овсом и целую в лоб и в шейку».

⁶⁵ Речь идет о рецензии: *Черемин Г.* Нью-Йоркский сборник материалов по истории русской литературы // Вопросы литературы. 1957. № 8. С. 248–254. См. также примеч. 35. В этой рецензии, содержащей совершенно неаргументированную и несостоятельную критику публикаций Якобсона, в частности, говорилось: «В творчестве поэта, по утверждению автора статьи, происходит постоянная борьба “лирики сердца”, “любовной”, “личной”, “настоящей”, как ее именует Р. Якобсон, лирики против будто бы подавляющего ее общественного гражданского начала. Своей аргументацией... Р. Якобсон стремится подвести читателя к выводу о том, что истинным поэтом Маяковский становился

человека, называющего себя исследователем. Он передергивает, дает неправильные цитаты, подтасовывает, т. е. это целый калейдоскоп всевозможных извращений, и когда вы говорите о «Литературном наследстве», упоминать об имени Яковсона даже не хорошо. В «Литературном наследстве» есть ошибки, — я говорю, Динерштейн увлекся какими-то вещами, — но вся направленность этого тома — на выявление истины, и редакция всячески руководствовалась этим. Она могла допустить отдельные ошибки, отдельные неточности, но весь пафос этого тома — я его лично так воспринимаю — направлен на установление подлинной исторической истины. Там получились, может быть, какие-то непропорциональные части в отношении публикации, когда публикуются одни документы и не публикуются другие, но все же мы не можем говорить, что редакция не опубликовала какие-то документы, которые уравновешивали бы эти материалы и статьи, где говорится об ошибках и заблуждениях. Надо было в широкой исторической перспективе их показать, соответствующим образом их прокомментировать, и тогда они имели бы полное право на существование.

В.Р. ЩЕРБИНА⁶⁶

У меня вопрос к редакции «Литературного наследства»: верно ли, что во втором томе предполагается публикация писем Маяковского к Яковлевой и другим с комментариями Яковсона, — будто бы это делается по его требованию, а самое главное, что он пересматривает свои позиции в этих комментариях?⁶⁷

только тогда, когда в нем побеждала “стихия лиризма”, все остальное время он якобы таковым не являлся, а был занят выполнением “социального заказа”, — не в том высоком гражданском смысле, который придавал этому термину сам Маяковский, а так как принято понимать заказ в буржуазном мире... неразрывная органическая связь личного с общественным у Маяковского с наибольшей силой выявилась как раз в его поздней лирике, в том числе в произведениях на любовную тему, которые автор неправомерно противопоставляет его политической поэзии [...] “Комментарий...” Р. Яковсона имеет совершенно явную тенденцию: отвлечься от идейного содержания творчества Маяковского, реально существующей системы образов и эмоционального строя его произведений» (С. 249, 254).

⁶⁶ Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — заместитель директора по науке в 1953–1988 гг., и.о. директора ИМЛИ в 1966–1968 и 1974–1975 гг., главный редактор ЛН в 1967–1989 гг.

⁶⁷ Публикация материалов, связанных с Т. Яковлевой и находящихся в ее личном архиве, а также личное авторское участие, ее и Р.О. Яковсона, планировались в работе уже над первым томом, еще на стадии подбора материалов. Об этом свидетельствует переписка между Яковсоном и редакцией «ЛН», относящаяся к 1956 г. В письме от 31 августа Зильберштейн писал: «Очень рад, что Татьяна Яковлева разрешила опубликовать большую часть писем и телеграмм Маяковского к ней. Было бы хорошо, если бы она сама написала не-

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Этот вопрос касается второго тома. Он не обсуждался на редакционной коллегии, так что если эти переговоры велись, то вне редакционной коллегии.

В.И. ПЕРЦОВ

Я познакомился, когда шел на это заседание, с проектом резолюции. Исходя из прений, которые здесь были, и из того, что здесь предлагается и что нашло отражение в[о] вступительном слове Степана Григорьевича, я хотел бы призвать товарищей к тому, чтобы к вопросу о томе о Маяковском подойти несколько шире, потому что это вопрос о публикации советской литературы, как это написано в предисловии, и тут надо быть чрезвычайно точными.

Мне кажется, что найти меру в определении значения этого тома и его сильных сторон и недостатков чрезвычайно важно не только для последующего, для продолжения работы над вторым томом, но и в отношении того, как нам быть с работой по публикации nasledия наших современников.

И мне очень не хотелось бы, товарищи, чтобы та статья, которая была опубликована в газете «Литература и жизнь» и о которой справедливо сказал Алексей Иванович, что она является толчком к разговорам, чтобы она оставалась без разъяснения. Читатели недоумевают, и многие читатели, и правильно недоумевают. Было выступление на учредительном съезде российских писателей товарища Закруткина⁶⁸.

большую вступительную заметку о своей дружбе с Маяковским, и эту заметку мы дали бы в качестве одного из предисловий к публикации. А второе предисловие было бы написано Вами. Нет ли у Яковлевой фотографии, на которой она изображена вместе с Маяковским? Мы могли бы фотографию эту воспроизвести. Очень просим прислать фотографии надписей Маяковского на книгах, подаренных Яковлевой, а также его автошаржей. Свои воспоминания о Маяковском обязательно пришлите. Нет ли фотографий, на которых Вы изображены с Маяковским? Если да, обязательно пришлите. Пришлите также фотографии дарственных надписей Маяковского на книгах подаренных Вам». 4 декабря Якобсон писал С.А. Макашину: «Только что получил письмо от Л.Ю. Брик, которая спрашивает меня, что с моими материалами для тома Л.Н., посвященного Маяковскому. Между тем, я уже в октябре послал Илье Самойловичу Зильберштейну рукопись публикации “Владимир Маяковский Татьяна Яковлевой”, куда вошли, кроме стихотворного письма Яковлевой, надписи в стихах при посылке цветов и книг и свыше 30 писем и телеграмм с моими комментариями и примечаниями. Я просил его подтвердить получение, но до сих пор не слышал от него ни об этой заказной посылке, ни о томе Русского Литературного Архива, который я тоже ему выслал» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 5. Ед. хр. 17. Л. 5, 2).

⁶⁸ Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации прошел с 7 по 13 декабря 1958 г. Закруткин Виталий Александрович (1908–1984) —

Какие-то протесты были в той или иной степени обоснованные, и эта статья Колоскова и Воронцова является как бы оформлением этих выступлений.

Конечно, эта статья не объективна, несмотря на то, что там есть очень правильные замечания. Но здесь есть определенные группы, которые объединяются, может быть, сначала по каким-то принципиальным разногласиям, а затем держатся вместе из-за заинтересованности в одобрении своих соратников и из-за желания ухудшения положения тех, которые стоят не на их позиции.

Действительно была правильно отмечена полезная работа Земскова. Вы помните эти имена. Я имею в виду людей, которые проявляли инициативу, — это люди, довольно широко известные. Они публиковались. Я, например, был далеко не первым, хотя по хронологии раньше подошел к попытке осмысления этих фактов, но был далеко не первый. В журнале «Каторга и ссылка» старый большевик Лурье опубликовал эти материалы⁶⁹. Это хорошо. Я не хочу уменьшать полезность этого дела, но я, как человек, который занимался этим материалом много лет тому назад, когда встретился с публикацией Земскова, был доволен, что это сделано. Я нашел здесь некоторые детали, которые интересны в отношении факта участия молодого, юноши Маяковского в революционном движении, которые известны мне были и раньше.

В общем, это хорошая работа. Но нельзя похвалить ее одну и не сказать, что в томе есть хорошие статьи и Паперного и Катаняна. Я столько спорил с Катаняном, что мог бы сейчас воспользоваться и ухудшить его положение. Но все-таки это было дело полезное. Двадцать лет тому назад ему не хватало силы мысли, чтобы понять значение этих фактов и связать это со стилем. Но если мы с

писатель, секретарь правления Союза писателей РСФСР. Приводим фрагмент из стенограммы его выступления на съезде, состоявшегося 11 декабря: «...совсем недавно вышел внушительный научный труд, посвященный Маяковскому, в котором наряду с полезными изысканиями и статьями помещены публикации, не приносящие, мягко выражаясь, никакой пользы, а скорее даже наоборот. (Аплодисменты). Нет, ни один день, ни на один час не должны мы ослаблять наше пристальное внимание к этим вопросам, мы не можем и не должны поощрять здесь либерализм и попустительство» (Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации (7–13 декабря 1958 года). Стенографический отчет. М., 1959. С. 455).

⁶⁹ Лурье Г.И. К биографии Маяковского (По архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 68–84. Лурье Григорий Исаакович (1878–1938, расстрелян) — публицист, революционер, член ЦК Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза). В статье на основании дел Отделения по охранению общественной безопасности и порядка 1908, 1909, 1915 гг., а также производства Московского окружного суда 1909 г., рассказывалось об участии Маяковского в деятельности революционного подполья, в частности — в работе Московского отделения Социал-демократической рабочей партии.

этой точки зрения будем относиться к нашим работам и хулить их за то, чего в них нет и говорить, что это недостаток, тогда мы останемся только с наукой о литературе, но останемся без литературы, потому что таких недостатков в литературе очень много.

Конечно, товарищи, работа, связанная с Маяковским, с непосредственными высказываниями его, с высказываниями о нем, которые были в газообразном состоянии — такие высказывания не существуют. Где они зафиксированы? Это была громадная работа.

Почему нам сейчас, в наших общественных условиях, которые заставляют нас быть очень требовательными к самим себе, — зачем нам ухудшать результат нашей работы общей?

Так что эта статья необъективна, — она себя выдала. Если бы я хотел быть гробовщиком, если бы я подрядился это сделать, я бы это сделал. Не поймите это как комплимент, но я бы сделал так: я бы похвалил — и никто ничего не мог бы сказать, а затем перо вставил бы...

Но хочется мне, чтобы эта статья послужила основой для обсуждения этой громадной работы такого большого коллектива, увлеченного, серьезного. И как вы не хотите этого, если есть в этой статье субъективные моменты, то они не отделяются от общей традиции «Литературного наследства».

Такое ощущение получается у пристрастного в хорошем смысле читателя от политического разбора высказываний Маяковского. Здесь Алексей Иванович употребил выражение, что сосредоточен выбракованный материал. Но что делать? И в предшествующем собрании сочинений в силу разных причин — общественных и отношений тех лиц, которые были составителями томов, не помещались некоторые материалы, невыгодные для Маяковского. В общем плане его громадного движения и того вклада, который он сделал в советскую культуру, это выглядит таким второстепенным, что этого вклада не снижает. Такова жизнь, таково развитие большого художника, который говорил первое слово тогда, когда новое общество не имело еще никаких гарантий, что оно удержится. Ленин в те годы, когда Маяковский впервые выступил, говорил, что если мы не удержимся, мы можем все это дело завалить⁷⁰. Но у Маяковского были разные моменты, и они не характерны для всего направления движения, для этой действительно благородной, героической фигуры. Тем не менее они были, и мы сейчас, когда мы смотрим так широко, мы можем показать предшествующую эпоху такой, какой она была, как она ни уменьшается в пропорциональном свете того, что нам предстоит, в свете семилетнего плана⁷¹, какими по

⁷⁰ Источник цитаты не установлен.

⁷¹ Семилетний план развития народного хозяйства (1959–1965), представлявший собой расширенный 6-й пятилетний план (принят в 1956 г.), был при-

масштабу являются тяжелые годы, которые мы с вами пережили и были уже сознательными людьми. Все это пропорционально уменьшается и занимает свое место в истории. Поэтому мы не должны бояться, мы должны показывать, как рождалось это новое, как возникал новый строй, в каких муках, в каких противоречиях и страданиях. А что на Западе будут использовать, мы должны быть к этому готовы, а вообще, попросту говоря, нам на многое начхать. Как это говорится, собака лает...

Товарищи беспокоятся, что если опубликовать те или другие слабые стороны высказываний Маяковского, то их подхватят ревизионисты. Да они все равно будут подхватывать. В последнем номере «Lettres Françaises» я прочитал статью Эльзы Триоле «“Клоп” Бальзака, а не “Клоп” Маяковского». Французский режиссер Бальзак поставил «Клоп», причем он реабилитирует Присыпкина. Присыпкин у него симпатичный человек⁷².

Но во всяком случае там есть и такие люди, как какой-то Ни....., который в восторге от Присыпкина в «Клопе», т.е. от того, против чего борется Маяковский, как враг мещанства⁷³. Может быть, плохо переведен там текст Маяковского. Но почему? Мы знаем, что там они делают из наших писателей, из кинокартин. Например, у картины «Броненосец Потемкин» они отрезали конец и в конце пишут, что вот так поступают с правительством, которое плохо кормит матросов.

Так что мы должны быть очень бдительны и не давать им возможности обмануть наши массы через нас. Этого нельзя давать.

Но бояться этого мы не должны — это нам никак не пристало.

Я думаю, что сейчас у редакции «Литературного наследства» подобрался такой материал, который показывает Маяковского — его сильные и слабые стороны.

Возьмите интереснейшую стенограмму, которая до сих пор не была опубликована, стенограмму диспута на тему «Первые камни новой культуры». Я нигде не встречал того спора Маяковского с Луначарским, где Маяковский выступает против освоения наследия старой культуры. В стенограмме приведены речь Луначарского и ответ Маяковского. Ведь Маяковский Луначарского на обе лопат-

нят на XXI Съезде КПСС в 1959 г.

⁷² Упоминается французский режиссер русского происхождения Андре Барсак (André Barsacq; 1909–1973), осуществивший постановку пьесы Маяковского в январе 1959 г. в парижском театре «Ателье», которым он руководил в 1940–1973 гг. Триоле откликнулась на эту постановку рецензией: *Triolet E.* «La Punaise» de Maïakovski n'est pas «La Punaise» de Barsacq // *Les Lettres Françaises*. 1959. 29 janv.–4 févr. (См.: *Брик Л.* — *Триоле Э.* Неизданная переписка (1921–1970) / Сост., вступ. статья В.В. Катаняна, коммент. И.И. Аброскиной, И.Ю. Генс. М.: Эллис Лак, 2000. С. 265, 283).

⁷³ О ком идет речь, установить не удалось.

ки кладет⁷⁴. И как видно, Маяковский отступает, потому что это для него не очень органично. Это то поверхностное, что с него быстрее сходит, чем с людей, которые были около него. Даже получается, что этот материал не очень выигрышный в этом смысле: по этому одному материалу нельзя составить биографию Маяковского. Но это другая совершенно задача.

Дальше я бы обвинил, если позволено это слово, упрекнул бы товарищей, что недостаточно обработан текст редакционно. К сожалению, это действительно не сделано. Нужно было сделать это более внимательно. Но все равно это не спасло бы от тех, которые хотят перевернуть, когда они переводят произведения и предисловие, — но предисловие обычно не читается, а произведение читается. Но это научная публикация, и это здесь требуется сделать.

Так что я считаю, что в целом я присоединяюсь к Г.С. Черемину. Я считаю, что это ценная работа, за которую не только не будет краснеть «Литературное наследство», но которая поставлена будет

⁷⁴ Доклад «Первые камни новой культуры» был прочитан А.В. Луначарским на диспуте, состоявшемся 9 февраля 1925 г. в Экспериментальном театре. В прениях по докладу последним выступил Маяковский. Он в своем выступлении сказал, в частности, следующее: «...из вполне верных предпосылок у товарища Анатолия Васильевича, на мой взгляд, начинается колоссальная неразбериха и полное умственное неправдоподобие выставляемых им положений. Эта неразбериха, на мой взгляд, вытекает, главным образом, из путания по-старому даже не в трех соснах, а в двух соснах — в этих соснах формы и содержания. По товарищу Луначарскому получается так — точная его формулировка: трели приходится пускать, когда нечего сказать. Очевидно, Анатолий Васильевич предполагает, что если бы у Неждановой вместе с оперным репертуаром были бы хорошие сведения по радио-телеграфии, то ей нечего было бы заниматься этим талантом. И в свою очередь, когда товарищ Стеклов не обнаружит больше у себя запаса тем, он сразу перейдет на мягкое меццо-сопрано [...] Если бы я стал на точку зрения Анатолия Васильевича, что действительно дельных людей партия не может отпустить на дело искусства, правда, дальше идет оговорка — но он должен хотя бы размерами своих произведений доказать, что он вправе вырвать себя из этой общественной работы, [то] до тех пор по вопросу об искусстве я совершенно не могу разговаривать и даже позорным для себя считаю вообще звание художника. Если это действительно такая вещь, которая только для развлечения дается и требуется только от тех работников, которые ничего другого дать не могут, так не лучше ли над этой белибердой — искусством — поставить крест. Нет, товарищи, с таким подходом можно подойти только к старенькому искусству, в котором нет никаких отзвуков, никакого соприкосновения с той гигантской борьбой, которую поднял рабочий класс, и не первый и не последний день должен это трубить, и знамена должны развеиваться над атакующими толпами» (*Маяковский В.В.* Выступления на диспуте «Первые камни новой культуры» 9 февраля 1925 г. / Публ. Л.М. Розенблум // *Литературное Наследство*. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 24–25).

в ряду других ценных работ. Но нужно было дать более внимательную редакционную обработку.

Перехожу к основному вопросу, который вызывает наибольшие споры, — это насчет того, нужно ли публиковать письма к Л.Ю. Брик.

Отдельные письма, имеющие большое литературное значение, раньше публиковались в разных изданиях, преимущественно академических. Это было давно — в томе Собрания сочинений, которое закончилось, когда происходил переход от одной редакции к другой. Мы пытались опубликовать эти письма раньше, но нам посоветовали этого не делать.

Прошло очень много времени, действительно обстановка очень изменилась, и возникла возможность опубликовать эти письма в собрании сочинений. Я тут тоже должен полемизировать со Степаном Григорьевичем о том, что оставлять на долю потомков и что давать возможность знать современникам. При всех замечаниях, которые я хочу сейчас сделать, я все-таки благодарен как современник (может быть, вы скажете, что это очень личный поход), что имею возможность в своей работе пользоваться и этим материалом, благодарен как современник, что это опубликовано.

Действительно, если бы не было такой полноты в этих письмах, если бы десяток-другой снять, потому что они вызывают недоумение, не было бы такой реакции и недоумения у читателей, тогда с этой стороны нападков не было бы.

Конечно, очень серьезно то, что сказал Виктор Владимирович, в чем его поддержал и Дмитрий Дмитриевич. Тут великий лингвист и великий историк литературы нам говорят, что не нужно печатать. Я вспоминаю, что Переверзев в молодые годы говорил, что историк литературы не должен замыкаться в пределах художественных произведений и думать, что эпистолярное наследие не имеет отношения к художественному творчеству.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я имею в виду все то, что относится к бытовой стороне, а не к широкой общественно-политической.

В.И. ПЕРЦОВ

Я думаю, что при всей специфике, которую мы все с вами прекрасно понимаем, хотя не до конца, может быть, исследовательски и дошли, для нас важно это своеобразие использования слова в разговорной речи, в коммуникативной его функции и в плане художественном. Но тут стены все-таки нет, и из разговоров, из быта, общения поэта, из участия его в общественной жизни нужно найти какие-то законы. Но мне кажется, что Виктор Владимирович сказал это в пределах своей науки, что ему как большому ученому это не

нужно. Это я могу понять, но сказать, что для нас, историков литературы, которое понимают, что слово есть первый элемент, но это все-таки один из элементов, из него одного не построишь художественного образа, сказать, что для нас это не имеет значения, будет неверно. Мне представляется, что этот материал имеет большое значение для нас, как для работников этой чрезвычайно сложной дисциплины — науки о литературе, это очень много дает для раскрытия образа поэта, для понимания, как он в тьму филологии лазил⁷⁵ непосредственно в жизнь. Провести грань между словотворчеством, между работой над словом как специальной художественной функцией и бытовой ролью слова все-таки очень трудно.

Поэтому я считаю, что такого рода материал нужен и важен, и мне было интересно послушать, что говорит более молодой исследователь — Георгий Сергеевич, который по возрасту своему не знает того, что знают люди моего поколения, но он многое в этих письмах почерпнул для своей работы.

Значит это совершенно неоспоримо, речь идет о том, что тут допущена некоторая фетишизация, что нужно было произвести отбор.

Кстати сказать, с этим ко мне обращались многие заинтересованные читатели — неожиданно более широкий круг специалистов совсем других областей. Мне приходилось встречаться на отдыхе с учеными других специальностей из области науки о природе. Они всеми этими вопросами интересуются и спрашивали меня насчет этих писем и пр.

Я говорил, что эти письма не дают представления о реальной связи между адресатом и поэтом. Ведь Л.Ю. Брик не учла этого. Маяковскому эпистолярная форма общения была не свойственна. Горький был все-таки человеком, который вырос из XIX в., он творчески писал свои замечательные письма. Маяковскому эпистолярная форма общения не была свойственна. Поэтому трудно по эпистолярному наследию Маяковского составить представление о его духовном мире. Если даже отбросить то, что это адресовано любимой женщине, все равно нельзя составить представление о его духовном облике. Эти связи его глубже.

Я могу сказать об этом, как человек, который был в этом кругу. Конечно, это была неудачная фраза в предисловии Л.Ю. Брик, — и она вызвала законный протест.

Но у ней была и другая фраза о том, что Маяковский не спорил о философии в письмах. В такой негативной форме эта фраза не помогла бы, а должна быть позитивная форма.

⁷⁵ Цитата из стихотворения Маяковского «Нашему юношеству» (1927): «Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влязьте».

Я считаю в целом положительным фактом публикацию этих писем, но так как здесь была недостаточна работа редакции и есть излишек, то я бы попросил при составлении резолюции найти очень точную меру наших возражений и в то же самое время оставить более широкий предел для тех, кто держится других мнений использования такого рода материала, потому что иначе вы нам закроете возможность исследования. Так что я просил бы в резолюции более точную меру найти.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

До перерыва просит слова В.Р. Щербина.

В.Р. ЩЕРБИНА

Я буду очень краток. Мы имеем здесь дело с очень несложным фактом. Вышел 65-й том «Литературного наследства», посвященный советской литературе. Это первый том, посвященный советской литературе, поэтому было бы очень желательно на сегодняшнем обсуждении поставить какой-то барьер, который должен быть воспринят всеми издателями. Тема эта очень горячая, и вы будете регулярно ее поднимать. Нужно, чтобы наше обсуждение не оставило такого следа. Но это не значит, что обсуждение не должно быть серьезным.

Я считаю, что в томе есть разный материал — есть интересный, есть спорный, есть тенденциозный, но все-таки центральное явление тома, которое вызвало настоящее обсуждение, если говорить вполне откровенно, это, конечно, письма Маяковского к Брик. Почему центральное? Потому что этот тип литературного наследия предлагают как основной материал. Рабочий или не рабочий, но этот материал является сутью издания. Я только скажу об отношении к данному материалу.

Первый вопрос — нужно ли публиковать такого рода биографические материалы. Здесь была изложена Виктором Владимировичем та точка зрения, что публиковать не нужно. Если рассматривать эти материалы как чисто бытовые, то, конечно, публиковать их не нужно. Но, к сожалению, большей частью у многих художников бытовое переплетается обычно с их творчеством. Часто бытовой мотив письма является очень существенным для понимания творческих замыслов, творческих исканий художника. Если брать письма к Брик, то в них кое-что есть для понимания работы «Про это». Но если статья на такую позицию, имеют ли эти материалы биографическую ценность, то, на мой взгляд, очень малую. Почему? Вследствие однобокого, рекламного подбора. Виктор Иосифович вполне прав — гораздо сложнее были отношения, были конфликты и проч., а письма подобраны таким образом, что мы видим картину сплошной идиллии, были небольшие размолвки, на почве

тоски вырастают некоторые трения. Понятно, что наследники всегда стараются подобрать то, что им выгодно. Мы не можем их контролировать, не можем заставить. Можно ли воздержаться от публикации полностью или опубликовать с определенным отношением, очень тактично выраженным к тому, кто публикует. Вся беда в том, что отношения с Брик не поставлены в ряд с подобного рода отношениями, а взяты изолированно. Поэтому письма не дают никакого ответа на вопрос, что же такое происходило между Брик и Маяковским. Встает этот очень острый вопрос, который интересует всех, — что чувствовал Маяковский, и эта подборка абсолютно ничего не дает. Получается однобокое, искаженное, рекламное представление.

Прав В[иктор] Дмитриевич, который говорил, что сложность Маяковского была в том, что в нем нарастало неудовлетворенное. А к чему это приводит реально? Какие выводы всякий мыслящий читатель из этого сделает? Все противоречия, все коллизии исчезли, это публикация внешних взаимоотношений без всякого намека в комментариях на сложность отношений, они увели в сторону от личной трагедии Маяковского. Противоречия были огромными, а здесь они оказались сниженными. Почему? Так подобран материал.

Во-вторых, является ли данная публикация научной? Я считаю, что здесь очень много каких-то погрешностей. Прежде всего, погрешность состоит в том, что включено много однотипных писем, много писем, раньше уже печатавшихся. Почему необходимо было для «Литературного наследства» печатать письма, которые известны уже читательской публике? Несколько десятков писем я читал — где? В..... Академии наук. Мы все видели их, они критиковались. Что же заставило редакцию печатать их здесь?

Я считаю, что это противоречит научному типу этого издания. Какая необходимость публиковать их здесь, если они были уже напечатаны? Зачем взять опубликованные, широко известные письма и напечатать их в «Литературном наследстве»? Это делает уязвимым это издание.

Совершенно правильно говорили, когда встал вопрос о напечатании этих писем, что надо взять одно-два или десятка политически ценных писем и их напечатать. Бессмысленно печатать все письма. Это противоречит типу издания. Почему же не все письма Горького издали, а только наиболее весомые?

Тов. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Потому что у Горького пять тысяч писем, а здесь только двести.

В.Р. ЩЕРБИНА

Это отступление от принципа. Не нужно было включать эти письма, и нет мотива для того, чтобы публиковать их.

Затем здесь нет научного комментария. Я прямо могу сказать, что Якобсона мы критиковали, но он дал квалифицированный комментарий со своей точки зрения. Это настоящий научный комментарий, сделанный на высоком уровне, потому что он знал, чего хотел. Он проводил в нем определенную линию, определенную мысль, и всем понятно, зачем это публикуется. Он обосновал этот комментарий так, что было понятно. Ему нужно было факты свернуть в другую сторону — и он это делал. Он знал, чего хотел.

Там есть комментарии, есть справочники по поводу фактов. И когда мы читаем это, то что же мы будем теперь противопоставлять этому, если читаем письма Маяковскому? Там пишут, что Маяковский не согласен с большевиками. И у нас читаем в письмах, что у него было несогласие с большевиками.

Мы же письма Горького комментировали! Здесь научного комментария нет. Это типичные письма, написанные Маяковским, интимные письма. А научного комментария нет. Я считаю, что эта холодная, бесстрастная публикация здесь не нужна.

Затем для читателя надо давать в «Литературном наследстве» новое, а не перепечатки. А здесь много перепечаток. И самое главное, — что нет здесь указаний, что они уже были напечатаны. Это погрешность, непозволительная для такого издания.

Если редакция находит нужным напечатать уже напечатанные письма, она должна обосновать, почему это нужно.

Затем нет комментариев, нет освещения того факта, что путь Маяковского был очень сложен.

И третий вопрос — помогают ли эти публикации (я не беру все издание) в нашей идейной борьбе. Нет, потому что эти комментарии подтверждают двойственность Маяковского, что была одна личная жизнь и была другая жизнь, которая была сзади, внешняя жизнь, которая в конце концов и подвела. То есть эта публикация дает аргументы не для тех концепций, которых мы придерживаемся. Я считаю, что это тоже ошибка — ошибка с точки зрения принципа научности публикации, точности публикации и осмысления этого дела.

С.И. КОЗЛОВ

Здесь уже выступавшие товарищи отмечали и положительные и отрицательные стороны тома «Литературного наследства», посвященного Маяковскому, — «Новое о Маяковском». Мне хотелось бы присоединиться к тому мнению, что том этот составлен неравномерно. В нем имеется известный переход к желательному для нас типу. Я не думаю, что том этот играет на руку ревизионистов.

Но в томе допущены серьезные ошибки, и главная ошибка состоит в том, что редакция «Литературного наследства» не нашла в себе мужества последовательно провести ту линию, которую она

наметила, по очистке этого тома от тех материалов, которые вызывали, Виктор Владимирович, очень серьезные возражения.

Прежде всего, это письма Маяковского к Л.Ю. Брик. Но были не одни письма, — были еще воспоминания Л.Ю. Брик о Маяковском.

Эти воспоминания Брик, вместе с письмами Маяковского, дали мне посмотреть и сказали, что ... считают нежелательной публикацию как воспоминаний, так и писем, в «Литературном наследстве».

Я тщательно ознакомился с этими материалами и высказал мнение, что, на мой взгляд, публиковать такие материалы, как письма и воспоминания Л.Ю. Брик, не следует.

Почему? Прежде всего «Воспоминания» носили насквозь фальшивый характер. Л.Ю. Брик в своих «Воспоминаниях» прямо говорит, что выступает в роли, так сказать, душеприказчика, что она оберегает Маяковского от фальши.

Вот такой пример. Она пишет, что после поездки в Германию Маяковский выступает с произведениями о Германии, где критикует германских капиталистов. И она говорит ему: ты же фальшивишь: ты проиграл там в карты, пропьянствовал, ничего там не видел — и пишешь о капиталистической Германии?!

Этого нет здесь, но это точно! Я отвечаю за свои слова, — там это есть. Это должно было насторожить редакцию «Литературного наследства» — и редакция насторожилась сразу.

Я должен на заседании Бюро Отделения сразу заявить, что Михаил Борисович и Виктор Владимирович придали большое значение этому месту воспоминаний Брик. Однако И.С. Зильберштейн как член редакции вел себя недостаточно правильно в вопросе о публикации «Воспоминаний» Л.Ю. Брик. Он говорил прямо, что знает: если мы не будем публиковать эти материалы, то это вызовет нежелательную реакцию со стороны Арагона и Эльзы Триоле. Это заявление сыграло известную роль, потому что редакция пошла в этом вопросе на уступки⁷⁶.

⁷⁶ См. далее стенограмму ответного выступления И.С. Зильберштейна с опровержением этих сведений. К его словам можно добавить следующее. В предисловии к публикации «Вокруг творческого наследия Маяковского», увидевшей свет в 1994 г. в журнале «Вопросы литературы», в рамках серии публикаций архивных материалов из фондов Центра хранения современной документации, в частности, говорилось: «В письме в ЦК КПСС от 27 февраля 1959 года корреспондент “Правды” Г.А. Жуков сообщил руководству о том, что многие материалы сборника “Новое о Маяковском”, в частности письма В. Маяковского к Л. Брик, используются за рубежом “в целях антисоветской пропаганды”. Журналист из официальной газеты “полагал целесообразным”, чтобы ЦК обратил внимание редакции “Литературного наследства” на “более тщательный отбор документов”. В мае того же года Г.А. Жуков вновь направил в ЦК КПСС письмо. Оно явилось следствием его беседы с французским писате-

Я доведу это до сведения Бюро Отделения, пополняя те выступления, которые здесь уже были.

Здесь правильно В.Р. Щербина говорил, что письма подобраны явно тенденциозно. Мне казалось, не все письма. Я вижу, что одни письма, которые дают характеристику Маяковского, где он пишет о том, что согласен, что не должны большевики возражать... Тут он о политике говорит, а о других вопросах не говорит. Мне кажется, что письма не все.

Правильно В.Р. Щербина сделал целый ряд замечаний редакционного характера, что не сказано, какие материалы публиковались и почему они вновь теперь публикуются. Все это несомненно является очень серьезным недостатком в работе над этим томом.

Надо ли публиковать письма наших современников, живых участников? Я склонен придерживаться того, что мы должны публиковать те письма, которые имеют непосредственное общественно-политическое и литературное значение, имеют отношение к творчеству писателя. А в данном случае что сделала редакция «Литературного наследства»? Она дала материалы: смотрите, каким был Маяковский, и поместила явно рекламное, реабилитирующее предисловие. Известно, что Маяковский не до конца был связан с Лилей Брик. А она поставила себе, как говорят у нас кое-где, памятник с помощью «Литературного наследства», и незаслуженно поставила себе памятник.

Что надо будет сделать? На мой взгляд, нам сейчас необходимо, — это не мой личный взгляд, это уже сложившееся мнение у некоторой части Бюро Отделения, — расширить состав редакционной коллегии и ввести туда наших крупных литературоведов из университета, из Ленинграда и Москвы, чтобы работа не носила какой-то узкий тенденциозный характер, когда два человека делают том «Литературного наследства», а Бюро Отделения встает перед фактом готового материала. Широкого обсуждения нет, перспективного плана работы «Литературного наследства» у нас нет, оно на особом, привилегированном положении, которое не вяжется со сложившимися академическими нормами нашей работы, в частности, нашего Отделения. При подготовке тома все-таки и рецензен-

лем-коммунистом Луи Арагоном, незадолго до того награжденным Международной Ленинской премией “За укрепление мира между народами”. Отражая настроение Луи Арагона, Г.А. Жуков предостерегал от организации в советской печати кампании против “лично Л. Брик” и И.С. Зильберштейна, дабы не спровоцировать за рубежом “второе дело Пастернака”. Вместе с тем он сообщил в партийные инстанции, что дал отпор Луи Арагону, рекомендуя ему не вмешиваться в “наши внутренние издательские дела, поскольку он не может знать существа дел, о которых говорит” (Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 247–248).

ты были односторонни. Алексей Иванович был привлечен к рецензированию?

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Нет.

С.И. КОЗЛОВ

В.И. Перцов был привлечен и Тимофеева была привлечена⁷⁷. Третьего рецензента не было.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Больше двух рецензентов никогда не бывало.

С.И. КОЗЛОВ

Но все-таки можно было привлечь более крупные силы для рецензирования этого тома, и так как том носит особый характер, можно было расширить состав рецензентов. Никто нас не регламентировал.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Такого предложения не было. Почему вы не предложили это два-три года тому назад?

С.И. КОЗЛОВ

Как мне представляется, что сейчас надо было бы сделать? Сейчас надо будет очень тщательно просмотреть второй том «Литературного наследства», посмотреть, что там есть, и поправить положение. Мы беседовали по этому поводу. Мне кажется, что хорошо бы дать очень квалифицированную статью литературоведа об идейно-творческой эволюции Маяковского. Этим самым мы поставили бы вещи на свое место. Во-вторых, мне кажется, надо было бы (В.Д. Дувакин здесь правильно говорил) расширить состав воспоминаний. Мы дали узкие, интимные воспоминания — письма к Брик, а надо было бы дать воспоминания наших деятелей об общественной деятельности Маяковского, более широко привлечь материал, и таким образом мы могли бы устранить перекося, который сложился в первом томе. В-третьих, мне кажется, было бы полезно, — не знаю, как решит Бюро, — результаты наших сегодняшних

⁷⁷ Тимофеева Вера Васильевна (1915–2003) — литературовед, доктор филологических наук, специалист по творчеству Маяковского (канд. дисс.: «Большевицкая партийность — основа эстетики Маяковского» (1950); докт. дисс.: «Язык поэта и время. Поэтический язык В. Маяковского» (1963)). С июня 1950 г. — сотрудница Отдела советской литературы, в 1960–1965 гг. — заместитель директора ИРЛИ АН СССР (Пушкинского Дома); в 1968–1988 гг. — главный редактор журнала «Русская литература».

разговоров с соответствующими оценками и пожеланиями товарищей опубликовать в «Известиях Отделения литературы и языка»⁷⁸.

Тов. КОВАЛЕВ

Любопытно было бы узнать, реализованы ли пожелания рецензентов.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Реализованы, но человек изменяется. То, что сказал Алексей Иванович о мнении Тимофеевой, не совсем совпадает с тем, что написано в рецензии.

Тов. КОВАЛЕВ

Я недостаточно изучил этот том, но центральный раздел прочел. Этот раздел, как правильно говорил Владимир Родионович, — письма к Брик, — является центральным и определяет лицо этого тома, потому что объявить новым о Маяковском статьи авторов, которые имели счастье попасть в этот том, никому не придет в голову. Новые материалы это письма, которые здесь даются, и читатель обращает внимание на них, а не на статьи, хотя некоторые статьи обращают на себя внимание, в частности хорошая статья Паперного.

Но новое о Маяковском, которое не является в значительной мере новым, подобрано тенденциозно. Причем эти материалы снижают облик Маяковского до уровня некоторых людей, знающих его длительное время и всячески рекомендующих себя чуть ли не единственными друзьями великого поэта. От этого впечатления уйти никак нельзя, это впечатление остается.

Впечатление это остается. Остается такое впечатление, что редакция пошла на поводу за авторами, позволила авторам написать все, что они захотели бы, и позволила им заниматься саморекламой, позволила публиковать нескромные вещи и т. д.

Видимо, редакция должна занимать активную позицию, редактировать, сопровождать материалы своими комментариями, разъяс-

⁷⁸ Козлов С.И. Годичное собрание Отделения литературы и языка Академии Наук СССР // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1960. Т. 19, вып. 3. С. 250–257. В своем отчете автор, как секретарь ОЛЯ, ограничился лишь лаконичным изложением итогов обсуждения: «Была отмечена нецелесообразность помещения в томе интимных, не имеющих значения для понимания творческого пути Маяковского писем к Л. Брик, указывались недостатки, связанные с отдельными статьями, например, со статьей Е. Динерштейна, неправильно комментирующей факты творческой и жизненной биографии Маяковского. Вместе с тем это обсуждение получило более широкий характер, прояснив общий вопрос о принципах отбора для научной публикации о жизни и творчестве художников слова вообще».

няющими материалы авторов, которые желают опубликовать свои письма или воспоминания о великом поэте.

Очевидно, редакции надо будет предусматривать, какое впечатление произведет том в целом на читателей.

Редакция больше занималась оценкой отдельных статей, документов и не обращала внимание на то, какое впечатление произведет том в целом, — а впечатление не особенно благоприятное.

Когда читаешь в этом томе письма Маяковского, обращает внимание то обстоятельство, что в подготовке этого тома, насколько известно, не принимали участия наши специалисты по творчеству Маяковского.

С.И. МАКАШИН

Обсуждение сегодня нашего тома «Литературного наследства», конечно, очень знаменательное событие в жизни редакции, хотя бы потому (я перехожу сразу к самому основному факту), что это первое обсуждение такого издания, как «Литературное наследство», которое имеет свой круг читателей и давно существует. Но мы существуем на общественной базе, без привлечения актива.

Когда начался разговор о печатании Маяковского, об архитектонике тома, это породило очень много разговоров. Представьте себе, что среди студентов, и среди других любителей литературы поднялись эти разговоры. И должен сказать, что на мне очень тяжело отразилось то, что мы в редакции оказались неподготовленными к этому вопросу.

Здесь уже выступавшие говорили, что письма Маяковского к Брик в процессе их поступления в редакцию вызывали очень острые споры. Тут позиции были разные. Позволю себе для ясности картины высказать свою собственную позицию. Она была так сформулирована и с тех пор не менялась: как жаль, что Людмила [*так в стенограмме!*] Юрьевна дала нам свои письма, лучше бы она их нам не давала. В этом сказался присущий редакции несколько объективистский стиль: если уж попал документ, написанный рукой Маяковского, снимай шапку, преклоняй колени и печатай. Но сами письма у нас восторга не вызвали⁷⁹.

⁷⁹ Заметим, однако, что отзыв С.А. Макашина на рукопись воспоминаний Л.Ю. Брик, сохранившийся в ее архиве, содержательно и интонационно существенно отличается от направленности его выступления на обсуждении тома: «Л.Ю. Брик создала мемуарный памятник первостепенного значения и интереса. Нет сомнения, что ни один из биографов Маяковского не обойдет своим вниманием этого источника. Его главная ценность в том, что в нем воссоздан портрет живого Маяковского. Особенно сильно и ново показана лирическая стихия жизни и творчества Маяковского, показаны истоки пережитой им драмы. Как оговаривается сама Л.Ю., ее воспоминания преимущественно “личные”. Такой подход вполне законен для мемуариста. Но вот в чем дело. У чи-

В чем была основная трудность, когда мы попытались проанализировать, почему была такая волна возмущения со стороны известной группы читателей. Статистикой тут трудно заниматься, потому что были высказывания, что хорошо, замечательно, что напечатали письма, были разные мнения, но когда мы попытались проанализировать письма читателей, которые любят и ценят Маяковского, почему было чувство возмущения, то ответ был такой: читателей поразило резкое несоответствие между тем образом Маяковского, могучим образом, который встает со страниц его стихов, его творчества, всегда идейно могучего, всегда пронизанного остротой крупной общественной проблематики, и Маяковским, глубоко погруженным в мелочах жизни. Мы это видели и понимали, о чем сегодня хорошо говорил В.И. Перцов, что одни умеют себя выражать в письмах, другие не умеют.

Но не только в этом была трудность, и я прошу понять этот аспект, — вопрос очень трудный в практической работе редакции, о котором Илья Самойлович не говорил. Когда мы задумали начать серию томов по истории советской литературы, мы считали, что мы в долгу перед нашим обществом. Тут какое-то непонятное отставание. Но нам было видно, что механически переносить всю нашу методику, сложившуюся исторически по публикации материалов XIX в., совершенно невозможно. Предполагался даже специальный том, где мы хотели поставить эти вопросы. Был задуман даже план каких-то статей о методике публикации материалов. Те публикации, которые сейчас появляются в различных изданиях, показывают, какой разброд здесь существует, как назрела необходимость обдумать проблематику и методику публикации историко-литературных документов по эпохе, которая не отошла от нас в историческое прошлое. Здесь политический аспект приобретает большее значение, чем в отношении материалов прошлого. Здесь уже говорили, что никого не удивляет, что мы публикуем переписку каких-то деятелей прошлого.

Когда мы получили эти письма, мы увидели, что они не дают всей сложности и всей полноты картины личной жизни Маяковского, что для полноты мы обязаны изучать личную жизнь поэта. Письма такого рода это разговор по телефону. Нельзя воспринять полностью разговор по телефону, когда слушаешь только одну сторону, нужно слышать и ту, и другую. Мы сталкиваемся с этой труд-

тателя может невольно создаться впечатление, что развитие Маяковского не шло об руку с его частной жизнью, что личное и общее чаще противоречили, чем совмещались, что из рассказываемого Маяковского — художника не “выведешь”. Нет сомнений, что Л.Ю. так не думает. Значит необходимо ясно и энергично сказать — о чем Воспоминания, обозначить их границы и рамки (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 2. Ед. хр. 109. Л. 1).

ной проблемой, которую мы одни своими силами решить можем плохо. Между нами и Маяковским как посредник стоит живой человек. У нас была такая альтернатива: либо мы должны отказаться от публикации, либо мы должны пойти на нарушение теоретических норм, потому что мы должны понимать всю совокупность эти вопросов.

Здесь высказывалась та точка зрения, что Маяковский прогрессирующе шел к публичному одиночеству в конце жизни, что оно усиливалось и усиливалось.

Значит, это одна из проблем, на которой мы споткнулись и которую нужно нам решать.

В более общем плане вывод, который мы должны принять после содержательного обсуждения, может быть такой.

Дело в том, что в журнале «Литературное наследство», том которого мы сегодня обсуждали, наметился некоторый уклон. Это естественно, потому что мы много работаем над документами, — у нас создается некоторое чрезмерное уважение к документу, к фактам. Тут трудность более общего порядка.

Когда «Литературное наследство» начинало издаваться, тогда не было собраний сочинений многих писателей, многих документов первоклассного качества. Мы могли тогда пригоршнями черпать этот материал. Теперь все изменилось. Теперь все подобрано в собраниях сочинений академических и остаются только какие-то мелочи.

И вот еще один вывод, — что в будущем писателям вряд ли нужно будет издавать томы монографий, а нужно будет больше создавать томы, более приближающиеся к проблемной тематике.

Я должен далее сказать относительно нескольких замечаний товарищей, которые выступали здесь.

Вот было здесь полемическое выступление А.И. Метченко. У него были нотки, оттенки и формулировки, которые мы, как редакция, не можем принять. Я отвечаю сам за себя.

Все те ошибки, о которых говорило сегодняшнее обсуждение, показали, какой сложный предмет наше издание. Сегодняшнее обсуждение показало, что все товарищи, включая тех, которые выступили в «Литературе и жизни», признают объективную ценность этих материалов. Как можно в этих условиях предъявлять обвинения редакции, что мы сознательно шли на определенную концепцию, и говорить, что данный том «работает не на советское литературоведение»? Если не на советское, то на чье же? Если так поставить вопрос, это принимает уже политический характер. Это настолько серьезное обвинение, что нельзя просто так расстаться.

А ведь на самом деле того, чтобы доказать это мнение (тут уже т. Перцов говорил о том, что это не соответствует действительности, что должны повышать нашу бдительность, чтобы не проник

к нам ревизионизм, идеология Запада, но мы не должны работать, не боясь, что там скажут), — нужно доказать, что эта концепция была создана кем? Редколлегией? В чем? Это только излишек темперамента подсказал такую формулировку Алексею Ивановичу. Это мы не можем принять.

Дело заключается в другом, — о чем я уже говорил. Алексей Иванович опять несколько неточную дал формулировку, когда говорил, что мы должны очень осторожно подходить к подбору материала. Но специфика наша в том, что мы печатаем какие-то материалы, которые уже прошли. Но это издание впервые печатается и, если проявляется здесь некоторая односторонность по понятным историческим причинам, мы не можем исправлять и давать объективные факты.

Здесь опять-таки третий урок, который мы должны извлечь. Такой метод исправления, выравнивания есть — это метод научно-исследовательского обобщения. И если можно предъявить этому тому «Литературного наследства», как и другим томам, обвинение, так это в том, что мы очень много внимания уделяем поискам, собиранию и мобилизации новых материалов и их публикации и мало уделяем внимания опосредованным связям, системам, мало помним то, о чем так часто говорил Ленин, что сам по себе изолированный факт не есть факт, а что убедительна система фактов в их определенной взаимосвязи⁸⁰. Я и думаю, что те ошибки, в которых нас справедливо обвиняют, это ошибки объективистского характера, то, что мы недоучли того, что когда Динерштейн делает из маленького фактика — прав он или неправ, это другое дело, — что произошла Октябрьская революция, «Аврора» гремела, а Маяковский участвует в частной антрепризе, — разве можно на основании этого факта делать вывод о политических взглядах Маяковского. Конечно, нельзя. Это есть некая фетишизация фактов. Я думаю, что эти выводы мы должны сделать, и во втором томе поправить положение — дать ряд исследовательских статей, обобщающих имеющиеся данные. Я имею в виду политические взгляды Маяковского в отношении революции, потому что, что касается материалов лич-

⁸⁰ В своей незавершенной статье «Статистика и социология» (1917) в главе «Историческая обстановка национальных движений» Ленин писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь... необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 30. С. 350–351).

ного порядка, то мы, конечно, поправлять ничего не будем, потому что не можем поправлять да и материалов таких нет.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

После 25 лет работы над созданием 60 с лишним выпущенных томов мы принялись за разработку материалов по советской эпохе. По правде говоря, мы себе не представляли всех наитруднейших трудностей, которые были когда-либо у нас на протяжении четверти века.

Прежде всего, я беру слово, которое упомянул Алексей Иванович, — «групповое», но упомянул предельно несправедливо. Я был потрясен количеством групп. Я никогда не соприкасался с вопросами изучения Маяковского, но когда мы взялись за это дело, мы увидели, что сколько людей, столько и групп. Редко бывало, чтобы два человека были в одной группе. Бывали случаи смешные. К нам в редакцию придут три автора тома, и ни один из авторов не разговаривает с другим.

Я с самого начала скажу о той ошибке, которая нам стала ясна уже тогда, когда том вышел. Мы подошли к его созданию с тех же позиций, с каки[x] мы подходили к созданию любого предыдущего тома. Кажется, тот же Алексей Иванович сказал об академическом подходе. Да, в хорошем смысле по отношению ко всем другим томам это имело место. Вы знаете те многочисленные рецензии, которые были на наши тома, как мы всегда стремимся выявить максимальное количество материала, как мы работаем как хорошие секретари для своих руководителей, давая этот материал. Я вам показал бы письма по любому тому, в том числе и по Маяковскому. Извините, что я это говорю, это должны были бы сказать другие, но вот у меня лежит письмо того же Наумова, который пишет о самоотверженной работе по изысканию для него материалов. Это наше обычное состояние, мы ищем материалы, мы стремимся по мере сил редактировать этот материал на возможно высоком уровне, но поверьте, что этот орешек был мучителен и невероятно труден.

Вот сейчас легко говорить: почему не дали Петрову, Сидорову, Иванову на рецензию эту книгу?

Мы издали книгу и, когда возник вопрос, кто будет объективным оценщиком этой книги, я предложил т. Перцову (почти половина людей в редакции с ним не разговаривает), чтобы он прочитал том и дал рецензию.

В.И. Перцов дал огромную рецензию⁸¹. Он дал рецензию по каждой публикации. Мы редко получаем от наших рецензентов такие

⁸¹ В течение двух с половиной месяцев 1957 г. (март, апрель и первая половина мая) В.О. Перцов ознакомился с материалами, которые предполагалось включить в том. Общий объем этих отзывов, по собственному свидетельству

рецензии. Он дал сводную большую рецензию на полтора листа печатных.

Виктор Владимирович попросил дать прочитать книгу Тимофеевой. У нас есть письмо от Тимофеевой, где она предлагала развернутую рецензию. Я прочитаю, здесь есть кусочек этой рецензии. И вот по этой одной фразе видно, как мы использовали любую практическую возможность⁸².

Перцова, составлял примерно полтора печатных листа. Некоторые итоги знакомства с материалами тома рецензент подвел в отзыве, написанном 24 мая 1957 г. Этот отзыв на пяти машинописных страницах сохранился в редакционном архиве. Прочитируем некоторые его фрагменты: «Большая группа публикаций, содержащих неизвестные выступления, важна, потому что позволяет уточнить и углубить представление о развитии его эстетических взглядов, о тех огромных издержках на пути к марксистской эстетике, которые характерны не только для Маяковского, но и для всей т.н. “левой” интеллигенции. И пусть Маяковский выглядит в большинстве из этих публикаций, как человек ошибавшийся..., но знать эти факты надо и надо их публиковать. Очень ограниченное, почти исключительно личное содержание имеет переписка Маяковского с Л.Ю. Брик. Несомненно, что эти письма многих разочаруют своей узкой деловитостью, с одной стороны, и своей лирической монотонностью, с другой [...] Но что поделаешь, таковы письма Маяковского, они являются источником для изучения некоторых особенностей его стиля и некоторых фактов его биографии, в них нет ничего, что могло бы покорило читателя с какой бы то ни было точки зрения. Знать эти письма исследователю творчества Маяковского надо и публиковать их надо, пожалуй, нет другого более подходящего издания для этого, чем “Литературное наследство” [...] Наибольшие сомнения вызывают у меня “воспоминания”. Конечно, я не предлагаю отказаться от них, потому что отрицаю за ними значение научного источника. Но без поправки на личность автора и его целевую установку, без проверки общей идей нельзя оценить значение свидетельства современника и снять неизбежный субъективизм. Безусловной ошибкой я считал бы публикацию воспоминаний семьи Бурлюков, в которых есть привкус саморекламы... Вполне уместны такие воспоминания, как Л.Ю. Брик и Н.Н. Асеева. В воспоминаниях Эльзы Триоле, превосходных с литературной стороны, во многих эпизодах Маяковский “обытовлен”, дан с “изнанки”. Если учесть, что в собранных материалах сильнее представлены слабые стороны поэта, то воспоминания Эльзы Триоле являются, так сказать, “последней каплей”... В итоге — за исключением спорного для меня раздела воспоминаний — весь остальной материал представляет высокую научную ценность... он даст серьезный толчок к развертыванию исследовательской работы над творчеством Маяковского и историей русской литературы» (*Архив ЛН*).

⁸² В своем кратком отзыве, написанном 7 июля 1957 г., В.В. Тимофеева, ознакомившись с некоторыми материалами тома, особое внимание обратила на структуру и содержание раздела воспоминаний: «...лучше сохранить его в составе тома. Во-первых, потому, что в этом случае воспоминания попадут в руки именно того читателя, который глубоко и серьезно интересуется творчеством поэта. Во-вторых, потому, что в таком солидном научном издании, как

Значит, у нас было уже два рецензента. Мы с великим восторгом дали бы на рецензию том и Алексею Ивановичу, зная, что он занимается много лет Маяковским, и рецензия его была бы плодотворной. И мы говорили с Алексеем Ивановичем об одной работе. Я лично просил его создать нам статью по типу статьи Паперного, которую здесь все так хвалили, — «Терминология Пиксанова о творчестве поэта»... Мы хотели получить вашу статью по Ленину. Но у нас не было времени. Ведь был такой разговор? Вы помните? К сожалению, мы не получили всего того, что хотели бы получить⁸³.

Не забудьте одной вещи. Мы сразу получили разрешение от главного редактора на издание двух томов. Если разрешите быть откровенным и объективным, — несправедливо было бы все пожелания, какие были высказаны сегодня, выполнить на материале одного первого тома. Кое-кто высказал пожелание: а это хорошо было бы для второго тома.

В первых строках нашего редакционного плана сказано, что этот материал разносится на два тома.

Значит, наша основная ошибка — и мы совершенно честно осознали это, когда том вышел, что на подготовку будущего тома было потрачено даром ушедшее время. Конечно, надо было бы еще поработать над этим томом.

Редакционная коллегия большую работу проделала. Очень много статей Михаил Борисович прочитал, многие вещи он предложил мне заменить, и действительно, как показала подготовка будущего тома, он оказался правым.

Но, скажем, вопрос о письмах Брик никогда не вставал в таком прямом, резком разрезе — снять, не давать. Этого не было никогда, это подтвердит любой член редколлегии. Но письма, когда они были сверстаны, читал в рукописи Михаил Борисович. Когда он увидел верстку, ему не понравились рисунки Маяковского и некоторые клише. Было решено на редакционном заседании десяток клише снять, оставив рисунки собственно Маяковского, поскольку они являются органической частью самих писем. Маяковский, как известно, был хороший художник, и это было вполне закономерно.

“Литературное наследство” есть возможность “уравновесить” другими материалами некоторую односторонность, а то и явный субъективизм в освещении тех или иных моментов биографии Маяковского. Разумеется, публикуемые воспоминания должны быть тщательно отобраны. Я не сомневаюсь, что редакция уже проделала этот отбор, но не могу не высказать недоумения по поводу публикации воспоминаний Д. Бурлюка. Стоит ли открывать раздел этими воспоминаниями? И вообще есть ли необходимость публиковать их?» (Архив ЛН).

⁸³ О каких статьях идет речь, выяснить не удалось.

Был снят десяток клише по предложению Михаила Борисовича. Все было выполнено на сто процентов. Не было ни одного случая, когда принятое на нашем редакционном совещании [решение] не было бы выполнено.

М.Б. ХРАПЧЕНКО: А «Новое о Маяковском» откуда?

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Возьмите экземпляр верстки, который подписан вами. Там на первой странице было написано: «Новое о Маяковском».

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ: Вы не совсем справедливы. Я, конечно, сделал ошибку: когда мне в самый последний момент дали верстку, я подписал, но вы сами знаете, что заглавие «Новое о Маяковском»...

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Не обсуждалось.

В. ВИНОГРАДОВ: Не только не обсуждалось, но вызвало протест со стороны Михаила Борисовича и моей, потому что мы против такого заглавия по отношению к любому писателю, мы против такого коммерчески рекламного стиля, против сенсаций, нам казалось, что это не в стиле Отделения. Поэтому я должен внести такую поправку.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Я подтверждаю, что мы не обсуждали на наших редакционных совещаниях это название, но с первых дней том так у нас назывался. Это может подтвердить Сергей Алексеевич [*так в стенограмме!*].

С МЕСТА: Позже.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Может быть, позже на три месяца, но книга делалась три года и во всех документах книга фигурировала под таким названием. Это может быть легко проверено по документам.

Алексей Иванович в своем выступлении сказал: письма к Брик надо было печатать, где их печатать — ответа на этот вопрос он не дал, а ведь он великолепно знает все наши издания, он знает, где можно печатать документальный материал о Маяковском. Этот вопрос был поставлен в большой, полуторалистной рецензии Перцова, из которых я прочту восемь строк, посвященных этой публикации:

«Очень ограниченное, почти исключительно личное содержание имеет переписка Маяковского с Л.Ю. Брик. Несомненно, эти

письма многих разочаруют своей узкой деловитостью, с одной стороны, и своей лирической монотонностью — с другой. Конечно, совершенно неуместна фраза в предисловии к этим письмам, которую дает Л.Ю. Брик, что дескать Маяковский «и в письмах не был болтлив, в них нет ни рассуждений, ни философствований на общественно-литературные темы». Эта фраза была снята, этой фразы в предисловии не было и нет.

Он продолжает дальше: «Но что поделаешь, таковы письма Маяковского, они являются источником для изучения некоторых особенностей его стиля и некоторых фактов его биографии, в них нет ничего, что могло бы покоробить читателя с какой бы то ни было точки зрения. Знать эти письма исследователю творчества Маяковского надо и публиковать их надо, пожалуй, нет другого более подходящего издания для этого, чем “Литературное наследство”»⁸⁴.

Я не смею расписываться за Алексея Ивановича, он сам мог бы на этот вопрос ответить, но думаю, что если бы мы, судя даже по тому, что он сказал об этой публикации, его спросили, и он нашел бы время для рецензии на этот том, то я убежден в душе (он опровергнет меня, если я неправильно читаю его мысли), что он тоже написал бы, что их надо публиковать, поскольку нет другого более подходящего издания для этого, чем «Литературное наследство».

Я искренне думаю, даже с точки зрения крупных исследователей Маяковского, что мы сделали дело вполне законное, логичное. Ведь наш тираж всего от пяти до максимум двадцати пяти тысяч. Наша книга дорогая — 30–40, а то и 50 рублей. А «Собрание сочинений» издается тиражом 190 тысяч. Том «Собрания сочинений» лежит в готовом виде на столе Главной редакции, но не утвержден еще на Ученом совете и не прошел через Ученый совет, — они довели тираж до 190 тыс. А мы имеем право это издать, так как это издание не для широкой публики.

Смею думать, что члены редколлегии тоже выскажут свое мнение, что то, что мы напечатали, закономерно. Может быть, с точки зрения сегодняшнего дня, было бы целесообразно предпослать письмам какую-то большую вступительную статью. Нам не пришлось это в голову, и никто, к сожалению, нам этого не подсказал. Ни в одной из рецензий мы этого не прочитали. Быть может, если бы такое предложение было высказано, мы обязательно претворили бы его в жизнь. Короче говоря, такого предложения на редколлегии никогда не ставилось. Никогда редколлегия не вносила этого предложения.

Чтобы кончить с этим вопросом (к сожалению, Владимир Родионович ушел), я хотел сказать, что несправедливо было высказа-

⁸⁴ См. примеч. 81.

но им предположение, что был какой-то отбор, что письма были подобраны.

Я глубоко верю, что они целиком нам даны и еще пять записок появляется здесь, которые ничего не прибавляют, кроме того большого письма, которое является не письмом, а дневником Маяковского. Я уже в реплике сказал об этом и сейчас не буду к этому возвращаться.

Алексей Иванович обвинял нас еще в том, что мы не печатаем [телеграммы?]. Это несправедливо. Возьмите книжки. Мы все собрали, что могли собрать. Год тому назад уже печатали, и каждый раз мы пишем, откуда взято. На каждой телеграмме Смолича мы отмечаем⁸⁵.

А о письмах к Брик было сказано, что семь писем были изданы. Неужели надо было в редакционном предисловии писать, что было издано в таком-то сборнике в таком-то году. Не было у нас такого намерения и это не дело «Литературного наследства» — выдавать какое-то старье за новый материал. Мы и пишем в предисловии, что никогда не публиковалось эпистолярное наследие.

Все, что можно было достать из архивов, мы получили с необычайным трудом. У нас была такая задача — может быть, действительно, не правильная, это другой вопрос, но действительно подход был чисто академический. Опыта у нас не было в создании тома, посвященного советской эпохе, том этот был труднейшим.

Два слова по поводу замечаний Алексея Ивановича. Алексей Иванович бросил фразу о неправленных стенограммах. Я смею сказать, что это непростительный упрек. Он как исследователь великолепно знает, что правленных стенограмм выступлений Маяковского одна или две, все стенограммы неправленные.

А.И. МЕТЧЕНКО

Вы меня не поняли.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Я понял так, что вы упрекали нас в том, что мы печатаем неправленные стенограммы.

А.И. МЕТЧЕНКО

Такого упрека я никогда не делал.

⁸⁵ В разделе «Письма Маяковского разным лицам» опубликованы две телеграммы Н.В. Смоличу от 22 (23) августа и октября 1927 г. В каждом случае указано место хранения телеграммы, а при публикации второй телеграммы названо место, дата ее первой публикации и имя публикатора — она была опубликована С.Д. Дрейденем в седьмом номере журнала «Звезда» за 1957 г.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Вы правильно сформулировали свое отношение к рецензии в газете «Литература и жизнь». Конечно, это новая попытка, как Вы сказали, Колоскова взять реванш после знаменитой разгромной редакционной статьи в «Правде», появившейся в 1953 г., где он и Трегуб фигурировали много раз как люди, которые совершенно недопустимым образом делали антиисторическое дело. Это же он продолжает в этой статье, подписанной им и Ворониным. Вот одна фраза из этой статьи 1953 г.: «Иные исследователи творчества Маяковского пытаются лакировать действительность, замалчивать или обходить сложность развития поэта. Так, Трегуб и Колосков упорно замалчивают ошибки и заблуждения раннего Маяковского»⁸⁶.

⁸⁶ «Поведение группы С. Трегуба — А. Колоскова на дискуссии о Маяковском» фигурировало, как одно из ярких проявлений «сионистских настроений, семейственности и групповщины» (“процветающих” в редакциях литературных журналов), в анонимном, антисемитском по направленности письме-доносе, направленном в ЦК КПСС «группой студентов» в январе 1953 г. с осуждением критиков-космополитов (См.: Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: МФД, Материк, 2005. С. 651–653). *Трегуб Семен Адольфович* (1907–1975) — литературовед, критик, публицист, автор книги «Живой с живыми» (М.: Советский писатель, 1950), раскритикованной в печати (см., напр.: *Щербина В.* За правдивое освещение творчества В. Маяковского // *Правда*. 1951. 25 марта; в этой статье автор книги обвинялся в отрыве Маяковского от традиций классической русской и советской поэзии, в «сектантской» попытке ограничить «школу Маяковского» «небольшой группой советских поэтов, отказав всем остальным в праве называться последователями основоположника советской поэзии» и т.д.). Речь в выступлении Зильберштейна идет о Всесоюзном совещании, организованном Союзом писателей СССР совместно с ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР в январе 1953 г., работа которого освещалась подряд в шести номерах «Литературной газеты» (№№ 10–15). На нем, как писал впоследствии Е.И. Наумов, «С. Трегуб вместо признания своих ошибок, на которые в свое время указывала “Правда”, вновь повторил все свои ошибочные рассуждения о “школе Маяковского”. Вслед за С. Трегубом на такие же позиции встали критики А. Колосков, В. Огнев, В. Котов и некоторые другие. Участники совещания в своем подавляющем большинстве выступили с резкой критикой и решительным осуждением этой группы» (*Наумов Е.И.* В.В. Маяковский: Семинарий. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во. Ленингр. отд-ние, 1963. С. 107–108). Спустя два месяца после совещания в центральной газете страны была опубликована редакционная статья «За марксистское освещение творчества В. Маяковского» (*Правда*. 1953. 2 марта), в которой позиции упомянутых критиков были признаны ошибочными и которую цитирует Зильберштейн. К. Симонов в своем выступлении «Об основных проблемах изучения творчества В.В. Маяковского», опубликованном в виде статьи в «Литературной газете», в еще более резкой форме охарактеризовал работу Трегуба: «Никто не доставил больше помех широкому освоению традиций Маяковского советской поэзией, чем сектанты и начетчики типа С. Трегуба,

Вы найдете в редакционной статье много таких положений, против которых сейчас выступают Колосков и Воронцов. Они не называют «Правду», но ведут спор с «Правдой» 1953 г., хотя никто никогда не дезавуировал этой статьи. Кроме того, мы, напр., дали статью «Ленин и Маяковский»⁸⁷. Никто ее не ругал, и вы, кажется, отметили ее в своем выступлении. Мы дали добросовестный свод материалов, кое-что нашли новое. Они даже не упоминают этой статьи. И вообще для всех, не только сидящих в этом зале, недопустимая вещь — как можно писать статью двум партийным критикам и замалчивать эту статью. Я этого не понимаю. Пусть ругают эту статью, пусть напишут, что Наумов плохо совладал с материалом, хотя Наумова вы все цените как товарища, который десятилетия занимался Маяковским, автор книги о Маяковском.

Но нет, они просто его замалчивают. Почему? Потому что, если упомянуть эту статью, то и то, что писала «Правда» — что Коминтерн замалчивает некоторые вещи в... Эти ленинские формулы после нашей публикации, после ответа Луначарского стали широко известными и приобрели огромный интерес⁸⁸.

Вот мы и получили только что польскую газету. Здесь очень добросовестная хроника. Начинают они с того, что переводится текст записки Владимира Ильича, с полным глубоким уважением. Я могу этот текст показать. Вот этот перевод.

«Мы [льем] воду на мельницу врагам — идеалистам...» И т. д.⁸⁹

Так что ленинские оценки получили сейчас европейскую известность.

По поводу ленинских замечаний одно слово разрешите сказать Г.С. Черемину. Я впервые слышу, что адресована записка не Луначарскому, а Покровскому. Когда мы сверстали эту записку, мы послали ее в тот архив, откуда получили эту записку, и никто там не сказал нам, что она была адресована Покровскому. Мы посылали ее заместителю директора Архива Маяковского.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Тогда это не было еще известно.

чья критическая работа на практике в большинстве случаев сводилась к попыткам разъединить, растащить нашу поэзию и должна быть ясно и четко охарактеризована как явление политически вредное» (Литературная газета. 1953. 3 февраля. № 15. С. 2).

⁸⁷ Статья Е.И. Наумова. См. примеч. 11.

⁸⁸ См. примеч. 59.

⁸⁹ Этот публицистический образ многократно встречается в литературном наследии Ленина. Какой именно источник (в стенограмме он обозначен как «польская газета») и какой текст Ленина цитирует Зильберштейн, установить не удалось.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Почему же вы обвиняете нас? Я не вижу нашей принципиальной ошибки: Покровский или Луначарский. Но я не знаю, как они с вами могли согласиться. Там на обороте надпись рукой Луначарского. Это ясно, это его рука... Как он мог писать ответ на другой записке.

Это, конечно, мелочь, но это показывает, что мы не совершили тут ошибки, потому что были в контакте с Институтом марксизма-ленинизма. Институт тоже считал, что она адресована Луначарскому⁹⁰.

Я говорю, что вы должны добросовестно отнестись к любой нашей проверке.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Я вас не упрекаю, — я просто вношу ясность.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Я сказал в выступлении, что у нас была установка на то, чтобы точную историческую истину установить. Я хотел бы, чтобы и вы верили в это, — что мы всеми силами добивались этой исторической истины. И если действительно в каком-то письме в ноябре 1917 г., в письме к Брик соглашается во всех вопросах с большевиками и Брик соглашается с литерат[орами?], то это факт⁹¹.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Но солидаризируется ли Маяковский с ней?

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

То, что вы сказали, что том сделан в традициях «Литературного наследства», это совершенно правильное замечание. Но я повторяю, что в этих традициях было что-то сугубо академическое, что в дальнейшем при создании других томов, — а у нас запроектированы и другие тома по эпохе советской культуры, — нам нужно, конечно, избежать этого.

Я не могу подробно останавливаться на всех других вопросах, хочу только сказать несколько слов С.И. Козлову. Он меня обвиняет в том, что я вел себя необъективно при решении вопроса о публикации писем к Брик, что я ссылался на Арагона и Триоле. Это не соответствует действительности по простой причине. У нас в редакции не было предложений снять письма из тома, да и не было оснований.

Вы считали бы правильным, чтобы кроме двух рецензий была бы третья, но вы могли бы, когда разбирался вопрос на Отделении,

⁹⁰ См. примеч. 59.

⁹¹ На какое именно письмо ссылается И.С. Зильберштейн, неясно.

сказать, поскольку вы член Отделения, и мы, несомненно, согласились бы дать третью рецензию. Но вы этого не сделали, и не обвиняйте нас. Никогда за все время существования «Литературного наследства» не было трех рецензий, и никто никогда не требовал. Может быть, вы правы, что в данном случае не надо было подходить так, как при создании других томов. Но теперь говорить о том, что нужна третья рецензия, поздно.

Вы правильно сказали, что во втором томе нужно сделать что-то такое, чтобы этот том подчеркивал отношение к первому. Если бы вы это конкретизировали, мы были бы вам бесконечно благодарны. Повторяю, что не было такого случая, чтобы какое-то конкретное деловое предложение мы не постарались бы всеми нашими силами реализовать.

По поводу выступления тов. Ковалева. Он, к сожалению, ничего не сказал о томе, — то ли он его не читал, то ли он не считает возможным говорить о томе то, что он думает. Но от заведующего отделом советской литературы Пушкинского дома, да еще памятуя, что мы были органом Пушкинского дома, мы ожидали развернутого, делового выступления, чтобы он подряд, публикация за публикацией, страница за страницей сделал свои замечания, тем более, что он сам является редактором сборника по советской литературе, выходящего в Пушкинском доме. К сожалению, мы не получили от тов. Ковалева должной объективной и полной оценки⁹².

Последнее. Том был трудный. Эта статья, повторяю, по мнению почти всех без исключения людей, с которыми мне пришлось встретиться, — статья необъективная. Сейчас в газетах и журналах появляются оценки этих публикаций. В журнале «Искусство кино» несколько страниц посвящено этим публикациям. В газете «Комсомольская правда» имеется статья, могу привести еще какие-то примеры. О чем это говорит? О том, что мы собрали какие-то ценные вещи⁹³.

Вы же не знали об этом, потому что они не были полностью напечатаны, а то, что напечатано в последнем издании Собрания сочинений, там они идут за нами и печатают.

Там пять человек, которые действительно работают глубоко, досконально.

⁹² Ковалев Валентин Архипович (1911–1999) — литературовед, специалист по творчеству Л.М. Леонова; заведующий Сектором советской литературы ИРЛИ в 1952–1998 гг.

⁹³ Вероятно, что Зильберштейн подразумевал под газетной публикацией письмо сестры поэта: *Маяковская Л.* Так ли жил Маяковский?: Письмо в редакцию // Комсомольская правда. 1959. 9 апр. № 83. С. 4; также упомянута заметка: *Алейников М.* Маяковский требует // Искусство кино. 1959. № 1. С. 118–119 (в рубрике «Примечания читателей»). Сообщено М.А. Котовой.

Товарищи! Я думаю, что для нас это будет очень ценным уроком. Все выступления отмечали, что в этом томе есть немало ценного. Мы постараемся, чтобы в других томах, посвященных советской эпохе, было еще больше ценного, чтобы подготовка их была более тщательной.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

В обсуждаемом томе «Литературного наследства» опубликован целый ряд материалов, освещающих важные этапы жизни и творчества Маяковского, но обсуждение это показало, что в томе есть существенные недостатки.

На мой взгляд, ошибкой нужно признать публикацию в нем писем Маяковского к Брик. Здесь уже говорили, почему не нужно бы делать. Многие высказывали справедливое мнение, что публикация писем Маяковского к Брик, которые содержат в себе факты сугубо личного характера, переключает внимание на это личное и способна отвлечь определенные круги читателей, заслонить боевую позицию Маяковского в его творчестве.

Все эти сами по себе письма к Брик, без критики, без анализа, не дают верной перспективы даже об истории личной жизни Маяковского. Они освещают однобоко перспективу жизни Маяковского. Совершенно справедливо отмечено, что в этой публикации есть претензия на саморекламу.

Думается, что справедливой критике здесь была подвергнута статья [Динерштейна «Маяковский в феврале-октябре 1917 года»], не обоснованная конкретным материалом, неверно освещающая отдельные периоды 1917 г. в развитии Маяковского. Слабая статья Харджиева [«Заметки о Маяковском»] и многие другие.

Нужно обратить внимание на то, что в этом томе «Литературного наследства» отсутствуют в некоторых случаях ссылки на предыдущие публикации. Все это, на мой взгляд, существенные недостатки и ошибки этого тома, ошибки, за которые несет ответственность, конечно, редакция в целом.

Но мне думается, что в нашем обсуждении были и такие оценки, с которыми нельзя согласиться. Я тоже не могу согласиться с теми оценками, которые здесь прозвучали в выступлении А.И. Метченко. Напомню основные его положения. Он говорил о том, что том дает искаженное представление о Маяковском, что том этот «близнец» «Литературной Москвы», он дает материалы в руки ревизионистов. Я думаю, что это утверждение не имеет под собой никаких серьезных оснований. Прежде все о том, что том, посвященный Маяковскому, это близнец «Литературной Москвы». Когда речь шла о «Литературной Москве», то..... осветить нашу социалистическую действительность, развитие нашего искусст-

ва. Я не знаю, видит ли Алексей Иванович замысел нашей редакции, субъективное намерение исказить творческий путь Маяковского. Если Алексей Иванович в этом смысле не решил этот вопрос, то я хотел бы со всей решительностью отвергнуть такое предположение о том, что у редколлегии было какое-то субъективное намерение исказить творчество Маяковского. Но я думаю, что нет и объективного искажения творчества Маяковского, что нет и объективных оснований для сближения тома, посвященного Маяковскому, с «Литературной Москвой». В этом томе есть недостатки, есть ошибки, но нет той внутренней тенденции, того внутреннего намерения, которые определяют облик «Литературной Москвы».

Я готов согласиться со многими критическими замечаниями Алексея Ивановича, очень серьезными, очень существенными, но не могу согласиться общей оценкой замысла тома и внутренней его тенденции.

В самом деле, разве статья Земскова, огромная статья в семь листов, которая посвящена революционной деятельности Маяковского, которая собрала все, что по этому поводу есть, немного опубликовано уже известного, но многое опубликовано и вновь, — разве эта статья, раскрывающая революционный путь Маяковского, дает искаженное представление о Маяковском? Разве эта статья дает в руки ревизионистов оружие, разве она направлена на то, чтобы быть литературным близнецом «Литературной Москвы»? Я думаю, что это никак не соответствует действительности. И эта статья не отписка, это большое, фундаментальное исследование, которое было произведено по почину редакции. Разве статьи Паперного и [Земскова] исходят из тех же позиций, которые были в основе «Литературной Москвы»? Думаю, что нет. Я думаю, что вам, Алексей Иванович, следовало бы ясно сказать, обвиняете ли вы нас в субъективном замысле...

А.И. МЕТЧЕНКО

Не в субъективном замысле, а в объективном звучании.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Я хотел бы знать, какой смысл вы вкладываете в слово «близнецы».

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Это очень неточная метафора.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Основной материал, который там есть, не дает оснований для утверждения Алексея Ивановича, что объективное звучание тома — это искажение Маяковского и ревизионистское его истолко-

вание. Выступление целого ряда исследователей, молодых и более старшего поколения, показали, что мнение Алексея Ивановича многими товарищами не разделяется.

Он ставит один очень существенный вопрос: насколько издания типа «Литературного наследства» обязаны давать широкое, всестороннее освещение творчества писателя. Ведь совершенно же ясно, что том и даже два тома, посвященных Маяковскому, не могут быть энциклопедией творчества, они не могут даже заменить монографий, которых у нас появилось очень много. За последние годы вышло около ста книг о Маяковском, из них есть очень хорошие, в том числе и книга Алексея Ивановича. Перед нами стояла задача либо повторять эти монографии, либо дать совершенно новое исследование. Нам казалось нецелесообразным ни повторять, ни создавать новую монографию, потому что это мы не считали возможным — для этого у нас нет сил. Задача «Литературного наследства» была хорошо опубликовать новый материал.

Здесь уже было сказано о заглавии «Новое о Маяковском», по моему, совершенно дурного вкуса и дурного характера название, как оно появилось. Появилось оно вне желания редколлегии. Но новые материалы в «Литературном наследстве» можно публиковать и не претендовать на всестороннее освещение творческого пути и жизни Маяковского. Это просто невозможно.

Это просто невозможно. Вот сейчас собираемся издать том, посвященный Достоевскому, опубликовать даже его записные книжки.

Можем ли мы ставить задачу осветить творчество Достоевского и всего его противоречия? Не можем! Сейчас вышло много книг в Институте мировой литературы, но если все это обозреть, — это не будет литературное наследство. Мы возьмем какой-то угол зрения, какой-то ограниченный материал, мы это прокомментируем в виде вводной статьи — но это не будет всестороннее освещение творчества Достоевского.

Точно так же и том Толстого. Разве можно осветить Толстого во всех его противоречиях? Нет, мы заранее можем сказать, что в этом томе вы не найдете многого, что нужно знать о Толстом.

Так же и здесь вы не найдете многого, что нужно знать о творчестве Маяковского. Поэтому, может быть, мы где-то не учли какие-то элементы, может быть, нужно было включить еще одну статью, но самый тип издания должен быть, примерно, такой.

Но тогда — зачем мы публиковали стенограммы выступлений Маяковского, в которых есть сильные стороны, а есть и слабые стороны? Мы не занимаемся фотографированием, а просто не можем замалчивать реальные факты из жизни Маяковского в своих работах.

Я считаю, что обсуждение здесь было весьма полезным и плодотворным, при всех несогласиях, которые я имел с Алексеем Ивановичем.

Мне кажется, что серьезные недостатки и ошибки в данном томе не должны опугнуть редакцию «Литературного наследства» от продолжения работы, посвященной советским писателям. Нужно делать это более тщательно, более основательно и с более широким привлечением более широкого круга литераторов. Надо избегать односторонности в работе.

Здесь я считаю возможным предусмотреть привлечение Бюро Отделения. Имея в виду разногласия, которые были, это целесообразно. Участие Бюро Отделения обновило бы атмосферу, в которой протекала работа редакции, и согласовало бы все эти внутренние противоречия, которые там были.

Здесь уже И.С. Зильберштейн говорил, что многое из этого тома исключено по настоянию Виктора Владимировича и моему. Отсюда исключено факсимиле письма Маяковского с просьбой выдать иностранную валюту для поездки Брик за границу. Исключен и целый ряд других материалов. Но тем не менее мы не убереглись от досадных ошибок.

Как это произошло? Произошло это прежде всего вот почему — не исключительно, но во многом это объясняет. Дело в том, что в «Литературном наследстве» отсутствовала до последнего времени, да и сейчас ее еще не присутствует, коллегиальность.

И.С. Зильберштейн говорил, что редколлегия делала этот том с тех же позиций, с которых делала все другие тома, посвященные классическому наследству. Это верно и не верно. Верно это в том отношении, что этот том делался с тех же позиций. Неверно это потому, что и я, и Виктор Владимирович решительно выступали против этого, но не преодолели той настойчивости и того упорства, соединенного с некоторыми другими качествами, которые проявлял составитель этого тома И.С. Зильберштейн. Я должен сказать, что в редколлегиях до последнего времени решающую, во всяком случае, значительную роль, играла воля составителя и, я бы сказал, не только воля, а иногда и его произвол. Это стало настолько очевидно и настолько обеспокоило меня и Виктора Владимировича, что мы об этом несколько раз беседовали и принимали решение перестроить коренным образом работу «Литературного наследства».

Я хотел бы рассказать о том, что в связи со вторым томом у меня с тов. Зильберштейном возник острый конфликт, который привел к моему заявлению Виктору Владимировичу с просьбой освободить меня от работы в редколлегии.

До всех претензий, которые появились в газетах, при обсуждении второго тома я заявил И.С. Зильберштейну о том, что подбор воспоминаний во втором томе носит односторонний и групповой характер, и это привело к резкому подрыву наших отношений и к резкому конфликту.

Это я говорю не для того, чтобы в какой-то мере снять с себя ответственность. Напротив, после того, как появились рецензии, я не считал возможным ставить вопрос об уходе из редакции, ибо уходить тогда, когда предъявляются обвинения, было бы не просто малодушеством, а нечестным поступком. Поэтому я снял этот вопрос, но такого рода отношения очень существенны для того, чтобы понять внутреннюю кухню «Литературного наследства», которая жалеет много лучшего и которая требует коренной реформы.

Те принципы, которые выработались для работы над материалами классического наследства, во многом непригодны для работы над материалами советской литературы. Это надо понять всем работникам «Литературного наследства».

Мне кажется, что сейчас перед «Литературным наследством» стоит задача найти новые формы, отказаться от того плохого, что есть в его традициях, решительно пересмотреть свою работу, опираться не на какие-то отдельные группы, не отдельных людей в работе «Литературного наследства», а опираться на широкие слои наших ученых и создавать работы не келейным образом, не в плане сенсации, стремления поразить, а в плане широкой исследовательской работы литературоведов, которые делают общее дело публикацией новых материалов. Без коренной реформы работы редколлегии «Литературного наследства» дальше «Литературное наследство» существовать не может. Впрочем, по этому поводу у нас единодушное мнение с Виктором Владимировичем.

А.И. МЕТЧЕНКО

Мое выступление, обладавшее известным заострением, вызвано несколькими причинами. Первая причина. Я выступал в новой для меня обстановке, перед людьми, чьи имена написаны на этом сборнике, и в силу моего характера я не хотел подлаживаться, а заострить вопрос о том, что я считаю чрезвычайно важным. Независимо от всяких дипломатических манер и проч. я убежден, что для работы над дальнейшими томами необходимо самое серьезное отношение к этим томам прежде всего. При этом я должен сказать, что кроме всего прочего на филологическом факультете я слышал из уст целого ряда профессоров, и древних по возрасту и молодых, преподавателей, доцентов единодушное неодобрительное отношение к этому сборнику.

Так что в этом отношении это не просто мое субъективное ощущение, — конечно, ощущение тоже много значит.

Относительно субъективного намерения или объективного звучания скажу, что у меня по отношению к редакции не было такой мысли, что здесь была какая-то субъективная тенденция давать Маяковского в определенном ракурсе, в том, о котором говорил Пушкин. Но у некоторых авторов такая тенденция была и осталась.

Я не буду выдавать секрета. Но я был на заседании Института мировой литературы и слышал молодых товарищей. У них, что называется, чесотка в этом отношении была. Нужно эту чесотку ограничить, нужно вылечить этих авторов, у которых такая чесотка была (С МЕСТА: Назовите их!) Не буду называть. Есть статья. Это молодые авторы, которые считали, что они делали открытие, что в таком ракурсе давали⁹⁴.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Вы имеете в виду авторов и статьи, которые в этом томе помещены? Но вы потом скажете.

А.И. МЕТЧЕНКО

Нет, не думаю, что это нужно говорить. Вот здесь, конечно, нужна была работа с авторами. Поэтому я и заострил так вопрос, хотя вы говорите, что это не в духе русского языка.

Именно к Маяковскому за последние годы за рубежом мы видим особое внимание, потому что именно хочется им доказать, что Маяковский величайшие открытия делает не на почве реализма, а на почве модернизма, а во-вторых, что вот этот хваленый поэт, трибун революции на самом деле был поэтом двойного мироотношения: он был поэтом в одном лице, а второй — направлен на то, чтобы положить в карман. И когда читаешь статью в «Культуре и жизни» о Маяковском....., она вышла два года тому назад, та полгода тому назад в особенности, — то видишь, что обязательно нужно было подумать, как это звучит там.

Даже возьмем статью Катаняна, — хорошая статья. Хорошо если бы не было такого.....

Но возьмите статью..... — в ней не хватает широты дыхания. Статья Паперного куда лучше. Там есть это дыхание. Но там есть анализ одной поэмы, за которой выступает и строится целая концепция. Это и открыло такую волну произведений там, которые выясняют вс[ю] личность Маяковского на анализе поэмы «Хорошо»: вот большой поэт написал ее, а мы ее читаем. Когда мы берем главу о поэме «Хорошо», то это ценный материал (я в своей книге ссылаюсь на материал, который приведен Катаняном), но не хватает анализа всего того, что делает этот материал какими-то лесами. Ощущения самого произведения, всего его значения мы здесь не видим. Больше того, там есть такие вещи. Катанян полемизирует с прошлым, которое было в середине 20-х годов. Возьмите, что он делает с Фадеевым. Фадеев выступал на квартире Маяковского. Завязался спор. Фадеев высказал совершенно неверную точку зрения.

⁹⁴ Установить, о каких именно авторах идет речь, не представляется возможным.

Мы все это знаем, но мы знаем, что Фадеев в 1948 г. заявил о том, что он тогда глубоко ошибался, что они тогда не поняли пророческого, огромного значения этой поэмы⁹⁵. Объективный подход к делу должен был быть. А получается искажение истории советской литературы. Не может быть полного показа материала, это верно, но все-таки, составляя том, нужно думать о композиции в целом, надо пытаться уравновесить те материалы, которые нужно вводить.

Я считаю, что письма Л. Брик публиковать можно было, — я говорю это с полной уверенностью, но так, как они здесь поданы, их публиковать было нельзя. Должен быть другой аппарат, другие статьи.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Это значит, что нельзя публиковать при ее жизни.

А. МЕТЧЕНКО: Может быть и так. Поэтому я и говорю, что объективно, когда мы берем этот том, он нам не помогает в той борьбе, которую мы сейчас ведем.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Но вам лично он помогает.

А.И. МЕТЧЕНКО: Правильно, помогает, я в своей работе использовал ряд материалов, но он не помогает в борьбе за принципы нашего литературоведения, не помогает в борьбе с нашими врагами, которые используют любую лазейку. Тут говорят, что не надо считаться с врагами, что мы не должны, исходя из этого, прятать материалы, не показывать их. Мы должны показывать себя во всеоружии всего нашего анализа и только.

⁹⁵ А.А. Фадеев писал: «Я помню, как в десятую годовщину Октябрьской революции (а сейчас нам предстоит тридцатая!) Маяковский пригласил небольшую группу литераторов к себе на дом, впервые читал поэму “Хорошо!”. Надо сознаться, что даже мы, выходцы из демократических низов, в известной мере тоже зачинатели советской литературы, не сразу поняли все величие и значение этой поэмы. Мы подошли к ней с узколитературной точки зрения. Нам не понравилась ее декларативность. В этой поэме, перед десятой годовщиной Октября, когда страна жила еще тяжело, когда стране было очень трудно, Маяковский говорил о ней как о стране, уже утвердившей новый строй жизни. Он говорил о своей кровной связи с советской родиной. Теперь, спустя двадцать лет, эта поэма звучит во весь голос, и многое из того, что было в ней тогда предвосхищено, осуществилось. Поэма “Хорошо!” была поистине пророческой» (*Фадеев А. Задачи советской литературы // Советская литература. М., 1947. С. 23*). Чтение состоялось 20 сентября 1927 года на редакционном собрании журнала «Новый Лэф» (См.: *Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 401*).

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я хотел сказать, в чем состоит неточность вашей метафоры. Вы сказали, что «Литературное наследство» близнец «Литературной Москвы», появившейся через два года в силу традиций академического деторождения. Но вы, таким образом, перевертываете все законы природы, потому что по-вашему выходит, что близнец рождается спустя два года. А если перевести это на общественную почву, выходит, что у нас все сопоставление неправомерно и, как мне кажется, глубоко ошибочно с исторической точки зрения. А тем более оно ошибочно с медицинской точки зрения.

А.И. МЕТЧЕНКО

Только с медицинской точки зрения.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я думаю, что мне не приходится много рассуждать, я согласен с тем, что говорил Михаил Борисович, но мне хотелось бы поднять некоторые вопросы, связанные с надлежащей публикацией материалов.

Прежде всего, я должен указать на то, что «Литературное наследство» нельзя представлять как воплощение одного типа издания и, может быть, последнее время нарушаются какие-то традиции, которые в «Литературном наследстве», раньше, во всяком случае, меня привлекали. Если вы возьмете пушкинский том, толстовский том, там наряду с публикацией материалов были статьи, иногда, может быть, неправильные, но широко освещающие творчество того или иного писателя. С этой точки зрения мне кажутся очень справедливыми замечания Алексея Ивановича о том, что необходимо обращать больше внимания на композицию книги в целом.

У нас, к сожалению, на издание литературоведческих материалов вообще мало обращается внимания. Возьмите «Литературный архив»⁹⁶, издававшийся Институтом русской литературы. Правда, там разнородный характер материала, к разным писателям относящийся. А когда к одному писателю подбирается материал, внутреннее единство тома в целом, связанного с этим материалом, — это вопрос очень важный. В этом случае для того, чтобы не было такого рода суждения об одностороннем подборе материала и т. д., это должно уравниваться соответствующими статьями историко-литературного характера.

В этом отношении, мне кажется, и том, посвященный Маяковскому, не имеет (будем говорить так) — идеологического противовеса, который придавал бы ему внутреннюю целостность.

⁹⁶ Сборники архивных публикаций «Литературный Архив» (тт. 1–6; 1938–1961).

Поэтому вопрос о сочетании такого рода рукописных материалов с исследованиями — это очень большая проблема и большая задача.

И, может быть, то обстоятельство, что в этом томе допущены ошибки (с этим надо согласиться), во многом зависит от того, что о Маяковском много уже писалось, и сейчас нам приходится уже подбирать, если не крохи, то разбросанные куски. Но это зависит и от приемов работы над организацией, над созданием тома.

Мне кажется, и в этом смысле я должен прямо сказать, что в «Литературном наследстве» в этом отношении имеется неправильная традиция. Тут я согласен с Михаилом Борисовичем. Все-таки том составлялся давно и поэтому мы обсуждаем его более или менее готовым. А между тем здесь совершенно ясно возникает вопрос о характере комментариев, а иногда нужны даже комментарии к комментариям.

В какой-то мере нас успокаивало, может быть, то обстоятельство, что в основе у нас лежала практика литературоведческих институтов, потому что рецензию В.И. Перцова мы должны рассматривать, как отзыв Института ... Литературы⁹⁷, рецензию Тимофеевой, — как оценку Института русской литературы и секции Института мировой литературы, которую возглавляет В. Ар... (С МЕС-ТА. Я не знал!)⁹⁸. Это свидетельствует о характере работы у вас в секторе советской литературы. Но мы не можем иначе относиться к рецензии Тимофеевой: она авторитетный член вашей секции, самый крупный специалист по марксистско-ленинской теории и секретарь партийной организации Института русской литературы. Об этом надо было сказать.

Конечно, в какой-то мере эту нашу реформаторскую деятельность, революционную деятельность по отношению к данному тому надо было как-то ограничить. Так ведь, Михаил Борисович? Это очень существенная сторона вопроса.

Поэтому, мне кажется, что необходимо отметить еще два больших организационных недостатка, потому что о принципиальных я не говорю, о них говорилось очень много. Это, во-первых, недостаточная коллегиальность в подготовке томов на всех ступенях работы над ними. У нас коллегиальность проявляется главным образом в критической борьбе при оценке книги, более или менее подготовленного материала. Это, мне кажется, очень существенный недостаток, который надо исправить. Наконец, подготовленный том «Литературного наследства» не подвергается у нас широкому обсуждению так, как подвергаются обсуждению даже при очень слабом характере этих обсуждений, на заседаниях ученых советов выпускае-

⁹⁷ Пропуск в тексте: Института Мировой Литературы.

⁹⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

мые труды, потому что «Литературное наследство» скорее утверждается к печати на заседаниях Бюро Отделения, между тем составители, члены редколлегии — представители двух институтов: Илья Самойлович и Сергей Алексеевич [*так в стенограмме!*] — работники Института русской литературы и Института мировой литературы. Мы можем не ставить на ученых советах, но обсуждение томов требует широкого привлечения общественности, широкого предварительного рецензирования, т.е. должны быть не только два рецензента.

Мы сейчас будем рассматривать «Историю русской литературы». У вас были рецензенты, но мы раздаем членам Бюро. Мне кажется, что этот том тоже должен быть где-то выставлен, скажем, у нас в Бюро, должны быть оповещены сотрудники институтов, они должны с ним ознакомиться для того, чтобы он получил широкое общественное и научное одобрение. Мне кажется, это очень важно. Я не знаю, как другие члены редакционной коллегии, но думаю, что Михаил Борисович с этим согласится.

Такая обстановка в редакции породила принципиальные разногласия. Ведь разногласия не по личным, а по принципиальным вопросам, связанным с подготовкой отдельных томов. Вот почему надо всячески приветствовать расширение редакционной коллегии и изменение самого характера, самих принципов и методов подготовки отдельных томов.

С. БАРХУДАРОВ: У нас был заготовлен проект решения, но так как наши предложения исходили из того, что я говорил, т.е. являются более оптимистическими, а здесь делались более критические замечания, с другой стороны, члены редколлегии согласились с такими замечаниями, с которыми я лично не согласен, — раз это так, нужно создать новую комиссию

В. ВИНОГРАДОВ: Зачем новую комиссию? Поручим вашей комиссии⁹⁹.

С. БАРХУДАРОВ: Я хотел бы, чтобы вошел Михаил Борисович.

⁹⁹ В Архиве РАН сохранился протокол заседания Бюро ОЛЯ № 20 от 3 ноября 1959 г. Одним из вопросов, стоявших на повестке заседания, был вопрос об утверждении комиссии по проверке научно-организационной работы редколлегии «Литературного наследства». Докладчиком по этому вопросу был ученый секретарь ОЛЯ АН СССР С.И. Козлов. Бюро постановило «утвердить комиссию по проверке организационно-научной работы редколлегии “Литературного наследства” в составе: член-корреспондент АН СССР С.Г. Бархударов (председатель), А.И. Овчаренко, Н.И. Чуканов, Л.Д. Опульская, И.Е. Дарманов» (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 118).

В. ВИНОГРАДОВ: По моему, заинтересованных лиц не надо включать. У вас была авторитетная комиссия, в которую входил А.И. Метченко. Я считаю, что в эту комиссию следует включить: С.Г. Бархударова (председатель), Н.И. Пруткова¹⁰⁰, Н.Ф. Бельчикова, В.Р. Щербину, В.Д. Дувакина, Г.С. Черемина и [пропуск в тексте].

Возражений нет.

В.Д. ДУВАКИН

Есть какой-то проект — я его читал¹⁰¹. Мне хотелось бы, чтобы в этом решении было упомянуто о необходимости выпуска второго тома.

¹⁰⁰ В тексте стенограммы опечатка: упомянут Никита Иванович Пруцков (1910–1977) — историк литературы и революционного движения, сотрудник ИРЛИ с 1951 г., в 1966–1977 гг. — заведующий Отделом новой русской литературы.

¹⁰¹ 10 марта 1959 г. на заседании Бюро ОЛЯ состоялось утверждение проекта постановления о работе редколлегии ЛН по подготовке тома. В протоколе заседания, в частности, подчеркивалось: «...вышедший том “Новое о Маяковском” имеет существенные недостатки, связанные с принципами отбора материалов, методами комплектования и характером направленности исследовательских статей. В этом томе наряду с ценными материалами опубликованы статьи недостаточно глубоко и притом неточно освещающие деятельность Маяковского. Кроме того, в томе опубликованы без строгого отбора, без соответствующих комментариев и научного анализа письма Маяковского к Л. Брик с ее нескромным и саморекламным предисловием, на что было справедливо указано в советской печати. Эти письма в значительной части не имеют отношения к творчеству поэта и носят узко-личный характер. Все это свидетельствует, что редколлегия заранее не определила самый тип и композицию тома». Далее излагалось содержание будущего постановления:

«Бюро Отделения ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Указать редколлегии «Литературного наследства», что она допустила серьезную ошибку, опубликовав письма Маяковского к Л. Брик и научно несостоятельные статьи Е.А. Динерштейна “Маяковский в феврале-октябре 1917 года” и Н.И. Харджиева “Заметки о Маяковском”.

2. Считать необходимым, чтобы редакция “Литературного наследства” при комментировании материалов, посвященных деятелям советского искусства, освещала эти материалы в связи с идейным обликом писателя и основным направлением его творчества.

Считать нецелесообразной публикацию в томах “Литературного наследства”, посвященных деятелям советской литературы и искусства, материалов личного интимного характера, если эти материалы не помогают более углубленному изучению творчества и общественно-политической деятельности писателя.

3. Признать целесообразным расширить состав редколлегии “Литературного наследства”. Предложить редакции в апреле 1959 года внести на Бюро Отделения свои предложения по этому вопросу.

4. Обязать редакцию “Литературного наследства” в двухмесячный срок

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Об этом не стоит говорить. Вопрос только будет такой, что второй том должен быть подготовлен не только на основе тех материалов, которые уже есть, но должен быть продуктом и активной работы по привлечению других материалов¹⁰².

Разрешите на этом поблагодарить присутствующих и заседание закрыть.

Литература

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / Сост. В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева и др. М.: РОССПЭН, 2005. 872 с.

Брик Л. — *Триоле Э.* Неизданная переписка (1921–1970) / Сост., вступ. статья В.В. Катаняна, коммент. И.И. Аброскиной, И.Ю. Генс. М.: Эллис Лак, 2000. 688 с.

Воронцов В., Колосков А. Новое и старое о Маяковском // Литература и жизнь. 1959. 7 янв. № 3. С. 2.

Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы / Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Л.А. Величанская, З.К. Водопьянова, Е.В. Кочубей. М.: РОССПЭН, 1998. 552 с.

Катаняна В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. 648 с.

Козлов С.И. Годичное собрание Отделения литературы и языка Академии Наук СССР // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1960. Т. 19, вып. 3. С. 250–257.

Лазарев Л. О времени и о себе: К выходу в свет тома «Новое о Маяковском» // Литературная газета. 1958. 19 июля. № 86. С. 1–2.

Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 630 с.

Маяковская Л. Так ли жил Маяковский?: Письмо в редакцию // Комсомольская правда. 1959. 9 апр. № 83. С. 4.

Метченко А.И. Против субъективистских измышлений о творчестве Маяковского // Коммунист. 1957. № 18. С. 69–82.

Наумов Е.И. В.В. Маяковский: Семинарий. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1963. 444 с.

представить в Бюро Отделения перспективный план публикаций на семилетие» (Протокол № 7 // Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 33–35).

Кроме того, согласно постановлению Президиума АН СССР от 3 июля 1959 г., в отношении «Литературного Наследства» были предусмотрены следующие меры:

«[...] 9. Считать нецелесообразной публикацию в томах “Литературного наследства”, посвященных деятелям советской литературы и искусства, материалов личного, интимного характера, если эти материалы не помогают углубленному изучению творческой и общественно-политической деятельности писателя, не связаны с основным направлением его творчества.

10. Ввести в состав редколлегии “Литературного наследства” проф. И.И. Анисимова (директор ИМЛИ им А.М. Горького), проф. А.С. Бушмина (директор ИРЛИ), докторов филологических наук К.Д. Муратову и Ю.Г. Окмана, кандидата филологических наук А.Н. Дубовикова».

¹⁰² См. предисловие к наст. публ. Частично материалы не вышедшего 66-го тома сохранились в архиве редакции «Литературного Наследства».

Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации (7–13 декабря 1958 года). Стенографический отчет. М., 1959. 600 с.

Пушкарёва Л. Документы свидетельствуют...: Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского // Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 197–215.

Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарий. Экскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Philologica russica et speculativa; Т. II). 497 с.

Сморodin А. Изучение наследия Маяковского // Русская литература. 1959. № 1. С. 228–235.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД, Материк, 2005. 768 с.

Черемин Г. Нью-Йоркский сборник материалов по истории русской литературы // Вопросы литературы. 1957. № 8. С. 248–254.

Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комментар. Е. Чуковской. М: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007. 640 с.

References

Apparat TsK KPSS i kul'tura. 1958–1964: Dokumenty, ed. V.Yu. Afiani, Z.K. Vodop'ianova, T.V. Domracheva et al. Moscow, ROSSPEN publ., 2005. 872 p. (In Russ.)

Brik L. — Triole E. *Neizdannaiia perepiska (1921–1970)*, ed., introd. V.V. Katanian, komment. I.I. Abroskina, I.Iu. Gens. Moscow, Ellis Lak publ., 2000. 688 p. (In Russ.)

Cheremin G. “N'iu-Iorkskii sbornik materialov po istorii russkoi literatury”. *Voprosy literatury*. 1957, No 8, pp. 248–254. (In Russ.)

Chukovsky K. *Sobranie sochinenii*. In 15 vols. Vol. 13: “Dnevnik (1936–1969)”, comm. E. Chukovskaya. Moscow, TERRA—Knizhnyi klub publ., 2007. 640 p. (In Russ.)

Ideologicheskie komissii TsK KPSS. 1958–1964: Dokumenty, ed. E.S. Afanas'eva, V.Yu. Afiani, L.A. Velichanskaia, Z.K. Vodop'ianova, E.V. Kochubei. Moscow, ROSSPEN publ., 1998. 552 p. (In Russ.)

Katanian V.A. *Mayakovskiy: Khronika zhizni i deiatel'nosti*, ed. A. E. Parnis. 5th rev.ed., Moscow, Sovetsky pisatel' publ., 1985. 648 p. (In Russ.)

Kozlov S.I. “Godichnoe sobranie Otdeleniia literatury i iazyka Akademii Nauk SSSR”. *Izvestia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. 1960, Vol. 19, No. 3, pp. 250–257. (In Russ.)

Lazarev L. “O vremeni i o sebe: k vykhodu v svet toma ‘Novoe o Maiakovskom’”. *Literaturnaia gazeta*. 1958, Jul 19, No 86, pp. 1–2. (In Russ.)

Literaturnoe Nasledstvo. Vol. 65: *Novoe o Mayakovskom*. Moscow, AN SSSR publ., 1958. 630 p. (In Russ.)

Mayakovskaya L. “Tak li zhil Mayakovskiy?: Pis'mo v redaktsiiu”. *Komsomol'skaia pravda*. 1959, Apr 9, No 83, p. 4. (In Russ.)

Metchenko A.I. “Protiv sub'ektivistskikh izmyshlenii o tvorchestve Mayakovskogo”. *Kommunist*. 1957, No 18, pp. 69–82. (In Russ.)

Naumov E.I. *V.V. Mayakovskiy: Seminarii*. Leningrad, Gos. ucheb.-ped. publ., 1963. 444 p. (In Russ.)

Pervyi Uchreditel'nyi s'ezd pisatelei Rossiiskoi Federatsii (7–13 dekabria 1958 goda). Stenograficheskii otchet. Moscow, 1959. 600 p. (In Russ.)

Pushkareva L. “Dokumenty svidetel'stviut...: Iz fondov Tsentra khraneniia sovremennoi dokumentatsii (TsKhSD): Vokrug tvorcheskogo naslediiia Mayakovskogo”. *Voprosy literatury*. 1994, Issue. 2, pp. 197–215. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*, ed. I.A. Pil'shchikov, M.I. Shapir. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury publ., 2002. (ser. “Philologica russica et speculativa”; vol. II). 497 p. (In Russ.)

Smorodin A. "Izuchenie naslediiia Mayakovskogo". *Russkaia literatura*. 1959, No 1, pp. 228–235. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa TsK, ed. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow, MFD, Materik, 2005. 768 p. (In Russ.)

Vorontsov V., Koloskov A. "Novoe i staroe o Mayakovskom". *Literatura i zhizn'*. 1959, Jan 7, No 3, p. 2. (In Russ.)

**It's All Too Much «New Materials on Mayakovsky»
Transcript of the meeting of the Bureau of the Literature and
Language Department of the Soviet Academy of Sciences
24 February 1959**

Aleksandr Yu. Galushkin, Maksim A. Frolov

Abstract: The publication is dedicated to one of the worst episodes in the history of the *Literary Heritage* academic series, connected with the publication of its 65-th volume — *Novoye o Mayakovskom (New Materials on Mayakovsky, 1958)*, which comprised, among other biographic materials, V.V. Mayakovsky's letters to L.Yu. Brik (1917–1930). The materials of the volume (including archival documents and materials from the Soviet press) reconstructed fully and in great detail gradual accrue-ment of social and political scandal that involved journalists critics, representatives of the official Soviet literary criticism, senior officials of the Central Committee of the CPSU and the Soviet Academy of Sciences, and, finally, the poet's sister L.V. Mayakovskaya. The shorthand report published herewith was prepared for publication as a part of the research project «*Literary Heritage: the scholar school and the academic series in the history of Russian literary criticism, 1930–1980*», launched by A.Yu. Galushkin for the anniversary of edition and supported by Russian Humanitarian Scientific Fund in 2015. At a later stage a documentary edition is to be prepared comprising a significant number of various materials (oral memories of I.S. Silberstein and S.A. Makashin, correspondence, shorthand reports) on the history of the *Literary Heritage* series, and Russian philology in general.

Keywords: *Literary Heritage* academic series, *Novoye o Mayakovskom*, I.S. Silberstein, S.A. Makashin, V.V. Mayakovsky, L.Yu. Brik, Academy of Sciences of the USSR.

Information about the authors: Aleksandr Yu. Galushkin (1960–2014), PhD, Head of the *Literary Heritage* sector, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Maksim A. Frolov, PhD, Senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: m.a.frolov@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-373-415

УДК 821.161.1

Как издавался «Петербург» А. Белого (По документам из архива Л.К. Долгополова)

В.Э. Молодяков

Аннотация: Публикация неоконченного мемуарного очерка исследователя русской литературы начала XX века Л.К. Долгополова (1928–1995) и комплекса документов из его архива, посвященных издательской судьбе романа А. Белого «Петербург» в академической серии «Литературные памятники».

Ключевые слова: История отечественной филологии, Л.К. Долгополов, А. Белый, «Литературные памятники», научная подготовка изданий, историография русского символизма.

Информация об авторе: Василий Элинархович Молодяков, доктор политических наук, профессор, университет Такусёку, Токио, Япония. E-mail: dottore68@mail.ru

Слова «не надо заводить архивы» Леонид Константинович Долгополов понимал буквально: собственные рукописи после публикации обычно выбрасывал, как и материалы к ним. Навещая его в очередной раз в Петербурге в 1994 г., я увидел у двери в прихожей большой старый чемодан, а на вопрос о том, что в нем, услышал: «Старый бумажный хлам. Будете уходить, отнесите на помойку, а то мне тяжело» (в доме не было лифта). С разрешения хозяина я открыл чемодан и... ни одной «бумажки» на помойку, конечно, не попало. С его же разрешения все они достались мне с правом «делайте что хотите», но «после моей безвременной», как говорил Долгополов, вряд ли, впрочем, предчувствуя, как скоро это произойдет. Содержимое чемодана и другие материалы, которые я получил, легли в основу нескольких публикаций и сборника «Леонид Долгополов. Прогулки с Блоком. Неизданное и несобранное», издание которого будет приурочено к 90-летию ученого.

Перебирая «старый бумажный хлам», Долгополов обычно снабжал его ироническими замечаниями, поэтому услышав: «А вот это вам может быть любопытно», — я удивился. В протянутой мне папке оказались документы, связанные с изданием «сибирской» редакции романа Андрея Белого «Петербург» в серии «Литературные памятники». Леонид Константинович по праву гордился этой работой и потому, наверное, не выбросил их. Документы охватывали период в 14 лет, с подачи заявки в редколлегию серии (сначала на переиздание мемуаров Белого) в 1967 г. до выхода книги в 1981 г. Я догадывался, что процесс издания был непростым, но не знал, насколько.

Долгополов воодушевился и принялся рассказывать, заполняя лакуны между лежавшими в папке бумагами. С уважением и благодарностью он говорил о Д.С. Лихачеве, «пробившем» издание, и о поддержавшем заявку Н.И. Конраде (лично они не встречались). Иронические нотки были заметны в уважительных рассказах о Д.Е. Максимове, который, всячески уклоняясь от работы над книгой, оказался невольным виновником задержек с подготовкой издания: «Он трясся и говорил: “Нас посадят”».

Рассказ настолько увлек меня, что я попросил записать его: «У Ильфа и Петрова было “Как создавался Робинзон”, а вы напишите “Как издавался *Петербург*”. А там придумаем, где это напечатать». Долгополов отнекивался (в последние годы жизни ему, по собственному признанию, «не писалось»), но все-таки принялся за работу, решив опубликовать документы со своим мемуарным предисловием. Тема захватила его: он начал рассуждать о романе как «петербургской вселенной», потом перешел к воспоминаниям молодости и... так и не добрался до истории издания. Последний, недописанный лист, вынутый из пишущей машинки после смерти автора, отдала мне его дочь Е.Л. Долгополова вместе с началом очерка и папкой документов о «Петербурге». Я обещал их напечатать, но не думал, что это настолько затянется.

И предисловие Долгополова, и публикуемые тексты говорят сами за себя. Не стоит удивляться словам Лихачева о необходимости «установить на роман марксистскую, советскую точку зрения» и «воспрепятствовать распространению ненаучных домыслов и измышлений», — ведь писал-то он в Отдел культуры ЦК КПСС с целью ускорить издание. Многим могут показаться резкими и несправедливыми отзывы Долгополова о бывших коллегах по ИРЛИ, но автор, во-первых, сам предназначал этот текст к печати, а во-вторых, действительно, был «трудным, неровным в общении, склонным подчас к чрезмерно категоричным суждениям и оценкам», как написал в некрологе его друг В.А. Келдыш (Литературная газета. 1996. 17 янв. № 3). От службы в ИРЛИ у Долгополова остались тяжелые воспоминания (не нам судить, насколько обоснованные), поэтому он не любил говорить о ней, а если говорил, то в выражениях не стеснялся. Да разве он один?! В интереснейшей переписке В.Н. Орлова и И.С. Зильберштейна первый из корреспондентов назвал А.С. Мясникова «субогим и угрюмым дурнем» и «махровым проработчиком»¹. Речь шла не о самом, мягко говоря, выдающемся ученом, однако публикуемое ниже его письмо к Долгополову показывает автора внимательным и квалифицированным читателем, уважительно подошедшим к работе младшего и «нечинновного» коллеги, к которому он обращается именно как к коллеге, не настаивая на своих суждениях.

Сведения о большинстве лиц и публикаций, упоминаемых в мемуарном очерке и документах, имеются в общедоступных источниках, включая справочник «Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905–2005» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2005).

¹ И.С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2006. С. 403.

ДОЛГОПЛОВ Леонид Константинович [21.10.1928, Владикавказ — 04.04.1995, Санкт-Петербург].

Окончил филологический факультет Саратовского университета (1951). В 1951–1952 гг. преподавал русский язык в Ачинском учительском институте (ныне Ачинский педагогический колледж). Окончив курсы языковедов при МГПИ, в 1953–1955 гг. работал старшим преподавателем кафедры современного русского языка Сыктывкарского педагогического института (ныне Коми государственный педагогический институт). Аспирант ИРЛИ (1955–1958), младший научный сотрудник Сектора советской литературы (1958–1969) и Сектора новой русской литературы (1969–1971). В 1962 г. на филологическом факультете ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию «Поэмы Блока (“Возмездие”, “Двенадцать”))». С 1971 г. на творческой работе, с 1980 г. член Союза писателей СССР. В 1988 г. в ИРЛИ защитил докторскую диссертацию «Андрей Белый и его роман “Петербург”». С 1986 г. участник международных конференций во Франции, Италии, США. Талантливый лектор и популяризатор.

Печатался с 1958 г. Основные работы посвящены русской литературе конца XIX и начала XX вв. как «литературе *рубежа* — и веков, и исторических эпох», «соединительному звену между ними и одновременно водоразделу». Автор монографий о жизни и творчестве А.А. Блока, которого он считал «наиболее крупной фигурой в поэтическом движении конца XIX — начала XX века», и А. Белого, статей о М. Горьком, И.А. Бунине, А.А. Ахматовой в связи с их отношениями с символизмом как «новым типом художественного мышления», о М.А. Волошине, Е.И. Замятине, В.В. Маяковском, Б.Л. Пастернаке в связи с восприятием ими русской революции. Основные темы: «глубина проявления личности поэта в ее соотнесенности со временем», «отношение художника к миру, в котором вращается его “герой”», «проблема жизненного (а также творческого) пути как становление личности по этапам внутреннего созревания», отражение в произведениях общественно-политических реалий эпохи и мировоззрения автора, эволюция литературных жанров и течений.

Леонид Долгополов

Как мы издавали «Петербург»

Если видеть в истории не нагромождение событий, не имеющих никакой логической связи, а совокупность событий и действий лиц, тут же по возникновении становящихся независимыми от их воли, то есть приобретающих некий самодостаточный характер, то надо признать, что происходящее ныне в России и нелепо названное либералами «перестройкой», есть ничто иное как крушение империи, начало создания которой уходит едва ли не в эпоху Иоанна Грозного. Рушится строй, планомерно создававшийся на протяжении многих веков русской истории. Только крушение Римской империи может сравниться с тем, что происходит в нынешнем мире.

О неизбежности этого крушения, которому суждено будет иметь глобальный, вселенский характер, и написан роман Андрея Белого. Собственно, романом он может быть назван лишь условно. Это не художественное произведение в том смысле, который мы привыкли иметь в виду, говоря о русской классической и западноевропейской литературе. Лица, выведенные Белым, не могут быть названы действующими лицами романа, затрагивающего те или иные проблемы русской истории; так же как описанные в романе события не могут расцениваться нами ни как типические, ни как хотя бы приблизительно достоверные. Белым создана в «Петербурге» особая вселенная — петербургская вселенная, от довременного хаоса возникшая и завершившая свое существование взрывом, возвестившим о ее конце, но также и о возникновении новой вселенной. «Астральным» назвал роман Белого Н. Бердяев, и лучшего определения дать ему уже невозможно².

Впоследствии по стопам Андрея Белого пойдет Анна Ахматова в «Поэме без героя», где ею будет создан свой, трагически-игровой, но тоже петербургский космос. Причем выходы за пределы бытовой эмпирики у нее подчас более наглядны, нежели у ее предшественника.

И для них обоих важен Петербург именно как столица империи, то есть центральная точка рисуемой вселенной. «Если же Петербург не столица, — пишет в Прологе Андрей Белый, — то — нет Петербурга. Это только кажется, что он существует». «Траурным» называет Петербург и Ахматова и пишет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты...

² «Астральный роман» — так называется рецензия Н. Бердяева, и это заглавие идет в одном ряду с заглавием другой рецензии — Вяч. Иванова, столь же выразительной — «Вдохновение ужаса».

«Валились» — куда? Если стоять у начала моста и смотреть, как съезжает карета по противоположному его спуску, то создается впечатление, что она проваливается, валится куда-то вниз — в тартарары, в преисподнюю, но само «проваливание» кареты столь очевидно, что странно, как этого никто до сих пор не заметил.

Такими провалами наполнены оба произведения. У истоков обоих произведений стоит «Медный всадник» Пушкина — его «Петербургская повесть» есть первая в русской литературе попытка создания петербургской вселенной — со своими истоками (пока еще историческими) и своим финалом (пока еще только трагическим). Но уже у Пушкина проклевывается будущее: «С Божией стихией царям не совладать», — произносит в поэме «покойный царь», то есть Александр I, победитель Наполеона, любимец Европы, великий властелин. Как и разночинец Евгений, «маленький человек», житель Коломны, он бессилен перед «Божией стихией», точкой проявления которой и оказывается столица Российской империи, город Петербург. С другой стороны, Пушкин как будто через безумие Евгения выходит к предвещению неких космических сил, обрушившихся на Россию через посредство Петра I, который в центральной сцене поэмы — сцене погони — обращается в своего протагониста-кумира на бронзовом коне. И теперь уже он, кумир, образ явно космоцентричный, преследует несчастного разночинца:

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне...

И луна (космический пейзаж!), и Всадник медный, и сама сцена погони перейдут в «Петербург» Белого, где, социально переиначенные, составят основу самой концепции романа, где город уже окончательно будет лишен своих реально-исторических признаков, превратившись в достоверность символического свойства. И это уже будет не город, а «праздная мозговая игра» некоего «неданного в романе лица».

Люди и их теневые подобия действуют в романе Белого на равных. «Петербургские улицы обладают несомненным свойством: превращают в тени прохожих; тени же петербургские улицы превращают в людей». И затем «черепная коробка» «носителя бриллиантовых знаков» (сенатора Аблеухова) становилась в момент работы «чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир».

Пушкин, Достоевский, А. Белый, Анна Ахматова — вот главные вехи формирования космической мифологии Петербурга. О «неведомом назначеньи» города прямо говорится в «Поэме без героя». Город как бы находится на грани двух взаимосвязанных

миров: реального и ирреального, антропоцентрического и космоцентрического, бытового и вселенского.

Едва ли не у каждого из героев А. Белого есть свой мифологический «предок». К этому же тянет и Анну Ахматову, но в более простой форме. «Ты сбежала сюда с портрета», — говорит она о «героине» поэмы Глебовой-Судейкиной и продолжает:

Ты в Россию пришла ниоткуда.
О мое белокурое чудо...

Это ведь и есть вариант «праздной мозговой игры», реализации и материализации «мысленных образов» Андрея Белого. Мифология и быт, космическое и «земное» также слиты у Ахматовой, построены по тому же принципу, что и у А. Белого, а далее — Достоевского и Пушкина.

Слишком многое идет у Ахматовой от ее предшественников. Это и идея Медного всадника («невидимых звон копыт»), ассоциируемая с идеей апокалиптического коня (Конь блед, а на нем всадник и имя ему Смерть); наконец, идея праздной мозговой игры, вследствие которой и возник этот призрачный город. Идея эта у Ахматовой реализуется в материализации некоей тени, принявшей облик персонажа *«без лица и названья»*. Это и есть и тень, и ее материализация, и персонаж «полночной гофманианы», и демиург, «основавший» город не где-нибудь, а «у устья Леты-Невы», т.е. на границе миров. И не только и не просто город, но, как и у Белого, грандиозный символ-знак, сочетающий в своей семантике и идею гибели, и идею бессмертия, и быт, и мифологию, и реальную историю, и «космические прельщения», как говорил Н. Бердяев. Как и у Достоевского, он уходит прочь, растворяется в тумане («город в свой уходил туман») как некое зловещее видение. Здесь будет город заложен (Пушкин) — умышленный город (Достоевский) — чья-то праздная мозговая игра (А. Белый) — там, у устья Леты-Невы (Ахматова) — по такой линии и развивалась петербургская тема в русской литературе. Реальное тут соседствовало с воображаемым, жизнеподобное с вопросами и страшноватыми прозрениями.

Роман А. Белого — «роман итогов», как определила Ольга Форш. Итогов, которые отчасти будут повторены Анной Ахматовой. Из столицы империи медленно, но верно он превращался в столицу теневого мира.

Естественно, я ничего этого не знал, когда в середине шестидесятых годов приступил к переизданию полной редакции «Петербурга» для известной академической серии «Литературные памятники» с благословения тогдашнего председателя редакционной коллегии серии акад. Николая Иосифовича Конрада и ее

члена акад. Дмитрия Сергеевича Лихачева. Этим двум людям мировое литературоведение и обязано тем, что получило в руки роман, задуманный и осуществленный в преддверии Первой мировой войны, без которого сейчас уже никак невозможно представить себе европейскую словесную культуру XX века. Мало кем замеченный, недооцененный при своем появлении на свет в 1913–1914 гг., он стал явлением сенсационным при вторичном появлении в 1981 году. Вышел из небытия и занял свое огромное место в культурном развитии XX века автор этого необычного романа Андрей Белый. Но все это произошло потом. В шестидесятые годы дело обстояло и проще, и сложнее.

Непосредственный исполнитель идеи, я был обыкновенный советский аспирант, окончивший в 1951 г. филологический факультет Саратовского университета, хотя и выделявшегося среди других провинциальных вузов, но подчиненного единой государственной программе. В курсе русской литературы Достоевскому отводилась всего одна лекция (два часа), о Белом вообще никто ничего не знал, Анна Ахматова была под строжайшим запретом: после 1946 года имя ее было непроизносимо. И хотя моими учителями по университету были такие ученые, как А.П. Скафтымов и особенно Юлиан Григорьевич Оксман, это мало что давало. А.П. Скафтымов затаился, ушел в себя, вел семинар по Чехову, которого боготворил, читал курс истории русской критики, оставляя в стороне Белинского, зато много и подробно говоря об Ап. Григорьеве и Дружинине. Оксман, несмотря на десятилетнее пребывание в ссылке (он был с 1936 по 1946 год в Магадане), оставался яростным сторонником и апологетом марксистского литературоведения, которое он, правда, хотел видеть «с человеческим лицом». Активно занимался Белинским, которого по-человечески любил, высоко и с почтением отзывался о Плеханове как крупнейшем представителе марксистской критики в России, с неподдельным пиететом цитировал ленинские оценки русской литературы — Белинского, Льва Толстого и др. Искренность его не поддавалась сомнению, хотя временами вызывала некоторое недоумение. Литература была для него напрочь лишена эстетического, самодовлеющего начала, она целиком была отражением политической борьбы в обществе. Блистательно читавшийся им спецкурс по Пушкину, слушать который приходила вся интеллигенция Саратова, был курсом по истории политической борьбы первой трети XIX века. Знания его в этой области были уникальны, прозрения точны и отчетливы. Казалось, он сам непосредственно общался не только со всеми членами царской фамилии, но и со всеми представителями светского общества, так или иначе имевшими отношение к Пушкину и его жизненной драме. Но вот в политике своего времени он не разбирался совершенно, был наивен и не-

сведущ, как ребенок. Много хлопот доставил он парткому и деканату филфака Университета, много забот дал саратовскому отделению КГБ. Он не ощущал чувства времени, которого был совершенно лишен: воевал тогда, когда надо было молчать (ибо воевать было бесполезно), молчал тогда, когда надо было воевать, надеялся тогда, когда надеяться было не на что, ибо сами надежды оказывались ложью и одурачиванием обывателя. Жил он шумно, активно, но... очень ограниченно³.

Окончив в 1951 г. университет и помаявшись по провинциальным вузам, где мне приходилось читать самые разные курсы — от фольклора до современного русского языка, я в 1955 г. приехал в Ленинград и поступил в аспирантуру Пушкинского дома.

К этому времени Пушкинский дом представлял собой уже печальное зрелище. Произведенная в 1948–49 и 1950–51 гг. расправа над интеллигенцией (под видом борьбы с «космополитизмом») обернулась для него непоправимой трагедией, навсегда — как это видно теперь — лишив его былого культурного и научного значения. И если нынешняя роль Пушкинского дома приближается к нулевой отметке, то виновны в этом не абстрактные обстоятельства, а кампания конца 40-х годов по уничтожению остатков российской интеллигенции. Ее осуществляли люди, имена которых не должны быть забыты, хотя и они сами, и их нехитрые работы давно отошли в небытие. Это: А.С. Бушмин, директор Института, окончивший в свое время Воронежский ветеринарный институт и лишь впоследствии заочно — факультет литературы и языка Воронежского педагогического института, человек не бездарный, много работавший «над собой», но малокультурный. Кандидатом наук был назначен директором Пушкинского дома. Ему в заместители дали члена-корреспондента АН СССР, известного ученого-компаративиста М.П. Алексеева, который и представлял Пушкинский дом во время знатных визитов и приемов, чем и заработал себе звание академика и возможность поездок за границу. Вел себя М.П. Алексеев послушно и покорно, и хотя иногда и срывался, но быстро приходил в себя и отходил в сторону. Вокруг Бушмина и формировалась банда лихих литературоведов-«марксистов»: Федор Прийма, В.Г. Базанов, Никита Пруцков, писавший доносы на кого угодно по первому требованию начальства, К.Н. Григорьян, многолетний тайный сотрудник КГБ, громгласно утверждавший во время обсуждений одной из моих статей по Белому, что «это не наша идеология!». При этом он вздымал вверх свою волосатую руку, сжимая ее в весьма внушитель-

³ Ю.Г. Оксман был слишком крупной фигурой (во всяком случае, на моем пути), и говорить о нем следует специально. Здесь я сделать этого не могу по задачам самой работы.

ный кулак. Это и В.А. Ковалев, зав. сектором советской литературы, написавший удручающую по бездарности и скуке книгу «Романы Леонида Леонова», и В.В. Тимофеева, «специалист» по советской литературе, многолетний редактор журнала «Русская литература», человек осмотнительный, но колеблющийся, хотя и твердо стоящий на страже «заветов Ильича».

Психология этих людей была проста: они добились «положения», получили право выносить свои суждения, решать судьбы, громогласно выражать и писать свои марксистские благоглупости, а подчас и заниматься подтасовками (особенно в этом деле поднаторел Ф.Я. Прийма). Эта черная накипь сдута сейчас историей в мыльную раковину, но черное дело, сделанное ими, еще много десятилетий будет давать о себе знать на состоянии русского литературоведения. Конечно, продолжали жить и активно писали и Б.В. Томашевский, и Н.В. Измайлов, и П.Н. Берков (Д.С. Лихачев был занят сотворением собственной судьбы, укрывшись за стенами сектора древней, но *русской* литературы), но не они определяли ветеринарно-литературоведческую политику Пушкинского дома. Ее определяла деятельность названной выше банды, внутри которой происходили время от времени свои «разборки», в результате которых свергались с должностей одни и назначались другие. Так, В.Г. Базанов, пользуясь наивностью Бушмина, сверг его с престола директора и занял его сам, но впоследствии и он был свергнут Приимой, который глупо и бездарно директорствовал в Пушкинском доме довольно длительное время. Бушмин как честный коммунист дрожал в присутствии любого инструктора райкома партии, с трудом отличавшего Пушкина от Лермонтова. Прийма же, сам недалеко ушедший от уровня знаний того же инструктора, умел хорошо с ними ладить, вот и получал зарплату и как директор, и как главный редактор «Библиотеки поэта», хотя одному лешему известно, каким образом он туда попал.

Последним директором из этой славной когорты непобедимых был А.С. Бушмин. Незадолго до того у него умер сын-десятиклассник от белокровия, и вид у него был не из лучших. Кроме того, похоже, что, неоднократно преданный своими же рыцарями плаща и шпаги, им взлелеянными, [он] стал сомневаться в результативности той кровавой вакханалии, которую затеяли и осуществили они в 1948 году. Похоже, что сброд, им же самим собранный с больших дорог российского литературоведения, не способен ни на что. Правда, было создано великое множество «кирпичей» — «История русской литературы», «История русской критики», «История русской повести» и т.д. и т.п., но их никто не читал и, главное, они ничего не давали для понимания русской литературы. Они были однобоки, тенденциозны, малограмотны и без всякой самостоятельной мысли. На одном из предсмертных юбилеев, по-

священных какому-то -летию Бушмина, один из пушкинодомских идиотов, кажется, некто К. Ровда, кричал, что он пьет за Бушмина «как за русского человека». А этот «русский человек» сам уже потихоньку попивал, потом все больше и больше, пока не свалился в пьяном виде с лестницы у себя же на даче, которую он отстроил себе в аристократическом поселке Комарово. Произошел то ли инфаркт, то ли инсульт, и это была весьма пошлая расплата за прошлое. Прозрение стало приходиться слишком поздно. Смерти Бушмина никто, кажется, не заметил. Его «друзья» вовсю были уже озабочены тем, как бы им выжить, сохранив и должность, и зарплату в новых условиях. Насмерть загрызая тех, кто шел им на смену, они не упускали случая запустить зубы и в горло своего же «втягзя». Последними убийцами в Пушкинском доме были В.Г. Базанов (не к ночи будь помянут) и Ф.Я. Прийма. Их тяжелые длани и я ощутил на своей шее, кровожадный блеск их глаз опалил и меня, и я бежал из этого учреждения «на свободные хлеба».

Те же, кто не захлебнулся в собственной ярости и безнаказанности, спокойно дожили свой век сотрудниками института, получая приличную зарплату и даже чем-то руководя, вроде бывшего сотрудника ГУЛАГа, как он сам аттестовал себя в анкетах, Ю.К. Герасимова, «руководившего» Блоковской группой аж до самого помутнения в мозгах. Загубивший запланированное академическое собрание сочинений А. Блока, он ушел неведь куда, мутными глазами озирая поле своей бездарной деятельности. И помог им всем дожить свой век сотрудниками Пушкинского дома его новый и нынешний директор профессор Н.Н. Скатов, личность бездарная (хотя и с националистическим душком), ими же, их прошлыми, сохраненными связями вынесенная на поверхность, чтобы он чистым воротничком и внешне интеллигентскими манерами (выбритостью щек, ровным голосом и т.д.) прикрыл те волны кровавой пены, в которой сами они стоят по колено. Но он отплатил им не только этим: он наполнил Пушкинский дом их «детисками», которые кишмя кишат в самых разных отделах и секторах Института, но которые — увы! — как и их родители, оказались совершенно неспособными к творческой работе. Вот и существует Пушкинский дом лишь номинально, не давая никакой продукции, сохраняя лишь ауру своего имени.

Я поступил в аспирантуру этого учреждения в 1955 году — в преддверии XX съезда партии, когда уже началась оттепель и Хрущев стал потихоньку выпускать из лагерей заключенных. Он так и не решился на многое, он лишь хотел подлатать этот строй, уже изживавший себя, но и этого оказалось для того времени слишком много. Во второй половине пятидесятых и начались шестидесятые годы. Изменение атмосферы я ощутил сразу же по приезде в Ленинград. Оживление, царившее и в библиотеках, и в раз-

говорах, и в обсуждении новых книг, захватило меня сразу же. Уже зашевелился в своей просторной квартире-берлоге Василий Алексеевич Десницкий-Строев, то ли большевик, то ли меньшевик в прошлом, но человек, близкий Горькому (познакомивший его с Лениным, как он сам утверждал в воспоминаниях). Это был умный, очень умный человек, многое понимавший, еще более о многом так и умолчавший. Наступавшая оттепель несколько развязала ему язык, хотя марксистом он оставался всегда. Что-то роднило его с Оксманом, но он был более плодовит, о чем свидетельствует двухтомник его статей «На литературные темы». Его отношение к событиям конца 40-х годов мне так и осталось неизвестным (он никогда ни с кем не говорил об этом), но подозреваю, что его отношение не было одобрительным. Он ведь тоже боялся, как боялись в то время все, — писал воспоминания о Горьком и Ленине, в которых больше не сказал, чем сказал, служил сотрудником сектора советской литературы Пушкинского дома (его считали украшением сектора), которым руководил бессменно «серый кардинал» Института В.А. Ковалев, редактировал какие-то фальшивые материалы (и «исследования») о Горьком, написал совершенно ужасающую статью о Блоке, которой дал, однако, весьма незаурядное для 1920–30-х годов заглавие «Социально-психологические предпосылки творчества Блока». Не просто социальные, но еще и психологические!

Я думаю, что, не умея да и не желая расставаться со своей марксистской молодостью, он, как и Оксман, просто не понимал, к чему все это привело. Он жил в знаменитом доме 73/75 по Кировскому проспекту, этом чудовищном монстре буржуазной жилой архитектуры конца XIX века. В том же доме жил и последний представитель акмеизма Михаил Леонидович Лозинский. Уйдя от всех, отрешившись от мирских забот и тягот, в течение нескольких десятилетий он переводил «Божественную комедию», ибо понял то, чего не хотел понять его сосед по дому, а именно, что произошло непоправимое. И вот результат: за свой перевод Данте он был удостоен Сталинской премии, а после смерти — мемориальной доски на одном из фасадов дома. Доска красивая: белый мрамор, золотые буквы и даты, лавровая веточка оформляет текст. О Десницком же не осталось ничего, и даже память о нем испаряется, как дым. Вот что значит понять всё, вовремя уйти в *свой* окоп и в *своем* котелке варить *свою* похлебку. Жить же половиной жизнью, приспосабливаться к царящему ужасу, угодить, кому нужно, верить — не верить — такая жизнь чревата неизбежным забвением. Быть Десницким-Строевым и служить под началом армейского политработника, каким был Ковалев, — какая ирония судьбы! Общаться с Лениным, дружить с Горьким, вместе с ним издавая газету «Новая жизнь», а под конец с трудом добывать камни для строительства дачи в Коктебеле, который он очень любил.

Ах, время, время! Чего только ты не вытворяешь с человеком! Эта дача, кажется, и была единственным *своим*, чем владел Десницкий, да и то он, кажется, не дожил до ее окончания, умер в поезде под Бологим, возвращаясь из Крыма.

Классовый подход к искусству деформирует не только искусство, но и личность исследователя, который такой подход осуществляет. Оксмана уберегли от деформации его увлеченность и блестящее знание фактического материала (у него консультировалась сама Анна Ахматова), Десницкого не уберегло ничто.

Десницкий не любил старости и боялся смерти. Рассказывают, что незадолго до его смерти его навестили сотрудницы архивного отдела Публичной библиотеки и, смущаясь, выразили желание иметь в архиве воспоминания Василия Алексеевича, в которых всё было бы описано так, «как оно было на самом деле». Выслушав их, Десницкий сердито спросил, а кто всё это будет печатать? Сотрудницы заволновались, не зная, что ответить, и были выдворены из дома в свое архивное царство. Ему, конечно, было что сказать из того, что не могло быть напечатано. А говорить для истории он, я думаю, просто побоялся. Недаром поговаривали, что именно с Десницкого был списан Горьким Клим Самгин — образ человека, желавшего подняться над борьбой, над столкновением интересов и страстей, в конечном итоге — над жизнью.

Когда время меняется столь стремительно, как оно стало меняться со второй половины 50-х годов, необходимо было увидеть в прошлом именно прошлое, требующее отныне новых критериев и оценок. И если Оксман увидел в происходящем лишь обновление прошлого, возврат к нему, но уже с человеческих (и человеческих) позиций (о чем, в частности, свидетельствуют его письма, опубликованные в сб. «Встречи с прошлым», вып. 7, 1990 г. — письма наивные и разочаровывающие), то Десницкий увидел здесь лишь оживление жизни и появившуюся возможность снова говорить о своем. Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум были по-прежнему чужды ему, во всяком случае, никакого сближения с культурно-исторической школой у него не произошло. Правда, он выступил на конференции, посвященной Блоку (ноябрь 1955 г.), но выступил не с докладом, а с какими-то невзрачными воспоминаниями. Но что поразительно и трудно объяснимо: для властей предрежащих они оба, и Оксман, и Десницкий, были так же (если не более) чужды, как и их литературоведческие антиподы — «противолагерники» Томашевский и Эйхенбаум. Марксистского литературоведения «с человеческим лицом» не получилось: оно было и не марксистским, и оскал у него был волчий. Оксмана это приводило в удивление и даже изумление, Десницкий старался этого просто не замечать и ни во что не вмешивался. Оксман гордился тем, что его учителем был жалкий социолог Н.К. Пиксанов,

но при этом спрашивал меня, почему получилось так, что победители фашизма сами оказались фашистами. Десницкий был убежден в том, что «Стихи о Прекрасной Даме» есть кабацкая лирика, но при этом отношение его и к Блоку, и к Белому было самым доброжелательным.

Я пишу так много об Оксмани и Десницком, потому что слишком хорошо представляю себе эти две колоритные фигуры — один был моим учителем по университету, другой (Десницкий) стал моим руководителем по кандидатскому сочинению, уже в Пушкинском доме.

[На этом рукопись обрывается. — В.М.]

Документы

Д.С. Лихачев — Н.И. Конраду

7 июля 1967

Председателю Редколлегии серии
«Литературные памятники»
Академику Н.И. Конраду

Глубокоуважаемый Николай Иосифович!

Посылаю Вам заявку Л.К. Долгополова об издании мемуаров Андрея Белого⁴. Я очень горячо поддерживаю эту заявку. Это не только мемуары, но это и лучшее прозаическое художественное произведение Белого (не исключая и «Петербурга», которого я очень ценю и тоже хотел бы видеть в нашей серии). К Белому сейчас приковано внимание во всем мире. Издание его мемуаров было бы событием. Л.К. Долгополов — хороший специалист по символизму, очень культурный человек и вполне в курсе той эпохи — эпохи «Серебряного века».

Я понимаю, что теперь, после издания проспекта, включить что-то новое трудно, но может быть все-таки мы сделаем исключение для Белого?

С уважением [Д. Лихачев]

Машинопись (копия) с притиской от руки:

Дорогой Л.К.!

Посылаю Вам копию письма, отосланного мною Н.И. Конраду.

С приветом Д. Лихачев

Н.И. Конрад — Л.К. Долгополову

31 июля 1967. Юрмала

Уважаемый тов. Долгополов!

Мне переслали сюда, на Рижское взморье, где я провожу свой отпуск, Ваше предложение издать в серии «Литературные памятники» три автобио-

⁴ Текст заявки в архиве не сохранился. — В.М.

графические книги Андрея Белого под объединяющим их названием «Мемуары». Вполне сочувствую этой Вашей мысли. Осенью, когда мы все снова встретимся после отпусков в Москве, мы это Ваше предложение рассмотрим. Полагаю, что Д.С. Лихачев, приславший письмо, поддерживающее Ваше предложение, не откажется сделать сообщение по этому вопросу. Если понадобится, мы пригласим и Вас.

Хотя это и преждевременно, все же я — просто в чисто литературоведческом плане — позволю себе высказать одно свое соображение, вызванное теми строками Вашего письма, в которых Вы пишете, что «воспоминания Андрея Белого содержат совершенно оригинальную концепцию развития литературы предреволюционного времени. Не все в ней изложено достаточно объективно (что надо будет оговорить в статье)...» и т.д.

Мне хотелось бы спросить Вас: что Вы имеете в виду, когда пишете «не все изложено достаточно объективно»? Кто излагает литературный процесс объективно? Келтуяла? Айхенвальд? Не беру десятка более новых историков литературы... А ведь каждый из них совершенно уверен, что излагает вещи именно «объективно». Андрей Белый создал «совершенно оригинальную концепцию развития литературы предреволюционного времени» — как Вы пишете. Ну, и честь ему и хвала! Слава богу! И не судите его! Он написал не учено («объективно» правильное) исследование, а великолепное *чисто литературное* произведение, и его концепция литературного развития — творческое создание, составной элемент общего построения его «трилогии».

И он сам — не столько *автор* этого произведения, сколько его *герой*. И герой — литературный. Как и другие персонажи его эпопеи... Например, Блок, образ которого в определенной части эпопеи составляет как бы *вторую линию двухголосой фуги*. А вообще эта трилогия Андрея Белого звучит для меня трехчастной «симфонией» — со сложным переплетом лейтмотивов. Именно «симфонией» — т.е. тем, чем казались самому Белому его ранние произведения и чем кажутся мне даже «Арабески». Поэтому не стоит ли отнести к этой трилогии только как к *литературному произведению sui generis*? Раскрыть частично *эту ее природу* и тем снять необходимость особенно пристально взвешивать — «так ли оно было *на самом деле*? Так ли это вообще важно?»

Извините за неожиданное вторжение в Ваши замыслы, но оно может косвенно подтвердить, насколько искренни мои, написанные выше, слова, где я «вполне сочувствую этой Вашей мысли».

С наилучшими пожеланиями Н. Конрад

Автограф.

Н.И. Конрад — Л.К. Долгополову

11 ноября 1967. Москва

Многоуважаемый Леонид Константинович!

Возможно, что Вас уже уведомили о решении редколлегии «Литературных памятников»: мы пришли к мысли, что из произведений Андрея Белого *прежде всего* следует издать «Петербург».

Хочу Вам пояснить это решение.

Вы уже знаете, что я отнесся к Вашей идее — «сделать» из трех мемуарных книжек Андрея Белого одно — и вполне законченное — произведение —

с большим энтузиазмом. Видимо, новизна и блеск этой идеи отодвинули в моем сознании все прочие соображения — и литературоведческого, и *вне*-литературоведческого порядка. Именно об этом в первую очередь заговорили мои коллеги.

Никто из нас не сомневался и не сомневается в том, что три мемуарные книги Андрея Белого представляют совершенно особую — и литературную, и «источниковедческую» — ценность. Все мы в равной мере согласились на том, что *уже* можно напомнить нашему читающему обществу о существовании одного из крупнейших русских писателей последнего — предреволюционного — периода истории русской литературы. Мы, разумеется, понимаем, что предприятие это — далеко не легкое, но верим, что *все же* попытаться уже можно. И сделать такую попытку *следует*: творчество Андрея Белого этого заслуживает.

И вот тут-то и возникла мысль: если так, то не следует ли начать с «Петербурга» — бесспорной вершины всего творчества Андрея Белого? Тем более, что существование двух редакций — полной и «сокращенной» — делает работу издателя этого произведения, и притом именно в духе нашей серии — в высшей степени интересной.

Издание мемуарного цикла требует объяснений, тут же, надеемся, особых объяснений не требуется. Поэтому, совершенно *не отказываясь* от мысли издания «Мемуаров», и именно в том виде, в котором Вы себе это представляете, мы решили предложить Вам *сначала* дать «Петербург». Как Вы к этому относитесь?

Будучи энтузиастом «Мемуаров», я все же понял, что мой энтузиазм исходит из моего личного опыта и личных литературоведческих вкусов: задача, предложенная Вами, — *литературоведчески нова*, и это меня прельстило. Но я понял своих коллег: над личным вкусом в нашем деле должна господствовать и издательская мудрость, которая в то же время есть и мудрость общественная. Поэтому я и присоединился к мнению моих коллег.

Теперь остановка за Вами. Согласитесь ли Вы взять на себя подготовку «Петербурга»? Если да, то пришлите нам предложение с некоторым пояснением существа подготовки текста и его вариантов. Мы обсудили бы это предложение в ближайшее же время.

Позвольте пожелать Вам всего наилучшего.

Н. Конрад

Автограф.

Издательская заявка

Андрей Белый. Петербург.

Роман в восьми главах с прологом и эпилогом.

Подготовка текста, статья и комментарии Л.К. Долгополова,
отв. редактор проф. Д.Е. Максимов

Роман Андрея Белого (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) — одно из наиболее заметных явлений русской художественной прозы начала XX века. Написанный в 1911–1913 гг., он посвящен событиям первой русской революции. Действие в романе начинается в последний день сентября и заканчивается девятого октября 1905 года, в дни, когда началась знаменитая всеобщая

октябрьская забастовка. В числе действующих лиц романа — высокопоставленный царский сановник сенатор Аблеухов, террорист Дудкин, университетский приятель Дудкина и сын сенатора Аблеухова Николай Аполлонович. Значительное место в романе занимает также руководитель террористической организации Липпанченко, прототипом которого послужил известный провокатор Азеф. Через Липпанченко в действие романа вступает охранное отделение. Между всеми этими людьми устанавливаются сложные отношения, которые, по мысли Белого, и должны передать характер общественной ситуации, сложившейся в стране к концу 1905 года. Вместе с тем, решая проблему исторической судьбы России, Белый прибегает и к помощи Пушкина: широко вводит он в роман темы и образы поэмы «Медный всадник», с их помощью создавая свою историческую концепцию. Но он не «повторяет» Пушкина. В поле его зрения — Россия 1910-х годов, находящаяся в преддверии грандиозных социальных потрясений; отблеск их лежит на всех страницах романа «Петербург». Однако роман этот несколько сложен для восприятия современного читателя; в нем содержатся мотивы и отдельные образы, которые несут на себе следы субъективного восприятия Белым некоторых моментов русской истории. Не совсем обычен «Петербург» и по манере письма: он написан ритмизованной прозой, в чем сказался экспериментальный характер этого произведения. Но сила сатирического разоблачения правящих верхов Российской империи в «Петербурге» такова, что его можно поставить в один ряд с лучшими разоблачительными произведениями русской литературы. Романом, на котором лежит «отпечаток гениальности», считал «Петербург» Александр Блок. Роман расчитан на широкие круги филологов, а также людей, интересующихся русской литературой конца XIX — начала XX веков.

Машинопись (копия). Помета: Отдано Попугаевой [?] в ЛО изд. «Наука».

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» —
Ленинградскому отделению издательства «Наука»

30 декабря 1968

Копии: Д.Е. Максимова

Л.К. Долгополова

Редколлегия серии «Литературные памятники» АН СССР просит заключить договор на подготовку к изданию книги «Андрей Белый. Петербург» со следующими лицами:

1. Долгополов Леонид Константинович [...] кандидат филолог. наук — подготовка текста памятника (42 а.л.), составление примечаний (4,5 а.л.). Срок исполнения — май 1970 г.

2. Максимов Дмитрий Евгеньевич [...] доктор филол. наук, профессор — написание статьи (2,5 а.л.) и титульное редактирование книги (41,5 а.л.). Срок исполнения — август 1970 г.

Редколлегия считает целесообразным выплатить аванс. Издание предусмотрено перспективным планом. Проспект утвержден редколлегией.

Председатель Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР

Академик Н.И. Конрад

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись (копия) на бланке; подписи — автограф. Опущены почтовые адреса.

14 марта 1969 г. Ленинградское отделение издательства «Наука» в лице директора Рыжакова Дмитрия Степановича и Долгополов Леонид Константинович заключили издательский договор № 1422 на издание книги «Андрей Белый. Петербург». Срок представления рукописи — 5 октября 1970 г. Расценки: составление примечаний — 120 рублей за авторский лист, подготовка текста — 40 рублей за авторский лист.

Д.Е. Максимов — Л.К. Долгополову

20 марта 1970

Многоуважаемый Леонид Константинович

(эпитет запрограммирован Вами: мне лично, стихийно хотелось бы называть Вас менее официально...).

Простите, что не ответил Вам сразу: чувствую себя не бог весть как. По поводу своей статьи о «Петербурге» обрадовать Вас не могу. Я постепенно собираю для нее материалы, но писать скоро не начну: мешают другие насущные дела и весьма посредственное состояние здоровья. Предполагаю, что возьмусь за статью осенью, но, конечно, к октябрю ее не представлю, буду просить большой отсрочки. Впрочем обо всем этом я Вас предупреждал и, как Вы помните, заключил этот липовый безавансный договор прежде всего для того, чтобы заключили таковой с Вами.

Не буду в претензии, если Вы найдете другого автора статьи, способного дать более высокие темпы. Тогда напишу о «Петербурге» независимо от этого издания: для какого-нибудь журнала или ученых записок. Распорядитесь, как Вам лучше, — честное слово, не обижусь. Если же автором статьи останусь все же я, то мы с Вами можем еще раз встретиться и еще раз обсудить вопрос о размежевании. Но мне и сейчас представляется (как и тогда), что *главнейшее* Ваше дело: дать историю написания, изданий, произвести текстологическое исследование и привести наиболее интересные варианты. Для «*Петербурга*» это всё *абсолютно* необходимо и особенно для академ[ического] издания «*Петербурга*». Все остальное лишь надстройка. М.б. у Вас нет склонности к текстологии, но Вы сами понимаете, что в данном случае без нее не обойтись. К тому же текстологический уклон Вашей работы облегчит наше с Вами размежевание: в своей статье я посвящу этому вопросу не больше одной страни[цы].

Английский «Пет[ербург]г» (на русском языке) я могу Вам дать месяца на два — это мой рабочий экземпляр, и он мне летом потребуется.

Конечно, мне было бы приятней и интересней прочесть Вашу рецензию на мою книгу в большом объеме, а не сокращенном новомиромском, но разумеется, и эта форма — лучше, чем ничего. Ведь Вы — один из очень немногих настоящих специалистов по символизму, и Ваше слово в этой области всегда интересно.

Кстати, мне предлагают сейчас (как предлагала Лит[ературная] энцикл[опедия]) общую трехлистовую статью о символизме для сборника ИМЛИ «Мировая литература на рубеже 19 и 20 веков». Отказываясь, я позволяю себе назвать Ваше имя как наиболее подходящего автора этой статьи.

Не пропадите на такие астрономические сроки и, пожалуйста, не болейте.

Ваш Д. Максимов

Простите за машинописный способ письма — руки.

Машинопись, подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — Д.В. Ознобишину

[1970]

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

На днях мы с Д.Е. Максимовым говорили о предстоящей совместной работе, связанной с переизданием в серии «Литературные памятники» романа А. Белого «Петербург». Беседа протекала в дружественной обстановке и в атмосфере приподнятости и энтузиазма. Был затронут и вопрос, непосредственно касающийся самой издательской техники этого дела. И вот тут у нас возникло одно небольшое пожелание, или даже просьба, с которой я и обращаюсь к Вам.

Исходя из ряда соображений, которыми я поделюсь с Вами при встрече, мы пришли к тому, что нам было бы удобнее иметь дело не с Ленинградским отделением издательства «Наука», а с самим этим издательством, с его, так сказать, центральными органами, находящимися в Москве. Дома работать всегда бывает труднее. Мы согласны бывать в необходимых случаях в Москве, мы обещаем незамедлительно реагировать на возможные вызовы и запросы. В конце концов, Москва не за горами, да и побывать там лишний раз приятно.

Нельзя ли сделать так, чтобы эта наша просьба была принята во внимание? То есть — чтобы мы и договор заключали в Москве, и отвезли туда готовую книгу, и чтобы она печаталась в Москве.

Я очень прошу Вас, Дмитрий Владимирович, переговорить с кем необходимо и постараться сделать так, чтобы просьба наша была удовлетворена. Нам кажется, что такой поворот дела значительно облегчил бы нашу работу.

Я буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы сообщите мне о результатах Ваших действий (или переговоров) по этому вопросу, для нас — немало важно. Даже если машина уже «запущена» — нельзя ли ее перезапустить?

С искренним уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (копия). Датируется приблизительно по содержанию.

Л.К. Долгополов — Д.В. Ознобишину

24 января 1971

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

В октябре прошедшего, 19[70] года исполнился срок сдачи в издательство «Наука» рукописи романа Андрея Белого «Петербург», которая готовится мною вместе с проф. Д.Е. Максимовым. К нашему огорчению и большому сожалению, мы не только не смогли сдать рукопись в указанные сроки, но даже не готовы сделать это и сейчас.

Целый ряд обстоятельств — болезнь Д.Е. Максимова, мои осложнения с плановыми (служебными) обязательствами и переезд на новую квартиру — усложнил нашу и без того сложную жизнь и ограничил наши и без того ограниченные возможности. Все дело в том, что мне никак не удается вырваться в Москву на один-полтора месяца, не менее. Все к этой поездке у меня уже подготовлено, и я думаю, что нынешним летом я ее осуществлю.

И вот сейчас, от себя лично и по поручению Д.Е. Максимова, я обращаюсь к Вам с просьбой ввести нас в курс дела относительно того, каким образом и на какой максимально возможный срок мы могли бы просить у издательства отсрочки с представлением рукописи «Петербург». Я думаю, что если бы нам разрешили продлить срок подготовки этого романа на *полтора года* (и, следовательно, сдать рукопись в марте-апреле 19[72] года), мы могли бы вполне уложиться и уже этот срок не нарушили бы. Скажите, реально это? Или, может быть, больше года на продление срока не полагается? И на чье имя нужно адресовать заявление?

Меня все эти вопросы беспокоят потому, прежде всего, что я получил аванс в издательстве и чувствую перед ним свою моральную ответственность, тем более, что в переиздании «Петербурга» я сам заинтересован прежде всего.

Очень прошу Вас, дорогой Дмитрий Владимирович, откликнуться на это мое послание, чтобы мы знали, на что мы тут можем рассчитывать.

Мой новый адрес [...]

С искренним уважением, Ваш [Л. Долгополов]

Машинопись (копия).

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

17 января 1972

Дорогой Леонид Константинович!

Спасибо Вам за письмо. Мы с женой только что вернулись из Кисловодска.

Комментарии Ваши прочту с интересом: присылайте. Дмитрию Евгеньевичу позвоню, прочтя Ваши комментарии, чтобы в случае чего иметь контраргументацию. Если его статьи не будет (что возможно), то тужить нечего — напишете Вы.

Будьте во всем благополучны в Новом Году.

Искренне Ваш Д. Лихачев

Автограф.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

[16 февраля 1972]

Дорогой Леонид Константинович!

На заседании Президиума РИСО я провел «Петербург» в объеме 40 листов. Сдавать в издательство в конце 73 года. Но нужна статья — цит. Кого-то надо придумать помимо Д.Е. Максимова.

Д.Е. Максимова отнесите материалы — он уже обиделся, что Вы принесли мне «минуя его».

Ваши теории очень интересны и важны. Почему-то не нашел «Петербург» Анненского. Это очень важное стихотворение и продолжает панмонголистскую тему Соловьева («забава» для кого-то).

Простите за неряшливость, тороплюсь. Позвоните!

Ваш Д. Лихачев

Автограф. Датируется по почтовому штемпелю.

Д.Е. Максимов — Л.К. Долгополову

6 марта 1972

Многоуважаемый Леонид Константинович,

Еще до Вашего письма я ответил Дмитрию Сергеевичу, что согласен посмотреть Вашу работу по Белому, поскольку он на этом настаивает и если Вы продолжаете этого хотеть. Если мы с Вами разойдемся в каких-то коренных принципах издания (с этими принципами Вы меня не познакомили, и я их не знаю), то мое участие ограничится неофициальным отзывом. Если же мы с Вами найдем деловой и бесконфликтный язык, я готов, как это было вначале задумано, остаться так называемым «общим редактором» книги. Позвоните и принесите, когда Вам будет удобно, текст Вашей работы и иллюстрации, о которых Вы пишете.

Поскольку в Вашем письме Вы затрагиваете «историю вопроса», а история не безразлична для настоящего и будущего, я хочу сделать по этому вопросу некоторое разъяснение.

Я не считаю, что *моя* позиция по отношению к изданию Белого была шаткой. Прежде всего шатким было и остается само издание (не просто ученый секретарь [Д.В. Ознобишин] по собственной инициативе звонил мне и более или менее укрепил во мне эти мысли). Тем не менее эта объективная шаткость издания не внесла серьезных поправок в мою позицию: от издания Белого *сам по себе* я не отступал и не отступил бы, но приводящие обстоятельства, в том числе и Ваша позиция, заставили меня некоторые аспекты пересмотреть.

1. От статьи своей о «Петербурге» я не отказывался и не отказываюсь до сих пор, но я вынужден *отложить* ее представление до того времени, когда будет дописана и принята моя книга о Блоке. Вы опередили меня в работе и поэтому — само собой разумеется — я ни внешне, ни внутренне не буду возражать против замены меня как автора статьи другим автором. Если я буду жив (?) и здоров (?), я напишу такую статью о «Петербурге», хотя бы для другого издания (напр[имер], для Тарту). Непредвиденное мною заключение договора на книгу о Блоке — вот причина задержки с представлением статьи, а не моя «шаткость».

2. От редакции я также не думал отказываться до тех пор, пока, минуя меня, Вы не отдали своей работы Дм[итрию] Сергеевичу, т.е. фактически не исключили меня из естественной и установленной системы редактирования. Где же здесь *моя* «шаткость»?

На этом вопрос об истории, в основном, исчерпывается. Теперь, если хотите, попробуем поработать вместе.

С уважением Д. Максимов

Машинопись; подпись-автограф.

Д.Е. Максимов — Л.К. Долгополову

10 марта [1972]

Дорогой Леонид Константинович,

Кажется, я должен Вас огорчить. Я решил отказаться от «Петербурга». Роль автора статьи о нем (в отличие от роли комментатора и редактора), по нынешним временам, — трагическая, чреватая бесконечными допечатными

мытарствами. Приспосабливать статью я не хочу. По-моему, нужен такой автор, как В. Перцов или кто-либо вроде. Пока не пишу об этом в Москву, т.к. в своем письме я мог бы выдвинуть имя моего заместителя, а это имя нужно согласовать с Вами. Подскажите, пожалуйста, что придет Вам на ум.

Жаль, что так получается, но иначе не выходит. Позвоните!

Ваш Д. Максимов

Автограф (открытка). Датируется по содержанию: оттиск почтового штемпеля неразборчив.

Д.Е. Максимов — Д.В. Ознобишину

20 апреля 1972

В Редакционную коллегию
серии «Литературные памятники»
Ученому секретарю Д.В. Ознобишину

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

Я получил выписку из протокола редколлегии «Памятников» по поводу моей статьи о «Петербурге» Белого. К сожалению, я должен сообщить в ответ, что представление мною этой статьи, от которой я не отказываюсь, значительно задерживается. Я смогу написать ее не ранее, чем через полтора-два года, когда закончу книгу о Блоке, к которой готовился долгие годы. Если такая задержка неприемлема для Редакционной коллегии (вполне это допускаю), то, конечно, возможная передача статьи другому автору с моей стороны никаких возражений не вызовет.

Д. Максимов

Машинопись (копия) с подписью-автографом и притиской от руки:

Леонид Константинович, посылаю Вам «для сведения» — чтобы была точность и не было «закулисных».

Д. Максимов

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

17 июля 1972

Дорогой Леонид Константинович!

Всё очень хорошо (Ваш план). «Петербург» включен в редакционный план 73 г. Сдавать рукопись надо не позднее декабря 72 года. Имейте это в виду. Если не успеет Д.Е. Максимов, сдадим со статьей Перцова, а Д.Е. попросим быть редактором.

Успехов и успехов.

Д.Е. доволен Вами.

Искренне Ваш Д. Лихачев

Автограф (открытка).

Л.К. Долгополов — В.О. Перцову

17 апреля 1973

Многоуважаемый Виктор Осипович!

Вчера я был в издательстве «Наука» и с прискорбием узнал о том, что Вам до сих пор не выслано соглашение о статье для издания романа А. Белого

«Петербург» в серии «Литературные памятники». Это просто их халатность, тем более, что соответствующее указание от редакционной коллегии серии было получено ими в начале марта. Ради бога, простите!

Исходя из бумаги, полученной мной от Д.В. Ознобишина, я понял, что договоренность с Вами достигнута. Я чрезвычайно рад этому, может быть, наконец-то издание это сдвинется с места. Я просил Д.В. Ознобишина ознакомить Вас с содержанием моей статьи и комментариев. Не знаю, сделал ли он это. Я также просил его передать Вам на словах, что написанное мною о «Петербурге» ни в коей мере не может служить для Вас препятствием. Даже в том случае, если внезапно возникнут какие-то совпадения, я проведу редактуру своих разделов так, чтобы эти совпадения ликвидировать.

Любой аспект (или любая тема), избранные Вами для статьи, будут для всех нас интересны и поучительны — я знаю это, потому что мне известны Ваши прежние статьи, в том числе и те, в которых затрагивается роман А. Белого «Петербург».

Виктор Осипович! Издательство настаивает на как можно скорой сдаче рукописи. Они едва ли не в этом году намерены сдать том в производство. Мы с Д.Е. Максимовым (отв[етственным] редактором) обещали им положить рукопись на стол в мае-июне нынешнего года. Я спешно сейчас дописываю примечания, перепечатаваю все заново и надеюсь, что в мае мне удастся вручить том на окончательное заключение отв[етственному] редактору. Ему, в свою очередь, потребуются не менее месяца. В каком виде Ваша статья? Делается ли она? Из-за халатности работников нашего издательства никто из них ничего об этом не знает. В ближайшие дни они высылают Вам текст соглашения. Это ужасно, что они до сих пор Вам его не выслали, потому что, как я понимаю, это может задержать работу над статьей. Но теперь уже сомнений относительно издания никаких быть не может. «Петербург» прочно включен в план выпуска 1974 или 1975 года (они сами точно даты не определяют, потому что, очевидно, не знают, какое количество редакторской работы там предстоит проделать и успеют ли они с нею справиться, чтобы выпустить том в 1974 году). Но дело это решенное, прошедшее по всем инстанциям и ими всеми утвержденное.

Очень, просто *очень* прошу Вас, уважаемый Виктор Осипович, написать статью для «Петербурга» и так, чтобы она по возможности не очень бы запоздала к тем срокам, которые установились у нас с издательством. В отношении, высланном Вам Д.В. Ознобишиным, таким сроком указан июнь нынешнего года. Может быть, еще можно успеть к этому сроку?

Ради бога, извините меня за беспокойство!

С искренним и глубоким уважением Л. Долгополов

Машинопись (копия).

Л.К. Долгополов — В.О. Перцову

29 апреля 1973

Многоуважаемый Виктор Осипович!

Если мое письмо показалось Вам тревожным, то Ваше письмо произвело на меня впечатление почти катастрофическое. Я был убежден, что договоренность с Вами достигнута давно и сполна и что статья Ваша не сегодня-завтра должна появиться в Ленинграде. А тут такое сообщение, от которого волосы

готовы стать дыбом! Три года я тащу на себе этот воз по переизданию «Петербурга», готовлю текст, строчу комментарии, потом пишу статью и внезапно узнаю, что люди, на обязанности которых — прямой обязанности! — находят вопросы организации этого дела, палец о палец не ударили за все эти три года. Поразительная безхозяйственность и безответственность. Есть от чего прийти в уныние.

Однако, во всем этом есть один положительный момент: я увидел, что издание наше не имеет хозяина. Даже не «персимфанс», а просто клубная сельская самодеятельность. Надо немедленно спасать дело, которое и без того затянулось. И Ваше участие в нем, лестное и крайне важное для меня лично, может оказаться решающим и с общей точки зрения.

С Вашего позволения, два слова из «истории вопроса». Статью писать для этого издания, осуществляя при этом общее редактирование, должен был Д.Е. Максимов. Однако, получив возможность написать книгу о Блоке (о чем он давно мечтал), Максимов отказался от статьи. Поскольку у меня к этому времени было написано о «Петербурге» около 15 листов, редколлегия предложила мне взять на себя написание статьи. Я согласился, и статья под заглавием «Литературные и исторические источники “Петербурга”» готова (примерно 3 листа). При этом выяснилось, что как статья, так и комментарии носят сравнительно частный характер, который (для такого издания, как «Петербург») должен быть подкреплён какими-то общими и, главное, *авторитетными* суждениями о романе в целом. То есть надо было просто, чтобы кто-то из очень авторитетных людей сказал бы, что Белый — не враг народа и не агент международного империализма и что его роман «Петербург», несмотря на некоторые, не совсем приемлемые нам стороны концепции, все же явление значительное и вполне заслуживающее переиздания в серии «Лит[ературные] памятники». Когда встал этот вопрос (а это было более года назад), я тут же назвал Ваше имя. Я действительно считаю Вас самым авторитетным исследователем по периоду рубежа веков, к тому же — что крайне важно — доброжелательно относящимся к Белому. Мое предложение было принято, поддержано Д.С. Лихачевым, и вот тогда-то Вы получили от него письмо. Я считал, что вопрос исчерпан, статья делается, и сам соответственно стал форсировать комментарии, тексты и статью.

Поэтому письмо Ваше было для меня полной неожиданностью. Я не знаю теперь, что делать, потому что в *шоне* издательство ожидает рукописи в полном объеме. Мы с Д.Е. Максимовым заверили их, что этот срок выдержим. Я, не разгибая спины, сижу над «Петербургом». Я устроил им скандал, когда узнал, что Вам еще не послан договор. *В пятницу, 27 апреля, он был Вам отправлен.* Нынче Вы уже должны были его получить.

Но, как это все ни печально, интересы дела требуют, чтобы был найден какой-то выход из положения. Виктор Осипович! Пусть Вас не коробит мой тон письма. Я с беспредельным уважением отношусь и к Вам, и к Вашей работе. По Вашему Маяковскому я сдавал экзамены в университете. Я прекрасно помню Вашу статью в «Вопросах литературы» об изучении литературы начала века, где говорится и об А. Белом. «Петербург» — дело моих последних трех-четырёх лет, наиболее для меня зрелых и важных. Я написал целую книгу об этом романе, перевернул все архивы, вскрыл подлинный смысл всей трилогии, истории ее создания и оформления содержания. И мне будет крайне обидно, если он не увидит света. А такая возможность вполне допустима. Нужно вызвать его, и без Вашей помощи мне одному этого не осилить.

Чем я конкретно могу быть полезен Вам? Через две-три недели я получу с машинки скомпанованный и отделанный справочный аппарат (приложения, статья и комментарии). Вместе с этим письмом я посылаю пока Вам примерное содержание книги, в том виде, в каком она мне мыслится; там все эти разделы имеют свои заглавия. Получив всё с машинки, я мог бы всю эту часть книги переправить Вам. Во-первых, я был бы крайне признателен Вам за любые замечания, которые у Вас всё это вызовет. Во-вторых, Вы просто ознакомились бы с общим состоянием «дела», «вопроса» — как хотите. Одним словом, с предполагаемым составом книги. Я думаю, что здесь нельзя упускать случая и надо постараться насытить ее как можно большим количеством материалов. Так я и поступал, тем более, что материал — *абсолютно* приемлемый и в ряде случаев просто первоклассный. Особенно хороши письма Белого, в которых он поносит Запад. Правда, он движется тут не в русле Маяковского, а в русле Толстого — Достоевского. Но это тоже хорошо: он не открывает, а завершает. Так я об этом и пишу.

Вопрос теперь в том, когда Вам наиболее удобно было бы получить эти материалы? То есть, когда реально у Вас нашлось бы время ознакомиться с ними? Через три недели я буду готов. Был бы чрезвычайно признателен Вам, если бы Вы сообщили мне, когда Вам удобней всего было бы получить эти материалы. Я переправлю Вам их в один момент.

Второе: чем реально Вы могли бы помочь мне (и Белому)? Поскольку Вы заняты сейчас Маяковским, здесь нужна политика. Она будет подкреплена делом, как я с удовольствием понял из Вашего письма, но пока на первый план надо выдвинуть политику. Прежде всего, как я понимаю, не надо вводить издательство в курс наших отношений и в распорядок Вашей работы. Ни к чему им знать, когда Вы будете заняты, а когда — свободны. Надо, чтобы они знали, что договор Вами получен, подписан, Вас удовлетворил и что над статьей Вы работаете. Как только статья будет завершена, Вы вышлете ее в адрес издательства. Вот и всё. В крайнем случае впоследствии можно будет сослаться на позднее получение Вами договора. Я же, основываясь на таком Вашем заявлении, буду требовать, чтобы рукопись у меня приняла *пока* без Вашей статьи и начали бы над нею работать. Она пролежит в издательстве, как это обычно у нас водится, не менее года. За это время всё можно будет успеть сделать: и статью написать, и мною написанное исправить (сократить, удлинить и т.д.), и вставить новые разделы, и изъять старые. Главное — заставить их сейчас официально принять рукопись. Между прочим, для меня это крайне важно и с денежной точки зрения. Второй год не работая в Пушкинском доме, я вынужден пробавляться временными заработками и гонорарами, причем, эти последние, как они ни скудны, составляют едва ли не главную статью дохода. Живу я трудно, поэтому получение положенных мне после сдачи рукописи в издательство 35% позволило бы мне некоторое время не думать о деньгах (небольшое, правда, но все-таки время), за которое я постарался бы пробить брешь еще в каком-нибудь издательстве. Для меня это тоже стимул, и я прошу Вас учесть и эту сторону дела. Если же они узнают, что дело с Вашей статьей затягивается, они могут на вполне законных основаниях повременить с принятием уже готовой части рукописи.

Вот, многоуважаемый Виктор Осипович, как обстоят дела с Белым. Единственное, на что я уповаю, это то, что если роман будет издан, незамеченным он не пройдет. Для меня это главное. Национальная культура есть

национальная культура, и если мы о ней не будем заботиться, то кто же станет это делать?

С искренним и глубоким уважением Л. Долгополов

Машинопись (копия).

Соглашение

№ 2076 от 13 июня 1973 г.

В дополнение к договору № 1422 от 14.03.69 настоящее соглашение между ЛО издательства «Наука» и автором Л.К. Долгополовым составлено о следующем:

1) считать за Л.К. Долгополовым составление текстов в объеме 40 авт[орских] листов, написание вступительной статьи в объеме 3-х авт[орских] листов и написание комментариев в объеме 8-ми авторских листов;

2) в связи со сложностью материала вступительной статьи установить ее оплату в размере 275 руб. за авторский лист.

Директор ЛО издательства «Наука» Д. Рыжаков

Автор Л. Долгополов

Машинопись (копия); подписи-автографы, печать.

Л.К. Долгополов — Д.С. Лихачеву

6 июля 1973

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Только что я вернулся из Сестрорецка, где был у Д.Е. Максимова на даче. Я ездил туда по его приглашению для работы над «Петербургом». И я получил сегодня от Д.Е. твердый и окончательный отказ от участия в этом издании. Только что по настоянию Д.Е. я добился от издательства пересмотра наших договоров — в связи с новым распределением обязанностей (Д.Е. оставил за собой лишь редактирование книги, отдав мне написание статьи). И вот я получил такой сюрприз... Четыре года я убеждаю Д.Е. в том, что без него это издание состояться не может. За эти четыре года отношение Д.Е. ко мне приобрело вид своеобразной пытки: каждый раз, когда наступает новый период наших деловых (увы, говоря очень условно!) отношений, Д.Е. разыгрывает очередную «сцену отказа», и я умоляю его чуть ли не на коленях не делать этого, после чего Д.Е. выдвигает целый ряд условий, твердо оговариваясь, что только при соблюдении каждого из них он возьмет на себя редактирование книги. Я веду часовые (и даже более!) разговоры с Д.Е., убеждая его и уговаривая не оставлять этого дела, потому что и сам хорошо знаю, что более авторитетного специалиста, нежели Д.Е., у нас в Союзе по символизму и А. Белому нет. Я так устал от всего этого, что у меня стали иссякать силы. Сегодня я впервые, кажется, воздержался от уговариваний. Я был готов к этому окончательному отказу; зная немного Д.Е., я почти наверняка предполагал, что он все равно состоит. И у меня не остается иного выхода, кроме обращения к Вам с изложением обстоятельств дела.

Я не знаю, чем в действительности руководствовался Д.Е., принимая это губительное для А. Белого и для меня решение. Я знаю только аргументы. Ранее главным аргументом была книга о Блоке, над которой работает сейчас Д.Е. «У вас есть книга о Блоке, а у меня нет книги о Блоке», — сказал мне как-

то Д.Е. Я не придал тогда значения этой фразе, а вот сегодня она снова была повторена. Правда, не помешало же это Д.Е. прочитать все те 15 листов, что были мною написаны. Они были высоко оценены им, но при этом Д.Е. , естественно, потребовал сократить текст, прочнее приспособив его к типу издания, т.е. сделал его более комментарием. Я проделал всю эту работу, заново перепечатал весь свой текст и дал уже сейчас на окончательный просмотр Д.Е. За это время я выдержал еще две «сцены отказа», уговаривая каждый раз Д.Е. не давать хотя бы на время ходу «решению отказаться от редактирования». Книга о Блоке ему, конечно, важнее и дороже сейчас, чем «Петербург». (Фраза Д.Е., неоднократно говорившаяся им мне: «Пора подводить итоги». Я слышу ее от него уже лет пять.) Конечно, при таком положении особой заинтересованности у Д.Е. в «Петербурге» быть не может. Для меня же это — единственное дело сейчас в жизни. Вот эта разница в подходах, разница «психологических состояний» и дает о себе знать.

И сейчас в разговоре с Д.Е. о романе и типе издания снова всплывает вопрос о приложениях, характере комментариев, о том, каково *должно быть* содержание статьи и т.д. При этом мне прямо предписывается определенная схема, и Д.Е. совершенно не слушает меня, когда я говорю, что характер материала только и может создавать форму книги. Многое из того, что было сказано Д.Е. ранее и сказано в нынешнюю нашу «встречу», сполна учтено и еще будет учтено мною. Я ведь всегда внимательно выслушивал все замечания Д.Е., и он это прекрасно знает. Книга идет по линии *прямого улучшения*, совершенствования конструкции и т.д. Еще и поэтому столь решительный отказ Д.Е. огорчил меня. Слова Д.Е. : «Я не могу дать вам просто так свою подпись, я должен внимательно еще раз прочитать всю книгу, а на это у меня нет времени».

На реализацию нынешних замечаний Д.Е. у меня уйдет июль, в августе я все это перепечатаю еще раз, и в сентябре книга — на мой взгляд! — будет готова к сдаче в издательство. Бесконечные улучшения и совершенствования тоже, по-моему, ни к чему, улучшать можно вечно, но ведь надо же и издавать!

Я не знаю, будет ли принята «отставка» Д.Е. Я уже ничего тут поделывать не смогу. Когда Д.Е. говорит мне, что у меня есть книга о Блоке, а у него нет книги о Блоке («хотя — подразумевается — я имею на это больше оснований»), — я не знаю, что отвечать. Я просто теряюсь, потому что сама личность Д.Е. , как и уровень его знаний для меня несоизмеримы ни с какими книгами. Я передаю его решение на Ваш суд.

Было бы идеально, Дмитрий Сергеевич, если бы редактирование «Петербурга» взяли на себя Вы. Вы единственный человек, кто писал об этом романе в последние пятьдесят лет [так] (я эту Вашу статью с удовольствием привожу в комментариях), и кроме того Ваш авторитет сыграл бы свою роль в процессе продвижения книги по издательским каналам. По-моему, никаких препятствий «Петербургу» со стороны «сфер» сейчас не должно быть. Да и в комментариях я пишу о романе крайне осторожно. Мы упростили бы Д.Е. еще раз, после сдачи рукописи в издательство, посмотреть ее. Думаю, что он не отказал бы нам, тем более, что расставание наше сегодня имело в высшей степени джентльменский характер. Расстались мы, как Чичиков с Маниловым, хотя досада душила меня. По-моему, Д.Е. убивает мысль об обязанностях, ответственности, которую он берет на себя, официально числя себя редактором. Пусть не чис-

лит себя в этой должности, попросим его подойти к изданию с позиций доброжелательного, но строгого и авторитетного читателя. Мне кажется, что такая смена позиций вполне возможна в данном случае. Вы же читали мои комментарии, и, помнится, они в общем были приняты вами. К этому письму я прилагаю содержание книги (примерное оглавление) в том виде, в каком оно сложилось к настоящему времени. При этом мы с Д.Е. проработали несколько наиболее авторитетных изданий серии «Лит[ературные] памятники», учтя ее особенности. Не включена в оглавление статья Перцова-Мясникова, просто потому что, не зная ее характера и содержания, затрудняюсь в определении места, куда ее следовало бы поместить. Здесь дано только то, что подготовлено мною. Нет также «От редакции» (или «От редактора») — не знаю, будет ли. Если потребуется и появится такое, можно будет вставить позднее.

Таковы печальные дела с «Петербургом». Я понимаю, что такие издания, как «Петербург», не делаются быстро и безболезненно, но уход Д.Е. пронзил меня, что называется, в самое сердце.

Только что во 2-ом номере журн[ала] «Русская литература» напечатана моя статья о Бунине, в которой я с огромным удовольствием процитировал Ваше глубокое и в высшей степени справедливое суждение о Бунине из книги «Поэтика древнерусской литературы». Сейчас готовлю большую статью о «Жизни Арсеньева» (в духе напечатанной статьи), в которой постараюсь еще шире развернуть аргументацию о «чувстве историзма» у Бунина с еще большей опорой на Ваше суждение. К сожалению, до сих пор нет оттисков, и я не могу прислать Вам экземпляр.

С искренним и глубоким уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (первый экземпляр), без подписи.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

[11 июля 1973]

Дорогой Леонид Константинович!

Одновременно с Вашим письмом я получил письмо от Дм.Евг. Он хвалит Вашу работу, не соглашается с типом комментария и решительно отказывается по тем же причинам, что выставил и Вам. Я написал ему письмо: предлагаю двойную редактуру — его (без дальнейшей (?) работы) и кого-либо по его указанию (кому он доверяет). Он предлагает единственного — Е.Б. Тагера.

Не думайте, что он такой в отношен[ии] Вас. Он такой же и в отношен[ии] себя: вечно откладывал, доделывал, сомневался и пр. За это его упрекал еще Владислав Евгеньевич⁵. Он говорил: «Дм.Евг. имеет гипертрофированное самолюбие. Он думает, что издавать следует только шедевры».

И мне тоже с ним трудно. Он мне никогда не звонит (мы с ним товарищи по курсу в ЛГУ), а когда позвоню я ему, то жалуется: «Вы меня совсем забыли, загордились, мешает академическое звание» и пр. Когда я ему говорю, что звоню только я ему, а он мне — никогда, он бурчит (шутливо, но и серьезно): «Я что, я ничтожество! Это Вы облечены званиями» и т.д. Беда! Поэтому Вы не обижайтесь. Черта характера...

С Комитетом по делам печати, кажется, Ознобишин договорился, но еще письма от него не получил. Поэтому не решаюсь утверждать, что подходящая погода пришла. Ждать осталось недолго. *А кого Вы предлагаете в редакторы?*

⁵ В.Е. Евгеньев-Максимов (1883–1955), старший брат Д.Е. Максимова. — В.М.

Я — это не серьезно. Это только вызовет разговоры и разорвет мою дружбу (странную) с Дм.Евг.

Будьте здоровы.

Ваш Д. Лихачев

Автограф. Датируется по почтовому штемпелю.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

[20 июля 1973]

Дорогой Леонид Константинович!

Д.Е. Максимов остается вторым редактором. За него все доделает, за неделю до рецензирования — Дикман. Ее привлечем редактором. Опытный редактор нужен. Без этого нельзя. А формальный редактор не нужен. Мясникова просим дать статью. В течение [7]4 г. «Петербург» выйдет и возражения К[омитета] по п[ечати] кончатся. Пишу в поезде — поэтому неряшливо.

Искренне Ваш Д. Лихачев

Дм.Евг., повидимому, действ[ительно] трудно (психологически).

Автограф (открытка). Датируется по почтовому штемпелю.

Д.С. Лихачев — в Центральный комитет КПСС

27 июля 1973

В Центральный комитет КПСС

Игорю Сергеевичу Черноуцану

Многоуважаемый Игорь Сергеевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь редколлегии [серии] «Литературные памятники» напечатать роман А. Белого «Петербург».

К «Петербургу» привлечено сейчас внимание многих литературоведов за рубежами нашей страны. Роман за последние 10 лет выпущен на всех европейских языках (включая скандинавские, финский и пр.). Переводы сделаны по очень неточным изданиям, и сам роман неправильно (и тенденциозно) интерпретируется.

К сожалению, у нас очень мало специалистов, работающих по Белому. У буржуазных литературоведов создано даже впечатление, что Белым у нас никто вообще не занимается. Зарубежные литературоведы приезжают к нам и настойчиво пытаются заниматься Белым, его архивными материалами. Рано или поздно им удастся получить и опубликовать по частям всё, что у нас хранится. Публикация материалов по Белому приняла уже в США, Англии и пр. странах достаточно широкий размах.

В связи с этим редколлегия «Литературных памятников» приняла решение выпустить полное и тщательное научное издание «Петербурга» и опубликовать к нему большие статьи, комментарии и некоторые важные архивные материалы, которые позволили бы установить на роман марксистскую, советскую точку зрения.

По представлению редколлегии в марте 1969 г. Ленинградским отделением издательства «Наука» был заключен договор с к.ф.н. Л.К. Долгополовым на издание «Петербурга». Издание включено в печатные проспекты нашей серии. Редактором издания и автором статьи был утвержден проф. Д.Е. Максимов. Впоследствии Д.Е. Максимов от статьи отказался, и она была поручена Л.К. Долгополову. Предполагается также вступительная статья А.С. Мясникова.

Подготовка к печати этого сложного произведения, не имеющего единой и авторитетной редакции, затянулась. Л.К. Долгополовым была проведена большая исследовательская работа по установлению истории создания «Петербурга», представлявшегося А. Белому второй частью обширной романтической трилогии. Прделана большая исследовательская работа по выявлению реального идейного содержания романа, которое складывалось в 1910-е годы под непосредственным воздействием ожидания надвигающихся на Россию исторических преобразований. А. Белый отдавал себе отчет в их характере, но воспринимал их, разумеется, в очень своеобразной форме. В подготовленном издании установлена наша, советская точка зрения и на «Петербург», и на характер духовной эволюции Белого в 1910-е годы. Мы получили тем самым реальную возможность, подкрепленную многими неизданными материалами, воспрепятствовать распространению ненаучных домыслов и измышлений, в достаточной широкой мере бытующих как в мемуарах русских эмигрантов, так и в статьях буржуазных литературоведов.

При этом мы печатаем не последнюю, а первую печатную редакцию «Петербурга». Здесь дан наиболее полный, признанный исследователями классический текст романа. После 1914 г. Белый начал «переписывать» свою творческую биографию заново — заново переписал ранние стихотворные сборники, сильно сократил (допустив смысловые изъяны) «Петербург». К выводу о необходимости печатать не последнюю, а первую опубликованную редакцию «Петербурга» пришла при обсуждении этого вопроса и редакционная коллегия серии «Литературные памятники» в своем заседании 9 декабря 1967 года под председательством покойного акад. Н.И. Конрада. Вообще редколлегия много занималась этим изданием. Члены редколлегии читали все представляемые Л.К. Долгополовым материалы. Мы не просто давно числили «Петербург» в своих планах — мы *работали* над этим изданием.

И вот теперь, когда работа по подготовке издания закончена и рукопись представлена Л.К. Долгополовым, Комитет по делам печати дает распоряжение «Петербург» Белого в серии «Литературные памятники» не печатать, а печатать «Петербург» в издательстве «Художественная литература», занятом в основном массовыми изданиями, для которых «Петербург» не годится. Распоряжение это нами было оспорено — 5 июля 1973 г. мой заместитель член-корреспондент АН СССР А.М. Самсонов и ученый секретарь редколлегии д.и.н. Д.В. Ознобишин были приняты Б.И. Стукалиным, который после беседы устно отменил распоряжение и «вернул» «Петербург» в издательство «Наука». Однако через полторы недели последовало новое распоряжение передать «Петербург» издательству «Художественная литература». При этом ни я, ни автор подготовленного труда Л.К. Долгополов не были поставлены в известность о таком решении. Просто директор ЛО издательства «Наука» позвонил Л.К. Долгополову и в директивной форме предложил представить рукопись труда для передачи ее представителю издательства «Художественная литература», минуя редколлегию «Лит[ературных] памятников». 24 июля в помещении ЛО издательства «Наука» состоялась встреча Л.К. Долгополова с представителем издательства «Художественная литература» и дирекцией ЛО «Науки». Я на эту встречу приглашен опять-таки не был. Представитель ИХЛа в присутствии дирекции ЛО издательства «Наука» потребовал от Л.К. Долгополова рукопись с тем, чтобы решить вопрос о том, насколько она пригодна для частичного использования в ИХЛе (разумеется, о полном научном издании со

всеми комментариями, вариантами и дополнениями речи быть не может: тем самым ослабляется вся идеологическая сторона издания).

Произошло что-то странное и не совсем обыкновенное. Подготовлено академическое издание романа А. Белого, с использованием большого числа рукописных материалов и обширным комментарием, в котором затронут круг главных вопросов, связанных с истолкованием «Петербурга», — и вдруг это издание отклоняется издательством, по заказу которого оно и было подготовлено! К тому же отклоняется без всяких мотивировок, без консультации со специалистами, без учета того, что именно это издание рекомендуется к печати ученой редколлегией серии «Литературные памятники», вложившей в издание свой труд.

Как выяснил Л.К. Долгополов из беседы с представителем ИХЛа, в последнем даже не решен вопрос о том, какую редакцию «Петербурга» следует издавать и кто будет готовить издание. У нас же рукопись готова к сдаче в производство. Наше издание явилось бы первым научным изданием этого романа. Мы могли бы издать его только для специалистов, так как в массовом издании «Петербург», по нашему мнению, не нуждается. Тем не менее наше малотиражное издание сыграло бы большую роль в правильной интерпретации этого памятника у нас и за рубежом, свидетельствовало бы о том, что советская наука занимается Белым. Массовое издание в ИХЛе такого значения не имело бы.

Обращаясь к Вам с просьбой от имени всей редколлегии [серии] «Литературные памятники» восстановить «Петербург» в планах издательства «Наука», а не ГИХЛа, я хотел бы еще сказать Вам, что хотел бы осенью встретиться с Вами относительно всех изданий нашей серии. В планы нашей серии вмешивается большое число различных организаций, не всегда считаясь с нашими замыслами, с нашей аргументацией, с научной стороной вопросов. Мне надо было бы показать и объяснить Вам наши планы, посоветоваться с Вами, просить на них Вашей санкции.

С искренним уважением, председатель редколлегии ЛП
Академик Д.С. Лихачев

Машинопись (копия); подпись-автограф. Игорь Сергеевич Черноуцан (1918–1990), в то время заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Постановление редакционной коллегии серии «Литературные памятники» АН СССР

26 ноября 1973

Утверждение представленных к печати рукописей.

Андрей Белый. Петербург. Издание подготовил Л.К. Долгополов. 49 а.л.

Одобрить и утвердить работу Л.К. Долгополова. Просить издательство ускорить заключение договоров с А.С. Мясниковым и М.И. Дикман по сделанным представлениям.

Председатель редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР
Академик Д.С. Лихачев

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подписи-автографы.

В.А. Косолапов — Л.К. Долгополову

4 декабря 1973

Уважаемый Леонид Константинович!

Письмо Ваше получил. Думаю, что надо подождать выхода в свет «Петербург», внимательно ознакомиться с сопровождающим роман научным аппаратом и тогда уже решать, что целесообразнее: давать ли в связи с переизданием романа Андрея Белого специальную статью, или ограничиться рецензией.

С уважением В. Косолапов

Автограф. На бланке главного редактора журнала «Новый мир». Валерий Алексеевич Косолапов (1910–1982), главный редактор «Нового мира» (1970–1974).

Т.Г. Цявловская — Л.К. Долгополову

3 декабря 1973

Дорогой Леонид Константинович!

После того как Вы мне сообщили, что вопрос об иллюстрациях к «Петербургу» будет решать Д.С. Лихачев, я написала ему. Посылаю Вам копию этого письма и продолжаю надеяться, что и Вы посмотрите эти чудесные работы и скажете свое слово. Уверена, что Вы будете очарованы их артистизмом. Д.В. Ознобишин, посмотрев иллюстрации, говорил дочери Антонины Федоровны Софроновой, что, когда Вы придете в Москву, то он поедет с Вами к ней. Ее «координаты» спишите, пожалуйста, из письма к Д.С. Лихачеву.

Ваше письмо с новым адресом затерялось под археологическими наслоениями у меня на столе. Поэтому простите, если мне придется опять отправить его по старому, пушкинодомскому адресу. Нашла!

Желаю Вам всего самого лучшего.

Т. Цявловская

Машинопись; подпись — автограф. Копия письма Т.Г. Цявловской Д.С. Лихачеву в архиве не сохранилась.

И.А. Евстафьева — Л.К. Долгополову

24 января 1974 года

Многоуважаемый Леонид Константинович!

Письмо мое по поводу иллюстраций к роману А. Белого «Петербург», выполненных в 1947 году моей матерью, художницей Антониной Федоровной Софроновой.

Много раз я собиралась Вам писать, но и столько же раз откладывала. Я не знаю, что надо сказать, как надо написать Вам, чтобы слова мои приобрели в Ваших глазах не простое, естественное желание родной дочери, чтобы иллюстрации ее матери-художницы были напечатаны. Какими словами убедить Вас, что в данном случае есть более глубокая необходимость подойти к этому вопросу.

Основное чувство, которое движет мною и теми, кто видит эти иллюстрации, — чувство необходимости, чтобы они были достоянием общества, а не лежали в папках. Мы знаем не так уж много примеров, когда в иллюстрациях раскрытие образов литературного произведения дается художником с такой же

силой, как и писателем. В данном случае это то редкое сочетание творчества писателя и творчества художника. Антонина Федоровна иллюстрировала этот роман не для заказа, а повинувшись своему творческому вдохновению.

В 1962 году в Центр[альном] Доме Литераторов состоялась персональная выставка А.Ф. Софроновой (при ее жизни, она скончалась в 1966 г.). Часть этих иллюстраций там выставлялась, и в книге отзывов было немало высказываний в их пользу.

Для характеристики творчества А.Ф. Софроновой добавлю, что она еще иллюстрировала Блока (тоже не для заказа), и ее «Незнакомка» получила «путевку в жизнь» и была воспроизведена в книге А. Туркова «Александр Блок» в серии «Жизнь замечательных людей» и в «[Краткой] Литературной энциклопедии» — на листе иллюстраций к слову «символизм».

Напечатанный роман А. Белого «Петербург» с иллюстрациями А. Софроновой будет замечательным подарком советскому читателю и новым вкладом в культурную жизнь нашей страны. Я смело об этом говорю, потому что убеждена в этом сама, и я не единственная так думаю.

Татьяна Григорьевна [Цявловская], наверно, Вам написала, как тепло отнеслись к этим рисункам в изд[ательст]ве «Наука», когда я носила их для показа — и в редакции, и в художеств[енном] совете (который как раз тогда состоялся), на котором в общих чертах обсудили техническую возможность их напечатания.

Я очень прошу Вас, Леонид Константинович, когда Вы будете в Москве, выделить время, чтобы посмотреть иллюстрации и попытаться найти возможность как-то пересмотреть решение издательства в вопросе печатания иллюстраций в серии «Литературные памятники».

Если решите их посмотреть, то по телефону условимся, когда и где устроить встречу с показом рисунков.

С уважением И. Евстафьева

Автограф. Иллюстрации А.Ф. Софроновой (1892–1966) в издание «Петербурга» в серии «Литературные памятники» не вошли.

А.С. Мясников — Л.К. Долгополову

9 июля 1974

Уважаемый Леонид Константинович!

Я все еще болен, меня не пускают на работу и запрещают много читать. Вашу работу по Белому я прочел всю, кроме последнего раздела — примечаний, которые нужно читать параллельно с текстом романа, чего в данное время я сделать не в состоянии.

Работа Ваша произвела на меня отрадное впечатление. Мне думается, что она поможет современному читателю понять значение одного из сложнейших романов русской литературы, фактически незнакомого нашему современнику. С убедительной полнотой Вы рассказали о сложной истории создания этого романа, о его различных редакциях. Вами проведена большая текстологическая работа, требующая большого времени и необыкновенной тщательности. Вы привлекли большой архивный материал, впервые давая читателю возможность познакомиться с многочисленными письмами и другими документами, имеющими важное значение не только для понимания романа Белого, но и духовного климата тех далеких от нас лет. Особую Вашу заслугу я вижу в том,

что Вы сопоставили роман Белого с другими произведениями писателя и особенно с его философскими, социологическими и эстетическими концепциями. Все это позволяет мне вместе с Вами порадоваться Вашему успеху.

Однако, в Вашей работе я вижу и некоторые недостатки, которые, как мне кажется, могут быть устранены еще до сдачи ее в печать.

Прежде всего, нужно провести серьезную редакторскую работу, отчасти уже начатую, судя по карандашным пометкам, сделанным в читанном мной экземпляре. В работе встречаются повторения, иногда дословные, дважды и даже трижды приведены одни и те же цитаты. Можно сократить перечень сюжетов произведений Белого, непосредственно «не работающих» на разбираемую проблему. Некоторые части можно перенести в примечания.

Когда Вы пишете о том, что Белый опирался на ту или иную философскую систему западных мыслителей, хотелось бы, чтобы было более четко отмечено, какая сторона этой системы волновала Белого, что он в ней не принимал, какие проблемы решал самостоятельно. Вероятно, при рассуждении о стихийных и организующих началах, которые так волновали Белого, стоило бы вспомнить более обстоятельно о дионисийском и аполлоновском началах из Ницше, которые были очень популярны в конце XIX — начале XX века.

Особое место в духовной эволюции Белого занимал Штейнер. Вы об этом говорите очень сжато, суммарно. Что привлекало Белого у Штейнера, почему он отошел от него, как это повлияло на роман Белого.

Во многих местах работы Вы говорите о новых стилистических исканиях Белого, но очень мало показываете их особенности, отразившиеся в тексте романа.

Некоторые Ваши суждения мне показались излишне категоричными, например, размышления о «великих переменах», которые Белый относил то ли к 1914 году, то ли к 1954-ому.

Мне показался не очень аргументированным тезис о том, что Белый — последний певец Петербурга и первый историк петербургского периода.

Не очень прояснена проблема рассказчика в романе Белого.

Сопоставление романа Белого с поэмой Блока очень интересно, но может быть углублено для доказательства уместности такого сравнения.

Проблема провокации не очень удачно сопоставлена с вершинами героизма. Это лучше снять.

Хотелось бы более четко сказать о тех «сверисторических силах», о которых рассуждают герои романа.

Посмотрите еще раз, в какой мере фраза Гоголя «вдруг стало видимо во все концы света» ощущается в привлеченных Вами цитатах из романа Белого.

Какое отношение к роману Белого имеет приведенное Вами высказывание Витте о русской армии?

Ваши наблюдения над тем, как Белый в своем романе извращал реальную топографию Петербурга, очень интересны. Однако вывод о том, что Белый занимался топографической контаминацией, недостаточно объяснен.

Вот, уважаемый Леонид Константинович, те замечания, которые у меня возникли при чтении Вашей содержательной и, на мой взгляд, очень нужной работы. Может быть, Вы сочтете возможным использовать некоторые из них при окончательной подготовке рукописи к печати.

Искренне желаю Вам успеха и всего, всего самого доброго.

Крепко жму руку Мясников

P.S. Рукопись Вашу, как мы договорились, буду пересылать Вам частями по почте. Примечания, если разрешите, задержу. А.М.

Автограф. На обороте последнего листа записи Л.К. Долгополова:

1. О повторениях — объяснить.
 2. О дополнениях (Штейнер, Ницше) — дать.
 3. Прояснить некот[орые] места.
 4. О посл[еднем] разделе — Петерб[ург] «П[етербург]га» — хотел дать в Изв[естия] ОЛЯ —?
 5. Статья Мясникова — как быть? когда?
- Проблема «внутр[енней] топографии». 2 города — реаль[ный] и город (на этом запись обрывается. — В.М.).

Л.К. Долгополов — Д.С. Лихачеву

3 августа 1974

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Я получил на днях от А.С. Мясникова материалы по «Петербургу», которые — помните — я отвезил в Москву для ознакомления. Он хорошо и доброжелательно отозвался о моей работе, хотя сделал несколько замечаний делового характера.

Но он сказал одну не очень радостную вещь, а именно: в связи со своей болезнью он сможет написать статью не ранее ноября–декабря. Правда, он загорелся этим делом, стал даже придумывать тему себе для статьи и т.д. Но нам придется еще ждать. В Гослитиздате «Петербург» ни с места, они даже перенесли его из плана выпуска 1974 г. на 1975 г. Но и за 75 г. ручаться не могут — нет автора статьи (он непременно должен быть согласован с ЦК, они провели зимой А.С. Мясникова без его ведома, но он, узнав об этом, категорически отказался, потому что уже пишет для нас). Я и подумал, что мы, оказавшись во всеоружии, смогли бы начать продвигать наш «Петербург», мотивируя тем, что они еще не готовы, а мы уже готовы. Но вот из-за статьи пока этот план придется отложить.

А.С. Мясников предложил мне в процессе ознакомления с моими комментариями сделать на этой основе какую-нибудь публикацию для «Известий ОЛЯ». Я выбрал самый нейтральный раздел — «Образ города в романе А. Белого (Петербург “Петербургга”»)» — согласовал свой выбор с А.С. Мясниковым, довел раздел до 28 страниц и отправил на адрес «Известий ОЛЯ», на имя Д.Д. Благого. Очевидно, осенью будут рассматриваться планы, выплывет и моя статья, и я прошу вас замолвить два слова (я помню, что и Вам, и Д.Е. Максиму этот раздел понравился).

Забыл я Вам сказать при встрече, что я был у Е.И. Володиной, говорил с нею по Вашему совету относительно книги. Выяснилось, что из рубежа веков реален только Блок: Бунина они уже издавали, все остальное под вопросом. Дважды мы встречались и мило разговаривали. Я послал ей заявку на книгу: «Александр Блок. Личность и творчество». Восемь листов на эту тему мне было бы написать и интересно, и нетрудно. Здесь тоже, очевидно, осенью будут обсуждаться планы издательства. Для меня эта книга могла бы оказаться серьезным подспорьем. Что касается статьи о Бунине, то она взята «Вопросами литературы» и, как я полагаю, пойдет там в первой половине будущего года (в ней — большие ссылки на материалы, публикуемые М. Грин, я их все хорошо

знаю; кстати, я понял, почему именно она оказалась наследницей бунинского архива, расскажу Вам после). У меня же внезапно стала получаться добротная диссертация с тремя героями — А. Блок (лирический герой и преобразование поэзии), А. Белый (проблема традиций на материале «Петербурга») и И. Бунин (как «Судьба Бунина», т.е. личность писателя и литературный процесс на рубеже веков). Немного похоже на солянку сборную, но зато за питательность могу поручиться. Где-нибудь зимой пойду разговаривать с Базановым. Не испугает ли его заглавие — «Личность писателя, герой литературы и литературный процесс»? Вообще допустимы ли в докторских диссертациях такого рода привольные заглавия? Правда, будет подзаголовок, но сама по себе неопределенность заглавия?

Простите, Дмитрий Сергеевич, что я отнимаю у вас время. 10 августа я уезжаю до конца сентября на юг, вот я и хотел поставить Вас в известность до отъезда.

С искренним уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (копия). Е.И. Володина — редактор ЛО издательства «Наука».

Выписка из протокола заседания редакционной коллегии серии «Литературные памятники»

25 ноября 1974

О подготовке запланированных изданий.

Андрей Белый. Петербург.

Просить издательство «Художественная литература» ускорить решение вопросов, связанных с изданием последней редакции романа. Просить А.С. Мясникова представить статью к марту 1975 г.

Председатель Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР

Академик Д.С. Лихачев

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина — автограф.

Выписка из протокола заседания редакционной коллегии серии «Литературные памятники»

20 мая 1975

Материал к проекту плана редакционной подготовки на 1976 год.

Просить РИСО АН СССР включить в план редакционной подготовки на 1976 год следующие издания:

Наименование памятника: Андрей Белый. Петербург.

Отв[етственный] редактор: Д.С. Лихачев

Объем а.л.: 49

Срок предст[авления] в издательст[во]: сентябрь 1975 г.

Председатель Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР

Академик Д.С. Лихачев

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина — автограф.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» —
А.С. Мясникову

1 июля 1975 г.

Копии: Д.С. Лихачеву
Л.К. Долгополову

Редколлегия просит Вас представить статью для книги «Андрей Белый. Петербург» 1 сентября 1975 г.

Ученый секретарь редколлегии серии
«Литературные памятники» АН СССР
Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — директору ЛО издательства «Наука»

11 ноября 1975

Директору Ленинградского отделения
издательства «Наука» С.Н. Чепурову
Долгополова Леонида Константиновича

Заявление

В ноябре 1973 года мною в соответствии с договором сдана в издательство рукопись книги «Андрей Белый. Петербург». Книга должна была быть издана в серии «Литературные памятники». В декабре того же года рукопись была отправлена на рецензию и, насколько мне известно, получена положительная рецензия проф. Н. Скатова.

Никаких редакционных заключений или предложений от издательства я за прошедшее время не получал, из чего можно заключить, что никаких возражений со стороны издательства рукопись не вызвала.

Однако по неизвестным мне причинам книга до сих пор не издана, хотя в библиографическом «Справочнике» «Литературные памятники» она значится в разделе «Готовящиеся издания» (справочник издан в 1973 году).

В марте 1974 г. по моему заявлению мне был перечислен гонорар в размере 50% договорной суммы, а в июне 1975 г. еще в размере 10%.

В связи с тем, что работа мною выполнена полностью, а срок издания книги истек, ПРОШУ выплатить мне оставшиеся 40% общей договорной суммы.

Л.К. Долгополов,
кандидат филологических наук

Машинопись (копия); подпись-автограф. В архиве сохранились подготовительные заметки к заявлению. Сергей Николаевич Чепуров (1927–1995), директор Ленинградского отделения издательства «Наука».

ЛО издательства «Наука» — Л.К. Долгополову

14 ноября 1975

Уважаемый Леонид Константинович!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что в соответствии с пунктом 12 типового издательского договора на произведения политической, научной и другой литературы, утвержденным приказом Председателя Комитета по печати

при Совете Министров СССР № 169 от 10 апреля 1967 г. Издательство обязано издать рукопись Вашей книги «Андрей Белый. Петербург» не позднее двух лет со дня одобрения произведения.

Исходя из пункта 8 данного договора днем одобрения Вашей рукописи издательством является 4 июля 1974 г.

Таким образом, Ваша просьба о выплате оставшихся 40% гонорара преждевременна, поскольку срок издания Вашего произведения истекает 4 июля 1976 года.

Директор С.Н. Чепуров

Машинопись (на бланке); подпись — автограф.

ЛО издательства «Наука» — Л.К. Долгополову

8 июня 1976

Уважаемый Леонид Константинович!

ЛО издательства «Наука», к сожалению, не может своевременно издать Вашу рукопись «Андрей Белый. Петербург», так как этот роман печатается в издательстве «Художественная литература».

В настоящее время вопрос об издании Вашей рукописи в издательстве «Наука» решается в вышестоящих инстанциях. Учитывая, что срок издания истекает 04.07.76, издательство предлагает Вам пролонгировать договор № 1422 от 14.03.69 с зачетом выплаченных Вам 60% гонорара.

Просим, по возможности срочно, известить Издательство о Вашем согласии.

Директор С.Н. Чепуров

Юрисконсульт Т.И. Дерябина

Машинопись (на бланке); подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — директору издательства «Наука»

22 июля 1976

Директору издательства «Наука»

Г.Д. Комкову

Многоуважаемый Геннадий Данилович!

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне разрешить спорный вопрос, неожиданно возникший между мною и ЛО издательства «Наука». Вопрос этот связан с несостоявшимся изданием романа А. Белого «Петербург», который должен был выйти в серии «Литературные памятники». 14 марта 1969 г. ЛО издательства «Наука» заключило со мной договор (№ 1422), согласно которому я брал на себя обязательство подготовить текст романа, составить примечания и написать статью.

Все условия договора я выполнил. Рукопись была сдана в издательство 1 декабря 1973 года. Никаких письменных отказов от издательства или каких-либо заключений, касающихся состава и содержания рукописи, за все истекшее время я не получил. Рукопись моя была тем самым одобрена. Это подтвердилось и тем, что мне безукоснительно перечислили 60% гонорара.

По истечении двух лет со дня сдачи рукописи я обратился в издательство с просьбой выплатить мне оставшиеся 40% суммы гонорара. В ответ я получил

официальное извещение за подписью Сергея Николаевича Чепурова, в котором говорилось, что днем одобрения моей рукописи является 4 июля 1974 г. и, следовательно, «срок издания истекает 4 июля 1976 г.» Я принял это к сведению. Однако, явившись в издательство после 4 июля, я был крайне недоброжелательно встречен главным редактором А.А. Фроловым, который, сославшись на то, что книга не была выпущена по независящим от издательства причинам, отказал в выплате причитающихся мне 40% гонорара. Затем С.Н. Чепуров подтвердил отказ А.А. Фролова, обещая выплатить деньги после предполагаемого выхода книги в свет. Но Вы, конечно, в курсе дела и знаете, что тут имеются свои сложности, которые не зависят ни от меня, ни от издательства.

Я не специалист по авторскому праву и поэтому обращаюсь к Вам с просьбой разобраться в моем вопросе. Мне очень не хотелось бы обращаться в судебные инстанции, и поэтому я прошу Вас, в случае, если Вы найдете мою просьбу обоснованной, дать указание ЛО издательства «Наука» выплатить мне оставшуюся сумму гонорара.

По ряду обстоятельств я нигде не служу, я член профессиональной группы писателей при ЛО Литфонда СССР. Гонорары, получаемые мною от издательства, составляют главный (и единственный) источник моего существования.

С искренним уважением Л. Долгополов

Машинопись (копия); подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — П.А. Зайончковскому

Многоуважаемый Петр Андреевич!

Прежде всего прошу извинить меня за то, что обращаюсь к Вам, не будучи лично с Вами знакомым. Извинением мне, однако, может послужить значение для меня той чрезвычайно важной справки, которую, как я полагаю, кроме как от Вас, мне не от кого больше получить.

В течение нескольких лет я занимаюсь изучением романа А. Белого «Петербург» и даже подготовил его для переиздания в серии «Литературные памятники». Правда, издание это затянулось — но уже по независящим от меня причинам. Если Вас это заинтересует, я могу сообщить Вам подробности в более детальном изложении. Одной из главных фигур романа является, как известно, сенатор Аблеухов, одним из прототипов которого, в свою очередь, был К.П. Победоносцев. Причем, биография Аблеухова прямо списана с биографии Победоносцева, только все отнесено примерно на десять лет вперед. Рядом с сенатором выведен его сын Николай Аполлонович, также центральная фигура романа. В его облике настойчиво подчеркивается Белым сочетание красоты и уродства, причем, последнее преобладает и имеет не только внешний характер, но и характер внутренний, скрытый в душевной организации. Уродство сына Аблеухова — вещь для меня очень важная. Здесь мы имеем дело с большим символическим обобщением, касающимся людей целой исторической эпохи. Из повести С. Голубова «День Константина Петровича» (М., 1941) явствует, что и у Победоносцева был сын и что он тоже был урод — нечто вроде сына Василия Фивейского у Леонида Андреева («Жизнь Василия Фивейского»). Причем, уродство в данном случае — абсолютное: он и полный идиот, и физически совершенно немощен, лежит все время чуть ли не в гамаке.

К моему великому сожалению, я нигде не смог найти бытовой биографии Победоносцева, чтобы проверить Голубова. Кстати, и отношения Победонос-

цева с женой, описанные Голубовым, вполне проэцируются на семейные отношения сенатора Аблеухова. Очевидно, если Голубов не сочиняет, все эти вещи были хорошо известны в обществе и вполне могли послужить Белому моделью. Но так ли это? То есть — действительно был ли у Победоносцева сын и был ли этот сын уродом? Так ли сложились семейные отношения обер-прокурора, как они описаны Голубовым?

Вот, собственно, два вопроса, ответ на которые помог бы мне в работе над «Петербургом». И я был бы крайне признателен Вам, если бы Вы нашли время что-нибудь сообщить мне по этому поводу. Кстати, замечу в скобках, повесть Голубова написана под сильным и очень заметным влиянием А. Белого именно как автора романа «Петербург».

Я хорошо знаю Ваши работы, постоянно пользуюсь ими, поэтому и обращение мое именно к Вам не должно Вас удивить.

Ради Бога, простите за беспокойство!

С искренним уважением [Л. Долгополов]

Машинопись (копия). Приблизительно датируется между 1975 (выход т. 20 «Большой советской энциклопедии» со статьей П.А. Зайончковского о Победоносцеве) и 1977 гг. (изменение домашнего адреса автора).

Выписка из протокола заседания редакционной коллегии серии «Литературные памятники»

3 марта 1978

Текущие вопросы.

О постановке научных докладов на заседаниях Редколлегии. (Предложение Д.С. Лихачева)

Ставить 1–2 научных доклада в год. Просить Н.В. Измайлова сделать доклад в Ленинграде о текстологических вопросах подготовки к изданию «Медного всадника» Пушкина. Просить Л.К. Долгополова сделать доклад в Москве о текстологических вопросах подготовки к изданию «Петербурга» Андрея Белого. Приглашать на заседания специалистов.

Зам. Председателя Редколлегии

серии «Литературные памятники» АН СССР

Член-корр. АН СССР А.М. Самсонов

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина — автограф.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» — Л.К. Долгополову

4 марта 1978

Глубокоуважаемый Леонид Константинович!

Ваш доклад предполагается поставить на заседании секции книги Московского дома ученых поздней осенью 1978 г. Так как планы календарные там составляются заблаговременно, прошу Вас известить меня о возможности Вашего выступления месяца за два до того, как оно может состояться.

Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись — автограф.

Повестка заседания Редколлегии
серии «Литературные памятники» АН СССР

Во вторник, 31 октября 1978 г. в 12 часов дня.

Текстология романа Андрея Белого «Петербург». Докладчик Л.К. Долгополов. [...] Заседание состоится в Ленинграде в Пушкинском доме.

Машинопись (ротап rint). Опу щены прочие пункты повестки дня.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

10 марта 1978

Дорогой Леонид Константинович!

Прочел Вашу книгу о Блоке. Прекрасно! Это лучшая книга о Блоке, которую я читал. «Путь» Максимова очень интересен, но цельного обзора, глубокого и одновременно популярного, книга Дм.Евг. не дает.

Не попробовать ли создать Вам такую же книгу о Белом? Это труднее в смысле прохождения, но, если и не пройдет, то втуне не останется. Напишите заявку. Я попробую провести. Пока мне не отказывают.

Искренне Вас любящий Д. Лихачев

И тени нет в книге приспособленчества. Тень впрочем неизбежна в последней главе, но... Вы не Орлов.

Машинопись; подпись — автограф.

Л.К. Долгополов — Редакционной коллегии
серии «Литературные памятники»

4 февраля 1979

В Редакционная коллегияу серии «Литературные памятники»
Председателю Редколлегии академику Д.С. Лихачеву

Заявление

В связи с тем, что в план редакционно-издательской подготовки 1979 года включен роман А. Белого «Петербург», подготовленный мною и сданный в издательство пять лет тому назад, я обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Просьба эта вызвана тем, что за прошедшие пять лет в исследовательской литературе появились новые материалы, не использовать которые в работе над «Петербургом» теперь уже невозможно. Кроме того, мною самим за это же время проделана работа по дальнейшему изучению архивных материалов из фондов А. Белого и близких ему деятелей литературы, в результате чего выявлены ценнейшие документы, значительно дополняющие и проясняющие как историю создания романа, так и его реальное содержание. Наконец, за прошедшее время мною в соответствии с Примечанием к пункту 4 типового договора, дающим автору право опубликовать до выхода в свет свое произведение «в газетах и журналах», опубликованы некоторые разделы из состава Приложений в журналах (главным образом, это «Русская литература» и «Известия ОЛЯ»).

В результате сложилось такое положение, которое требует от меня дополнительной работы по упорядочению разделов «Приложения» и «Комментарии». Работа эта потребует и сил, и времени. Оба раздела необходимо упо-

рядочить, приведя их в соответствие с нынешним уровнем наших знаний о романе А. Белого «Петербург». Я прошу редакционную коллегию серии «Литературные памятники» ходатайствовать перед издательством «Наука» о следующем:

1. Перезаключить со мной договор на написание статьи «История создания романа А. Белого “Петербург”» объемом в 4 авт[орских] листа, сохранив ту оплату, которая была определена дополнением к договору (Соглашение № 2076 от 13 июня 1973 года), т.е. по 275 р. за 1 авт[орский] лист.

2. Включить в договор пункт по подготовке текстов раздела «Приложения» объемом в 4 авт[орских] листа.

3. Заключить договор с сотрудниками Пушкинского дома С.С. Гречишкиным и А.В. Лавровым на написание примечаний к тексту романа объемом в 4 авт[орских] листа. (Практическое участие С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова в написании примечаний уже осуществляется, но необходимо, чтобы оно было зафиксировано официально.)

Обращаясь с этой просьбой, я напоминаю, что рукопись книги «Андрей Белый. Петербург» сдана мною в издательство 30 ноября 1973 года. Выпускать ее в свет в том виде, в каком она была подготовлена пять лет назад, мне возможным не представляется. Обогадилась и литература об А. Белом, и наши знания о романе «Петербург» — одном из наиболее сложных явлений русской прозы.

С искренним уважением Л.К. Долгополов,
кандидат филологических наук

Машинопись (копия); подпись — автограф.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники» —
директору ЛО издательства «Наука»

24 мая 1979

Директору Л/о издательства «Наука»
С.Н. Чепурову

Копии: Л.К. Долгополову
С.С. Гречишкину
А.В. Лаврову
Д.С. Лихачеву

Во уточнение к ранее сделанному представлению, редколлегия просит заключить договор на подготовку книги «Андрей Белый. Петербург» со следующими лицами:

1. Долгополов Леонид Константинович, кандидат филол. наук [...] подготовка текста (40 а.л.), написание статьи (3,5 а.л.) и примечания (2,5 а.л.).

2. Гречишкин С.С. [...] — написание примечаний (1,75 а.л.).

3. Лавров Александр Васильевич [...] — написание примечаний (1,75 а.л.).

4. Лихачев Дмитрий Сергеевич — титульное редактирование книги (49,5 а.л.)

Договоры с Д.Е. Максимовым и М.И. Дикман с их согласия на титульное редактирование должны быть расторгнуты.

Издание предусмотрено планом выпуска на 1980 год, утвержденным РИСО АН СССР.

Зам. Председателя Редколлегии
серии «Литературные памятники» АН СССР
Б.Ф. Егоров
Ученый секретарь Д.В. Ознобишин

Машинопись на бланке; подпись Ознобишина под копирку. Опуцены почтовые адреса.

20 декабря 1979 г. Ленинградское отделение издательства «Наука» в лице директора Чепурова Сергея Николаевича и Долгополов Леонид Константинович заключили издательский договор № 5020 на издание книги «Андрей Белый. Петербург». Рукопись представлена 30 ноября 1973 г. Расценки: статья-послесловие — 265 рублей за авторский лист, составление примечаний — 120 рублей за авторский лист, подготовка текста — 40 рублей за авторский лист.

Л.К. Долгополов — издательству «Художественная литература»

9 декабря 1980 г.

Издательство «Художественная литература»
Директору издательства В.О. Пузикову [так]

Многоуважаемый Валентин Осипович!

Недавно я узнал, что книга «Андрей Белый. Петербург», изданная Вашим издательством в 1978 г. с моими комментариями тиражом в 30 тыс. экз., вышла в нынешнем, 1980 году, вторым изданием и с теми же моими комментариями. Правда, мне сказали, что это было сделано по линии «Международной книги» и только для распространения через так называемую «Березку». Я не знаю, какие существуют правила на эти «березковые» издания, но по всем данным (имею в виду сроки — с момента выхода первого издания и с момента одобрения рукописи), а также наличие другого тиража (10 тыс. экз.), я, как мне кажется, — и это подтвердили мне сотрудники Ленинградского отделения охраны авторских прав — имею право на получение положенного мне гонорара. Так ведь бесконечно можно перепечатывать книги, продавать их за границу и не платить за них. Я вложил большой труд в это издание, проделав и работу, которая не предусматривалась договором (я вычитал всю книгу, от корки до корки, выправив и опечатки и описки А. Белого, и неточности А. Мясникова, и забывчивости П. Антокольского). В том, что книга вышла в таком приличном виде, есть немалая доля и моего труда.

Очень прошу Вас разъяснить мне положение дела, потому что, держа в руках второе издание книги, но не имея от Вас никаких сообщений на этот счет и никаких денег, нахожусь в некотором недоумении.

Прошу извинить меня за беспокойство.

Ваш Л. Долгополов

Машинопись (копия), подпись через копирку. Автор ошибся в фамилии адресата, о чем свидетельствует его запись на полях: Александр Иванович Пузилов — гл[авный] ред[актор]. Валентин Осипович Осипов — директор изд[ательств]ва.

Д.С. Лихачев — Л.К. Долгополову

Дорогой Леонид Константинович!

Недавно я писал Пузикову о «Петербурге». Вот его ответ. Я о Вас и о Белом не забываю.

Простите меня, что я принял Вас в последний раз так «по-чиновничьи».

Ваш Д. Лихачев

Автограф. Датируется по возможной связи с предыдущим письмом, хотя может иметь отношение к первому изданию «Петербурга» в «Художественной литературе» (1978). Ответ А.И. Пузикова в архиве не сохранился.

17 августа 1981 г. «Петербург» в серии «Литературные памятники» подписан в печать.

Запись Л.К. Долгополова

Январь 1984

О моем «Петербурге» (видимо?) запрещено упоминать в печати — ни звука, ни слова, хотя издание получило европейскую известность. В болтливой, примитивно-ортодоксальной, типично московской книжке В. Пискунова — ни слова об этом издании, хотя гребет он материал из меня лопатой. В чем дело? Видимо, если говорить — то серьезно, а к серьезным разговорам на серьезные лит[ературно]-ист[орические] темы отношение строгое.

Автограф. Имеется в виду книга: Пискунов В.М. Тема о России: Россия и революция в литературе начала XX века. М.: Советский писатель, 1983.

The Edition History of Andrey Bely's "Peterburg"

Vassili E. Molodiakov

Abstract: Publication of an unfinished memoir by L.K. Dolgoplov (1928–1995), a historian of the early XXth century Russian literature, and a set of documents from his archive devoted to the edition of Andrey Bely's novel "Peterburg" in the academic book series "Literaturnye pamyatniki".

Keywords: history of Russian philology, L.K. Dolgoplov, Andrey Bely, "Literaturnye pamyatniki" book series, preparation of a scholarly edition, historiography of the Russian Symbolism.

Information about the author: Vassily E. Molodiakov, LLD, PhD, Professor, Takushoku University, Tokyo, Japan. E-mail: dottore@mail.ru

Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя»)

И.А. Виноградов

Аннотация: В статье ставится принципиальный для истолкования любого произведения теоретический вопрос о том, насколько важным для понимания того или иного текста является определение его «вектора смысла» — цели, которой руководствовался автор в процессе работы. Одним из ключевых практических выводов святоотеческого истолкования евангельских притч является рекомендация руководствоваться главным смыслом, пренебрегая малозначительными деталями, которые служат лишь основой для «сюжетного» воплощения темы. Впервые этот принцип применен к одному из наиболее «проблемных» произведений в истории нашей словесности — знаменитой книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Уточняется место и значение этого гоголевского сочинения среди других произведений писателя; очерчена панорама наследия Гоголя в целом.

Ключевые слова: Гоголь, биография, художественное творчество, общественная идеология, цензура, интерпретация, герменевтика, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН. Москва. E-mail: info@imli.ru

Одним из ключевых практических выводов святоотеческого истолкования евангельских притч является рекомендация руководствоваться главным смыслом, пренебрегая теми малозначительными деталями, которые служат лишь основой для «сюжетного» воплощения темы. Игнорирование этого важного теоретического принципа, «увлечение» частностями в ущерб главному неизбежно приводят к искажению смысла притчи. Св. Иоанн Златоуст писал: «В притчах не нужно изъяснять всё по буквальному смыслу, но узнавши цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. [...] ... Не на всё в притчах должно обращать внимание»¹. Блаженный Феофилакт Болгарский добавлял: «Всякая притча прикровенно и образно объясняет сущность

¹ Творения св. Иоанна Златоуста. СПб., 1901. Т. 7. С. 655–656.

какого-нибудь предмета, но она не во всём подобна тому предмету, для объяснения которого берется. По сему не должно все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом насколько прилично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целости притчи и с предметом ее не имеющие никакого соответствия»². Церковный автор начала XX в. поясняет: «Следует иметь в виду, что Христос, беря для Своих притчей примеры из обыденной жизни Своих слушателей, пояснял Свое учение лишь главною мыслью рассказа, а не мелочными подробностями его, не имевшими иногда прямого отношения к главной мысли. Если допустить это положение, то бесполезны будут попытки истолковывать во что бы то ни стало все без исключения подробности каждой притчи; гоняясь за ними, можно упустить главную мысль, можно, как говорится в пословице, из-за деревьев не заметить леса»³.

Эти важные практические рекомендации, выработанные в процессе толкования новозаветных притч, носят универсальный характер и могут — и должны быть приняты во внимание при изучении замысла любого художественного или публицистического произведения, светского или церковного. Но потребность такого подхода возрастает многократно при изучении проблемных, вызывающих принципиальную полемику критиков и исследователей текста. К числу таких произведений в полной мере относится знаменитая книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Это гоголевское сочинение до сих пор порождает у читателей самые противоречивые суждения и реакции. Как представляется, только сосредоточившись на выявлении цели и «вектора смысла» этой книги, идей, которые в той или иной форме выражены почти в *каждом* из разнообразных писем этой книги, возможно определить ее уникальное значение, место в ряду других гоголевских произведений и главенствующий смысл этого сочинения.

В свое время академик Н.С. Тихонравов, в частности, подметил, что положения целого ряда итоговой книги Гоголя прямо перекликаются с содержанием «Тараса Бульбы». Исследователь обратил внимание на то, что важнейшими из тем и мотивов, объединяющих «Тараса Бульбу» с «Выбранными местами из переписки с друзьями», является мотив уныния и связанная с ним тема утешения скорбящего человека. Н.С. Тихонравов обнаружил прямые переклички между речами казацких атаманов, воздвигающих упавший дух воинов в седьмой, восьмой и девятой главах повести, и со-

² Благовестник: Толкования на святых Евангелия блаж. Феофилакта, архиеп. Болгарского. СПб., [1910]. С. 409.

³ *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1907. С. 464.

держанием статей «Переписки с друзьями» «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «О лиризме наших поэтов»⁴. В свою очередь биограф Гоголя В.И. Шенрок спустя несколько лет отметил, что религиозность Гоголя «в некоторых местах» «Тараса Бульбы», в частности, в описании смерти атамана Кукубенко, выразилась сильнее, чем даже в «Выбранных местах из переписки с друзьями»⁵.

Переключки между «ранними» художественными произведениями Гоголя и его последней книгой настолько многочисленны, что одно перечисление их может составить предмет отдельной монографии⁶. Если же взглянуть на этот вопрос несколько шире, опуская подробности, то следует напомнить об одном из важнейших итогов этих наблюдений — о давно общепризнанном представлении, что «Выбранные места...» являются своеобразным публицистическим эквивалентом незавершенного второго тома «Мертвых душ». Но и этого мало. Только теперь, в результате долгих исследований, мы приходим, наконец, к выводу о том, что «Переписка с друзьями» выступает не только эпистолярным изложением идейного содержания глав второго тома поэмы, но и полноценным отражением *всего* замысла «Мертвых душ», в его «неразорванном», едином художественном целом, включая первый том⁷.

Отсюда намечается еще один принципиально важный в понимании гоголевского наследия шаг. По признанию самого Гоголя, его ранние повести представляют собой ни что иное как «бледные отрывки тех явлений», «из которых долженствовала создаться в его законченной поэме «полная картина» (признание об этом Гоголь сделал в письме к М.П. Погодину почти в самом начале работы над «Мертвыми душами», 28 ноября 1836 г.)⁸. Словом, оказывается, что творчество Гоголя — это «неделимое» художественное полотно, в котором «ранние» произведения выступают своего рода подготовительными набросками, а «Мертвые души», в их оконча-

⁴ Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // Соч. Н.В. Гоголя. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. С. 670–671.

⁵ Шенрок В.И. Гоголь как художник // Киевская старина. 1902. № 6. С. 443.

⁶ См., в частности: Виноградов И.А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 448 с.

⁷ См.: Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От Повести о ссоре к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017 (в печати).

⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 11. Переписка 1835–1841. С. 86.

тельном виде, в трех томах, призваны обнять все грани художественной концепции, обобщить все стороны гоголевского художественного мира. Предваряющей попыткой такого обобщения и явились «Выбранные места из переписки с друзьями».

Уже из приведенных примеров — из переключек между «Тарасом Бульбой» и «Выбранными местами...» — можно вполне определенно судить, что тот, кто, вслед за В.Г. Белинским, не принимает последней книги Гоголя (чаще всего по идеологическим причинам), тот столь же радикально расходится с самим писателем и в понимании всего его художественного наследия — он «льстит» себе, заблуждается по поводу Гоголя точно так же, как обманулся насчет подлинного содержания гоголевских «ранних» повестей — а затем и «Ревизора», и «Мертвых душ» — Белинский. Следует иметь в виду, что скрытая полемика о настоящем смысле созданий Гоголя началась между писателем и критиком отнюдь не в 1847 г. — с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями»; она возникла уже в 1835-м, при самом появлении «Миргорода»⁹.

Поистине странным выглядит на этом фоне тот факт, что встреченное частью современников с явным недоброжелательством последнее опубликованное при жизни Гоголя сочинение, открывается теперь перед нами — после более чем полуторавекового периода слепого доверия к мнению Белинского — как самая патриотическая — равноценная повести «Тарас Бульба» — книга нашей словесности. Становится, наконец, очевидным, что патриотизм Гоголя с не меньшей силой и основательностью, чем в «Тарасе Бульбе», выражен и сформулирован в итоговых «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Несмотря на обширные цензурные изъятия, сделанные в «Переписке с друзьями» приятелем Белинского цензором А. В. Никитенко (в частности, по настоянию этого цензора в книге Гоголя были исключены главы XIX. *Нужно любить Россию*, XX. *Нужно проехать по России*, XXI. *Что такое губерния*, XXVI. *Страхи и ужасы России*, XXVIII. *Занимающему важное место*¹⁰), «Выбранные места...» даже в таком, обезображенном, обрезанном цензурой виде сохранили ярко выраженное религиозно-патриотическое со-

⁹ Подробнее см.: Виноградов И.А. Гоголь — художник и мыслитель. С. 347–363.

¹⁰ Подробнее см.: Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4: Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245.

держание. Именно это и стало главной причиной нападков на Гоголя со стороны западнической партии, прежде всего Белинского.

В то время, когда двадцатилетний «красный республиканец и социалист» Н.Г. Чернышевский мечтает о «поражении русских» в Венгрии¹¹, Гоголь со страниц вышедшей книги обращается к современникам, не изменяя при этом ни одному из своих прежних воззрений — ни тем, что выразились в «позитивном» «Тарасе Бульбе», ни тем, что определили критический пафос «Мертвых душ» (все цитаты приводятся далее по прижизненному изданию «Выбранных мест...», которое было известно современникам писателя только в подцензурной «редакции»):

«Оставивши всё прочее в сторону, посмотрим на нашу Россию, и в особенности на то, что у нас так часто перед глазами, — на множество всякого рода злоупотреблений¹². [...] Так много страдающих внутри России от голода, пожаров, болезней и всякого рода несчастий»¹³.

«Церковь наша есть жизнь... [...] Эта Церковь [...] одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши [...] и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласно стройностью [...] организма»¹⁴.

«Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновенье с верховным источником лиризма — Богом... [...] Два предмета вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому. Первый из них — *Россия*. [...] Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству. [...] Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется... [...] Перейдем к другому предмету [...] *любви к Царю*. [...] Поэты наши прозревали значение высшее Монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделать весь одна *любовь*, и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает покуда чутьем вся земля наша. [...] Государь [...] один может только [...] обратить в стройный оркестр государство¹⁵. [...] Поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать [...] восхищение от света, внесенного в Россию, изумление

¹¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 297.

¹² Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 17. I. Завещание.

¹³ Там же. С. 37. V. Чтения Русских поэтов перед публикою.

¹⁴ Там же. С. 59–60. VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве.

¹⁵ Там же. С. 68–71, 74, 76–78. X. О лиризме наших поэтов.

от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность Царям, того виновникам»¹⁶.

«Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика, какой, к чести высокой породы Русской, находится посреди отважнейших взяточников, который не берет даже и тогда, как все берет вокруг него. [...] Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из Русской земли... [...] Покажи, как совершается [...] богатырское дело в истинно Русской душе... [...]...Огни, а не слова излетят от тебя, как от древних Пророков, если только [...] так возлюбил спасение земли своей, как возлюбили они спасение Богоизбранного своего народа»¹⁷.

«Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным Русским пространствам. [...]...У редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он [...] положил самому себе в непременный закон служить земле своей... [...] От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырью, когда есть место, где развернуться ему!” [...] В России, теперь, на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святынню своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту»¹⁸.

«Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. [...] Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. [...] Многие у нас уже и теперь [...] стали хвастаться не в меру Русскими доблестями... [...] Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, нежели самонадеянность в себе. [...] Нет, [...] бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе “Мертвых душ”, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. [...] Рожден я вовсе не за тем, чтобы произвести эпоху в области литературной»¹⁹.

«Что такое наша поэзия вообще? зачем она была, к чему служила, и что сделала для всей Русской земли нашей? [...] Поэты наши слышали, что не пришло еще время [...] хвастаться собою; что

¹⁶ Там же. С. 201. XXXI. В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность.

¹⁷ Там же. С. 119–120. XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время.

¹⁸ Там же. С. 135, 138, 140. XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», письмо 2-е.

¹⁹ Там же. С. 151–153. XVIII, письмо 4-е.

еще нужно нам самим прежде организовать, стать собою и сделаться Русскими. [...] Другие дела наступают для поэзии. [...] ...Придется ей теперь вызвать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу... [...] Скорбью ангела загорится наша поэзия и, ударивши по всем струнам, какие ни есть в Русском человеке, внесет в самые огрубелые души святыню того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке. Вызовет нам нашу Россию — нашу русскую Россию»²⁰.

«В Русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения. [...] Отчего [...] одному Русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует [...] в одной его земле? [...]...Есть уже начала братства Христова в самой нашей Славянской природе, и побратанье людей было у нас роднее [...] и кровного братства... [...]...Есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, [...] сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, [...] не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имущества, жгли дома свои и земные достатки... [...] Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова восприздается прежде у нас, чем у других»²¹.

Даже в «обгрызенном Никитенкой оглодке»²² (так Гоголь называл свою книгу после «цензурного убийства»²³, которое совершил над ней приятель Белинского), даже в таком плачевном виде религиозно-патриотический пафос остался в ней главенствующим — гоголевские мысли в «Выбранных местах из переписки с друзьями» предстают как стройная, последовательная концепция.

Уместно привести в дополнение несколько цитат из тех статей, которые не были пропущены Никитенко. В статье с многоговорящим, недвусмысленным названием «Нужно любить Россию» Гоголь писал: «Если только возлюбит Русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России»²⁴.

В письме «Нужно проездится по России» он дважды восклицал: «Монастырь ваш — Россия!»²⁵

В статье «Что такое губернаторша» писатель замечал: «Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я про-

²⁰ Там же. С. 259, 261–262, 267–268, 270–271. XXXI. В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность.

²¹ Там же. С. 272, 274–275, 284–286. XXXII. Светлое Воскресение.

²² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 14. С. 75.

²³ Там же. Т. 14. С. 121.

²⁴ Там же. Т. 6. С. 88.

²⁵ Там же. Т. 6. С. 80, 96.

светлеет духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблагодарил еще более перед Провиденьем»²⁶.

Из статьи «Страхи и ужасы России»: «Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос... [...] Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках. Я бы вам назвал многих таких, которые составят когда-нибудь красоту земли Русской и принесут ей вековечное добро...»²⁷

Из статьи «Занимающему важное место»: «...Вы взошли именно на ту степень состоянья душевного, на которой нужно быть тому, кто захотел бы сделать теперь пользу России. [...] ...Вся Русская земля вызывает о помощи и [...] помощь ей можно оказать одними подвигами благородства... [...] ...Россия, точно, [...] несчастна от грабительств и неправды, которые до такой наглости еще не возносили рог свой...»²⁸

Высказано мнение, что «неудача» Гоголя с публикацией «Выбранных мест» объясняется тем, что для создания в русской литературе принципиально нового, «национального, православного» направления писатель воспользовался «уже отслужившим эпистолярным жанром» — «в ветхие мехи влил молодое, еще не перебродившее вино», — так что «потребовалось еще немало лет, чтобы Достоевский, освоив опыт Гоголя, создал новый жанр полифонической публицистики — Дневник писателя»²⁹. Отчасти это действительно так. Но только отчасти. Вполне очевидно, что в еще большей мере решительное неприятие книги Гоголя радикальной общественностью было вызвано исключительностью ее содержания — многократно прозвучавшим в книге утверждением о Богоизбранности православной самодержавной России, — той заветной идеей писателя, которая ни в каких, даже самых прочных «новых мехах» (жанровых формах) не удовлетворила бы тогдашних представителей отрицательного направления русской критики.

Полемика Белинского с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» отвела внимание от главного содержания гоголевской книги, затушевала ее первостепенную идею. Переведа разговор на частности, Белинский вполне достиг своей цели — так что до сих пор патриотическая составляющая книги остается где-то

²⁶ Там же. Т. 6. С. 108.

²⁷ Там же. Т. 6. С. 131–133.

²⁸ Там же. Т. 6. С. 148.

²⁹ *Споров Б.Ф.* Гоголь — новое прочтение. Заметки на полях книг // Н.В. Гоголь и Православие: Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 296–297.

на периферии читательского восприятия. Изучая спор Белинского с Гоголем — их «вопросы» и «ответы» — мы так или иначе полагаем, что здесь-то и кроется «основное», первостепенное общественное звучание гоголевской книги — с каким бы знаком ее не оценивать, либо с позиции Белинского, либо с позиции Гоголя. Навязав полемику, Белинский существенно сузил, исказил проблематику книги. В понимании, интерпретации и пересказе гоголевского сочинения Белинский, в силу иного склада мировоззрения, оказался толкователем столь же неискусным, как и в прежних критических разборах «ранних» художественных произведений Гоголя. К сожалению, ни современные, ни последующие критики, читатели и исследователи «Выбранных мест из переписки с друзьями» не заметили подмены существа спора, так что за частностями, за навязанными Белинским словопрениями по поводу отдельных вопросов, просмотрели главное, непреходящее значение гоголевской книги — ее глубочайший религиозно-патриотический пафос. Другой такой книги в нашей классической словесности нет.

Литература

Виноградов И.А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 219–245.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От Повести о споре к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017 (в печати).

Гладков Б.И. Толкование Евангелия. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1907. 718 с.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. 287 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Иоанн Златоуст, святитель. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1901. Т. 7. 912 с.

Споров Б.Ф. Гоголь — новое прочтение. Заметки на полях книг // Н.В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 289—344.

Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. С. 669—677.

Феофилакт Болгарский, блаженный. Благовестник. Толкования на святых Евангелия блаж[енного] Феофилакта, архиеп[ископа] Болгарского. СПб., [1910]. 768 с.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939. Т. 1. 860 с.

Шенрок В.И. Гоголь как художник // Киевская старина. 1902. № 6. С. 435–448.

References

Vinogradov I.A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [Gogol' as an Artist and Thinker: The Cristian Foundations of His Outlook]. Moscow, IMLI RAN; Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Neizvestnyye avtografy dvukh statei N.V. Gogolia o Tserkvi i dukhovenstve. K istorii izdaniia ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druž'iami’” [Unknown Autographs of Nikolai Gogol's Two Articles on the Church and the Clergy: The history of publishing Gogol's *Selected passages from correspondence with friends*]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Vol. 7: “Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr” [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XXth Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Issue 4. Petrozavodsk, Petrusu Publ., 2005, pp. 219–245. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot Povesti o ssore k zamyslu ‘Mertyvkh dush’” [Blessed are the peacemakers. From a Tale of a Quarrel to the Concept of the “Dead Souls”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 9: Philology. 2017 (in print). (In Russ.)

Gladkov B.I. *Tolkovanie Evangeliiia* [Interpretation of the Gospels]. 2nd rev. and enl. ed., St. Petersburg, 1907. 718 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami Nikolaia Gogolia* [Selected passages from Correspondence with Friends]. St. Petersburg, 1847. 287 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochineny i pisem*: in 17 vols. (15 books.) [Complete works and letters: in 17 vols. (15th book)], ed., comp. comm. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ, 2009–2010. (In Russ.)

Ioann Zlatoust, sviatel'. *Tvoreniia sviatago ottsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhi-episkopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode* [Creations of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in the Russian translation]. St. Petersburg, 1901. Vol. 7. 912 p. (In Russ.)

Sporov B.F. “Gogol' — novoe prochenie. Zametki na poliakh knig” [New Readings of Gogol. Notes on the Margins]. *N.V. Gogol' i Pravoslavie. Sbornik statei o tvorchestve N.V. Gogolia* [N.V. Gogol and Orthodoxy. A Collection of essays on N.V. Gogol's creative work of]. 2nd rev. and enl. ed., Moscow, 2016, pp. 289–344. (In Russ.)

Tikhonravov N.S. “Primechaniia redaktora i varianty” [Editor's notes and text versions]. *Sochinenia N.V. Gogolia* [N.V. Gogol. Collected Works]. 10th ed., ed. by N. Tikhonravov. Moscow, 1889. Vol. 1, pp. 669–677. (In Russ.)

Feofilakt Bolgarskii, blazhennyi. *Blagovestnik. Tolkovaniia na sviatyia Evangeliiia blazhennogo* [Feofilakta, arkhiep[iskova] Bolgarskogo] [The evangelist. Interpretations on the holy Gospels of the Blessed Theophylact, Archbishop of the Bulgarian]. St. Petersburg, [1910]. 768 p. (In Russ.)

Chernyshevskii N.G. *Polnoe sobranie sochineny*: in 15 vols. [Complete Works: 15 vols.]. Moscow, 1939. Vol. 1. 860 p. (In Russ.)

Shenrok V.I. “Gogol' kak khudozhnik” [Gogol as an Artist]. *Kievskaiia Starina* [Kiev's Olden Time], 1902, № 6, pp. 435–448. (In Russ.)

The Most Patriotic Book of Our Literature
Selected Passages from Correspondence with Friends
by Nikolay Gogol'
Igor' A. Vinogradov

Abstract: The article raises the question of bringing out and defining the “focus of meaning” — i.e. the writer’s purport in the process of creative work, in order to properly understand the text. One of the main practical conclusions that could be drawn out of the practice of patristic interpretation of the evangelical parables is that one should always follow the main idea neglecting the minor details which serve only as a basis of the plot, i.e. the embodiment of the topic. For the first time this principle is applied to a highly problematic work in the Russian literary history — Gogol’s famous *Selected Passages from Correspondence with Friends* (1847). The article specifies the significance of this book in Gogol’ legacy and outlines a panorama of Gogol’s heritage as a whole.

Keywords: Gogol, biography, creative work, public ideology, censorship, interpretation, hermeneutics, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, Doctor Hab. of Philology, Senior Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-427-438

УДК 821.161.1

Новое о Гоголе: источниковедческий обзор¹

В.А. Воропаев

Аннотация: В статье представлен обзор современного состояния науки о Гоголе с точки зрения введения в научный оборот новых источников и их истолкования. В последние годы в гоголеведении значительно обновилась источниковедческая база. Вышли в свет новые биографические труды. Издан систематический свод мемуаров и документальных свидетельств в трех томах. Выпущены в свет очередные тома нового академического издания (ИМЛИ РАН); издано Полное собрание сочинений и писем Гоголя в 17 томах, где впервые в полном объеме напечатана переписка Гоголя (включая ответы его адресатов) и помещена самая полная на сегодняшний день Летопись жизни и творчества писателя. Накопленный материал требует систематизации и обобщения. Многие не известные ранее факты биографии и творчества Гоголя нуждаются в научном осмыслении и интерпретации.

Ключевые слова: Гоголь, источниковедение, текстология, мемуаристика, эпистолярный, научная биография, интерпретация

Информация об авторе: Владимир Алексеевич Воропаев, д. ф. н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: voropaevvl@bk.ru

В последние годы (точкой отсчета может служить юбилейный 2009 г.) наука о Гоголе развивалась чрезвычайно интенсивно. Вышли в свет новые биографические труды Р. Джулиани², Ю.В. Манна³, В.А. Воропаева⁴, И.А. Виноградова⁵, выпущены научно-крити-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 17-04-00440. В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на научной конференции «Ломоносовские чтения–2017» на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (апрель 2017 г.). — См. также обзор: *Манн Ю.В.* Гоголь: академический, полный // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. С. 205–215.

² *Джулиани Р.* Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итал. А. Ямпольской. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

³ *Манн Ю.В.* Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2012; *он же.* Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835–1845. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2012; *он же.* Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2013.

⁴ *Воропаев В.А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014.

⁵ *Виноградов И.А.* Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015.

ческие издания «Тараса Бульбы»⁶, «Арабесок»⁷, «Миргорода»⁸, очередные тома нового академического издания (ИМЛИ РАН)⁹, изданы Полное собрание сочинений и писем Гоголя в 17 томах¹⁰ и систематический свод мемуаров и документальных свидетельств в 3 томах¹¹. Из перечисленных изданий рассмотрим последние два с точки зрения введения в научный оборот новых источников и их истолкования.

Полное собрание сочинений и писем Гоголя в 17 томах (15 книгах) приурочено к 200-летию со дня рождения писателя. Издание представляет собой совместный российско-украинский проект и вышло в свет по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира. Собрание включает в себя все художественные, литературно-критические, публицистические и духовно-нравственные произведения писателя (в том числе незавершенные), а также записные книжки, подготовительные материалы по истории, фольклору и этнографии, выписки из творений святых отцов и учителей Церкви, служебных Миней и проч. Впервые в полном объеме в собрание включена переписка Гоголя (с ответами адресатов). Большой массив текстов печатается по рукописям. Среди них «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», отдельные главы «Выбранных мест из переписки с друзьями», черновые наброски второго тома «Мертвых душ» и др. Впервые по автографам печатаются народные песни (русские и малороссийские), собранные Гоголем. Все тома снабжены сопроводительными статьями и комментариями.

⁶ Гоголь Н.В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

⁷ Гоголь Н.В. Арабески / Издание подгот. В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2009. — (Литературные памятники).

⁸ Гоголь Н.В. Миргород / Издание подгот. В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2013. — (Литературные памятники).

⁹ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / Подгот. текстов Л.В. Дерюгиной; коммент. С.Г. Бочарова, Л.В. Дерюгиной; отв. ред. тома С.Г. Бочаров. М.: Наука, 2009; Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 7. Кн. 1–2: Мертвые души: поэма / Подгот. текстов и коммент. Н.Л. Виноградской, П.Ю. Гуревича, Е.Е. Дмитриевой, И.А. Зайцевой, Ю.В. Манна, О.К. Супрунюк, А.С. Шолоховой; отв. ред. тома Ю.В. Манн. М.: Наука, 2012.

¹⁰ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010; 2013.

¹¹ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Издание открывают сочинения, которые Гоголь, пересмотрев все им прежде написанное и сопроводив предисловием, выпустил в 1842 г. в 4 томах (и намеревался переиздать в конце жизни в том же составе). Затем следует том напечатанной в 1842 г. отдельно первой части «Мертвых душ» и уцелевших глав второй части. Шестой том объединяет духовную прозу, литературно-критические и публицистические статьи, написанные Гоголем в 1840-е гг., а также несколько ранних статей из «Арабесок», предназначенных автором к переизданию. В седьмой том вошли «Юношеские опыты», первоначальные редакции, черновые наброски, журнальные рецензии. В восьмой том вошли классные сочинения Гоголя, лекции и наброски по истории и географии, заметки о русском быте. Среди новых материалов — лекции Гоголя по древней и новой истории (беловой автограф), которые он читал в Петербурге в Патриотическом институте и Императорском университете, — они значительно пополняют наше представление о взглядах писателя на мировую историю. Основу тома составили материалы, опубликованные в подготовленной И.А. Виноградовым книге «Неизданный Гоголь» (М.: Наследие, 2001).

Девятый том включает выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, пометы и записи на принадлежавшей Гоголю Библии, материалы к словарю русского языка, записные книжки и др.

В свое время Г.П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека) напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности его научных занятий. Выписки Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней заставляют пересмотреть многие традиционные представления о духовном облике писателя и открывают новое в его творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Тома с десятого по пятнадцатый содержат переписку Гоголя. Многие письма печатаются впервые по автографам. Датировка некоторых уточнена на основании биографических сведений, в том числе архивных материалов. В отдельных случаях текст заново сверен с автографами и первыми публикациями.

Шестнадцатый том составляет Летопись жизни и творчества Гоголя. На строго документальной основе с привлечением многочисленных архивных источников в хронологическом порядке представлены сведения о жизни и творческом пути великого писателя. В завершающий сборник семнадцатый том вошли народные песни (русские и малороссийские), собранные Гоголем, стихотворения

разных авторов, переписанные им в разное время, выписки из журнальных статей.

Вышедшее издание не является академическим (нет свода вариантов по разным редакциям), но творческое наследие писателя представлено в нем максимально полно. Учтены не только все редакции произведений Гоголя, но и расписки банкирам, домовладельцам (некоторые печатаются впервые по автографам), альбомные записи, дарственные надписи на книгах, многочисленные травники и ботанические записи, конспекты книг по географии и этнографии. В собрание включены переводы Гоголя, например, «Увещательные главы» диакона Агапита святому православному царю Юстиниану (печатаются по автографу и в русском переводе А.П. Лободанова). Это одно из самых известных произведений византийской литературы (VI век по Р.Х.), получившее широкое распространение в славянском мире и вошедшее в круг монашеского чтения. Гоголь перевел на итальянский язык первые двенадцать (из семидесяти двух) глав сочинения и, возможно, собирался опубликовать свой перевод в одном из итальянских изданий.

Из других не известных ранее произведений Гоголя можно назвать его письмо 1837 г. к П.А. Плетневу, редактору «Современника», где он выражает свои верноподданнические чувства к императору Николаю I, от которого получил материальную помощь. Это письмо предназначалось для публикации (так сказать, начало «Выбранных мест из переписки с друзьями») и даже прошло цензуру. Потом Гоголь по некоторым причинам отказался от публикации¹². Письмо печатается среди произведений Гоголя, а не в его частной переписке.

В собрании впервые опубликован гербарий Гоголя, подаренный им сестре Ольге Васильевне Гоголь-Головне и хранящийся ныне в Государственном историческом музее (цв. вклейка Т. 16, коммент. Т. 8). По свидетельству современников, Гоголь в конце жизни намеревался отправиться в путешествие по России, Востоку, Западной Европе, чтобы составить общедоступную ботанику, в которую хотел включить не только сравнительный словарь народных названий растений, но и легенды о цветах, собранные в России, на Востоке, в Италии, в Испании. Интерес Гоголя к ботанике, к растительному царству неразрывно связан с его творчеством. В этом, в частности, проявился энциклопедизм личности писателя. Занятия Гоголя ботаникой — не просто увлечение, но важная черта его религиозного мирозерцания. По слову святых отцов, природа — это икона Бога. Созерцая природу, человек созерцает и величие Создателя. Подобным образом мыслил и Гоголь.

¹² См.: *Виноградов И.А.* Неузнанное произведение Гоголя // *Духовная традиция в русской литературе: сб. научных статей / Науч. ред., сост. Г.В. Мосалева. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2013. С. 236–248.*

Теперь скажем несколько слов (подробный разговор еще впереди) об изданном И.А. Виноградовым трехтомном своде мемуаров и документальных свидетельств о Гоголе. Потребность в таком издании в литературоведении ощущалась давно. До последнего времени изучение многочисленных, разрозненных в различных публикациях и хранящихся в архивах мемуарных и эпистолярных материалов о Гоголе представляло сложную задачу даже для специалиста. Изданный труд, объемом более 250 а. л., призван решить эту проблему и является, по сути, энциклопедическим. От предшествующих публикаций он отличается рядом особенностей научно-критического характера.

Впервые в настоящем издании собраны все доступные материалы о Гоголе, как известные, так и публикуемые по архивным источникам (использованы фонды более полутора десятков архивохранилищ). Перед нами итоговое исследование, подводящее черту в более чем полуторавековом накоплении и изучении этих материалов. Представлены мемуарные, эпистолярные и дневниковые свидетельства в разных редакциях и вариантах. Часть документов расположена в виде систематических сводов, состоящих из нескольких разделов; так, в воспоминаниях о Гоголе его матери приводятся, помимо упоминаний в письмах, девять различных редакций мемуаров, из которых некоторые считались утраченными.

Тексты сверены с автографами и первыми публикациями, освобождены от редакторской правки, ошибок и искажений. Новые мемуарные свидетельства и документы расширяют наши представления об окружении Гоголя, позволяют решить ряд спорных вопросов его биографии. Например, уточнить место и день рождения Гоголя. Принято считать, что он родился во флигеле М.Я. Трахимовского, известного украинского врача-филантропа, принимавшего роды Марии Ивановны Гоголь-Яновской. На самом деле Гоголь родился в доме генеральши Екатерины Ивановны Дмитриевой¹³, которая и стала восприемницей (крестной матерью) новорожденного. Об этом свидетельствуют друг и земляк Гоголя М.А. Максимович и Софья Николаевна Данилевская (рожденная Быкова), внучатая племянница писателя.

Кроме того, есть все основания считать научно обоснованной дату рождения Гоголя 19 марта, а не 20-го, как ошибочно указано в метрической книге. На этот счет сохранились неопровержимые

¹³ Е.И. Дмитриева, бездетная вдова генерал-майора А. Дмитриева, героя русско-турецкой войны 1768–1774 гг., кавалера ордена св. Георгия 4-й степени, в 1800–1830 гг. проживала в Сорочинцах, где имела дом и крепостных; в ее доме воспитывалась сестра Гоголя Ольга Васильевна Гоголь-Головня, она учила девочку грамоте и рукоделию (см.: *Розсоха Л.* Миргородщина козацька і гоголівська. Київ: ТОВ ВБ «Аванпост-прим». 2009. С. 169). Пользуясь случаем, приношу благодарность П.В. Михеду, указавшему мне на этот источник.

свидетельства родных Гоголя (матери, сестер), близких друзей, его биографов. Да и сам Гоголь отмечал свой день рождения не 20, а 19 марта. Не секрет, что метрические записи в церковных книгах, давая верную дату крещения, часто ошибаются в дате рождения. Пример подобной ошибки находим и в отношении А.С. Пушкина. Известно, что поэт родился 26 мая. Между тем в церковной метрической книге рождение Пушкина датировано 27 мая. Если документ вступает в противоречие с другими фактами и не подтверждается иными свидетельствами, он не может считаться достоверным¹⁴.

В издании впервые открывается история создания биографической литературы о Гоголе, что дает возможность установить первоисточники тех или иных свидетельств, оценить степень их достоверности. Мемуары снабжены подробными историко-литературными и текстологическими комментариями. Именной указатель ко всем трем томам насчитывает около шести тысяч имен. Книга представляет собой уникальное явление в публикации мемуарной и эпистолярной литературы. Подобного рода изданий не имеет ни один другой из русских писателей-классиков.

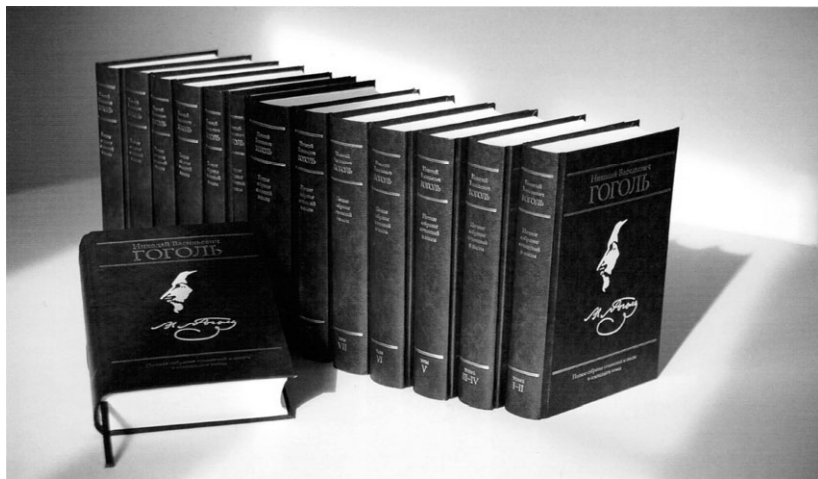
С выходом в свет этого сводного труда, а также изданием Полного собрания сочинений и писем Гоголя в 17 томах, изучение гоголевского наследия приобретает принципиально новый характер. Накопленный материал требует систематизации и обобщения. Многие не известные ранее факты биографии и творчества писателя нуждаются в научном осмыслении и интерпретации.

В заключение скажем по необходимости кратко о двух изданиях, подготовленных к печати и ожидающих выхода в свет в ближайшее время. Прежде всего это составленная И.А. Виноградовым *Летопись жизни и творчества Гоголя* в 7 томах (первые три тома увидят свет в нынешнем году)¹⁵.

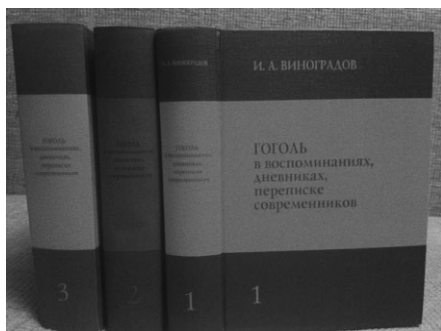
Богатая источниковедческая база позволила автору ввести в научный оборот не известные ранее факты биографии Гоголя, воссоздать его творческий и житейский путь в максимально возможной полноте. Создание хронологической канвы послужило основой для всестороннего осмысления творческой и духовной биографии писателя. В Летописи отмечены важнейшие события общероссийского и мирового масштаба (общественно-политической, церков-

¹⁴ См.: *Воропаев В.А.* Когда родился Гоголь // Контекст: Литературно-теоретические исследования — 2013. Ежегодник теории и истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 145–148.

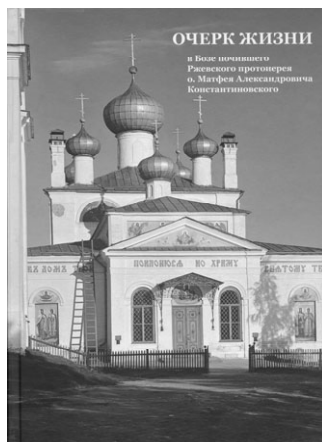
¹⁵ *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание. В 7 т. Т. 1. 1405–1808; 1809–1828. М.: ИМЛИ РАН, 2017; *он же.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 2. 1829–1836. М.: ИМЛИ РАН, 2017; *он же.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 3. 1837–1841. М.: ИМЛИ РАН, 2017.

Н.В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т.

И.А. Виноградов. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: В 3 т.

Протоиерей А. Расев. Очерк жизни [...] протоиерея о. Матфея

ной, культурной жизни), а также события локального значения, если они стали фактом биографии Гоголя и повлияли на его миро-созерцание. Документированы отклики на произведения писателя, в свою очередь оказавшие влияние на его творческую работу. Поскольку ряд вопросов научной биографии Гоголя являются дискуссионными, летописные сведения сопровождаются необходимыми комментариями, что в целом обуславливает аналитический характер Летописи. Помимо именного указателя, издание сопровождается географической канвой жизни и творчества Гоголя.

Другой труд источниковедческого характера, имеющий непосредственное отношение к Гоголю, — книга протоиерея Алексея Расева об отце Матфее Константиновском¹⁶.

Протоиерей Алексей Расев (1969–2016), клирик храма иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» города Твери, был человеком разносторонне одаренным. Выпускник Тверского художественного училища им. Венецианова, иконописец, чьи работы были представлены на персональных выставках живописи и графики в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Оснабрюке; издатель и журналист, редактор православного журнала; историк-архивист, много лет собиравший материалы по канонизации святых и новомучеников Русской Православной Церкви Тверской епархии, — вот далеко не полный список дарований и трудов отца Алексея. И все-таки главным делом его жизни (помимо пастырского служения) стала книга о протоиерее Матфее Константиновском. Уроженец бежецкой деревни Диево, где когда-то служил приснопамятный отец Матфей, он на протяжении двух десятков лет вел поиск и сбор материалов, архивных документов об этом выдающемся подвижнике христианского благочестия.

Имя ржевского протоиерея Матфея Константиновского известно сегодня в основном исследователям жизни и творчества Гоголя. Священник был духовным отцом великого русского писателя в последние годы его жизни и, по общему признанию, имел на него нравственное влияние. Промыслом Божиим судьбы этих людей оказались связанными. Современникам Гоголя это имя было хорошо знакомо. Отца Матфея знали и высоко почитали в Москве и Санкт-Петербурге, в провинции и за рубежом (на Афоне, в Греции, в Египте). Его называли Иоанном Кронштадтским Ржевского уезда. Недаром так много совпадений усматривают в жизни этих двух великих проповедников.

Подробное жизнеописание отца Матфея составил его зять, Николай Грешищев, на основании собственных воспоминаний о нем,

¹⁶ *Расев А.*, протоиерей. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915). Тверь, 2017.

рассказов родственников, духовных чад и других лиц, знавших его жизнь. Этот труд был издан трижды в разных редакциях — в 1860, 1890 и 1915 гг.; затем Евгений Поселянин переделал его для своей книги «Русские подвижники XIX века» (изд. 3-е. СПб., 1910), которая неоднократно переиздавалась и в наши дни. На сегодняшний день канонизированы, кажется, все упомянутые в труде Поселянина подвижники христианского благочестия — представители разных уголков России. Исключение составляют московский блаженный Иван Яковлевич Корейша и отец Матфей Ржевский.

В книге протоиерея Алексия Расева «Очерк жизни...» отца Матфея Константиновского представлен в одной сводной редакции. Собрано большое количество архивных документов. До сих пор были известны лишь несколько проповедей отца Матфея. В настоящем издании печатается более пятидесяти его проповедей и поучений. До революции было издано всего пятнадцать писем отца Матфея к разным лицам (в том числе одно письмо к Гоголю). Теперь к ним добавлено еще шестьдесят. Впервые публикуются по рукописи воспоминания (полный текст) духовного чада отца Матфея и его биографа Василия Малинина, а также многочисленные документы Тверской Духовной консистории. В книге представлен исчерпывающий свод материалов, посвященных отцу Матфею, включены и работы его недоброжелателей, например, Д.С. Мережковского и И.Л. Леонтьева (Щеглова). Весьма полезны для современного читателя комментарии и пояснения автора-составителя. Они очень уместны и многое разъясняют.

Отец Алексей работал над книгой до последних дней жизни, несмотря на многочисленные трудности и препятствия (как всегда и бывает в благом деле). Он был уверен, что пришло время для канонизации отца Матфея в лике местночтимых святых. В книге непредвзятый читатель найдет несомненные свидетельства святости отца Матфея и его громадного значения для Русской Церкви. Например, его заgrabное предстательство за землю Русскую в одном ряду с таким светильником Православия, как святитель Филарет, митрополит Московский, подтвержденное преподобным Амвросием Оптинским. В настоящее время в Тверской митрополии подготовлены документы для церковной канонизации протоиерея Матфея Константиновского.

Литература

Виноградов И.А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание. В 7 т. Т. 1. 1405–1808; 1809–1828. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 736 с. (в печати).

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 2. 1829–1836. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с. (в печати).

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 3. 1837–1841. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с. (в печати).

Виноградов И.А. Неузнанное произведение Гоголя // Духовная традиция в русской литературе: сб. научных статей / Науч. ред., сост. Г.В. Мосалевой. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2013. С. 236–248.

Воропаев В.А. Когда родился Гоголь // Контекст: Литературно-теоретические исследования–2013. Ежегодник теории и истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 145–148.

Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014. 336 с.

Гоголь Н.В. Арабески / Издание подгот. В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2009. 510 с. — (Литературные памятники).

Гоголь Н.В. Миргород / Издание подгот. В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2013. 569 с. — (Литературные памятники).

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / Подгот. текстов Л.В. Дерюгиной; коммент. С.Г. Бочарова, Л.В. Дерюгиной; отв. ред. тома С.Г. Бочаров. М.: Наука, 2009. 1016 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 7. Кн. 1–2: Мертвые души: поэма / Подгот. текстов и коммент. Н.Л. Виноградской, П.Ю. Гуревича, Е.Е. Дмитриевой, И.А. Зайцевой, Ю.В. Манна, О.К. Супрунюк, А.С. Шолоховой; отв. ред. тома Ю.В. Манн. М.: Наука, 2012. 805 + 887 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010; 2013.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 696 с.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. 904 + 1032 + 1168 с.

Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / Пер. с итал. А. Ямпольской. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 288 с.

Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2012. 504 с.

Манн Ю.В. Гоголь. Книга вторая. На вершине: 1835–1845. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2012. 552 с.

Манн Ю.В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852. [2-е изд., перераб. и доп.] М.: РГГУ, 2013. 497 с.

Неизданный Гоголь / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: Наследие, 2001. 660 с.

Расев А., протоиерей. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915). Тверь, 2017. 496 с.

Розсоха Л. Миргородщина козацька і гоголівська / Миргородська міська рада, Миргородський краєзнавчий музей. Київ: ТОВ ВБ «Аванпост-прим». 2009. 396 с. — (Серія «Миргородські джерела») (До 200-річчя від дня народження М.В. Гоголя).

References

Vinogradov I.A. *Gogol' v Nezhinskoj gimnazii vysshih nauk: Iz istorii obrazovaniya v Rossii* [Gogol in the Nezhin High School: From the history of education in Russia]. Moscow, IMLI RAN, 2015. 352 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnjaj letopis'ju (1405–1808). Nauchnoe izdanie* [Chronicle of life and work of N.V. Gogol (1809–1852). With a family tree chronicle (1405–1808). Scientific publication]. V 7 t. T. 1. 1405–1808; 1809–1828. Moscow, IMLI RAN, 2017. 736 p. (v pečati). (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya (1809–1852). Nauchnoe izdanie* [Chronicle of life and work of N.V. Gogol (1809–1852). Scientific publication]. V 7 t. T. 2. 1829–1836. Moscow, IMLI RAN, 2017. 672 p. (v pečati). (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya (1809–1852). Nauchnoe izdanie* [Chronicle of life and work of N.V. Gogol (1809–1852). Scientific publication]. V 7 t. T. 3. 1837–1841. Moscow, IMLI RAN, 2017. 672 p. (v pečati). (In Russ.)

Vinogradov I.A. Neuznanное произведение Gogolya [Unrecognized work by Gogol]. In: *Duhovnaya tradiciya v russkoj literature: sb. nauchnyh statej* [Spiritual Tradition in Russian Literature: Sat. scientific articles]. Nauch. red., sost. G.V. Mosalevoj. Izhevsk, Izd-vo "Udmurtskij un-t" Publ., 2013, pp. 236–248. (In Russ.)

Voropaev V.A. Kogda rodilsya Gogol' [When Gogol was born]. In: *Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya — 2013. Ezhegodnik teorii i istorii literatury* [Context: Literary and Theoretical Studies — 2013. Yearbook of Theory and History of Literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013, pp. 145–148. (In Russ.)

Voropaev V.A. *Nikolaj Gogol': Opyt duhovnoj biografii* [Nikolay Gogol: Experience of spiritual biography]. 2-e izd., ispr., dop. Moscow, Palommik Publ., 2014. 336 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Arabeski* [Arabesque]. Izdanie podgot. V.D. Denisov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 510 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Mirgorod* [Mirgorod]. Izdanie podgot. V.D. Denisov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 569 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 23 t. T. 3: Arabeski. Raznye sochineniya N. Gogolya* [Complete Works and Letters: In 23 vols. Vol. 3: Arabesque. Various works by N. Gogol]. Podgot. tekstov L.V. Deryuginoj; komment. S.G. Bocharova, L.V. Deryuginoj; otv. red. toma S.G. Bocharov. Moscow, Nauka Publ., 2009. 1016 p.

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 23 t. T. 7. Kn. 1–2: Mertvyje dushi: poehma* [Complete Works and Letters: In 23 vols. Vol. 7. Book. 1–2: Dead Souls: A Poem]. Podgot. tekstov i komment. N.L. Vinogradskoj, P.Yu. Gurevicha, E.E. Dmitrievoj, I.A. Zajcevoj, YU.V. Manna, O.K. Supronjuk, A.S. Sholohovoj; otv. red. toma Yu.V. Mann. Moscow, Nauka Publ., 2012. 805 + 887 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 vols]. Sost., podgot. tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. Moscow; Kiev, Izd-vo Moskovskoj Patriarii Publ., 2009–2010; 2013. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniya. Istoriko-literaturnyj i tekstologičeskij kommentarij* [Taras Bulba. Autographs, lifetime editions. Historical, literary and textual commentary]. Izdanie podgot. I.A. Vinogradov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. 696 p. (In Russ.)

Gogol' v vospominaniyah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. *Polnyj sistematičeskij svod dokumental'nyh svidel'stv. Nauchno-kritičeskoe izdanie: V 3 t.* [Gogol in his memoirs, diaries, correspondence of his contemporaries. Full systematic collection of documentary evidence. Scientific-critical edition: In 3 vols]. Izdanie podgot. I.A. Vinogradov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011–2013. 904 + 1032 + 1168 p. (In Russ.)

Dzhuliani R. *Rim v zhizni i tvorchestve Gogolya, ili Poteryannyj raj: Materialy i issledovaniya* [Rome in the life and work of Gogol, or Paradise Lost: Materials and Research]. Per. s ital. A. Yampol'skoj. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 288 p. (In Russ.)

Mann Yu.V. *Gogol'. Kniga pervaya. Nachalo: 1809–1835* [Gogol. The first book. Beginning: 1809–1835]. [2-e izd., pererab. i dop.] Moscow, RGGU Publ., 2012. 504 p.

Mann Yu.V. *Gogol'. Kniga vtoraya. Na vershine: 1835–1845* [Gogol. The second book. At the top: 1835–1845]. [2-e izd., pererab. i dop.] Moscow, RGGU Publ., 2012. 552 p.

Mann Yu.V. *Gogol'. Kniga tret'ya. Zavershenie puti: 1845–1852* [Gogol. Book Three. Completion: 1845–1852]. [2-e izd., pererab. i dop.] Moscow, RGGU Publ., 2013. 497 p. (In Russ.)

Neizdannyi Gogol, ed. I.A. Vinogradov. Moscow, Nasledie publ., 2001. 660 p.

Rasev A., protoierej. *Oчерк zhizni v Boze pochivshogo Rzhevskogo protoiereya o. Matfeya Aleksandrovicha Konstantinovskogo: Svodnaya redakciya (1860–1890–1915)* [An outline of the life in Boz of the deceased Rzhevsky archpriest Fr. Matthew Aleksandrovich Konstantinovskiy: Consolidated edition (1860–1890–1915)]. Tver', 2017. 495 p. (In Russ.)

Rozsoha L. *Mirgorodshchina kozac'ka i gogolivs'ka / Mirgorods'ka mis'ka rada, Mirgorods'kij kraeznavchij muzej*. Kiïv, TOV VB “Avanpost-prim”, 2009. 396 p. (Seriya “Mirgorods'ki dzhherela”) (Do 200-richchya vid dnya narodzhennya M.V. Gogolya). 396 p.

New about Gogol: a source study

V.A. Voropaev

Abstract: The article reviews the contemporary state of Gogol studies from the standpoint putting latest sources into use and their interpretation. In recent years, the source base in Gogol studies has been considerably renewed. The new biographical works has appeared. The three-volume systematic collection of memoirs and documents has got into print. The next volumes of the new academic edition of Gogol (by the Institute of World Literature of RAS) and the Complete works and letters in 17 volumes have been published. The latter for the first time presents Gogol's complete correspondence (including his addressees' answers) and provides the most comprehensive and up-to-date Chronicle of Gogol's life and works. The accumulated facts need systemizing and generalization. Many formerly unknown facts of Gogol's life and works are to be scholarly researched and interpreted.

Keywords: Gogol, source study, textual criticism, memoir study, correspondence, scholar biography, interpretation

Information about the author: Vladimir Alekseevich Voropaev, Doctor of Science (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of History of Russian literature, Moscow, Russia. E-mail: voropaevvl@bk.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2017 № 5

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
E-mail: litfact@gmail.com
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка А.В. Лавочкина

Подписано в печать 28.11.2017
Формат 60×90 ¹/₁₆
Усл.-печ. л. 27,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №